СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

по об. не выдается

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ пятый.

Теорія Дарвина и общественная наука.

Борьба за индивидуальность.

Вольница и подвижники.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина и К°, у Обуховскаго моста, д. № 93.
1883.

2 ш к
N

3360
25

ТЕОРІЯ ДАРВИНА И ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА.

I. Теорія Дарвина и соціологическіе выводы изъ нея Густава Іегера *).

Всѣ дарвинисты принуждены болѣе или менѣе долго и внимательно останавливаться надъ понятіемъ раздѣленія труда и приводить его въ связь съ теоріей Дарвина. Опредѣленіе этой связи становится въ особенности необходимымъ при изученіи жизни и формъ нѣкоторыхъ низшихъ организмовъ, живущихъ колоніями. Естественное дѣло, что принципъ раздѣленія труда, доселѣ большинствомъ мыслящихъ людей признаваемый за единственное организующее начало общественной жизни, получаетъ особенно глубокій интересъ при освѣщеніи его такимъ широкимъ и свѣтлымъ воззрѣніемъ, какова теорія Дарвина. Поэтому мы имѣли сначала въ виду сдѣлать сводъ наиболѣе замѣчательныхъ современныхъ изслѣдованій спеціально по этому предмету. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи такое строгое опредѣленіе границъ нашего труда оказалось крайне неудобнымъ, если не просто невозможнымъ. Въ настоящее время одинъ изъ самыхъ блестящихъ и послѣдовательныхъ дарвинистовъ есть іенскій профессоръ Эрнстъ Гэккель, о которомъ можно безъ преувеличенія сказать, что онъ plus darwiniste que Darwin, и естественно, что воззрѣнія его по этому самому имѣютъ для насъ

*) Январь 70 г.

первенствующее значеніе. Но Гэккель вводитъ въ науку, не говоря уже о совершенно новой терминологіи, такъ много своеобразныхъ взглядовъ и взгляды эти у насъ такъ мало извѣстны, что весьма трудно говорить о какомъ нибудь его частномъ взглядѣ, не касаясь всей цѣпи его положеній. И это не единственная причина, почему мы рѣшились нѣсколько раздвинуть границы нашей статьи, быть можетъ въ ущербъ ихъ опредѣленности. Расширеніе это находитъ себѣ оправданіе уже и въ томъ важномъ значеніи, которое мы, какъ извѣстно читателю, придаемъ принципу раздѣленія труда. Подъ общимъ заглавіемъ «Теорія Дарвина и общественная наука» мы будемъ говорить о различныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ, рѣшаемыхъ и перерѣшаемыхъ теоріей Дарвина и тѣмъ или другимъ изъ ея со дня на день прибывающихъ сторонниковъ. Основная наша задача состоитъ все-таки въ опредѣленіи, съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи, взаимнаго отношенія между физіологическимъ раздѣленіемъ труда, то-есть раздѣленіемъ труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго, и раздѣленіемъ труда экономическимъ, то-есть раздѣленіемъ труда между цѣлыми недѣлимыми, въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія задача эта сводится къ изысканію основныхъ законовъ кооперації, то-есть фундамента общественной науки. Поэтому мы постараемся представить въ настоящей статьѣ возможно бо́льшій рядъ соціологическихъ выводовъ изъ теоріи Дарвина и дать имъ посильную критическую оцѣнку. При этомъ намъ можетъ быть не разъ придется, по чисто внѣшнимъ причинамъ, въ родѣ тѣхъ, какія мы привели относительно Гэккеля, нѣсколько удаляться отъ своей главной темы, не выбиваясь однако изъ предѣловъ теоріи Дарвина и ея позднѣйшихъ представителей. Вѣруя и исповѣдуя, что судьба соціологіи существеннымъ образомъ опредѣляется ея связью съ біологіей, мы думаемъ, что попытки приложенія такого широкаго біологическаго обобщенія, какъ теорія Дарвина, къ вопросамъ общественной жизни заслуживаютъ полнаго вниманія. Удачны эти попытки или неудачны — это другой вопросъ. Нѣмецкій пере-

водчикъ книги Дарвина, Бронн, самъ замѣчательный ученый, спрашиваетъ въ концѣ своего перевода: «какъ ты себя чувствуешь, читатель? Ты обдумываешь, чего эта книга не затронула изъ твоихъ прежнихъ воззрѣній на важнѣйшія явленія природы? что уцѣлѣло изъ твоихъ, доселѣ непоколебимыхъ убѣжденій?»—Изъ числа этихъ «прежнихъ воззрѣній» и «доселѣ непоколебимыхъ убѣжденій» мудрено вычеркнуть задачи соціологіи.

Іегеръ извѣстенъ русской публикѣ по «Микроскопическому міру» и, кажется, «Зоологическимъ письмамъ» (Zoologische Briefen. Wien, 1864). О Зоологическихъ письмахъ мы еще будемъ имѣть случай говорить, а теперь остановимся надъ небольшой книжкой того же автора, вышедшей въ прошломъ году: «Теорія Дарвина и ея отношеніе къ морали и религіи» (Die Darwin'sche Theorie und ihre Stellung zu Moral und Religion, von Dr. G. Jäger, Stuttgart, 1869). Это рядъ публичныхъ чтеній, изъ которыхъ большая часть посвящена популярному изложенію теоріи Дарвина; ихъ мы не будемъ касаться, для насъ интересны только двѣ послѣднія главы. Имѣющіеся здѣсь выводы и положенія составляютъ, какъ говоритъ въ предисловіи авторъ, извлеченіе изъ его болѣе обширной и еще неоконченной работы по предмету религіи. Іегеръ желаетъ разъяснить два пункта, на которые многіе напираютъ, чтобы уронить въ общественномъ мнѣніи теорію Дарвина, именно: происхожденіе человѣка отъ обезьяны и якобы ниспроверженіе этою теоріею основъ нравственности и общественности.

Первый пунктъ занимаетъ его недолго. Онъ рѣшаетъ его такимъ образомъ: еслибы какой нибудь историкъ все свое знаніе убилъ на то, чтобы доказывать, что древніе германцы были варвары, лѣнтяи и пьяницы и что нѣмцы и теперь ни на волосъ не лучше, то конечно такой историкъ заслуживалъ бы упрека. Но если онъ, изслѣдуя тѣ способы и пути, которыми кочевые дикари поднялись постепенно на высоту современной культуры, употребляетъ свои изслѣдованія на то, чтобы освѣтить средства и пути дальнѣйшаго прогресса, то онъ заслужи-

ваетъ не упрека, а благодарности. Точно также, еслибы дарвинистъ вздумалъ только ругать людей потомками обезьянъ, то онъ былъ бы не правъ и не уменъ. Но за что же его бранить, если онъ, изучая условія, выдвинувшія человѣка изъ животной среды на высоту человѣческаго достоинства и человѣческой разумности, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ образомъ должны быть комбинированы условія жизни, чтобы и общество и его члены въ отдѣльности возможно скоро достигли возможной для человѣка высоты развитія?

Разсужденіе это совершенно логично. Дарвинисты, разумѣется, не мальчишки, чтобы «ругаться» обезьянами. Но должно съ сожалѣніемъ сказать, что весьма немногіе изъ послѣдователей теоріи Дарвина указываютъ, какимъ образомъ должны быть комбинированы условія жизни, чтобы люди возможно скоро могли достичь возможно высокой ступени развитія, тогда какъ теорія Дарвина представляетъ обильный источникъ для подобныхъ указаній. Этого рода вопросы какъ бы не существуютъ для большинства біологовъ. Мало того. Рѣшая ихъ только вскользь и мимоходомъ, недостаточно вдумываясь въ ихъ смыслъ и значеніе, біологи (а въ томъ числѣ и большинство дарвинистовъ) не разъясняютъ дѣло, а только запутываютъ его. Такое забвеніе человѣка среди ликованій знанія, среди роскошнаго пира науки, получившей въ лицѣ теоріи Дарвина новыя широкія и свѣтлыя перспективы, если не извиняется, то объясняется прошедшимъ ученаго сословія. Вотъ какъ жалуется Гэккель на современное состояніе науки: «Необыкновенное усиленіе за послѣднее время раздѣленія труда до такой степени децентрализировало всѣ области біологической науки, что зоологовъ и ботаниковъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, у насъ весьма мало; вмѣсто ихъ мы имѣемъ съ одной стороны мастозоологовъ, орнитологовъ, малакозоологовъ, энтомологовъ, мицетологовъ, фикологовъ и пр., а съ другой—гистологовъ, органологовъ, эмбріологовъ, палеонтологовъ и проч.» (Generelle Morphologie, Vorwort XX). «Вслѣдствіе всеобщаго пренебреженія къ неизбѣжнымъ философскимъ основаніямъ, въ зоологіи и ботаникѣ господ-

ствуетъ такая темнота и такое вавилонское смѣшеніе языковъ, что нелегко условиться въ значеніи самыхъ общихъ и основныхъ понятій. Въ анатоміи и эмбріологіи накоплено множество совершенно лишняго и нѣтъ существенно важнаго» (XXIII). «Большинство естествоиспытателей, занимающихся органическими формами, довольствуются голымъ знаніемъ этихъ формъ; они видятъ ряды безконечно разнообразныхъ формъ, знаютъ внутреннія и внѣшнія морфологическія отношенія животныхъ и растительныхъ организмовъ, восторгаются ихъ красотою, радуются ихъ разнообразію и изумляются ихъ цѣлесообразности; они описываютъ и различаютъ всѣ отдѣльныя формы, надѣляютъ каждую изъ нихъ особымъ именемъ и видятъ въ ихъ систематическомъ расположеніи свою высшую цѣль..... Мы слышимъ, правда, пышныя фразы объ исполинскихъ успѣхахъ біологіи и особенно морфологіи; мы знаемъ, съ какимъ самоуслажденіемъ ученые любуются ежегоднымъ количественнымъ приращеніемъ нашихъ зоологическихъ и ботаническихъ знаній..... Мы должны открыто заявить, что видимъ въ этомъ исключительно количественномъ приращеніи больше балласту, чѣмъ дѣйствительной пользы. Куча камней не превратится въ зданіе, если вы будете ежегодно увеличивать ее. Напротивъ, тѣмъ труднѣе ориентироваться въ ней, и возведеніе зданія поневолѣ откладывается въ долгій ящикъ» (3 — 5). Далѣе, Гэккель указываетъ на Сциллу и Харибду эксцентрической мысли: метафизическіе туманы съ одной стороны и безконечную спеціализацію съ другой. «Чисто-эмпирическіе естествоиспытатели—говоритъ онъ—думающіе обогатить науку голымъ открытіемъ новыхъ фактовъ, вносятъ въ нее не болѣе, чѣмъ спекулятивные философы, полагающіе возможнымъ обойти факты и построить природу изъ собственной чистой мысли. Одни—фантазеры-мечтатели, другіе, въ лучшемъ случаѣ, — простые копировщики природы (Copirmaschinen der Natur). Въ сущности дѣло получаетъ такой видъ, что чистые эмпирики довольствуются неполною и неясною, имъ самимъ невѣдомою философіей, а чистые философы — столь же неудовлетворительною эмпиріей... Чистый эмпирикъ наваливаетъ безпо-

рядочную груду камней; съ другой стороны, чистый философъ строитъ воздушные замки, не выдерживающіе малѣйшаго дуновенія эмпиріи. Одинъ довольствуется сырымъ матеріаломъ, другой — планомъ зданія» (73). Это говоритъ не диллетантъ, а, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ ученыхъ, котораго, кажется, Бюхнеръ даже приравниваетъ Копернику, на томъ основаніи, что одинъ столь же сильно расшаталъ антропоцентрическую біологію, какъ другой геоцентрическую астрономію. (Самъ Гэккель проводитъ гораздо болѣе удачную параллель между развитіемъ астрономіи и біологіи, именно онъ признаетъ Коперникомъ біологіи Ламарка, а ея Ньютономъ — Дарвина). И, однако, этотъ же замѣчательный ученый, на себѣ испытавшій выгоды и невыгоды раздѣленія труда въ области мысли, и такъ сильно возстающій противъ него, тотъ же замѣчательный ученый находитъ возможнымъ говорить, напримѣръ, слѣдующее: «Одинъ изъ наиболѣе общихъ сравнительно анатомическихъ законовъ есть великій законъ раздѣленія труда или обособленія (полиморфизмъ или дифференцированіе) — законъ, представляющій, какъ *въ человѣческомъ обществѣ*, такъ и въ организаціи отдѣльныхъ животныхъ и растительныхъ недѣлимыхъ, важнѣйшее творческое начало, начало, которымъ обусловливается и увеличивающееся разнообразіе, и дальнѣйшее развитіе органическихъ формъ» (Natürliche Schöpfungsgeschichte, 22). Будемъ надѣяться, что подобныя противорѣчія будутъ встрѣчаться все рѣже и рѣже. Будемъ надѣяться, что не только люди, интересующіеся вопросами общественной жизни, сознаютъ важное для нихъ значеніе низшихъ наукъ и преимущественно біологіи; но что и господа біологи, покончивъ съ послѣдними результатами раздѣленія труда въ области своей спеціальной науки, покончивъ эти, такъ-сказать, свои домашнія дѣла, направятъ свои знанія къ построенію вѣнца наукъ—науки общественной. Будемъ надѣяться, что, какъ говоритъ Вольтеръ, la raison finira par avoir raison, и что мостъ отъ науки къ жизни будетъ наконецъ перекинутъ.

А пока возьмемъ то, что есть, возьмемъ Густава Іегера. Но

прежде вернемся на минуту къ обезьянамъ. Іегеръ говоритъ: «По ученію Дарвина, человѣкъ происходитъ отъ обезьяны» (97). Надо замѣтить, что самъ Дарвинъ ни единымъ словомъ не касается этого вопроса; приведенный Іегеромъ выводъ дѣлается другими, и дѣлается часто и многими совершенно неосновательно. «Нѣкоторые soi disant послѣдователи Дарвина — говоритъ іенскій профессоръ Галліеръ (Darwin's Lehre und die Specification. Hamburg. 1865 г., S. 20)—совсѣмъ безсмысленно производятъ человѣка отъ обезьяны и даже отъ какого либо изъ нынѣ существующихъ видовъ обезьянъ; можно только сказать, что человѣкъ и обезьяна имѣютъ общаго предка, весьма отличнаго отъ нихъ обоихъ, и изъ котораго они развились, какъ двѣ различныя вѣтви родословнаго дерева рядомъ безчисленныхъ промежуточныхъ ступеней». Единовременное существованіе двухъ данныхъ организмовъ показываетъ только, что они развивались рядомъ, а отнюдь не то, что одинъ изъ нихъ развивался изъ другаго. Они могутъ имѣть общаго предка, и тѣмъ не менѣе быть совершенно отличными другъ отъ друга. Галліеръ высказываетъ далѣе мнѣніе, что люди, видящіе въ теоріи Дарвина только теорію непосредственнаго перехода одной формы въ другую, «никогда книги Дарвина не читали».

Переходя къ вопросу объ отношеніи теоріи Дарвина къ религіи и нравственности, Іегеръ говоритъ, что вопросъ этотъ сводится къ двумъ: 1) къ вопросу объ отношеніи человѣка къ природѣ, и 2) объ отношеніи человѣка къ человѣку.

Что касается до перваго пункта, то каждый видъ вступаетъ въ борьбу за существованіе съ единственною цѣлью самосохраненія и самозащиты. Онъ только тогда достигаетъ возможно высокой ступени развитія и надолго удерживаетъ за собою мѣсто въ природѣ, когда доводитъ до возможной степени напряженности свое враждебное отношеніе къ остальнымъ дѣятелямъ природы. Верховный законъ жизни каждаго даннаго вида есть самосохраненіе и самозащита, и слѣдовательно практически существуетъ только одна точка зрѣнія для опредѣленія отношеній каждаго вида къ окружающей природѣ, и именно точка

зрѣнія «эгоцентрическая», то-есть такая, съ которой каждый видъ признаетъ себя средоточіемъ всего хозяйства природы и повинуется только одному завѣту: плодитесь и множитесь, населяйте землю и покоряйте ее. Тому же верховному закону самосохраненія повинуется и человѣкъ, и слѣдовательно практическое отношеніе его къ природѣ опредѣляется «антропоцентрическою» точкою зрѣнія, то-есть такою, которая выдѣляетъ человѣка изо всей природы, противопоставляетъ его ей. Съ образованіемъ новаго вида, ему, самосохраненія ради, приходится выдерживать сильнѣйшую борьбу съ своими ближайшими родичами, съ тѣми именно, съ которыми онъ, по сходству образа жизни, можетъ конкуррировать. Для одержанія въ этой борьбѣ побѣды, онъ долженъ не только стремиться къ уничтоженію своихъ конкуррентовъ, но и стараться усилить тѣ физическія и духовныя особенности, которыми обусловливается побѣда. Это естественно ведетъ къ углубленію пропасти, отдѣляющей данный видъ отъ ближайшихъ къ нему представителей жизни, чѣмъ постепенно устраняется возможность пониженія уровня развитія, движенія регрессивнаго. Въ приложеніи къ человѣку, этотъ Дарвиномъ открытый законъ гласитъ такъ: становись по возможности въ противоположность съ животнымъ міромъ, и преимущественно съ тѣми его формами, которыя наиболѣе къ тебѣ близки; приводи ихъ каждому своему ближнему, какъ страшный примѣръ, какъ нѣчто такое, отъ чего для него обязательно удаляться; развивай тѣ свои физическія и нравственныя особенности, которыми ты отличаешься отъ звѣрей; совершенствуйся постоянно, противополагай себя по возможности остальной природѣ. Словомъ, опять-таки плодитесь и множитесь, населяйте землю и покоряйте ее. Дарвинисты не только признаютъ этотъ библейскій завѣтъ формулою высшаго для органической жизни закона, но съ почтеніемъ преклоняются передъ самою формулою: лучше и выразительнѣе практическія требованія теоріи Дарвина и не могутъ быть формулированы. Только очень глупые и очень недобросовѣстные люди могутъ утверждать, что ученіе Дарвина низводитъ человѣка до звѣринаго

образа и стремится практически стереть пограничную черту, проведенную исторіей развитія человѣка между нимъ и низшими формами жизни. Совершенно наоборотъ: Дарвинъ открылъ законъ, побуждающій человѣка къ постоянному усовершенствованію и къ постепенному удаленію отъ чисто-животной жизни. И такъ-какъ ни одинъ дарвинистъ не пожелаетъ отказаться отъ своихъ человѣческихъ правъ, то онъ и принимаетъ законъ, который, собственно говоря, есть не что иное, какъ формула самыхъ этихъ правъ.

Таковы, по Іегеру, отношенія человѣка къ природѣ. «Что касается до отношеній человѣка къ человѣку—разсуждаетъ далѣе Іегеръ—то дарвинству предстоитъ здѣсь рѣшить два вопроса: Вопервыхъ, что выгоднѣе съ точки зрѣнія самосохраненія: жизнь въ одиночку, или жизнь общественная? И, вовторыхъ, какая изъ формъ общественной жизни, съ той же точки зрѣнія, предпочтительнѣе?

Относительно преимуществъ жизни обществомъ дѣло ясно и не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Каждый охотникъ знаетъ, какъ трудно приступиться къ животнымъ общественнымъ, такъ-какъ здѣсь сотни глазъ устремлены во всѣ стороны. Каждый сельскій хозяинъ знаетъ, какъ безпомощенъ человѣкъ передъ такими врагами, которые, какъ напримѣръ саранча, набѣгаютъ цѣлыми стаями. Образованіе обществъ было всегда лучшимъ средствомъ и нападенія, и защиты. Корень общества есть семья. Животныя, живущія семьями, отличаются отъ несемейныхъ, во-первыхъ, болѣе высокимъ развитіемъ средствъ передачи впечатлѣній, болѣе развитымъ языкомъ жестовъ и звуковъ, и, во-вторыхъ, болѣе высокимъ умственнымъ развитіемъ. Забота о подрастающемъ поколѣніи вызываетъ массу изумительныхъ хитростей, уловокъ, наклонностей, совершенно ненужныхъ для животныхъ одинокихъ. Подростающее поколѣніе получаетъ, кромѣ своихъ личныхъ опытовъ, еще всю сумму родительскихъ опытовъ педагогическимъ путемъ. И такимъ образомъ къ борьбѣ за существованіе животныя семейныя оказываются гораздо болѣе подготовленными и изощренными, чѣмъ

животныя, такъ-сказать, холостыя. А слѣдовательно теорія Дарвина санкціонируетъ семью.

Если молодыя особи, по окончаніи воспитанія, не удаляются отъ родительской пары, семья разростается въ общество. Общество можетъ быть двухъ родовъ, и различеніе ихъ чрезвычайно важно, такъ-какъ одинъ видъ общественной жизни, который Іегеръ называетъ органическимъ, способствуетъ, по его мнѣнію, возвышенію умственнаго развитія, этого важнѣйшаго орудія человѣка въ борьбѣ за существованіе, а другой, который онъ называетъ коммунистическимъ, этимъ свойствомъ не обладаетъ. Во избѣжаніе неточности, мы приведемъ его очеркъ «коммунистическаго» общества прямо въ переводѣ:

«Въ коммунистической формѣ выступаютъ только тѣ выгоды общежитія, которыя обусловливаются количествомъ членовъ и сосредоточеніемъ многихъ силъ по направленію къ одной общей цѣли: защиты или нападенія. Однако самое это обстоятельство снимаетъ съ отдѣльныхъ членовъ общества часть труда, который имъ пришлось бы затратить для самозащиты, *неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего является пониженіе нѣкоторыхъ способностей и упадокъ энергіи чувства самосохраненія* (курсивъ въ подлинникѣ). Я приведу только одинъ примѣръ, именно судьбу чувства зрѣнія. Тамъ, гдѣ сотни глазъ единовременно направлены во всѣ стороны, каждой отдѣльной особи нѣтъ никакой надобности сосредоточивать свое вниманіе на приближеніи врага: стадо можетъ предоставлять это дѣло случаю, какъ это и бываетъ въ дѣйствительности, хотя конечно иногда и ставятся особые сторожа. И результатомъ такого недостатка изощренія бываетъ извѣстное отупѣніе, ослабленіе умственныхъ силъ. Я не могу удержаться, чтобы не осудить здѣсь, съ точки зрѣнія сравнительной зоологіи, нынѣ вновь поднимающіяся коммунистическія идеи. Кто желаетъ низвести людей до коммунистической формы общежитія, то-есть низвести до положенія стада барановъ, тотъ желаетъ довести и отдѣльныхъ членовъ общества до характера организаціи барановъ. При этомъ нужно имѣть въ виду нетолько ослабляющее вліяніе неупотребленія органовъ защиты, но и об-

стоятельства, о которыхъ мы упоминали выше, говоря о воспитаніи дѣтенышей. Въ вопросѣ о коммунизмѣ собственность играетъ такую же роль, какъ въ жизни животныхъ дѣтеныши, для защиты которыхъ они должны развивать и совершенствовать всѣ свои физическія и духовныя силы. Здѣсь можно провести еще одну зоологическую параллель. Изъ млекопитающихъ наиболѣе тупы, наименѣе развиты тѣ, которыя таскаютъ своихъ дѣтенышей при себѣ, въ сумкахъ, и довольствуются самыми нехитрыми заботами объ нихъ. Они во всѣхъ отношеніяхъ ниже тѣхъ, которымъ приходится испытывать, при кормленіи и воспитаніи молодаго поколѣнія, болѣе сложныя затрудненія. Такимъ образомъ, если отнять у людей заботу о собственности, они, въ сравненіи съ тѣми, кто на такую глупость не согласится, немедленно спустятся до той ступени, на которой въ ряду млекопитающихъ стоятъ сумчатыя» (194).

Коммунистической формѣ общежитія противополагается органическая. Творческимъ началомъ въ этой послѣдней является „единственный естественнный, то-есть во всѣхъ животныхъ и растительныхъ организмахъ дѣйствующій, принципъ раздѣленія труда“. Преимущества этого вида кооперації многочисленны. Мы опять приведемъ собственныя слова Іегера: „Какъ я уже сказалъ въ первомъ чтеніи, организація животнаго или растительнаго недѣлимаго основывается на томъ, что извѣстныя группы клѣточекъ соединяются для образованія орудій въ борьбѣ за существованіе всей совокупности клѣточекъ; однѣ берутъ на себя трудъ питанія, другія—воспріятія впечатлѣній, третьи—передвиженія и т. д. Очевидно, что чѣмъ больше число этихъ орудій, чѣмъ богаче арсеналъ, предназначенный для нападенія и защиты, тѣмъ организмъ способнѣе къ одержанію побѣды. Что справедливо для организма, который мы называемъ животнымъ или растительнымъ недѣлимымъ, то справедливо и для общественной совокупности отдѣльныхъ животныхъ“ (105). Какъ примѣръ этого особенно благопріятнаго положенія общества, построеннаго на принципѣ раздѣленія труда, Іегеръ приводитъ государство муравьевъ. Кромѣ этого умноженія орудій, необхо-

димыхъ въ борьбѣ за существованіе, раздѣленіе труда представляетъ и другія преимущества. Только оно можетъ дать удовлетвореніе индивидуальнымъ особенностямъ, тогда какъ въ обществѣ, построенномъ на противоположномъ началѣ, можетъ оказаться пригоднымъ только одинъ какой-нибудь видъ индивидуальныхъ особенностей; всѣ остальныя должны погибнуть. Поэтому населеніе общества по типу раздѣльнаго труда можетъ возрастать гораздо скорѣе, а слѣдовательно окажется въ борьбѣ за существованіе сильнѣе.

Но—продолжаетъ свой обзоръ Іегеръ—раздѣленіе труда выгодно нетолько для цѣлаго общества, а и для каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности. Чѣмъ уже и спеціальнѣе область труда, избранная человѣкомъ, тѣмъ легче онъ можетъ въ ней освоиться и тѣмъ сильнѣе разовьетъ соотвѣтствующую способность Правда—замѣчаетъ авторъ—„an und für sich“ такая односторонность развитія можетъ повлечь за собою нѣкоторые неблагопріятные результаты, и именно парализовать въ извѣстной степени независимость. Но это не бѣда, потому что такимъ образомъ прочнѣе устанавливаются общественныя связи, ибо человѣкъ не можетъ удалиться изъ общества. Притомъ же принципъ раздѣленія труда имѣетъ тенденцію открывать, рядомъ съ переполненными уже и занятыми сферами труда, все новыя и новыя его области. Такимъ образомъ, чѣмъ общество богаче разнообразіемъ, чѣмъ оно болѣе расчленено, тѣмъ богаче для каждаго его члена выборъ занятій. Онъ можетъ свободно выбрать тотъ именно родъ занятій, который наиболѣе соотвѣтствуетъ личнымъ его особенностямъ, и вотъ новое благодѣяніе раздѣленія труда—свобода. Далѣе, каждый членъ общества по типу раздѣльнаго труда избавленъ отъ необходимости нести на себѣ другія отрасли труда, ибо при раздѣленіи труда каждый работаетъ нетолько для себя, а и для другихъ. Каждый можетъ на извѣстное время отдохнуть отъ борьбы за существованіе, слѣдствіемъ чего является искусство, поэзія и другія тонкія наслажденія жизнью.

Іегеръ резюмируетъ свои выводы такъ: „По воззрѣніямъ дар-

винистовъ, высшій законъ и основное условіе общественной жизни есть любовь къ ближнему, и внутри общества не должно быть иной борьбы за существованіе, кромѣ той, которая ведетъ къ раздѣленію труда. Дарвиновскій терминъ „борьба за существованіе“ не есть призывъ къ возстановленію кулачнаго права. Борьба за существованіе неограниченна по отношенію къ остальной природѣ, и здѣсь кулачное право на своемъ мѣстѣ; но борьба между человѣкомъ и человѣкомъ ограничена общественною жизнью, принципомъ любви къ ближнему. Дарвинизмъ стоитъ за укрѣпленіе брачныхъ и семейныхъ узъ, какъ корней общественной жизни; онъ стоитъ за общество противъ эгоизма; онъ ставитъ общее благо выше правъ отдѣльныхъ личностей и требуетъ отъ отдѣльныхъ лицъ такой дѣятельности, которая соотвѣтствовала бы общему благу, требуетъ отъ нихъ даже отреченія отъ пріобрѣтенныхъ ими правъ, если они оказываются несовмѣстными съ общимъ благомъ. Дарвинизмъ становится на сторону собственности и противъ коммунистическихъ мечтаній. Онъ требуетъ возможно болѣе рѣзкаго раздѣленія труда, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого выигрываютъ и общество, и его отдѣльные члены, ибо общество только тогда благоденствуетъ, когда члены его находятся на высшей ступени развитія. Я думаю, что послѣ сказаннаго никто не вздумаетъ повторять безсмысленную фразу, что теорія Дарвина есть ученіе противогосударственное и противообщественное“ (109).

Затѣмъ слѣдуютъ выводы религіозные, которые мы пока оставимъ, чтобы оглянуться назадъ. Мы привели весь рядъ разсужденій Іегера въ видѣ весьма близкомъ къ подлиннику, стараясь не проронить ничего; читатель найдетъ, быть можетъ, что приведенные выводы и доводы не заслуживаютъ никакого вниманія, но это будетъ не совсѣмъ справедливо. Конечно, an und für sich эти выводы и доводы особенной драгоцѣнности не составляютъ, но они любопытны, какъ одна изъ первыхъ и немногихъ попытокъ приложенія теоріи Дарвина къ рѣшенію вопросовъ экономическихъ и этическихъ. Очевидная крайняя бѣглость и поверхностность всего построенія Іегера избавляетъ насъ отъ обя-

занности тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія его, но представить его читателю мы тѣмъ не менѣе считали дѣломъ нелишнимъ. Притомъ же въ основаніи взглядовъ Іегера лежитъ несомнѣнная истина, не говоря уже о благомъ намѣреніи автора защитить теорію Дарвина отъ безсмысленныхъ инсинуацій. Іегеру мы должны быть благодарны за то, что онъ возымѣлъ это намѣреніе, хотя бы приведеніе его въ исполненіе оказалось еще болѣе неудачнымъ. Когда является какое-нибудь широкое ученіе, подрывающее ходячія воззрѣнія на данный предметъ и ошеломляющее толпу не столько своей новизной (ничто не ново подъ луною, не нова и теорія Дарвина), сколько своею законченностью и готовностью отразить всѣ противорѣчащіе научные доводы, тогда поднимаются инсинуаціи. Все принятое на вѣру держится въ умахъ очень крѣпко, именно потому, что оно принято на вѣру, чѣмъ затрудняется провѣрка воззрѣній. Если я дошелъ до извѣстнаго убѣжденія строго-научнымъ путемъ, т. е. путемъ обобщенія единичныхъ, опытомъ и наблюденіемъ уясненныхъ фактовъ, или путемъ вывода изъ такого обобщенія, то для меня не представляется никакихъ затрудненій (кромѣ развѣ чисто техническихъ) во второй, въ третій разъ пересмотрѣть каждый винтъ и каждое колесо этого логическаго механизма. Я могу повторить опыты и наблюденія, провѣрить обобщеніе, пересмотрѣть выводъ. Я знаю, откуда я вышелъ и какъ, какими путями и станціями дошелъ. Получить убѣжденіе на вѣру, съ другой стороны, значитъ именно не знать этихъ путей и станцій, а между тѣмъ убѣжденіе существуетъ и вычеркнуть его такъ же трудно, какъ трудно лечить болѣзнь, ходъ развитія которой неизвѣстенъ. Какая-нибудь счастливая и совершенно неожиданная случайность можетъ, правда, явиться на выручку, но это исключеніе, на которое нельзя разсчитывать. Вообще же говоря, убѣжденіе, корни котораго обладателю убѣжденія неизвѣстны, будетъ непремѣнно бороться за свое существованіе всѣми средствами и оружіями, какія попадутся подъ руку. Если научныя средства изсякнутъ—вопросъ переносится на иную почву, на почву неблагонадежности въ религіозномъ, гражданскомъ или

нравственномъ отношеніи. Такъ было всегда и безъ сомнѣнія такой порядокъ вещей продолжится до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать убѣжденія, полученныя на вѣру. Такъ и теорія Дарвина встрѣтила цѣлую массу упрековъ не только въ научной несостоятельности,—этого рода упреки дарвинизму разлетаются съ замѣчательною быстротою,—а и въ томъ, что ею подрываются основы общества и нравственности. Игнорировать эти упреки и инсинуаціи, смотрѣть на нихъ какъ на нѣчто совершенно ничтожное и имѣющее своевременно исчезнуть, дѣйствовать или, лучше сказать, бездѣйствовать такимъ образомъ крайне неблагоразумно. Инсинуаціи всегда и вездѣ встрѣчали и встрѣчаютъ сочувствіе, потому что большинство людей нелегко разстается съ привычнымъ знаменемъ, хотя бы знамя это давно уже превратилось въ грязную и оборванную ветошку. Поэтому оставлять инсинуаціи въ покоѣ—значитъ тормозить движеніе мысли, съуживать сферу вліянія новаго ученія. Гэккель замѣчаетъ, что Дарвинъ не сдѣлалъ многихъ невольно напрашивающихся выводовъ изъ его теоріи, логически изъ нея вытекающихъ, только для того, чтобы ученіе его могло свободнѣе пройти и встрѣтило бы какъ можно менѣе препятствій. Такой образъ дѣйствія, если Дарвинъ дѣйствительно имѣлъ это обстоятельство въ виду, едва-ли можетъ быть оправданъ теоретически, а практика его уже осудила: упреки и инсинуаціи, что могли, взяли. Во-первыхъ, всегда найдутся запальчивые и увлекающіеся послѣдователи, которые выжмутъ изъ ученія весь сокъ и сдѣлаютъ это, по всей вѣроятности, гораздо менѣе удачно, чѣмъ могъ бы сдѣлать самъ основатель ученія. Во-вторыхъ, въ обширномъ лагерѣ инсинуаторовъ всегда найдется хоть одинъ человѣкъ съ нюхомъ, достаточно сильнымъ для того, чтобы дочитать недописанное. А одинъ такой человѣкъ есть уже цѣлый легіонъ: извѣстно, что стоитъ только одному соловью запѣть, и вся роща огласится восхитительными звуками. Давно уже сказано, что хотя голосовъ на божьемъ свѣтѣ и немного, но за то эхо дѣвать некуда. Конечно, Галилеямъ сплошь и рядомъ приходится говорить свое „e pur si muove!“ про себя, „въ сторону“. Но если научная теорія ули-

чается въ безнравственности и противообщественности, то, во избѣжаніе невѣрныхъ толкованій, самое лучшее—представить тѣ соціологическіе выводы, которые изъ нея дѣйствительно вытекаютъ, а не навязываются ей ея противниками. Такъ и дѣлаетъ Іегеръ.

Вѣрность исходной точки Іегера не подлежитъ для насъ ни малѣйшему сомнѣнію, и мы и сами ее высказывали. Она непосредственно примыкаетъ къ теоріи Дарвина. Въ природѣ идетъ вѣчная, безустанная и повсемѣстная борьба за существованіе. Слабые организмы или, вѣрнѣе, организмы, сравнительно мало приспособленные къ средѣ, гибнутъ, сильные губятъ. Природа—безконтрольное царство тупой силы. Природа — bellum omnium contra omnes. Ежеминутно совершаются въ ней милліоны насильственныхъ смертей, милліоны, съ человѣческой точки зрѣнія, страшныхъ и позорныхъ преступленій. Говоря о томъ изумительномъ, хотя и общеизвѣстномъ фактѣ, что муравьи имѣютъ въ лицѣ тли свой дойный скотъ и что операція доенія совершается какъ бы по взаимному соглашенію между тлею и муравьями, Дарвинъ замѣчаетъ, что подобныя явленія не доказываютъ, „чтобы какое-либо животное въ мірѣ совершало какое-либо дѣйствіе исключительно на благо животнаго инаго вида“; они показываютъ только, что „каждый видъ пытается воспользоваться инстинктами другихъ видовъ, какъ каждый пользуется тѣлесною слабостью прочихъ“ (О происхожденіи видовъ. Спб. 1864, стр. 171). Поэтому практически взаимныя отношенія между всѣми индивидуализированными дѣятелями природы дѣйствительно опредѣляются „эгоцентрическою“ точкою зрѣнія. Законъ борьбы за существованіе есть распространеніе на всю природу не столько теоріи Мальтуса, сколько теорій Гоббза, Пуффендорфа, Мандевиля и проч. Это, говоря языкомъ Канта, велѣніе практическаго разума, категорическій императивъ для каждаго недѣлимаго. И человѣкъ не изъятъ изъ дѣйствія этого всемогущаго закона. И онъ борется на жизнь и смерть, и либо падаетъ въ этой борьбѣ, либо побѣждаетъ. Эксцентрики-идеалисты, высылающіе человѣка за границу природы, не могутъ съ этимъ

согласиться. Имъ жалко разстаться съ нагроможденными ими теоріями врожденныхъ хорошихъ чувствъ и идей. Они думаютъ или по крайней мѣрѣ говорятъ, что, введя человѣка въ границы природы, придется отказаться отъ всего, что составляетъ красу человѣчества. Но за этимъ несогласіемъ яко бы унизить человѣка скрывается цѣлая бездна либо лицемѣрія, либо трусости и какой-то пришибенности мысли. Вотъ что говоритъ Кузенъ, человѣкъ не мало потрудившійся на поприщѣ изгнанія человѣка за границу природы *). „Война коренится въ природѣ идей различныхъ народовъ, которыя, будучи по необходимости идеями частными, ограниченными, исключительными, по необходимости враждебны, хищны, завоевательны". Война неизбѣжна, а потому побѣда не только „необходима и полезна", а и справедлива „въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова". „Вооружаться противъ побѣдителя—значитъ вооружаться противъ человѣчества, противъ прогресса цивилизаціи". Побѣжденный „заслуживаетъ своей участи, ибо побѣдитель лучше, нравственнѣе побѣжденнаго и только поэтому онъ и побѣдитель". Что же касается до всей массы жертвъ, которыми сопровождается всякая побѣда, то „знайте, что не побѣдителя надо въ этомъ винить, а Провидѣніе, даровавшее ему побѣду. Пора философіи исторіи перешагнуть черезъ филантропическое декламаторство". Признакъ великаго человѣка—„успѣхъ", великимъ воиномъ можно быть „только подъ условіемъ полученія великихъ успѣховъ, то-есть опять-таки, надо говорить прямо, онъ долженъ произвести страшныя опустошенія на землѣ" (faire d'épouvantables ravages sur la terre). Стоило ли выгонять человѣка за границу природы, чтобы привести его тамъ къ столь нехитрымъ рѣшеніямъ! Теорія Дарвина показываетъ, что эта сторона кузеновскаго идеала прекрасно вмѣщается въ границахъ природы, хотя дарвинизмъ и не помышляетъ ввести ее въ границы человѣческаго общества.

*) Я не помню, откуда именно я сдѣлалъ эту выписку, но знаю, что это слова Кузена.

Er nennt's Vernunft und braucht's allien
Um thierischer alle jedes Thier zu sein!

Найдутся можетъ быть и между послѣдователями Дарвина такіе, которые добѣгутъ до подобныхъ словоизверженій. Но они будутъ по крайней мѣрѣ ссылаться не на „всеблагое“ Провидѣніе, а на слѣпую силу природы, силу неразумную и нецѣлесообразную. Найдется далѣе еще бо̀льшее число такихъ дарвинистовъ, которые, исходя изъ своей теоріи, придутъ совершенно послѣдовательно къ діаметрально-противоположнымъ рѣшеніямъ. А доживи Кузенъ до нашихъ дней, онъ былъ бы вѣроятно однимъ изъ яростнѣйшихъ противниковъ теоріи Дарвина; онъ увидалъ бы въ ней вѣроятно окончательное погребеніе „du Vrai, du Bien et du Beau“. Такимъ образомъ отсылка человѣка за границу природы въ качествѣ „вѣнца творенія“ не мѣшаетъ требованію d'épouvantables ravages sur la terre во имя прогресса и цивилизаціи, и не только не мѣшаетъ, а помогаетъ. Съ другой стороны убѣжденіе, что человѣкъ есть такой же дѣятель природы, какъ и майскій хрущъ (Iегеръ), хотя и стоящій на неизмѣримо болѣе высокой ступени развитія, это убѣжденіе не мѣшаетъ требованію «любви къ ближнему»; и опять-таки вѣра въ обязательность для человѣка закона борьбы за существованіе не только не мѣшаетъ этому, а еще помогаетъ. Болѣе подробное развитіе этой любопытной параллели мы откладываемъ до другого раза, когда намъ придется говорить о соображеніяхъ болѣе обстоятельныхъ и замѣчательныхъ, чѣмъ соображенія Iегера. Параллель эта можетъ быть проведена черезъ всю исторію человѣческой мысли. Не только отдѣльныя личности, ставящія человѣка теоретически на недосягаемую высоту надъ природой, практически низводятъ его даже ниже уровня этой природы, тогда какъ противники ихъ, будучи теоретически реалистами, практически оказываются идеалистами; но и цѣлые историческіе періоды окрашены одною изъ этихъ двуличневыхъ красокъ. Конечно сложность отношеній можетъ иногда временно сбивать это нормальное теченіе, но это не мѣшаетъ ему оставаться нормальнымъ.

Теоретическое, біологическое сближеніе человѣка съ природою предписываетъ практическое, соціологическое удаленіе отъ нея. Такова исходная точка Іегера. Въ главѣ о религіи онъ редижируетъ эту формулу такимъ образомъ: въ наукѣ о природѣ слѣдуетъ употреблять методъ объективный, въ вопросахъ общественныхъ — субъективный. Мы обѣими руками подписываемъ эти положенія. Надо однако сказать, что не только аргументація Іегера крайне плоха, но залетѣвшія къ нему случайно вѣрныя мысли получаютъ даже до невѣроятности дикую обработку. Глава о религіи особенно дика, но читатель можетъ это видѣть уже и изъ приведенной нами части его разсужденій. Слѣдуетъ во-первыхъ замѣтить, что видъ, какъ единица абстрактная, своего ego не имѣетъ; претендовать на него можетъ только конкретная единица — недѣлимое, а потому объ «эгоцентрической» точкѣ зрѣнія какого бы то ни было вида не можетъ быть и рѣчи. Дѣйствія любаго организма управляются интересами не вида, а его собственными, личными, индивидуальными. Только при извѣстныхъ условіяхъ интересы недѣлимаго могутъ совпасть съ интересами вида и расширить личное *я* недѣлимаго, сдѣлать его видовымъ *я*. Но общее правило таково, что между представителями одного и того же вида идетъ сильнѣйшая борьба за существованіе; такъ какъ они требуютъ для поддержанія своего существованія однихъ и тѣхъ же условій, то естественно, что недостатокъ наличнаго запаса этихъ условій непремѣнно разжигаетъ между ними борьбу. Борьба эта парализируется только кооперацією. Только она можетъ раздвинуть предѣлы индивидуальнаго я, направивъ совокупныя усилія кооперирующихъ на борьбу съ внѣшнимъ міромъ, причемъ борьба между кооперирующими, борьба внутри общества становится дѣломъ не только не полезнымъ, а и прямо невыгоднымъ, вреднымъ. Придавъ эгоцентрическую точку зрѣнія цѣлому виду, единицѣ абстрактной и постоянно колеблющейся, Іегеръ въ своихъ дальнѣйшихъ соображеніяхъ уже совершенно запутывается и приходитъ къ самымъ дикимъ и нелѣпымъ заключеніямъ. Нечего кажется и говорить, что его очеркъ «коммуни-

стическаго общежитія» не имѣетъ никакого смысла. Не совсѣмъ даже легко догадаться, о чемъ тутъ собственно рѣчь идетъ, не говоря уже о безднѣ противорѣчій на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ. Эти нѣсколько строкъ напоминали намъ знаменитый афоризмъ добряка Смайльса, утверждающаго, что «хорошія учрежденія» не только не составляютъ чего-либо въ общественной жизни важнаго, но могли бы имѣть, еслибы явились на бѣломъ свѣтѣ, весьма неблагопріятные результаты. Этотъ добрякъ очень негодуетъ на людей, которые хотятъ «выстроить насъ въ параллелограммы и довести до совершенства посредствомъ отреченія отъ всякой надежды, борьбы, препятствій, — отъ всего того, что до сихъ поръ способствовало формировкѣ человѣка» («Самодѣятельность»). Іегеръ повидимому также полагаетъ, что обстоятельства, до сихъ поръ способствовавшія формировкѣ человѣка, никоимъ образомъ не должны быть сданы на руки исторіи и замѣнены иными. Во всякомъ случаѣ очевидно, что это почтенный нѣмецкій профессоръ, надѣвающій на ночь колпакъ и терпѣть не могущій коммунистовъ, о которыхъ впрочемъ имѣетъ представленіе довольно туманное. Это можно видѣть уже изъ того, что онъ противополагаетъ «органической» формѣ общежитія форму «коммунистическую». Не говоря уже о томъ, что онъ выставляетъ достойнымъ подражанія образцомъ органическаго общежитія общину муравьевъ, которая хотя и дѣйствительно построена на очень ярко обозначенномъ принципѣ раздѣленія труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ общество, знающее только государственную собственность; не говоря уже объ этомъ, принципу раздѣленія труда можетъ быть, по законамъ логики, противопоставленъ только соизмѣримый съ нимъ принципъ простаго сотрудничества. Можно разсуждать, что̀ удобнѣе — широкое пальто или узкое пальто, но законами здраваго смысла возбраняется сравнивать широкое пальто съ узкими брюками. Итакъ оставимъ коммунизмъ въ покоѣ и будемъ сравнивать принципы простаго и сложнаго сотрудничества.

Подобно большинству біологовъ и экономистовъ (если не

всѣмъ біологамъ и экономистамъ), Іегеръ отождествляетъ раздѣленіе труда физіологическое и раздѣленіе труда экономическое. Фактъ этого повальнаго заблужденія безъ сомнѣнія заставитъ сильно призадуматься будущаго историка науки, но за то и объяснитъ ему вѣроятно многое. Дѣйствительно, это фактъ по истинѣ изумительный, и по степени изумительности едва-ли найдется ему много равныхъ въ исторіи человѣческой мысли. Что предки наши вѣрили, что солнце обращается вокругъ земли, а не земля около солнца, — это понятно: предки наши были люди необразованные, а зрѣніе имъ говорило, что солнце дѣйствительно вертится около земли. Что люди, даже ученые вѣрили, что «видовъ столько, сколько ихъ было создано въ началѣ» (Линней), — это опять-таки понятно: палеонтологіи не было, фактовъ подъ руками было недостаточно, никто образованія новаго вида своими глазами не видалъ. Взгляды большинства, не просто образованныхъ, а ученыхъ людей, на законъ раздѣленія труда представляютъ явленіе, гораздо болѣе странное и гораздо труднѣе объяснимое. Мы видимъ цѣлую массу людей, между которыми есть звѣзды наипервѣйшей величины, которыми справедливо гордятся и наука, и философія, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи огромные запасы фактическихъ знаній, которые, далѣе, изощрили свой умъ на самыхъ тонкихъ логическихъ упражненіяхъ; и вся эта масса хоромъ утверждаетъ: дважды два — четыре, а потому и дважды четыре тоже четыре. Что можетъ быть изумительнѣе такого зрѣлища? Мы не преувеличиваемъ. Послушайте, что говоритъ хоть тотъ же Іегеръ, правда звѣзда не первой величины, но и не послѣдняя спица въ колесницѣ. Притомъ же и звѣзды первой величины говорятъ то же и тѣми же словами. «Организація животнаго или растительнаго недѣлимаго основывается на томъ, что извѣстныя группы клѣточекъ соединяются для образованія орудій въ борьбѣ за существованіе всей совокупности клѣточекъ; одни берутъ на себя трудъ питанія, другія—воспріятія впечатлѣній, третьи—передвиженія и т. д. Очевидно, что чѣмъ больше число этихъ орудій, чѣмъ богаче арсеналъ, предназна-

ченный для нападенія и защиты, тѣмъ организмъ способнѣе къ одержанію побѣды».—Вотъ вамъ дважды два четыре. Дальше: «что справедливо для организма, который мы называемъ животнымъ или растительнымъ недѣлимымъ, то справедливо и для общественной совокупности отдѣльныхъ животныхъ». — Развѣ это не „дважды четыре то же четыре“? Развѣ не очевидно до послѣдней степени, не ясно какъ божій день, что если въ обществѣ, подобно тому, какъ въ организмѣ группы клѣточекъ, одно недѣлимое возьметъ на себя трудъ питанія, другое—воспріятія впечатлѣній, третье—передвиженія и т. д., развѣ не ясно, что въ этомъ случаю арсеналъ каждаго изъ нихъ станетъ не богаче, а бѣднѣе, чѣмъ еслибы каждый изъ нихъ совершалъ всѣ эти отправленія? Гёте говоритъ: „чѣмъ существо несовершеннѣе, тѣмъ болѣе сходны между собою его части и тѣмъ болѣе сходны онѣ съ цѣлымъ. Чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ болѣе части его разнятся одна отъ другой. Чѣмъ сходнѣе эти части, тѣмъ менѣе онѣ подчинены другъ другу. Подчиненіе частей есть признакъ совершенства творенія“. Слова эти (гдѣ Гёте разумѣетъ и общество) *) съ особенною любовью цитируются біологами (Гэккель—„Generalle Morphologie“, Вирховъ—„Atomen und Individuen“, Спенсеръ и проч.). А между тѣмъ распространеніе этого воззрѣнія на человѣческое общество есть

*) Die Pflanze geht von Knoten zu Knoten und schliesst zuletzt ab mit der Blüthe und dem Samen. In der Thierwelt ist es nichts anders. Die Raupe, der Bandwurm geht von Knoten zu Knoten und bildet zuletzt einen Kopf; bei den höher stehenden Thieren und Menschen sind es die Wirbelknochen, die sich anfügen und anfügen, und mit dem Kopfe abschliessen, in welchem sich die Kräfte concentriren. Was so bei einzelnen geschieht, geschieht auch bei ganzen Corporationen. Die Bienen, auch eine Reihe von Einzelheiten, die sich an einander schliessen, bringen als Gesammtheit etwas hervor, das auch den Schluss macht und als Kopf des Ganzen anzusehen ist, die Bienenkönigin. Wie dieses geschieht, ist geheimnissvoll, schwer auszusprechen; aber ich könnte sagen, dass ich darüber meine Gedanken habe. So bringt ein Volk seine Helden hervor, die gleich Halbgöttern zu Schutz und Heil an der Spitze stehen“. (Eckermann. Gespräche mit Göthe. 1837. II, 65).

очевидное „дважды четыре то же четыре“. Человѣкъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнообразнѣе его составъ, чѣмъ разнообразнѣе его отправленія. Слѣдовательно общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе широкій просторъ предоставляетъ его укладъ многостороннему, а не одностороннему развитію отдѣльныхъ членовъ. Слѣдовательно общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ сходнѣе между собою его части и чѣмъ менѣе онѣ подчинены другъ другу. Отчего люди ученые, люди мыслящіе, люди, которымъ звѣздная книга ясна, съ которыми говоритъ морская волна, не понимаютъ такой простой истины? Мудрый Эдипъ, разрѣши! Никогда еще быть можетъ истина не представлялась въ столь простомъ и обнаженномъ видѣ и никогда можетъ быть люди не отворачивались отъ нея столь упорно, какъ бы стыдясь ея наготы. Поэтому-то мы и въ нынѣшнемъ году опять принимаемся за прошлогоднюю пѣсню; она прошлогодняя, но очевидно не старая, хоть мы отъ души желали-бы ей поскорѣе состарѣться. До сихъ поръ это обобщеніе раздѣленія труда физіологическаго и экономическаго есть едва-ли не самая крупная и безспорно самая распространенная попытка связать біологію съ соціологіей; и мы твердо убѣждены, что пока этотъ пунктъ не будетъ надлежащимъ образомъ установленъ, разумная связь соціологіи и біологіи немыслима, а слѣдовательно немыслима и соціологія. Намъ могутъ замѣтить, что сторонники раздѣленія труда ставятъ вопросъ совсѣмъ не такъ, какъ мы это дѣлаемъ, что они ничего не говорятъ о судьбѣ недѣлимаго въ обществѣ, что они берутъ за центръ изслѣдованія самое общество, юридическую личность, и утверждаютъ, что оно, общество, выигрываетъ отъ раздѣленія труда. На это мы отвѣчаемъ, что въ этой постановкѣ вопроса и заключается корень заблужденія. Кто видѣлъ эту юридическую личность? кто говорилъ съ нею? Кому она разсказывала о своихъ страданіяхъ и наслажденіяхъ, о своихъ желаніяхъ и нежеланіяхъ, надеждахъ и отчаяніи? Кому она пѣла свои пѣсни, кому посылала свои проклятія?—Однако раздѣленіе труда въ обществѣ фактъ? — Фактъ, такой же фактъ, какъ и физіологическое раздѣленіе труда. Ставьте ихъ рядомъ, но не

спиной другъ къ другу, а лицомъ къ лицу. Пусть каждый видитъ, какъ они между собою относятся, въ какой между собою находятся зависимости. Собственно говоря, несправедливо и то, что сторонники раздѣленія труда имѣютъ въ виду только юридическую, идеальную личность общества. Они ничего не имѣютъ въ виду и только путаются въ понятіяхъ и словахъ. („Общество—говоритъ Спенсеръ—составляется изъ отдѣльныхъ личностей; все, что сдѣлано въ обществѣ, сдѣлано соединеннымъ дѣйствіемъ отдѣльныхъ личностей и слѣдовательно только дѣйствія отдѣльныхъ личностей могутъ дать ключъ къ разрѣшенію соціальныхъ явленій. Но дѣйствія отдѣльныхъ лицъ зависятъ отъ законовъ ихъ натуръ и слѣдовательно не могутъ быть поняты, пока непоняты эти законы. Законы же эти, если свести ихъ къ простѣйшему ихъ выраженію, оказываются результатомъ общихъ законовъ ума и тѣла. Изъ этого слѣдуетъ, что біологія и психологія необходимы какъ толкователи соціологіи, или — говоря еще проще: всѣ соціальныя явленія суть явленія жизни, суть самыя сложныя проявленія жизни, должны сообразоваться съ законами жизни и могутъ быть поняты тогда, когда поняты законы жизни“. („Умственное, нравственное и физическое воспитаніе“, 47 стр.). Физіологическое раздѣленіе труда есть законъ жизни. Понятъ ли онъ былъ Спенсеромъ, если онъ нашелъ возможнымъ признать экономическое раздѣленіе труда продолженіемъ физіологическаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ первое представляетъ похороны послѣдняго, а послѣднее — похороны перваго? „Дарвинизмъ — говоритъ Іегеръ — требуетъ возможно болѣе рѣзкаго раздѣленія труда, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого выигрываютъ и общество, и его отдѣльные члены, ибо общество только тогда благоденствуетъ, когда члены его находятся на высшей ступени развитія. Я думаю, что послѣ сказаннаго никто не вздумаетъ повторять безсмысленную фразу, что теорія Дарвина есть ученіе противогосударственное и противообщественное». Легко можетъ быть, что безсмысленная фраза будетъ повторяться и «послѣ сказаннаго». Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что и въ самомъ «сказанномъ» есть безсмысленныя

фразы, а такова и вышеприведенная. Очевидно, что тутъ дѣло даже и не въ юридической личности, а просто въ путаницѣ. Іегеръ признаетъ, что недѣлимое тѣмъ выше по развитію, чѣмъ многостороннѣе въ немъ совершается физіологическая работа, чѣмъ, какъ онъ выражается, его арсеналъ разнообразнѣе. Въ обществѣ «органическомъ», т. е. въ кооперації по типу раздѣльнаго труда, арсеналъ этотъ не оставляется въ распоряженіи одного недѣлимаго, а раздается по частямъ всѣмъ членамъ: одинъ получаетъ одно оружіе, другой—другое и т. д. Ясно ли, что каждый изъ нихъ обѣднѣлъ относительно разнообразія оружія, т.-е. уровень его развитія понизился? И однако по Іегеру выходитъ, что тутъ-то именно онъ и находится на высшей ступени развитія. Опять-таки, развѣ это не «дважды два четыре и дважды четыре тоже четыре?» Мы не думаемъ утверждать, чтобы первобытное состояніе людей было выше того, котораго они достигли теперь, хотя въ этомъ движеніи раздѣленіе труда играло значительнѣйшую роль. Мы только сопоставляемъ принципы физіологическаго и экономическаго раздѣленія труда, какъ сопоставляетъ ихъ и Іегеръ, и не можемъ не изумляться той едва вѣроятной слѣпотѣ, съ которою онъ, какъ и всѣ біологи, сшиваетъ бѣлыми нитками два взаимно исключающіеся процесса. У Іегера эти бѣлыя нитки особенно замѣтны, такъ-какъ дѣло осложняется его ночнымъ колпакомъ и нерасположеніемъ къ коммунистамъ. Тому смутному образу, который онъ рисуетъ подъ именемъ коммунистическаго общежитія, онъ между прочимъ приписываетъ свойство принижать нѣкоторыя способности, вслѣдствіе малаго ихъ примѣненія и изощренія. Обвиненіе это онъ даже печатаетъ курсивомъ, и повидимому ему и въ голову не приходитъ, что такова отличительная черта именно рекомендуемаго имъ «органическаго» общежитія. Это напоминаетъ намъ одно весьма любопытное примѣчаніе Макъ-Куллоха къ французскому переводу «Богатство народовъ» Адама Смита. Вотъ оно: «Умственныя способности крестьянина, обращенныя постоянно на множество разнообразныхъ предметовъ, проходящихъ передъ его глазами, не могутъ сосредоточиться и погружены въ

спячку; между тѣмъ какъ однообразныя ремесленныя занятія возбуждаютъ разсудоточную дѣятельность городскаго работника» (русскій переводъ г. Бибикова, 292 стр.). Примѣчаніе это вызвано словами Смита о нравственномъ превосходствѣ сельскаго населенія сравнительно съ городскими рабочими. Мы привели макъ-куллоховское изрѣченіе не для того, чтобы сравнивать городское и сельское населеніе, а только какъ образецъ логики защитниковъ экономическаго раздѣленія труда: однообразныя занятія возбуждаютъ разсудочную дѣятельность, а разнообразныя погружаютъ человѣка въ спячку! Право, иногда можно серьезно предложить человѣчеству облечься въ черное платье, обшитое плерезами, въ знакъ траура по здравому смыслу. Большинство экономистовъ и біологовъ разсуждаютъ о принципѣ раздѣленія труда до такой степени оригинально, что трудно даже себѣ представить, какимъ образомъ могли возникнуть такіе вывороченные на изнанку силлогизмы. Никакая Аріадна не позаботилась оставить у входа въ этотъ темный лабиринтъ логической нити, по которой можно бы было прослѣдить ходъ мыслей господъ полиморфистовъ. Можно утвердительно сказать, что истинное значеніе раздѣленія труда понято почти исключительно только соціалистами всѣхъ оттѣнковъ, и только они и представляютъ небольшіе оазисы въ этой безпредѣльной пустынѣ. Намъ хочется привести здѣсь одинъ изъ такихъ оазисовъ, именно нѣсколько чрезвычайно меткихъ и удачныхъ замѣчаній Маркса (Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Hamburg, 1867). Хотя замѣчанія эти относятся къ раздѣленію труда въ тѣсномъ смыслѣ, къ раздѣленію труда фабричному, но подъ ними смѣло можетъ быть поставленъ гораздо болѣе широкій пьедесталъ.

«Раздѣленіе труда уродуетъ рабочаго, развивая въ немъ извѣстную спеціальную способность и подавляя при этомъ цѣлый міръ производительныхъ силъ. Такъ, въ Ла-Платѣ убиваютъ цѣлаго быка изъ-за одной шкуры или изъ-за одного жиру. Не только различныя спеціальныя отрасли труда дѣлятся между различными недѣлимыми, но дѣлится и самое недѣлимое, пре-

вращаясь въ автоматическое орудіе спеціальной работы *), и такимъ образомъ осуществляется старая басня Менения Агриппы, изображающая человѣка клочкомъ его собственнаго тѣла **). Работникъ, за неимѣніемъ *матеріальныхъ условій производства* товаровъ, продаетъ свою рабочую силу капиталу и затѣмъ, въ силу раздѣленія труда, его *индивидуальная рабочая сила* существуетъ только тогда и постольку, когда и поскольку она запродана капиталу. Она функціонируетъ только въ извѣстномъ сочетаніи, существуетъ только послѣ ея запродажи въ заведеніи капиталиста. Лишенный возможности самостоятельнаго дѣла, мануфактурный рабочій производителенъ только въ качествѣ *составной части* заведенія предпринимателя ***). Какъ на челѣ избраннаго народа было написано, что онъ собственность Іеговы, такъ раздѣленіе труда выжигаетъ на рабочемъ клеймо, на которомъ значится, что онъ собственность капитала.

„Знанія и воля, развиваемыя самостоятельнымъ крестьяниномъ или ремесленникомъ хотя бы въ маломъ масштабѣ, въ томъ родѣ, какъ дикарь сосредоточиваетъ въ своихъ личныхъ качествахъ все военное искусство,—здѣсь разбиваются по всѣмъ частямъ мануфактуры. Духовныя производительныя силы напряженно развиваются въ одну сторону, потому что притуп-

*) Дугальдъ Стюартъ называетъ фабричныхъ рабочихъ «Living automatons... employed in the details of the work». (D. St. Works ed. by Sir W. Hamilton. Edinburgh, V. III, 1855, «Lectures on Polit. Econ.», p. 318. (Эта и слѣдующія выноски принадлежатъ Марксу).

**) У коралловъ каждое недѣлимое дѣйствительно представляетъ желудокъ для всей группы. Но онъ снабжаетъ гражданъ пищею, а не выводитъ ее, какъ римскій патрицій. (Притча Менения Агриппы изображаетъ защитительную рѣчь желудка противъ обвиненія его прочими частями тѣла въ тунеядствѣ Н. М.).

***) «L'ouvrier qui porte dans ses bras tout un métier, peut aller partout exercer son industrie et trouver des moyens de subsister; l'autre (фабричный рабочій) n'est qu'un *accessoire* qui, séparé de ses confrères, n'a plus ni capacité ni indépendance, et qui se trouve forcé d'accepter la loi, qu'on juge à propos de lui imposer» (Storch: «Cours d'écon. polit». St. Pétersbourg, 1815 t. 1, p. 204).

ляются со многихъ сторонъ. То, что теряютъ рабочіе, *концентрируется* въ капиталѣ *. Фабричное раздѣленіе труда имѣетъ тенденцію обособлять духовныя силы процесса производства и противоставлять ихъ рабочимъ въ качествѣ *чужой собственности* и *господствующей надъ ними власти*. Этотъ процессъ *процессъ обособленія* получаетъ начало уже при той простой кооперації, когда капиталистъ представляетъ въ своемъ лицѣ единство и волю всего общественнаго рабочаго тѣла. Онъ усиливается при мануфактурномъ порядкѣ, превращающемъ цѣлаго рабочаго въ часть. Онъ завершается наконецъ, когда промышленность отрываетъ *науку* отъ труда, какъ самостоятельную участницу производства, и отдаетъ ее въ услуженіе капиталу **.

„Мануфактурный порядокъ обогащаетъ всю совокупность раздѣленныхъ рабочихъ силъ, т.-е. капиталъ ***, истощая индивидуальныя производительныя силы рабочихъ. „Невѣжество есть мать не только предразсудковъ, а и индустріи. Мысль и воображеніе могутъ, правда, заблуждаться; но привычка извѣстнымъ образомъ двигать руку или ногу не нуждается ни въ той, ни въ другомъ. Можно сказать, что фабричный рабочій тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ничтожнѣе его духовныя силы, такъ что фабрику можно разсматривать какъ *машину*, *составныя части*

*) A. Fergusson: «History of Civil Cociety», франц. перев. 1783, I, II, p. 135, 136. «L'un peut avoir gagné que l'autre a perdu».

**) Человѣкъ науки и работникъ отдѣлены другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ, и наука вмѣсто того, чтобы, въ рукахъ работника, способствовать росту его производительныхъ силъ для него самого, почти вездѣ вступала въ борьбу съ нимъ... Знаніе обращается въ орудіе, способное отдѣлиться отъ труда и стать съ нимъ въ противорѣчіе». (W. Thomson: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth. London 1824», p. 274).

***) Въ другомъ мѣстѣ Марксъ говоритъ: «Какъ отдѣльныя личности, рабочіе суть единицы, вступающія въ сношенія не между собою, а съ капиталомъ. Ихъ кооперація начинается только уже въ самомъ процессѣ работы, а между тѣмъ этотъ-то процессъ и лишаетъ ихъ самостоятельности. Приступая къ нему, они уже закрѣпощены капиталу. Какъ кооперирующіе, какъ члены мануфактурнаго организма, сами они суть только извѣстный моментъ въ существованіи капитала. Поэтому производитель-

которой суть люди“ *). И дѣйствительно вполнѣ, въ половинѣ восемнадцатаго вѣка на фабрики съ особеннымъ удовольствіемъ брали полуидіотовъ для исполненія нѣкоторыхъ несложныхъ операцій, составлявшихъ однако секретъ **).

„Человѣческій умъ, говоритъ Адамъ Смитъ, по необходимости развивается подъ вліяніемъ ежедневныхъ занятій. Человѣкъ, всю жизнь проводящій за немногими простыми операціями... не имѣетъ случая къ упражненію своего ума... Онъ вообще принижается до такой степени, до какой только можетъ принизиться человѣческая природа“. Отмѣтивъ тупость, какъ результатъ раздѣленія труда, Смитъ продолжаетъ: „Однообразіе его стоячей жизни естественно понижаетъ и его духовную энергію... Оно разрушительно дѣйствуетъ и на его тѣло, и дѣлаетъ его неспособнымъ къ какому либо постороннему занятію. Повидимому ловкость его въ его спеціальномъ дѣлѣ изощряется на счетъ высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Однако во всякомъ промышленномъ и цивилизованномъ обществѣ въ такое состояніе *необходимо* долженъ впасть трудящійся бѣднякъ (the labouring poor), т.-е. большинство“ ***).

ная сила, развиваемая рабочимъ при порядкѣ раздѣльнаго труда, есть производительная сила капитала» (315). «Въ противоположность хозяйству крестьянина или независимаго ремесленника, капиталистическая кооперація не есть особая историческая форма кооперації, но сама кооперація является здѣсь специфическою формою капиталистическаго производства» (317). Надо замѣтить, что Марксъ различаетъ раздѣленіе труда «общественное» и фабричное. Въ первомъ случаѣ каждый представитель труда производитъ товаръ. Напримѣръ, скотоводъ производитъ шкуру, кожевенникъ превращаетъ шкуру въ лайку, башмачникъ дѣлаетъ изъ лайки башмаки, и шкура, лайка и башмаки суть товары. При фабричномъ раздѣленіи труда ни одинъ спеціалистъ рабочій товара не производитъ (Н. М).

*) A. Fergusson l. c. p. 135, 135.

**) J. D. Tuckett. «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». Lond. 1846 v. I, p. 149.

***) A. Smith. «Wealth of Nations», B. V, ch. I, art. II. Какъ ученикъ Фергюсона, указывавшаго на неблагопріятныя послѣдствія раздѣленія труда, Смитъ здѣсь совершенно ясенъ. Въ началѣ своего сочиненія, гдѣ раздѣленіе труда выхваляется ex professo, онъ отмѣчаетъ его только мимо-

Чтобы нѣсколько парализировать проистекающее изъ раздѣленія труда обезображеніе массы народа, Смитъ рекомендуетъ правительствамъ, хотя и въ гомеопатическихъ дозахъ, народное образованіе. Но тутъ съ нимъ весьма послѣдовательно полемизируетъ его французскій переводчикъ и комментаторъ, Гарнье, сенаторъ первой французской имперіи. Онъ объявляетъ, что народное образованіе несовмѣстно съ основнымъ закономъ раздѣленія труда и что ввести его значитъ „уничтожить всю нашу общественную систему". „Какъ всѣ другіе виды раздѣленія труда, говоритъ онъ, раздѣленіе между трудомъ физическимъ и умственнымъ *) становится рѣзче и опредѣленнѣе по мѣрѣ обогащенія общества. Подобно всякому другому, это раздѣленіе труда есть результатъ прошедшихъ успѣховъ и причина будущихъ... Имѣетъ-ли правительство право противодѣйствовать этому раздѣленію труда и задерживать его дальнѣйшій естественный ходъ?"

„Извѣстная степень духовнаго и физическаго приниженія неразрывно связана уже съ тѣмъ раздѣленіемъ труда, которое установилось въ обществѣ вообще. Мануфактурный порядокъ еще усиливаетъ это распаденіе различныхъ отраслей труда и, раздробляя недѣлимое, захватываетъ самый корень его жизни. „Раздроблять человѣка значитъ казнить его, если онъ заслуживаетъ смертнаго приговора, и просто убивать, если онъ его не заслуживаетъ. Раздѣленіе труда есть убійство народа" **). (Марксъ. 345—348).

ходомъ, какъ источникъ общественнаго неравенства. Только въ 5-й книгѣ, говоря о правительственномъ вмѣшательствѣ, онъ слѣдуетъ за Фергюсономъ. Въ «Misère de la Philosophie» я указалъ на историческое значеніе Фергюсона, А. Смита, Лемонтэ и Сэ въ вопросѣ о раздѣленіи труда Тамъ-же указано въ первый разъ и значеніе раздѣленія труда, какъ специфической формы капиталистическаго процесса производства (122).

*) Фергюсонъ именно говоритъ: «l'art de penser, dans un période où tout est séparé, peut lui même former un métier à part».

**) «To subdivide a man isto execute him, if he deserves the sentence, to assassinate him if he does not... The subdivision of labour is the

И такъ, не всѣ облекаютъ принципъ раздѣленія труда розовой оболочкой счастья и совершенства, какъ цѣлаго общества, такъ и его отдѣльныхъ представителей. Существуетъ въ этомъ вопросѣ и оппозиція, ядро которой составляютъ соціалисты; люди, какъ извѣстно, состоящіе въ сильномъ подозрѣніи въ многоразличныхъ проступкахъ и преступленіяхъ. Но, какой бы судъ ни произнесъ надъ ними будущій историкъ науки, онъ съ уваженіемъ отмѣтитъ ихъ критику принципа раздѣленія труда, хотя бы она и не простиралась дальше извѣстной частной области. Что-же касается до неудачнаго вмѣшательства біологіи въ этотъ вопросъ, то оно тѣмъ болѣе печально, что можетъ вызвать во многихъ вопросъ: да законно ли послѣ этого и вообще вмѣшательство біологіи въ общественную науку? И не имѣемъ ли мы права сказать господамъ біологамъ: ne sutor ultra crepitam? При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла такое сомнѣніе необходимо должно разсѣяться. Дѣло не въ біологіи, а въ біологахъ. Гэккель совершенно правъ, утверждая, что „для пониманія въ высшей степени сложныхъ явленій общественной жизни необходимо сравнительное изученіе соотвѣтственныхъ явленій въ мірѣ животныхъ“, и что „будущимъ государственнымъ людямъ, экономистамъ и историкамъ придется главнымъ образомъ обратить свое вниманіе на сравнительную зоологію, т. е. на сравнительную морфологію и физіологію животныхъ, если они пожелаютъ получить вѣрное понятіе о своемъ спеціальномъ предметѣ“. (Gen. Morph. B. II, S. 437). Правъ и Фогтъ, говоря о «Frevler, welche sich an dem Menschenleben versündigen, weil sie das Thierleben nicht können, nicht verstehen». (Altes und Neues aus Thier-und Menschenleben, Francfurt, 1859, B. I. S. 34). И когда эта сравнительно-зоологическая точка зрѣнія приводитъ людей къ самымъ невѣроятнымъ заблужденіямъ, то въ этомъ

assassination of a people» (D. Urquhart. «Familiar Words». London 1855, p. 119). Гекель придерживался самыхъ еретическихъ мнѣній о раздѣленіи труда. «Unter gebildeten Menschen kann man zunächst solche verstehn, die Alles machen können, was Andere thun», говоритъ онъ въ своей философіи права.

надо винить не самую точку зрѣнія, а людей, неумѣющихъ съ нею справиться. Конечно, уже одинъ *способъ* ссылки на притчу Менения Агриппы (на нее ссылаются и сторонники раздѣленія труда, но съ совершенно противоположной стороны) показываетъ, что Марксъ, не имѣющій спеціальныхъ знаній о законахъ жизни, тѣмъ не менѣе понимаетъ значеніе физіологическаго раздѣленія труда безконечно глубже, чѣмъ кто-либо изъ біологовъ. Но въ основѣ его соображеній все-таки лежатъ эмпирическія данныя біологической науки, и окончательнаго освѣщенія вопроса мы все-таки должны ожидать отъ біологіи. Вернемся однако въ глубину Густава Іегера. Мы видѣли, что онъ рекомендуетъ человѣку съ особеннымъ тщаніемъ всмотрѣться въ жизнь общины муравьевъ, удовлетворяющей самымъ высокимъ требованіямъ „органическаго“ общежитія. А требованія эти суть благоденствіе общества и совершенство его членовъ, достигаемыя путемъ раздѣленія труда. Мы можемъ уже a priori сказать, что при томъ значеніи (совершенно вѣрномъ для органической жизни), которое Іегеръ придаетъ понятію совершенства, община муравьевъ этимъ требованіямъ не удовлетворитъ, какъ не удовлетворитъ имъ никакое общество въ мірѣ; потому что самое сопоставленіе совершеннаго (т. е., по Іегеру, рѣзко расчлененнаго) общества и совершеннаго недѣлимаго содержитъ въ себѣ centradictio in adjecto. Требованіе единовременнаго осуществленія этихъ двухъ условій равняется требованію пальмъ и ліанъ въ окресностяхъ Колы или Мезени. А потому можно быть увѣрену, что Іегеровская Аркадія—муравейникъ—либо не представляетъ особенно рѣзкихъ общественныхъ обособленій, либо состоитъ изъ весьма несовершенныхъ (сравнительно съ видовымъ типомъ) недѣлимыхъ.

Относительно весьма значительнаго развитія экономическаго раздѣленія труда въ муравьиной общинѣ не можетъ быть ни какого сомнѣнія. Каждый видъ состоитъ изъ плодовитыхъ самцовъ и самокъ и затѣмъ изъ одной, двухъ, а у нѣкоторыхъ видовъ и трехъ кастъ безполыхъ рабочихъ; кромѣ того нѣкоторые муравьи имѣютъ рабовъ изъ другого вида. Касты рѣзко отли-

чаются одна отъ другой какъ своимъ внѣшнимъ видомъ и организаціей, такъ и родомъ занятій. Дарвинъ такъ описываетъ разницу между кастами одного африканскаго муравья: „степень различія такъ же велика, какъ еслибы мы увидѣли толпу плотниковъ, строющихъ домъ, изъ которыхъ нѣкоторые были бы ростомъ аршина въ два съ половиной, а прочіе ростомъ въ двѣ съ половиной сажени; но мы должны представить себѣ при этомъ, что у крупныхъ плотниковъ головы не втрое, а вчетверо больше, чѣмъ у мелкихъ, а челюсти разъ въ пять. Сверхъ того челюсти этихъ рабочихъ муравьевъ разнаго роста удивительно разнятся въ очертаніяхъ, а также въ формѣ и количествѣ зубцовъ“ (1. c. 123). Этимъ различіямъ въ организаціи соотвѣтствуютъ столь же рѣзкія различія и въ общественныхъ обязанностяхъ. Тутъ есть воины, никогда не работающіе, и рабочіе, никогда не сражающіеся. Есть даже такія должности, которыя совершенно необъяснимы. Такъ, Бэтсъ („Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ“) разсказываетъ, что онъ никакъ не могъ добраться, чѣмъ занимается одна большеголовая каста безполыхъ рабочихъ одного бразильскаго вида: они не работаютъ, не сражаются, не наблюдаютъ за работами, а только расхаживаютъ вокругъ малыхъ работниковъ. Бэтсъ остановился наконецъ на предположеніи, что они, въ качествѣ pièces de résistance, охраняютъ своей огромной и твердой головой всю массу рабочихъ отъ нападеній насѣкомоядныхъ птицъ. Въ такомъ случаѣ, это своего рода „пушечное мясо“. У одного мексиканскаго вида есть каста безполыхъ рабочихъ, которая никогда не покидаетъ гнѣзда; она отличается необыкновеннымъ развитіемъ брюха, которое выдѣляетъ сладкую жидкость, вслѣдствіе чего эта каста замѣняетъ для своего вида тлю. Тотъ же видъ имѣетъ другую касту, обязанность которой состоитъ въ кормленіи брюхатыхъ сидней. Наконецъ надъ всѣми этими второстепенными различіями господствуетъ различіе между способными къ дѣторожденію и неспособными. Итакъ, съ точки зрѣнія общественнаго раздѣленія труда, мирмекофильство Іегера совершенно оправдывается: раздѣленіе труда у муравьевъ дѣйствительно высоко раз-

вито. Второй вопросъ состоитъ въ совершенствѣ отдѣльныхъ недѣлимыхъ, т.-е. въ физіологическомъ раздѣленіи труда. Извѣстенъ опытъ Губера съ однимъ рабовладѣльческимъ видомъ муравья. Видъ этотъ устроился такимъ образомъ, что самцы и самки заботятся о продолженіи своего рода и больше ничего не дѣлаютъ, не умѣютъ дѣлать, даже питаться сами не могутъ; безполые только охотятся за рабами, т.-е. дерутся постоянно съ другимъ видомъ и захватываютъ его въ плѣнъ, и больше опять таки ничего не дѣлаютъ, потому что и уходъ за личинками и куколками, и постройка муравейника лежатъ на обязанности рабовъ. Когда муравейникъ переселяется, господа не сами идутъ, а ихъ переносятъ рабы. Словомъ, даже Гарнье не нашелся бы ничего противу-полиморфнаго замѣтить въ этой Аркадіи Іегера. Губеръ заперъ штукъ тридцать этихъ господъ, давшихъ себѣ, по выраженію Фигаро, трудъ родиться, отдѣльно отъ рабовъ. Несчастные очутились въ положеніи щедринскихъ генераловъ на необитаемомъ островѣ. Губеръ положилъ имъ много пищи, положилъ личинокъ и куколокъ, но безъ помощи „мужика“ они никакъ не могли устроиться. Не имѣя даже Московскихъ Вѣдомостей для развлеченія, несчастныя жертвы великаго и благодѣтельнаго принципа раздѣленія труда начали скоро дохнуть съ голоду: они потрудились родиться, но не потрудились научиться брать пищу въ ротъ, ибо мудрый законъ раздѣленія труда исковеркалъ ихъ челюсти. Губеръ пустилъ тогда къ нимъ раба. „Мужикъ“ отъискался и все пошло какъ по маслу. Мужикъ сталъ кормить не успѣвшихъ околѣть господъ и личинокъ, сталъ приводить все въ порядокъ, устроивать ячейки и проч. Такова страна, wo die Zitronen blühen! Такова Утопія, которую Іегеръ, посовѣтовавшись съ своимъ ночнымъ колпакомъ, противопоставляетъ „съ сравнительно зоологической точки зрѣнія“ „коммунистическимъ мечтаніямъ“ о „стадѣ барановъ“! И опять таки сравнительно зоологическая точка зрѣнія тутъ рѣшительно не причемъ. Она съ безпощадною ясностью свидѣтельствуетъ, что организація отдѣльныхъ недѣлимыхъ при кооперації раздѣльнаго труда должна необходимо понизиться и дѣйствительно по-

нижается, потому что физіологическое раздѣленіе труда становится при этомъ менѣе напряженнымъ. Это такая азбучная истина, что мы боимся даже, какъ бы читатель не обидѣлся нашими пространными толкованіями. Но, мой добрый и умный читатель, вы видите, что этой азбучной истины не понимаютъ великіе философы, почтенные ученые, что въ средѣ біологовъ *ни одинъ* голосъ не поднимается противъ хора, твердящаго: дважды два четыре и дважды четыре тоже четыре. У муравьевъ есть скотоводство, а у нѣкоторыхъ даже земледѣліе. Быть можетъ, у нихъ есть и наука? Кто ее воздѣлываетъ? Если кто воздѣлываетъ, то безъ сомнѣнія плодовитые самцы и самки въ моменты остающагося у нихъ послѣ ихъ спеціальныхъ занятій досуга. Такъ должно думать по аналогіи. Ибо не у однихъ же людей „человѣкъ науки и работникъ отдѣлены другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ, и наука, вмѣсто того, чтобы въ рукахъ работника способствовать росту его производительныхъ силъ для него самого, почти вездѣ вступила въ борьбу съ нимъ“ (см. выше). Быть можетъ у муравьевъ существуютъ и біологія, и политическая экономія. Быть можетъ муравьи-біологи и политико-экономы проповѣдуютъ величіе принципа раздѣленія труда...

Происхожденіе безполыхъ рабочихъ въ муравейникѣ Дарвинъ объясняетъ естественнымъ подборомъ, путемъ постепеннаго накопленія легкихъ измѣненій въ организаціи и въ инстинктѣ, измѣненій, сопряженныхъ съ безплодіемъ нѣкоторыхъ членовъ общины. Предположеніе свое Дарвинъ защищаетъ необыкновенно ловко и остроумно, хотя, какъ онъ самъ говоритъ, пунктъ этотъ представляетъ самый опасный подводный камень для его теоріи. Объ отношеніи, въ которомъ находятся раздѣленіе труда и подборъ родичей, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же отмѣтимъ слѣдующій любопытный фактъ изъ жизни пчелъ, общественное устройство которыхъ, какъ извѣстно, также основано на глубоко проведенномъ принципѣ раздѣленія труда. Пчелиная матка кладетъ сначала яйца, изъ которыхъ должны выдти безполые рабочіе, затѣмъ яйца трутней и наконецъ самое

незначительное число яицъ, имѣющихъ развиться въ матокъ. Если маткѣ (царицѣ) случается умереть уже послѣ кладки всѣхъ яйцъ, т.-е. когда есть въ наличности яйца, личинки или куколки новаго поколѣнія матокъ, то смерть старой царицы проходитъ почти незамѣченною. Населеніе улья ждетъ терпѣливо и, не покидая текущихъ общественныхъ дѣлъ, окончательнаго развитія молодыхъ матокъ, которыя тотчасъ по окончаніи послѣдней метаморфозы рѣшаютъ вопросъ о престолѣ единоборствомъ. Но если матка умираетъ во время кладки рабочихъ яйцъ и слѣдовательно не оставляетъ прямыхъ наслѣдниковъ, то весь рой поднимаетъ страшную возню. Немедленно отбирается нѣсколько рабочихъ яицъ или личинокъ, ихъ кладутъ внизъ головой (такъ лежатъ личинки только царицы, личинки рабочихъ лежатъ горизонтально) въ нарочно расширенныя ячейки, кормятъ особою пищею и вообще ухаживаютъ за ними гораздо болѣе, чѣмъ за личинками обыкновенныхъ рабочихъ. Результатомъ этихъ хлопотъ бываетъ то, что изъ личинокъ развиваются не безполые рабочіе, а плодовитыя самки, которыя опять таки единоборствомъ рѣшаютъ вопросъ о томъ, кому изъ нихъ властвовать. Надо замѣтить, что личинки рабочихъ только въ извѣстномъ раннемъ возрастѣ способны къ такому преобразованію. Этотъ изумительный фактъ показываетъ, что раздѣленіе труда, если не у муравьевъ, то по крайней мѣрѣ у пчелъ, производится, повидимому, не однимъ медленнымъ и безсознательнымъ процессомъ естественнаго подбора. Тутъ очевидно дѣло не въ томъ только, что для нѣкоторыхъ членовъ общины (Дарвинъ говоритъ «для всей общины») выгодно безплодіе другихъ, вслѣдствіе чего плодовитые самцы и самки передаютъ потомству такія свои особенности, которыя связаны съ возможностью производить безполыхъ особей. Тутъ мы видимъ прямую, непосредственную фабрикацію особей той или другой касты. Можно думать, что общественныя насѣкомыя обладаютъ особеннымъ секретомъ, за который дорого бы дали экономисты и біологи, ибо съ помощью его можно достигнуть любой степени раздѣленія труда. Если такъ, то раздѣленіе труда сдѣлало изъ обществен-

ныхъ насѣкомыхъ такихъ художниковъ, передъ которыми компрачикосы, какъ выражается Расплюевъ, «мальчишки и щенки». Уловить однако секретъ столь драгоцѣннаго искусства невозможно при наличномъ уровнѣ человѣческихъ знаній. Что та или другая пища въ извѣстной, весьма значительной степени вліяетъ на будущность ребенка, на весь его духовный и физическій складъ,—это мы знаемъ и безъ муравьевъ. То же самое относится и къ просторности помѣщенія. Но какимъ образомъ связано горизонтальное положеніе личинки съ образованіемъ у вполнѣ развитаго насѣкомаго щеточекъ и придатковъ, служащихъ орудіями работы, и съ нормальнымъ развитіемъ половыхъ органовъ? Какимъ образомъ съ другой стороны вертикальное положеніе личинки вліяетъ на отсутствіе рабочихъ инструментовъ и присутствіе способности къ дѣторожденію? Во всякомъ случаѣ, если экономисты и біологи будутъ продолжать работать въ томъ же духѣ и направленіи, въ какомъ работали до сихъ поръ, то можно ожидать, что они доронятъ муравьевъ. Средство производить морфологическіе индивидуумы вмѣсто физіологическихъ будетъ найдено, и жизнь человѣческая потечетъ столь-же ровно, какъ и жизнь муравьевъ. Покорно понесетъ каждый выпавшую ему долю. Кому въ утробѣ матери будетъ предписано воздѣлывать науку, тотъ понесетъ этотъ крестъ безъ ропота и будетъ терпѣливо подставлять свои неумѣлыя челюсти для принятія жареныхъ рябчиковъ, разжевываемыхъ спеціально для того изготовленными особями. Кому выпадетъ счастіе безполаго существованія, тотъ будетъ съ веселіемъ строить грады и веси и мостить стогны. Плодовитые будутъ спокойно, по желанію Іегера, плодиться и множиться и покорять землю. Безмятежное существованіе этой Аркадіи не будетъ смущаться возгласами въ родѣ извѣстнаго «nous sommes hommes comme eux!» или ироническими вопросами:

When Adam delved and Eva span,
Who was then the gentleman?

Новыя птицы, новыя пѣсни. Но чтобы услышать новыя пѣсни, надо сначала получить новыхъ птицъ. Если эти птицы дѣйстви-

тельно желательны, наука должна торопиться. Когда Христосъ узналъ, что Іуда продаетъ его, онъ сказалъ ему: «что дѣлаешь, дѣлай скорѣе...»

Надо однако замѣтить, что пчелы обладаютъ далеко не всѣми секретами органически-общественнаго благоденствія. Ибо хотя онѣ и могутъ по произволу, измѣнять будущность своихъ яицъ и личинокъ, но, во-первыхъ, это искусство имѣетъ свои предѣлы. Такъ, рабочая личинка старше двухъ дней до такой степени пропитана уже духомъ своей касты, что произвести ее въ матки нѣтъ уже возможности. Далѣе, при всѣхъ пчелиныхъ художествахъ, въ ульяхъ сплошь и рядомъ происходятъ кровавыя побоища и революціи: рабочіе избиваютъ трутней, матки избиваютъ своихъ плодовитыхъ дочерей и сестеръ. У муравьевъ впрочемъ, сколько извѣстно, подобныхъ періодическихъ революцій не бываетъ, хотя происходятъ ожесточенныя битвы между населеніями различныхъ муравейниковъ. Два роя пчелъ также не уживаются. Но при этомъ происходятъ чрезвычайно любопытныя событія. Чтобы соединить два роя въ одинъ, пчеловоды бросаютъ ихъ въ воду. Когда пчелы совершенно утомятся, ихъ вынимаютъ и кладутъ на солнце, и обсушенныя насѣкомыя совершенно забываютъ свою вражду, обтираютъ другъ друга, чистятъ, помогаютъ другъ другу очнуться и проч. Общее несчастіе обогащаетъ ихъ нервную систему новымъ сочувственнымъ опытомъ. Но такой результатъ имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если по крайней мѣрѣ одна изъ царицъ удалена. Если онѣ обѣ на лицо, то немедленно образуются подъ ихъ предводительствомъ двѣ враждебныя партіи и начинается отчаянная война *).

---

*) Говоря о взаимной ненависти пчелиныхъ матокъ, Дарвинъ, котораго одинъ мой покойный другъ-учитель, по моему мнѣнію, весьма удачно называлъ «геніальнымъ буржуа-натуралистомъ», замѣчаетъ: «Хотя это намъ и трудно, но намъ слѣдуетъ восхищаться дикой, инстинктивной злобой пчелы-матки, уничтожающей молодыхъ матокъ, своихъ дочерей, тотчасъ по ихъ рожденіи, или погибающей въ борьбѣ съ ними; ибо это не-

Такимъ образомъ органическимъ общежитіемъ не достигается не только совершенство отдѣльныхъ недѣлимыхъ, но и мирное, и безпечальное житіе всего общества. Любопытнѣе всего, что Іегеръ и не подозрѣваетъ совершенной несовмѣстности своихъ измышленій объ органическомъ общежитіи съ тою своею исходною точкою, которую мы признали безупречною. А между тѣмъ очная ставка этихъ двухъ сторонъ его разсужденій какъ нельзя болѣе удобна и напрашивается сама собой. Мы уже видѣли, что Іегеръ неосновательно придалъ эгоцентрическую точку зрѣнія цѣлому виду. Неосновательно потому, что видъ есть, во-первыхъ, величина абстрактная, а во вторыхъ постоянно колеблющаяся. Борьба за существованіе и подборъ родичей, приспособленіе къ даннымъ условіямъ жизни и наслѣдственная передача этихъ приспособленій могутъ постепенно произвести въ строеніи организмовъ безконечно разнообразныя и почти невѣроятно глубокія видоизмѣненія. Накопленныя въ извѣстномъ, хотя и неопредѣленномъ и неопредѣлимомъ количествѣ, измѣненія эти порождаютъ новый видъ, т.-е., по Іегеру, новую эгоцентрическую точку зрѣнія въ природѣ. Прекрасно понятыя Іегеромъ общія практическія требованія дарвинизма указываютъ этому новому виду необходимость углублять все больше и больше пропасть, отдѣляющую его отъ ближайшихъ къ нему родичей. Такимъ образомъ теоретическое сознаніе родства съ низшими формами жизни, вопреки всѣмъ возгласамъ о безнравственности и тому подобнымъ инсинуаціямъ, заключаетъ въ себѣ требованіе практическаго удаленія отъ низшей жизни. Но, признавъ далѣе раздѣленіе труда творческимъ началомъ общественной жизни, Іегеръ совершенно смазываетъ свою сходную точку, и его «любовь къ ближнему» оказывается висящею на воздухѣ. Если раздѣленіе труда и можетъ поддержать эту любовь, то только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ веревка поддержива етъ

сомнѣнно полезно обществу; и материнская любовь, и материнская ненависть, хотя послѣдняя, къ счастью, большая рѣдкость—все едино передъ неумолимыми законами естественнаго подбора» (I. c., 164).

висѣльника. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленіе труда есть одинъ изъ могучихъ факторовъ происхожденія видовъ. Очевидно, что послѣдовательно и глубоко проведенное, оно можетъ накопить постепенно такое количество на первый взглядъ неважныхъ и незначительныхъ измѣненій въ организаціи каждой изъ обособившихся общественныхъ группъ, что сумма этихъ измѣненій можетъ наконецъ дать новый видъ. Конечно безполыя особи различныхъ кастъ и плодовитые самцы и самки у общественныхъ насѣкомыхъ представляютъ одинъ и тотъ же видъ. Но здѣсь образованіе новыхъ видовъ путемъ раздѣленія труда задерживается именно безплодіемъ нѣкоторыхъ членовъ общества. И это безплодіе является вмѣстѣ съ тѣмъ могучимъ средствомъ для сосредоточенія всѣхъ общественныхъ силъ въ одну сторону, по направленію къ одной цѣли. Что же касается до человѣческаго общества съ его сложными и запутанными интересами, съ его сталкивающимися и отталкивающимися стремленіями, то здѣсь общая цѣль, будучи значительно отдалена отъ большинства членовъ общества, легко можетъ совершенно стушеваться. И обособившіяся путемъ раздѣленія труда группы, когда породившій ихъ принципъ достигаетъ извѣстной ступени развитія, преслѣдуютъ цѣли совершенно различныя. Далѣе, нѣтъ ничего невозможнаго, что раздѣленіе труда въ связи съ различіемъ условій жизни раздробитъ видъ homo sapiens по крайней-мѣрѣ на два вида. Высшіе и низшіе классы современнаго европейскаго общества уже теперь значительно разнятся между собою по своей организаціи. И при извѣстныхъ условіяхъ эти пока еще даже и не разновидности могутъ пріобрѣсти характеръ строго очерченныхъ видовъ. Стоитъ только послѣдовательно проводить принципъ раздѣленія труда, въ родѣ того, какъ это дѣлаетъ напримѣръ Гарнье. Послѣдовательность эта впрочемъ дѣло далеко не новое и испытанное уже практически. Такъ, въ древней Индіи каждому судрѣ, осмѣлившемуся читать книги и тѣмъ нарушавшему раздѣленіе между трудомъ физическимъ и умственнымъ и вообще строго органическій укладъ индійской жизни, — вливалось въ уши кипящее масло; а если дерзость

его простиралась до того, что онъ выучивалъ содержаніе книги наизустъ, его казнили смертью. Въ рабовладѣльческихъ американскихъ штатахъ негры, подъ страхомъ наказанія, не смѣли учиться читать и проч. Намъ незачѣмъ распространяться здѣсь о томъ, какъ и почему эти мѣропріятія не повлекли за собою образованія новыхъ видовъ. Но во всякомъ случаѣ очевидно, что раздѣленіе труда можетъ произвести подобный результатъ въ ту или другую сторону, можетъ разбить человѣчество на два вида. Спрашивается, какъ, по Іегеру, высшій изъ этихъ видовъ долженъ будетъ относиться къ низшему? Отвѣтъ ясенъ. Высшій видъ долженъ будетъ становиться въ болѣе и болѣе рѣзкую противоположность съ низшимъ, особенно сильно съ нимъ бороться, какъ съ наиболѣе близкою ему формою низшей жизни, приводить эту форму каждому своему ближнему какъ страшный примѣръ, котораго должно удаляться и т. д. Но намъ незачѣмъ останавливаться на этой гипотезѣ образованія новаго вида, хотя гипотеза эта есть не болѣе, какъ одна изъ ненаписанныхъ Дарвиномъ страницъ его теоріи. Съ насъ достаточно того факта, что раздѣленіе труда, способствуя распаденію общества на нѣсколько группъ, постепенно отодвигаетъ общую цѣль этихъ группъ назадъ и замѣняетъ ее частными цѣлями, все болѣе расходящимися, а иногда и прямо враждебными одна другой. Въ предѣлахъ каждой изъ этихъ группъ личное *я* ея представителей можетъ, а въ извѣстной степени и должно расшириться и совпасть съ групповымъ *я*. Но затѣмъ въ цѣломъ обществѣ мы все-таки имѣемъ не одну, а нѣсколько эгоцентрическихъ точекъ зрѣнія. И каждая изъ нихъ обязываетъ своихъ представителей все болѣе и болѣе усугублять пограничныя межи, проведенныя раздѣленіемъ труда. Такъ древніе спартанцы напаивали илотовъ до пьяна, чтобы указать своему юношеству страшный примѣръ, отъ котораго должно удаляться.

Таковы результаты органическаго общежитія, отнюдь не вяжущіеся съ любовью къ ближнему, если подъ ближнимъ разумѣть не человѣка изъ извѣстнаго слоя общества, а человѣка вообще. Кажется мы вправѣ были сказать, что раздѣленіе труда

поддерживаетъ эту любовь не больше и не меньше, чѣмъ веревка поддерживаетъ висѣльника. Если бы висѣльника не снимали съ висѣлицы и не хоронили послѣ того, какъ правосудіе насытилось,—веревка все глубже и глубже врѣзывалась бы въ его горло и наконецъ тѣло все-таки рухнуло бы. Если предоставить любовь къ ближнему на долю принципа раздѣленія труда, этотъ принципъ будетъ въѣдаться все и глубже и глубже, поддерживая любовь къ ближнему, но послѣдовательно уменьшая число ближнихъ. Наука! Біологи и экономисты! Снимите этого висѣльника и похороните его, откройте муравьиный секретъ безплодія... Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе...

Мы еще вернемся къ этому предмету и разсмотримъ его подробнѣе, говоря о другихъ попыткахъ опредѣленія практическихъ требованій дарвинизма. Здѣсь мы замѣтимъ только, что 1) борьба за существованіе есть несомнѣнно основаніе того естественнаго права, которое, по опредѣленію древнихъ римлянъ non humani generis proprium est, sed omnium animalium quae in coelo, quae in terra, quae in mari nascuntur; что 2) въ силу самаго этого закона борьбы за существованіе борьба не должна имѣть мѣста въ средѣ общества; что 3) это отсутствіе борьбы за существованіе можетъ быть достигнуто исключительно кооперацiей простаго сотрудничества, ибо кооперація сложнаго сотрудничества или раздѣленія труда не устраняетъ, а только видоизмѣняетъ борьбу за существованіе. При этомъ не могу отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ привести выписку изъ Маркса, для сравненія воззрѣній этого писателя на раздѣленіе труда съ таковыми же большинства біологовъ. «Происхожденіе этихъ кастъ и цеховъ слѣдуетъ тому же закону, которымъ управляется распаденіе животныхъ и растеній на виды и подвиды, съ тою разницею, что на извѣстной ступени развитія наслѣдственность кастъ и замкнутость цеховъ санктируется законодательнымъ путемъ» (I. с. 322). Замѣтьте, что Марксъ не говоритъ того, что говорятъ біологи, т. е. не отождествляетъ раздѣленіе труда физіологическое и экономическое и говоритъ то, чего не говоритъ ни одинъ біологъ, именно, что процессъ об-

щественныхъ дифференцированій параллеленъ процессу дифференцированій не *недѣлимыхъ*, а *видовъ*. Усмотрѣть это было бы, повидимому, прямымъ дѣломъ біологовъ, и однако они усмотрѣли не это *)».

Намъ остается еще взглянуть на теологическіе выводы Іегера изъ теоріи Дарвина. Мы ограничимся простымъ изложеніемъ ихъ, опять таки потому, что они слишкомъ бѣглы и поверхностны чтобы заслуживать подробной критической оцѣнки.

Дарвинистъ, по мнѣнію Іегера, отнюдь не долженъ вступаться въ рѣшеніе вопросовъ чисто-догматическаго свойства. Его дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы подвергать тотъ или другой религіозный догматъ критикѣ объективной науки о природѣ. Онъ долженъ удовольствоваться рѣшеніемъ одного вопроса: какую роль играетъ религія вообще и та или другая религія въ частности — въ борьбѣ за существованіе? На сколько она способствуетъ совершенствованію человѣка и укрѣпленію въ немъ чувства самосохраненія? Съ этой точки зрѣнія Іегеръ раздѣляетъ всѣ религіи на два класса. Однѣ коренятся въ воззрѣніяхъ человѣка на природу, другія — въ его воззрѣніяхъ на людей. Первыя авторъ называетъ естественными (Naturreligionen), вторыя—этическими. Естественныя религіи вытекаютъ изъ стрем-

*) Исключеній во всякомъ случаѣ немного, и представителями этихъ исключеній являются тѣ біологи, которые принимаютъ горячо и близко къ сердцу вопросы общественной жизни. Такъ Фогтъ, говоря о государствахъ животныхъ, замѣчаетъ: „Die Verkümmerung der Organisation hält damit gleichen Schritt; die Individuen selbst sehen nach und nach in solchen allzu wohl regierten Staaten zu Grunde, nnd oft erstreckt sich die Reduction so weit dass die einzelnen Individuen nur noch als Organe der Gesammtheit erscheinen, ohne bestimmenden freien Willen, ohne Ortsbewegung, ohne Selbstständigkeit in jeder Beziehung! (Altes und Neues, I, 30). Но если тамъ и сямъ и можно встрѣтить подобныя отрывочныя указанія, то, несмотря на самые тщательные поиски, намъ не удалось найти ни одного біолога, который устоялъ бы передъ соблазнительнымъ параллелизмомъ раздѣленія труда физіологическаго и экономическаго.

ленія человѣка уразумѣть причины окружающихъ его явленій природы. По мнѣнію Іегера, историческій процессъ развитія мысли распадается на три періода: въ первомъ человѣкъ только воспринимаетъ впечатлѣнія и удерживаетъ ихъ въ головѣ помощію памяти (cognitio rerum); во второмъ—онъ стремится уловить причины явленій (investigatio causarum); въ третьемъ наконецъ, когда человѣкъ въ своемъ исканіи причинъ замѣчаетъ, что самыя общія изъ найденныхъ имъ причинъ все-таки имѣютъ свои причины, онъ довольствуется историческимъ методомъ, т.-е. разсматриваетъ каждое явленіе какъ продуктъ извѣстнаго ряда причинъ и слѣдствій. Этотъ историческій методъ есть единственный пригодный не только въ наукѣ, а и на практикѣ, ибо всякое практическое дѣло основывается на знаніи исторіи данныхъ явленій. Когда человѣкъ достигаетъ ступени investigationis causarum, онъ переходитъ отъ одной причины къ другой, за каждой найденной причиной ищетъ другой, еще неизвѣстной, и если не находитъ ея, то замѣняетъ ее какимъ-нибудь отвлеченіемъ, маскируетъ для самого себя свое незнаніе голымъ словомъ, символомъ. Первая ступень естественныхъ религій есть фетишизмъ, обожествляющій множество причинныхъ дѣятелей, не пытаясь опредѣлить ихъ взаимную связь. На второй ступени человѣкъ уже уменьшаетъ число божественныхъ дѣятелей, приводя къ извѣстнымъ, наиболѣе распространеннымъ или наиболѣе бросающимся въ глаза элементамъ, каковы: огонь, вода, земля, воздухъ и т. д. Третья форма возникаетъ вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что за этими дѣятелями скрываются другіе, болѣе общіе и высшіе. Являются личные, антропоморфизированные боги, какъ въ естественныхъ религіяхъ древнихъ германцевъ, грековъ и римлянъ. Но investigatio causarum, по самому принципу своему, не можетъ остановиться на какой-нибудь формѣ. Люди начинаютъ искать за своими божествами еще высшей силы и доходятъ наконецъ до мысли о конечной причинѣ, т. е. отъ политеизма или многобожія переходятъ къ монотеизму, къ ученію о единомъ божествѣ. Такъ миѳологія древнихъ германцевъ завершалась единымъ Allvater, такъ надъ греческими богами выси-

лась Мойра, надъ римскими—Фатумъ. Но движеніе и здѣсь не останавливается. Видя, что ultima causa ему не дается, человѣкъ отбрасываетъ ее совсѣмъ, слѣдствіемъ чего является атеизмъ. Въ немъ расплылись естественныя религіи древнихъ грековъ.

Въ чемъ же состоитъ значеніе естественныхъ религій и той точки зрѣнія, на которую, по мнѣнію Іегера, долженъ въ этомъ случаѣ стать дарвинистъ? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ такимъ образомъ. Такъ какъ въ естественныхъ религіяхъ только одна человѣческая способность ищетъ Бога, именно мыслительная, то онѣ ведутъ къ высокому методическому развитію мысли, о чемъ можно судить напримѣръ по философскимъ системамъ древнихъ грековъ. Можно было бы думать, что естественныя религіи, имѣя предметомъ изысканіе причинъ явленій природы, которое составляетъ задачу и естествознанія, должно было содѣйствовать развитію послѣдняго. Но природа никогда не открываетъ своихъ тайнъ голой спекулятивной мысли, а требуетъ строгаго эмпирическаго изслѣдованія. Поэтому естествознаніе только тогда могло занять подобающее ему положеніе, „когда *этическія* религіи придали человѣку ту нравственную силу, ту стойкость стремленія, безъ которыхъ невозможна успѣшная работа на этомъ поприщѣ“. Что же касается до естественныхъ религій, то, хотя онѣ и способствовали развитію мысли, онѣ не даютъ руководящей нити для опредѣленія отношеній человѣка къ человѣку. Поэтому ихъ вліяніе на ходъ общественнаго развитія незначительно. Онѣ не противодѣйствовали разщепленію общества на политическія партіи, философскія школы, разрозненныя соціальныя группы.

Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ этическія религіи, центръ тяжести которыхъ лежитъ не въ изслѣдованіи явленій природы, а въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между людьми. Низшую форму ихъ составляетъ почитаніе предковъ, какое существуетъ напримѣръ у нѣкоторыхъ южно-африканскихъ племенъ. Далѣе, человѣкъ, сильно поработавшій на благо общества, воздвигнувшій знамя, вокругъ котораго сгруппировался цѣлый народъ,

становится основателемъ монотеистической религіозной системы. Тутъ Іегеръ ссылается на Ветхій Завѣтъ, гдѣ Богъ называется Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, и, приведя отрывокъ изъ 118 псалма, спрашиваетъ: «Гдѣ вы найдете въ такъ называемой классической литературѣ римлянъ и грековъ подобное выраженіе воинственности и энергіи въ борьбѣ за существованіе?„ (114). Практическое требованіе, съ которымъ дарвинистъ подходитъ къ каждой теологической системѣ, разсматривая ее какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе, требованіе это до такой степени удовлетворяется еврейскимъ представленіемъ о Богѣ, что съ нимъ и въ сравненіе не могутъ идти естественныя религіи, перескакивающія отъ отвлеченія къ отвлеченію и замыкающіяся атеизмомъ. Если іудеи и пали въ политической борьбѣ съ римскимъ колоссомъ, то тѣмъ не менѣе грековъ и римлянъ теперь и въ поминѣ нѣтъ, тогда какъ евреи существуютъ. Притомъ же распаденію Рима значительно содѣйствовало христіанство, преемственное съ іудействомъ. Сила соціальной патріархальной идеи Бога (die Kraft der socialen patriarchalischen Gottesidee) еще разъ заявила себя въ лицѣ магометанства, съ помощью котораго сложилось государство, грозившее ниспровергнуть весь цивилизованный міръ. «Магометанство имѣло въ сравненіи съ іудействомъ еще то преимущество, что оно терпимо относилось къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, тогда какъ евреи не терпѣли язычниковъ». Но фатализмъ уже съ раннихъ поръ подсѣкъ корни силы магометанства, ибо фатализмъ есть ничто иное, какъ отреченіе отъ самосохраненія и самозащиты.

Поставленныя нами въ ковычкахъ слова Іегера составляютъ такую грубую и чисто-фактическую ошибку, что мы на минуту остановимся. Что магометанство никогда не отличалось терпимостью, что оно напротивъ завѣщаетъ своимъ послѣдователямъ безпощадную войну со всѣми, кто его не исповѣдуетъ, что наконецъ религіозный фанатизмъ и въ самой средѣ магометанъ образовалъ двѣ непримиримо враждебныя секты шіитовъ и суннитовъ,—это кажется до сихъ поръ никѣмъ не подвергалось сомнѣнію. Равнымъ образомъ извѣстно и то, что хотя іудеи

также не страдали избыткомъ вѣротерпимости, но сливались и сближались, даже въ религіозный сферѣ, съ язычниками весьма часто. Іегеру, довольно толсто намекающему на то, что онъ глубоко изучилъ еврейскую исторію и литературу, можно бы было это знать и не дѣлать такихъ грубыхъ промаховъ. Мы дѣлаемъ это замѣчаніе въ видѣ исключенія, потому что не имѣемъ намѣренія слѣдить за всѣми, весьма многочисленными частными ошибками Іегера. Они большой важности не представляютъ, а между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ выступаютъ во всеоружіи очевидности. Мы будемъ останавливаться только на тѣхъ пунктахъ, которые имѣютъ непосредственную связь съ спеціально занимающими насъ вопросами. Вообще же замѣтимъ, что біологи, рѣшающіеся оставить свою спеціальную сферу для кратковременныхъ наѣздовъ въ область соціологіи, обнаруживаютъ въ большинствѣ случаевъ замѣчательную неподготовленность къ этого рода экскурсіямъ. Вы видите, что человѣкъ никогда о вопросахъ общественной жизни серьёзно не думалъ, никогда ими не интересовался и довольствуется первымъ встрѣчнымъ доводомъ или объясненіемъ, которое, въ качествѣ перваго встрѣчнаго, по теоріи вѣроятностей должно быть неудовлетворительно. Іегеру конечно Богъ проститъ, да притомъ же онъ очевидно, по мѣрѣ своихъ силъ, думалъ о вопросахъ историческихъ, экономическихъ, этическихъ и проч. Послѣдуемъ за нимъ.

Христіанство, хотя и родилось на почвѣ юдаизма, имѣетъ передъ нимъ огромныя преимущества. Христосъ завѣщалъ во-первыхъ любить Бога, а во-вторыхъ, любить ближняго, какъ самого себя. Юдаизмъ предписывалъ совсѣмъ иное. Онъ требовалъ не любви къ Богу, а страха предъ Богомъ. А всякій страхъ задерживаетъ развитіе; страхъ передъ Богомъ задерживаетъ изученіе природы, точно такъ же, какъ любовь къ Богу способствуетъ этому изученію. „Кто основатели нашихъ теперешнихъ знаній о природѣ? Это люди, которые, какъ Сваммердамъ, публиковали свои изслѣдованія подъ заглавіемъ «Библіи природы», которые изучали явленія природы только для того,

чтобы изумляться премудрости Бога и искать доказательства его бытія".

Что Іегеръ изо всѣхъ предковъ современной науки нашель нужнымъ и возможнымъ привести исключительно одну Библію природы Сваммердама—это конечно довольно характеристично. Но да отпустится ему все это. Слѣдующія его соображенія для насъ гораздо любопытнѣе. Принципъ происхожденія, говоритъ онъ, игралъ въ еврейскомъ обществѣ первенствующую роль. Евреи раздѣлялись на племена, роды, семейства, сліянію которыхъ препятствовала слабо сдерживаемая законодательствомъ кровная месть, составляющая рѣзкій контрастъ съ христіанскою любовью къ ближнему. Каковы же результаты этой организаціи? Для отвѣта на этотъ вопросъ, слѣдуетъ опредѣлить ея отношеніе къ закону индивидуальныхъ различій, указанному и развитому Дарвиномъ. Законъ этотъ „учитъ насъ, что общность происхожденія не есть ручательство за сходство организмовъ. Сынъ умнаго отца можетъ быть очень глупъ; сынъ отца, имѣющаго извѣстную способность, можетъ ея не имѣть, а имѣть совсѣмъ другія; тоже самое относится и къ братьямъ. Всякая же организація основывается на соединеніи подобныхъ элементовъ несходныхъ. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, теряется, какъ говорятъ, много силы, отъ тренія, при чемъ цѣлое очевидно становится менѣе способнымъ къ нападенію и защитѣ, чѣмъ цѣлое, состоящее изъ сходныхъ частей. Одно это уже достаточно говоритъ о невыгодности организующаго начала въ еврейскомъ обществѣ. Въ ближайшей связи съ индивидуальными измѣненіями находится раздѣленіе труда, такъ-какъ оно составляетъ результатъ этихъ измѣненій. Организація еврейскаго общества не давала индивидуальнымъ измѣненіямъ возможности располагаться по принципу раздѣленія труда и задерживала его свободное развитіе. Къ этому присоединяется еще насильственное навязываніе человѣку какого-нибудь дѣла только потому, что его отецъ занимался этимъ дѣломъ" (117). Кромѣ этой задержки развитія раздѣленія труда и этого препятствія свободному примѣненію индивидуальныхъ особенностей, „генеалогическая" организація

еврейскаго общества находилась въ самой тѣсной связи съ религіозною замкнутостью. Евреи видѣли въ себѣ народъ, Богомъ избранный. Ихъ религія была религіей государственной, и они держались въ сторонѣ отъ язычниковъ. Это было для нихъ весьма невыгодно, ибо сила общества зависитъ не только отъ степени совершенства его отдѣльныхъ членовъ и не только отъ высоты общественной организаціи, но и отъ численности членовъ.

Христіанство сдѣлало великій шагъ впередъ, провозгласивъ любовь къ ближнему и низвергнувъ ветхозавѣтное правило: око за око, зубъ за зубъ. Перегородки, раздѣлявшія племена, колѣна, роды, семьи, пали; и генеалогическій принципъ смѣнился принципомъ раздѣленія труда, предоставившимъ широкій просторъ закону индивидуальныхъ измѣненій. Религія заключаетъ Іегеръ, перестала быть достояніемъ извѣстнаго народа; она сдѣлалась всемірною религіею, подъ знамя которой можетъ собраться огромное количество борцовъ за существованіе.

Не знаешь, за что ухватиться въ этой путаницѣ. Во-первыхъ, если и существуетъ законъ индивидуальныхъ измѣненій, то существуетъ и законъ наслѣдственной передачи этихъ измѣненій, законъ, указанный и развитый тѣмъ же Дарвиномъ. Причина и размѣръ дѣйствія этихъ повидимому встрѣчныхъ теченій намъ точнымъ образомъ неизвѣстны. Однако, если и справедливо, что у умнаго отца можетъ быть глупый сынъ и т. п., то тѣмъ не менѣе, вообще говоря, особенности организаціи предковъ передаются потомкамъ. Это знаетъ каждый коннозаводчикъ, каждый скотоводъ, каждый псарь, каждая птичница; всѣ они увѣрены, что могутъ воспроизвести въ потомствѣ данныхъ особей тѣ изъ ихъ особенностей, которыя почему-либо высоко цѣнятся. И Дарвинъ прямо говоритъ: „Быть можетъ, всего разумнѣе было бы смотрѣть на наслѣдственную передачу всякаго любого признака, какъ на правило, а на непередачу его, какъ на исключеніе» (1, с. 11). Съ этой точки зрѣнія исчезаетъ и кажущаяся рѣзкая противоположность между законами индивидуальныхъ измѣненій и наслѣдственной передачи.

Если въ какомъ-нибудь недѣлимомъ происходитъ какое-нибудь даже легкое измѣненіе, напримѣръ вслѣдствіе неупотребленія извѣстнаго органа, особенной пищи и т. п., то уклоненіе это передается наслѣдственно; и притомъ передача эта можетъ произойти различными путями, которые при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній совершенно необъяснимы. Напримѣръ возвращеніе къ давно утраченнымъ признакамъ, сходство дѣтей не съ родителями, а съ дѣдами, прадѣдами или дядями составляютъ для насъ явленія весьма темныя. Переданное наслѣдственно уклоненіе можетъ въ потомкахъ получить новое измѣненіе вслѣдствіе скрещиванія, или осложниться новымъ воздѣйствіемъ измѣнившихся условій жизни, и если всѣ эти измѣненія выгодны для представителей извѣстнаго вида, они подхватываются подборомъ родичей. Такимъ образомъ сплетается необыкновенно сложная сѣть, въ которой индивидуальныя измѣненія, сами по себѣ, играютъ роль совершенно пассивную. Они представляютъ не первичныя явленія, а результатъ приспособленія къ несходнымъ внѣшнимъ условіямъ, тогда какъ законъ наслѣдственности есть законъ коренной, непосредственно связанный только съ фактомъ дѣторожденія. Вся теорія Дарвина исчерпывается взаимными отношеніями двухъ законовъ: приспособленія и наслѣдственности. Законъ наслѣдственности, будучи совершенно изолированъ, предписываетъ каждому организму воспроизводить только подобныхъ себѣ потомковъ. Съ другой стороны, изолированный законъ приспособленія говоритъ, что каждый организмъ отличается отъ своихъ родичей. Сплетеніе этихъ двухъ законовъ породило въ теченіе милліоновъ лѣтъ то изумительное, сколько бы мы гипотетически ни принимали первичныхъ формъ органической жизни, разнообразіе растительной и животной жизни, въ которомъ намъ нынѣ такъ трудно осмотрѣться. Разсматривать процессы приспособленія и наслѣдственной передачи отдѣльно мы можемъ только теоретически и условно, какъ теоретически и условно принимаются въ геометріи математическія точки, линіи, плоскости. И даже такое условное изолированіе возможно только для процесса наслѣдственной передачи,

потому что мы можемъ мысленно устранить вліяніе разнородной среды; тогда какъ отвлечь процессъ приспособленія, разсматривать его отдѣльно отъ закона наслѣдственности мы (въ общей картинѣ исторіи природы или исторіи человѣчества) не въ силахъ, ибо для этого пришлось бы устранить самый фактъ дѣторожденія, т. е. самый фактъ исторіи. Далѣе, будучи закономъ болѣе сложнымъ, такъ какъ онъ обнимаетъ взаимнодѣйствіе между организмомъ и разнообразной, разнородной средой, законъ приспособленія подлежитъ гораздо болѣе многостороннему измѣняющему и регулирующему вмѣшательству человѣка, чѣмъ простой законъ наслѣдственности. Возможность прямаго вліянія человѣка на наслѣдственную передачу ничтожна въ сравненіи съ возможностью вліянія его на обстановку (въ самомъ обширномъ смыслѣ), т. е. на приспособленіе. Въ силу закона консервативной наслѣдственности (lex hereditatis conservativae Гэккеля) организмъ цѣликомъ воплощается въ своихъ потомкахъ, и если бы дѣйствовалъ только одинъ этотъ законъ, измѣняемость видовъ оказалась бы немыслимою. Но вліяніе измѣнившихся условій жизни влечетъ за собою и измѣненія организма, которыя вновь передаются потомству на ряду съ наслѣдственными признаками родителей (lex heriditatis adaptatae). Изъ всего этого слѣдуетъ, что Іегеръ совершенно неосновательно раздуваетъ значеніе закона индивидуальныхъ измѣненій, умалчивая въ то же время о законѣ наслѣдственной передачи. Только благодаря этой односторонности, Іегеръ и можетъ противополагать генеалогическій принципъ еврейскаго общества излюбленному имъ принципу раздѣленія труда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они переплетаются тысячами нитей. Прежде всего они другъ другу нисколько не мѣшаютъ; ибо если природа и исторія раздробятъ населеніе данной мѣстности вертикально, т. е. установятъ обособленныя національныя и племенныя единицы, единицы генеалогическія, то внутри этихъ единицъ могутъ безпрепятственно существовать и горизонтальныя перегородки по принципу раздѣленія труда, т. е. единицы сословныя, профессіональныя и т. д. Іегеръ не различаетъ этихъ горизонтальныхъ и

вертикальныхъ дѣленій, что имѣетъ смыслъ только съ извѣстной общей точки зрѣнія, на которую Іегеръ не становится. Онъ ухитряется и противополагать принципъ генеалогическій принципу раздѣленія труда и въ то же время самымъ грубымъ образомъ ихъ смѣшивать. Такъ, на стр. 118, онъ говоритъ о еврейскихъ «erbliche Kasten», а въ выноскѣ замѣчаетъ: «oder Stämmen, wie die deutsche Nation bis vor Kurzem». Kaste—каста, сословіе и Stamm — племя, — это двѣ вещи различныя. Единство Германіи даже болѣе широкое, чѣмъ теперешнее, еще отнюдь не ручается за уничтоженіе горизонтальныхъ перегородокъ. Далѣе, каждое индивидуальное измѣненіе стремится упрочиться путемъ наслѣдственной передачи въ потомствѣ, вмѣстѣ съ чѣмъ принципъ раздѣленія труда, соотвѣтствующій закону индивидуальныхъ измѣненій, постепенно переходитъ въ принципъ генеалогическій, соотвѣтствующій закону наслѣдственности. Въ обществѣ этотъ переходъ можетъ встрѣтить особенно благопріятствующія условія тогда именно, когда въ обществѣ раздѣленіе труда сдѣлало значительные успѣхи. При этомъ генеалогическій принципъ можетъ мѣнять свою подкладку, смѣнить гербъ на золото, но это не мѣшаетъ ему оставаться генеалогическимъ. Іегеръ можетъ сколько угодно толковать, что «общность происхожденія не есть ручательство за сходство организмовъ», но закона наслѣдственности онъ не имѣетъ никакого права вычеркивать изъ своихъ разсчетовъ. Сама по себѣ общность происхожденія есть самое вѣрное и единственное ручательство за сходство организмовъ. Ручательство это теряетъ свою силу только практически, въ связи съ измѣненіемъ условій жизни. Приводимые Іегеромъ факты, что у умнаго отца можетъ быть глупый сынъ и проч., ровно ничего не доказываютъ и ровно ни къ чему не обязываютъ. Во-первыхъ, имъ можно противопоставить милліоны противоположныхъ фактовъ. Вовторыхъ, на нихъ слѣдуетъ смотрѣть либо какъ на исключеніе («всего разумнѣе смотрѣть на наслѣдственную передачу всякаго любаго признака, какъ на правило, а на непередачу его, какъ на исключеніе»—Дарвинъ), либо какъ на продукты закона скрытой или перемежающейся

наслѣдственности, либо какъ на результаты приспособленія. Въ первомъ случаѣ они ничто, во второмъ зависятъ отъ игнорируемаго Іегеромъ закона, въ третьемъ могутъ быть въ извѣстной мѣрѣ регулированы, представляютъ тлѣющій уголь, который можетъ быть залитъ водой, а можетъ быть и раздутъ до того, что при благопріятныхъ условіяхъ произведетъ цѣлый пожаръ. Раздѣленіе труда несомнѣнно играетъ въ этомъ отношеніи роль мѣховъ и, путемъ побѣды прогрессивной наслѣдственности надъ наслѣдственностью консервативной, можетъ только поднять постепенно, въ теченіе множества поколѣній, признаки индивидуальные до степени признаковъ видовыхъ. Іегеръ полагаетъ, что раздѣленіе труда составляетъ результатъ индивидуальныхъ измѣненій. Такъ думалъ и Платонъ. Адамъ Смитъ полагалъ напротивъ, что раздѣленіе труда есть источникъ неравенства. Споръ этотъ, поднятый до гипотетическаго момента появленія раздѣленія труда и неравенства, если не теоретически, то практически можетъ быть уподобленъ знаменитымъ пререканіямъ о томъ, что прежде появилось на свѣтъ: курица, или яйцо? Онъ можетъ быть даже имѣетъ свою цѣну въ качествѣ умственной гимнастики, но практически совершенно безплоденъ. Отправляясь отъ факта индивидуальныхъ измѣненій, Іегеръ, желая поразить генеалогическій принципъ и возвеличить принципъ раздѣленія труда, приходитъ къ столь трудно постижимой путаницѣ, что мы боимся, какъ бы читатели не заподозрили нашу вышеприведенную цитату въ невѣрности перевода. Вотъ собственныя слова Іегера: «Der Sohn eines intelligenten Vaters kann ein sehr unintelligenter Mensch sein, der Sohn eines Vaters, der eine bestimmte Befähigung hat, kann eine Befähigung nach einer ganz andern Richtung aufweisen, und die gleichen Unterschiede finden sich zwischen Geschwistern. Nun besteht in aller Welt die Organisation darin, dass Gleichartiges verbunden und Ungleichartiges gesondert wird, wo nicht — geht eine Menge Kraft, wie man sagt, durch Reibung verloren und ein solches Ganze ist offenbar weniger befähigt zu Angriff und Vertheidigung, als ein aus Gleichartigem Zusammengesetztes» (117). Одно изъ двухъ:

или это отрицаніе семьи, какъ цѣлаго, весьма стойкаго въ борьбѣ за существованіе—что такъ старался доказать Іегеръ выше; или это отрицаніе расчлененнаго по принципу раздѣленія труда общества, съ той же точки зрѣнія устойчивости въ борьбѣ—что Іегеръ такъ старается доказать на всемъ протяженіи своихъ размышленій. Можно даже сказать, что это отрицаніе и того, и другаго, ибо ни генеалогическій принципъ, ни принципъ раздѣленія труда не даютъ общества равныхъ, сходныхъ членовъ. Но во всякомъ случаѣ первый стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше. Разбросать семью, родъ, племя, народъ по закоулкамъ индивидуальныхъ измѣненій, подхваченныхъ и раздутыхъ раздѣленіемъ труда,—это не особенно выгодно. А главное Іегеръ все забываетъ законъ наслѣдственности и связанное съ нимъ превращеніе принципа раздѣленія труда въ принципъ генеалогическій. Древніе римляне очень хорошо понимали, что «servi aut nascebantur, aut fiebant»; нашимъ предкамъ также было извѣстно, что „рабы рождаются или бываютъ; раждаются, иже отъ нашихъ рабынь прибывающе намъ; бываютъ иже отъ языческаго закона, рекше отъ плена рабынямъ сущимъ". И неизвѣстно это только Густаву Іегеру. Легко конечно сказать, что въ обществѣ по типу раздѣльнаго труда, въ противоположность генеалогической общественной организаціи, нѣтъ „насильственнаго навязыванія человѣку какого-нибудь дѣла только потому, что его отецъ занимался этимъ дѣломъ». Конечно, никто не навязываетъ мужику его мужицкаго дѣла только потому, что его отецъ занимался этимъ дѣломъ; никто не навязываетъ сыну нищаго нищенскаго промысла; никто не требуетъ, чтобы рабочій непремѣнно отдавалъ своихъ дѣтей на фабрику. Каждому изъ нихъ предоставляется полная свобода дѣйствія: хочешь воздѣлывать вмѣсто земли науку—вотъ гимназія, университетъ, академіи; хочешь—занимайся торговлей, промышленностью; хочешь—отдохни отъ борьбы за существованіе за роялемъ, передъ мольбертомъ—никто не препятствуетъ. И дѣйствительно, кто же препятствуетъ? Густавъ Іегеръ по крайней мѣрѣ нисколько не препятствуетъ...

Еще два слова и мы покончимъ съ Іегеромъ. Въ остальной части своей книги онъ подходитъ съ мѣркой пригодности въ борьбѣ за существованіе къ нѣкоторымъ религіознымъ догматамъ и разсматриваетъ, какъ оружіе въ борьбѣ, вѣру въ безсмертіе души, въ чудеса, христіанское представленіе о Богѣ и проч. Одинъ нѣмецкій журналъ выразился по поводу этихъ его поразительныхъ размышленій такъ: «Dr. Іегеръ показалъ только, какимъ образомъ дарвинистъ можетъ примириться съ теологіей, но не наоборотъ». На это Іегеръ отвѣчаетъ: «Это дѣло не мое, а теологовъ. Чтобы примириться съ религіей, я серьезно и старательно изучалъ священное писаніе. Если они также серьезно и старательно будутъ изучать теорію Дарвина, и они съ нею примирятся». Мы съ своей стороны замѣтимъ только, что Dr. Іегеръ ничего не показалъ, кромѣ своего ночнаго колпака. Чтобы показать читателю характеръ соображеній Іегера, мы приведемъ одинъ примѣръ. Безсмертіе души — говоритъ онъ — съ научной точки зрѣнія не существуетъ, но, какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе, вѣра въ безсмертіе души можетъ служить хорошими шпорами для «Gefühlsmenschen», побудить ихъ и къ усовершенствованію, и къ самопожертвованію. И въ этомъ ея практическое оправданіе. Что же касается до «Verstandsmenschen» въ родѣ самого Густава Іегера, то они должны укрѣплять эту вѣру, сами оставаясь однако внѣ ея вліянія. Впрочемъ ферштандсменшъ Іегеръ утверждаетъ, что онъ какъ-то даже и въ собственной головѣ можетъ единовременно удержать оба эти воззрѣнія. Мы едва смѣемъ даже упомянуть о томъ, на сколько такое «примиреніе съ религіей» преступно съ истинно-религіозной, христіанской точки зрѣнія. Но оно отвратительно и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, и предложить его можетъ только такой Verstandsmensch, какъ Густавъ Іегеръ или Рудольфъ Вагнеръ. Оно представляетъ однако вполнѣ удовлетворительный корольарій къ возвеличенію принципа раздѣленія труда: вѣра для однихъ и невѣріе для другихъ, для однихъ одно міросозерцаніе, для другихъ — другое, или два взаимно-исключающіяся міросозерцанія въ одной головѣ, два разныхъ

человѣка въ одномъ человѣкѣ, — что можетъ быть пригоднѣе для Іегеровскаго идеала—муравьиной кучи, гдѣ уже есть плодовитые и безполые, рабы и господа? Омерзительность измышленій Іегера нѣсколько услащается его изумительною наивностью. «Теорія Дарвина и ея отношеніе къ религіи и морали» очень напоминаетъ надѣлавшую въ свое время много шуму книгу извѣстнаго гёттингенскаго физіолога, Вагнера («Ueber Wissen und Glauben, mit besonderer Beziehung zur Zukunft der Seelen. Fortsetzung der Betrachtungen über Menschenschöpfung und Seelensubstanz, Göttingen», 1854 г.). Сходства много и въ пріемахъ, и въ самыхъ положеніяхъ. И мы закончимъ нашу статью отзывами Лотце и Вирхова о книжкѣ Вагнера. «Трудно—говоритъ первый—успокоиться на принципіальномъ противорѣчіи двухъ міросозерцаній и признавать научную невозможность религіозною необходимостью. Можно сознавать недостаточность научныхъ доказательствъ въ пользу безсмертія души и все-таки вѣровать въ него; но быть убѣжденнымъ въ невозможности безсмертія или свободы воли и въ то же время требовать, чтобы въ нихъ вѣровали,—это безсмысленная игра. На что же послѣ этого наука, если она можетъ допустить существованіе въ насъ, единовременно и впродолженіе всей жизни, двухъ различныхъ направленій мысли въ родѣ того, какъ колеса и зубцы машины дѣйствуютъ каждый по своему, не имѣя другъ объ другѣ понятія? Такое раздѣленіе мнѣній—безсмыслица. Еслибы оказалось, что знанія наши исключаютъ тотъ или другой моральный постулятъ, то можно спасти то или другое, но во всякомъ случаѣ что-нибудь одно». Вирховъ говоритъ: «Немногіе натуралисты будутъ въ состояніи поставить свои религіозныя и научныя убѣжденія въ совершенную независимость другъ отъ друга и вести себя въ различное время различно. Большинство не выдержитъ и постарается привести свои воззрѣнія къ единству». Отзывы эти были высказаны еще по поводу первыхъ упражненій Вагнера въ «двойной бухгалтеріи» въ 1852 г., въ «Аугсбургской Всеобщей Газетѣ». Вагнеръ приводитъ ихъ въ своей книгѣ, откуда мы ихъ и заимствуемъ. Лотце и Вирховъ выра-

жаются очень сдержанно, быть можетъ въ уваженіе прежнихъ научныхъ заслугъ Вагнера. Не такъ отдѣлалъ его болѣе пылкій Фогтъ («Köhlerglaube und Wissenschaft», 1855 г.).

Любопытно, что Іегеръ совершенно увѣренъ, что онъ водрузилъ какое-то собственное знамя; такъ прямо и говоритъ—«водрузилъ знамя». Читатель видитъ, что онъ водрузилъ свой ночной колпакъ.

II. Теорія Дарвина и телеологія *).

I.

Каждому изъ васъ, читатели, можетъ быть не разъ на своемъ вѣку приходилось испытать то тревожное, непосѣдное состояніе духа, когда человѣку кажется, что всѣ встрѣчные обращаютъ на него особенное вниманіе, что мысли и глаза всѣхъ и каждаго устремлены въ его сторону. Такъ иного, если ему случится явиться въ обществѣ безъ галстуха, неотступно преслѣдуетъ мысль, что безпорядокъ его костюма немедленно замѣтятъ, что все общество только и дѣла дѣлаетъ, что смотритъ на его шею. Такъ свѣже-испеченный прапорщикъ гордо шагаетъ по улицѣ, будучи твердо увѣренъ, что его новенькіе эполеты составляютъ фокусъ, въ которомъ сходятся всѣ взгляды и помышленія. Такъ мелочно-самолюбивый писатель въ глубинѣ души своей непоколебимо убѣжденъ, что каждая его строчка имѣетъ великое значеніе и должна приковать къ себѣ общее вниманіе. Такъ есть мономаны, предполагающіе, что имъ со всѣхъ сторонъ грозитъ опасность, что каждый норовитъ имъ насолить, унизить ихъ, наконецъ даже покуситься на ихъ жизнь. И человѣку кажется обыкновенно въ такихъ случаяхъ, что онъ дѣйствительно составляетъ предметъ общаго вниманія — благосклоннаго или враждебнаго. Онъ не только съ удовольствіемъ

*) 1870 года. Мартъ.

или со страхомъ ждетъ случая сдѣлаться средоточіемъ взглядовъ, помышленій, чувствъ, дѣйствій, но истолковываетъ въ этомъ смыслѣ каждый шагъ, каждое движеніе всякаго встрѣчнаго и готовъ приплести къ дѣлу своей личности даже „чиновника совершенно посторонняго вѣдомства“. На дѣлѣ такое всеобщее вниманіе выпадаетъ на долю очень немногихъ, а потому указанному психическому состоянію сплошь и рядомъ приходится сталкиваться съ фактами, столь осязательно свидѣтельствующими о его несоотвѣтствіи дѣйствительному ходу вещей, что перетолковать ихъ не представляется никакой возможности. Въ такомъ случаѣ человѣкъ, одержимый вѣрою въ центральность своего положенія, либо чрезмѣрно радуется самымъ естественнымъ и обыденнымъ событіямъ, либо чрезмѣрно печалится о вещахъ не менѣе простыхъ и естественныхъ. Такъ, если отсутствія галстуха очевидно никто не замѣтилъ, то владѣлецъ обнаженной шеи готовъ привѣтствовать это происшествіе, какъ изъ ряду вонъ выходящее. Такъ какой нибудь плохой виршеплетъ, разсчитывающій на всеобщія похвалы, негодуетъ на встрѣчаемое имъ равнодушіе, хотя равнодушіе это есть явленіе совершенно законное и естественное. Въ большинствѣ случаевъ однако виршеплетъ этого явленія оцѣнить не можетъ и видитъ въ немъ не просто равнодушіе, а намѣренное преслѣдованіе его личности. Въ нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ эта чисто личная нота достигаетъ совершенно уродливой звучности: человѣкъ слышитъ одобреніе или неодобреніе себѣ въ скрипѣ колесъ, въ завываніяхъ вѣтра, въ шумѣ волнъ и проч. Если мы вздумаемъ анализировать то охватывающее все существо человѣка предвзятое мнѣніе, которое заставляетъ его смотрѣть на весь окружающій міръ подъ такимъ острымъ угломъ, то найдемъ, что элементы его крайне бѣдны содержаніемъ сочувственнаго опыта. Только у людей, психическій аппаратъ которыхъ сложился совершенно въ сторонѣ отъ чужихъ радостей и горестей, или только въ такіе моменты, когда наши личные интересы совершенно заслоняютъ отъ насъ интересы сосѣдскіе, можетъ явиться подобная слѣпая увѣренность въ центральности

своего положенія. Если вы явились въ общество не для того только, чтобы себя показать, отсутствіе галстуха отнюдь не смутитъ васъ въ такой мѣрѣ, и вы навѣрное послѣдній замѣтите этотъ небольшой безпорядокъ своего туалета. Если писатель имѣетъ какую-нибудь общую хотя бы съ небольшою группою людей цѣль, а не ушелъ весь въ свою собственную личность, то хотя его и можетъ огорчить невниманіе къ его работамъ, но онъ будетъ знать себѣ цѣну: онъ не объ себѣ думаетъ, когда пишетъ, не на свою личность желаетъ обратить вниманіе общества, а на тѣ свои мысли, которыя считаетъ хорошими, вѣрными, справедливыми, полезными.

Тревожное состояніе духа человѣка, ушедшаго въ себя и рекомендующаго свою личность особенному покровительству или особенному преслѣдованію со стороны окружающаго міра, принимаетъ иногда явно патологическія формы, сопровождаясь иллюзіями и галлюцинаціями. А не разъ уже было замѣчено многими антропологами, что между нѣкоторыми патологическими явленіями въ средѣ современной цивилизаціи и явленіями первобытной жизни человѣка можетъ быть установленъ весьма плодотворный параллелизмъ. Хотя мы и не совсѣмъ раздѣляемъ мысль объ этомъ параллелизмѣ въ томъ общемъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно высказывается, но указанные нами психологическіе факты могутъ кажется отчасти способствовать уясненію первыхъ ступеней человѣческой исторіи. Голый, грязный, одинокій первобытный человѣкъ, только что ставшій человѣкомъ, еще не извѣдавшій ничего, кромѣ своихъ личныхъ желаній и потребностей, естественно впродолженіе всей своей жизни долженъ находиться въ тревожномъ эгоцентрическомъ настроеніи. И безъ сомнѣнія источникъ того страннаго явленія въ жизни дикарей, которое извѣстно, благодаря многимъ наблюдателямъ, подъ именемъ пантофобіи (всебоязнь), лежитъ въ слабомъ развитіи кооперації и маломъ количествѣ ощущеній и впечатлѣній сочувственнаго опыта. Представьте только себѣ этого дикаго двуногаго звѣря, въ которомъ уже копошатся однако человѣческія мысли; представьте его себѣ среди роскош-

ной тропической природы, полной страшныхъ и восхитительныхъ звуковъ, полной опасностей и въ то же время щедрой до роскоши, или среди холода и мрака сѣвера, гдѣ воетъ леденящій вѣтеръ, гдѣ стелятся безконечныя снѣжныя равнины. И среди всего этого величія, среди этихъ ужасовъ и роскоши, среди этого царства холода и голода движется и живетъ человѣкъ. Онъ слышитъ рокотъ грома, шумъ прибоя волнъ, вой вѣтра, шумъ вершинъ деревьевъ въ дремучемъ лѣсу, въ который онъ вступаетъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ и прислушиваясь къ каждому шелесту. Что это за звуки? Отвѣтъ у него готовъ. Онъ знаетъ, какіе оттѣнки принимаетъ его собственный голосъ, когда онъ доволенъ или недоволенъ, когда ему хочется ѣсть или когда онъ наѣлся; онъ ловитъ жалкія аналогіи и воздвигаетъ на нихъ цѣлое міросозерцаніе. Человѣкъ создаетъ себѣ боговъ по образу и подобію своему. Но если громовой ударъ означаетъ чей-то гнѣвъ, то на кого онъ обращенъ и кому угрожаетъ? Кому! Развѣ этотъ двуногій звѣрь знаетъ что нибудь кромѣ самого себя? развѣ онъ можетъ принять въ соображеніе, что тутъ-же, въ двухъ шагахъ отъ него, такой же двуногій звѣрь принялъ тотъ же ударъ грома на свой счетъ, а тамъ дальше третій двуногій звѣрь со страхомъ отскочилъ отъ куста, въ которомъ послышался зловѣщій шумъ колецъ змѣинаго хвоста, и что въ головѣ этого третьяго двуногаго звѣря уже смутно мерцаетъ такое-же эгоцентрическое рѣшеніе вопроса о значеніи этого шума? Развѣ этотъ двуногій звѣрь не тотъ же свѣтскій человѣкъ безъ галстуха, не тотъ же свѣже-испеченный прапорщикъ, не тотъ же мелкотравчатый, но самолюбивый писатель, который весь ушелъ въ себя и ничего кромѣ своей собственной личности не знаетъ, не видитъ и не понимаетъ?

Въ теченіе множества вѣковъ раздвигается мало по малу путемъ кооперації личное существованіе первобытнаго человѣка. Онъ сознаетъ солидарность своихъ интересовъ съ интересами своей семьи, рода, племени и т. д., научается переживать чужую жизнь, и его телеологія становится шире. Характеръ ея

однако еще долго не измѣняется, т.-е. долго еще человѣкъ предоставляется исключительному покровительственному или враждебному вниманію окружающаго міра. Если эта объективно-антропоцентрическая телеологія и претерпѣваетъ какія либо измѣненія, то не качественныя, а только количественныя. Смотря по ходу историческихъ событій, средоточіе природы, предметъ особеннаго вниманія всякихъ естественныхъ и неестественныхъ силъ, то расширяется, то съуживается, т.-е. уменьшается или увеличивается число кооперирующихъ, находящихся подъ покровительствомъ однѣхъ и тѣхъ-же силъ. Маркъ-Аврелій воюетъ съ маркоманами; при этомъ ему однажды совершенно неожиданно помогаетъ дождь: находящіеся въ войскѣ Марка-Аврелія христіане приписываютъ эту помощь своимъ молитвамъ, язычники и самъ Маркъ-Аврелій — благости Юпитера. Ѳразивулъ идетъ освобождать Аѳины отъ ига тридцати тирановъ; войско Ѳразивула видитъ передъ собой блестящій метеоръ: то пламя, ниспосланное богами для освѣщенія пути, неизвѣстнаго врагамъ. И т. п. *). Въ своихъ послѣднихъ „Опытахъ“ Максъ-Мюллеръ различаетъ троякаго рода касты: этнологическія, политическія и профессіональныя. (Essays von Max-Müller. Leipzig, 1869, B. II. Es. XXVII «Kaste», p. 285). Арійцы и судра въ Индіи, бѣлые и негры въ Америкѣ и т. п. суть представители этнологически обособленныхъ группъ, т.-е. касты состоятъ здѣсь изъ различныхъ расъ. Этнологическій элементъ ведетъ къ установленію только двухъ кастъ: побѣдителей и побѣжденныхъ, рабовъ и господъ. Затѣмъ въ обществѣ начи-

*) Pour rattacher à l'intervention divine un événement rare, ou arrivé dans une circonstance opportune, suffira soit de *la passion violente qui veut associer à son délire la nature entière*, soit de la flatterie qui appele le Ciel au secours des princes ses représentants sur la terre, soit enfin du sentiment religieux qui arme contre le crime et le vice une vengeance surnaturelle, et, par une assistance merveilleuse, seconde les desseins de l'homme juste et les efforts de l'innocence opprimée. (Des sciences occultes ou essai etc., par E. Salverte, 3 ed. Paris, 1856, p. 63).

нается борьба партій, результатомъ которой являются касты политическія, каковы патриціи и плебеи въ древнемъ Римѣ. Политическій элементъ дробитъ обыкновенно общество на три группы, обособляя изъ массы народа военную аристократію и духовную іерархію. Такъ, въ Индіи, наряду съ этнологическими кастами арійцевъ и судровъ, сами арійцы распадаются на браминовъ, кшатріевъ или воиновъ, и ваисіевъ или простыхъ гражданъ. Естественнымъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ политической касты является каста профессіональная. Каждая этнологическая, политическая и профессіональная группа придаетъ себѣ особенное значеніе и признаетъ своихъ членовъ достойными исключительнаго вниманія боговъ. Максъ-Мюллеръ приводитъ нѣкоторые военные гимны арійцевъ, въ которыхъ не знаешь чему удивляться: безграничной-ли ненависти къ судрамъ, или объективному антропоцентризму, насквозь проникающему эти страшныя пѣсни. Тѣ же элементы враждебности и вѣры въ центральность своего положенія сквозятъ въ каждой строкѣ древнихъ разсказовъ о безпощадной войнѣ между браминами и кшатріями. Но ходъ исторіи можетъ то сгладить кастовыя перегородки и дать перевѣсъ принципу простаго сотрудничества, то усугубить эти перегородки и установить ярко выраженное раздѣленіе труда. Сообразно этимъ колебаніямъ, въ развитіи и историческихъ формахъ кооперація измѣняются и направленіе и интенсивность объективно-антропоцентрической телеологіи. Она достигаетъ высшей ступени своего развитія, когда центромъ природы признается не та или другая этнологическая, политическая или профессіональная каста, а все человѣчество, человѣкъ вообще. Таково высокое ученіе Будды. Выше этого объективно-антропоцентрическая телеологія подняться не можетъ. И за этимъ послѣднимъ количественнымъ измѣненіемъ первобытной телеологіи идетъ измѣненіе уже качественное. Рушится послѣдняя соломенка, за которую хватается утопающій антропоцентризмъ, и оказывается, что

...unfühlend
Ist die Natur:

Es leichtet die Sonne
Ueber Bös und Gute... (Гёте).

Знаніе, наблюденіе окружающихъ явленій убѣждаютъ человѣка, что природа отнюдь не выражаетъ особенной заботливости къ его судьбѣ. Но сама додумавшаяся до этого отрицательнаго результата, мысль человѣческая находится подъ вліяніемъ формы кооперації и, охваченная со всѣхъ сторонъ эксцентрическимъ общественнымъ строемъ, т. е. кооперацією раздѣльнаго труда, воздвигаетъ новую телеологію, — телеологію эксцентрическую. Мы говорили уже о судьбахъ человѣческой мысли подъ вліяніемъ раздѣленія труда. Мы видѣли, что, вмѣстѣ съ окончательнымъ практическимъ распаденіемъ труда на трудъ умственный и физическій, теоретически человѣкъ разрубается на двѣ части; что, далѣе, наука и философія стремятся разбѣжаться въ разныя стороны, т. е. происходитъ практическое распаденіе и въ сферѣ спеціалистовъ умственной дѣятельности. Какъ представители умственнаго труда и труда физическаго вступаютъ между собою въ страшную, хотя и не всегда кровавую борьбу за существованіе, такъ борятся между собою и представители науки и философіи. Одни зарываются въ мелочи, не пытаясь связать ихъ въ одно цѣлое, и съ презрительною улыбкою противопоставляютъ эмпирическимъ путемъ добытые грошовые результаты произвольнымъ трансцендентальнымъ обобщеніямъ метафизической философіи. Метафизики съ другой стороны не менѣе презрительно смотрятъ на этихъ жалкихъ тружениковъ, на этихъ «рабовъ чувствъ и опыта» и тщатся объяснить и обнять вселенную чистою (отъ примѣси чувственныхъ воспріятій) мыслію. Эксцентризмъ, распаденіе человѣка на самостоятельные и враждебные другъ другу осколки забиваетъ однихъ и разбиваетъ другихъ. Забитые не смѣютъ поднять глаза къ небу, разбитые не оглядываются на землю. Особенность эксцентрическаго періода развитія мысли состоитъ, какъ мы видѣли, въ попыткахъ половинчатыхъ, разрубленныхъ людей отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія. Одни считаютъ возможнымъ обойтись безъ всякой теоріи, другіе наоборотъ—строить теоріи

помимо опыта и наблюденія. На дѣлѣ однако и то, и другое оказывается одинаково невозможнымъ, ибо, какъ ни много сдѣлала исторія для того, чтобы раздробить человѣка, но онъ все-таки представляетъ единое цѣлое, и мысль связана съ чувственными воспріятіями неразрывною цѣпью. Данныя опыта необходимо группируются въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. обобщаются, теоретизируются, а теоріи необходимо вытекаютъ изъ данныхъ опыта и наблюденія. Все дѣло въ томъ, что, какъ говоритъ Гэккель, „чистые эмпирики довольствуются неполною и неясною, ими самими несознаваемою философіею, а чистые философы — столь же неудовлетворительною эмпиріею“ *). Такъ строго обозначены границы человѣка и такъ тщетны наши усилія вырваться изъ нихъ въ ту или другую сторону. Поэтому нельзя

---

*) „Im Grunde freilich gestaltet sich das thatsächliche Verhältniss überall so, dass die reinen Empiriker sich mit einer unvollständigen und unklaren, ihnen selbst niht bewussten Philosophie, die reinen Philosophen dagegen mit einer eben solchen, unreinen und mangelhaften Empirie begnügen“. (Generelle Morphologie der Organismen. I, 73).

„Zwei Wege sind es, auf denen die Naturwissenschaft gefördert werden kann: Beobachtung und Reflexion. Die Forcher ergreifen meistens für den einen von beiden Partei. Einige verlangen nach Thatsachen, andere nach Resultaten und allgemeinen Gesetzen, jene nach Kentniss, diese nach Erkentniss, jene möchten für bessonnen, diese für tiefblickend gelten. Glücklicherweise ist der Geist des Menschen selten so einseitig ausgebildet, dass es im möglich wird, nur, den einen Weg der Forschung zu gehen, ohne auf den anderen Rücksicht zu nehmen. Unwillkürlich wird der Verächter der Abstraction sich von Gedanken bei seiner Beobachtung beschleichen lassen; und nur in kurzen Perioden der Fieberhitze ist sein Gegner vermögend sich der Speculation im Felde der Naturwissenchaft mit völliger Hintansetzung der Erfahrung hinzugeben“. (C. E. v. Bär. Zwei Worte über den jetzigen Zustand der Naturgeschichte. Königsberg, 1821).

«Метафизики всѣхъ вѣковъ, пытавшіеся построить законы вселенной умозаключеніемъ отъ предполагаемыхъ необходимостей нашей мысли, всегда дѣйствовали и могли дѣйствовать, лишь ревностно открывая въ своемъ умѣ то, что сами предварительно въ него вложили, и выпутывая изъ своихъ идей то, что они сами сначала впутали». (Дж.-Ст. Миль, «Система логики», II, 307).

полагаться на увѣренія спеціалистовъ-эмпириковъ, будто они не придерживаются никакой философіи; хотя философія эта по всей вѣроятности очень бѣдна и жалка, но она несомнѣнно существуетъ. Точно также нельзя вѣрить и метафизикамъ, утверждавшимъ, что они добыли данныя своей философіи путемъ чистаго, независимаго изъ чувственныхъ воспріятій мышленія; хотя обобщенія ихъ покоятся на очень плохо обслѣдованныхъ фактахъ опыта и наблюденія, но несомнѣнно вытекаютъ изъ послѣднихъ. И дѣйствительно. Метафизики, обнимающіе чистою мыслью вселенную, съ гордостью отворачиваются отъ древняго предразсудка, ставившаго средоточіемъ природы человѣческую индивидуальную, реальную или юридическую, идеальную личность. Предразсудокъ этотъ лежитъ у ихъ ногъ, раздавленный успѣхами знанія и кооперації. Но съ презрѣніемъ попирая одну историческую форму телеологіи, метафизики выставляютъ новую. «Нѣтъ,—говоритъ эксцентрикъ,—человѣкъ не есть средоточіе и цѣль природы. Это жалкая, грубая, эгоистическая телеологія. Изучая природу, мы должны забыть, что мы люди, должны забыть свои стремленія, желанія, нужды, и тогда мы увидимъ, что истинная, законная телеологія состоитъ въ изысканіи цѣлесообразности въ природѣ вообще, въ вѣрованіи, что природа осуществляетъ собою нѣкоторый предуставленный планъ, не имѣющій одного опредѣленнаго центра, но заранѣе указывающій мѣсто, направленіе и силу дѣйствія каждаго малѣйшаго атома. Отбросимъ предвзятое мнѣніе, что природа заботится о насъ болѣе, чѣмъ о какой-либо другой своей части; она осуществляетъ свои цѣли не въ виду человѣка, а на каждомъ шагу, въ каждой инфузоріи, въ каждомъ кристалѣ". Такъ говоритъ эксцентрикъ-метафизикъ, рекомендуя свой выводъ, какъ полученный путемъ созерцанія чистой мысли. Нетрудно однако открыть тѣ вполнѣ реальныя, опытно-наблюдательныя сваи, на которыхъ построена эта эксцентрическая телеологія. Нетрудно также показать, что, несмотря на коренную разницу между этою теологіею и телеологіею первобытныхъ людей, обѣ онѣ имѣютъ гораздо болѣе общихъ чертъ, чѣмъ можетъ показаться съ пер-

ваго взгляда. Нетрудно наконецъ убѣдиться и въ томъ, что въ случаѣ эксцѣнтрической телеологіи въ дѣйствительности не происходитъ никакого отреченія отъ человѣческихъ нуждъ, стремленій, желаній, предвзятыхъ мнѣній, что самообольщеніе коренится здѣсь только въ недостаткѣ контроля сознанія.

При видѣ обыкновеннаго маятника предо мною поднимаются иногда, какъ бы воплощенныя, нѣкоторыя стороны исторіи человѣческой мысли. Раздумывая о судьбахъ человѣческой мысли, я часто вспоминаю колебанія маятника.

Если вывести маятникъ изъ спокойнаго состоянія, т.-е. отвести его на какое-нибудь разстояніе, напримѣръ вправо, то маятникъ опишетъ въ противоположную сторону, т.-е. влѣво, дугу, математически-равную (если не принимать въ соображеніе дѣйствія тренія и сопротивленія воздуха) высотѣ, на которую вы его подняли, и опять устремится назадъ. Съ исторіей человѣческихъ мнѣній и взглядовъ происходитъ нѣчто въ томъ же родѣ, особенно, если представить себѣ, что маятникъ, кромѣ колебательнаго, имѣетъ еще поступательное движеніе впередъ, всею своею поверхностью.

Было время, когда люди выходили на поединокъ, какъ на „судъ Божій“, для рѣшенія своихъ личныхъ вопросовъ. Они вѣрили, что «пуля виноватаго найдетъ», что божественные дѣятели непремѣнно снизойдутъ до ихъ домашнихъ дѣлъ и дрязгъ, примутъ въ поединкѣ сторону праваго, дадутъ ему побѣду и поразятъ виноватаго. Прошли года, и эта вѣра въ возможность и необходимость ежеминутнаго вмѣшательства божества въ человѣческія дѣла исчезла: опытъ, наблюденіе и кооперація вырвали изъ-подъ нея почву, объективно-антропоцентрическая телеологія въ этой сферѣ стушевалась. Но исторія вложила новое содержаніе въ старую форму. Поединокъ, какъ судъ божій, исчезъ, но мы имѣемъ поединокъ, какъ судъ чести. Убѣдившись, что божество не слѣдитъ за каждымъ ихъ шагомъ, люди создали себѣ новое божество—честь, и соціальный маятникъ поднялся влѣво на высоту, равную высотѣ дуги, на которую онъ былъ поднятъ вправо процессомъ образованія объективно-

антропоцентрическихъ понятій. Что розмахи маятника вправо и влѣво равны между собою, хотя и происходятъ въ противоположномъ направленіи, въ этомъ нетрудно убѣдиться. Что такое дуэль, какъ судъ божій? Это вопервыхъ испытаніе — кто правъ и кто виноватъ, и современная дуэль, какъ судъ чести, представляетъ то же самое: и тамъ и здѣсь виноватъ погибшій и правъ уцѣлѣвшій. Это вовторыхъ очищеніе грѣха передъ божествомъ, какъ современная дуэль есть искупленіе грѣха передъ честью. Но въ первомъ случаѣ дѣло предоставляется рѣшенію ясно и цѣльно представляемаго сверхъестественнаго, но человѣко-подобнаго существа, тогда какъ во второмъ дѣло рѣшается честью, то-есть спеціализированною, обособленною отвлеченною категоріею, частицею психическаго механизма, оторванною отъ своего цѣлаго. Какъ чистая истина, чистое искусство, абсолютная справедливость, богатство для богатства, такъ и честь дуэлиста—созданы однимъ и тѣмъ же процессомъ общественныхъ дифференцированій. И, какъ всѣ остальныя отвлеченныя категоріи, изъ которыхъ пытаются вывести какое-либо практическое правило, честь въ дуэльномъ смыслѣ есть не что иное, какъ возведеніе факта данной минуты въ принципъ, рабское поклоненіе эмпирическимъ формамъ общественности. Человѣкъ воображаетъ, что онъ, идя на дуэль, отрекается отъ своихъ чувствъ, помысловъ, отъ всей своей жизни, и передъ нимъ, какъ одинокій маякъ, блеститъ только одна честь. Но никакого отреченія тутъ очевидно нѣтъ: въ его понятіи о чести невѣдомо для него самого сконцентрированы, сдавлены всѣ тѣ эмпирическія условія жизни, среди которой онъ выросъ и которую онъ повидимому приноситъ въ жертву чести. Его понятіе о чести относится къ его и окружающей его жизни, какъ оттискъ печати на конвертѣ къ самой печати. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ эксцентризма, которые мы указали въ другомъ мѣстѣ, голый фактъ, такъ сказать, принципіализируется, поднимается на высоту и облекается туманомъ отвлеченной категоріи. Затѣмъ въ самомъ ходѣ событій предполагается извѣстная тенденція, стремленіе къ нѣкоторой предопре-

дѣленной цѣли; именно, въ случаѣ дуэли предполагается, что самъ исходъ поединка отличитъ праваго отъ виноватаго. Далѣе, логическая необходимость не столь очевидная въ вопросѣ о поединкѣ, но не оставляющая сомнѣній для самаго поверхностнаго взгляда въ области теоретической мысли, влечетъ мысль къ созданію сверхъестественной, но чувствующей, желающей и мыслящей, по образцу человѣка, личности, и этому субъективному образу придается объективное значеніе *). Можно ли го-

*) Въ ведахъ, въ сочиненіяхъ и платониковъ, и гегельянцевъ, мистицизмъ есть ни болѣе ни менѣе какъ приписываніе объективнаго существованія субъективнымъ созданіямъ нашихъ собственныхъ способностей, идеямъ или чувствамъ нашего духа, и убѣжденіе, что, сторожа и созерцая эти идеи собственнаго произведенія, духъ можетъ читать въ нихъ происходящее во внѣшнемъ мірѣ» (Милль, I, с., 313). «Слѣдствіе неспособности отдѣлять ясно внѣшній объектъ отъ мысли или идеи его въ душѣ—очень полно и ясно проявляется въ суевѣрныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ необразованныхъ людей, но ея результаты никакъ этимъ не ограничиваются. Безъ преувеличенія можно сказать, что для того, чтобы прослѣдить ихъ вполнѣ, потребовалось бы полное изученіе исторіи и религіи» (Тайлоръ. Доисторическій бытъ человѣка и начало цивилизаціи: М. 1868, 195). Позволяю себѣ привести здѣсь слѣдующій, довольно любопытный эпизодъ изъ личной моей психической жизни. Мнѣ было лѣтъ шестнадцать, когда феномены сна и сновидѣній обратили на себя мое особенное вниманіе. И думы объ этихъ явленіяхъ привели меня къ такой космогоніи. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души; когда мы спимъ, то душа отдѣляется отъ тѣла и создаетъ разныя, хотя иногда и фантастическія фигуры, но по образу и подобію нашему. Эти образы, часть нашей души, живутъ своею собственною, самостоятельною жизнью, они имѣютъ реальное бытіе. Мы ихъ творимъ, и живутъ они, только пока мы не проснемся; тутъ имъ и конецъ. Мы сами такія же творенія, созданныя по образу и подобію божію, мы не что иное, какъ божественныя сновидѣнія. Богъ видитъ весь нашъ міръ во снѣ. Начало міра—когда Богъ заснулъ, конецъ—когда онъ проснется, т.-е. воплотится. Наше творчество слабѣе, потому что ужь изъ вторыхъ рукъ оно. Но можетъ быть еще третья генерація: создаваемые нами образы сами могутъ спать и творить. Замѣчательно, что передъ самымъ созданіемъ этой грандіозно-поэтической космогоніи, я былъ въ болѣзненно-сонливомъ настроеніи и спалъ очень много; слѣдовательно моя ребяческая фантазія въ буквальн-

ворить объ отреченіи мыслителя отъ своихъ человѣческихъ чувствъ и желаній, и не должна ли отразиться въ изслѣдованіи личность мыслителя со всѣми ея эмпирическими условіями, опредѣленными, психическими движеніями, когда напримѣръ Мильнъ-Эдвардсъ прямо говоритъ, что онъ смотритъ на природу, постоянно имѣя въ виду вопросъ: какъ бы сталъ поступать человѣкъ, еслибы ему предстояла задача построить вселенную (См. его Introduction à zoologie générale ou considération sur les *tendances de la nature* dans la constitution du règne animal. Paris, 1853). Естественное дѣло, что, такъ-какъ каждое дѣйствіе знаменитаго зоолога управляется извѣстными стремленіями, имѣетъ извѣстную цѣль, то, строго придерживаясь своего плана объясненія природы, онъ неминуемо и въ ней долженъ усмотрѣть des tendances и des causes finales. И онъ ихъ дѣйствительно усматриваетъ. Выкладывая передъ читателемъ свою программу объясненія природы, Мильнъ-Эдвардсъ только наивно откровенно передаетъ тотъ процессъ мысли, который проходитъ красною нитью сквозь весь эксцентрическій періодъ и который у другихъ эксцентриковъ лежитъ подъ спудомъ. Люди суть смертные боги, а боги—безсмертные люди,—это изрѣченіе Гераклита справедливо не для одной древности и не для одного объективно-антропоцентрическаго строя мысли. Лѣтъ за двадцать до появленія «Происхожденія видовъ» Дарвина, вышла на англійскомъ языкѣ книга неизвѣстнаго автора «Слѣды творенія» (Vestigen of Creation), въ которой, такъ сказать, предвосхищены нѣкоторыя стороны теоріи Дарвина (у насъ кажется есть переводъ ея съ нѣмецкаго перевода К. Фогта). Отрицая неизмѣняемость видовъ, неизвѣстный авторъ колеблетъ вмѣстѣ съ тѣмъ повидимому всѣ основы телеологіи. Онъ утверждаетъ,

---

номъ смыслѣ копировала Бога съ моего психическаго состоянія. Естественнымъ практическимъ выводомъ изъ этой фантазіи была обязанность какъ можно больше творить, т.-е. какъ можно больше спать. Но увы!—моя способность спать по шестнадцати часовъ въ сутки немедленно исчезла, вмѣстѣ съ чѣмъ я сталъ замѣчать крупныя прорѣхи въ своей космогоніи...

что законъ причинной связи и необходимости безконтрольно царствуетъ во вселенной. Но вся эта прекрасная аргументація, направленная противъ телеологіи объективно-антропоцентрической, вдругъ обрывается; авторъ объясняетъ, что возникновеніе матеріи было особымъ творческимъ актомъ, даровавшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ матеріи законы, которыми она уже и управляется сама собой. Фогтъ весьма остроумно и вѣрно замѣчаетъ, что такое представленіе «произволенія Божія», Творца и его отношеніе къ твореніямъ, есть точный снимокъ съ англійской конституціи: Творецъ даровалъ природѣ великую хартію и затѣмъ уже не вмѣшивается лично въ ходъ дѣлъ. Словомъ, это—перенесеніе на устройство вселенной извѣстной конституціонной формулы Гизо: le roi regne et ne gouverne pas.

Итакъ мистицизмъ, т.-е. возведеніе субъективной идеи на степень объективнаго существованія, и антропоморфизмъ, т.-е. копированіе личности Бога съ личности человѣка и окружающихъ его условій—вотъ та почва, которая обща и объективно-антропоцентрическому и эксцентрическому строю мысли. Безъ сомнѣнія общность этихъ чертъ значительно помогла Гэккелю, какъ и многимъ другимъ, смѣшать оба эти міросозерцанія подъ общимъ именемъ «дуалистическаго» или «телеологическаго», въ противоположность «монистическому» или «механическому». Строго дуалистиченъ только эксцентризмъ, и если какъ объективно-антропоцентрическое, такъ и эксцентрическое міросозерцанія оба имѣютъ одинаковое право на названіе телеологическихъ, то тѣмъ не менѣе между тою и другою телеологіею есть, съ человѣческой, гуманной, т.-е. единственно научной и справедливой точки зрѣнія, весьма важная разница: розмахи соціальнаго маятника равны между собою, но направлены въ разныя стороны. Съ тѣхъ поръ, какъ мышленіе перестало быть средствомъ и обратилось въ самостоятельную цѣль, въ Selbstzweck, какъ говорятъ нѣмцы, доступную только одной части общества, связь между этою частью и остальнымъ обществомъ порывается или по крайней мѣрѣ утрачивается сознаніе связи. Мыслящая часть общества значительно расширяетъ въ извѣстную сторону

свое психическое содержаніе. Опытъ и наблюденіе постепенно убѣждаютъ этихъ обезпеченныхъ чужимъ трудомъ людей, что вѣрованія ихъ предковъ и бокъ-о-бокъ живущихъ съ ними представителей физическаго труда суть не болѣе, какъ сказки, порожденныя запуганною фантазіею. Съ другой стороны къ тому же результату приводитъ и видоизмѣненіе, вслѣдствіе раздѣленія труда, направленія и интенсивности сочувственнаго опыта. Если бы возможенъ былъ такой ходъ исторіи, который не допустилъ бы въ обществѣ ничего подобнаго органическому развитію, т.-е. обособленію частей для разнородныхъ, спеціальныхъ функцій, то наростаніе знаній привело бы человѣчество отъ объективнаго антропоцентризма прямо къ антропоцентризму субъективному. Человѣкъ прямо, безъ всякихъ эксцентрическихъ зигзаговъ, убѣдился бы, что формула: все сотворено на пользу человѣка—совершенно справедлива, но не въ объективномъ, а только въ субъективномъ смыслѣ; что ничто не создано для человѣка, что до всего ему приходится добиваться своимъ потомъ и кровью, но что въ виду своихъ интересовъ онъ самъ, силою своего сознанія, становится въ центрѣ природы и покоряетъ ее себѣ. Но наростаніе знаній при кооперації раздѣльнаго труда не доводитъ міросозерцанія до этого пункта. Мышленіе, какъ обособленная функція общественнаго организма, даетъ только отрицательный результатъ: ничто не создано для человѣка. Но такъ-какъ эксцентрическая мысль ищетъ опоры въ самой себѣ, въ своей чистотѣ и обособленности отъ физическаго труда и чувственныхъ воспріятій, то, замѣчая въ себѣ извѣстныя стремленія, извѣстныя цѣли, она навязываетъ тѣ и другія и природѣ. Но разъ въ природѣ существуютъ цѣли и стремленія, они должны исходить отъ нѣкоторой человѣкоподобной личности—божества. Однако это не то божество первобытнаго антропоцентрика, которое даровало гремучей змѣѣ оригинальный хвостъ для того, чтобы онъ предупреждалъ человѣка своимъ шумомъ объ опасности, самую змѣю создало для наказанія и устрашенія человѣка.....

Человѣкъ эксцентризма настолько уже раздробился, настолько

переставъ быть недѣлимымъ *человѣкомъ*, чтобы приблизиться къ состоянію того или другаго обособленнаго *органа*, что цѣли провидѣнія не могутъ уже лежать для него въ *человѣкѣ*; онѣ разносятся для него по всему пространству и времени, размѣщаясь сообразно той спеціальной физіологической функціи, которую человѣкъ, въ качествѣ спеціальнаго органа общественнаго организма, развилъ въ себѣ на счетъ остальныхъ. Такова существенная разница между телеологіями объективно-антропоцентрическою и эксцентрическою. О. Контъ очевидно недостаточно вдумался въ смыслъ и значеніе того, что онъ называетъ метафизическимъ фазисомъ развитія (и что, какъ мы уже упоминали, относится къ эксцентризму, какъ часть къ цѣлому), когда говоритъ: „Система теологическихъ вѣрованій очевидно покоится на идеѣ вселенной, управляемой въ интересахъ человѣка. Нелѣпость этой идеи должна неизбѣжно выясниться даже для самыхъ обыкновенныхъ умовъ, коль скоро доказано, что земля не есть центръ небесныхъ движеній, что она не болѣе, какъ второстепенное свѣтило, обращающееся вокругъ солнца, точно также какъ и сосѣдніе Венера и Марсъ, жители которыхъ имѣютъ столько же поводовъ придавать себѣ первенствующее значеніе. Полуфилософы, пожелавшіе удержать доктрину цѣлесообразности и провиденціальныхъ законовъ, но отринувшіе ходячія воззрѣнія на значеніе цѣлей природы и дѣятельности провидѣнія, впали, какъ мнѣ кажется, въ весьма важную и существенную непослѣдовательность. Ибо, исключивъ по крайней мѣрѣ ясное и осязательное соображеніе интересовъ человѣка, нельзя уже усмотрѣть никакой понятной цѣли въ провиденціальной дѣятельности. Поэтому признаніе движенія земли необходимо подкопало фундаментъ всего теологическаго зданія“ (Cours de philosophie positive. T. II, 117). Подъ именемъ „полу-философовъ“ Контъ разумѣетъ здѣсь повидимому англійскихъ и французскихъ деистовъ прошлаго столѣтія. Но болѣе короткое знакомство съ современною ему нѣмецкою философіею показало бы безъ сомнѣнія Конту, что послѣдовательно ли или непослѣдовательно эксцентрическое міросозерцаніе, но корень его (а слѣдовательно и

метафизики) заключается именно въ усмотрѣніи цѣлей природы внѣ человѣка; что здѣсь именно лежитъ граница между догматическою теологіею и метафизикой. И идея движенія земли подкопала фундаментъ только первобытной, объективно-антропоцентрической телеологіи. Метафизика вся основана на увѣренности въ томъ, что, наблюдая состоянія нашего духа, мы можемъ получить точное понятіе о явленіяхъ внѣшняго міра. Наши дѣйствія цѣлесообразны, и фактъ этотъ метафизиками переносится и на природу: они видятъ въ ней цѣлесообразность. Другая вѣтвь теоретическаго эксцентризма—спеціализація и эмпиризмъ—ведетъ съ своей стороны къ тому же результату. И здѣсь мы отмѣтимъ другую странную ошибку Конта. „Весьма характеристично—говоритъ онъ—что когда астрономы предаются нынѣ такого рода восторгу (передъ совершенствомъ и цѣлесообразностью явленій природы), восторгъ этотъ имѣетъ предметомъ преимущественно организацію животныхъ, съ которою астрономы совершенно незнакомы. Біологи напротивъ, знающіе все несовершенство организаціи, восторгаются совершенствомъ расположенія небесныхъ свѣтилъ, объ которомъ они имѣютъ только поверхностное понятіе. Здѣсь-то и слѣдуетъ искать истиннаго источника такого настроенія умовъ“ (I: с. 26, въ примѣчаніи). Замѣчаніе это не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Одинъ изъ источниковъ эксцентрической телеологіи дѣйствительно лежитъ въ односторонности представителей науки, но искать его слѣдуетъ совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлаетъ Контъ. Замѣчаніе его вопервыхъ не оправдывается фактически. Мы могли бы привести длинный списокъ біологовъ, прямо говорящихъ о совершенствѣ и цѣлесообразности организаціи, и притомъ біологовъ не дюжинныхъ, а такихъ, какъ напримѣръ Іоганнъ Мюллеръ, Агассицъ, Мильнъ-Эдвардсъ и проч. Можно утвердительно сказать, что идея цѣлесообразности организаціи вплоть до появленія теоріи Дарвина царила въ біологіи почти самодержавно. Да иначе и быть не можетъ. Какъ нѣкоторые экономисты, наблюдая экономическую жизнь Англіи, возвели эмпирическій фактъ англійскаго хозяйственнаго порядка въ принципъ, такъ

и естествоиспытатель, отведя себѣ извѣстный уголъ знанія и не стараясь привести его въ соотвѣтствіе съ сосѣдними отраслями, неизбѣжно увидитъ въ результатѣ столкновенія слѣпыхъ силъ— цѣль природы. Такимъ образомъ отреченіе отъ обобщеній и отреченіе отъ опыта и наблюденія, не смотря на свою кажущуюся противоположность, представляютъ много общаго. Во-первыхъ и то и другое суть не болѣе, какъ самообольщенія, такъ какъ на дѣлѣ спеціалисты-эмпирики имѣютъ свои теоріи, а философы-метафизики — свои данныя опыта и наблюденія. Во вторыхъ и то и другое приводятъ человѣка разными путями, но къ одному и тому же результату: къ телеологіи эксцентрической.

Любопытны теологическія воззрѣнія Вольтера. Онъ никогда разумѣется не былъ проникнутъ фантастически дѣтскими грезами, которыя стоятъ густымъ туманомъ надъ первыми ступенями развитія человѣчества. По крайней мѣрѣ онъ не написалъ ни одной строки, въ которой можно было бы найти отголосокъ объективно-антропоцентрическаго настроенія. Напротивъ чуть не вся его многолѣтняя дѣятельность была страстною и страшною борьбою съ этимъ міросозерцаніемъ и всѣми его послѣдствіями. Не мало найдется въ его сочиненіяхъ и прямыхъ, по обыкновенію сильныхъ и ядовитыхъ нападковъ на объективный антропоцентризмъ. Такъ въ своей поэмѣ о человѣкѣ Вольтеръ заставляетъ мышей хвалить Бога за прекрасное устройство мышиныхъ норъ; затѣмъ выводятся на сцену утки, индѣйскіе пѣтухи, бараны, поочередно заявляющіе свое убѣжденіе въ томъ, что средоточіе природы лежитъ именно въ уткахъ, индюкахъ, баранахъ. Оселъ прямо утверждаетъ, что и самъ гордый человѣкъ созданъ съ спеціальной цѣлью ухаживанія за нимъ, осломъ, такъ какъ онъ чиститъ ему стойло, приноситъ кормъ, приводитъ ослицу и т. д. Но если Вольтеръ такъ вѣрно понималъ нелѣпость объективно-антропоцентрической телеологіи, то только повременамъ и видимо съ большими усиліями вырывался онъ изъ оковъ телеологіи эксцентрической. Causae finales цѣпко держались за этотъ необыкновенный умъ. Вотъ что говорится въ статьѣ «Causes finales» въ философскомъ словарѣ: „Если только

часы сдѣланы не для того, чтобы показывать время, я соглашусь, что сознательныя конечныя цѣли—чистый вздоръ. Есть люди, которые смѣются надъ этими цѣлями, такъ какъ онѣ давно уже опровергнуты Эпикуромъ и Лукреціемъ; имъ слѣдовало бы скорѣе смѣяться надъ Эпикуромъ и Лукреціемъ. Глазъ, говорятъ они, сдѣланъ не для того чтобы видѣть; имъ только воспользовались для этого употребленія, потому что замѣтили, что имъ отлично можно воспользоваться для этой цѣли. По-этому мнѣнію ротъ созданъ вовсе не для принятія пищи, желудокъ не для перевариванія, сердце не для кровообращенія, ноги не для ходьбы, уши не для слушанія; но эти же люди сознаютъ, что портной сдѣлалъ имъ платье для надѣванія, каменьщикъ сдѣлалъ домъ для житья. Они осмѣливаются отказывать природѣ, высшему существу, всеобщему разуму—въ томъ, что они охотно признаютъ за самымъ ничтожнымъ работникомъ. Конечно было бы преувеличеніемъ утверждать, что ноги существуютъ для того, чтобы носить сапоги, носъ — для очковъ. Только то можетъ считаться дѣйствительной конечной цѣлью, гдѣ одно и то же дѣйствіе во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ связано съ той же причиной. Корабли были не во всѣ времена и не на всѣхъ моряхъ; слѣдовательно нельзя сказать, что море создано для кораблей. Руки существуютъ не для перчаточниковъ. Но всѣ существа имѣютъ глаза и видятъ, всѣ имѣютъ ротъ и ѣдятъ, всѣ имѣютъ желудокъ и переваривают. Мы извращаемъ свое мышленіе, когда не хотимъ принимать такихъ всеобщихъ истинъ» *).

Изумительно, какъ такой сильный и проницательный умъ могъ довольствоваться столь бѣдными аргументами. Вся приведенная тирада есть не болѣе, какъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе грубыхъ логическихъ ошибокъ. Вольтеръ указываетъ какъ на противорѣчіе на то обстоятельство, что люди «осмѣливаются отказывать природѣ, высшему существу, всеобщему разуму—въ томъ, что они охотно признаютъ за самымъ ничтожнымъ ра-

*) Я цитирую по Геттнера Исторіи литературы, II, 139.

ботникомъ», тогда какъ дѣло именно въ томъ, чтобы признать или опровергнуть присутствіе сознательныхъ цѣлей, «всеобщаго разума» въ природѣ. Мыслители, отвергающіе цѣлесообразность устройства вселенной, отрицаютъ тѣмъ самымъ присутствіе того самаго «всеобщаго разума», который Вольтеръ ставитъ имъ въ счетъ. Слѣдовательно противники его могутъ быть уличаемы въ невѣрности посылки, но не въ противорѣчіи, а Вольтеръ именно старается уличить ихъ въ послѣднемъ и обходитъ, такъ сказать, сердце вопроса. Далѣе, дистелеологія (терминъ Гэккеля), въ своемъ чистомъ видѣ, утверждаетъ не то, что ноги созданы не для ходьбы и т. п.; она учитъ, что существованіе ногъ и ходьба связаны только причинно, а не телеологически, что ноги вопервыхъ не созданы, а развились, и что слѣдовательно вовторыхъ ими удовлетворяются не заранѣе предназначенная имъ цѣль: змѣи, рыбы, черви не имѣютъ ногъ, и однако движутся. Если кто нибудь и утверждалъ, что «глазъ сдѣланъ не для того, чтобы видѣть; что имъ только воспользовались для этого употребленія, потому что замѣтили, что имъ отлично можно воспользоваться для этой цѣли»;—если кто нибудь утверждалъ такую нелѣпость, то опроверженіе ея не стоило бы бумаги. Добросовѣстный сторонникъ цѣлесообразности, и притомъ съ силами Вольтера, долженъ бы былъ направить свои удары не на эту жалкую форму дистелеологіи, а на формы, лучше защищенныя. Но деистъ-Вольтеръ не могъ подойти къ здравой дистелеологіи даже на столько, чтобы увидѣть ее. Онъ не могъ оторваться отъ своей антропоморфической идеи Бога-работника, Бога-мыслителя, Бога-художника. Какъ ни сильна была со стороны Вольтера реакція противъ первобытнаго міровозрѣнія, онъ сходился съ нимъ на пунктѣ созданія Бога по образу и подобію своему. Какъ мыслящій художникъ, онъ представлялъ себѣ божество такимъ-же мыслящимъ художникомъ. И онъ не разъ высказывалъ мысль, что природа есть не природа, а искусство; вселенная—великое художественное произведеніе. Русскій поэтъ, г. Фетъ, выразилъ недавно, что направленіе, цѣлесообразность въ искусствѣ (одинъ изъ видовъ *субъективно*-антропоцентриче-

ской телеологіи) есть ни болѣе ни менѣе, какъ «мочальный хвостъ». Я не смѣю утверждать, чтобы г. Фетъ имѣлъ какія-либо опредѣленныя философскія воззрѣнія, такъ-какъ онъ ихъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда и нигдѣ не высказывалъ. Но нѣкоторые изъ его единомышленниковъ по вопросу о направленіи, какъ о мочальномъ хвостѣ, не разъ заявляли себя въ качествѣ эксцентрическихъ телеологовъ, т.-е. людей, принимающихъ causes finales и исповѣдующихъ, что все въ природѣ совершается по извѣстному плану и съ извѣстными цѣлями. Не осмѣливаюсь изумляться этому воспрещенію сознательнаго творчества человѣку рядомъ съ вѣрою въ сознательное творчество природы. Но осмѣливаюсь воспользоваться остроумнымъ выраженіемъ г. Фета и замѣтить, что истолковывать природу такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ результатѣ столкновенія естественныхъ силъ видѣть заранѣе указанную цѣль,—что истолковывать такимъ образомъ явленія природы значитъ подвязывать къ нимъ мочальный хвостъ. Я рѣшаюсь даже утверждать, что все это міросозерцаніе состоитъ въ схватываніи человѣкомъ явленій за предварительно имъ самимъ придѣланный къ нимъ мочальный хвостъ. Надо сознаться, что такой способъ объясненія явленій природы какъ нельзя болѣе простъ и удобенъ, хотя и нѣтъ ничего легче, какъ запутаться въ мочальномъ хвостѣ *).

*) «Dieselben Ursachen, welche es haben bewirken können, dass einst in so grosser Ausdehnung über der Erkenntniss des Zweckes die Frage nach der Causalität vergessen wurde, bewirken es nun auch heutigen Tages noch, dass dies gar häufig auf dem Gebiete des organischen Lebens geschieht. Der Complex bewirkender Ursachen, durch welchen das organische Wesen entsteht, ist so höchst verwickelt, dass uns hier noch immer die Analyse nach vielen Punkten vollständig im Stiche lässt. Da ist es nun natürlich, dass die ferneliegende Hoffnung einer solchen Aufklärung gar leicht ganz in den Hintergrund tritt, um so mehr als die Frage nach dem Zwecke *nicht nur mannichfach leicht zu beantworten ist, sondern in ihrem Interesse auch noch durch den Egoismus erhöht wird*». (Bergmann und Leuckart. Anatomisch-physiologisches Übersicht des Thierreichs. S. 22). Послѣднее, вскользь брошенное замѣчаніе отличается, если я его только вѣрно понимаю, рѣдкой глубиной. Гэккель, у котораго я

Послѣдовательный оптимистъ, отрицающій самое существованіе зла въ мірѣ, Вольтеръ запѣваетъ съ 1755 года совершенно иную пѣсню. Въ этомъ году произошло, какъ извѣстно, знаменитое лиссабонское землетрясеніе. Это страшное событіе многихъ заставило призадуматься и во многихъ умахъ произвело глубокій переворотъ: разрушеніе великолѣпнаго города, шестьдесятъ тысячъ смертей въ нѣсколько мгновеній — тяжело и больно отдалось въ сердцахъ и головахъ людей. Шестилѣтній Гёте, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ Wahrheit und Dichtung, былъ страшно потрясенъ. Въ его дѣтскомъ психическомъ аппаратѣ раздалась совершенно новая, щемящая нота, въ душу запали раннія сомнѣнія. «Богъ, творецъ и вседержитель неба и земли,—говоритъ онъ, — о которомъ говорится въ первомъ членѣ символа вѣры, какъ о всемудромъ и всеблагомъ-не показалъ въ этомъ случаѣ отеческой заботливости, подверг, нувъ гибели безъ разбору и добрыхъ и злыхъ. Тщетно мой юный умъ старался осилить эти впечатлѣнія, но рѣшительно былъ не въ состояніи тѣмъ болѣе, что даже умные и сами религіозные люди не могли согласиться между собою въ объясненіи этого событія". (Д. Г. Льюисъ. Жизнь І. В. Гёте. Спб. 1868 г., стр. 27). Кантъ, которому въ 1755 году перевалило за сорокъ, писалъ: „Зрѣлище такой скорби, какую недавняя катастрофа внесла въ ряды нашихъ ближнихъ, должно возбудить гуманное чувство любви и заставить насъ отчасти пережить несчастіе, такъ тяжко обрушившееся на этихъ людей (soll die Menschenliebe rege machen und uns einen Theil des Unglücks empfinden lassen, welchen sie mit solcher Härte betroffen hat). Но мы удалились бы отъ этой любви, если бы стали смотрѣть на подобные случаи, какъ на божественную кару, а на несча-

---

заимствую эту цитату, приводитъ еще слѣдующее замѣчательное признаніе одного изъ величайшихъ сторонниковъ цѣлесообразности Канта: «Die Zweckmässigkeit ist erst vom reflectirenden Verstande in die Welt gebracht, der demnach ein Wunder anstaunt, das er selbst erst geschaffen hat».

стныхъ страдальцевъ, какъ на цѣль божіей мести за грѣхи. Такое сужденіе, предполагающее возможность проникнуть въ виды и намѣренія Бога, ошибочно. Человѣкъ воображаетъ, что онъ составляетъ единственную цѣль божеской дѣятельности, какъ будто бы она только его и имѣетъ въ виду и только съ нимъ и соображается въ управленіи вселенною. Вся природа есть предметъ, достойный мудрости и промысла божіихъ; мы не болѣе какъ часть и хотимъ быть цѣлымъ. Правила совершенства цѣлой природы приносятся въ жертву человѣку. Думаютъ, что все, клонящееся къ нашему удобству или удовольствію, для насъ именно и существуетъ, и что если въ природѣ совершается нѣчто невыгодное для человѣка, то это должно быть объясняемо карою, местью, угрозою. Однако мы видимъ, что многое множество злодѣевъ благоденствуетъ; что землетрясенія издревле поражаютъ извѣстныя страны безотносительно къ смѣняющимся поколѣніямъ жителей; что явленія эти не исчезли, напримѣръ, въ Перу, съ тѣхъ поръ, какъ страна изъ языческой стала христіанскою; что бѣдствіе это никогда не касалось нѣкоторыхъ городовъ, не могущихъ похвалиться особою безгрѣшностью". (Geschichte und Beschreibung der merkwürdigsten Vorfälle des Erdbebens, welches an dem Ende des 1755 Jahres einen grossen Theil der Erde erschüttert hat. Въ VI т. изданія Розенкранца и Шуберта, ст. 266). Шестидесятилѣтній Вольтеръ совершенно преобразился. У него, утверждавшаго доселѣ, что „знать, что земля, люди, звѣри таковы, каковы они должны быть по порядку провидѣнія,—есть признакъ мудреца" (Геттнеръ, 141),— у него теперь вдругъ одинъ задругимъ вырываются полные скорби, иронiи и сомнѣнія звуки. Въ Poëme sur le Désastre de Lesbone читаемъ:

Direz vous, en voyant cet amas de victimes.
Dieu s'est vengé, leur mort est prix de leur crime?
Quel crime, quelle faute ont commis ces enfants
Sur le sein maternel ecrasés et sanglants?
Lisbonne qui n'est plus, eut elle plus de vices
Que Londres, que Paris, plongés dans les délices?
Lesbonne est abimée et l'on danse à Paris.

Недѣли черезъ три послѣ землетрясенія Вольтеръ пишетъ Троншену: „Какъ жестока природа! Трудно будетъ сказать почему законы движенія должны производить такія страшныя опустошенія dans le meilleur des mondes possibles. Что за печальная игра случая—игра человѣческой жизни! Это должно бы научить человѣка—не преслѣдовать человѣка. Когда одинъ собирается сжигать другаго, земля поглощаетъ обоихъ". Затѣмъ явился глубоко прочувствованный и глубоко сатирическій «Кандидъ"; Вольтеръ жестоко смѣется надъ своими недавними учителями, Болингброкомъ, Шафтесбери и Попомъ, утверждавшими, что все устроено наилучшимъ образомъ. Такъ передернуло „царя мысли" XVIII вѣка лиссабонское землетрясеніе. Любопытно было бы сравнить результаты этого вліянія съ меткими замѣчаніями Бокля о вліяніи землетрясеній на укрѣпленіе суевѣрія и задержку развитія наукъ. Сравненіе это показало бы, какъ одно и то же явленіе при различныхъ условіяхъ оказываетъ діаметрально противоположныя дѣйствія на людей. Бокль полагаетъ, что понятія о землетрясеніяхъ и грозныхъ явленіяхъ природы вообще, какъ о божественной карѣ, есть продуктъ суевѣрія, которое въ свою очередь само поддерживается этими грозными явленіями. Это конечно до извѣстной степени справедливо, и постепенное, въ цѣломъ ряду поколѣній, усвоеніе закона причинной связи явленій безъ сомнѣнія значительно расчищаетъ почву для смѣны объективно-антропоцентрическихъ представленій болѣе правильными. Но здѣсь не трудно замѣтить и вліяніе сочувственнаго опыта и кооперації. Вольтеръ и прежде смѣялся надъ вѣрою человѣка въ центральность своего положенія; онъ и до лиссабонскаго землетрясенія очень хорошо понималъ, что силы природы дѣйствуютъ не для наказанія и награжденія человѣка. Ясно, что его внезапное возбужденіе было порождено представленіемъ смерти тысячъ людей, ни въ чемъ неповинныхъ. Онъ пережилъ послѣднія страшныя минуты этихъ несчастныхъ жертвъ слѣпой и глухой природы, и надломилась въ немъ и эксцентрическая телеологія. Но еще міръ не пережилъ великой революціи, окончательно обезпечившей Ев-

ропѣ смѣну порядка раздѣленія труда порядкомъ простаго сотрудничества; еще сочувственный опытъ не получалъ достаточно широкихъ областей примѣненія. И Вольтеръ остановился на полдорогѣ. Жалко видѣть, какъ путается и заикается этотъ дерзкій и сильный умъ, говоря о значеніи зла на землѣ «Болингброкъ, Шафтесбери и Попъ — говоритъ онъ — (статья Tout est bien въ философскомъ словарѣ; Геттнеръ, 142) защищаютъ взглядъ, что все устроено наилучшимъ образомъ. Если это значитъ, что все происходитъ изъ вѣчнаго неизмѣннаго закона, — кто этого не знаетъ? Порядокъ есть конечно вездѣ. Если въ моемъ мочевомъ пузырѣ образуется камень, то это образованіе происходитъ совершенно согласно съ природой, и также согласно съ природой и съ искусствомъ дѣйствуетъ врачъ при своемъ леченіи; но если я умираю подъ этимъ болѣзненнымъ (?) леченіемъ, какая мнѣ польза изъ сознанія, что я подчиняюсь неизмѣннымъ естественнымъ законамъ? Зла никакого нѣтъ—говоритъ Попъ; всѣ частные роды зла составляетъ только общее благо. Славное общее благо, составленное изъ каменной болѣзни, ревматизмовъ, преступленій и страданій всякаго рода, изъ смерти и осужденія; и мнѣ кажется плохимъ утѣшеніемъ, когда Попъ говоритъ, что Богъ одинаково смотритъ на гибель героя и воробья, тысячи планетъ или атома, или когда Шафтесбери спрашиваетъ, почему бы долженъ былъ Богъ мѣнять свои вѣчные законы въ пользу такого жалкаго творенія, какъ человѣкъ. Надобно покрайней-мѣрѣ согласиться, что человѣкъ имѣетъ право жаловаться, что частное благосостояніе не примиряется съ вѣчными законами. Это ученіе представляетъ божество могущественнымъ, но насильственнымъ властителемъ, которому нѣтъ дѣла до тысячъ человѣческихъ жизней, когда ихъ требуютъ его произвольныя цѣли. Это ученіе неутѣшительно, оно тягостно. Вопросъ о происхожденіи зла остается неразрѣшимой путаницей, отъ которой нѣтъ другаго спасенія, какъ довѣріе къ провидѣнію». Или: «Есть высшее вѣчное разумное существо, отъ котораго происходитъ все, что живетъ и существуетъ. Но происходитъ ли отъ этой основ-

ной причины всѣхъ вещей и зло, физическое и моральное? Что касается до зла физическаго, то всѣ религіи и всѣ философскія ученія относили его къ Богу; только безвкусіе манихеевъ хотѣло освободить Бога отъ созданія и допущенія зла, но безвкусіе вовсе не есть доказательство. Эта основная причина произвела ядъ и пищу, болѣзнь и наслажденіе; въ этомъ сомнѣваться нельзя. Зло необходимо, потому что оно есть; все, что есть, необходимо, — какую бы иначе оно имѣло причину своего существованія? Но зло нравственное, преступленіе, Неронъ, Александръ VI? Весь свѣтъ говоритъ: какъ можетъ быть Богъ причиной столькихъ страданій? Но если нашъ разумъ есть только часть всеобщаго разума, только истеченіе высшаго существа, какъ мы можемъ думать и желать проникнуть всѣ намѣренія и конечныя дѣла самаго этого высшаго существа? Что три есть половина шести, что діагональ дѣлитъ квадратъ на два равные трехугольника, это мы знаемъ также вѣрно, какъ это знаетъ Богъ; но мы остаемся только частью и можемъ понять только часть міра. Высшее существо сильно, мы слабы; мы также необходимо ограничены, какъ высшее существо необходимо безконечно. Зная, что одинъ лучъ ничего не значитъ противъ солнца, я покорно подчиняюсь высшему свѣту, который долженъ просвѣтить меня во мракѣ міра». (L. c. 143, ст. «Tout en Dieu)».

Какимъ старческимъ безсиліемъ вѣетъ отъ этихъ строкъ, какъ немощна проскальзывающая здѣсь мѣстами иронія! «Царь мысли» жалѣетъ о томъ, что онъ не можетъ вѣрить, что «вѣчные законы измѣняются въ пользу такого жалкаго творенія, какъ человѣкъ». Этотъ безповоротно изгнанный изъ рая царь мысли повидимому и не подозрѣваетъ, что, кромѣ объективно-антропоцентрическаго и эксцентрическаго, возможно еще субъективно-антропоцентрическое рѣшеніе занимающаго его вопроса; что человѣкъ можетъ сказать:

Un jour tout sera bien, voilà notre espérance,
Tout est bien aujourd'hui, voilà l'illusion —

и при этомъ возложитъ свои надежды не на «высшій свѣтъ», какъ это дѣлаетъ Вольтеръ, а на самого себя, на свои руки и

на свою голову. Человѣкъ можетъ сказать: да, природа ко мнѣ безжалостна, она не знаетъ различія, въ смыслѣ права, между мною и воробьемъ; но я и самъ буду къ ней безжалостенъ и своимъ кровавымъ трудомъ покорю ее, заставлю ее служить мнѣ, вычеркну зло и создамъ добро. Я не цѣль природы, природа не имѣетъ и другихъ цѣлей. Но у меня есть цѣли, и я ихъ достигну.

II.

Передъ нами лежатъ двѣ книги. Обѣ онѣ написаны людьми съ громкимъ авторитетомъ, совершенно независимо другъ отъ друга. Обѣ трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, обѣ появились въ одномъ и томъ же году (1859), обѣ получили обширную, хотя и неравную извѣстность. Но сходство между ними рѣзко завершается на этихъ внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствахъ. Это представители двухъ діаметрально-противоположныхъ міросозерцаній, между которыми невозможно никакое соглашеніе, никакой компромиссъ. Простое сопоставленіе этихъ двухъ складокъ мысли неизбѣжно ведетъ къ рѣшительному отверженію какой-нибудь изъ нихъ. Каждому предоставляется выбрать, по крайнему своему разумѣнію, Ормузда и Аримана, свѣтъ и тѣнь, бѣлое и черное; но признавъ свѣтомъ одну группу воззрѣній, другую вы уже обязаны признать тьмою. Въ своемъ опытѣ о воспитаніи Спенсеръ полагаетъ, что исторія человѣческой мысли можетъ быть сведена къ тремъ фазисамъ: единогласія невѣждъ, разногласія изслѣдователей и единогласія знающихъ. Эта формула очень удачна, главнымъ образомъ по своей наглядности, и представляетъ дѣйствительный и неизбѣжный ходъ вещей, порядокъ нормальный. Однако вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ неправильностей наука часто слишкомъ, невыносимо долго задерживается на второмъ періодѣ развитія, то-есть на періодѣ разногласія изслѣдователей, и такая чрезмѣрная задержка представляетъ уже явленіе печальное и ненормальное. По крайней

мѣрѣ то разногласіе изслѣдователей, какое мы встрѣчаемъ въ двухъ занимающихъ насъ книгахъ, наводитъ на очень грустныя мысли. Разногласіе тутъ не въ оцѣнкѣ какихъ-нибудь частныхъ, мелочныхъ фактовъ; нѣтъ, антагонизмъ лежитъ здѣсь въ самыхъ общихъ и основныхъ чертахъ міросозерцанія, въ чертахъ столь основныхъ, что мы, простые смертные, имѣли бы полное право разсчитывать на совершенное согласіе на этомъ пунктѣ по крайней мѣрѣ въ средѣ изъ ряду вонъ выходящихъ тружениковъ науки. Мы, простые люди жизни, съ почтеніемъ слѣдящіе за постройкою величественнаго зданія науки, со страхомъ ожидающіе отъ великихъ людей науки разрѣшенія нашихъ сомнѣній, узаконенія или отверженія нашихъ желаній; мы наконецъ, знающіе, что тамъ внизу, еще ниже насъ, стоитъ сплошная сѣрая масса людей физическаго труда, ничего пока, правда, отъ науки не требующихъ, но несущихъ до поры до времени на себѣ всѣ тяготы жизни, — мы замѣчаемъ вдругъ, что два великіе ученые, изучающіе одинъ и тотъ же предметъ, единовременно издаютъ два сочиненія, изъ которыхъ одно мы должны признать Ормуздомъ, а другое Аріманомъ... И опять-таки дѣло тутъ не въ мелочахъ какихъ-нибудь. Споръ идетъ ни больше ни меньше, какъ о томъ, какъ мы должны смотрѣть на природу и на себя, слѣдовательно о вопросѣ фундаментальномъ, вопросѣ общемъ и элементарномъ, такъ сказать, азбучномъ. Положимъ, что составленію азбуки предшествуютъ цѣлые вѣка формировки языка, но не мало уже прошло вѣковъ. Какъ бы то ни было, а это проявленіе современной философской анархіи должно неизбѣжно произвести самое тяжелое впечатлѣніе на всякаго, способнаго вдумываться въ значеніе явленій умственной жизни. Конечно народная мудрость, или вѣрнѣе народное смиренномудріе и терпѣніе учатъ, что нѣтъ худа безъ добра. И хоть цѣлая бездна горькой ироніи заключается въ этой поговоркѣ, но и изъ указаннаго худа можно выжать нѣкоторую долю отрицательнаго добра. Именно, если два противоположныя міросозерцанія прилагаются къ оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же фактовъ двумя высокими учеными авторитетами, то

можно надѣяться, что авторитеты эти исчерпаютъ вопросъ до дна, и люди жизни безпрепятственно пройдутъ по этому дну, какъ нѣкогда евреи по дну Чермнаго моря; что авторитеты эти выскажутся съ такою полнотою и обстоятельностью, которыя сдѣлаютъ невозможными дальнѣйшія прекеканія, колебанія и сомнѣнія. Трудно конечно ожидать, чтобы который-нибудь изъ авторитетовъ склонился на сторону своего противника, потому что авторитетъ слагается долгими годами труда и мышленія, въ теченіе которыхъ нѣкоторыя основныя, давно уже залегшія въ головѣ мыслителя положенія успѣли уже, такъ сказать, окостенѣть. Поднять здѣсь жизнь, то есть сомнѣнія, разбудить эту окостенѣвшую часть психическаго механизма,—дѣло трудное, если не просто невозможное: предвзятое мнѣніе будетъ искажать самые очевидные факты *). Но за то зрители, присутствующіе при столкновеніи мнѣній двухъ людей, долго, усердно и съ успѣхомъ послужившихъ на пользу науки, получаютъ возможность выбрать себѣ дорогу направо или налѣво. Что вопросъ стоитъ именно такимъ образомъ въ занимающемъ насъ случаѣ, это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Книги, о которыхъ мы говоримъ, суть: „О происхожденіи видовъ“ Дарвина и „О видѣ и классификаціи“ Агассица. „Я не вижу ничего невѣроятнаго—говоритъ Дарвинъ—въ томъ, чтобы естественный подборъ, *при измѣняющихся условіяхъ жизни, накоплялъ легкія измѣненія инстинкта въ любой мѣрѣ* и во всякомъ полезномъ направленіи“. (О происхожденіи видовъ. Переводъ г. Рачинскаго, стр. 195). „Кто хотя на одну минуту можетъ повѣрить,—говоритъ Агассицъ,—что *инстинкты жи-*

*) L'extrême imperfection de notre système d'éducation ne permet même aux plus éminents esprits, d'être initiés à ces hautes pensées philosophiques, que lorsque tout l'ensemble de leurs idées à déjà reçu la profonde empreinte habituelle d'une doctrine absolument opposée: en sorte que les connaissances positives qu'ils parviennent à acquérir, au lieu de dominer et de diriger leur intelligence, ne servent ordinairement qu'à modifier et à contenir la tendance vicieuse qu'on à d'abord développée en elle (A. Comte. Cours de phil. pos., II, 121).

вотныхъ въ какой бы то ни было мѣрѣ опредѣляются условіями ихъ жизни, при видѣ, напримѣръ, маленькой черепахи изъ рода Chelydra" и проч. (De l'espèce et de la classification en zoologie par L. Agassiz. Traduction de l'anglais par. F. Vogeli. Edition revue et augmentée par l'auteur. Paris. 1869, p. 90 *). Или: „Но, замѣтятъ можетъ быть, нѣкоторыя животныя, живущія въ исключительныхъ условіяхъ, отличаются такими особенностями строенія, которыя повидимому составляютъ результатъ этихъ условій. Такъ, слѣпой ракъ, слѣпая рыба, слѣпыя насѣкомыя Мамонтовой пещеры въ Кентукки представляютъ неопровержимое свидѣтельство непосредственнаго дѣйствія исключительныхъ условій на органъ зрѣнія. Если такъ, скажу я въ свою очередь, то отчего же извѣстная замѣчательная рыба Amblyopsis speloeus имѣетъ хотя бы отдаленное сходство съ другими рыбами? Была ли способна сумма явленій, обусловливавшихъ образованіе этой слѣпой рыбы,—придумать (imaginer) эту комбинацію структурныхъ чертъ, общихъ этой и другимъ рыбамъ, и особенностей, отличающихъ ее отъ всѣхъ? Не доказываетъ ли скорѣе существованіе зачаточнаго глаза, открытаго у слѣпой рыбы докторомъ Вайманомъ, что животное это, какъ и всѣ другія, было создано, со всѣми его характеристическими особенностями, всемогущимъ „да будетъ"; и что этотъ зачатокъ глаза былъ оставленъ ему какъ воспоминаніе (réminiscence) объ общемъ планѣ строенія, положенномъ въ основаніе великаго типа, къ которому онъ принадлежитъ?" (Агассицъ, 19).—„Всѣмъ извѣстно, что животныя разныхъ классовъ, обитающія въ пещерахъ Штиріи и Кентукки, совершенно слѣпы. У нѣкоторыхъ изъ раковъ глазная ножка осталась, хотя глазъ исчезъ; стативъ телескопа сохранился, хотя самый телескопъ съ его стеклами утратился. Такъ какъ трудно предположить, чтобы глаза, хотя бы и безполезные, могли быть сколько-нибудь вредны живот-

*) Переводъ этотъ, просмотрѣнный авторомъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя дополненія и, между прочимъ, главу о дарвинизмѣ вообще и о Гэккелѣ въ особенности.

нымъ, постоянно живущимъ въ темнотѣ, я вполнѣ приписываю ихъ утрату неупотребленію. У одного изъ слѣпыхъ животныхъ, а именно у пещерной крысы, глаза имѣютъ огромные размѣры, и профессоръ Силлиманъ полагаетъ, что, поживши нѣсколько дней на свѣту, она пріобрѣтаетъ слабую способность къ зрѣнію. Точно также, какъ на Мадерѣ, крылья нѣкоторыхъ насѣкомыхъ увеличились, крылья же другихъ уменьшились въ размѣрахъ дѣйствіемъ естественнаго подбора, при содѣйствіи изощренія или неупотребленія, такъ и въ случаѣ пещерной крысы естественный подборъ повидимому боролся съ отсутствіемъ свѣта и увеличилъ объемъ глазъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ жителяхъ пещеръ одно неупотребленіе произвело весь результатъ. Трудно придумать условія жизни болѣе сходныя, чѣмъ условія, соединенныя въ глубокихъ известковыхъ пещерахъ, въ почти одинаковыхъ климатахъ, такъ что, по обыкновенному воззрѣнію отдѣльнаго сотворенія слѣпыхъ животныхъ для американскихъ и европейскихъ пещеръ, можно бы было ожидать близкаго сходства въ ихъ строеніи и систематическаго сродства; но такого сходства нѣтъ, и пещерныя насѣкомыя обоихъ материковъ не ближе сходны между собою, чѣмъ слѣдовало ожидать по общесходству организмовъ Европы и Сѣверной Америки. По моему воззрѣнію, слѣдуетъ предполагать, что сѣвероамериканскія животныя съ обыкновенными зрительными способностями, медленно, въ теченіе многихъ поколѣній, переселялись все глубже и глубже въ кентуккійскія пещеры, и что точно такъ же поступали и животныя европейскія. Мы имѣемъ указанія на такую постепенность... Животныя, достигши, въ теченіе безчисленныхъ поколѣній, до отдаленнѣйшихъ закоулковъ пещеры, должны были утратить, болѣе или менѣе окончательно, свои глаза, вслѣдствіе неупотребленія ихъ; а естественный подборъ долженъ былъ въ то же время обусловить нѣкоторыя другія измѣненія, выполняющія эту утрату, каковы удлиненіе усиковъ или щупальцевъ. Не смотря на такія видоизмѣненія, мы имѣемъ право ожидать, что найдемъ въ пещерныхъ животныхъ Европы сродство съ прочими жителями этого материка, а въ

американскихъ пещерныхъ животныхъ сродство съ организмами, населяющими материкъ американскій. И это оказывается на дѣлѣ... Предполагая, что эти пещерныя животныя сотворены отдѣльно, было бы чрезвычайно трудно объяснить ихъ сродство съ прочими животными тѣхъ же материковъ". (Дарвинъ, 114—115).

Уже по этимъ четыремъ выпискамъ нетрудно видѣть, что мы имѣемъ передъ собою людей, смотрящихъ на вещи съ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія и придающихъ однимъ и тѣмъ же явленіямъ совершенно различное освѣщеніе. Оба смотрятъ на одинъ и тотъ же предметъ, но одинъ говоритъ, что это предметъ черный, а другой утверждаетъ, что онъ бѣлый. Разногласіе полное и коренное, глубокое. Но читатель пожелаетъ можетъ быть знать, какое отношеніе къ общественной наукѣ имѣютъ эти объясненія происхожденія инстинктовъ черепахъ и зачаточныхъ глазъ пещерныхъ животныхъ. Если читатель не задастъ намъ этого вопроса, если онъ насъ даже выбранитъ за предположеніе возможности столь азбучнаго вопроса съ его стороны,—мы будемъ очень рады. Но въ печати то и дѣло приходится наталкиваться на самыя дикія понятія на этотъ счетъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что и между читателями такія понятія нѣкоторый ходъ имѣютъ. Вотъ, напримѣръ, что мы прочли въ недавно вышедшемъ сочиненіи г. Щеглова «Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней» (Т. I, Спб., 1870, стр. 337): «За тѣмъ въ головѣ С.-Симона возникаетъ новая мысль внести свѣтъ въ систему наукъ, уничтожить существующую въ ней анархію. Мысль чрезвычайно важная, достойная тѣхъ способностей, которыми былъ одаренъ С.-Симонъ, но для которой очевидно было недостаточно его философскаго образованія. Вотъ здѣсь-то и приходится пожалѣть о томъ, что онъ поздно, только передъ смертью сознался пользу наукъ нравственныхъ, на которыхъ строится самое общество, то есть наукъ изъ круга философскаго и политическаго. Если бы С.-Симонъ вмѣсто изученія свойствъ тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, равно какъ вмѣсто изученія

характера людей ученыхъ, которое къ тому же было соединено съ проживаніемъ состоянія, употребилъ свое время и средства на изученіе наукъ философскихъ, то можетъ быть его «Введеніе въ ученые труды XIX вѣка» оказалось бы болѣе состоятельнымъ". Выраженная здѣсь г. Щегловымъ мысль, надо ему отдать справедливость, есть нелѣпость радикальная, нелѣпость 84-й пробы. И нелѣпость эту легче всего доказать на избранномъ г. Щегловымъ предметѣ—на исторіи соціальныхъ ученій. Мы можетъ быть займемся этимъ дѣломъ по выходѣ втораго тома сочиненія г. Щеглова, который (не г. Щегловъ, а второй томъ) обѣщаетъ быть, судя по оглавленію, весьма поучительнымъ. Г. Щегловъ въ главѣ о С.-Симонѣ неоднократно упоминаетъ имя О. Конта, и всегда съ почтеніемъ. Думаемъ однако, что въ почтеніи этомъ самъ Контъ нисколько не виноватъ; попросту говоря, мы думаемъ, что г. Щегловъ совершенно незнакомъ съ предметомъ своего почтенія, никогда его въ глаза не видалъ. Неоспоримая заслуга Конта состоитъ въ ясной формулировкѣ послѣдовательной зависимости и связи между науками въ порядкѣ возростающей сложности и убывающей общности. Если бы г. Щегловъ былъ знакомъ съ взглядами на этотъ предметъ Конта, то онъ убѣдился бы, что мнѣніе его, г. Щеглова, о ненадобности изученія для соціолога „свойствъ тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, и характера людей ученыхъ" (психологіи?)—есть совершенный вздоръ. Такъ думаемъ мы, имѣя въ виду съ одной стороны силу доводовъ Конта, а съ другой то обстоятельство, что г. Щегловъ всетаки человѣкъ, и слѣдовательно одаренъ извѣстною степенью пониманія. Знакомство съ Контомъ могло бы оказать г. Щеглову еще одну важную услугу. Г. Щегловъ „имѣетъ въ виду исключительно такихъ авторовъ, которые представили новыя или только подновленныя теоріи экономической и вообще соціальной организаціи общества" (IX). Контъ удовлетворяетъ этому условію, ибо представилъ то, что̀ г. Щеглову требуется, но представилъ теорію, совершенно несостоятельную. А потому, еслибы г. Щегловъ послѣдовалъ примѣру Рейбо, удѣлившаго со-

ціологической теоріи Конта мѣсто въ своихъ Etudes sur les reformateurs, то, сравнивая эту теорію съ исходною точкою философіи Конта — классификаціей наукъ, — г. Щегловъ могъ бы, руководствуясь своей своеобразной логикой, окончательно утвердиться въ вышеприведенной мысли объ отсутствіи связи между естествознаніемъ и общественною наукою. Конечно эти двѣ услуги, которыя могли бы быть оказаны Контомъ г. Щеглову, взаимно исключаются. Но это не суть важно, ибо г. Щегловъ имѣлъ бы въ рукахъ обоюдоострый мечъ, которымъ могъ бы поражать враговъ гораздо болѣе искусно, чѣмъ это имъ дѣлается теперь. А что обоюдоостые мечи весьма удобны и находятся нынѣ въ большой модѣ, тому мы имѣли въ послѣднее время достаточно примѣровъ. Давно ли кажется московская пресса связала самыми повидимому прочными узами естествознаніе и революцію. Нынѣ та же московская пресса расторгаетъ эти узы безъ малѣйшей застѣнчивости, ибо московская пресса съ обоюдоострыми мечами обхожденіе имѣть умѣетъ, и всякіе артикулы съ ихъ помощію весьма развязно выдѣлываетъ. Въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ г. Безобразовъ, проводя параллель между „нашими охранителями и нашими прогрессистами“, заявляетъ, что наши теперешніе прогрессисты, вдавшись въ естествознаніе и отказавшись отъ идеализма и изслѣдованія конечныхъ цѣлей и причинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отвернулись и отъ идеализма, такъ-сказать, гражданскаго, примирились съ дѣйствительностію, и даже подали руку „нашимъ охранителямъ“. Г. Безобразовъ не только рѣшается утверждать, что такой фактъ существуетъ, но еще усматриваетъ повидимому органическую связь между естествознаніемъ и отреченіемъ отъ изслѣдованія конечныхъ причинъ, съ одной стороны, и консервативнымъ или даже ретроградным направленіемъ — съ другой. Конечно, какъ артикулъ, выкинутый обоюдоострымъ мечемъ, обвиненіе г. Безобразова имѣетъ свои достоинства, ибо съ помощію его можно сказать: „не довернись — прибью, перевернись — опять-таки прибью“, и предоставить противнику единственный безопасный образъ дѣйствія — вертѣться на подобіе

флюгера. Но если искать въ словахъ г. Безобразова не артикула, а какой-нибудь серьёзной мысли, то такіе поиски едва-ли увѣнчаются успѣхомъ. Мы не намѣрены трактовать здѣсь о многосторонней связи между естествознаніемъ и общественною наукою, о неизбѣжности этой связи и ея плодотворности,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Да и наконецъ мысль объ этой связи едва-ли уже не стала общимъ мѣстомъ. Мы отмѣтимъ только слѣдующія два обстоятельства. Во первыхъ, если современная наука (да, современная наука, а не „наши прогрессисты“) отказалась отъ изслѣдованія конечныхъ причинъ и цѣлей, то тѣмъ самымъ она направила на иныя сферы всю ту силу мысли, которая расходовалась до сихъ поръ на это неблагодарное дѣло. Во вторыхъ значительная доля этой силы направляется современною наукою на болѣе точную разработку вопросовъ общественныхъ и притомъ на разработку въ смыслѣ неизбѣжно прогрессивномъ. Конечно дѣло это еще столь ново, что здѣсь возможны весьма крупныя недоразумѣнія и ошибки. Такъ напримѣръ намъ было очень странно и прискорбно встрѣтить въ сочиненіи одного изъ замѣчательныхъ современныхъ ученыхъ слѣдующаго ублюдка: „Переносить человѣческія понятія вреднаго и полезнаго, красоты и уродливости, экономіи и расточительности на порядокъ природы—нелогично; нелогично мѣрять безконечное конечнымъ масштабомъ. *На сколько велико значеніе міросозерцанія, представляющаго міръ устроеннымъ цѣлесообразно, въ педагогическомъ и эстетическомъ отношеніи, на столько же оно недостойно строгой и точной науки о природѣ*“. (Die Individualität in der Natur mit vorzüglicher Berücksichtigung des Pflanzenreiches. Von Carl Nägeli. Zürich. 1856, S. 10). Подобные ублюдки и упражненія въ двойной бухгалтеріи неизбѣжны, пока наука сама по себѣ, а жизнь тоже сама по себѣ. Но не трудно подмѣтить общее, болѣе или менѣе значительное уклоненіе въ сторону единства науки и жизни, науки о природѣ и науки общественной. Чѣмъ же являются въ общественной наукѣ сторонники конечныхъ цѣлей? Школа Мальтуса напримѣръ полагаетъ, что извѣстная пропорція меж-

ду ростомъ населенія и средствъ продовольствія со всѣми своими послѣдствіями отъ вѣка составляла цѣль всеблагаго провидѣнія. Г. Безобразовъ можетъ быть какого ему угодно мнѣнія о школѣ Мальтуса и ея противникахъ, отказывающихся проникнуть въ цѣли провидѣнія, но едва-ли онъ рѣшится уличать послѣднихъ въ коварномъ примиреніи съ дѣйствительностію. Изъ этого примѣра—а ихъ можно привести множество—слѣдуетъ заключить, что для разработки вопросовъ общественныхъ уясненіе законности или незаконности телеологической точки зрѣнія составляетъ дѣло весьма существенное. А во всей исторіи человѣческой мысли не найдется въ этомъ отношеніи ничего столь цѣннаго, какъ теорія Дарвина. Все великое значеніе этой могучей концепціи можетъ быть понято въ настоящее время только отчасти. Но съ теченіемъ времени, съ дальнѣйшей разработкой теоріи, окажется безъ сомнѣнія, что ни разу еще люди не получали въ свое распоряженіе столь точнаго, широкаго и плодотворнаго обобщенія. Объ этомъ можно судить и по количеству свѣтлыхъ умовъ, немедленно примкнувшихъ къ воззрѣніямъ Дарвина и уже пытающихся освѣтить ими различныя спеціальныя сферы знанія; и по количеству головъ туманныхъ, изображающихъ изъ себя въ виду теоріи Дарвина вопросительный знакъ препинанія; по азартности наконецъ, съ которою накидываются на эту теорію головы, окончательно скорбныя. Что касается до общественной науки, то, не говоря о косвенной помощи, которую ей должна оказать теорія Дарвина болѣе правильною постановкою задачъ и вопросовъ біологіи и психологіи; не говоря далѣе о непосредственной помощи, которой мы вправѣ ожидать отъ теоріи Дарвина въ разъясненіи нѣкоторыхъ спеціально-соціологическихъ законовъ,—теорія эта должна расчистить путь соціологіи, окончательно и безапелляціонно низвергая всякую телеологію, за исключеніемъ субъективно-антропоцентрической. Какъ мало однако понимается еще эта философская сторона теоріи Дарвина, — можно видѣть изъ слѣдующаго. Лаказъ-Дютье, нѣкоторыя замѣчанія котораго о борьбѣ за существованіе достойны всякаго вниманія — мы

ихъ въ свое время разсмотримъ—говоритъ между прочимъ: «И такъ подборъ родичей, какъ и борьба за существованіе, есть фактъ, котораго никто не станетъ отрицать. Но какъ слѣдуетъ ихъ объяснять съ точки зрѣнія цѣлесообразности (quant à leur cause finale)? Здѣсь я совершенно расхожусь съ ученымъ англійскимъ натуралистомъ. Цѣль подбора, какъ результата борьбы за существованіе, есть сохраненіе видовъ чистыми и неприкосновенными. Безъ всякаго сомнѣнія выборъ недѣлимыхъ одного и того же вида имѣетъ извѣстную цѣль, и эта цѣль состоитъ въ постоянномъ поддержаніи существъ, входящихъ въ составъ группы, на высокой ступени относительнаго совершенства. Слабость есть условіе уничтоженія, исчезновенія видовъ; и потому для избѣжанія этого условія вырожденія типовъ, природа одарила самцовъ могучею, непреодолимою страстью, вслѣдствіе чего въ борьбѣ за самку одолѣваютъ сильные, здоровые и побѣждаются слабые, которые могли бы дать только подобное себѣ потомство, т.-е. индивидовъ, наименѣе могущихъ противостоять окружающимъ ихъ неблагопріятнымъ условіямъ» и т. д. (Annales des sciences naturelles. Zoologie et paléontologie, T. II, 1864. «Mémoire sur les Antipathères», p. 224). Лакказъ-Дютье судитъ здѣсь теорію Дарвина такими принципами, которымъ она не только неподсудна, но компетентность которыхъ она именно и ниспровергаетъ. Телеологическая точка зрѣнія не можетъ быть для теоріи Дарвина обязательною, ибо теорія эта раздавила телеологію. Она говоритъ не то, что природа одарила самцовъ страстностью для того, чтобы они дрались изъ-за самки и чтобы въ этой дракѣ одерживалъ верхъ сильнѣйшій, который и передаетъ свои качества потомству. Она разсуждаетъ совершенно иначе. Она говоритъ, что вслѣдствіе различныхъ причинъ, которыя всѣ сводятся къ наслѣдственности и приспособленію къ условіямъ среды, существуютъ самцы сильные и слабые. При недостаткѣ самокъ, самцы вступаютъ между собою въ борьбу, которая оканчивается въ пользу сильнѣйшаго, и этотъ сильнѣйшій передаетъ свои особенности потомству. Телеологическая точка зрѣ-

нія требуетъ заранѣе поставленной цѣли и видитъ ее въ результатѣ цѣлой цѣпи естественныхъ причинъ. Теорія же Дарвина совершенно вычеркиваетъ изъ своихъ соображеній вопросъ о подборѣ и борьбѣ, quant à leur cause finale. Она просто слѣдитъ за причинною связью явленій. «Принципъ полезности— говоритъ Нэгели—есть не что иное, какъ послѣдовательно проведенная причинная связь явленій. Полезныя разновидности являются не потому что онѣ полезны, но вслѣдствіе естественныхъ причинъ, образуются вредныя, безразличныя и полезныя разновидности, и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ первыя и вторыя погибаютъ, между тѣмъ какъ послѣднія сохраняются. Тогда только можно думать о телеологіи, еслибы являлись однѣ только полезныя индивидуальныя отклоненія. Если что либо оказывается полезнымъ, то это еще не значитъ, чтобы оно было обязано существованіемъ своимъ телеологическому принципу. Изъ всѣхъ солнечныхъ лучей на луну падаетъ самое незначительное количество и безконечно малая часть послѣднихъ отражается отсюда и освѣщаетъ намъ ночью дорогу. Такое устройство вселенной для насъ очень выгодно; но мы не назовемъ его телеологическимъ (преднамѣреннымъ), такъ-какъ оно не явилось конечно съ тою цѣлью, чтобы освѣщать намъ дорогу. Точно такое же разсужденіе относится и къ образованію разновидностей. Подобно тому, какъ изъ всѣхъ лучей безконечное число ихъ теряется для насъ и только немногіе оказываютъ дѣйствіе, такъ и изъ всѣхъ индивидуальныхъ уклоненій пропадаютъ всѣ, за исключеніемъ немногихъ, образующихъ разновидность, способную къ существованію». (Происхожденіе естество-историческаго вида и понятіе о немъ. М. 1866, 21).

Но этого мало. Однѣ и тѣ же индивидуальныя особенности, при различныхъ условіяхъ, могутъ поочередно оказаться и вредными, и безразличными, и полезными; и въ теоріи Дарвина подъ именемъ полезныхъ уклоненій слѣдуетъ разумѣть уклоненія только практически полезныя, т.-е. полезныя только въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ, и ничто не мѣшаетъ

имъ оказаться вмѣстѣ съ тѣмъ не только не орудіями дальнѣйшаго усовершенствованія типа, но и прямыми причинами его вырожденія. Борьба за существованіе и подборъ родичей отнюдь не ручаются за улучшеніе породы. Хотя Дарвинъ самъ и говоритъ напримѣръ о «прогрессіи размноженія, столь быстрой, что она ведетъ къ борьбѣ за существованіе, а слѣдовательно и къ ественному подбору, съ коимъ неразрывны расхожденіе признаковъ и вымираніе менѣе усовершенствованныхъ формъ; такъ — прибавляетъ онъ — изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, которое мы можемъ себѣ представить, а именно — возникновеніе высшихъ формъ жизни» (1. с. 387); но неточность столь безусловныхъ выраженій доказывается самою теоріею Дарвина. Положимъ, что въ данной мѣстности существуетъ видъ жесткокрылыхъ сѣраго цвѣта, питающійся листьями деревьевъ и служащій пищею насѣкомоядным птицамъ. Положимъ далѣе, что въ средѣ этого вида жуковъ явилось индивидуальное уклоненіе, — нѣсколько недѣлимыхъ съ зеленоватымъ цвѣтомъ. Эта зеленоватая разновидность, близко подходящая къ цвѣту листьевъ, будетъ, скрываясь въ зелени, подвергаться меньшей опасности истребленія со стороны птицъ, нежели разновидность сѣрая. Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, вслѣдствіе подбора родичей, первая можетъ совершенно вытѣснить послѣднюю, передавая своему потомству не только *полезную* зеленую окраску, а вмѣстѣ съ нею и всѣ свои качества, *каковы бы они ни были*, хотя бы они состояли въ какомъ-нибудь органическомъ недостаткѣ, если, разумѣется этотъ недостатокъ не играетъ самъ большой роли въ борьбѣ за существованіе. Такъ напримѣръ, если для жука зеленый цвѣтъ окажется полезнѣе, чѣмъ сильныя крылья, то подборъ родичей можетъ подхватить вмѣстѣ съ зеленой окраской надкрыльевъ и слабость мускуловъ. И такая форма будетъ не усовершенствованная, а только лучше приспособленная къ требованіямъ окружающихъ условій. А потому нельзя утверждать, что въ борьбѣ за существованіе непремѣнно одерживаютъ побѣду сильнѣйшіе, совершеннѣйшіе представители типа; нѣтъ, побѣда можетъ

остаться и за слабыми, уродливыми, если только они удачнѣе приспособились, благодаря неважнымъ, но въ данную минуту и при данныхъ обстоятельствахъ практически полезнымъ особенностямъ. Самый недостатокъ, самая слабость, самая уродливость могутъ обратиться въ сильное оружіе борьбы за существованіе, и въ такомъ случаѣ подборъ необходимо повлечетъ за собою вымираніе и вырожденіе сильныхъ формъ. На островахъ пропорція между безкрылыми или по крайней мѣрѣ слабокрылыми насѣкомыми и крылатыми совершенно иная, чѣмъ на материкахъ: относительное число безкрылыхъ тамъ несравненно больше. Это объясняется тѣмъ, что крылатыя насѣкомыя слишкомъ далеко залетаютъ и погибаютъ въ морѣ, что невозможно для безкрылыхъ, которыя и выживаютъ. Такимъ образомъ слабость мускуловъ, управляющихъ крыльями, оказывается практически полезною. Какъ справедливо замѣчаютъ многіе нѣмецкіе ученые, Дарвинъ имѣлъ въ виду преимущественно практическую сторону вопроса, вслѣдствіе чего сторона философская у него недостаточно разработана, и встрѣчающіяся здѣсь мѣстами общія замѣчанія дѣйствительно могутъ иного ввести въ заблужденіе, хотя факты сгруппированы до послѣдней степени ясно. Что теорія Дарвина требуетъ дополненій, разъясненій и дальнѣйшихъ приложеній, это не подлежитъ сомнѣнію. И важнѣе всего, по нашему мнѣнію, разъясненіе отношеній теоріи Дарвина къ великому закону органическаго развитія, формулированному Бэромъ и развитому Мильнъ-Эдвардсомъ и Бронномъ. Обстоятельство это превосходно понялъ Нэгели, хотя и недостаточно развилъ свою мысль. Нэгели полагаетъ, что рядомъ съ принципомъ полезности Дарвина долженъ быть поставленъ принципъ усовершенствованія, по которому „организму присуще стремленіе преобразовываться въ болѣе сложную форму“ (I. c., 34), такъ что „самая высшая организація обнаруживается двумя свойствами: совмѣщеніемъ въ себѣ самыхъ разнообразныхъ органовъ и самымъ совершеннымъ раздѣленіемъ между ними труда“ (31). Замѣчанія Нэгели не встрѣтили однако сочувствія. Его упрекаютъ въ телеологическомъ построеніи, что отчасти

справедливо. Но реакція противъ всякихъ телеологическихъ объясненій, вызванная теоріею Дарвина, заходитъ иногда слишкомъ далеко. Мы видимъ, что дарвинисты такъ боятся телеологіи, что уже слишкомъ тщательно избѣгаютъ словъ и выраженій, напоминающихъ объ ней. Такъ Гэккель, Галліеръ находятъ неудачными выраженія Нэгели „теорія полезности“ и „теорія усовершенствованія“, ибо видятъ въ нихъ намекъ на телеологическое объясненіе явленій. Такъ на томъ же основаніи въ русской литературѣ кто то предлагалъ замѣнить терминъ „подборъ родичей“, которымъ г. Рачинскій перевелъ англійское Selection, терминомъ „отборъ“. Конечно точность и чистота языка дѣло очень важное. Но вопервыхъ трудно въ настоящее время обойтись безъ метафорическихъ выраженій, большая часть которыхъ по необходимости отзывается телеологіей, и я не вижу, чѣмъ собственно въ этомъ отношеніи „отборъ“ лучше „подбора“. Вовторыхъ излишній страхъ передъ словомъ можетъ оттолкнуть отъ скрывающейся подъ нимъ мысли, хотя бы она заслуживала не этого. А мысль Нэгели, хотя и скрывается подъ метафизической маской Tendenz, заслуживаетъ вниманія. Она важна уже, какъ напоминаніе о законѣ Бэра, которому повидимому грозитъ участь, по крайней мѣрѣ на время, затереться въ „расхожденіи признаковъ“ (дивергенціи) Дарвина, тѣсно связанномъ съ борьбою за существованіе и подборомъ родичей. Законъ индивидуальнаго развитія, какъ онъ выработанъ трудами Гёте, Бэра, Мильнъ-Эдвардса, Бронна, сводится къ постепенному обособленію органовъ и усиленію между ними раздѣленія труда и различія, *различія между органами*. Законъ дивергенціи или расхожденія признаковъ говоритъ, что, вслѣдствіе борьбы за существованіе, организмы стремятся образовать все большее и большее количество разновидностей, т. е. установить возможно большее *различіе между недѣлимыми*. Мы уже приводили примѣры смѣшенія этихъ двухъ законовъ, и приведемъ здѣсь еще одинъ, быть можетъ еще болѣе поразительный. Даровитѣйшій изъ дарвинистовъ, Гэккель, замѣчаетъ, что законъ дивергенціи распространяется Дарвиномъ только на физіологическихъ недѣ-

лимыхъ, входящихъ въ составъ вида. «По нашему же мнѣнію— продолжаетъ онъ — эта дивергенція (расхожденіе признаковъ) вида не отличается отъ такъ называемаго «дифференцированія органовъ» или раздѣленія трýда между ними. Мы думаемъ, что въ основаніи всѣхъ явленій дифференцированія лежитъ одно и то же явленіе, именно раздѣленіе труда, обусловленное естественнымъ подборомъ, гдѣ бы дифференцированіе ни происходило, касается ли оно самостоятельныхъ физіологическихъ недѣлимыхъ, борящихся между собою въ данной мѣстности за существованіе, или подчиненныхъ морфологическихъ недѣлимыхъ (органовъ). Существенная черта процесса во всѣхъ случаяхъ состоитъ въ образованіи разнородныхъ формъ изъ однороднаго начала, и механическая причина его состоитъ въ естественномъ подборѣ, въ борьбѣ за существованіе» (Generelle Morphologie. II, 253). Мы уже достаточно говорили о совершенной несостоятельности такого обобщенія. И потому ограничимся указаніемъ на неудачныя объясненія, которыя Гэккель, руководимый приведеннымъ добавленіемъ къ теоріи Дарвина, даетъ нѣкоторымъ фактамъ. Разсуждая о неудовлетворительности телеологическаго міросозерцанія, онъ говоритъ между прочимъ, что теорія Дарвина окончательно показала, что природа въ своемъ развитіи не слѣдуетъ какому бы то ни было опредѣленному плану; что она не только доказала отсутствіе въ природѣ предоставленной цѣлесообразности и усовершенствованія, но поколебала и самое понятіе объ усовершенствованіи. Такъ, говоритъ онъ, Бэръ и другіе считали признакомъ и мѣриломъ совершенства организаціи ея сложность и степень дифференцированія, т. е. раздѣленія труда между органами. Теперь же мы видимъ, что дифференцированіе отнюдь не обусловливаетъ собою усовершенствованія. Ибо напримѣръ нѣкоторыя ракообразныя, съ переходомъ отъ самостоятельной жизни къ паразитизму, утрачиваютъ ненужные имъ при этомъ новомъ образѣ жизни органы движенія и зрѣнія. Такимъ путемъ группа ракообразныхъ становится болѣе разнородною, болѣе дифференцированною, и но днакодифферецированіе это, хотя и практически полезное

для самихъ паразитовъ, потому что еслибы ненужные имъ органы сохранились, то они задаромъ поглощали бы извѣстную долю пластическаго, питательнаго матеріала, — представляетъ примѣръ не прогрессивнаго развитія, не усовершенствованія, а движенія ретрограднаго. Итакъ дифференцированіе и усовершенствованіе—двѣ вещи различныя. Читатель видитъ, что софизмъ этотъ построенъ на двусмысленности слова „дифференцированіе". Бэръ и другіе утверждаютъ, что совершенство *организма* измѣряется степенью его сложности, рѣзкостью дифференцированія его органовъ и тканей—въ морфологическомъ отношеніи, и степени физіологическаго раздѣленія труда, обособленности функцій—въ отношеніи физіологическомъ *). Что же мы имѣемъ въ случаѣ ракообразнаго, перешедшаго отъ свободной жизни къ паразитизму? Его организмъ упростился морфологически, ибо онъ лишился орудій зрѣнія и движенія; и упростился и физіологически, ибо количество обособленныхъ функцій стало въ немъ меньше. Регрессъ очевидный, но именно потому, что дифференцированіе, какъ законъ Бэра, какъ законъ *индивидуальнаго* развитія, нарушено. Этотъ регрессъ именно въ смыслѣ закона Бэра. Случай этотъ не опровергаетъ, а самымъ очевиднымъ образомъ подтверждаетъ его. Гэккель же разсуждаетъ такимъ образомъ. Дифференцированіе или дивергенція, расхожденіе *видовыхъ* признаковъ, образованіе новыхъ и новыхъ, все болѣе расходящихся *разновидностей и видовъ*, какъ результатъ борьбы за существованіе и подбора родичей, утверж-

*) Гэккель вслѣдъ за Бронномъ (Morphologische Studien über die Gestaltungsgesetze der Naturkörper überhaupt und der organischen insbesondere. Leipzig und Heidelberg. 1858) принимаетъ нѣсколько законовъ органическаго прогресса или усовершенствованія. Но по нашему мнѣнію всѣ они могутъ быть безъ натяжки сведены къ закону обособленія и дифференцированія, который впрочемъ и Бронномъ и Гэккелемъ признается наиболѣе важнымъ. Во всякомъ случаѣ Бронновы дополненія къ закону Бэра могутъ быть пока нами оставлены въ сторонѣ, безъ ущерба для ясности дѣла.

дается теоріею Дарвина. Это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Но, продолжаетъ Гэккель, по моему мнѣнію, процессъ органическаго, индивидуальнаго развитія, процессъ дифференцированія органовъ и ихъ функцій тождественъ съ процессомъ дифференцированія вида, такъ-какъ и тотъ и другой представляютъ возникновеніе разнородности изъ первоначальной односторонности. Увлекшись этимъ чисто формальнымъ сходствомъ и не вглядѣвшись въ суть обоихъ процессовъ, Гэккель опровергаетъ или по крайней мѣрѣ ограничиваетъ законъ Бэра, подставляя вмѣсто выражаемаго имъ индивидуальнаго дифференцированія дифференцированіе видовое. Опровергнуть такимъ образомъ можно все, что̀ угодно. Мнѣ говорятъ напримѣръ, что деревья растутъ. Я же, отмѣтивъ предварительно, что, по моему мнѣнію, понятіе дерева должно быть расширено, возражаю: стулъ, на которомъ я сижу, столъ, на которомъ я пишу, ручка пера, которое я держу—не растутъ, а между тѣмъ и стулъ, и столъ, и ручка—все это изъ дерева. Итакъ законъ: деревья растутъ невѣренъ и одностороненъ. Другой приводимый Гэккелемъ примѣръ еще очевиднѣе указываетъ на корень софизма. „Естественно—говоритъ онъ—что возрастающее дифференцированіе всѣхъ земныхъ явленій, всѣхъ условій существованія имѣетъ непосредственнымъ результатомъ и соотвѣтственное дифференцированіе организмовъ, и въ большинствѣ случаевъ самое это дифференцированіе есть рѣшительный шагъ впередъ, несомнѣнное усовершенствованіе. Съ другой стороны однако не слѣдуетъ забывать, что всякое раздѣленіе труда имѣетъ на ряду съ выгодами и свои невыгоды. Мы видимъ это въ особенности на полиморфизмѣ человѣческаго общества, представляющемъ въ своемъ государственномъ и соціальномъ развитіи наиболѣе сложные изъ феноменовъ дифференцированія“ (Generelle Morphologie. II, 261). Какъ спеціальный примѣръ невыгоды полиморфизма (т.-е. раздѣленія труда) человѣческаго общества, Гэккель приводитъ спеціалиста ученаго, который не только̀ не видитъ ничего дальше своей спеціальности, но и въ ней неспособенъ ни къ какому шагу впередъ. Это конечно случай ретро-

граднаго развитія, хотя, какъ справедливо замѣчаетъ Гэккель, самъ спеціалистъ чувствуетъ себя очень хорошо и черпаетъ изъ своего уродства многія практическія выгоды. Но опять-таки, при чемъ тутъ законъ Бэра? Съ точки зрѣнія этого именно закона изображенное Гэккелемъ уродство и есть шагъ назадъ. И здѣсь Гэккель смѣшиваетъ законъ Бэра, какъ законъ дифференцированія, расчлененія, обособленія *органовъ*, составляющихъ *недѣлимое*, съ закономъ обособленія *недѣлимыхъ*, какъ членовъ *вида* или *общества*. Гэккель просто увлекся своею борьбою противъ теологическаго воззрѣнія на природу и съ разбѣгу сталъ утверждать, что не только въ природѣ нѣтъ стремленія къ совершенствованію,—что̀ теоріею Дарвина доказывается окончательно,—но что мы не имѣемъ и никакого критерія относительнаго совершенства организаціи, что̀ и невѣрно и для аргументаціи дистелеолога вовсе не требуется. Критерій относительнаго совершенства организаціи есть, данъ онъ Бэромъ. И какъ ни путается Гэккель, но онъ именно къ этому критерію прибѣгаетъ безпрестанно, когда говоритъ напримѣръ: „Хотя различія между человѣкомъ и другими животными суть свойства не качественнаго, а только количественнаго, однако раздѣляющую ихъ пропасть весьма важно замѣтить. По нашему мнѣнію дѣло сводится главнымъ образомъ къ тому, что человѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ многія важныя функціи, встрѣчающіяся въ другихъ животныхъ только въ раздробь“ (1, с., 430). Замѣчательно, что тотъ же Гэккель считаетъ весьма важнымъ для опредѣленія законовъ развитія различеніе практическихъ, односторонніхъ, монотропныхъ типовъ и типовъ идеальныхъ, многосторонніхъ, политропныхъ. (Термины эти принадлежатъ, кажется, К. Снеллю: „Die Schöpfung des Menschen“, Leipzig, 1863). Практическими типами онъ называетъ такіе виды, роды, классы организмовъ, которые окончательно приспособились къ извѣстнымъ спеціальнымъ условіямъ жизни и уже не могутъ существовать внѣ ихъ; таковы, между позвоночными, костистыя рыбы (Teleostei), черепахи, летучія мыши. Типы идеальные, напротивъ, благодаря своему многостороннему развитію, не

приспособились ни къ какимъ спеціальнымъ условіямъ, и потому способны къ дальнѣйшему развитію; таковы, между позвоночными, поперечноротыя (Selachia), полуобезьяны и др. „Это въ высшей степени важное различіе—замѣчаетъ Гэккель, возвращаясь къ своему любимому коньку, можетъ быть усмотрѣно и въ членахъ человѣческаго общества вообще, а слѣдовательно и въ средѣ представителей науки. Человѣчество движется впередъ идеальными и разносторонними, философски развитыми головами, не отступающими предъ обобщеніями и синтезомъ. Практическіе и односторонніе ученые, напротивъ, довольствующіеся анализомъ, не будучи въ состояніи приспособиться къ болѣе высокому строю людей, могутъ только доставить первымъ матеріалъ„ (1. c., 223). Какъ бы однако ни было важно указываемое Гэккелемъ различіе между практическими и идеальными типами, они могутъ переходить другъ въ друга, и особенно легокъ преходъ отъ идеальнаго типа къ типу практическому: стоитъ только первому попасть въ неблагопріятныя условія, которыя въ человѣческомъ обществѣ всѣ сводятся къ раздѣленію труда. Въ другомъ мѣстѣ (262) Гэккель замѣчаетъ „естественный подборъ вездѣ способствуетъ развитію практическихъ типовъ въ ущербъ идеальнымъ». Да, das ist eine alte Geschichte, doch ist sie immer neu:

Нѣтъ могучаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!

Однако, выраженная абсолютно, эта печальная истина столь же мало оправдывается фактами, какъ и противоположный ей выводъ, дѣлаемый нѣкоторыми изъ теоріи Дарвина, а именно, будто бы борьба за существованіе и естественный подборъ необходимо суть орудія прогресса, что въ борьбѣ выживаютъ только лучшіе и сильнѣйшіе; точно такъ, какъ невѣрно и снотворное правило буржуазныхъ моралистовъ: добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Природа, какъ она намъ освѣщается теоріей Дарвина, не знаетъ избранниковъ. Здѣсь она раздавитъ великаго Патрокла и сохранитъ презрительнаго Терсита; тамъ выдавитъ изъ строя жизни цѣлый видъ, здѣсь раз-

биваетъ видъ на два, на три; тамъ низведетъ Патрокла до состоянія Терсита, здѣсь выставитъ Патрокла во всемъ его величіи; тамъ разовьетъ жизнь, сюда пошлетъ смерть; тамъ посѣетъ слезы и страданія, здѣсь разольетъ море наслажденій... Не спрашивайте для чего? зачѣмъ? Съ такимъ вопросомъ нельзя обращаться къ природѣ. Она не дастъ отвѣта. Она скажетъ вамъ, *почему* произошло то-то и то-то, но вы не вырвете отъ нея отвѣта на вопросъ: *зачѣмъ*? Если вы пожелаете отвѣтить за нее, то-есть навязать ей свой отвѣтъ, то вы можете навязать любой. Цѣли и дѣйствія одухотворенной вами природы окажутся разумными и глупыми, великими и мелкими, добродѣтельными и безсовѣстными, высоконравственными и до послѣдней степени преступными, смотря по тому, какъ вы сами посмотрите на дѣло. Всякую цѣль, всякій планъ можно отыскать въ природѣ именно потому, что въ ней нѣтъ никакой цѣли, никакого плана. Но это значитъ, что природою управляетъ слѣпой случай? Въ этомъ упрекали и Дарвина, между тѣмъ, какъ упрекать тутъ собственно не въ чемъ и не за что. Если подъ случаемъ разумѣть совокупность неизвѣстныхъ намъ, но могущихъ быть прослѣженными цѣпей причинъ и слѣдствій, то да,—природой управляетъ слѣпой случай. Если подъ понятіе случая подшивать какую-либо мистическую, таинственную подкладку, то теорія Дарвина свидѣтельствуетъ, что случая въ *этомъ* смыслѣ вовсе нѣтъ, что словомъ этимъ мы только маскируемъ свое незнаніе. Цѣли и планы сказались въ природѣ въ достаточно широкой степени только тогда, когда рядомъ съ естественнымъ подборомъ сталъ подборъ искусственный, а рядомъ съ борьбой за существованіе— смутные проблески ея отрицанія въ сферѣ человѣческихъ отношеній, когда человѣкъ вступилъ въ борьбу съ природой и пожелалъ измѣнить ее сообразно своимъ нуждамъ и потребностямъ. Телеологирующіе противники Дарвина, вѣрующіе въ отдѣльное сотвореніе видовъ по нѣкоторому плану для извѣстныхъ цѣлей, отрицающіе естественный подборъ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать и подборъ искусственный, и всякое воздѣйствіе человѣка на природу.

Если „высшій разумъ“, „высшій художникъ“ создалъ для какой-нибудь цѣли волка, то истребленіе волковъ или приручение ихъ есть вопервыхъ актъ неразумный, ибо нельзя прати противъ рожна. Вовторыхъ это актъ преступный, ибо заключаетъ въ себѣ покушеніе на возстаніе противъ всеблагого провидѣнія и высшаго разума. И такъ „волкъ тебя заѣшь“, вотъ какое утѣшеніе преподносятъ человѣку телеологи, съ ужасомъ отступающіе отъ принципа борьбы за существованіе, который, съ точки зрѣнія теоріи Дарвина, можетъ быть на практикѣ совершенно модифицированъ.

Чтобы судить объ аргументаціи современныхъ телеологовъ, надо видѣть книгу Агассица. Только здѣсь, подпертая фактическими данными, телеологія является въ апогеѣ своего величія и вмѣстѣ съ тѣмъ только здѣсь обнаруживается вся очевидность ея слабости и несостоятельности. Пока телеологія витала въ сферахъ отвлеченныхъ и спускалась на землю только для того, чтобы произнести свое окончательное рѣшеніе, она, какъ напримѣръ въ нѣмецкихъ метафизическихъ системахъ, подкупала, кромѣ лести человѣческимъ предразсудкамъ и поддакиванія лѣности мысли, еще изяществомъ своего діалектическаго построенія. Храмъ телеологіи висѣлъ на воздухѣ, но въ немъ все было симметрично, изящно, были обдуманы мельчайшіе орнаменты этого воздушнаго храма. Только законъ тяжести не принимался въ соображеніе. Нынѣ телеологія хочетъ устроиться солиднѣе, хочетъ спуститься на землю и опереться на фактахъ опыта и наблюденія. Такимъ образомъ она становится на почву эмпирической науки, и по тѣмъ судорожнымъ, неловкимъ, нелѣпымъ движеніямъ, которыя она принуждена выдѣлывать, что бы удержаться на этомъ скользкомъ для нея пути, всякій можетъ убѣдиться, что ея пѣсня спѣта. Да, книга Агассица — лебединая пѣсня телеологіи. Между современными учеными нѣтъ телеолога, столь хорошо вооруженнаго, какъ Агассицъ. И вотъ какъ разсуждаетъ этотъ первый и вѣроятно послѣдній телеологіи боецъ.

Агассицъ полагаетъ, что виды въ своихъ существенныхъ

признакахъ неизмѣнны; они могутъ въ извѣстныхъ границахъ измѣняться; но никогда не выступаютъ изъ положенныхъ имъ творческою мыслію предѣловъ и никогда одинъ видъ не можетъ перейти въ другой или произойти изъ другаго. Каждый видъ есть воплощенная творческая идея. Натуралисты—не болѣе, какъ переводчики мыслей Творца на человѣческій языкъ. «Человѣческій умъ находится въ гармоніи съ природой, и многое изъ того, что намъ кажется результатомъ усилій нашего разума, есть только естественное выраженіе этой предуставленной гармоніи» (1. с., 9). Всѣ растенія и животныя созданы по нѣкоторому плану, строго обдуманному Творцомъ. Создавая животное царство, Творецъ обдумалъ сначала четыре различные общіе плана, которые составили идею четырехъ группъ: позвоночныхъ, суставчатыхъ, мягкотѣлыхъ и лучистыхъ. Затѣмъ Творецъ приступилъ къ обдумыванію тѣхъ, болѣе разнообразныхъ и многочисленныхъ формъ, въ которыя могли бы быть воплощены означенные планы строенія. Онъ пришелъ къ мысли въ общемъ планѣ строенія напримѣръ позвоночныхъ, установить болѣе спеціальные планы млекопитающихъ, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся. Далѣе Творецъ допустилъ еще большую спеціализацію признаковъ и разбилъ каждый классъ на порядки, порядки на семейства, семейства на роды, роды на виды, которые наконецъ и воплотились. Созданы всѣ различные виды (въ видѣ зародышей или яицъ) вдругъ, въ огромномъ количествѣ и на всемъ земномъ шарѣ. Затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, Творецъ или Intelligence suprême, Высшій разумъ, какъ его охотнѣе называетъ Агассицъ, по недоступнымъ намъ соображеніямъ, внезапнымъ геологическимъ переворотомъ уничтожаетъ все доселѣ имъ созданное и создаетъ новыя и болѣе совершенныя формы. Но при этомъ онъ придерживается старыхъ своихъ принциповъ строенія и создаетъ, главнымъ образомъ, только новые виды, изрѣдка роды, еще рѣже семейства, порядки, классы. Изъ предѣловъ четырехъ основныхъ группъ эта Intelligence suprême выбиться не можетъ. Проходятъ еще и еще вѣка, и опять Высшій разумъ истребляетъ

свою работу и опять принимается за нее. Наконецъ создаетъ человѣка, по образу и по подобію своему, вмѣстѣ съ чѣмъ божественная работа прекращается. «Анатомія—говоритъ Агассицъ могла бы, по моему мнѣнію, доказать, что не только человѣкъ есть совершеннѣйшее изъ существъ современнаго періода, но что онъ есть послѣднее звено цѣпи, за которымъ уже физически невозможенъ дальнѣйшій прогрессъ въ общемъ планѣ животнаго царства" (35). Въ метафизикѣ своей Агассицъ возвращается почти къ идеямъ мудраго, но уже довольно давно умершаго Платона. Онъ полагаетъ, что недѣлимыя „имѣютъ только (?) матеріальное существованіе и суть не болѣе, какъ субстраты съ одной стороны различныхъ категорій строенія, на которыхъ основана естественная зоологическая система, а съ другой—всѣхъ отношеній животныхъ къ окружающему міру" (7). Вліяніе внѣшней природы на измѣненіе организмовъ Агассицъ отрицаетъ безусловно. Онъ утверждаетъ, что можно бы было писать цѣлые томы на эту тему. Наслѣдственности, какъ связующаго начала между различными видами, онъ также не признаетъ. Какъ нѣкогда Катонъ всѣ свои рѣчи, какого бы онѣ ни были содержанія и къ чему бы ни относились, заканчивалъ восклицаніемъ: а Карѳагенъ все-таки надо разрушить! такъ и Агассицъ заключаетъ каждую главу своего сочиненія такими замѣчаніями: «И эту-то логическую связь, эту изумительную гармонію, это безконечное разнообразіе въ единствѣ—намъ хотятъ представить, какъ результатъ силъ, не имѣющихъ ни способности мышленія, ни способности сравненія, ни идей пространства и времени!" (24). «Это возрастающее согласіе между нашими системами (зоологическими) и системою природы доказываетъ, что въ сущности умъ человѣческій и божественный разумъ тождественны. Въ этомъ еще болѣе можно убѣдиться, принимая въ соображеніе ту высокую степень совершенства и соотвѣтствія реальному порядку вещей, которой достигли нѣкоторыя апріорическія философскія построенія, независимо отъ данныхъ эмпирической науки" (31). „Здѣсь мы опять видимъ новое и поразительное доказательство порядка и

цѣлесообразности установленныхъ въ началѣ вещей касательно различныхъ степеней сложности организмовъ“ (43). „Кто же станетъ утверждать, что столь разнообразныя выраженія одного и того же чувства, одного и того же инстинкта истекаютъ единственно изъ физической организаціи, изъ особенности строенія, которое вдобавокъ и понять нельзя, если исключить идею методически исполненнаго плана, обдуманнаго заранѣе, и мы должны признать, что намѣреніе вездѣ предшествовало факту“ (107). И т. д., и т. д., и т. д. Мало того, всѣ эти варіяціи на одинъ и тотъ же рефрень Агассицъ собираетъ далѣе въ одно цѣлое и, подъ заглавіемъ «Recapitulation», вновь преподноситъ читателю *). Очевидно, что Агассицъ принадлежитъ къ числу людей, подвѣшивающихъ къ явленіямъ природы мочальный хвостъ. Это можно бы было, даже не читая всей его книги, заключить уже изъ того, что онъ вопервыхъ принимаетъ явленія органической жизни совершенно оторванными отъ явленій неорганической природы, отрицаетъ вліяніе среды на организацію и, слѣдовательно, зависимость біологіи отъ низшихъ наукъ. Далѣе, онъ прямо говоритъ, что человѣкъ долженъ, «проникая въ природу своего духа, стараться понять безконечный разумъ, котораго эманацію

*) Вотъ два-три примѣра на выдержку: II) L'existence simultanée des types les plus divers, au milieu de circonstances identiques, manifeste de l'intelligence; — la capacité d'adapter une grande variété de structures aux conditions les plus uniformes. VII) L'existence simultanée, des que l'animalité apparut, de représentants de tous les grands types du règne animal manifeste, d'une manière plus spéciale, de l'intelligence:—une intelligence judicieuse, en laquelle se combinent le pouvoir, la préméditation, la prescience, l'omniscience. XXXII) La combinaison dans le temps et dans l'espace de toutes ces conceptions profondes, non seulement manifeste de l'intelligence mais, de plus, elle prouve la préméditation, la puissance, la sagesse, la grandeur, la prescience, l'omniscience, la providence. En un mot, tous ces faits et leur naturel enchaînement proclament le Seul Dieu que l'Homme puisse connaître, adorer et aimer. L'Histoire Naturelle diviendra, un jour, l'analyse des pensées du Créateur de l'Univers, manifestées dans le Règne Animal et le Règne Végétal, comme elles l'ont été dans le monde inorganique (214, 219).

представляетъ его собственный разумъ» (9). Естественное дѣло, что при подобномъ методѣ мышленія личность мыслителя должна неизбѣжно оставить свой явственный отпечатокъ на мочальномъ хвостѣ. И дѣйствительно, что̀ такое этотъ творецъ, созидающій единственно для созиданія, разрушающій единственно для разрушенія, самъ совершенствующійся съ теченіемъ времени, какъ не самъ Агассицъ съ придачею огромныхъ, неестественныхъ съ человѣческой точки зрѣнія, но все-таки ограниченныхъ силъ. Какъ человѣкъ науки для науки, Агассицъ и не могъ создать инаго Творца, который, изъ-за созиданія и разрушенія, видѣлъ бы какую-либо иную цѣль. Какъ мыслитель, необходимо проходящій извѣстныя ступени развитія, Агассицъ проводитъ по подобнымъ же ступенямъ совершенствованія и свою Intelligence suprême. Богъ Агассица вовсе не всемогущъ, не премудръ и проч. Онъ просто очень сильный человѣкъ, въ которомъ любовь къ порядку довольно странно перепутывается съ постоянными капризами. Агассицъ очень хлопочетъ о томъ, чтобы его не заподозрѣли въ ортодоксальности. Еще бы! Замѣчательно, что въ числѣ великихъ качествъ, приписываемыхъ Агассицомъ сотворенному имъ творцу, нѣтъ ни одного качества нравственнаго. Онъ ни разу не упоминаетъ о томъ, въ какой мѣрѣ его Intelligence suprême обладаетъ благостію, справедливостью и проч. И въ этомъ опять сказался человѣкъ науки для науки, человѣкъ, весь ушедшій въ исключительно умственные, и притомъ весьма узкіе, интересы. Но если Агассицъ находитъ нужнымъ преклоняться передъ этою Intelligence, то люди жизни, волнуемые любовью и ненавистью, люди жизни, страдающіе и наслаждающіеся, не послѣдуютъ примѣру Агассица. Они обратятся къ его Intelligence со словами гётевскаго Прометея къ Юпитеру:

Ich dich ehren? Wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Je das Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Je des Geängsteten?

Еслибы мы были ближе знакомы съ особенностями личнаго

характера Агассица, то безъ сомнѣнія могли бы провести болѣе специфическую параллель между нимъ и созданнымъ имъ Создателемъ. Однако и теперь мы можемъ отмѣтить одну любопытную частную черту совпаденія. Творецъ Агассица, приступая къ творческому акту, придумываетъ сначала наиболѣе общіе планы четырехъ основныхъ группъ животнаго царства, и затѣмъ уже постоянно спеціализируетъ свои идеи, придаетъ имъ все болѣе и болѣе частный характеръ. Это точный снимокъ съ пріемовъ мысли самого Агассица, который въ своемъ объясненіи природы не отъ фактовъ поднимается къ теоріи, а исходитъ напротивъ изъ теоріи, подгоняя къ ней факты. Въ этомъ нелогическомъ пріемѣ Агассицъ упрекаетъ теорію Дарвина. Но дѣло говоритъ само за себя, да и наконецъ Агассицъ открыто заявляетъ свое уваженіе къ апріорическимъ метафизическимъ системамъ, построеннымъ внѣ опыта и наблюденія. Не слѣдуетъ однако забывать что это пріемъ невозможный и что все дѣло только въ качествѣ и количествѣ данныхъ опыта и наблюденія, легшихъ помимо сознанія мыслителя, въ основаніе его яко бы апріорической системы. Проникая въ природу своего собственнаго духа, Агассицъ нашелъ, что реализаціи его намѣреній необходимо предшествуетъ самый психическій фактъ намѣренія; что, кромѣ этого общечеловѣческаго факта, личныя намѣренія Агассица всѣ направлены въ одну сторону въ сторону довлѣющаго самому себѣ познанія. И вотъ всѣ эти факты своего сознанія Агассицъ перенесъ на личность Божества, то-есть списалъ ее съ самого себя. Когда я читалъ книгу Агассица, мнѣ живо вспомнилась моя вышеприведенная ребяческая космогонія. Не уступая міросозерцанію Агассица въ состоятельности, она положительно превосходитъ его по поэтическому колориту и силѣ концепціи. Мое вѣчно спящее божество было гораздо многостороннѣе, ибо если и ему приходилось испытывать затрудненіе думать о небывалыхъ еще формахъ, прежде чѣмъ увидѣть ихъ во снѣ, то-есть даровать имъ реальное бытіе, то оно нетолько созидало и разрушало оно любило. Какъ любящая женщина думаетъ на ночь о суженомъ, чтобы увидѣть его во снѣ, такъ дѣйствовалъ и мой сон-

ный богъ. И потому онъ заслуживалъ уваженія, любви и подражанія съ гораздо большаго числа сторонъ, чѣмъ сомнительная Intelligence suprême Агассица.

Мы желаемъ книгѣ Агассица полнаго успѣха, ибо ея успѣхъ (въ смыслѣ распространенія) есть успѣхъ теоріи Дарвина. Не имѣя ни времени, ни мѣста сравнивать въ подробностяхъ эти два міросозерцанія, мы должны представить самому читателю окончательно выбрать себѣ Ормузда и Аримана. Мы остановимся однако на одномъ любопытномъ рядѣ фактовъ, получающихъ съ точекъ зрѣнія Дарвина и Агассица совершенно различный смыслъ. Мы говоримъ о такъ-называемыхъ рудиментарныхъ или зачаточныхъ органахъ. Гэккель, который слишкомъ часто забываетъ мудрое изрѣченіе Кювье, что la science des noms va bientôt devenir plus difficile que la science des choses, установилъ для ученія о зачаточныхъ или недоразвитыхъ органахъ особый терминъ — «дистелеологія». Терминъ этотъ впрочемъ и удаченъ и далеко не лишній, но нѣтъ никакой надобности ограничивать дистеологію ученіемъ о рудиментарныхъ органахъ: ибо этимъ именемъ можно назвать всю доктрину подбора и борьбы за существованіе, если разумѣется не держаться того совершенно неосновательнаго убѣжденія, будто бы побѣдителями изъ борьбы непремѣнно выходятъ лучшія совершеннѣйшія формы. Какъ бы то ни было, но существованіе зачаточныхъ органовъ дѣйствительно должно ставить въ тупикъ телеологовъ и, по своей наглядности, дѣйствительно представляетъ одну изъ сильнѣйшихъ опоръ дистелеологіи. Изъ строгой зависимости, какая, вообще говоря, существуетъ между органами и ихъ отправленіями, выводили прежде свидѣтельство въ пользу предуставленной гармоніи и цѣлесообразности организаціи. При этомъ оставались безъ всякаго объясненія тѣ случаи, когда въ организмахъ оказывались аппараты совершенно лишніе въ экономіи организаціи, органы безъ отправленій, органы, часто не только безразличные по отношенію къ нуждамъ даннаго организма, не только пассивно-вредные для него, какъ поглощающіе извѣстную долю пищи, не оплачивая за нее ничѣмъ, но иногда завѣдомо вред-

ные. Это тѣ именно заглохшіе, зачаточные, рудиментарные органы, которые Дарвинъ остроумно сравниваетъ «съ буквами, еще сохранившимися въ правописаніи слова, но уже непроизносящимися, которыя служатъ намъ указаніемъ на происхожденіе слова» (1. c., 360). Но, какъ путеводная нить по ступенямъ развитія органическихъ формъ, какъ указаніе на происхожденіе организма, существованіе зачаточныхъ органовъ могло получить значеніе только по твердомъ установленіи принципа измѣняемости видовъ. Намеки на такое объясненіе встрѣчаются у Ламарка, но наиболѣе полно вопросъ этотъ былъ поставленъ только Дарвиномъ. Какой смыслъ съ телеологической точки зрѣнія имѣютъ напримѣръ зубы зародышей китовъ, исчезающіе у взрослаго животнаго? Никакой пользы они организму не приносятъ, никакого дѣла не дѣлаютъ; зачѣмъ же они вошли въ «планъ творенія» и какова ихъ «цѣль»? Или зачѣмъ у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ существуютъ крылья, когда они совершенно скрыты подъ плотно спаянными твердыми надкрыліями и слѣдовательно служить для лѣтанія, исполнять предписанную имъ функцію— не могутъ? Какой предуставленной цѣли удовлетворяютъ сосцы самцовъ, никогда не функціонирующіе? Множество подобныхъ вопросовъ должны были сильно смущать телеологію, и нѣкоторые изъ нихъ не поддаются самымъ тонкимъ ея ухищреніямъ *). Съ дистелеологической же точки зрѣнія теоріи Дарвина факты рудиментарныхъ органовъ получаютъ очень простое и естественное

*) Фрицъ Мюллеръ замѣчаетъ: «Nirgends ist die Versuchung dringender den Ausdrücken: Verwandschaft, Hervorgehen aus gemeinsamer Grundform —und ähnlichen, eine mehr als bloss bildliche Bedeutung beizulegen, als bei den niedern Krustern. Namentlich bei den Schmarotzerkrebsen pflegt ja längst alle Welt, als wäre die Umwandlung der Arten eine selbstverständliche Sache, in kaum bildlich zu deutender Weise von ihrer Verkümmerung durchs Schmarotzerleben zu reden. Es möchte wohl Niemandem als eines Gottes würdiger Zeitvertreib erscheinen, sich mit dem Ausdencken dieser wunderlichen Verkrüppelungen zu belustigen, und so liess man sie durch eigene Schuld, wie Adam beim Sündenfall, von der früheren Vollkommenheit herabsinken». (Für Darwin. Leipzig 1864, 2).

объясненіе. Какъ скоро организмъ переходитъ отъ сравнительно сложныхъ условій жизни къ условіямъ сравнительно простымъ какъ напримѣръ въ случаяхъ паразитизма, нѣкоторыя отправленія становятся для него совершенно лишними, ему не приходится пускать ихъ въ ходъ, напримѣръ ему не приходится двигаться. Органы движенія, вслѣдствіе неупотребленія, уменьшаются въ объемѣ, а такъ-какъ они все-таки потребляютъ извѣстную долю питательнаго матеріала, то борьба за существованіе и подборъ родичей выдвигаютъ постепенно впередъ паразитовъ лишенныхъ органовъ движенія, ибо они болѣе приспособлены къ средѣ, имѣютъ все, что имѣютъ и ихъ способные къ движенію родичи, но освобождены отъ лишняго для нихъ бремени. Когда животное, вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ, начинаетъ вести подземную жизнь, если напримѣръ борьба за существованіе загоняетъ его въ пещеру, то органы зрѣнія атрофируются или, какъ выражается Дарвинъ, телескопъ исчезаетъ, хотя стативъ его еще цѣлъ. Такимъ-то образомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе неупотребленія и вліянія внѣшнихъ условій, подхватываемаго естественнымъ подборомъ, атрофируются и переходятъ въ рудиментарное состояніе органы движенія, чувствъ, дыханія, дѣтородные, нѣкоторые мускулы (у человѣка напримѣръ мускулы, движущіе уши и хвостовые позвонки). И эти зачаточные органы дѣйствительно оказываются буквами, сохранившимися въ правописаніи слова, но уже не произносящимися; и по нимъ дѣйствительно можно судить объ общности происхожденія и близости родства органическихъ формъ. Если мы напримѣръ видимъ, что всѣ позвоночныя, обладающія легкими, имѣютъ ихъ два, за исключеніемъ змѣй и нѣкоторыхъ змѣевидныхъ ящерицъ, у которыхъ одно изъ легкихъ непремѣнно недоразвито; если далѣе у тѣхъ же змѣй подъ кожей скрыты зачаточныя конечности, — то уже одинъ этотъ рядъ необъяснимыхъ съ телеологической точки зрѣнія явленій долженъ убѣдить насъ въ несостоятельности гипотезы отдѣльнаго сотворенія видовъ по нѣкоторому плану. Слѣдуетъ замѣтить, что Дарвинъ предлагаетъ раздѣлить рудиментарные органы на атрофирован-

ные, заглохшіе (по терминологіи Гэккеля катапластическіе) и неразвившіеся, начинающіеся (анапластическіе). Напримѣръ крылья бѣгающихъ птицъ (страусъ, пингвинъ) представляютъ, по Гэккелю, органы катапластическія, а крылья летучихъ рыбъ— анапластическія.

Что же противопоставляетъ такому естественному объясненію Агассицъ? Онъ очень хорошо понимаетъ, что телеологическій аргументъ, основанный на предполагаемой гармоніи между органомъ и его функціею, не оправдывается фактами, ибо въ наукѣ извѣстно множество органовъ, никогда не функціонирующихъ. Но „эти органы сохранены для поддержанія нѣкотораго единства въ основаніи строенія; они не играютъ важной роли въ существованіи организма, они имѣютъ значеніе только по отношенію къ первичной формулѣ группы, къ которой организмъ принадлежитъ. Присутствіе ихъ имѣетъ цѣлью не исполненіе функціи, но сохраненіе единства и опредѣленности плана. Они подобны тѣмъ украшеніямъ, которыя архитекторъ располагаетъ на внѣшней сторонѣ стѣнъ дома ради симметріи и гармоніи, но безъ всякой практической цѣли“ (1. с., 12). „Не доказываетъ ли открытое докторомъ Вайманомъ существованіе зачаточныхъ глазъ у слѣпой рыбы, что животное это, подобно другимъ, было создано всемогущимъ *fiat* со всѣми своими особенностями, и что этотъ *зачатокъ глаза былъ оставленъ ему, какъ воспоминаніе объ общемъ планѣ строенія группы, къ которой эта рыба принадлежитъ*“? Было время, когда окаменѣлости считались то неудачными пробами творенія, то моделями, которыя Творецъ приготовлялъ изъ гипса и глины, чтобы построить потомъ по нимъ представителей органическаго міра. Агассицъ, оказавшій столь много и столь важныхъ услугъ палеонтологіи, конечно, только посмѣялся бы надъ подобными толкованіями. Но его философія не далеко отъ нихъ ушла. Говоря о рудиментарныхъ органахъ, Дарвинъ замѣчаетъ: «Въ естественно-историческихъ сочиненіяхъ обыкновенно говорится, что эти органы созданы «для симметріи», или «для пополненія природнаго плана»; но это, мнѣ кажется, не объясненіе, а лишь

иное выраженіе того же факта. Удовольствовались ли бы мы положеніемъ, что такъ-какъ планеты описываютъ эллипсисы вокругъ солнца, ихъ спутники описываютъ вокругъ нихъ такую же кривую, ради симметріи и для пополненія плана природы»? (1. с., 358). И въ другомъ мѣстѣ: «Хотя я вполнѣ убѣжденъ въ справедливости воззрѣній, изложенныхъ въ этой книгѣ въ видѣ извлеченія, я нисколько не надѣюсь убѣдить опытныхъ естествоиспытателей, которыхъ память наполнена множествомъ фактовъ, разсматриваемыхъ ими въ теченіе долгихъ лѣтъ съ точки зрѣнія, прямо противоположной моей. Такъ легко прикрывать наше незнаніе такими выраженіями, какъ «планъ творенія», «единство плана» и т. п., и воображать, что мы даемъ объясненіе, когда только выражаемъ самый фактъ» (380).

Да не посѣтуетъ на насъ читатель за то, что мы въ настоящей статьѣ не касались спеціально-соціологическихъ вопросовъ. Мы выговорили себѣ право дѣлать отступленія, которыя намъ пригодятся впослѣдствіи.

III. Теорія Дарвина и либерализмъ *).

M-me Clèmence Royer. Origine de l'homme et des sociétés. Paris. 1870.

«Можно-ли ликовать при видѣ того, что мы наконецъ открыли, что наши способности созданы только для земли и для земныхъ явленій? Можно-ли радоваться нашей собственной ограниченности и услаждаться тѣмъ, что достодолжными доказательствами можетъ быть доказано, что мы рабы чувствъ и чувственныхъ фактовъ?» Такъ скорбитъ одинъ, цитируемый Льюисомъ въ исторіи философіи англійскій профессоръ. Эта тирада типическая. Иллюзіи и фикціи, которыми человѣческая мысль жила цѣлые вѣка, до такой степени прочно сидятъ на своемъ мѣстѣ, что, будучи даже окончательно развѣяны наукой, заставляютъ вздыхать по оставленному храму и низверженному кумиру:

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Но «низкія истины» въ концѣ концовъ грубо вытѣсняютъ «насъ возвышающій обманъ». Такъ случилось и въ психологіи, а разъ мѣсто человѣка въ цѣпи другихъ существъ установилось окончательно, стало весьма естественнымъ стремленіе построить и общественную науку на біологическихъ основаніяхъ. Тѣмъ не менѣе однако пересадка тѣхъ или другихъ этическихъ, экономическихъ, политическихъ принциповъ на біологическую почву требуетъ пока извѣстной смѣлости, какую трудно встрѣтить у авторитетовъ различныхъ отраслей обществознанія и вообще у людей, вспоенныхъ старыми понятіями о мѣстѣ чело-

*) 1871. Январь.

вѣка въ природѣ. При такой пересадкѣ само собой отлетаетъ розовая оболочка иллюзій и фикцій, которыми люди тѣшатъ и обманываютъ и себя и другихъ. Фактъ выступаетъ во всеоружіи своей жесткости и шероховатости. Не у всѣхъ хватаетъ духу выдержать это зрѣлище, у еще большаго числа людей не хватаетъ духу допустить на него публику. Греческая гетера, будучи призвана въ судъ, раздѣлась до нага, и греческіе судьи, какъ тонкіе цѣнители красоты, оправдали ее, единственно ради ея обнаженной красоты. Добросовѣстный судья, чувствуя свою слабость, долженъ бы былъ сказать Фринѣ: одѣнься! Добросовѣстный судья судебъ человѣка, и общества долженъ наоборотъ сказать подсудимымъ: раздѣнься! Но язвы и струпья на обнаженномъ тѣлѣ подсудимыхъ такъ больно рѣжутъ глаза, а галуны на скинутыхъ одеждахъ такъ блестятъ, мы къ нимъ такъ привыкли... Теорія Мальтуса была вторженіемъ біологіи, въ область общественной науки, и надо было много смѣлости, чтобы такъ раздѣть дѣйствительность и свои принципы. Страшное homo hominі lupus Гоббса отталкиваетъ отъ себя тѣхъ самыхъ людей, которые радуются галунамъ гармоніи экономическихъ интересовъ, а между тѣмъ подъ этой гармоніей сидитъ и дѣйствуетъ все то же homo hominі lupus. Кто это понимаетъ, тотъ или себѣ закрываетъ глаза, или отгоняетъ любопытствующую публику. Помните, какъ г. Страховъ отнесся къ нѣкоторымъ выводамъ г-жи Ройе. Да, говорилъ онъ съ свойственною ему наивностью, да, эта истина, но уберите ее прочь, ибо возвышающій насъ обманъ дороже тьмы низкихъ истинъ.

Г-жа Рейе не страдаетъ этой слабостью и очень хорошо понимаетъ, что это слабость. «Логики и умственной независимости—говоритъ она—не всегда достаточно, чтобы человѣкъ осмѣлился рѣшить спорную научную задачу. Тутъ требуется еще энергія темперамента, столь же необходимая для утвержденія идеи, какъ и для исполненія дѣла. Нерѣшительность имѣетъ свои удобства и во всякомъ случаѣ неопасна» (Préface, XIII).

Г-жа Ройе женщина очень разносторонне образованная и талантливая. Она, говорятъ, прекрасно перевела книгу Дарвина

о происхожденіи видовъ, снабдивъ переводъ предисловіемъ, болѣе полное изложеніе идей котораго представляетъ книга, выписанная у насъ въ заголовкѣ. Она написала сочиненіе о налогахъ, за которое получила въ 1861 году премію (если не ошибаюсь, премія была присуждена ей и Прудону). Она читала лекціи философіи въ Лозаннѣ, написала какой-то «философскій романъ» и проч. Ничего этого мы не читали и говоримъ о прошломъ г-жи Ройе единственно для рекомендаціи ея личности читателямъ.

Теперь г-жа Ройе является съ книгою, замѣчательною по крайней мѣрѣ по смѣлости и, такъ сказать, голости выводовъ, бѣгло, но довольно отчетливо захватывающихъ многія стороны общественной жизни. Г-жа Ройе не полагаетъ, чтобы истина могла оказаться низкою, а обманъ возвышающимъ. Однако, отдавая полную справедливость «энергіи темперамента», съ которую г-жа Ройе исполняетъ принятую ею на себя роль enfant terrible нѣкоторыхъ доктринъ, надо замѣтить, что она не совсѣмъ разумно распоряжается своими силами. Книга ея (очень объемистая) имѣетъ цѣлью опровергнуть Руссо, съ которымъ она полемизируетъ на каждой страницѣ. Поднять такую ожесточенную войну противъ человѣка, писавшаго сто лѣтъ тому назадъ,— это дѣло конечно не трудное, но и не почетное и едвали нужное. Вооружившись всѣмъ, что̀ люди добыли въ теченіе цѣлаго вѣка, не трудно разгромить Руссо, хоть при этомъ можно проглядѣть дѣйствительныя достоинства его воззрѣній. Правда, г-жа Ройе утверждаетъ, что трактаты Руссо о значеніи наукъ и о причинахъ неравенства были ниже даже современнаго ему уровня знаній. Но вопервыхъ, это можетъ быть оспариваемо; вовторыхъ, тѣмъ менѣе резону обрушиваться на Руссо; втретьихъ наконецъ, г-жа Ройе подавляетъ бѣднаго Руссо не современнымъ ему уровнемъ знаній, а взобравшись, какъ карликъ, на плечи великана, на Дарвина, Гёксли, Макса Мюллера и пр., мещетъ съ этой высоты свои гранаты.

Есть двѣ причины, почему г-жа Ройе такъ цѣпко ухватилась за Руссо. Она говоритъ, что идеи Руссо, опровергаемые за-

щитниками еще болѣе ложныхъ доктринъ и слѣпо принимаемыя нѣкоторыми энтузіастами, постепенно укоренились въ общественномъ сознаніи, отчасти даже реализировались и по сіе время тормозятъ дѣло прогресса. Отъ Руссо, произошли, говоритъ она, въ первомъ поколѣніи Робеспьеръ, Бабёфъ, Геберъ и Шометъ, а во второмъ Фурье, Сенъ-Симонъ, Пьеръ Леру, Кабе, Прудонъ. Ройе полагаетъ, что это теченіе мысли окончательно погубило бы человѣчество, если бы его не сдерживало встрѣчное теченіе, произведшее въ древности Аристотеля и Эпикура и давшее за тѣмъ Монтеня и Декарта, Вольтера и Дидро, энциклопедистовъ XVIII вѣка и современныхъ ученыхъ. Считаю нужнымъ въ корень подрѣзать антипатичныя ей доктрины, Ройе поражаетъ человѣка, считаемаго ею основателемъ этихъ доктринъ. Несостоятельность такого разсужденія очевидна. Это все равно, какъ еслибы я, желая опровергнуть теорію измѣняемости видовъ, напалъ бы не на Дарвина, а на наименѣе выработанныя формы этой теоріи, на Ламарка или еще лучше на Демальe. Это опять-таки было бы легко, но не почетно и безполезно, такъ-какъ Дарвинъ остался бы внѣ моихъ выстрѣловъ. Такъ и Ройе стрѣляетъ исключительно по Руссо, да и то неудачно. Вотъ перечень положеній Руссо, которыя г-жа Ройе желаетъ поразить, освѣщая соотвѣтственные факты новымъ свѣтомъ. Перечень этотъ дѣлаетъ сама Ройе въ предисловіи. Все хорошо въ рукахъ природы, но все извращается въ рукахъ человѣка; самъ человѣкъ вышелъ изъ рукъ природы совершеннымъ, родится онъ добрымъ, но его портитъ воспитаніе, цивилизація, наука, общество, словомъ все, въ чемъ мы видимъ наши побѣды; существуетъ для человѣка извѣстное опредѣленное естественное состояніе, отъ котораго онъ, къ прискорбію, удалился и къ которому онъ долженъ вернуться для достиженія первобытнаго счастія. Словомъ, весь нашъ прогрессъ есть собственное разложеніе; всѣ наши попытки освободиться отъ враждебныхъ силъ природы и подчинить ихъ себѣ — безумны. Напротивъ пусть дѣйствуетъ природа, а мы сложимъ руки и будемъ ждать, чтобы она насъ снабжала своими дарами

Уничтожимъ наши города, сожжемъ библіотеки, казнимъ нашихъ ученыхъ: идеалъ общества есть равенство, а свобода есть злой врагъ, если она покушается на равенство. Такъ излагаетъ г-жа Ройе программу Руссо и своихъ опроверженій. Въ полемическомъ отношеніи это изложеніе довольно искусно, но въ существѣ дѣла никуда не годится. Вопервыхъ оно невѣрно и поверхностно. Руссо очень опредѣленно говоритъ въ письмѣ къ польскому королю Станиславу, что уничтоженіе образованія, еслибы оно было возможно, не исправивъ ни на волосъ нравовъ, повергло бы Европу въ варварство. Онъ очень опредѣленно говоритъ, что наука сама по себѣ есть вещь хорошая и, что надо быть глупцомъ, чтобы отрицать это. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Руссо впалъ въ многочисленныя натяжки и преувеличенія. Но эти натяжки и преувеличенія до такой степени грубы, что они ни въ какомъ случаѣ не могли дать потомства и дѣйствительно его не дали. Потомство дано основною, правда не ясною, но различимою мыслью Руссо, которой г-жа Ройе не видитъ и не понимаетъ. Идти съ такими огромными запасами вооруженія на Руссо (одинъ списокъ источниковъ, которыми пользовалась Ройе, занимаетъ пять страницъ мелкаго шрифта) значитъ стрѣлять изъ пушки въ муху. Но любопытно, что муха все-таки жива. Далѣе, уже самый фактъ похода противъ Руссо показываетъ, что Ройе неспособна къ историческому пониманію. Но къ этому прибавляется еще историческая небрежность. Извѣстно, что ученіе о естественномъ состояніи раздѣлялось Локкомъ, духовнымъ отцомъ Вольтера и энциклопедистомъ, отцомъ, дальше котораго ушли очень немногіе изъ дѣтей. Напримѣръ въ его трактатѣ о правительствѣ читаемъ (мы цитируемъ по французскому переводу 1754 года: Du gouvernement civil, où l'on traite de l'origine, des fondements, de la nature du pouvoir etc. Bruxelles: „Адамъ былъ созданъ совершеннымъ человѣкомъ» (74). «Такъ-какъ люди въ естественномъ состояніи свободны, равны и независимы, то не могутъ быть подчинены политической власти безъ своего согласія» (136). «Первобытныя време-

на были золотымъ вѣкомъ. Гордость, жадность, amor sceleratus habendi, всѣ господствующіе нынѣ пороки еще не коснулись въ этомъ прекрасномъ вѣкѣ ума людей и не дали еще имъ ложныхъ взглядовъ на власть государей» (161) и т. п. Эта идея была общимъ достояніемъ вѣка, котораго не чуждъ былъ и Вольтеръ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое напримѣръ L'Ingenu, какъ не остроумный комментарій къ теоріямъ Руссо! Существуетъ мнѣніе, будто трактатъ о вредѣ наукъ написанъ чуть не подъ диктовку Дидро. И хоть не подлежитъ сомнѣнію невѣрность такого предположенія, но знаменательно уже самое существованіе его. Идея золотаго вѣка, находящагося позади насъ, уже отжила свое время въ XVIII вѣкѣ, но держалась кое-какъ по преданію, и Руссо, какъ и Локкъ, чисто внѣшнимъ образомъ пришилъ ее къ своей критикѣ существующихъ отношеній. Можно конечно громить Руссо и за это, громить сильно и основательно. Но еслибы Ройе пожелала направить свою эрудицію не столь безплоднымъ образомъ, то она замѣтила бы, что среди массы противорѣчій, парадоксовъ, преувеличеній Руссо, идея золотаго вѣка можетъ быть совершенно отдѣлена отъ критики существующихъ порядковъ. Это-то отдѣленіе и происходило постепенно въ ряду послѣдующихъ мыслителей, на которыхъ такъ негодуетъ г-жа Ройе. И здѣсь лежитъ истинная причина похода г-жи Ройе именно противъ Руссо. Преемники его критики не впадали въ столь грубые промахи. Центра тяжести ихъ грѣховъ слѣдуетъ искать въ положительной части ихъ ученій. Но смѣшно было бы говорить, что Сенъ-Симонъ ненавидѣлъ науку, или что идеаломъ Фурье было равенство животныхъ, или что Прудонъ совѣтовалъ сидѣть сложа руки и считалъ безумною борьбу съ природой. Если такого рода обвиненія и относительно Руссо не свидѣтельствуютъ объ особенной критической проницательности, то тѣмъ паче неумѣстно было бы защищать науку и цивилизацію, говоря о преемникахъ Руссо. А между тѣмъ такихъ кліентовъ имѣть легко и пріятно.

Полемизируя съ Руссо, г-жа Ройе исходитъ изъ факта естественнаго неравенства людей, побѣдоносно разбиваетъ дѣтскія

понятія великаго женевскаго гражданина о золотомъ вѣкѣ и естественномъ состояніи и доказываетъ, что неравенство не только не имѣло тѣхъ печальныхъ послѣдствій, какія видѣлъ Руссо, но напротивъ всегда служило, служитъ и будетъ служить залогомъ прогресса, развитія. Она утверждаетъ, что въ борьбѣ между неравными всегда одерживаетъ побѣду лучшій, способнѣйшій, сильнѣйшій и что поэтому истребленіемъ слабѣйшихъ представителей вида прогрессъ расы постоянно обезпечивается. Никогда, говоритъ она, народъ каменнаго вѣка не смѣнялъ собою и не побѣждалъ народа, достигшаго до употребленія бронзы; никогда относительно дикіе народы не смѣняли собою народы относительно цивилизованные. Мы видимъ постоянный прогрессъ, развитіе, «чего не усмотрѣлъ Руссо и вся школа философовъ и моралистовъ, главою которой онъ можетъ быть признанъ» (199). Въ другомъ мѣстѣ г-жа Ройе говоритъ: «Изученіе законовъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями, показываетъ, что наименьшимъ неравенствомъ достигается для каждаго члена общества наименьшая сумма наслажденій; что напротивъ по мѣрѣ возвышенія соціальной пирамиды, по мѣрѣ увеличенія числа ступеней іерархіи, общая сумма наслажденій прогрессивно ростетъ; что раздѣленіе труда и порождаемыя имъ неравенства, уменьшая трудъ каждаго, даютъ болѣе наслажденій всѣмъ; что неравенство богатства, создавая досугъ, различнымъ образомъ употребляемый, ведетъ къ общей выгодѣ и преимущественно выгодѣ бѣдныхъ; что нѣтъ такой нелѣпой страсти, такого страннаго каприза, который не открывалъ бы человѣческой дѣятельности новаго поля и который не давалъ бы пропитанія извѣстному числу людей, коимъ безъ этой помощи пришлось бы погибнуть; ибо на данномъ пространствѣ земли количество возможной жизни опредѣляется размѣрами капитала, находящагося въ распоряженіи населенія; благодаря усиленному обмѣну услугъ, золото, капризъ празднаго богача вознаграждаетъ удовлетворяющій его трудъ, можетъ оплатить провозъ и цѣну хлѣба, привезеннаго съ другого конца свѣта. Уничтожьте праздность, и вы уничтожите вмѣстѣ съ

тѣмъ и капризъ, а слѣдовательно люди, удовлетворявшіе его, останутся безъ работы» и пр. (584). Нѣкоторыя изъ приведенныхъ положеній до такой степени уморительно-наивны, что по истинѣ удивительно, какъ можетъ ихъ высказывать, не моргнувъ глазомъ, дама, получившая премію за сочиненіе по политической экономіи. Конечно ни одинъ либеральный экономистъ никогда не скажетъ о значеніи «капризовъ праздныхъ богачей» и «нелѣпыхъ страстей» того, что говоритъ г-жа Ройе. Однако эта санкція каприза и праздности, санкція во имя свободы конечно не противорѣчитъ спеціальному принципу либерализма. Во всякомъ случаѣ очевидно, что по мнѣнію г-жи Ройе все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Но читатель составилъ бы себѣ совершенно невѣрное понятіе о книгѣ Ройе, еслибы предположилъ, что въ ней нѣтъ ничего, кромѣ столь дешевыхъ гимновъ въ честь побѣды и праздности или даже кромѣ защиты науки и цивилизаціи. Защита эта есть, и притомъ мѣстами неосновательная и фактически невѣрная, а мѣстами совершенно лишняя. Этого слѣдовало ожидать уже по самому выбору задачи—опровергнуть Руссо. Но голова г-жи Ройе устройствомъ своимъ напоминаетъ голову Януса, хотя Ройе и не подозрѣваетъ, что весьма часто опровергаетъ свои собственные аргументы и положенія.

Если Ройе твердо вѣритъ, что побѣда всегда остается за высшими представителями расы, что на исторической сценѣ народы всегда смѣняются сообразно ихъ дѣйствительнымъ достоинствамъ и выгодамъ всего человѣчества, то она же полагаетъ, что побѣда солдатскаго Рима надъ цѣлымъ міромъ, уже цивилизованнымъ Греціей, рѣшительно задержала прогрессъ. Еще болѣе пагубнымъ для человѣчества считаетъ Ройе разгромъ Рима германцами.

Если Ройе противопоставляетъ теоріямъ Руссо вѣру въ постоянное торжественное движеніе впередъ колесницы цивилизаціи, то она же утверждаетъ, что «жизнь нашего бѣднѣйшаго сельскаго населенія ни слаще, ни мягче жизни дикарей» (187).

Если Ройе громитъ Руссо за исканіе и нахожденіе добродѣ-

гелей у дикарей, то въ ея же книгѣ можно прочитать напримѣръ слѣдующее. «Узы, связывающія самца и самку у обезьянъ, продолжительны, постоянны, хоть и не нерасторжимы, и не предшествуются, какъ у насъ, распущенностью самцовъ. Тамъ нѣтъ самокъ, спеціально преданныхъ проституціи. И если допустить, что высшія четырерукія суть наши предки или отдаленные боковые родственники, то скорѣе имъ надо стыдиться этого родства, чѣмъ намъ, если смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія нашихъ собственныхъ нравственныхъ правилъ, которыя впрочемъ установлены кажется только для того, чтобы имъ не слѣдовать. Обезьяны, правда, не сочиняютъ книгъ и не ораторствуютъ о семействѣ, но отцовскій и материнскій инстинктъ столь же силенъ у приматовъ, какъ и у человѣка, быть можетъ даже сильнѣе, хотя и не подстрекается закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Никто не слыхалъ жалобныхъ криковъ покинутаго родителями молодого сіаманга или шимпанзе и ни одна порода обезьянъ не почувствовала, подобно намъ, надобности въ пристанищахъ для найденышей и подкидышей. У нихъ нѣтъ закона, освобождающаго отца отъ отвѣтственности или запрещающаго отыскивать отца. Никогда самка обезьяна не убиваетъ своей третьей дочери, какъ это дѣлаютъ австралійскія женщины, и не отдаетъ ее на съѣденіе свиньямъ, какъ китайскія матери. Многія женщины могли бы научиться у самокъ-сіаманговъ и шимпанзе заботливости о дѣтяхъ, а относительно чистоплотности эти обезьяны стоятъ выше многихъ цивилизованныхъ націй» (351). Или: „Говорятъ о распущенности половыхъ сношеній у животныхъ. Но развратъ нигдѣ такъ не силенъ, какъ у человѣка. Мало того, онъ развивается повидимому вмѣстѣ съ цивилизаціей“ (369). Развѣ это не тирады въ духѣ Руссо, конечно менѣе краснорѣчивыя и ѣдкія? Развѣ нельзы по этому поводу наговорить г-жѣ Ройе съ три короба упрековъ въ родѣ тѣхъ, какіе она сама дѣлаетъ Руссо: какъ! вы ненавидите цивилизацію, вы ищете своего идеала у обезьянъ, вы руководитесь только своей пылкой фантазіей! и проч. Разница только въ томъ, что Руссо, имѣя въ виду исключительно человѣческій родъ, находилъ

добродѣтели у дикарей и пороки у цивилизованныхъ людей, а Ройе, имѣющая возможность, благодаря теоріи измѣняемости видовъ, поставить вопросъ шире, находитъ добродѣтели у обезьянъ и пороки у человѣка.

Но это все частности. Для насъ гораздо важнѣе сопоставить окончательные выводы и общій духъ книги г-жи Ройе съ однимъ любопытнымъ обобщеніемъ, которое она дѣлаетъ сама.

Г-жа Ройе—утилитаристка, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ всякаго дарвиниста. «Надо наконецъ признать—говоритъ она—что нѣтъ дѣйствій, безусловно (en soi) хорошихъ и дурныхъ, а есть дѣйствія полезныя и вредныя виду, въ составъ котораго дѣятель входитъ, какъ единица, солидарная съ существующими и будущими единицами того же типа, или же полезныя и вредныя другимъ видамъ, съ которыми дѣятель вступаетъ въ сношенія и участь которыхъ связана съ участью его собственнаго вида болѣе или менѣе тѣсными узами солидарности. Поэтому инстинктивныя стремленія каждаго живаго существа хороши или дурны по стольку, по скольку они прямо или косвенно полезны или вредны не самому недѣлимому, а его виду. Другого объективнаго критерія нравственности нѣтъ, и понятно, что онъ относителенъ» (225), такъ-какъ специфическая польза, польза вида измѣняется сообразно измѣненію условій его жизни. Намъ не удастся вѣроятно разсмотрѣть въ этой статьѣ отношенія теоріи Дарвина къ утилитаризму. А потому, откладывая до другого раза разборъ принимаемаго г-жею Ройе критерія нравственности, мы ограничимся теперь нѣсколькими замѣчаніями. Чтобы показать, какъ рѣзко и откровенно г-жа Ройе ставитъ и разрѣшаетъ вопросы этики съ точки зрѣнія специфической пользы, мы приведемъ одинъ примѣръ. Она утверждаетъ, что браки между представителями двухъ различныхъ ступеней одного и того же вида (напримѣръ мужду европейцемъ и негритянкой) гораздо безнравственнѣе «такъ-называемыхъ противоестественныхъ сношеній между представителями различныхъ видовъ» (532), потому что послѣдніе не даютъ никакого плода, тогда какъ первые имѣютъ результатомъ пониженіе уровня индо-германской

расы. Кажется нѣтъ надобности говорить, до какой степени это соображеніе плоско, грубо, односторонне и именно потому возмутительно. Г-жа Ройе не видитъ тѣхъ боковыхъ, сопутствующихъ сравниваемымъ ею явленіямъ, фактовъ, которые совершенно измѣняютъ дѣло съ точки зрѣнія самаго утилитаризма; не говоря уже о томъ, что вопросъ о пониженіи уровня расы путемъ смѣшенія крови рѣшается г-жею Ройе далеко неудовлетворительно. Вообще надо замѣтить, что если сторонники интуитивной нравственности склонны къ расплывчатой неопредѣленности, то утилитаристы грѣшатъ большею частью другою крайностью, именно узкостью, какою-то прямолинейностью воззрѣній. И теорія Дарвина не всегда тутъ помогаетъ. Теорія эта необходима должна была дать обновляющій толчокъ утилитаризму и ее самое не безъ основанія называютъ теоріею полезности. Замѣтимъ кстати, что основателемъ новѣйшаго утилитаризма слѣдуетъ считать вовсе не Бентама, какъ это обыкновенно дѣлается, а Гоббса, въ извѣстной мѣрѣ предвосхитившаго и развившаго въ приложеніи къ человѣку идею борьбы за существованіе. Если утилитаристы и признаютъ своимъ родоначальникомъ именно умѣреннаго Бентама, то едва-ли не изъ боязни родства съ неумѣреннымъ и гораздо болѣе глубокимъ Гоббсомъ. Теорія Дарвина, давая новую опору утилитаризму, не можетъ разумѣется сама по себѣ гарантировать насъ отъ извращенія утилитарныхъ принциповъ. Припомнимъ, что сдѣлалъ на этой почвѣ Густавъ Іегеръ *). Мы уже видѣли („Теорія Дарвина и телеологія“), что борьба за существованіе и естественный подборъ отнюдь не имѣютъ своимъ результатомъ непремѣнно усовершенствованіе; что нѣчто, практически полезное въ данную минуту въ борьбѣ за существованіе

*) Кстати. Тѣмъ, кто заинтересовался выводами Іегера, указываемъ на брошюру лютеранскаго священника Шмида: «Darwin's Hypothese und ihr Verhältniss zu Religion und Moral. Stuttgart». 1869. Тамъ побѣдоносно уничтожаются, съ теологической точки зрѣнія, разсужденія Іегера о религіи, но попутно задѣваются и другіе вопросы, и нельзя не признать, что священникъ оказывается сильнѣе натуралиста не только въ богословіи, а и въ логикѣ.

и поэтому подхватываемое подборомъ и передаваемое наслѣдственно, можетъ не только быть спутникомъ регресса, но носить зародышъ его въ самомъ себѣ. Объ этотъ-то подводный камень и спотыкаются обыкновенно утилитаристы. Отношенія самого Дарвина къ принципу пользы далеко не ясны. Онъ нерѣдко грѣшитъ безусловностью своихъ выраженій о возникновеніи, путемъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, непремѣнно высшихъ формъ жизни, а также неясностью и двусмысленностью, съ которыми онъ говоритъ о пользѣ нѣкоторыхъ инстинктовъ, о пользѣ существованія безполыхъ насѣкомыхъ и т. п. Онъ говоритъ напримѣръ очень рѣшительно, что рабовладѣльческій инстинктъ у муравьевъ есть одно изъ слѣдствій «общаго закона, ведущаго къ преуспѣянію всѣхъ организмовъ, а именно къ размноженію, къ разнообразію, къ жизни сильныхъ, къ смерти слабыхъ» (О происхожденіи видовъ, 196). Но какъ согласить съ этимъ категорическимъ заявленіемъ такое разсужденіе о вѣроятномъ происхожденіи рабовладѣльческаго инстинкта у муравьевъ: „Такъ-какъ муравьи, даже не держащіе рабовъ, подбираютъ куколки другихъ видовъ, если разсыпать ихъ около гнѣзда, то очень возможно, что куколки, принесенныя первоначально въ пищу, развились, а муравьи, воспитанные такимъ образомъ случайно, должны были, слѣдуя собственному инстинкту, работать по мѣрѣ своихъ силъ. Если ихъ присутствіе въ муравейникѣ оказывалось полезнымъ виду, захватившему ихъ,—еслибы этому виду было выгоднѣе брать въ плѣнъ работниковъ, чѣмъ нарождать ихъ,—то привычка собирать куколокъ на съѣденіе могла быть усилена естественнымъ подборомъ, пріобрѣсти постоянство и приспособиться къ совершенно иной цѣли — къ воспитанію рабовъ. Если этотъ инстинктъ былъ разъ пріобрѣтенъ, я не вижу невѣроятности въ томъ, чтобы *естественный подборъ усиливалъ и видоизмѣнялъ его—предполагая конечно, что всякое видоизмѣненіе было полезно виду—пока не сложился муравей, столь постыдно зависящій отъ своихъ рабовъ какъ Formica rufescens*» (1. c., 181). Formica rufescens есть тотъ именно удивительный муравей, который, какъ мы разсказывали («Теорія

Дарвина и соціологическіе выводы изъ нея Іегера»), при огромныхъ запасахъ пищи, умираетъ съ голоду, если возлѣ него нѣтъ раба,—самъ онъ даже ѣсть не можетъ. Спрашивается, какимъ образомъ рядъ полезныхъ виду видоизмѣненій инстинкта въ концѣ концовъ даетъ такое слабое, несчастное существо? Очевидно что Formica rufescens есть дѣйствительно слабое, несчастное существо, отнюдь не могущее служить примѣромъ возникновенія высшихъ формъ жизни. А между тѣмъ Дарвинъ прямо указываетъ на рабовладѣльческій инстинктъ, какъ на одинъ изъ путей, ведущихъ ко всеобщему преуспѣянію, къ жизни сильныхъ; онъ прямо говоритъ, что поразительная слабость муравья сложилась рядомъ видоизмѣненій инстинкта, необходимо полезныхъ виду. Очевидно, что здѣсь есть нѣкоторое недоразумѣніе и что это недоразумѣніе коренится въ понятіи пользы.

Г-жа Ройе разумѣется не чужда заблужденій относительно провозглашаемаго ею критерія нравственности — специфической пользы. Къ старымъ ошибкамъ утилитаристовъ она прибавила не мало своихъ собственныхъ. Тѣмъ не менѣе ей удалось подвести, съ утилитарной точки зрѣнія, подъ нѣкоторое подобіе закона цѣлый рядъ фактовъ въ родѣ приведеннаго нами неожиданнаго печальнаго конца практически полезныхъ приспособленій. Къ сожалѣнію, Ройе не сдѣлала тѣхъ выводовъ, которые логически вытекаютъ изъ ея обобщенія, и вообще отнеслась къ нему крайне небрежно. Упоминаетъ она о немъ довольно часто но вскользь, для объясненія того или другого частнаго круга явленій. Наиболѣе отчетливо формулируетъ она его на стр. 493 такъ: «Если есть общій законъ инстинкта, то онъ состоитъ въ томъ, что, самымъ фактомъ наслѣдственнаго накопленія въ послѣдовательномъ ряду поколѣній, полезный инстинктъ постоянно стремится перейти въ злоупотребленіе. Вызванный потребностью и первоначально ею ограничиваемый, инстинктъ быстро переступаетъ предѣлы потребности и извращается до того, что становится въ противорѣчіе съ своею первоначальною цѣлью.» Ройе указываетъ, что всякій полезный инстинктъ, всякое похвальное качество, достигая извѣстной степени напряженности, приходитъ

такъ-сказать, къ самоотрицанію: осторожность переходитъ въ трусость, благоразумная экономія въ скупость, и проч. При этомъ г-жа Ройе нѣсколько приближается къ одной изъ основныхъ мыслей одного изъ гонимыхъ ею „философовъ и моралистовъ школы Руссо“, именно утверждая, что нѣтъ ни одной вредной склонности, которая не была бы преувеличеніемъ извѣстной добродѣтели, извѣстной склонности, полезной при другихъ условіяхъ. Какъ извѣстно, нѣчто въ этомъ родѣ утверждалъ Фурье, но онъ выводилъ изъ этого необходимость такого устройства общества, при которомъ всѣ индивидуальныя особенности оказывались бы полезными. А г-жа Ройе полагаетъ, что такое устройство лишнее, ибо и нынѣ «капризы праздныхъ богачей» и „нелѣпыя страсти“ оказываютъ достаточно благодѣтельное дѣйствіе. Говоря о законѣ инстинкта, Ройе не употребляетъ выраженія „самоотрицаніе“, и перечисляетъ одобрительныя качества съ ихъ противоположностями довольно безтолково. Но очевидно, что по своимъ результатамъ трусость есть дѣйствительно отрицаніе осторожности, скупость—отрицаніе бережливости и т. д. Точно также и половой инстинктъ, будучи безусловно необходимъ виду, на извѣстной ступени напряженности приводитъ къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, какіе составляютъ его значеніе: онъ нуженъ для поддержанія вида, а при усиленномъ напряженіи ведетъ къ безплодію, то-есть къ прекращенію вида. То, что въ приведенныхъ случаяхъ происходитъ въ предѣлахъ одной и той же личности можетъ происходить, по мнѣнію г-жи Ройе, и въ цѣломъ ряду личностей, причемъ чрезмѣрное напряженіе инстинкта будетъ произведено накопленіемъ его наслѣдственнымъ путемъ. Если напримѣръ извѣстному виду особенно полезна осторожность, то подъ вліяніемъ естественнаго подбора выживать будутъ преимущественно наиболѣе осторожные индивиды. Осторожность будетъ передаваться изъ рода въ родъ, все усиливаясь—извѣстно, что чѣмъ старше наслѣдственные признаки, тѣмъ они прочнѣе—пока наконецъ не превратится въ трусость, вредную виду, хотя опредѣлить моментъ перевала инстинкта точнымъ образомъ не-

возможно. Этотъ законъ самоотрицанія инстинкта Ройе не то, чтобы пытается систематически приложить къ исторіи, а объяснить имъ нѣкоторыя выдающіеся ея черты. Она указываетъ на военный инстинктъ, на инстинкты накопленія, повиновенія и т. д. и на соотвѣтственные имъ гражданскіе и политическіе институты, какъ на такіе, которые, будучи первоначально полезны виду, съ теченіемъ времени, съ усиленіемъ своимъ въ длинномъ ряду поколѣній, обращаются во вредъ виду. Вся философія исторіи сводится для г-жи Ройе къ этому усиленію инстинкта наслѣдственнымъ путемъ и къ воздѣйствію на него разума, индивидуальной мысли. Инстинктъ, привычка есть сила инерціи, сила, фатально движущая человѣка въ разъ опредѣленномъ направленіи; это центробѣжная сила сознанія, какъ очень удачно выражается г-жа Ройе, тогда какъ разумъ, критическая мысль есть сила центро-стремительная. Она время отъ времени врывается въ область инстинкта, но все добытое ею въ свою очередь становится достояніемъ стихійной силы наслѣдственности и въ свою очередь теряетъ свой первоначальный смыслъ.

Мы не коснемся здѣсь самыхъ основаній закона г-жи Ройе, такъ-какъ это отвлекло бы насъ отъ предмета статьи слишкомъ далеко. Мы только посмотримъ, какое отношеніе имѣетъ этотъ законъ самоотрицанія инстинкта къ общимъ тенденціямъ книги г-жи Ройе. Замѣтимъ однако, что Ройе примѣняетъ свой законъ крайне односторонне. Что инстинктъ накопленія былъ въ свое время неоцѣненъ съ точки зрѣнія специфической пользы; что онъ далъ толчекъ промышленности, а косвеннымъ образомъ и изученію природы; что онъ обезпечивалъ въ борьбѣ за существованіе успѣхъ развитѣйшимъ разновидностямъ и т. д.; что онъ далѣе, передаваясь наслѣдственнымъ путемъ, все росъ и наконецъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ вида homo sapiens далеко переросъ за предѣлы потребности и началъ оказывать вредное дѣйствіе—все это очевидно. Но относительно напримѣръ военнаго инстинкта можетъ показаться, что онъ не ростетъ, а убываетъ. Однако г-жа Ройе была бы права и отно-

сительно военнаго инстинкта, еслибы смотрѣла на вещи менѣе грубо. Полезенъ ли былъ виду военный инстинктъ въ доисторическую пору? Полезенъ, отвѣчаетъ г-жа Ройе, потому что, благодаря ему, были быстро истреблены слабыя разновидности, пропасть между человѣкомъ и предками нынѣшнихъ четырерукихъ сдѣлалась непереходимою и пониженіе уровня развитія вида путемъ смѣшенія крови стало невозможнымъ: извѣстно, что браки европейцевъ съ женщинами наиболѣе низко стоящихъ дикихъ племенъ безплодны. Но пропасть между человѣкомъ и четырерукими вырыта вовсе не однимъ прямымъ истребленіемъ промежуточныхъ типовъ. Это истребленіе играло ничтожную роль сравнительно съ быстрымъ удаленіемъ человѣческаго типа отъ низшихъ формъ собственнымъ прогрессивнымъ развитіемъ. А въ этомъ развитіи не маловажное значеніе имѣлъ военный инстинктъ: около войны складываются первые мифы, первыя нравственныя понятія. Сообразно этому военный инстинктъ не потому теперь вреденъ, что промежуточныя степени между человѣкомъ и четырерукими истреблены и слѣдовательно война ведетъ только къ ничѣмъ неокупаемымъ убійствамъ и раззореніямъ. Послѣднее справедливо, но дѣло въ томъ, что и въ другихъ отношеніяхъ военный инстинктъ далъ уже все, чего отъ него можно требовать. Что касается до усиленія военнаго инстинкта, то оно можетъ быть усмотрѣно только при тщательномъ выдѣленіи этого инстинкта изъ массы сопровождающихъ его душевныхъ возбужденій. Собственно военный инстинктъ— жажда побѣды, могъ составлять только очень слабый ингредіентъ войны въ доисторическую пору, когда именно онъ былъ особенно драгоцѣненъ. Дикарю важнѣе грабить, насиловать, обращать въ рабство, чѣмъ собственно побѣждать. Война для славы, для побѣды, не подшитой никакою, для каждаго участника осязательною, реальною выгодою, составляетъ продуктъ позднѣйшаго времени. Только у геніальныхъ дикарей, у избранныхъ существуетъ зародышъ военнаго инстинкта, развивающійся вмѣстѣ съ цивилизаціей. Сотни тысячъ лѣтъ долженъ былъ копиться наслѣдственнымъ путемъ инстинктъ, двигавшій

завоевателями въ родѣ Александра Македонскаго. И если нынѣ инстинктъ этотъ распространенъ гораздо менѣе, чѣмъ въ древности, то тамъ, гдѣ онъ существуетъ, онъ находится въ состояніи сильнѣйшаго напряженія и опять-таки усиливается вмѣстѣ съ цивилизаціей: если необразованный солдатъ не прочь и отъ грабежа во время войны, то цивилизованный офицеръ весь полонъ одною жаждою побѣды, болѣе или менѣе чистою отъ посторонннихъ примѣсей. Ни одному мирному нѣмцу не станетъ легче жить отъ побѣды надъ Франціей, станетъ по всей вѣроятности тяжеле, и во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ войны, она тяжело отзовется на нѣмцѣ. И однако у каждаго мирнаго нѣмца голова кружится отъ мысли о побѣдѣ. Древніе германцы наслѣдственно передали ему военный инстинктъ, совершенно гармонировавшій съ ихъ потребностями и нисколько не гармонирующій съ потребностями теперешняго нѣмца. И однако, несмотря на то, военный инстинктъ, хотя и оторванный отъ всякой реальной почвы, живъ и ростетъ, именно потому, что онъ полученъ наслѣдственно, безсознательно. Конечно одного военнаго инстинкта недостаточно для объясненія феноменовъ современной войны. Здѣсь очевидно фигурируютъ и другіе элементы, какъ напримѣръ инстинктъ повиновенія, нѣкогда также весьма полезный. Читатель видитъ, что собственно нѣтъ надобности въ абсолютномъ возрастаніи инстинкта для того, чтобы онъ оказался вреднымъ. Достаточно того, если онъ остается на одной и той же ступени напряженія, даже ослабляется, но не пропорціонально росту другихъ элементовъ. Промышленность, отчасти порожденная войной; идеи, также отчасти ею вызванныя и связанныя съ идеями, возникшими изъ элементарнаго основанія нашей нравственности—сочувствія; другіе инстинкты и стремленія, возникшія нѣсколько позже военнаго инстинкта—все это образовало такую комбинацію условій жизни, среди которой жажда военной побѣды становится во всякомъ случаѣ вредною, хотя бы абсолютно напряженіе военнаго инстинкта и не возрастало.

Какъ бы то ни было, но полезный инстинктъ, переростая

вызвавшую его потребность, становится источникомъ бѣдствій для человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ отживаютъ свое время и соотвѣтственныя явленія общественной жизни. Къ числу такихъ вредныхъ, задерживающихъ прогрессъ, явленій г-жа Ройе относитъ войну, политическое холопство, подчиненность женщины, экономическія отношенія, кастовое устройство и проч. Если мы подведемъ всему этому итогъ, то увидимъ не то что цѣлый рядъ фактовъ, а цѣлое теченіе исторіи, представляющее оборотную сторону той самой медали, которую г-жа Ройе выдаетъ цивилизаціи за прочность и постоянство. Оказывается, что Руссо не до такой степени неправъ, какъ утверждаетъ г-жа Ройе. Формальнымъ образомъ онъ разумѣется остается неправъ, такъ-какъ золотой вѣкъ человѣчества и естественное состояніе въ такомъ видѣ, какъ они представлялись Руссо, въ дѣйствительности никогда не существовали. Человѣкъ безъ сомнѣнія не вышелъ изъ рукъ природы кроткимъ и счастливымъ созданіемъ, но въ страстномъ обращеніи Руссо къ прошедшему есть и нѣчто законное. Инстинкты дикаря съ современной точки зрѣнія грубы, но они драгоцѣнны для вида, а съ его собственной точки зрѣнія, которая необходимо должна быть принята въ соображеніе, въ его поступкахъ нѣтъ ничего возмутительнаго. Потребности дикаря опять-таки грубы и ничтожны, но онѣ находятся въ полной гармоніи съ его силами и инстинктами. И этой гармоніи можемъ завидовать и мы, люди цивилизованные, люди XIX вѣка. Любопытно, что весьма многіе мыслители (Фихте, Гегель, Контъ, Луи-Бланъ, Лассаль), разсматривая исторію съ точекъ зрѣнія, различныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, приходили къ мысли раздѣлить ее на три періода, причемъ большею частью относились ко второму періоду гораздо менѣе благосклонно, чѣмъ къ первому. Гегель полагалъ даже, что общій законъ развитія состоитъ въ нѣкоторомъ возвращеніи третьей ступени (синтезиса) къ первой (тезису), хотя въ сущности, по мнѣнію Гегеля, здѣсь происходитъ не возвращеніе къ тезису, а разрѣшеніе противорѣчія между нимъ и второю ступенью развитія. Прудонъ былъ очень пристрастенъ къ этой формулѣ Гегеля, въ которую

необъяснимымъ образомъ дѣйствительно укладывается многое множество явленій. Сближеніе между первою и третьею ступенями развитія характерно проявляется и въ практической жизни, въ нѣкоторомъ совпаденіи взглядовъ и требованій противоположныхъ крайнихъ партій, партіи прошедшаго и партіи будущаго. Сближеніе это доходитъ иногда до совершеннаго совпаденія интересовъ въ томъ частномъ случаѣ, когда дѣло идетъ о противодѣйствіи промежуточной средней партіи. Однако сходство между первою и третьею ступенями развитія во всѣхъ трехчленныхъ системахъ философіи исторіи есть чисто формальное. Напримѣръ Спенсеръ вскользь бросилъ мысль, что исторія науки представляетъ три періода: единогласіе невѣждъ, разногласіе изслѣдователей и единогласіе знающихъ. Ясно, что въ дѣлѣ науки единогласіе желательно, но подъ условіемъ, чтобы оно было единогласіемъ знающихъ, а не невѣждъ. Здѣсь нѣтъ никакого приглашенія вернуться вспять, къ невѣжеству. Въ статьѣ «Что такое прогрессъ?» мы представили бѣглый очеркъ философіи исторіи, въ которой третій періодъ также представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходство съ первымъ, но мы отнюдь не думаемъ приглашать общество вернуться къ первобытной дикости. Сама г-жа Ройе въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ указываетъ на прошедшее, отрицаемое настоящимъ, какъ на образецъ будущаго. Такъ напримѣръ она говоритъ, что прежде, чѣмъ стать личною, поземельная собственность была общественною и что «въ этомъ первоначальномъ принципѣ поземельной собственности мы найдемъ можетъ быть и въ будущемъ единственное средство примиренія всѣхъ правъ и интересовъ» (465): замѣчаніе между прочимъ совершенно въ духѣ Руссо и его школы, если позволительно говорить о школѣ Руссо. Да и все дѣлаемое г-жою Ройе примѣненіе закона инстинкта къ исторіи есть вовсе не опроверженіе, а напротивъ подтвержденіе и разъясненіе нѣкоторыхъ мыслей Руссо и преемниковъ его критики. Руссо бросилъ обществу новую и оригинальную, но совершенно невыработанную мысль, бросилъ ее съ страстнымъ увлеченіемъ, съ полемическимъ задоромъ въ такой историческій моментъ,

когда общество было наименѣе подготовлено къ мысли о оборотной сторонѣ медали цивилизаціи. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ въ его теоріяхъ есть множество ошибокъ и парадоксовъ, много сбивчивости и темноты. Но въ этомъ лабиринтѣ ориентироваться можно, а тому, кто думаетъ опровергать Руссо, и должно. Ройе же придирается къ мелочамъ и часто становится въ чрезвычайно комическое положеніе, побивая какую нибудь третьестепенную мысль великаго человѣка однимъ изъ главныхъ оружій его же собственнаго арсенала. Руссо полагалъ напримѣръ, что условія цивилизованной жизни, каковы: отсутствіе физическихъ упражненій, утонченное кулинарное искусство и т. п., вредно дѣйствуютъ на организмъ; что дикарь, спящій на открытомъ воздухѣ и на голой землѣ, по необходимости довольствующійся простою и грубою пищею, находится въ выгоднѣйшихъ для здоровья условіяхъ, чѣмъ цивилизованный человѣкъ. Какъ и во всѣхъ почти положеніяхъ Руссо, здѣсь есть извѣстная доля правды и извѣстная доля преувеличенія. Во всякомъ случаѣ это мысль не важная, и г-жа Ройе, желающая поразить въ Руссо цѣлую школу соціалистовъ, должна бы была вспомнить хоть Фурье, столь заботившагося о гастрономіи и архитектурѣ. Но, не смущаясь тѣмъ, что приведенная мысль и у Руссо не имѣетъ большаго значенія и поклонниковъ собѣ никакихъ не нашла, г-жа Ройе побѣдоносно доказываетъ ея несостоятельность. Но чѣмъ? Тѣмъ, что и нынѣ люди, подвергающіеся вліянію перемѣнъ температуры и т. п., не могутъ похвастаться особеннымъ здоровьемъ. „Всякій знаетъ,—говоритъ она,—что ревматизмомъ страдаютъ преимущественно старые военные и охотники; что, если наши земледѣльцы, дровосѣки, винодѣлы и не подвержены многочисленнымъ нервнымъ разстройствамъ, какія господствуютъ въ большихъ городахъ, то они за то страдаютъ гораздо чаще лихорадками, грудными болѣзнями, воспаленіями. У однихъ слишкомъ сильно возбуждена нервная система, у другихъ слишкомъ дѣятельно кровообращеніе. Пусть тѣ и другіе поровну подѣлятъ свой трудъ и организмъ, возвращенный къ гармоніи, перестанетъ страдать отъ

того и другого излишества" (189). Но вѣдь это одна изъ основныхъ идей Руссо, идея, именно и давшая начало школѣ, идея, противъ которой направлена вся книга г-жи Ройе! Комизмъ этого полемическаго пріема только отчасти сглаживается дальнѣйшими размышленіями Ройе: «*Но* надо сознаться, что цивилизованная жизнь, какъ и жизнь дикарей, имѣетъ свои неизбѣжныя неудобства (fatalités). Одно изъ такихъ неизбѣжныхъ неудобствъ есть раздѣленіе труда между различными недѣлимыми, болѣе или менѣе спеціализированными для одного какого-нибудь дѣла. Человѣческій организмъ не успѣлъ еще приспособиться къ этой спеціализаціи общественныхъ отправленій; ничто не мѣшаетъ намъ надѣяться, что съ помощью соотвѣтственной каждому отправленію гигіены мы достигнемъ наконецъ этого результата". Значитъ проектъ перераспредѣленія труда оказывается лишнимъ. Это по крайней мѣрѣ не такъ смѣшно.

Руссо кое-гдѣ прямо говоритъ, что необходимо возвращеніе назадъ, къ тому небывалому естественному состоянію, которое онъ разрисовалъ такими свѣтлыми красками. Но въ другихъ мѣстахъ онъ столь же прямо утверждаетъ, что это возвращеніе невозможно и нежелательно. Добросовѣстный и менѣе предубѣжденный, чѣмъ г-жа Ройе, критикъ замѣтилъ бы, что Руссо желаетъ собственно возвращенія не къ первобытной жизни, а только, такъ сказать, къ ея пропорціямъ, причемъ требуется не отреченіе отъ науки, техническихъ открытій и усовершенствованій, нравственныхъ идей, пріобрѣтенныхъ цивилизаціей, а только извѣстное ихъ направленіе. Преслѣдуя науку, Руссо не отрицалъ ее самое, а только требовалъ, чтобы она исполняла свою службу человѣчеству, какъ служатъ дикарю его скудныя знанія. Когда Руссо сѣтовалъ, что у насъ есть физики и геометры, а нѣтъ гражданъ, онъ желалъ не исчезновенія физиковъ и геометровъ, а обращенія ихъ въ гражданъ. Этого-то требованія возвращенія къ пропорціямъ прошедшаго г-жа Ройе и не понимаетъ, хотя стоитъ очень близко къ ключу загадки. Говоря о первобытномъ приблизительномъ равенствѣ силъ и способностей мужчины и женщины и о первомъ раздѣ-

леніи труда, уничтожившемъ это равенство,—одинъ изъ немногихъ пунктовъ, на которыхъ г-жа Ройе сходится съ Руссо,—она замѣчаетъ: „атрофія извѣстнаго количества инстинктовъ у мужчины только придала новую силу тѣмъ, которые онъ сохранилъ и которые, стремясь выполнить сумму его нравственныхъ силъ, должны были скоро достигнуть той степени напряженія, когда они переходятъ за предѣлы своихъ цѣлей и становятся вредными“ (549). То же самое относится очевидно и къ женщинѣ. Въ чемъ же значитъ дѣло? При распредѣленіи труда между мужчиною и женщиною произошло нѣкоторое нарушеніе формулы жизни того и другой. Замѣтимъ, что измѣненіе формулы жизни необходимо имѣетъ мѣсто при возникновеніи новаго вида и даже составляетъ его суть. Но измѣненіе можетъ быть двоякое. Формула жизни даннаго вида есть, положимъ $(a + b + c + \ldots + m)$, причемъ a, b, c..... m означаютъ рядъ отправленій, свойственныхъ виду. Если при переходѣ этого вида въ нѣкоторый новый типъ отношенія между его органами и отправленіями остаются тѣ же самыя и они только развѣтвляются, усложняются, оставаясь въ прежнемъ равновѣсіи, то формула получитъ видъ: $(a + b + c + \ldots + m)^n$. Этотъ случай, единственно возможный случай дѣйствительнаго усовершенствованія, составляетъ по теоріи Дарвина рѣдкое явленіе, и самое это прямое возростаніе и усложненіе силъ и способностей есть только частный случай. Однако нѣкоторыя замѣчанія Нэгели, Кёлликера, Снелля и др., признающихъ измѣняемость видовъ, но ищущихъ ей основаній не въ одной теоріи Дарвина, заставляютъ думать, что теорія эта вскорѣ получитъ важное дополненіе именно въ смыслѣ разъясненія прямаго возвышенія формулы жизни, какъ общаго правила, постоянно парушаемаго борьбою за существованіе между недѣлимыми одного и того же вида. Затѣмъ возможны весьма разнообразныя измѣненія формулы жизни во всѣ стороны. Всѣ они сводятся къ тому, что видъ, приспособляясь къ новымъ условіямъ жизни, утрачиваетъ, какъ ненужныя, нѣкоторыя изъ прежнихъ чертъ своей организаціи и развиваетъ въ себѣ новыя, хотя возмож-

но и всестороннее упрощеніе, т.-е. формула $(a + b + c + \ldots m)^n$ можетъ превратиться въ формулу $\sqrt[n]{a + b + c + \ldots + m}$. Паразиты представляютъ случай, весьма близкій къ такому всестороннему упрощенію. Къ такого рода болѣзненнымъ измѣненіямъ относятся и всѣ нарушенія формулы жизни, производимыя раздѣленіемъ труда въ обществѣ, а слѣдовательно и раздѣленіемъ труда между мужчиной и женщиной. Допустимъ, что сумма силъ и способностей того и другой выражается формулой $a + b + c$. Подѣливъ между собой трудъ, они измѣнили эту формулу такимъ образомъ, что для мужчины она стала равна $a + c$, а для женщины $b + c$. Обѣ формулы проще первоначальной, но съ теченіемъ времени каждая изъ нихъ усложняется въ своей односторонности; получаются формулы $a^m + c^n$ и $b^p + c^q$. Эта атрофія однихъ отправленій при усиленіи другихъ становится наконецъ очевидно вредною. Является надобность вернуться къ первобытнымъ пропорціямъ силъ и способностей но при этомъ и невозможно и нежелательно, чтобы пропали тѣ дѣйствительно цѣнныя пріобрѣтенія, которыя сдѣланы и мужчиной и женщиной, несмотря на односторонность и можетъ быть даже благодаря односторонности. Требуется уровнять мужчину и женщину не на старой формулѣ $a + b + c$, а на нѣкоторой новой и высшей $(a + b + c)^m$. Этого г-жа Ройе (да и не она одна) никакъ не можетъ понять и твердитъ, что «общественныя учрежденія, которыя имѣли бы результатомъ возвращеніе первобытной однородности, должны отодвинуть человѣчество назадъ» (216). Что человѣчество отодвинется назадъ, еслибы удалось его отодвинуть, — это сама истина. Но бѣда въ томъ, что никто, ни даже Руссо, такихъ требованій не предъявлялъ.

Но если г-жа Ройе такъ не любитъ равенства, то взамѣнъ того она очень любитъ свободу...

У дверей кафе сидитъ нѣсколько франтовъ. Мимо проѣзжаетъ извощикъ.

— Извощикъ, вы свободны? спрашиваетъ одинъ изъ франтовъ.

— Свободенъ.

— Ну, такъ кричите: да здравствуетъ свобода!

Эту остроту я вычиталъ недавно гдѣ-то, кажется, въ Шаривари. Едва-ли самъ Шаривари понималъ всю ея глубину. А она дѣйствительно глубока и канва для нея вышита изъ юмора самой исторіи, самой жизни. Я знаю только одну столь же глубоко юмористическую канву, — это судьба слова и понятія „пролетарій“, что въ буквальномъ смыслѣ значитъ способный къ дѣторожденію, дѣтопроизводитель. Весь споръ соціалистовъ и либераловъ вертится около этихъ двухъ каламбуровъ исторіи. Свободный извощикъ и дѣтопроизводитель! Кричи: да здравствуетъ свобода! и не производи дѣтей, — таковъ лозунгъ либерализма. — Ваша свобода душитъ свободнаго извощика, возражаютъ либераламъ; онъ проситъ, чтобы его освободили отъ этой свободы, освободить же его можетъ только государство.—Караулъ! кричатъ либералы. Правительственное вмѣшательство! Нарушеніе святаго и плодотворнаго принципа свободы! Правительство! не слушайте этихъ бредней и, во имя святаго и плодотворнаго принципа свободы, запретите дѣтопроизводителямъ производить дѣтей!

Свобода! — великое, громкое слово, тысячи разъ кровавыми буквами записанное на скрижаляхъ исторіи и въ сознаніи людей; прекрасный, но страшный сфинксъ, безжалостно пожирающій всякаго, кто не разгадаетъ его хитрыхъ загадокъ. Кто не игралъ этимъ словомъ отъ мудраго Платона до новорожденныхъ русскихъ либераловъ; кто не выворачивалъ его на всѣ лады и не предлагалъ свободному извощику кричать: да здравствуетъ свобода! Не провозгласилъ ли Фридрихъ-Вильгельмъ IV теорію „свободныхъ народовъ и свободныхъ королей“; не провозглашаютъ ли русскіе либералы свободу отъ земли, не правъ ли публицистъ, утверждавшій, что для многихъ тысячъ людей laissez passer значитъ laissez mourir, и мало ли людей, желающихъ освободиться отъ свободы? Сколько жертвъ заколото на

алтарѣ этой двусмысленной богини, этого Протея, вѣчно ускользающаго по мѣрѣ того, какъ люди къ нему повидимому приближаются! Жертвы валятся въ пропасть, но пропасть оказывается бездонною...

Мудрый Платонъ сочиняетъ идеалъ свободной республики, но она не можетъ обойтись безъ рабовъ... Свобода тридцати тысячъ аѳинянъ имѣетъ своимъ базисомъ сто тысячъ рабскихъ спинъ... Плебеи идутъ на священную гору; патриціи вступаютъ съ ними въ сдѣлку. Да здравствуетъ свобода! Но за плебеями стоитъ еще Спартакъ съ 60,000 разъяренныхъ рабовъ... Civis romanus sum, гордо говоритъ римскій сенаторъ. Ты рабъ въ тогѣ, основательно возражаетъ Геліогабалъ... Лютеръ поднимаетъ знамя религіозной свободы. Крестьяне возстаютъ. Назадъ! кричитъ Лютеръ—крѣпостное право есть божественное учрежденіе... Да здравствуетъ свобода! кричитъ Кальвинъ, сожигая Серве.

Наступили новыя времена. Феодализмъ съ голоду продалъ свое первородство за чечевичную похлебку буржуазіи. Но, не смотря на сдѣлку, онъ пробовалъ упереться. Да здравствуетъ свобода! раскатилось, какъ громовой ударъ, надъ Европой. Свободный извощикъ сначала вторилъ этому побѣдному крику, но потомъ отказался. Онъ запросилъ свободы отъ свободы, запросилъ такъ настойчиво, что либералы поспѣшили заткнуть ему глотку. Что же будетъ дальше? По Шерру „соціальный вопросъ“ состоитъ вотъ въ чемъ: „четвертое сословіе желаетъ воспользоваться преимуществами сообща съ тремя привиллегированными сословіями. Но, вступивъ въ это пользованіе, четвертое сословіе также захочетъ имѣть своего бѣлаго негра и бодро воевать съ пятымъ сословіемъ, также какъ пятое, при подобныхъ условіяхъ, вооружится противъ шестаго, и такъ далѣе до безконечности“ (Комедія всемірной исторіи, I, 21). И такъ еще множество разъ раздастся старый крикъ: да здравствуетъ свобода! Но всякій разъ ему, какъ эхо, будетъ вторить дикій возгласъ побѣдителя Бренна: væ victis. И въ результатѣ мы будемъ все-таки безконечно далеки отъ двусмысленной богини. Какъ блудящій огонекъ будетъ она вести насъ все дальше и дальше, но не дастъ

себя обнять, и человѣчество такъ и исчезнетъ, не взглянувъ на нее вблизи. Въ концѣ концовъ все-таки останется какой-нибудь очень свободный, но очень упрямый извощикъ, который откажется сказать: „видѣста очи мои"... Тамъ, вдали вѣковъ, человѣчество ждетъ все та же исторія молота и наковальни. Исторія будетъ время отъ времени выбрасывать старые молота за бортъ и перековывать наковальни въ молота, но всегда найдется новая наковальня. Есть отъ чего придти въ отчаяніе и броситься въ объятія Нирваны, художественно-нигилистическаго буддизма, возобновленнаго Шопенгауеромъ. Изъ-за чего же биться, изъ-за чего бросать старые молота за бортъ?

Но, спроситъ трезвый читатель, откуда же возьмется этотъ безконечный рядъ бѣлыхъ негровъ, эти пятое, шестое и т. д. сословія? Гдѣ слѣды ихъ въ теперешнемъ обществѣ? На это отвѣтитъ намъ одинъ изъ мудрецовъ отечественной фабрикаціи, г. Стронинъ. Съ изумительною проницательностью поднимаетъ онъ занавѣсу будущаго и показываетъ намъ такую перспективу. Установивъ для исторіи прошедшаго послѣдовательную смѣну трехъ „физіологическихъ" аристократій (просто физіологической „геронтической" и „генетической"), передающихъ наконецъ свою первенствующую роль первой экономической или поземельной аристократіи, которая въ свою очередь уступаетъ мѣсто аристократіи капитала, г. Стронинъ продолжаетъ: „Дѣйствительность на этомъ пока и останавливается; исторію застаемъ мы хотя не на господствѣ, но на развитіи этого именно вида, и никакого иного на практикѣ она не давала еще примѣра. Но съ одной стороны правильность, до сихъ поръ обнаружившаяся въ смѣнѣ одной аристократіи другою, а съ другой—замѣчаемые въ современномъ обществѣ порывы, направленные по тому же пути, даютъ уже намъ нѣкоторую возможность гадать и о будущемъ. Для аристократіи капитала соперница не аристократія экономическая первая, и не три аристократіи физіологическія, а только собственники труда; равнымъ образомъ и слѣдующая, по теоретическому порядку, производительная сила, еще болѣе человѣческая, есть именно трудъ; и такъ если онъ создастъ изъ себя

когда-нибудь аристократію, третью и послѣднюю экономическую, то же съ инымъ условіемъ, какъ условіемъ все той же эксплуатаціи и низшихъ себя производительныхъ силъ, и высшихъ, пока изъ числа этихъ послѣднихъ очередная не укрѣпится опять до того, что займетъ мѣсто предыдущей, чтобы снова пасть подъ ударами послѣдующей. Благодаря Дарвинову закону, мы имѣемъ право заглядывать теперь и въ еще болѣе отдаленное будущее, и предвидѣть тамъ, подобно тремъ физіологическимъ и тремъ экономическимъ, три также аристократіи психологическихъ, а именно: сперва нравственную, потомъ эстетическую и наконецъ, умственную, какъ самую высшую въ смыслѣ человѣчности; а въ этой послѣдней опять сперва эксплуатирующую аристократію генія (какъ природы умственной), потомъ аристократію знанія (какъ умственнаго капитала), и наконецъ аристократію и эксплуатацію метода (какъ умственнаго труда). Прекращеніе же эксплуатаціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлъ предвидимаго прогресса; конецъ исторіи, доступный нашему воображенію, есть только невозможность дальнѣйшихъ эксплуатацій. Таково плодоносное и озаряющее дѣйствіе загоносъ Дарвина на почвѣ исторіологіи" (Исторія и методъ, 252). Такова удивительная и поражающая белиберда, измышленная г. Стронинымъ.

Мы уже говорили, что одинъ изъ немногихъ пунктовъ, на которыхъ г-жа Ройе милуетъ Руссо, есть положеніе послѣдняго о приблизительномъ равенствѣ мужчины и женщины въ доисторическую пору. Г-жа Ройе полагаетъ, что различіе между силами и способностями обоихъ половъ, какое мы видимъ нынѣ, есть «результатъ сложнаго и постоянно измѣняющагося вліянія условій жизни; слѣдовательно, теперешнія взаимныя отношенія половъ могутъ въ будущемъ претерпѣть значительныя измѣненія, *могутъ даже стать обратными, подъ вліяніемъ противоположныхъ нынѣшнихъ условій жизни, которыя всегда могутъ явиться, и быть можетъ въ свое время и явятся, какъ результатъ соціальнаго равновѣсія*» (391). Г-жа Ройе не останавливается на этомъ темномъ намекѣ. Она говоритъ въ другомъ мѣстѣ (379—381), что если для вида окажется выгоднымъ обратное нынѣшнему отноше-

ніе между полами, то оно и произойдетъ, какъ произошло устройство пчелинаго роя съ маткой во главѣ и съ толпами трутней отцовъ, ежегодно избиваемыхъ или устройство муравейника съ безполыми рабочими самками. Ройе полагаетъ, что въ этомъ впрочемъ отдаленномъ фазисѣ развитія человѣческаго общества дѣти не будутъ знать своихъ отцовъ, мать одна будетъ заниматься воспитаніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ способна и ко всѣмъ занятіямъ, предоставленнымъ нынѣ мужчинамъ; что если и мужчинамъ будетъ оставлена кое-какая дѣятельность и кое-какая собственность, то право наслѣдства будетъ предоставлено исключительно женщинамъ равно какъ и политическая власть. Г-жа Ройе упоминаетъ при этомъ о полумиѳическихъ амазонкахъ и о «чудесахъ женскаго генія которыя мы находимъ совершенно естественными у пчелъ и муравьевъ». Если не ошибаюсь, амазонки по разсказамъ допускали къ себѣ мужчинъ только періодически для поддержанія своего оригинальнаго общества, и рождающихся мальчиковъ убивали. Трутни въ ульѣ существуютъ, какъ извѣстно, также единственно для оплодотворенія матки. Поэтому можно думать, что и въ идеальномъ обществѣ г-жи Ройе мужчинамъ будетъ представлена исключительно половая дѣятельность: они будутъ пролетаріями, дѣтопроизводителями и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ. Это характерно. Чего добраго, Шерръ правъ, и бѣлый негръ всегда найдется. Едва выкарабкиваясь изъ положенія наковальни, женщина уже не прочь стать молотомъ. Она еще по складамъ разбираетъ: «да здравствуетъ свобода!» а vae victis уже готово. Сама еще свободный извощикъ, женщина уже заглядываетъ въ ту историческую даль, когда она будетъ говорить: «messieurs, вы вѣдь свободны, что же вы не кричите: да здравствуетъ свобода!» Но г-жу Ройе нельзя упрекнуть по крайней-мѣрѣ въ недостаткѣ послѣдовательности. Она не строитъ утопій на тэму равенства, не увлекается мечтами нивелляціи, она твердо помнитъ, что кто-нибудь долженъ быть молотомъ, а кто-нибудь наковальней. Она остается вѣрна себѣ, хлопочетъ только о свободѣ, и твердо вѣритъ, что когда «соціальнымъ равновѣсіемъ

молотъ перекуется въ наковальню, а наковальня въ молотъ, можно будетъ столь же громко, какъ и нынѣ, кричать: «да здравствуетъ свобода!»

Соображенія Шерра о соціальномъ вопросѣ — суть плоды художественно-нигилистическаго буддизма, и представляютъ собою скорѣе слова, чѣмъ мысли. Перспектива, открываемая г. Стронинымъ недоумѣвающимъ взорамъ читателей «Исторіи и метода», есть просто белиберда и имѣетъ такую же цѣнность, какъ пророчество какого-нибудь блаженнаго. Мечты г-жи Ройе по малой мѣрѣ фантастичны. Но вотъ явленіе другаго рода. Конгрессъ рабочихъ 1867 г. въ Лозаннѣ постановилъ, между прочимъ, такую резолюцію: «Конгрессъ полагаетъ, что стремленія рабочихъ ассоціацій, если послѣднія распростанятся въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, будутъ имѣть послѣдствіемъ установленіе четвертаго сословія, за которымъ будетъ стоять еще болѣе подавленное пятое сословіе». Изъ дальнѣйшихъ резолюцій конгресса видно, что дѣло идетъ о рабочихъ ассоціаціяхъ, основанныхъ на началѣ самопомощи. Конгрессъ полагаетъ, что именно эти ассоціаціи, основывающіяся безъ вмѣшательства государства и немогущія распространиться на все рабочее сословіе, кончатъ тѣмъ, что произведутъ новые молота и новыя наковальни. Лассаль еще въ 1863 году имѣлъ объ этомъ новомъ наслоеніи соціальной пирамиды столь ясное представленіе, что могъ обрисовывать и физіономію новыхъ молотовъ: «работники со средствами работниковъ и съ алчностью предпринимателей» (Сочиненія. I, 249). И такъ новое «да здравствуетъ свобода!» съ его эхомъ «vae victis» уже вырабатывается на Западѣ. И однако это новое явленіе результатъ свободы, отсутствія государственнаго вмѣшательства, точно такъ же какъ и у насъ сословіе безземельныхъ батраковъ было бы результатомъ свободы отъ земли.

Вся исторія свободы есть собственно одинъ каламбуръ во многихъ дѣйствіяхъ. Послѣднее дѣйствіе началось съ великой французской революціи. До революціи регламентація промышленности и правительственная опека царили неограниченно, и въ устахъ Гурнэ бранный крикъ современнаго либерализма:

«laissez faire, laissez passer», выражалъ дѣйствительную потребность. Революція разбила феодализмъ и цеховое устройство, провозгласила свободу труда. Но здѣсь же началось и то теченіе, которое привело наконецъ къ тому, что свободный извощикъ приглашается кричать виваты свободѣ. Уже въ 1789 году національная гвардія разогнала нѣсколько десятковъ тысячъ работниковъ, собравшихся въ Елисейскихъ поляхъ, чтобы потолковать о своихъ нуждахъ. А въ 1791 году національное собраніе издало декретъ, запрещавшій всякія ассоціаціи. Буржуазія, поднявшая знамя правъ человѣка, была слишкомъ искренна, слишкомъ полна энтузіазма, наконецъ слишкомъ мало обрисовывалась, какъ рѣзко со всѣхъ сторонъ очерченный элементъ, чтобы ее можно было заподозрить въ ясно-сознанной тенденціи давить рабочаго. Вѣрнѣе предположить, что она за всякой ассоціаціей видѣла призракъ средневѣковыхъ корпорацій, а съ ними и всего того порядка, съ которымъ она такъ ожесточенно боролась. Однако характеръ буржуазіи фатально, самъ собой пробивался наверхъ со всѣми своими особенностями. Дѣло было не въ одной боязни возвращенія къ средневѣковью, говорилось и о невыгодахъ агитацій въ пользу увеличенія поденной платы. Быстрое теченіе жизни, полной то грандіозныхъ, то кровавыхъ событій, величіе историческаго момента, лихорадка возбужденія,—все это покрывало собою рознь, уже готовившуюся въ средѣ обновленнаго общества. Какъ неясно было отношеніе побѣдительницы-буржуазіи къ своему союзнику-рабочему, такъ неясно было и обратное отношеніе. На другой день послѣ того, какъ Робеспьеръ прочиталъ свой проектъ декларацiи правъ человѣка, якобинецъ Буассель читалъ—«декларацію правъ санкюлота». Въ числѣ этихъ правъ значилось, между прочимъ, «право размножаться» и право зависѣть только отъ «природы и верховнаго существа». А между тѣмъ буржуазія несла съ собой именно тотъ порядокъ при которомъ рабочій не имѣетъ права размножаться, и, будучи легально свободенъ, фактически находится въ полной зависимости отъ предпринимателя. Истинныя отношенія выясни-

лись позже, когда, по окончаніи разсчетовъ со старымъ порядкомъ, четвертое сословіе увидѣло передъ собой буржуазію, вооруженную капиталами, машинами, умственнымъ развитіемъ и политическимъ могуществомъ. Четвертое сословіе было вооружено одной свободой и скоро замѣтило, что именно поэтому оно вовсе не свободно. Таковъ былъ одинъ изъ результатовъ революціи, на которую либералы естественно смотрятъ, какъ на предѣлъ, его же не прейдеши. Естественно также, что рабочіе смотрятъ на дѣло иначе. Вышеупомянутый лозаннскій конгрессъ пришелъ къ тому заключенію, что нѣкоторыя бѣдствія рабочаго класса «постоянно усиливаются съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ революція, провозглашая свободу труда и промышленности, разрушила корпораціи. Мы должны вернуться къ прежней солидарности, не замыкаясь однако въ тѣсныя рамки, разбитыя нашими отцами». Либеральный экономистъ, у котораго я заимствую эти свѣдѣнія о лозаннскомъ конгрессѣ, Курсель-Сенель, иронически замѣчаетъ по поводу приведеннаго заявленія: „вотъ, по крайней мѣрѣ, откровенное противодѣйствіе революціи!“

Либеральные экономисты считаютъ порядокъ, созданный первою революціей, неприкосновеннымъ, и если одобряютъ и одобряютъ кооперативное движеніе на принципѣ самопомощи, то потому, что ассоціаціи этого рода не въ состояніи конкурировать съ крупными капиталистами-предпринимателями, и могутъ только создать пятое сословіе, что собственно не мѣняетъ ни на волосъ установившихся отношеній между трудомъ и капиталомъ. Затѣмъ все, имѣющее цѣлью и могущее замѣнить легальную свободу труда его фактическою независимостью, и слѣдовательно повидимому составляющее дальнѣйшее развитіе идей революціи, клеймится какъ отступничество и, что любопытнѣе всего, какъ посягательство на свободу.

Такъ смотритъ на дѣло и г-жа Ройе. Она называетъ первую революцію „революціей изъ всѣхъ революцій прошедшихъ и будущихъ», со включеніемъ значитъ и той революціи, которая поставитъ мужчинъ на мѣсто женщинъ и женщинъ на мѣ-

сто мужчинъ. Какъ ни радикаленъ повидимому переворотъ, желаемый г-жею Ройе, онъ собственно ничего не измѣняетъ въ отношеніяхъ, существующихъ и нынѣ: мѣняются только представители этихъ отношеній. Въ томъ именно и состоитъ суть современнаго либерализма, что, какія бы реформы радикальныя онъ ни предлагалъ, какъ бы онъ смѣлъ ни былъ, онъ вертится въ заколдованномъ кругу, изъ котораго не можетъ и не хочетъ выбиться. А это зависитъ отъ того, что либерализмъ основанъ на каламбурѣ. У г-жи Ройе эта каламбурность очевиднѣе, потому что она ставитъ вопросы просто и грубо, не путаясь въ отвлеченностяхъ. Но не слѣдуетъ думать, чтобы она была свободна отъ противорѣчій ходячаго либерализма. Напротивъ и эти противорѣчія выступаютъ въ ея книгѣ во всей своей неприкрытой наготѣ. Основное положеніе ходячаго либерализма составляетъ такъ-называемая гармонія интересовъ. Утверждаютъ, что настоящія экономическія отношенія, будучи предоставлены собственному свободному теченію, сами собой регулируются къ выгодѣ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ. Г-жа Ройе, какъ мы видѣли, доводитъ эту идею до крайнихъ предѣловъ. Иногда она повторяетъ все, что довольно давно говорено и переговорено всѣми либеральными экономистами, а именно: всякому должна быть предоставлена свобода избирать въ обществѣ положеніе, сообразное своимъ силамъ; законъ долженъ только гарантировать всякому безопасное пользованіе своими правами, насколько они не нарушаютъ чужихъ правъ и т. п. Но не таковы ея взгляды, когда она становится на біологическую точку зрѣнія. Отправляясь отъ теоріи Дарвина, она даетъ понять, что эта гармонія интересовъ есть иллюзія, что дѣло просто въ борьбѣ за существованіе, на которую всякій выходитъ, вооружившись чѣмъ можетъ. Борьба естественно оканчивается побѣдою однихъ и пораженіемъ другихъ, и побѣдители правомѣрно пользуются своимъ положеніемъ. Если Ройе и говоритъ о гармоніи интересовъ, то либерализмъ она исповѣдуетъ главнымъ образомъ не ради нея, а ради именно антагонизма интересовъ. Она требуетъ свобо-

ды для того, чтобы, согласно теоріи Дарвина, въ борьбѣ безпрепятственно одерживалъ побѣду сильнѣйшій, лучшій. Когда соціалисты говорятъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ пользу изнемогающаго въ борьбѣ слабѣйшаго борца, либеральные экономисты возражаютъ: зачѣмъ нарушать свободу? Здѣсь собственно нѣтъ борьбы: это только форма, подъ которою кроется полная солидарность интересовъ. Г-жа Ройе съ одной стороны поддаживаетъ этому разсужденію, но въ то же время говоритъ, что дѣло совсѣмъ не въ томъ; что борьба несомнѣнно есть, но что все-таки борцамъ должна быть предоставлена полная свобода справляться какъ знаютъ, ибо, только благодаря борьбѣ, жизнь воплощается все въ новыхъ и высшихъ формахъ. Уравняйте условія жизни борцовъ, и невозможно движеніе впередъ. При равенствѣ нѣтъ побѣды, нѣтъ прогресса. Что касается до печальной стороны этой борьбы, то, говоря словами Дарвина, „мы можемъ утѣшиться мыслью, что война не безпрерывна, что ея ужасъ не сознается, что смерть обыкновенно быстра и что выживаютъ и размножаются особи здоровыя, сильныя и счастливыя“ (1. c., 64). Magister dixit! Съ своей стороны и г-жа Ройе удостовѣряетъ: „Пора, если уже не поздно, доказать массамъ, что справедливость и общіе счеты состоятъ въ равенствѣ свободы и въ прогрессѣ путемъ неравенства, которое, превративъ животное въ человѣка, въ будущемъ можетъ произвести изъ людей божественную расу, которая будетъ управлять землею справедливо, въ радости и мирѣ“ (587). О, свободный извощикъ! Неужели ты и теперь откажешься кричать: да здравствуетъ свобода! Теперь, когда тебѣ доказано какъ дважды два четыре, что нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ корова съѣстъ лопухъ, который изъ тебя выростетъ, насчетъ твоихъ слезъ и пота на землѣ явится божественная раса? Надо думать, что г-жа Ройе встрѣтитъ весьма серьезныя препятствія въ пропагандѣ этой плодотворной идеи. Надо думать, что свободный извощикъ усомнится въ ея достоинствахъ. И свободный извощикъ будетъ не совсѣмъ неправъ. Вѣрно ли, что изъ борьбы за существованіе побѣдителями выходятъ лучшіе представители вида? Нѣтъ,

не вѣрно. Мы это уже доказывали и будетъ имѣть случай еще разъ говорить объ этомъ. Что выживаютъ „счастливые“, какъ выражается Дарвинъ, это вѣрно, потому что въ этой лотереѣ счастіе именно въ томъ и состоитъ, чтобы вынуть билетъ на жизнь. Но вѣдь пословица говоритъ: „счастье дуракамъ“. Допустимъ однако, что борьба дѣйствительно ведетъ къ жизни сильныхъ и къ смерти слабыхъ; допустимъ, что „божественная раса“ г-жи Ройе уже на землѣ; что исполнилась фантазія съумасшедшаго нѣмца Браубаха и видъ „человѣка“ отодвинутъ высшимъ видомъ «ангелъ» (Religion, Moral und Philosophie der Darwin'schen Artlehre, 1869); что, какъ это ни трудно себѣ представить, трудъ, согласно прорицаніямъ г. Стронина, эксплуатируетъ капиталъ, или какая-то эстетическая аристократія эксплуатируетъ нравственную. Фактъ эксплуатаціи, какъ вѣрно замѣтилъ г. Сторонинъ, при этомъ не прекращается. Сегодняшніе побѣдители становятся завтра побѣжденными, слабые истребляются, но взамѣнъ ихъ являются новые слабые и т. д. безъ конца. И не смотря на эту безконечную выработку хотя бы и высшихъ формъ, движенія собственно нѣтъ, потому что отношенія между борцами остаются одни и тѣ же. Это сказка о бѣломъ быкѣ. Такъ что нѣтъ возможности дождаться той божественной расы, которая будетъ управлять землей «справедливо, въ радости и въ мирѣ»,

Но дѣло въ томъ, что ни либеральной буржуазіи вообще, ни г-жѣ Ройе въ частности нѣтъ никакого дѣла до «божественной расы». Она соблазняетъ ею свободнаго извощика, но сама отнюдь не соблазняется. Она напримѣръ много говоритъ о свободѣ мысли, свободѣ печати, свободѣ слова. Но это не мѣшаетъ ей негодовать на распространеніе въ народѣ Библіи и Евангелія, ибо «въ Нагорной проповѣди есть достаточно элементовъ для ниспроверженія всего соціальнаго строя, и въ догматѣ естественнаго равенства всѣхъ членовъ человѣческаго рода, дѣтей одного Отца, заключается отрицаніе всѣхъ жизненныхъ условій цивилизованныхъ обществъ» (586). Одинъ соціалистъ, тщательно изучавшій и глубоко чтившій Евангеліе, однажды съ жаромъ

доказывалъ мнѣ, что «надо отнять у нихъ (у либераловъ) Бога и Христа». Хлопоты кажется совсѣмъ напрасныя. Г-жа Ройе находитъ, что наши современныя учрежденія слишкомъ «покровительственны». Это очевидно слѣдуетъ понимать такъ: что правительственное вмѣшательство нынѣ слишкомъ велико-слишкомъ стѣсняетъ свободное регулированіе силъ. И однако, г-жа Ройе только для того и высказываетъ это обвиненіе, чтобы потребовать запрещенія законодательнымъ путемъ браковъ между людьми, страдающими наслѣдственными болѣзнями. Такъ-какъ этого рода болѣзни, какъ говоритъ сама г-жа Ройе, въ значительной степени зависятъ отъ недостатковъ общественнаго устройства, то изъ бѣды представляются два выхода, и оба съ государственнымъ вмѣшательствомъ: или измѣнить самыя условія, порождающія болѣзни, или запретить больнымъ размножаться. Но первый выходъ былъ бы чего добраго шагомъ къ «божественной расѣ» и потому г-жа Ройе объ немъ не упоминаетъ и безъ сомнѣнія нашла бы его нарушеніемъ свободы. И вотъ она призываетъ правительственное вмѣшательство для запрещенія браковъ, т.-е. дѣлаетъ это вмѣшательство хроническимъ, такъ какъ источникъ болѣзней не прекращается, и обрубаютъ только вѣтви дерева, на мѣсто которыхъ выростаютъ новыя.

Если подвести всему этому итогъ, то окажется, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Въ теоріи г-жи Ройе проповѣдуется шествіе по направленію къ божественной расѣ, шествіе, которому должна быть предоставлена полная свобода. Шествіе это состоитъ изъ ряда побѣдъ и пораженій, причемъ происходитъ постоянна смѣна побѣдителей; на каждой такой станціи побѣдитель тѣмъ или другимъ способомъ держитъ побѣжденнаго въ зависимости, т.-е. лишаетъ его свободы. На практикѣ г-жа Ройе останавливается на исторической станціи, нынѣ въ Европѣ переживаемой, на станціи свободнаго извощика, и всемѣрно хлопочетъ о томъ, чтобы именно на этомъ пунктѣ шествіе по направленію къ божественной расѣ прекратилось. Она не брезгаетъ для этого никакими средствами. И

здѣсь мы видимъ опять то удивительное свойство либерализма, что онъ никакъ не можетъ выбиться изъ заколдованнаго круга. Кажется, что можетъ быть радикальнѣе, что можетъ быть утопичнѣе божественной расы, управляющей землею „въ радости и въ мирѣ“. Превращеніе морской воды въ лимонадъ, на которое разсчитывалъ Фурье, можно сказать, превзойдено. А между тѣмъ дѣло сводится къ тому, чтобы пригласить, а въ случаѣ надобности и понудить свободнаго извощика кричать виваты свободѣ.

Мы далеко не покончили ни съ г-жею Ройе, ни съ отношеніемъ теоріи Дарвина къ либерализму. Мы вернемся къ нимъ, а теперь намъ хотѣлось бы указать на одно любопытное разсужденіе Милля, одного изъ самыхъ умѣренныхъ, лучшихъ и честнѣйшихъ представителей либерализма, человѣка, который столь далекъ отъ обычныхъ каламбуровъ либераловъ, что отважился сказать въ своихъ Основаніяхъ политической экономіи: „Узы коммунизма были бы свободою по сравненію съ нынѣшнимъ состояніемъ большинства людей. Почти все сословіе работниковъ въ Англіи и почти во всѣхъ другихъ странахъ имѣетъ такъ мало возможности избирать себѣ занятіе или мѣсто жительства, оно практически такъ зависитъ отъ установленныхъ правилъ и отъ чужой воли, что меньшею свободою могло бы пользоваться развѣ при совершенномъ рабствѣ“ (I, 257). Въ своей книгѣ „О свободѣ“ Милль цитируетъ. между прочимъ, слѣдующія слова Вильгельма Гумбольдта: „Конечная цѣль человѣка, т.-е. та цѣль, которая ему предписывается вѣчными, неизмѣнными велѣніями разума, а не есть только порожденіе смутныхъ и преходящихъ желаній, эта цѣль состоитъ въ наивозможно гармоническомъ развитіи всѣхъ его способностей въ одно полное и самостоятельное цѣлое“,—что слѣдовательно предметъ, „къ которому каждый человѣкъ долженъ непрерывно направлять всѣ свои усилія, и который особенно должны постоянно имѣть въ виду люди, желающіе вліять на своихъ согражданъ, есть могущество и развитіе индивидуальности“,—что для этого два необходимыя условія,—„свобода и разнообразіе личныхъ положе-

вій“ (Утилитаріанизмъ. О свободѣ. 274). Возвращаясь потомъ къ этой мысли, Милль говоритъ, что второе изъ условій, необходимыхъ по Гумбольдту для человѣческаго развитія, т.-е. разнообразіе положеній въ Англіи, все болѣе и болѣе утрачивается. Прежде различные слои общества, различныя ремесла, различныя мѣстности жили своею отдѣльною жизнью, не похожею на сосѣднюю. Нынѣ же всѣ эти различія сглаживаются. Конечно, говоритъ Милль, разнообразіе положеній еще велико, но уже далеко не то, что было прежде, и притомъ постоянно уменьшается. Нынѣ у всѣхъ болѣе или менѣе одинаковыя права, одинаковыя цѣли; политическія перемѣны всѣ имѣютъ одно общее направленіе—привести все къ одному уровню; распространеніе просвѣщенія влечетъ за собой подчиненіе людей однимъ и тѣмъ же вліяніямъ, дѣлаетъ для всѣхъ доступнымъ одинъ и тотъ же запасъ фактовъ и чувствъ; такую же тенденцію имѣютъ и улучшенія путей сообщенія, и развитіе промышленности. Все это, говоритъ Милль, составляетъ такой страшный заговоръ противъ индивидуальности, что надо теперь же подумать о средствахъ къ ея охраненію, иначе будетъ поздно. Хотя Милль и говоритъ при этомъ, что „разнообразіе во всякомъ случаѣ есть благо, если бы даже оно состояло въ отступленіи отъ общепринятаго не только къ лучшему, но и къ худшему“ (313), но его разумѣется нельзя заподозрить во враждебномъ отношеніи къ распространенію знаній или къ развитію промышленности. Трудно однако понять, какія средства могутъ быть пущены въ ходъ, чтобы нивеллирующее теченіе науки, промышленности, политическихъ реформъ было парализовано и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ были сохранены стороны этого теченія, признаваемыя и Миллемъ благотворными. Но не въ томъ дѣло. Индивидуальность есть также одно изъ понятій, допускающихъ различные каламбуры. Индивидъ есть сумма свойствъ данной ступени органическаго развитія, т.-е. даннаго вида. Объ этомъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Слѣдовательно требованіе Гумбольдта—„наивозможное гармоническое развитіе всѣхъ способностей человѣка въ одно полное и самостоятельное цѣлое“—и есть именно требованіе индивидуальности. Всѣ способности,

какія только имѣетъ человѣкъ, какъ извѣстная ступень органическаго развитія, должны быть соединены въ каждомъ изъ насъ, въ каждомъ представителѣ вида. Таковъ идеалъ и Гумбольдта и Милля, къ которому всѣ мы обязаны стремиться, хотя бы и безъ надежды осуществить его вполнѣ. Едва-ли кто-нибудь станетъ оспаривать законность и величіе такого идеала; выше его мы очевидно ничего себѣ представить не можемъ. Но очевидно также, что чѣмъ болѣе будемъ мы приближаться къ этому идеалу, тѣмъ болѣе будетъ исчезать разнообразіе нашихъ личныхъ положеній; каждый изъ насъ будетъ обладать всѣми тѣми способностями, какими обладаютъ и остальные. А между тѣмъ этого-то Милль и не хочетъ и говоритъ, что при этомъ исчезнетъ индивидуальность. Здѣсь индивидуальность берется уже въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ личной особенности, въ смыслѣ такихъ свойствъ, какія есть у меня, но нѣтъ у моего сосѣда и наоборотъ. Понятно, что согласить два такія требованія индивидуальности невозможно. Удивительно, какимъ образомъ Гумбольдтъ и Милль находятъ возможнымъ достигнуть гармоническаго развитія *всѣхъ* силъ и способностей человѣка въ *одно* цѣлое посредствомъ размѣщенія этихъ силъ по *множеству* индивидовъ. Правда, они ставятъ рядомъ съ тѣмъ, что они называютъ индивидуальностью, свободу. Но это едва-ли не усложняетъ затрудненія. Свобода, безъ каламбура, есть независимость отъ другихъ людей. Такая независимость невозможна при столкновеніи интересовъ людей съ различными формулами жизни, т.-е. людей, находящихся въ различныхъ положеніяхъ; потому что если одна личность или одна группа личностей выработала себѣ выгоднѣйшія при данной обстановкѣ функціи, то она непремѣнно поработитъ личности или группы личностей съ функціями менѣе выгодными. Такъ что индивидуальность, какъ ее понимаютъ Милль и Гумбольдтъ, не уживается ни со свободой, ни съ гармоническимъ развитіемъ всѣхъ способностей въ одно цѣлое. Наоборотъ, только такое гармоническое развитіе можетъ дать и свободу, но оно же заключаетъ въ себѣ и требованіе равенства, такъ-какъ желательно гармоническое развитіе всѣхъ способностей въ каждомъ человѣкѣ.

IV. Замѣтки о дарвинизмѣ *).

До большинства образованныхъ людей доходятъ преимущественно либо самъ Дарвинъ и популярныя изложенія его ученія, либо грубыя, восклицательно-препирательнаго свойства нападки на него. Обстоятельство это естественно весьма мало способно разбудить и воспитать критическое отношеніе къ предмету. Самые заклятые противники дарвинизма соглашаются, что враждебное имъ ученіе обставлено очень искусно, построено съ большимъ тщаніемъ и остроуміемъ. Понятно, какое чарующее вліяніе должна имѣть эта удивительная постройка на умы людей, непосвященныхъ спеціальнымъ образомъ въ тайны естественныхъ наукъ. Для большинства образованныхъ людей дарвинизмъ пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ. О критическомъ отношеніи тутъ едва-ли можетъ быть и рѣчь. Наши силы, силы профановъ, слишкомъ ничтожны, чтобы сопротивляться мощи дарвинизма; и развѣ только чувства наши, которыя у профановъ могутъ быть и болѣе чутки, чѣмъ у вождей науки, мѣшаютъ намъ безропотно и безповоротно принять участіе Дарвина во всѣхъ его частяхъ. Съ другой стороны, если какой нибудь Гибель съ ясностью мѣднаго лба объявляетъ намъ, что теорія Дарвина есть такой же вздоръ, какъ столоверченіе и одъ; или если какой нибудь узколобый моралистъ считаетъ нужнымъ выставлять противъ теоріи не факты, а свои собственныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ и т. п.,—мы естественно не только нерасположены взвѣ-

*) 1871. Декабрь.

шивать ихъ опроверженія, но, сравнивая эту мелочь и ветошь съ ученіемъ Дарвина, еще болѣе утрачиваемъ возможность быть на сторожѣ. Голоса же наиболѣе цѣнные, голоса людей, относящихся къ дарвинизму не съ увлеченіемъ учениковъ, но и не съ нахальствомъ невѣждъ, заушающихъ теорію во имя началъ ей совершенно чуждыхъ, эти голоса до насъ почти не доходятъ. А между тѣмъ едва-ли нужно доказывать, что въ виду много-объемлющихъ доктринъ, которыя, какъ дарвинизмъ, захватываютъ самые корни жизни, отсутствіе критики особенно пагубно. Читатель не найдетъ поэтому можетъ быть лишнимъ воспроизведеніе нѣкоторыхъ изъ помянутыхъ голосовъ. Мы далеки отъ мысли исчерпать всѣ, хотя бы и наиболѣе замѣчательныя возраженія и указанія, вызванныя теоріей Дарвина. Мы хотимъ только представить нѣсколько мыслей, высказанныхъ о дарвинизмѣ и по поводу него людьми, заслуживающими уваженія, и притомъ настолько, насколько мысли эти могутъ намъ помочь въ разработкѣ предмета статьи.

Мы начнемъ съ замѣчаній французскаго анатома Лаказа-Дютье (Lacaze-Duthiers. Annales des sciences naturelles. Zoologie et paléontoiogie. T. II, 1864. Mémoire sur les Antipathères, XII. De la loi de destruction réciproque des êtres. Pp. 220—233). Лаказъ-Дютье отказывается, вопервыхъ, признать фактомъ всеобщимъ борьбу за существованіе между недѣлимыми одного и того же вида и приводитъ изъ области низшихъ животныхъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, отсутствуетъ борьба за пространство, за пищу, за воспроизведеніе рода. Но и въ тѣхъ, признаваемыхъ имъ весьма многочисленными, случаяхъ, когда борьба за существованіе между недѣлимыми одного и того же вида и подборъ родичей существуютъ несомнѣнно, Лаказъ-Дютье отказывается признать за элементомъ борьбы творческое, прогрессивное значеніе, какое ему придается дарвинистами. Самый фактъ борьбы и подбора Лаказъ-Дютье признаетъ и даже даетъ ему свое особенное названіе „закона взаимнаго истребленія существъ“, но истолковываетъ его совершенно иначе. Несомнѣнно, говоритъ онъ, что борьба можетъ истребить видъ,

но какимъ образомъ можетъ она его создать? Какой тигръ одолѣетъ своихъ собратій въ борьбѣ за существованіе? Очевидно тотъ, который, если можно такъ выразиться, всѣхъ „тигрѣе“, тотъ, въ которомъ типическіе признаки вида выражены наиболѣе характерно. Слѣдовательно роль борьбы и подбора существенно консервативная; въ результатѣ ихъ вліяній получается сохраненіе въ возможно чистомъ видѣ характерныхъ видовыхъ признаковъ, а отнюдь не прогрессивное ихъ развитіе. Борьба существуетъ, она истребляетъ цѣлыя расы, но отнюдь не къ выгодѣ побѣдителей.

Такова сущность возраженій Лаказа-Дютье. Они очень кратки и бѣглы, такъ-какъ сдѣланы попутно, въ видѣ маленькаго параграфа въ большой спеціальной работѣ. Въ концѣ концовъ, отдавая должную справедливость заслугамъ Дарвина и стройности его теоріи, Лаказъ-Дютье не считаетъ возможнымъ рѣшительно пристать къ трансформистамъ, ибо выставляемая ими основная причина измѣненія видовъ истолковывается для него въ діаметрально-противоположномъ смыслѣ. Что же касается до трудностей, встрѣчаемыхъ теоріей постоянства видовъ, то, по мнѣнію Лаказа-Дютье, онѣ не болѣе тѣхъ трудностей, съ которыми приходится бороться и теоріи трансформизма. Впрочемъ Лаказъ-Дютье сохраняетъ въ этомъ отношеніи положеніе нерѣшительное. Нетрудно видѣть, что замѣчанія Лаказа-Дютье не имѣютъ того общаго значенія, какое онъ имъ придаетъ. Дарвинистъ могъ бы возразить, что въ борьбѣ за существованіе далеко не всегда одолѣваетъ индивидъ, совмѣщающій въ себѣ въ чистѣйшемъ видѣ всѣ характерные признаки вида, а напротивъ весьма часто индивидъ, сильно отклоняющійся отъ нихъ. Но замѣчанія Лаказа-Дютье все-таки имѣютъ цѣну для многихъ частныхъ случаевъ. И мы могли бы и среди общественной жизни людей найти не мало такихъ случаевъ, когда конкуренція, борьба оканчивается для побѣдителей сохраненіемъ въ усугубленномъ видѣ типическихъ сторонъ statu quo.

Кёлликеръ (Ueber die Darwin'sche Schöpfungstheorie. Leipzig, 1864) рѣшительно становится на сторону трансформистовъ и

считаетъ даже совершенно лишнимъ взвѣшивать доводы ихъ противниковъ. Но тѣмъ не менѣе онъ по разнымъ причинамъ считаетъ невозможнымъ согласиться со многими изъ основныхъ положеній Дарвина. Онъ не говоритъ, чтобы факторы измѣнчивости видовъ, указанные Дарвиномъ, совершенно отсутствовали, хотя и тутъ онъ весьма скептически относится напримѣръ къ лежащему въ основаніи дарвинизма принципу полезности видоизмѣненій. По его мнѣнію, всякій организмъ въ своемъ родѣ совершенъ, и если онъ разъ пріобрѣлъ полѣзныя для него особенности, то не видно, почему бы для него нужны были все новыя и новыя измѣненія, разъ измѣненія эти управляются только началомъ полезности. Какъ бы то ни было, Кёлликеръ полагаетъ, что развитіе органической жизни на землѣ шло и идетъ въ общемъ совсѣмъ не тѣми путями, на которые указываетъ дарвинизмъ. Гипотезѣ Дарвина Кёлликеръ противопоставляетъ свою собственную, правда безъ сравненія менѣе выработанную и хуже вооруженную. Кёлликеръ обращаетъ вниманіе на явленіе обмѣна поколѣній, на поразительное сходство зародышей животныхъ, сходство до такой степени близкое, что зародышу достаточно было бы сдѣлать въ своемъ развитіи самое ничтожное отступленіе въ ту или другую сторону, чтобы развиться въ совершенно отличную отъ родича форму; далѣе на половой диморфизмъ, при чемъ самки и самцы часто до такой степени отличаются другъ отъ друга, что съ полнымъ правомъ могли бы быть относимы къ различнымъ видамъ и даже семействамъ, еслибы не было извѣстно ихъ болѣе близкое родство; наконецъ на полиморфизмъ нѣкоторыхъ видовъ, въ особенности изъ перепончатокрылыхъ, при чемъ напримѣръ у термитовъ изъ совершенно тождественныхъ яицъ развивается восемь рѣзко отличныхъ формъ. Совокупность этихъ явленій побуждаетъ Кёлликера думать, что, для объясненія разнообразія формъ органической жизни и ихъ измѣнчивости, нѣтъ надобности прибѣгать къ сложному механизму крайне медленныхъ полезныхъ видоизмѣненій и подбора, который вдобавокъ по его мнѣнію, не выдерживаетъ критики и самъ по себѣ. Онъ полагаетъ, что, повинуясь нѣкоторому общему закону

развитія, или, какъ Кёлликеръ же неудачно выражается, великому плану развитія», виды способны переходить въ болѣе сложныя формы непосредственно. Въ чемъ состоитъ этотъ законъ, какимъ образомъ онъ дѣйствуетъ — неизвѣстно, но наблюденіе свидѣтельствуетъ, что прямые потомки могутъ быть очень несхожи ни между собой, ни съ своими ближайшими предками. Совершенно такимъ же путемъ непосредственнаго усложненія могло произойти и все безконечное разнообразіе видовъ. И аналогія явленій обмѣна поколѣній показываетъ, что эти измѣненія признаковъ могутъ или могли происходить довольно большими скачками (sprungweise Veränderungen).

Упоминая объ этой теоріи Кёлликера, Нэгели (Происхожденіе естество-историческаго вида и понятіе о немъ. Переводъ Стофа М., 1866) замѣчаетъ, что, несмотря на свою заманчивость и устраненіе при помощи ея многихъ затрудненій, она все-таки представляетъ не болѣе какъ возможность. Впрочемъ Нэгели возстаетъ только противъ *большихъ* скачковъ въ развитіи. Самъ же онъ тоже не удовлетворяется теоріей Дарвина и, подобно Кёлликеру, признаетъ нѣкоторый общій законъ развитія, въ силу котораго организмы, непосредственно переходятъ въ высшія формы, помимо метаморфозъ, испытываемыхъ ими путемъ борьбы за существованіе, полезныхъ приспособленій и подбора. По Дарвину, присущая организму индивидуальная измѣнчивость можетъ направляться во всѣ стороны. Опредѣленное же направленіе, принимаемое ею въ ряду поколѣній, зависитъ единственно отъ внѣшнихъ причинъ. Эта теорія, что бы ни говорили дарвинисты, очевидно исключаетъ законъ необходимости усовершенствованія. Достаточно ли одного этого принципа для объясненія фактовъ? Нэгели отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно на слѣдующихъ основаніяхъ. По теоріи полезности (названіе это Нэгели даетъ теоріи Дарвина въ противоположность другой, которую онъ называетъ теоріей усовершенствованія) всякій видъ долженъ раньше или позже достигнуть формы, соотвѣтствующей окружающимъ его условіямъ, и сохранить ее безъ измѣненій до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ достаточно важ-

ная перемѣна въ обстановкѣ. Попавъ въ другую обстановку, видъ приспособляется къ ней и принимаетъ соотвѣтственную форму. Возвратясь къ прежнимъ условіямъ, онъ долженъ бы былъ принять прежнюю форму, ибо она представляетъ собою наиполезнѣйшее присобленіе къ этимъ условіямъ. Однако на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Прирученная порода возвращаясь къ прежнимъ условіямъ жизни, дичаетъ, но принимаетъ не первоначальную свою форму, а какую-нибудь новую. Далѣе, если два сродные вида поставлены въ одинаковыя внѣшнія условія и находятся въ нихъ до совершеннаго приспособленія, то они должны бы были слиться, перейти въ одинъ и тотъ же видъ, такъ-какъ самая полезная въ данной обстановкѣ форма можетъ быть очевидно только одна. Однако мы сплошь и рядомъ видимъ, что въ извѣстной мѣстности, при одинакихъ условіяхъ, существуютъ близко сродные виды. „Можно ли вообще представить себѣ— спрашиваетъ Нэгели,—чтобы вся сложная организація самаго высшаго растенія и самаго высшаго животнаго образовалась только мало по малу изъ менѣе совершенной, чтобы микроскопическое растеньице превратилось въ яблоню по истеченіи безчисленныхъ поколѣній въ силу одной борьбы за существованіе? Слѣдующее разсужденіе поможетъ намъ разрѣшить этотъ вопросъ. Самая высшая организація обнаруживается двумя свойствами: совмѣщеніемъ въ себѣ самыхъ разнообразныхъ органовъ и самымъ совершеннымъ раздѣленіемъ между ними труда. Оба условія совпадаютъ обыкновенно въ животномъ царствѣ, такъ-какъ каждый органъ имѣетъ свое опредѣленное отправленіе. У растеній же обстоятельства эти не зависятъ другъ отъ друга; однимъ и тѣмъ же отправленіемъ могутъ завѣдывать совершенно различные органы, даже у близко сродныхъ растеній одинъ и тотъ же органъ можетъ нести всевозможныя физіологическія отправленія. Замѣчательно, что полезныя приспособленія, описываемыя Дарвиномъ у животныхъ и существующія въ большомъ количествѣ и въ растительномъ царствѣ, суть исключительно физіологической природы и указываютъ всегда на развитіе и измѣненіе органа для особенной цѣли. Морфологиче-

скаго измѣненія, объяснимаго принципомъ полезности, неизвѣстно въ растительномъ царствѣ, и я не могу даже представить, какимъ образомъ могло бы оно произойти, такъ-какъ общіе морфологическіе процессы относятся къ физіологическому отправленію въ высшей степени безразлично. Теорія полезности требуетъ, какъ высказался и Дарвинъ, чтобы безразличные признаки были измѣнчивы, полезные же постоянны. Поэтому чисто-морфологическія особенности растеній должны бы наилегче подвергаться измѣненію; особенности же, обусловленныя опредѣленнымъ отправленіемъ, труднѣе всего измѣняться. Опытъ показываетъ противное... Въ началѣ явилось одно только одноклѣточное растеніе или же нѣсколько видовъ такихъ растеній. Соперниковъ не было, и внѣшнія условія были одинаковы на всей земной поверхности. По теоріи полезности не существовало двигателей, обусловливавшихъ появленіе полезныхъ измѣненій. Какъ развились болѣе сложныя и выше организованныя существа, она тѣмъ болѣе не въ состояніи объяснить, что одноклѣточныя именно растенія въ такой высокой степени индиферентны въ внѣшней обстановнѣ. Сверхъ того, въ настоящее время находимъ мы одинъ и тотъ же видъ распространившимся по различнымъ поясамъ, при разнообразнѣйшихъ слѣдовательно климатическихъ условіяхъ и окруженнымъ самымъ разнообразнымъ животнымъ и растительнымъ міромъ".

Въ виду всего этого Нэгели считаетъ рѣшительно невозможнымъ довольствоваться для объясненія постепеннаго образованія высшихъ формъ жизни одною теоріей Дарвина или теоріей полезности. Признавая подборъ родичей, руководимый борьбою за существованіе, несомнѣннымъ факторомъ измѣненія видовъ, онъ находитъ нужнымъ поставить на ряду съ нимъ и другаго фактора. По его мнѣнію, индивидуальная измѣнчивость стремится не неопредѣленно во всѣ стороны, не идетъ ощупью, а направляется, сообразно особому закону, преимущественно вверхъ, къ болѣе сложной организаціи. Т.-е., еслибы борьба за существованіе и отсутствовала, организмы все-таки подвергались бы постояннымъ измѣненіямъ и притомъ совершенно

опредѣленнаго характера: они все усложнялись бы, совмѣщали бы въ себѣ все большее разнообразіе органовъ и все большее раздѣленіе между ними труда, т.-е. все совершенствовались бы. Свойство преобразовываться въ болѣе сложную и совершенную форму такъ же присуще всякому организму, какъ присуще, въ неорганической природѣ, напримѣръ извѣстнымъ элементамъ группироваться только въ опредѣленныя химическія соединенія и принимать только опредѣленныя кристаллическія формы. Какъ въ клѣточкѣ атомы углерода, водорода, кислорода и азота обнаруживаютъ стремленіе слагаться въ болѣе и болѣе сложныя и высшія соединенія, такъ точно и самымъ клѣточкамъ присуще стремленіе сойтись все въ большемъ и въ большемъ числѣ и составлять все болѣе и болѣе сложныя формы. Такимъ образомъ Нэгели принимаетъ два рода факторовъ развитія органической жизни на землѣ. Преобразованіе вида, происходящее подъ вліяніемъ факторовъ, указанныхъ Дарвиномъ, т.-е. подбора, борьбы за существованіе и полезныхъ приспособленій, пріостанавливается какъ только видъ приспособился къ окружающимъ условіямъ. Но преобразованіе подъ вліяніемъ принципа усовершенствованія такихъ остановокъ не знаетъ и гонитъ видъ къ дальнѣйшимъ метаморфозамъ, дѣйствуя весьма часто скачкообразно. Если видъ и остается повидимому одинаковымъ въ теченіе цѣлаго геологическаго періода, то тѣмъ не менѣе въ немъ происходятъ постоянныя внутреннія измѣненія, которыя необходимо повлекутъ за собою наконецъ морфологическое усовершенствованіе, а это послѣднее вызоветъ новое соотвѣтственное приспособленіе функцій.

Намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ о небольшой книжкѣ іенскаго профессора математики и физики Карла Снелля (Die Schöpfung des Menschen. Leipzig, 1863), въ которой, несмотря на фантастическій и глубоко-поэтическій колоритъ, нѣкоторыя чистонаучныя данныя сгруппированы съ замѣчательною оригинальностью и смѣлостью мысли. Если Кёлликеръ отнесся къ этой книжкѣ съ снисходительнымъ презрѣніемъ ученаго спеціалиста, то Гэккель обратилъ на нее весьма серьезное вниманіе и даже заимствовалъ изъ нея кое-что.

Снелль воздерживается отъ критики дарвинизма, по крайней мѣрѣ въ упомянутомъ сочиненіи, которое имѣетъ цѣлью по возможности популярное изложеніе собственныхъ воззрѣній автора на прогрессъ органической жизни. Ограничиться отрывочными замѣчаніями, какія только и возможны были бы въ подобномъ произведеніи, Снелль не желаетъ, именно изъ уваженія къ труду Дарвина и къ заслугамъ послѣдняго какъ для науки вообще, такъ и для вопроса о происхожденіи видовъ въ частности. Тѣмъ не менѣе однако Снелль радикально расходится съ Дарвиномъ во всемъ, за исключеніемъ общаго положенія объ измѣняемости видовъ. Подобно Нэгели, Снелль полагаетъ, что виды измѣняются въ опредѣленномъ направленіи, и именно образуютъ собою восходящіе ряды все сложнѣйшихъ формъ, въ силу нѣкотораго общаго закона развитія. Но если и Нэгели возбудилъ противъ себя упрекъ въ метафизичности своего воззрѣнія, то тѣмъ паче подобный упрекъ можетъ быть сдѣланъ Снеллю. Впрочемъ относительно Снелля эта игра не стоитъ свѣчъ, и мы ею заниматься не будемъ, а просто постараемся извлечь изъ него что̀ намъ нужно.

Снелль отправляется отъ аналогіи между исторіей человѣчества и, такъ-сказать, исторіей природы. Аналогія эта составляетъ теперь вещь крайне избитую и истасканную, но у Снелля она, какъ увидимъ, имѣетъ нѣкоторое особое значеніе. Наиболѣе общую черту развитія «историческихъ организмовъ», т.-е. человѣческихъ обществъ — говоритъ Снелль — составляетъ постепенное усиленіе раздѣленія труда, не только въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ слова, въ какомъ оно значится въ учебникахъ политической экономіи, а въ широкомъ смыслѣ постепеннаго распаденія дѣятельности человѣка на составныя части. Это усиленіе раздѣленія труда мы замѣчаемъ какъ при сравненіи двухъ обществъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія, такъ и при сравненіи различныхъ фазъ, проходимыхъ однимъ и тѣмъ же обществомъ. Точно такъ же и въ „естественныхъ организмахъ“. Раздѣленіе труда между органами высшаго животнаго проявляется рѣзче, чѣмъ въ низшихъ организмахъ, и въ зрѣломъ возрастѣ сильнѣе, чѣмъ въ ранніе періоды жизни. Съ этимъ

общимъ явленіемъ тѣсно связано другое, именно образованіе рѣзко отличающихся другъ отъ друга группъ существъ изъ общаго источника такой организаціи, въ которой рѣзкія особенности нынѣшнихъ отдѣльныхъ группъ сливались въ одно цѣлое. Нынѣ формы переходныя, которыя совмѣщали бы въ себѣ особенности двухъ сосѣднихъ группъ, составляютъ рѣдкость. Онѣ существуютъ только въ очень узкихъ географическихъ предѣлахъ, имѣютъ крайне слабую, мало способную къ сопротивленію внѣшнимъ силамъ организацію, очень бѣдны разнообразіемъ видовъ. Въ ранніе же геологическіе періоды такія смѣшанныя существа существовали напротивъ въ огромномъ количествѣ и были широко распространены. Таковъ напримѣръ лабиринтодонъ, въ которомъ совмѣщались признаки нынѣшнихъ лягушекъ, черепахъ и ящерицъ и который былъ, по выраженію Бурмейстера, не лягушка, не черепаха и не ящерица, а земноводное вообще съ самою общею организаціей, какую только допускаетъ этотъ классъ животныхъ по всей своей совокупности. Это какъ бы воплощенная идея земноводнаго. Нынѣ же эта идея воплощается только по частямъ. Въ исторіи человѣчества обнаруживается совершенно аналогичная черта. Въ завѣщанныхъ намъ древнимъ Востокомъ сочиненіяхъ напримѣръ мы находимъ пестрый переплетъ религіозныхъ вѣрованій, поэзіи, философіи, государственной мудрости, естествознанія и притомъ не въ механическомъ смѣшеніи, а въ прочной внутренней связи. И все это цѣлое такъ же мало можетъ быть подведено подъ наши рубрики поэзіи, философіи и проч., какъ не поддаются нашимъ классификаціямъ допотопные организмы. По этой причинѣ намъ такъ и трудно понять умственную жизнь древнихъ. Есть много поводовъ смотрѣть на неопредѣленныя, но богатыя внутреннимъ разнообразіемъ смѣшанныя организаціи, какъ на носителей прогрессивнаго развитія, при которомъ изъ нихъ, какъ изъ общаго источника, расходятся во всѣ стороны рѣзко различающіяся формы. Въ каждомъ геологическомъ періодѣ мы встрѣчаемъ большое разнообразіе организмовъ. Но не всѣ они переходятъ въ измѣненномъ и болѣе развитомъ видѣ изъ одного періода

въ слѣдующій. Большое число ихъ вымираетъ, а выживающіе вновь производятъ разнообразіе видовъ, распадаясь на отличныя другъ отъ друга формы, изъ которыхъ однѣмъ суждено жить только короткое время, а другія несутъ въ себѣ зерно дальнѣйшаго развитія. Первыя имѣютъ, сравнительно со вторыми, большую наклонность приспособиться всякій разъ къ даннымъ условіямъ и очень дѣятельны въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ; вторыя проникнуты какимъ-то темнымъ позывомъ къ будущему и мало пользуются наслажденіями и удобствами настоящаго. Первыя въ извѣстную эпоху овладѣваютъ всею міровою сценой, тогда какъ вторыя отступаютъ въ это время на задній планъ. Но какъ только окружающія условія измѣняются, первыя либо вымираютъ, либо вновь приспособляются, еще болѣе съуживая свою внутреннюю жизнь; вторыя же сохраняются для дальнѣйшаго развитія. Такъ идетъ дѣло до тѣхъ поръ, пока извѣстный принципъ организаціи, напримѣръ, типъ позвоночныхъ, не достигнетъ высшей точки своего развитія. Переходъ одного принципа организаціи въ другой, высшій— невозможенъ. Такое же расчлененіе нѣкотораго первобытнаго цѣлаго встрѣчаемъ мы и въ исторіи человѣчества, напримѣръ въ распаденіи древняго индо-германскаго народа на племена, населяющія нынѣ Европу и часть Азіи и т. п. Выработка новыхъ формъ организаціи идетъ безостановочно и застой въ этомъ отношеніи бываетъ только кажущійся. Если мы видимъ напримѣръ, что личинка бабочки долгое время существуетъ, повидимому нисколько не измѣняясь, то тѣмъ не менѣе въ ней происходятъ постоянныя внутреннія измѣненія, которыя завершаются наконецъ весьма быстрымъ превращеніемъ въ куколку, а съ этой послѣдней происходитъ въ свою очередь то же самое. Предполагать, чтобы эти измѣненія организаціи были непремѣнно прогрессивны, нѣтъ никакого основанія. Возможны измѣненія и регрессивныя, и они ничуть не рѣже прогрессивныхъ; возможно и совершенное изчезновеніе извѣстныхъ типовъ. Вообще типы организаціи могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ, между которыми разумѣется существуютъ переход-

ные: типы идеальные, разносторонніе, которые могутъ быть и неопредѣленны, и безпомощны въ практическомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ составляютъ залогъ дальнѣйшаго развитія, и типы практическіе, односторонніе, совершенно приспособившіеся къ даннымъ условіямъ, хозяйничающіе въ нихъ вполнѣ, но безсильные противостоять напору измѣненныхъ условій.

Тутъ Снелль впадаетъ въ такую путаницу, которую трудно даже изложить. Не отрицая совершенно вліянія внѣшнихъ условій, онъ полагаетъ повидимому, что главнымъ факторомъ развитія органическихъ формъ служитъ нѣчто въ родѣ Шопенгауеровой «воли». Онъ очень поэтически говоритъ о мечтахъ, фантазіи, идеалахъ, неясныхъ стремленіяхъ къ болѣе или менѣе высокимъ цѣлямъ, напряженіи воли, изъ которыхъ слагается нѣкоторая внутренняя сила, заставляющая организмъ даже низшихъ животныхъ развиваться, только въ той или другой мѣрѣ приспособляясь къ окружающимъ условіямъ. Но эта поэтическая картина для насъ значенія не имѣетъ.

Подводя итоги всѣмъ приведеннымъ замѣчаніямъ и мыслямъ, высказаннымъ какъ о теоріи Дарвина, такъ и по поводу нея, мы замѣчаемъ, что всѣ они бьютъ въ одну и ту же сторону. Всѣ они отказываются признать за нѣкоторыми факторами происхожденія видовъ, указанными Дарвиномъ, т.-е. за борьбою за существованіе между недѣлимыми одного и того же вида, за подборомъ, за полезными приспособленіями,—творческое, прогрессивное значеніе, въ той мѣрѣ, въ какой оно имъ придается дарвинистами. Надо впрочемъ замѣтить, что когда прошелъ первый пылъ увлеченія новымъ ученіемъ, многіе изъ самихъ дарвинистовъ въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ встрѣтили множество фактовъ, слишкомъ ясно свидѣтельствовавшихъ, что путями, указанными учителемъ, далеко не всегда осуществляется «возникновеніе высшихъ формъ жизни». Изученіе жизни и строенія паразитовъ доставило въ этомъ отношеніи особенно богатый матеріалъ скептицизму. Самъ Дарвинъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи сознается, что онъ преувеличивалъ значеніе подбора, борьбы и полезныхъ приспособленій,

какъ факторовъ прогресса, и приводитъ нѣсколько примѣровъ совершенно противоположнаго ихъ вліянія.

Но вышеприведенные авторы не только отрицаютъ прогрессивное значеніе этихъ факторовъ, но находятъ еще, что ихъ совершенно недостаточно для объясненія развитія органической жизни на землѣ. И опять-таки всѣ они, за исключеніемъ Лаказа-Дютье, относящагося къ вопросу о происхожденіи видовъ неопредѣленно, указываютъ, собственно говоря, на одинъ и тотъ же законъ, который, по ихъ мнѣнію, необходимо приходится допустить если не взамѣнъ законовъ Дарвина, то по крайней мѣрѣ на ряду съ ними. Законъ этотъ есть давно и прочно стоящій въ наукѣ такъ-называемый законъ Бэра, законъ постепеннаго и постояннаго усложненія, усовершенствованія организаціи. Правда, въ томъ видѣ, въ какомъ законъ этотъ прилагается къ дѣлу Келликеромъ, Нэгели и Снеллемъ, онъ представляетъ гипотезу. Но вѣдь и теорія Дарвина заключаетъ въ себѣ не мало гипотетическаго, хотя разработана она несомнѣнно тщательнѣе и лучше, нежели упомятутыя теоріи. Правда и то, что въ послѣднихъ есть нѣчто метафизическое, и однако намъ кажется, что наиболѣе метафизическая изъ нихъ, теорія Снелля, содержитъ въ себѣ совершенно реальное и положительное зерно, которое при нѣкоторомъ уходѣ дастъ и цвѣтъ и плодъ.

Теорія Снелля имѣетъ для насъ еще особенное значеніе именно тѣмъ, что она отправляется отъ параллелизма явленій природы и общества. Параллели этого рода, какъ мы уже упоминали, далеко не новы. И замѣчательно, что всѣ, занимавшіеся проведеніемъ ихъ, полагаютъ, что они открыли Америку. Такъ Эдгаръ Кине, приступая къ ближайшему изложенію этого параллелизма, говоритъ: „Здѣсь я вступаю въ дѣвственный лѣсъ; кругомъ меня все неизвѣстно, проводниковъ нѣтъ. Никто до меня не былъ въ этомъ священномъ лѣсу“ (La Création. Paris, 1870. II, 225). Но не говоря уже о томъ, что параллелизмъ явленій природы и общественной жизни нынѣ составляетъ одну изъ самыхъ ходячихъ темъ, Блунчли еще въ 1844 году измышлялъ параллели между государствомъ и муж-

чиной, церковью и женщиной, между уголовной юстиціей и пупомъ, между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и обоняніемъ, и проч. Описывая зарожденіе въ себѣ этихъ идей, Блунчли говоритъ: „Тутъ были моменты, когда я вполнѣ наслаждался счастіемъ научнаго открытія“ (Psychologische Studien über Staat und Kirche, XII). А между тѣмъ, этотъ параллелизмъ, и притомъ въ формѣ далеко не столь шутовской, былъ еще въ тридцатыхъ годахъ разработываемъ замѣчательно даровитымъ Захаріэ (Vierzig Bücher vom Staate). Спенсеръ не знаетъ о трудахъ этого рода Дрэпэра, и обратно Дрэпэръ незнакомъ съ параллелями Спенсера. А между тѣмъ, не восходя къ классической древности, напримѣръ къ Платону, пропуская Гоббса или Шекспира, у которыхъ идея этого параллелизма является болѣе или менѣе случайно, уже въ средніе вѣка можно найти ее въ довольно разработанномъ видѣ и съ практическими примѣненіями. Это неустанное открываніе Америки, въ чемъ собственно и состоитъ историческая судьба идеи соціальнаго организма и связанныхъ съ нею аналогій, весьма поучительно. Оно осязательно показываетъ безсиліе идеи, такъ какъ ни одна дѣйствительно научная, плодотворная идея не можетъ обнаружить такой рѣшительной неспособности образовать хоть какую нибудь традицію. Такъ періодически затериваться и выскакивать, выскакивать и затериваться безъ слѣда можетъ только нѣчто совершенно непригодное. На эту тему можно написать цѣлые томы еще болѣе шутовскіе, чѣмъ измышленія Блунчли, еще болѣе остроумные, чѣмъ работы Захаріэ, еще болѣе дѣловитые, чѣмъ разсужденія Спенсера, еще болѣе поэтическіе, чѣмъ сочиненіе Кине, и все-таки новый изслѣдователь станетъ открывать Америку и восхищаться во всеуслышаніе своимъ открытіемъ. Но для *наглядваго* уясненія того или другого процесса, того или другого явленія, безъ мечтаній о новой наукѣ и о дѣйствительномъ изученіи явленій этимъ путемъ, подобныя аналогіи могутъ быть очень удобны. И въ этомъ отношеніи Снелль часто пользуется ими не безъ успѣха. Притомъ же напримѣръ сближеніе расхож-

денія видовыхъ признаковъ съ распаденіемъ индо-германскаго племени есть уже не аналогія, а прямо наведеніе.

Но для насъ всего цѣннѣе въ теоріи Снелля различеніе типовъ „практическихъ“ и „идеальныхъ“. Это указаніе, принятое и ярымъ дарвинистомъ, и замѣчательнымъ ученымъ Гэккелемъ, въ связи съ приведенными замѣчаніями Лаказа-Дютье, Келликера и Нэгели, можетъ бросить совершенно новый свѣтъ на теорію Дарвина. Фактъ какъ бы распаденія нѣкоторой сложной организаціи на нѣсколько позднѣйшихъ, болѣе простыхъ, былъ замѣченъ уже довольно давно Агассицомъ. Онъ называетъ „идеальные“ типы Снелля „пророческими“ или точнѣе, „синтетическими“, но разумѣется объясняетъ фактъ по своему и не видитъ тутъ никакого перехода видовъ. Тѣмъ не менѣе онъ совершенно справедливо ставитъ Гэккелю въ упрекъ, что тотъ въ своихъ генеалогическихъ таблицахъ органическихъ существъ вовсе не принялъ въ соображеніе существованія идеальныхъ или синтетическихъ типовъ, такъ сказать, размѣнивающихся на мелочь. Обстоятельство это дѣйствительно весьма важное, и ни одинъ добросовѣстный трансформистъ не имѣетъ права упускать его изъ виду.

Для дарвинистовъ вся сумма органической жизни на землѣ во всемъ ея разнообразіи произведена совокупнымъ дѣйствіемъ двухъ физіологическихъ дѣятелей: наслѣдственности и приспособленія. Первая представляетъ элементъ консервативный, элементъ инерціи, второе — элементъ прогрессивный, элементъ движенія. Борьба за существованіе и подборъ родичей обусловливаютъ собою вымираніе формъ слабыхъ, менѣе приспособленныхъ къ окружающимъ условіямъ, и побѣду формъ сильныхъ, приспособленныхъ. Таковы простѣйшія основанія, на которыхъ зиждется дарвинизмъ. Основанія эти, какъ думаютъ вышеупомянутые натуралисты, односторонни, но трудно усомниться въ ихъ фактической вѣрности. За всѣмъ тѣмъ однако остается еще открытымъ вопросъ о выводахъ, дѣлаемыхъ дарвинистами изъ этихъ посылокъ. Вѣрно ли дарвинисты понимаютъ и объясняютъ значеніе основъ своего ученія? Много зван-

ныхъ, но мало избранныхъ, справедливо говорятъ дарвинисты. Но кто же избранные?

Для пещерныхъ животныхъ глаза составляютъ роскошь, совершенно ненужный предметъ, на поддержаніе котораго даромъ тратится извѣстная доля питательнаго пластическаго матеріала. Поэтому однимъ изъ полезныхъ приспособленій для пещерныхъ животныхъ будетъ утрата чувства и органа зрѣнія. Побѣдителями въ борьбѣ за существованіе, подобранными, избранными окажутся подслѣповатые, для которыхъ *прогрессъ* сподручнѣе. Насѣкомыя, живущія на островахъ, во множествѣ гибнутъ въ морѣ, если далеко залетаютъ отъ берега. Поэтому полезнымъ приспособленіемъ для островныхъ насѣкомыхъ будетъ слабость крыльевъ, и дѣйствительно на островахъ безкрылыхъ насѣкомыхъ относительно гораздо больше, чѣмъ на материкахъ. Итакъ побѣдителями въ борьбѣ за существованіе, подобранными, избранными будутъ наиболѣе слабые и лѣнивые. Для нѣкоторыхъ паразитовъ органы зрѣнія и движенія составляютъ лишнее бремя. Поэтому во взаимной борьбѣ за существованіе тѣ изъ нихъ будутъ имѣть бо́льшіе шансы на побѣду, которые будутъ уже заключать въ себѣ задатки вялости движеній и слабости зрѣнія. Они будутъ избранные. Натуралистъ конечно съумѣлъ бы привести больше и болѣе замѣчательныхъ примѣровъ такихъ приспособленій, которыя, будучи въ узкомъ практическомъ смыслѣ полезны, понижаютъ уровень развитія вида и заключаютъ въ себѣ зерно его окончательнаго вырожденія или исчезновенія при измѣненіи условій жизни. Да не смущается читатель тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нашихъ примѣрахъ условія жизни взяты довольно исключительныя: жизнь въ пещерахъ, на островахъ, паразитизмъ. Эти примѣры годятся намъ именно по своей рѣзкости. Конечно природа представляетъ относительно немного такихъ рѣзкихъ случаевъ ретрограднаго развитія организаціи, побѣды слабыхъ и бездарныхъ, и вредоносности полезныхъ приспособленій. Но можно утвердительно сказать, что случаи рѣшительно прогрессивнаго развитія путемъ борьбы между недѣлимыми одного и того же вида не менѣе рѣдки. Въ са-

момъ дѣлѣ, путемъ борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій видъ можетъ претерпѣвать измѣненія во всевозможныхъ направленіяхъ. Поэтому шансы для прямолинейнаго развитія впередъ по крайней мѣрѣ не сильнѣе шансовъ для прямолинейнаго отступленія назадъ. Въ большинствѣ случаевъ формула жизни вида будетъ измѣняться въ нѣкоторомъ среднемъ направленіи, цѣликомъ опредѣляющемся степенью широты или узкости жизненныхъ условій. Несомнѣнно, что побѣда въ пресловутой struggle for life сплошь и рядомъ достается организмамъ малосильнымъ и малодаровитымъ. Сами дарвинисты сознаются, что такъ-какъ успѣхъ въ борьбѣ зависитъ часто отъ второстепенныхъ и случайныхъ особенностей организаціи, которыя могутъ выпасть на долю слабѣйшихъ, низшихъ представителей вида, то побѣда часто должна оставаться за послѣдними. Нѣкоторые дарвинисты идутъ дальше и говорятъ: „естественный подборъ *вездѣ* способствуютъ развитію типовъ практическихъ, въ ущербъ типамъ идеальнымъ“ (Hæckel: Generelle Morphologie. II, 262). А что такое практическій типъ? Это подслѣповатое пещерное животное, это слабокрылое островное насѣкомое, которое, благодаря не силѣ своей, а своей слабости, вытѣсняетъ своихъ родичей съ слишкомъ размашистыми крыльями. Это вообще типъ, находящійся какъ разъ на уровнѣ обстановки, быстро къ ней приспособляющійся, царящій при ней, давящій при ней всѣхъ и вся, но непремѣнно гибнущій вмѣстѣ съ ней, ибо ни къ какимъ болѣе широкимъ условіямъ жизни онъ уже не въ состояніи примѣниться. Что такое типъ идеальный? Это гибнущій изъ-за своей силы на узкомъ поприщѣ островной жизни жукъ, это вообще типъ несгибающійся, неподатливый и либо гибнущій въ узкой средѣ, либо развертывающійся во всей своей мощи на просторѣ. Тамъ, гдѣ выгодно жить безъ конечностей, даже безъ головы, гдѣ выгодно превратиться въ желудокъ и отбросить всѣ остальные элементы организаціи, гдѣ выгодно имѣть слабыя крылья или неразвитую нервную систему, и проч., и проч., тамъ идеальные типы будутъ задавлены и восторжествуютъ не сильные, а слабые, или, лучше сказать,

практически сила окажется на сторонѣ низшихъ типовъ. Дарвинисты это знаютъ или по крайней мѣрѣ подозрѣваютъ. «При очень простыхъ условіяхъ жизни—говоритъ Дарвинъ—высокая организація была бы безполезна; быть можетъ была бы даже положительно вредна, какъ болѣе нѣжная, болѣе подверженная разстройству и поврежденію» („О происхожденіи видовъ", 105). Но на дарвинизмѣ лежитъ характерная печать узкой и сильной англійской практичности. Умъ Дарвина однороденъ съ умами Бэкона, Гоббса, Бэнтама, и эта однородность ума сказывается и въ нѣкоторой однородности доктринъ. Это умы чрезвычайно сильные въ развитіи подробностей, въ послѣдовательномъ проведеніи извѣстнаго начала по всѣмъ возможнымъ развѣтвленіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умы не широкіе, съ относительно малымъ размахомъ. Утилитарный принципъ, къ которому вообще такъ расположены англійскіе мыслители, проведенъ Дарвиномъ въ объясненіе явленій органической жизни, блистательно, остроумно, послѣдовательно, ловко. Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь узко понятъ этотъ утилитарный принципъ! Рядомъ съ удивительною легкостью мысли, съ замѣчательною работою воображенія и проницательностью въ объясненіи извѣстнаго явленія съ точки зрѣнія принципа полезности, васъ поражаетъ узкость граннцъ, отводимыхъ самому этому принципу, и неповоротливость мысли въ этомъ направленіи. Фактъ несомнѣненъ: подъ вліяніемъ факторовъ, указанныхъ Дарвиномъ, т.-е. борьбы за существованіе между недѣлимыми одного и того же вида и подбора родичей, принципъ полезныхъ приспособленій, каковы бы они ни были, торжествуетъ. Все, немогущее усвоить себѣ особенностей, указываемыхъ практическими требованіями обстановки, гибнетъ. Таковъ фактъ. Но отъ простого констатированія факта еще далеко до возведенія его въ перлъ созданія, до «восхищенія» имъ, до переименованія полезныхъ, въ самомъ узкомъ смыслѣ, приспособленій, въ „совершенствованіе". Конечно Дарвинъ, глядя на природу, радуется далеко не съ столь ограниченно-праздничной точки зрѣнія, какая усвоена большинствомъ его противниковъ. Отсутствіе какой-либо пред-

уставленной цѣлесообразности въ явленіяхъ природы понимается имъ вполнѣ и телеологія имѣетъ въ его теоріи непреоборимаго противника. И тѣмъ не менѣе значеніе имъ самимъ указываемыхъ и разъясняемыхъ явленій понимается имъ слишкомъ односторонне и узко. И быть можетъ знаменитый предшественникъ Дарвина, геніальный Ламаркъ, безспорно заблуждавшійся во многомъ, смотрѣлъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шире на дѣло, когда говорилъ, что полезныя приспособленія (Ламарку была впрочемъ чужда идея приспособленій въ строго-дарвинистскомъ смыслѣ) обусловливаютъ собою не прогрессъ организаціи, а неправильности прогресса; законъ же прогресса, по Ламарку, есть законъ постепеннаго усложненія организаціи, т.-е. тотъ именно законъ, который выставляется нынѣ Келликеромъ, Нэгели, Снеллемъ.

Достойно вниманія, что дарвинизмъ, стремящійся образовать цѣлую философскую систему, не выработалъ опредѣленнаго критерія совершенства. Самъ Даринъ весьма двусмысленно относится къ вопросу о томъ, что можетъ быть принято за мѣрило усовершенствованія или пониженія организаціи. А между тѣмъ, не говоря уже о важности этого вопроса въ нравственно-политической доктринѣ, каковую дарвинисты желаютъ между прочимъ построить, очевидно его важное значеніе и для исторіи природы. Дарвинъ иногда говоритъ о законахъ борьбы, какъ о «самой рѣшительной изъ всѣхъ пробъ» относительнаго совершенства организаціи. («О происхожденіи видовъ», 267); иногда же обращается къ критерію Бэра. „Мѣрило, предложенное фонъ-Бэромъ—говоритъ онъ,—повидимому самое приложимое и самое лучшее, а именно степень обособленія отдѣльныхъ органовъ (въ зрѣломъ возрастѣ, хотѣлъ бы я прибавить) и ихъ приспособленіе къ отдѣльнымъ отправленіямъ, или, какъ выразился бы Мильнъ-Эдвардсъ, степень раздѣленія физіологическаго труда“ (Ibid, 102) Иногда наконецъ Дарвинъ подчиняетъ критерій Бэра своему, утверждая, что такъ-какъ высокая степень физіологическаго раздѣленія труда выгодна для организма, то она входитъ въ кругъ дѣйствія борьбы и под-

бора. И вообще, упомянувъ мелькомъ о трудности, сложности и запутанности вопроса, Дарвинъ склоненъ отождествлять результаты борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій съ усовершенствованіемъ по критерію Бэра. А второстепенные дарвинисты налегаютъ на эту тождественность еще сильнѣе.

Можно защищать совершенно противоположный тезисъ. Можно утверждать, что въ большинствѣ случаевъ борьба за существованіе между недѣлимыми одного и того же вида съ одной стороны и правильное развитіе съ другой, полезныя приспособленія и усовершенствованіе—находятся въ прямомъ антагонизмѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ нашимъ старымъ знакомымъ—смѣшеніемъ понятія раздѣленія труда между органами одного и того же недѣлимаго съ понятіемъ раздѣленія труда между недѣлимыми одного того же вида, отождествленіемъ раздѣленія труда физіологическаго съ раздѣленіемъ труда экономическимъ. И если читатель удостоивалъ наши прежнія статьи своимъ вниманіемъ, онъ безъ труда пойметъ направленіе нашей аргументаціи и въ настоящемъ случаѣ.

Въ главѣ о расхожденіи (дивергенціи) признаковъ, Дарвинъ даетъ ключъ къ уразумѣнію слабой стороны дарвинизма. Онъ разсуждаетъ такъ. Въ извѣстной мѣстности живетъ извѣстная группа животныхъ. Группа эта все размножается и наконецъ исчерпываетъ предоставляемыя ей совокупнымъ дѣйствіемъ ея организаціи и мѣстныхъ условій средства жизни. Дальнѣйшее ея умноженіе становится возможнымъ въ такомъ только случаѣ, если ея потомки обратятся къ новымъ средствамъ; если одни напримѣръ станутъ лазать на деревья или ходить въ воду, другія переселятся, третьи обратятся къ какой-нибудь новой пищѣ и т. п. Такъ-какъ образованіе этихъ уклоненій выгодно для вида, потому что, благодаря имъ, группа получитъ возможность захватить мѣста въ природѣ, занятыя дотолѣ другими группами, то они покровительствуются естественнымъ подборомъ. Группа болѣе разнообразная одолѣетъ въ борьбѣ группу менѣе разнообразную. Затѣмъ въ средѣ самой группы борьба будетъ всего сильнѣе между наиболѣе сходными по

образу жизни, по привычкамъ, по мѣсту жительства организмами, вслѣдствіе чего среднія формы, вообще говоря, подвергнутся истребленію, а крайнія будутъ все болѣе расходиться, въ сильнѣйшей степени усвоивая выгодныя особенности. Дарвинъ замѣчаетъ при этомъ: «Выгоды разнообразія между жителями одной и той же мѣстности въ сущности тѣ же, что и выгоды физіологическаго раздѣленія труда между органами одного и того же живаго тѣла—предметъ, прекрасно разъясненный Мильнъ-Эдвардсомъ. Ни одинъ физіологъ не сомнѣвается въ томъ, что желудокъ, приспособленный къ варенію только растительной пищи или только животной, извлекаетъ по этому самому наибольшее количество питательныхъ началъ изъ этихъ веществъ. Такъ и въ общемъ органическомъ строѣ данной страны, чѣмъ значительнѣе, чѣмъ совершеннѣе разнообразіе животныхъ и растеній, ихъ приспособленіе къ разнымъ образамъ жизни, тѣмъ большее количество особей найдетъ возможность существовать рядомъ» (Ibid, 92).

Замѣтьте, что только-что описанный процессъ расхожденія видовыхъ признаковъ есть чисто-гипотетическій. Онъ почти цѣликомъ построенъ «отъ разума». Но отъ разума же могутъ быть выставлены слѣдующія соображенія. Конечно для вида, приближающагося къ истощенію средствъ жизни, выгодно найти новые источники пищи, занять новыя пространства земли и т. д. Но распеденіе группы на рѣзко отличающіяся разновидности, а тамъ виды, а тамъ, быть можетъ, и роды, тутъ очевидно не причемъ. Одно дѣло новые пути для борьбы съ окружающей природой, и другое дѣло—расхожденіе видовыхъ признаковъ. Они могутъ идти вмѣстѣ, и дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ такъ и бываетъ, но выгодны-то все-таки только новыя средства жизни, а не образованіе разновидностей и борьба между ними. Мало того, процессъ образованія разновидностей путемъ борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій, не только не выгоденъ для недѣлимыхъ, а прямо въ большинствѣ случаевъ вреденъ. Конечно Дарвинъ правъ, когда говоритъ, что желудокъ, приспособленный къ варенію

исключительно животной, или исключительно растительной пищи, извлекаетъ наибольшее количество питательнаго матеріала изъ соотвѣтственныхъ веществъ. Въ этомъ дѣйствительно не усомнится ни одинъ физіологъ. Но позволительно усомниться, чтобы кто-нибудь пожалѣлъ о томъ, что желудокъ напримѣръ человѣка не приспособленъ къ исключительно животной или растительной пищѣ. Желудокъ жвачныхъ мастеръ своего дѣла, но позволительно сомнѣваться, чтобы какой-нибудь физіологъ позавидовалъ въ этомъ отношеніи коровѣ. Если желудокъ, спеціально приноровленный толькe къ извѣстнаго рода пищѣ, есть въ своемъ родѣ совершенство, то организмъ—обладатель этого желудка—будетъ далекъ отъ совершенства по сравненію съ вселдными; онъ будетъ далеко ниже послѣднихъ, при равенствѣ разумѣется другихъ условій.

Представимъ себѣ для ясности и простоты, что процессъ распаденія вида происходитъ исключительно подъ вліяніемъ измѣненія пищи. Въ данной мѣстности живетъ группа всеядныхъ животныхъ. Подъ вліяніемъ борьбы, полезныхъ приспособленій и подбора, въ этой группѣ начинаютъ образовываться и усиливаться уклоненія въ сторону пищи, сначала по преимуществу, а потомъ и исключительно растительной, въ сторону живой животной, въ сторону падали, въ сторону пищи рыбной и т. д. Въ результатѣ процесса мы получимъ взамѣнъ прежняго неопредѣленнаго, «идеальнаго», «синтетическаго» нѣсколько рѣзко обозначенныхъ «практическихъ» типовъ. Естественное дѣло, что они будутъ стоять ниже своего общаго родича, какъ потому, что однообразіе пищи необходимо вліяетъ принижающимъ образомъ на организмъ, такъ и потому, что практическіе типы постепенно съуживаютъ сферу своей дѣятельности: одни исключительно гоняются за живой добычей и болѣе никакихъ упражненій не имѣютъ, другіе только умѣютъ выискивать падаль и т. д. Но рядомъ съ этимъ пониженіемъ типа въ общемъ, слѣдуетъ отмѣтить болѣе или менѣе сильное развитіе въ извѣстномъ спеціальномъ направленіи. Разновидность, на долю которой выпала жизнь хищниковъ, разовьетъ

въ себѣ громадные клыки, сильныя челюсти и конечности, извѣстныя умственныя качества, хитрость и т. д. Разновидность, избравшая себѣ рыбную пищу, будетъ хорошо плавать, разовьетъ можетъ быть плавательныя перепонки между пальцами и т. п. Разновидность, насѣвшая на растительную пищу, выработаетъ себѣ длинный кишечный каналъ, сложный желудокъ и пр. Понятно, что съ этими, лучше приспособленными къ спеціальнымъ условіямъ практиками послѣднимъ остаткамъ представителей идеальнаго типа въ борьбѣ не совладать, и они погибнутъ весьма быстро. Они, столь богато развитые, по крайней мѣрѣ, im Werden, какъ говорятъ нѣмцы, — падутъ жертвою борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій. Но положимъ, что наступитъ въ нашей мѣстности измѣненіе условій, невыгодное для одной или нѣсколькихъ вѣтвей нашей первоначальной группы. Конечно эти вѣтви, столь хорошо вооруженныя для борьбы съ сородичами при извѣстныхъ условіяхъ, не выдержатъ перемѣны и уступятъ мѣсто другимъ, падутъ въ свою очередь жертвами борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій. Гдѣ же выгоды разнообразія образовъ жизни, привычекъ, пищи и т. д.?

Мы взяли примѣръ совершенно произвольный, но едва-ли уклонились фактически отъ утверждаемаго дарвинистами, хотя навѣрно уклонились отъ нихъ въ объясненіи фактовъ, въ точкѣ зрѣнія на нихъ. Геологическія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что паденіе идеальныхъ типовъ и захватъ ихъ мѣстъ типами практическими составляетъ явленіе нерѣдкое. Да оно такъ и должно быть, ибо, излагая судьбу гипотетической группы всеядныхъ, мы не дѣлали никакой натяжки. Да наконецъ мы имѣемъ приведенное уже выше заявленіе ученаго и умнаго дарвиниста Гэккеля: подборъ вездѣ помогаетъ практическимъ типамъ въ ущербъ идеальнымъ. Эту именно мысль развилъ, въ приложеніи къ человѣчеству, геній Руссо, съ которымъ недавно такъ побѣдоносно сразилась дарвинистка Ройе.

Если читатель вдумается во все вышеизложенное, прогрессъ органической жизни окрасится можетъ быть для него цвѣтомъ.

нѣсколько отличнымъ отъ цвѣта, налагаемаго на явленія жизни дарвинизмомъ. Но при этомъ возникаютъ слѣдующіе вопросы. Если вѣковѣчное неустанное дѣйствіе борьбы, полезныхъ приспособленій и подбора производитъ погибель высшихъ типовъ, распаденіе ихъ на формы низшія въ общемъ, хотя и болѣе развитыя въ частностяхъ, то откуда же взялся напримѣръ типъ позвоночныхъ, явившійся позже другихъ и представляющій нѣчто сравнительно высоко развитое не только въ частностяхъ, а и въ общемъ? Если развитіе жизни на землѣ не шло и не идетъ рѣшительно прогрессивнымъ путемъ, то не представляетъ же оно и рѣшительнаго регресса. Напротивъ прогрессъ очевидно существуетъ. Какъ же согласить это обстоятельство съ вышесказаннымъ? Ламаркъ очень просто вышелъ бы изъ этого затрудненія. Онъ сказалъ бы, что существуетъ законъ, по которому организмы постепенно совершенствуются, все усложняясь. Но законъ этотъ дѣйствуетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ. Онъ сталкивается съ другими законами и въ результатѣ жизнь развивается въ направленіи нѣкоторой равнодѣйствующей, которая сама постоянно извѣняется. Сегодня законъ правильнаго, нормальнаго развитія, законъ совершенствованія обнаруживается во всей силѣ, завтра берутъ перевѣсъ пертурбаціонныя силы и отклоняютъ развитіе въ ту или другую сторону. Борьба за существованіе между недѣлимыми одного и того же вида, естественный подборъ родичей и полезныя приспособленія суть силы пертурбаціонныя, постоянно такъ или иначе, но враждебно, невыгодно отзывающіяся на ходѣ развитія органической жизни. Дѣйствительное усовершенствованіе не порождается, а стѣсняется и извращается элементами, признаваемыми дарвинизмомъ за творческіе. Такъ сказалъ бы Ламаркъ. Такъ или почти такъ сказали бы и Кёлликеръ, Нэгели, Снелль. Послѣдній прибавилъ бы еще слѣдующее. Идеальные типы не всегда затериваются и погибаютъ въ неровной борьбѣ съ практическими. Имъ удается иногда продержаться до такого измѣненія условій жизни, котораго не въ силахъ выдержать ихъ узкіе соперники. И тогда идеальные типы развер-

тываются во всей своей полнотѣ и всесторонности, тѣмъ самымъ отмѣчая рѣшительно прогрессивный шагъ въ исторіи развитія жизни на землѣ. Само собою разумѣется, что сложные законы борьбы и полезныхъ приспособленій, гонящіе жизнь во всевозможныхъ направленіяхъ, могутъ иногда и сами по себѣ способствовать усовершенствованію, т. е. образовать комбинацію, совпадающую съ дѣйствіемъ закона нормальнаго развитія и всесторонняго усложненія. Но это будетъ исключеніе.

Законъ совершенствованія безъ всякаго участія двигателей, обусловливающихъ появленіе полезныхъ приспособленій, а въ силу особыхъ свойствъ организованныхъ тѣлъ, этотъ законъ даетъ удовлетворительное объясненіе еще одному темному предмету. Дарвинъ говоритъ: „Можно было бы спросить, обращаясь къ началу жизни на землѣ, когда всѣ живыя существа, можно полагать, имѣли строеніе очень простое, какимъ образомъ могли возникнуть первыя ступени прогресса или обособленія и спеціализаціи органовъ? Я не могу дать удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ; могу только сказать, что намъ тутъ недостаетъ руководящихъ фактовъ и что, слѣдовательно, всякія гипотезы на этотъ счетъ были бы безполезны“ (l. c., 105). Нэгели справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „Дарвинъ поступаетъ въ этомъ отношеніи не совсѣмъ логично. Онъ принимаетъ извѣстный принципъ и проводитъ его гораздо дальше, чѣмъ позволяютъ руководящіе факты, доходящіе только до образованія породъ, но не до образованія вида, рода, порядка, класса. Почему бы не провести принципа до самаго конца или скорѣе до самаго начала? Руководящіе факты необходимы были только для того, чтобы вывести законъ. Наука не только позволяетъ, но и требуетъ, чтобы мы изслѣдовали, можетъ ли выведенный законъ объяснить всѣ факты“ (l. c. 33). Для самаго Нэгели, какъ мы видѣли, развитіе первыхъ и низшихъ представителей жизни на землѣ объясняется существованіемъ особаго закона, въ силу котораго организованная матерія принимаетъ все болѣе и болѣе сложный характеръ.

Дѣйствительно ли существуетъ такой законъ, — этотъ во-

просъ должны рѣшить натуралисты. Мы можемъ только сожалѣть о томъ, что большинство говорившихъ объ этомъ законѣ вводятъ въ свои разсужденія разные „великіе планы природы“, „стремленія природы“ и т. п. Снелль идетъ къ этомъ отношеніи дальше всѣхъ и едва не приходитъ къ извѣстному положенію Шопенгауера: организація складывается, повинуясь волѣ организма.

Какъ бы то ни было, но въ человѣкѣ отблескъ этого закона существуетъ въ видѣ сознательнаго стремленія къ совершенствованію, къ развитію. И пунктъ столкновенія этого идеальнаго стремленія съ пертурбаціонными силами борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій обращается въ проблемму жизни. Куда идти? Какъ говоритъ Фаустъ:

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von der andern trennen;
Die eine hält, in derber Liebeslust,
Sich an die Welt mit klammernden Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich von Duft
Zu den Gefilden hoher Ahnen..

Старый какъ сама исторія, вопросъ о summum bonum, о счастіи, о благѣ, о задачѣ жизни встаетъ во всей своей неприкосновенности, точно вѣковая работа человѣческой мысли не сдѣлала ровно ничего. Дарвинисты говорятъ, что они нашли рѣшеніе и что рѣшеніе это безапеляціонно, какъ построенное на научныхъ основаніяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ объявляютъ во всеуслышаніе, что надо сжечь все, чему мы поклонялись, и поклониться всему, что мы сжигали. Но, къ сожалѣнію, присматриваясь къ дарвинизму, какъ онъ до сихъ поръ обозначился въ качествѣ нравственно-политической доктрины, мы видимъ на дѣлѣ нѣчто совершенно иное. Мы видимъ, что на дѣлѣ намъ предлагаютъ, напротивъ (въ области нравственно-политической, въ другихъ областяхъ не то) поклоняться еще пуще всему, чему мы и до сихъ поръ поклонялись, и еще пуще сжигать все то, что мы и до сихъ поръ сжигали. Раздѣленіе труда и конкурренція — вотъ нравственно-политическіе столпы дарвинизма, не

имъ выдуманные, не имъ впервые возведенные на степень основъ общественнаго строя, и имъ только по мѣрѣ силъ укрѣпляемые *). Дарвинизмъ только ярче, смѣлѣе и, да позволено мнѣ будетъ такъ выразаться, наглѣе настаиваетъ на послѣдовательномъ проведеніи началъ, уже дѣйствующихъ и господствующихъ въ современномъ обществѣ.

Человѣкъ подчиненъ тѣмъ же законамъ, что и остальная природа. И въ обществѣ человѣческомъ много званныхъ, но мало избранныхъ; и здѣсь избранными сплошь и рядомъ оказываются подслѣповатые и слабокрылые; и здѣсь существуютъ типы идеальные и практическіе въ лицѣ отдѣльныхъ недѣлимыхъ, сословій, народовъ; и здѣсь борьба, подборъ и полезныя приспособленія дѣлаютъ свое роковое дѣло. Но человѣкъ роститъ въ себѣ древо познанія добра и зла не для того только, чтобы созерцать его плоды, а и для того, чтобы вкушать ихъ. Ему нужны правила поведенія. У него есть идеалы, стремленія, желанія, цѣли. Ему нужна санкція ихъ. Въ немъ борятся мысли и чувства, ища отвѣта на категорическій вопросъ: что дѣлать?

Послѣдовательные представители дарвинизма отвѣчаютъ развязно: приспособляйся къ условіямъ окружающей тебя жизни, дави неприспособленныхъ, ибо изъ этого проистечетъ вящшая выгода для общества.

---

*) Къ исторіи принципа раздѣленія труда. Однимъ изъ первыхъ, если не первымъ, обобщилъ этотъ принципъ и вывелъ его изъ спеціально-экономической, технической сферы на степень основанія всего общественнаго строя нѣкій Эйзенгартъ (Eisenhart: Philosophie des Staates oder algemeine Social-theorie. Leipzig, 1843—44). Указавъ на потребность новой, общей соціологіи, Эйзенвардтъ говоритъ, что французы попытались удовлетворить ей системами Сенъ-Симона и Фурье. Но, говоритъ далѣе почтенный нѣмецкій философъ, эти системы крайне легкомысленны и не соотвѣтствуютъ „нашему нѣмецкому разсудку и нашему нѣмецкому глубокомыслію“; поэтому, говоритъ, я намѣренъ создать eine Socialwissenschaft von deutscher Art und Kunst. Главный нервъ этой Wissenschaft, о которой конечно читатель никогда не слыхалъ, безъ малѣйшаго ущерба для себя, есть принципъ раздѣленія труда.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ заключить, что возможенъ совершенно противоположный отвѣтъ: приспособляй къ себѣ условія окружающей тебя жизни, не дави неприспособленныхъ, ибо въ борьбѣ, подборѣ и полезныхъ приспособленіяхъ заключается гибель и твоя, и твоего общества.

Блаженны, говорятъ дарвинисты, блаженны вы, если вы сильны, если вы приспособлены, если вы подобраны, если вы избраны. И законна и правомѣрна ваша гибель, если вы окажетесь лишней спицей въ колесѣ практической колесницы. Проваливайтесь въ пропасть прогресса, поглотившую тысячи подобныхъ вамъ. Не надгробнымъ рыданіемъ проводимъ мы васъ, не вѣчною памятью, а ядовитымъ хохотомъ и кликами торжества. Совершилась, скажемъ, законнаи кара за неприспособленность.

Блаженны вы, могли бы отвѣтить противники, блаженны вы, если вы не промѣняли рубль на ярко вычищенный мѣдный грошъ, если не продали будущаго ради интересовъ минуты и вершка; блаженны вы, даже если поносятъ васъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще.

Дарвинисты обвиняютъ враждебныя имъ теоріи въ сантиментальности, въ ложной чувствительности, въ ненаучности и т. д. Но, вопервыхъ, непосредственная санкція нравственной обязанности всегда и неизбѣжно заключается въ чувствѣ, на которое слѣдовательно фыркать не приходится. При этомъ конечно не можетъ быть совершенно выкинутъ изъ счета чисто умственный элементъ. Но дѣйствительно ли этотъ элементъ находится на сторонѣ дарвинистовъ? Дарвинизмъ представляетъ послѣднее, исправленное и дополненное изданіе утилитаризма, а утилитаризмъ хвастается между прочимъ тѣмъ, что лучше, чѣмъ какая-нибудь другая этическая система, можетъ разобрать запутанные случаи столкновенія обязанностей; что для него это дѣло простого математическаго разсчета. Итакъ попробуемъ приложить къ дарвинизму, и въ особенности къ его этикѣ, мѣрку чисто логическую.

Дарвинисты говорятъ о пользѣ вида. Но что такое польза

вида, если не польза входящихъ въ составъ его недѣлимыхъ? И однако борьба, подборъ и полезныя приспособленія калѣчатъ недѣлимыхъ—въ чемъ, относительно нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, дарвинисты согласны—и истребляютъ ихъ цѣлыми массами, на что дарвинисты указываютъ съ торжествомъ. Въ этомъ постоянномъ истребленіи слабыхъ они видятъ залогъ преуспѣянія. Но, какъ мы видѣли, истребляются вовсе не слабые, а только неприспособленные. Въ каждой частной комбинаціи надлежитъ разсмотрѣть, кто неприспособленные и кто избранные. Иногда неприспособленные могутъ дѣйствительно оказаться слабыми, иногда же, напротивъ, наиболѣе сильными. Но дарвинисты совершенно чужды такого различенія и всѣ, какъ прогрессивные, такъ и регрессивные процессы санкціонируютъ однимъ и тѣмъ же принципомъ пользы. Пока дѣло идетъ о процессахъ природы, эта слѣпота чисто теоретическая. Она безъ сомнѣнія мѣшаетъ правильному объясненію явленій природы, но *съ своей точки зрѣнія* дарвинисты *фактически* все-таки правы: начало пользы въ самомъ грубомъ и низшемъ смыслѣ торжествуетъ въ природѣ. Мы говоримъ, что дарвинисты правы *съ своей точки зрѣнія*, потому что есть, какъ мы видѣли, люди, принимающіе, помимо указаннаго Дарвиномъ, другой путь развитія органическихъ формъ. Мы говоримъ, что дарвинисты правы *фактически*, потому что принципіально они вовсе не правы: одно дѣло указывать фактъ и объяснять его, и другое дѣло—восхищаться имъ. Но когда упомянутая слѣпота распространяется на область практическую, она получаетъ иное значеніе. Дарвинисты рекомендуютъ намъ отмѣну такихъ-то и такихъ-то учрежденій, введеніе такихъ-то и такихъ-то правилъ и мѣръ и т. д. Какъ бы ни смотрѣли на явленія природы и общественной жизни, но старикъ Вико во всякомъ случаѣ правъ: исторія природы отличается отъ исторіи человѣчества тѣмъ, что первое мы не дѣлали, а вторую дѣлали и дѣлаемъ. Поэтому, еслибы законъ постояннаго усовершенствованія, признаваемый Ламаркомъ, Кёлликеромъ, Нэгели, Снеллемъ, въ дѣйствительности и не имѣлъ мѣста, мы все-таки не можемъ безропотно

отдаться на волю благодѣяній борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій.

Мы видѣли, что, трактуя о расхожденіи признаковъ, дарвинисты смѣшиваютъ двѣ совершенно различныя вещи: пріобрѣтеніе новыхъ средствъ жизни и собственно расхожденіе признаковъ. Первое несомнѣнно полезно, выгоды же втораго по малой мѣрѣ сомнительны, во всякомъ случаѣ это двѣ совершенно различныя степени пользы. Невольно представляется вопросъ: не выгоднѣе ли было бы, еслибы данная группа животныхъ цѣликомъ, во всемъ своемъ составѣ, воспользовалась однимъ и тѣмъ же пріобрѣтеніемъ новыхъ средствъ жизни; если бы напримѣръ въ придачу къ прежнимъ средствамъ всѣ члены группы научились бы ловить рыбу и лазать на деревья. Какъ бы однако такой порядокъ вещей ни былъ выгоденъ, ничего подобнаго у низшихъ животныхъ быть не можетъ. Здѣсь ходъ развитія управляется подборомъ выгодныхъ индивидуальныхъ уклоненій, передаваемыхъ только наслѣдственно, а не педагогически. Но человѣкъ и нѣкоторыя другія животныя давно уже имѣютъ въ своемъ распоряженіи орудіе, способное парализировать невыгоды индивидуальной измѣнчивости, сохраняя ея выгоды. Орудіе это—кооперація. Этотъ великій фактъ, имѣющій столь первенствующее значеніе въ жизни человѣка, совершенно игнорируется дарвинистами. Правда, они говорятъ и много, слишкомъ много говорятъ объ обществѣ, но если вы вглядитесь въ суть ихъ требованій и положеній, то увидите, что въ концѣ-концовъ они рекомендуютъ устроиться такъ, какъ будто бы никакая кооперація не существуетъ. Они предлагаютъ намъ учиться у безсознательныхъ дѣятелей природы, предаться на волю стихійныхъ силъ. Но при этомъ уже отмѣченная нами двусмысленность понятія пользы очевидно должна выступить съ особенною рѣзкостью. Полезныя приспособленія полезны даже въ томъ случаѣ, если они завѣдомо вредны—вотъ странный результатъ, къ которому приходитъ дарвинизмъ, какъ нравственно-политическая доктрина, еще яснѣе, чѣмъ въ качествѣ доктрины біологической. Дарвинизмъ, гораздо лучше во-

оруженный, чѣмъ утилитаризмъ Бэнтама и даже Стюарта Милля, тѣмъ не менѣе не вычистилъ тусклаго пятна, лежащаго на всѣхъ до сихъ поръ выставленныхъ утилитарныхъ теоріяхъ. Онъ не нашелъ формулы, въ которой польза личности и польза общества сочетались бы въ одно цѣлое и были бы связаны не бѣлыми нитками, а нѣкоторымъ внутреннимъ единствомъ. Мало того, такъ-какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ отвлеченными положеніями, а и съ конкретными фактами, то и упомянутое тусклое пятно еще рѣзче бьетъ по глазамъ. На это, впрочемъ, есть и другія причины, заключающіяся именно въ игнорированіи дарвинистами великаго факта кооперації. Обращаясь въ нравственно-политическую доктрину, дарвинизмъ только подставляетъ вмѣсто слова „видъ“ слово „общество“, вмѣсто «расхожденія признаковъ»—«раздѣленіе труда», вмѣсто „борьбы за существованіе“—„конкуренцію“, отчего суть дѣла разумѣется ни на волосъ не измѣняется. И въ результатѣ мы получаемъ пропорцію: каждая корова относится къ своему виду, какъ каждый французъ относится къ Франціи или англичанинъ къ Англіи. И еще намъ подвернулась подъ руку корова—животное стадное, а мы могли бы смѣло взять паука, ящерицу и т. п. При такихъ условіяхъ не трудно примириться, какъ это съ неподражаемою наивностью дѣлаетъ самъ Дарвинъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, съ полезностью запиранія преступниковъ, погибели въ дракахъ буйныхъ людей, ранней смерти людей развратныхъ и т. п. Однако въ томъ строѣ общества, гдѣ господствуютъ перекрещенныя стихійныя силы подбора, борьбы, расхожденія признаковъ, полезныхъ приспособленій—въ этомъ строѣ гибнутъ не одни буйные, не одни развратные, не одни преступники. Этихъ людей гибнетъ сравнительно ничтожное количество и, разъ они съумѣютъ овладѣть извѣстными полезными приспособленіями, они застрахованы, они на волѣ, они не лишены возможности передавать свои особенности по наслѣдству. Но за то навѣрное гибнутъ типы идеальные, эти неприспособленные теоретики, совмѣщающіе въ себѣ всѣ силы, разметанныя процессомъ расхожденія признаковъ по

всѣмъ закоулкамъ общества. Они гибнутъ, либо втягиваясь въ водоворотъ полезныхъ приспособленій, либо прямо выжимаются изъ строя жизни во всей своей идеальной чистотѣ.

У древнихъ былъ странный обычай. Среди роскошнаго пира, на которомъ вкусъ услаждался утонченными кушаньями, слухъ — пѣніемъ и музыкой, зрѣніе — прекрасными танцовщицами, среди этого пира вдругъ подавался скелетъ... Это должно было напоминать гостямъ тщету всего земнаго. Русская жизнь! Пересчитай своихъ выбывшихъ изъ строя неприспособленныхъ и можетъ быть теперь, въ пору вящшихъ полезныхъ приспособленій, это воспоминаніе съиграетъ для тебя роль скелета на пирѣ...

Мы впадаемъ, однако, въ сантиментальность, а хотѣли имѣть дѣло съ „холоднымъ разсудкомъ“...

Дарвинисты должны радоваться выбыванію изъ строя неприспособленныхъ, идеальныхъ типовъ. Но не забудемъ, что существуютъ же въ исторіи самыхъ темныхъ угловъ человѣчества lucidae intervalae, когда жизнь даетъ вздохнуть и идеальнымъ типамъ. Въ такія свѣтлыя минуты куда дѣваться типамъ практическимъ, приспособленнымъ, подслѣповатымъ, слабокрылымъ? Въ общественной жизни бываютъ такія рѣзкія и крутыя перемѣны, что приспособиться къ новымъ условіямъ тѣмъ, которые уже окончательно приспособились къ прежнимъ, нѣтъ никакой возможности. Имъ остается только погибнуть, замереть, уступить мѣсто новымъ избраннымъ. Такимъ образомъ мы все-таки стоимъ на распутьи двухъ дорогъ: пойдешь направо, будешь избранъ сегодня и погибнешь завтра; пойдешь налѣво—рискуешь погибнуть сегодня и восторжествовать завтра. Дарвинизмъ толкаетъ направо, но не видно, почему бы не идти налѣво. А между тѣмъ у дарвинистовъ есть подъ руками критерій, можетъ быть и не выходящій изъ предѣловъ утилитарнаго принципа, но во всякомъ случаѣ настолько ясный, что всегда можетъ освѣтить путь и остановить блужданія. Критерій этотъ есть все та же спеціализація органовъ и отправленій. Но дарвинисты, берущіе его очень часто прямо въ руки, немедленно же

пропускаютъ сквозь пальцы, отождествляя его съ спеціализаціей соціальныхъ отправленій. Мы слишкомъ часто и много говорили объ этомъ предметѣ, чтобы не имѣть права сослаться на свои прежніе выводы, какъ на нѣчто доказанное. А мы пришли, между прочимъ, путемъ не одной сантиментальности, а и строгаго анализа фактовъ, къ такому заключенію: «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ». Съ этой точки зрѣнія—а мы считаемъ ее неопровержимою и поставляемъ себѣ въ особенную заслугу разъясненіе антагонизма между раздѣленіемъ труда физіологическимъ и экономическимъ—борьба за существованіе между недѣлимыми одного и того же вида и расхожденіе признаковъ суть элементы регресса. Внѣ приведенной формулы нѣтъ примиренія между интересами личности и общества и вѣковой тяжбѣ между ними нѣтъ конца.

Къ той же формулѣ можно подойти и съ такой стороны, которой мы до сихъ поръ еще не касались. Мы говоримъ о законахъ размноженія.

Подтверждая законы Мальтуса въ теоретическомъ ихъ видѣ, дарвинизмъ рѣшительно отрицаетъ субъективную часть мальтузіанства въ одномъ очень важномъ отношеніи. Правда, нѣкоторые дарвинисты рекомендуютъ даже не «нравственное», а прямо принудительное обузданіе половой дѣятельности больныхъ и слабыхъ. Но большинство смотритъ на дѣло иначе. Мальтусъ совѣтовалъ рожать какъ можно меньше дѣтей, ибо число приборовъ на жизненномъ пиру строго разсчитано и лишнимъ нѣтъ мѣста. Съ точки зрѣнія дарвинизма напротивъ, чѣмъ видъ многочисленнѣе, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ начала борьбы и подбора, тѣмъ большій выборъ предоставляется смерти и тѣмъ, такъ сказать, избран-

пѣе избранные. Въ усиленномъ размноженіи дарвинизмъ естественно долженъ видѣть залогъ силы и дальнѣйшаго преуспѣянія. И если мальтузіанцы сожалѣли о слишкомъ быстромъ размноженіи человѣка, то дарвинисты напротивъ должны жалѣть о сравнительно слабой плодовитости его. Есть однако надежда, что плодовитость эта современемъ еще уменьшится, вмѣстѣ съ чѣмъ неминуемо должна ослабнуть напряженность борьбы и подбора. Соціалисты давно уже представляли различныя соображенія, въ силу которыхъ энергія размноженія должна постепенно ослабляться. Въ общемъ эти соображенія оказываются нынѣ вѣрными. Но невысокій уровень біологическихъ знаній мѣшалъ привести дѣло окончательно въ ясность и подтвердить положеніе безспорными научными данными. Нынѣ это сдѣлано въ „Теоріи народонаселенія“ Спенсера, вошедшей въ составъ „Основаній біологіи“ (стр. 303—394), съ такимъ запасомъ знаній и съ такою ясностью мысли, что невольно удивляешься, какъ могъ столь замѣчательный ученый и мыслитель увлечься несчастною идеей соціальнаго организма.

Вотъ какъ разсуждаетъ Спенсеръ.

Если какая-нибудь раса продолжаетъ существовать среди той враждебной обстановки, какая вообще окружаетъ всякій видъ, то въ ней самой должны заключаться нѣкоторыя охранительныя силы, достаточно сильныя для уравновѣшенія внѣшнихъ разрушительныхъ вліяній. Силы эти суть двоякаго рода. Вопервыхъ, каждая особь можетъ обладать большею или меньшею способностью приспособленія къ *измѣненіямъ* окружающихъ дѣятелей, и притомъ къ большему или меньшему количеству такихъ измѣняющихъ дѣятелей. Это начало сводится слѣдовательно, говоря языкомъ Снелля, къ степени „идеальности“ и „практичности“ расы. Типъ практическій заключаетъ въ себѣ менѣе охранительной силы, типъ идеальный—болѣе. Вовторыхъ, можетъ имѣться болѣе или менѣе значительно развитая способность производить новыя особи, взамѣнъ истребляемыхъ разрушительными вліяніями. Эти двѣ силы должны измѣняться въ обратномъ отношеніи. Когда, вслѣдствіе низкой развитости,

способность бороться съ внѣшними опасностями будетъ ничтожна, то должна имѣться большая плодовитость, вознаграждающая вытекающую изъ неразвитости значительную смертность; иначе раса должна вымереть. Когда же наоборотъ, вслѣдствіе болѣе высокой одаренности, способность къ самосохраненію бываетъ значительнѣе, то необходимо, чтобы сообтвѣтственно ей плодовитость была менѣе значительна. Положимъ, что опасности, съ которыми приходится бороться, составляютъ постоянную величину, и тогда, вслѣдствіе того, что способность вида къ борьбѣ съ ними также должна быть постоянной величиной, и вслѣдствіе того, что эта способность есть произведеніе двухъ факторовъ—способности сохраненія индивидуальной жизни и способности размноженія—ясно, что онѣ не могутъ измѣняться иначе какъ въ обратномъ отношеніи: при возрастаніи одной изъ нихъ, другая должна ослабѣвать. Стоитъ только представить себѣ послѣдствія несоотвѣтствія этому закону, чтобы увидѣть, что каждый видъ долженъ либо сообразоваться съ нимъ, либо перестать существовать. Тѣмъ или другимъ путемъ должно установиться обратное отношеніе между способностью къ самосохраненію и способностью произведенія новыхъ особей. Каждая новая особь отнимаетъ нѣчто у организма-производителя, каждая пристройка въ организмѣ-производителѣ отнимаетъ нѣчто у его плодовитости. Чѣмъ сильнѣе издержки на особь, тѣмъ меньше остается на расу, и обратно.

Таковы апріорическіе выводы Спенсера, вполнѣ подтверждаемые индуктивною провѣркой, трудностей которой,—вслѣдствіе сложности и запутанности явленій,—Спенсеръ отъ себя не скрываетъ. Мы не будемъ приводить того множества часто весьма сложныхъ фактовъ, которыми Спенсеръ подтверждаетъ свое положеніе, и отмѣтимъ только тѣ рубрики, подъ которыя онъ подводитъ антагонизмъ между издержками на особь и издержками на расу. 1) Антагонизмъ между плодовитостью и ростомъ: чѣмъ больше тратится на массу особи, тѣмъ меньше остается на потомство. И дѣйствительно, организмы мелкіе, вообще говоря, плодовитѣе крупныхъ. 2) Антагонизмъ между плодовитостью и

развитіемъ: чѣмъ больше тратится на строеніе особи, тѣмъ меньше остается на потомство. Это антагонизмъ самый важный вообще, важный и для насъ, такъ-какъ степень развитія особи измѣряется степенью физіологическаго раздѣленія труда. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія слѣдующее соображеніе Спенсера: чѣмъ болѣе и полнѣе дифференцируется органическая масса, тѣмъ меньшая доля ея остается въ томъ сравнительно недифференцированномъ состояніи, при которомъ возможно преобразованіе вещества въ новыя особи или въ зародыши особей. Протоплазма, однажды обратившись въ спеціализированную ткань, не можетъ снова обобщиться и потомъ преобразоваться во что-нибудь иное; а потому прогрессъ строенія въ организмѣ, уменьшая количество вещества, не обладающаго строеніемъ, этимъ самымъ уменьшаетъ запасъ вещества, пригоднаго для выработки потомства. 3) Антагонизмъ между плодовитостью и тратою: чѣмъ дѣятельнѣе организмъ, чѣмъ быстрѣе происходитъ въ немъ обновленіе матеріи и чѣмъ, слѣдовательно, болѣе требуетъ онъ питательнаго матеріала на себя, тѣмъ менѣе онъ плодовитъ. Рядомъ съ этимъ надо поставить еще одно начало: 4) совпаденіе плодовитости съ обильнымъ питаніемъ. Здѣсь Спенсеръ совершенно опровергаетъ извѣстное мнѣніе Дубльдэ, что избытокъ питанія мѣшаетъ размноженію, между тѣмъ какъ ограниченное или недостаточное питаніе вызываетъ его и способствуетъ ему.

Понятно, что изо всѣхъ этихъ элементовъ составляется чрезвычайно сложная сѣть, въ которой беретъ перевѣсъ то одно начало, то другое, то третье. Однако въ концѣ-концовъ, присматриваясь къ явленіямъ съ должнымъ вниманіемъ, мы все-таки можемъ вездѣ прослѣдить одинъ и тотъ же верховный законъ: чѣмъ разностороннѣе организмъ, чѣмъ онъ идеальнѣе, чѣмъ рѣзче въ немъ обозначилось физіологическое раздѣленіе труда, тѣмъ менѣе онъ плодовитъ.

Къ такому результату естественно приходили всѣ, размышлявшіе объ этомъ предметѣ по поводу теоріи Мальтуса. Фурье видѣлъ задержку размноженію между прочимъ въ гармониче-

скомъ развитіи силъ и способностей. Прудонъ прямо почти уловилъ законъ, устанавливаемый Спенсеромъ. Прудонъ говорилъ: „Человѣкъ, расходующій значительную часть силы, мускульной ли или умственной, не можетъ предаваться въ той же степени любовнымъ удовольствіямъ: въ противномъ случаѣ онъ быстро истощилъ бы себя. Между обѣими силами существуетъ стало быть противодѣйствіе; слѣдовательно въ хорошо устроенномъ обществѣ, основанномъ на справедливости, на равенствѣ состояній, на одинаковомъ образованіи, въ обществѣ, въ которомъ чистота нравовъ все увеличивается, по мѣрѣ возрастанія труда для всѣхъ и для каждаго въ частности, естественно предположить, что равновѣсіе народонаселенія установится само собою“ (см. приложенія къ русскому переводу Мальтуса).

Итакъ, если гипотетическій законъ Ламарка, Кёлликера, Нэгели, Снелля, или по крайней мѣрѣ нисколько не гипотетическое сознательное стремленіе человѣка къ совершенству, его идеализмъ, возьметъ верхъ надъ разрушительными силами борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій,—намъ нечего бояться за будущее. И принимая отъ дарвинизма законъ борьбы какъ фактъ, мы должны наложить на себя нравственный законъ борьбы съ борьбою, съ подборомъ, съ полезными приспособленіями, съ расхожденіемъ признаковъ.

БОРЬБА ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.

(Соціологическіе очерки.)

I

ВВЕДЕНІЕ *).

Когда какая нибудь крѣпость, занятая карлистскимъ отрядомъ, осаждается войсками признаннаго испанскаго правительства и затѣмъ, послѣ долгихъ переговоровъ, вылазокъ и стычекъ, благополучно увеличиваетъ собою владѣнія короля Альфонса то, несмотря на все ничтожество этого ряда событій даже для самой Испаніи, русскія газеты слѣдятъ за нимъ изо дня въ день. Такое участіе къ судьбамъ испанской крѣпости, оспариваемой Альфонсомъ у Карлоса или обратно, объясняется какъ собственными вкусами русскихъ газетъ, такъ и спросомъ со стороны читающей публики. Тѣмъ или другимъ способомъ общество, если бы пожелало, могло бы произвести извѣстное давленіе на періодическую печать и вытребовать у нея болѣе или менѣе аккуратное сообщеніе свѣдѣній болѣе важныхъ, хотя бы для этого пришлось отодвинуть на задній планъ распрю короля Альфонса съ домомъ-Карлосомъ. Трудно конечно допустить, чтобы русское общество принимало такъ ужь близко къ сердцу судьбу разныхъ испанскихъ крѣпостей. Надо думать, что газеты въ этомъ случаѣ нѣсколько пересаливаютъ. Но, вообще говоря, наша читающая публика, какъ впрочемъ и многія другія чи-

*) 1875, октябрь.

тающія публики, очень любознательна насчетъ внѣшнихъ политическихъ событій, въ родѣ перемѣны династій, взятія крѣпостей, многознаменательныхъ словъ, сказанныхъ Мак-Магономъ на смотру, и т. п. Да не подумаетъ читатель, чтобы я хотѣлъ угостить его лекціей на ту тэму, что въ исторіи человѣчества внѣшнія политическія событія составляютъ только ничтожную, хотя и бросающуюся въ глаза верхнюю пленку, подъ которой, въ измѣненіяхъ нравовъ, въ приращеній знаній, въ развитіи экономическихъ отношеній, кипитъ настоящая, хоть и невидная исторія. Лекція эта читается. начиная съ прошлаго столѣтія, такимъ количествомъ людей и нерѣдко людьми такихъ высокихъ умственныхъ качествъ, что, если читатель все-таки устремляетъ свою любознательность на вопросъ о командованіи карлистскими войсками Доррегараемъ, такъ значитъ есть тому причины, съ которыми лекціей о сути исторіи ничего не подѣлаешь. Быть можетъ всѣ читавшіе и читающіе подобныя лекціи поступали бы цѣлесообразнѣе, еслибы постарались самымъ изложеніемъ сути исторіи заинтересовать свою аудиторію и сосредоточить ея любознательность на томъ, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Разумѣется я и такой претензіи не имѣю и весь этотъ разговоръ завелъ только потому, что въ русскія газеты недавно случайно проскользнуло извѣстіе, имѣющее несомнѣнную связь съ сутью исторіи. Не ручаемся однако, чтобы читатель съ разу призналъ его таковымъ.

Дѣло въ томъ, что недавно въ Реймсѣ происходилъ конгресъ католическихъ рабочихъ ассоціацій, на который прибыли делегаціи изъ Англіи, Швейцаріи, Бельгіи и Италіи. Цѣль этого конгреса состоитъ въ учрежденіи клубовъ для солдатъ и рабочихъ и проч., а также въ учрежденіи мастерскихъ для обученія ремесламъ сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей. Одинъ изъ ораторовъ, іезуитскій патеръ Маркиньи, произнесъ длинную рѣчь въ пользу возстановленія торговыхъ гильдій въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали при Людовикѣ Святомъ. Слушатели съ жаромъ рукоплескали этой рѣчи, „исполненной состраданія, по выраженію одной ультрамонтанской газеты, къ судьбѣ злополуч-

ныхъ ремесленниковъ, у которыхъ революція отняла всѣ ихъ гарантіи". Конгресъ принялъ резолюцію объ организаціи католическихъ обществъ, въ которыя входили бы всѣ классы рабочихъ и которыя управлялись бы подобно ремесленнымъ цехамъ, и о приглашеніи всѣхъ христіанскихъ нанимателей къ составленію изъ себя обществъ для поощренія рабочихъ своею моральною поддержкой. Рабочія же общества должны находиться подъ покровительствомъ дамъ. Словомъ, предполагается возстановленіе старинныхъ цеховъ и возрожденіе христіанской семьи среди рабочихъ классовъ. Графъ де-ла-Туръ-дю-Пэнъ прочелъ отчетъ о развитіи католическихъ рабочихъ клубовъ. При окончаніи франко-германской войны, во Франціи существовалъ всего одинъ такой клубъ—въ Парижѣ, между тѣмъ какъ въ настоящее время они заведены уже во многихъ городахъ и селеніяхъ. Католики надѣются, что это движеніе будетъ способствовать примиренію капитала съ трудомъ. Само собою разумѣется, что члены этого съѣзда выразили письменно свое согласіе съ силлабусомъ.

На нашъ взглядъ это извѣстіе заслуживаетъ несравненно бо́льшаго вниманія, чѣмъ судьбы альфонсистской или карлистской Испаніи, хотя на реймскомъ конгресѣ никто не размахивалъ шпагой, никто не осаждалъ крѣпостей и не сдавался на капитуляцію. Тотъ или другой Карлосъ уже много разъ оспаривалъ испанскій тронъ у того или другого Альфонса и будетъ можетъ быть еще много разъ оспаривать, вслѣдствіе чего будетъ повторяться и тотъ звонъ оружія, и та пушечная пальба, которыми нынѣ полна Испанія. Нельзя того же сказать о вздохахъ по средневѣковымъ цехамъ, раздававшихся на реймсскомъ конгресѣ. Во всякомъ случаѣ, если только читатель остановитъ свое вниманіе на приведенномъ фактѣ, онъ найдетъ въ немъ много поучительнаго и даже поразительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не связались въ вашемъ умѣ неразрывными узами понятія о европейскомъ рабочемъ и о революціи?—а вотъ на конгресѣ рабочихъ ассоціацій говорится, что революція отняла у рабочихъ всѣ ихъ гарантіи. Развѣ не представляется вамъ рабочее движеніе чѣмъ-то враждебнымъ религіи и церкви?—а вотъ на

конгресѣ представители католической церкви принимаютъ движеніе подъ свое покровительство. Скажутъ можетъ быть, что реймсскій конгресъ есть явленіе исключительное. Другіе скажутъ, что онъ есть результатъ происковъ католической партіи, ищущей себѣ въ рабочихъ массахъ опоры для борьбы съ государственною, свѣтскою властью. И тѣ, и другіе будутъ отчасти справедливы, но только отчасти. Что клерикалы ищутъ себѣ опоры въ рабочихъ—это вѣрно. Но—это явленіе уже само по себѣ глубоко знаменательное. Среди многочисленныхъ экономическихъ партій, существующихъ нынѣ въ Германіи, очень любопытна хорошо организованная группа, считающая въ числѣ своихъ членовъ многихъ высокопоставленныхъ католическихъ духовныхъ лицъ и открыто называющаяся christlich-sociale Partei. Какъ бы ни было близко происхожденіе и развитіе этой партіи къ „культуръ-кампфу“, возгорѣвшемуся въ Германіи недавно, слѣдуетъ однако замѣтить, что напримѣръ епископъ фонъ-Кеттелеръ выражалъ свои мнѣнія еще во времена агитаціи Лассаля, когда герой «культурной борьбы», Бисмаркъ, и не помышлялъ объ этой борьбѣ. Что касается реймсскаго конгреса, то мы сами готовы признать его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ явленіемъ исключительнымъ. Но онъ все-таки есть одно изъ знаменій времени и получаетъ немаловажное значеніе въ ряду другихъ фактовъ. Возьмите напримѣръ этотъ вздохъ по гильдіямъ временъ Людовика Святого. Положимъ, что онъ вырвался изъ груди іезуита, но вѣдь словамъ іезуита аплодировали депутаты рабочихъ ассоціацій. И на лицо есть факты почище аплодисментовъ. Кто читалъ книгу Торнтона «Трудъ» и хоть напримѣръ первый томъ исторіи первой революціи Луи Блана, тотъ должно было поразить многостороннее сходство англійскихъ рабочихъ союзовъ съ средневѣковыми цехами и корпораціями, разумѣется—минусъ католическіе орнаменты, объ которыхъ собственно и вздыхаютъ люди въ родѣ іезуита Маркиньи.

Вотъ нѣкоторые изъ фактовъ, разсказываемыхъ Торнтономъ. Нѣкоторые союзы дѣлятъ окружающую ихъ страну на округа и не дозволяютъ употреблять произведенія подвѣдомственныхъ имъ

отраслей промышленности иначе, какъ въ томъ округѣ, въ которомъ они выработаны. Въ большей части Ланкашира кирпичники и каменьщики находятся въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ, и вслѣдствіе этого въ извѣстныхъ, произвольно намѣченныхъ границахъ, можетъ употребляться только кирпичъ мѣстнаго производства. Напримѣръ ни одинъ кирпичъ, сдѣланный болѣе, чѣмъ въ четырехъ миляхъ отъ Манчестера, не можетъ проникнуть въ городъ. Каждый возъ кирпича, при въѣздѣ въ Манчестеръ, осматривается особыми агентами союза каменьщиковъ, и, если они найдутъ, что кирпичъ изъ «запрещенной» мѣстности, весь союзъ тотчасъ же отказывается отъ работы. Границей манчестерскаго союза каменьщиковъ признается каналъ, протекающій въ четырехъ миляхъ отъ Манчестера и въ двухъ отъ Аштона. Какое бы изобиліе кирпича ни было на аштонскомъ берегу канала, оно ничѣмъ не отзовется на Манчестерѣ. Эта чисто средневѣковая система внутреннихъ заставъ, запрещеній, монополій и непроходимыхъ пропастей между различными мѣстностями и различными отраслями производства достигаетъ иногда въ практикѣ рабочихъ союзовъ крайнихъ предѣловъ смѣшного. Напримѣръ въ Болтанѣ нѣсколько каменьщиковъ, проходя мимо конторы Дэя и слыша тамъ стукъ каменной работы, вошли и увидѣли, что плотникъ вбивалъ въ стѣну балки, а такъ какъ оставленныя для нихъ въ стѣнѣ отверстія оказались слишкомъ малы, то ему пришлось нѣсколько увеличить ихъ. Каменьщики тотчасъ донесли объ этомъ союзу, и тотъ оштрафовалъ Дэя на 2 ф. ст. за то, что онъ дозволилъ плотнику произвести каменную работу. Въ Аштонѣ Джоржъ Кольбекъ послалъ столяра и каменьщика передѣлать въ домѣ дверь и передвинуть ее на аршинъ въ сторону. Каменьщикъ уже почти кончилъ свою работу, когда замѣтилъ, что столяръ, чтобы не сидѣть сложа руки, сталъ помогать ему, т. е. выбивать кирпичи на томъ мѣстѣ, гдѣ надо было устроить дверь. Каменьщикъ тотчасъ же бросилъ работу и ушелъ, а союзъ каменьщиковъ оштрафовалъ Кольбека на 2 ф. ст. За что? спрашивалъ онъ. «За то, отвѣчалъ союзъ, что вы нарушили правило, позволивъ

плотнику выламывать кирпичи, это—дѣло каменьщиковъ, и потому, если вы не заплатите штрафа, то всѣ каменныя работы у васъ прекратятся». Въ другомъ мѣстѣ подрядчикъ былъ оштрафованъ на 5 ф. ст. за то, что онъ, прождавъ своихъ каменьщиковъ пять дней, поручилъ наконецъ печникамъ расширить окно на нѣсколько вершковъ. Конторщикъ одного подрядчика въ Блакпулѣ замѣтилъ однажды, измѣряя какую-то работу, что на его мѣркѣ стерлись подраздѣленія, знаки футовъ и дюймовъ. Онъ взялъ краску и возобновилъ знаки. Въ тотъ же день его хозяинъ получилъ отъ союза маляровъ письмо, въ которомъ его очень учтиво просили запретить конторщику исполнять малярную работу, такъ какъ онъ не маляръ.

Не напоминаетъ ли все это тѣ далекія и, казалось, совсѣмъ стертыя революціей времена, когда букинисты и книгопродавцы вели постоянные споры изъ-за того, что такое старая и что такое новая книга, когда подобнымъ же образомъ портные и продавцы стараго платья препирались три вѣка сряду? Еслибы мы имѣли въ виду параллель между рабочими союзами (распространяющимися нынѣ и въ Германіи) и средневѣковыми цехами, мы могли бы указать и многія другія поразительно сходныя черты этихъ двухъ явленій. Но настроеніе рабочихъ массъ въ Европѣ, какъ ни соблазнительна эта тэма, не входитъ въ программу предлагаемой статьи. Настроеніе это отнюдь не исчерпывается обычаями англійскихъ Trades-unions. Мы указываемъ мимоходомъ на эту сторону дѣла только потому, что указаніе это нужно въ виду нашей спеціальной цѣли.

Нѣчто соотвѣтствующее рѣчамъ и резолюціямъ реймскаго конгреса и практикѣ англійскихъ рабочихъ союзовъ имѣетъ мѣсто и въ наукѣ.

Показавъ, какъ самый ростъ капитала вызываетъ относительный избытокъ рабочаго населенія, Марксъ замѣчаетъ: «Таковъ законъ народонаселенія, свойственный капиталистическому способу производства; каждому особенному, исторически опредѣленному способу производства соотвѣтствуетъ особенный, исторически опредѣленный законъ народонаселенія. Абстрактные законы

размноженія существуютъ только для растеній и животныхъ» (Das Kapital, 1867, 617). Конечно, это недовѣріе къ существованію общихъ и абстрактныхъ соціологическихъ законовъ (въ основаніи своемъ вполнѣ соотвѣтствующее философско-историческому міровоззрѣнію Маркса) можетъ показаться нѣсколько преувеличеннымъ. Но во всякомъ случаѣ приведенныя слова заключаютъ въ себѣ весьма важное указаніе. Соціологи вообще, экономисты въ особенности склонны къ расширенію значенія тѣхъ общественныхъ формъ, среди которыхъ имъ приходится жить, учиться и учить. Вращаясь въ извѣстной, исторически опредѣленной формѣ общественныхъ отношеній, люди, занимающіеся изученіемъ общественныхъ вопросовъ, слишкомъ часто поднимаютъ выводы изъ своихъ, болѣе или менѣе узкихъ наблюденій на степень непреложныхъ общихъ законовъ. А затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря удачной систематизаціи и другимъ условіямъ, логическимъ и политическимъ, эти выводы съ навѣшаннымъ на нихъ ярлыкомъ непреложности расходятся по бѣлу свѣту и принимаются съ распростертыми объятіями даже тамъ, гдѣ они вовсе не имѣютъ подъ собой исторической почвы. Таковы напримѣръ нѣкоторыя идеи римскаго права, таковы экономическіе законы, установленные англійской школой, покорившіе себѣ, конечно временно, чуть не весь цивилизованный міръ. Оставляя въ сторонѣ практическія слѣдствія такого ненормальнаго порядка вещей, не трудно видѣть, какъ вредно долженъ онъ отзываться даже на интересахъ чистой науки. Ни абстрактная, ни конкретная соціологія очевидно не могутъ быть построены удовлетворительно, если кругъ наблюденій соціолога ограничивается конституціонной монархіей, фабрикой, денежнымъ и торговымъ рынкомъ, да акціонернымъ обществомъ. А эти формы кооперації (слово это мы разумѣемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ) до послѣдняго времени почти исключительно поглощали вниманіе изслѣдователей. Относительно всѣхъ другихъ формъ общественныхъ отношеній какъ бы существовало безмолвное соглашеніе, что онѣ не только неудовлетворительны или отсталы, но даже не заслуживаютъ вниманія. Ихъ третиро-

вали свысока, рѣдко даже удостоивая презрительнаго замѣчанія, что ничего не можетъ быть путнаго изъ Виѳлеема. Это было совершенно понятно и извинительно въ медовые мѣсяцы вѣка просвѣщенія и принциповъ 89 года. Тогда люди были полны такой цѣльной вѣры, что ключъ къ замку человѣческаго счастія найденъ, что всѣ ихъ увлеченія должны быть имъ прощены, какъ простились грѣхи Магдалины. Но съ тѣхъ поръ утекло много воды. Англія, вдохновлявшая вѣкъ просвѣщенія своей конституціонной системой и промышленнымъ строемъ, утратила свое обаяніе. Она оказалась страной противорѣчій, въ которой чего хочешь, того и просишь, и которая, именно въ силу этого, никого вполнѣ удовлетворить не можетъ. Мало того. Подъ перомъ нѣкоторыхъ, часто блестящихъ талантовъ Англія обратилась какъ бы въ илота, котораго исторія, въ поученіе другимъ пародамъ, до пьяна напоила дурными соками цивилизаціи. Знаменитые принципы 89 года, независимо отъ присущихъ имъ самимъ недостатковъ, распространясь географически, вмѣстѣ съ тѣмъ разжижались. Съ грѣхомъ пополамъ амальгамировали они попадавшіеся имъ на пути распространенія весьма разнохарактерные элементы. И этой-то странной амальгамѣ, лишенной всякой цѣльности и невозбуждавшей ничьего искренняго энтузіазма, который многое искупаетъ, суждено было сосредоточить на себѣ вниманіе людей, изучающихъ явленія общественной жизни. Были у этой амальгамы апологеты, которые безспорно выяснили многое въ современной жизни, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ безсмысленнымъ образомъ топтали всякій научный интересъ и къ отжившимъ, и къ отживающимъ, и къ вновь нарождающимся формамъ кооперації, ко всему, что утратило или еще не получило права гражданства въ странной амальгамѣ. Едва-ли не больше всѣхъ старались и ужь конечно больше всѣхъ успѣли въ этомъ направленіи экономисты. Политическая экономія построена на томъ предположеніи, что абсолютный, единственный двигатель человѣка есть стремленіе къ наживѣ, къ богатству, стремленіе взять съ своего сосѣда какъ можно больше и дать ему въ

обмѣнъ какъ можно меньше. Адамъ Смитъ очень хорошо понималъ односторонность своего экономическаго ученія и потому поставилъ рядомъ съ нимъ «Теорію нравственныхъ чувствъ», гдѣ человѣкъ оказывается дѣйствующимъ столь же исключительно подъ вліяніемъ „симпатіи“. Смитъ нигдѣ не говоритъ, какъ вяжутся между собою эти его двѣ противоположныя доктрины, но очевидно, что онъ просто для удобства изслѣдованія уединилъ въ одномъ случаѣ голый эгоизмъ, въ другомъ—симпатію. Вѣрнѣйшій изъ его учениковъ, Дж. Ст. Милль, вполнѣ усвоилъ себѣ этотъ ходъ мысли учителя. Онъ прямо указалъ, что истины, добытыя политическою экономіей, имѣютъ весьма условный характеръ, такъ какъ въ основаніи ея лежитъ не реальный, а гипотетическій человѣкъ (Система логики, II, 479). Однако далеко не всѣ экономисты поняли истинный характеръ и дѣйствительные предѣлы своей науки, въ чемъ впрочемъ имъ помогали нѣкоторыя побочныя обстоятельства. Во-первыхъ, реальный человѣкъ, входившій въ кругъ наблюденій экономистовъ, человѣкъ биржи, лавки, фабрики, акціонернаго общества, оказался дѣйствительно очень похожимъ на гипотетическаго человѣка науки Смита и Милля. Онъ дѣйствительно управлялся въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно желаніемъ получить какъ можно больше съ сосѣда и дать ему въ обмѣнъ какъ можно меньше. Отсюда понятно заключеніе экономистовъ, что такова природа человѣка вообще,—заключеніе, къ которому они однако отнюдь не могли бы придти, еслибы кругъ ихъ наблюденій и изслѣдованій былъ шире. Далѣе: изъ всего цикла общественныхъ наукъ политическая экономія, даже въ своемъ изуродованномъ видѣ, все-таки болѣе другихъ имѣла правъ на званіе науки; все-таки она была больше наука, чѣмъ юриспруденція, исторія, политика, этика. Это естественно вело къ искушенію отождествлять политическую экономію съ соціологіей. Такимъ образомъ все способствовало незаконному расширенію значенія науки, получившей толчекъ отъ Адама Смита. Экономисты не задумались сказать объ объектѣ своихъ изслѣдованій: ecce homo! тогда какъ это былъ только человѣкъ биржи, лавки

и фабрики. Они притянули себѣ на помощь утилитаризмъ, между тѣмъ какъ эта доктрина, правильно понятая, утверждаетъ только одно: человѣкъ стремится къ личному счастію,— вовсе не предрѣшая, въ чемъ будетъ состоять личное счастіе человѣка въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. И удивительно, съ какимъ упорствомъ держались экономисты этой странной иллюзіи, потому что фактовъ, уничтожающихъ ее, было всегда на лицо достаточно, даже слишкомъ достаточно. Факты, въ родѣ прусско-французской и затѣмъ парижско-версальской кровавой распри, казалось-бы, очень ясно говорятъ, что люди—не только существа воздѣлывающія, поѣдающія, купующія и куплюдѣющія. Были у экономистовъ противники. Они опять-таки многое уяснили въ современной жизни, но ихъ дѣятельность была главнымъ образомъ отрицательная. Они стремились уничтожить зданіе, возводимое экономистами, а это обязывало ихъ опять-таки сосредоточивать свое вниманіе на биржѣ, лавкѣ и фабрикѣ. Но тамъ они встрѣчали воочію ненавистнаго имъ гипотетическаго человѣка науки Смита и торопились уйти отъ него въ область фантазіи, противопоставляли ему продукты своего личнаго творчества—человѣка Утопіи, Икаріи, Фаланстера.

Мы не имѣемъ въ виду практическихъ цѣлей экономистовъ и ихъ противниковъ и не думаемъ разбирать, въ какой мѣрѣ достигались эти цѣли трудами тѣхъ и другихъ. Не касаемся мы также ихъ заслугъ въ наукѣ вообще. Мы констатируемъ только фактъ узкости круга наблюденій соціологовъ, фактъ отсутствія той весьма важной отрасли науки, которую нѣкоторые писатели предлагаютъ называть общественной морфологіей, т. е. ученіемъ о формахъ кооперації. (*Schäffle*. Kapitalismus und Socialismus. 1870, S. 430. *Вредень*. Строй экономическихъ предпріятій 1873). Было бы смѣшно и нелѣпо желать, чтобы фабрика, биржа, лавка остались внѣ контроля науки, но пора кажется подумать, что на нихъ свѣтъ не клиномъ сошелся, что даже и они могутъ быть плодотворно изучаемы только съ точки зрѣнія, отправляющейся отъ наблюденій и изслѣдованій болѣе широ-

кихъ. Въ этомъ отношеніи въ Европѣ за послѣднее время замѣчается весьма любопытное движеніе. Время Утопій и Икарій миновало уже давно, уступивъ мѣсто направленію болѣе практическому и менѣе связанному съ личнымъ творчествомъ. Но и объ экономистахъ нельзя уже скоро будетъ повторить остроту одного нѣмецкаго писателя: купите тебѣ скворца, научите его тремъ словамъ: Tausch (обмѣнъ), Tausch, Tausch! и у васъ будетъ прекрасный политико-экономъ.

Если мы пожертвуемъ второстепенными оттѣнками, то нынѣшнія направленія экономической науки могутъ быть подведены подъ три рубрики:

Во-первыхъ, такъ-называемые фритрэдеры или манчестерцы. Это — то самое направленіе, которое приняло гипотетическаго человѣка Смита за человѣка дѣйствительнаго. Основной догматъ его есть свободное движеніе личныхъ интересовъ, долженствующее само собой привести все къ наилучшему концу. Эти люди проникнуты практическою стороною смитовской науки, но болѣе или менѣе недовольны ея теоретической и въ особенности методологической частью. Она для нихъ слишкомъ абстрактна и гипотетична. Это направленіе все болѣе и болѣе затирается другими и насчитываетъ очень мало чистыхъ представителей.

Во-вторыхъ, школа Маркса (разумѣя послѣдняго исключительно какъ научнаго дѣятеля). Расходясь съ такъ-называемой классической, смитовской школой, въ практическихъ тенденціяхъ, Марксъ вполнѣ усвоилъ ея гипотетическій характеръ и логическіе пріемы изслѣдованія. Онъ только строже и послѣдовательнѣе Смита и Рикардо проводитъ ихъ собственные пріемы, благодаря чему приходитъ къ новымъ заключеніямъ. Обливая напримѣръ всѣмъ своимъ обильнымъ запасомъ желчной брани практическія тенденціи Мальтуса и мальтузіанцевъ, Марксъ не отвергаетъ однако основаній знаменитаго закона народонаселенія. Напротивъ новыми и совершенно неожиданными аргументами онъ доказываетъ, что этотъ законъ въ основаніи своемъ вѣренъ, но только для извѣстной, исторически опредѣленной

комбинаціи условій, а не обязателенъ для всѣхъ временъ и мѣстъ. Несмотря на всю свою тенденціозность, Марксъ не вводитъ въ теоретическую часть своихъ изслѣдованій никакихъ этическихъ, нравственныхъ моментовъ. Онъ твердо стоитъ на абстрактной почвѣ гипотетическаго человѣка науки Смита, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо помнитъ, что это—человѣкъ гипотетическій, условный, такъ сказать, выдуманный для удобства изслѣдованія.

Направленіе третьей группы современныхъ экономистовъ можетъ быть названо этическимъ. Названіе это присвоено собственно такъ-называемому „профессорскому соціализму“ (Kathedersocialismus), но подъ него подходятъ и многіе другіе, взаимно борящіеся и часто очень нетерпимо другъ къ другу относящіеся оттѣнки образа мыслей. Всѣмъ имъ обще стремленіе ввести въ науку тотъ нравственный элементъ, который устраняется изъ политической экономіи одними сознательно и условно, въ силу требованій научнаго удобства, и другими безсознательно и безусловно, благодаря смѣшенію абстракта съ дѣйствительностью. Какъ именно долженъ быть введенъ этотъ элементъ въ науку и какую онъ долженъ играть въ ней роль—объ этомъ происходятъ очень горячія препирательства. При этомъ одни не выказываютъ ничего, кромѣ благороднаго негодованія противъ эгоизма, какъ основы экономической науки, а другими, рядомъ съ сочувствіемъ къ извѣстнымъ нравственнымъ идеаламъ, обнаруживается болѣе или менѣе сильная логическая способность. Дальнѣйшія различія обусловливаются разницей политическихъ тенденцій. Въ своей критикѣ классической науки представители этическаго направленія говорятъ: еслибы люди были дѣйствительно таковы, каковыми ихъ предполагаетъ манчестерская теорія, т. е. если бы они были равны по способности и желанію преслѣдовать свои экономическія цѣли—тогда конечно борьба этихъ личныхъ силъ привела бы къ наилучшему результату, и оставалось бы только любоваться, какъ, среди полной свободы каждая сила займетъ естественно принадлежащее ей мѣсто. Но люди манчестерской теоріи не суть дѣйствительные люди: они

сочинены, выдуманы ради отвлеченныхъ требованій науки. И мы видимъ, что въ дѣйствительности, во-первыхъ, промышленная свобода не даетъ тѣхъ благодатныхъ результатовъ, какіе отъ нея ожидались, и что во-вторыхъ, на почвѣ свободной конкуренціи сами собой возникали и возникаютъ рабочіе союзы и другія попытки такъ организовать общественную волю, чтобы слабыя силы и малыя экономическія способности находили себѣ гарантію отъ убійственнаго вліянія конкуренціи. Кто долженъ на себя взять обязанность такой гарантіи, государство-ли, церковь ли, собственныя ли организаціи рабочихъ, это—опять исходный пунктъ множества разногласій.

Не входя въ оцѣнку различныхъ направленій экономической науки, мы отмѣтимъ только два крайне любопытныхъ явленія, представляющія впрочемъ, собственно говоря, только двѣ стороны одного и того же явленія. Мы видимъ, во первыхъ, поразительно быстрый ростъ недовѣрія къ принципамъ формальной свободы и личнаго интереса, какъ гарантій всеобщаго благосостоянія, поразительно быстрое паденіе доктринъ, строящихъ зданіе общества на этихъ двухъ столбахъ. Паденіе это до такой степени очевидно и до такой степени законно, что разные іезуиты начинаютъ уже эксплуатировать его съ цѣлью возстановленія исторически и нравственно отжившихъ учрежденій, со всѣми ихъ рѣшительно неукладывающимися въ современную жизнь сторонами. Но не одни іезуиты съ упованіемъ смотрятъ назадъ. Сами рабочіе, какъ мы видили, по собственному почину возстановляютъ чисто средневѣковыя учрежденія, тяжелымъ гнетомъ ложащіяся на нихъ, добровольно надѣваютъ на себя ярмо. Имъ вторитъ и наука, какъ вторила она въ свое время идеямъ буржуазіи. Въ этомъ обращеніи назадъ, къ среднимъ вѣкамъ, а то такъ и къ еще болѣе глубокой древности, заключается вторая любопытная сторона современнаго движенія въ наукѣ. И Марксъ, и представители этическаго направленія весьма терпимо относятся къ нѣкоторымъ формамъ средневѣковой общественности, до такой степени терпимо, что подобное отношеніе было бы рѣшительно немыслимо еще очень недавно. Этого мало. Дѣло—не

въ простой терпимости. Документы о старыхъ, отжившихъ формахъ общественности вытаскиваются изъ архивной пыли; формы отживающія рекомендуется беречь, хотя бы для того, чтобы успѣть подвергнуть ихъ анализу и наблюденію. Словомъ, упоеніе настоящимъ смѣняется настроеніемъ, которое можно бы было назвать соціологическимъ романтизмомъ, если бы на ряду со старыми не возбуждали интереса и нѣкоторыя новыя формы общественныхъ отношеній, если бы дѣло шло о простой идеализаціи стараго, а не объ изученіи и примѣненіи его къ новымъ потребностямъ. И удивительно, какъ освѣжающе-реформаторски дѣйствуетъ на науку это расширеніе поля наблюденій. Мауреръ, Нассе, Мэнъ, Брентано, Лавеле пожали обильную жатву.

Молодой нѣмецкій профессоръ Луйо Брентано былъ приглашенъ въ 1867 г. директоромъ статистическаго бюро въ Берлинѣ, Энгелемъ, сопутствовать ему въ поѣздкѣ по фабричнымъ округамъ Англіи съ научною цѣлью. Поѣхалъ Брентано, какъ онъ самъ разсказываетъ (Die Arbeitergilden der Gegenwart), полный вѣры въ догматы школьной политической экономіи. «Да и кто бы, говоритъ онъ, устоялъ a priori передъ ученіемъ, которое, не требуя никакого вмѣшательства, разрѣшаетъ къ всеобщему удовлетворенію всѣ затрудненія экономической и соціальной жизни простою игрой разнузданныхъ личныхъ интересовъ». Англійскія Trades-unions Брентано глубоко презиралъ. Они представлялись ему печальнымъ анахронизмомъ, явленіемъ дикимъ и неимѣющимъ никакой будущности. Мысли эти онъ даже изложилъ передъ своимъ отъѣздомъ въ печати. Поѣздку предполагалось ограничить всего двумя мѣсяцами. Но вмѣсто того, увлеченный работой, открывшей ему совершенно новыя и неожиданныя перспективы, Брентано пробылъ въ Англіи почти два года, причемъ совершенно измѣнились его взгляды и на рабочіе союзы, и на науку. Онъ не ограничился изученіемъ непосредственно передъ нимъ стоявшаго живаго явленія—рабочихъ союзовъ. Пораженный сходствомъ нѣкоторыхъ подробностей ихъ уставовъ съ порядками, господствовавшими въ средневѣковыхъ гильдіяхъ и

цехахъ, онъ задалъ себѣ рядъ вопросовъ: нѣтъ ли между этими двумя явленіями какого-нибудь преемства? не представляютъ ли они фактовъ однородныхъ, необходимо являющихся при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ? если да, то въ чемъ состоитъ этотъ, такъ сказать, спросъ исторіи на подобнаго рода союзы? Наблюденія надъ организаціей и дѣятельностью рабочихъ союзовъ, въ связи съ изслѣдованіемъ историческихъ документовъ, относящихся къ древнимъ гильдіямъ, убѣдили Брентано, что существуетъ особый соціологическій или пожалуй экономическій законъ, въ силу котораго издревле возникали союзы съ тѣми же цѣлями и даже съ тою же приблизительно организаціей, какими характеризуются нынѣшнія Trades-unions. Человѣкъ освѣжился, получилъ новыя понятія о предѣлахъ и методахъ своей науки. На цеховую систему онъ получилъ возможность взглянуть не только съ той, всѣмъ извѣстной стороны, что она тормозитъ успѣхи производства и стѣсняетъ свободу промышленности, а еще и съ той что она извѣстнымъ образомъ гарантировала рабочаго отъ превратностей судьбы. Другимъ примѣромъ такого освѣженія можетъ служить книга бельгійскаго экономиста Лавеле «Первобытная собственность». Русскому читателю извѣстно или по крайней мѣрѣ должно быть извѣстно, что Лавеле оцѣнилъ поземельную общину, «первобытную собственность», не только съ точки зрѣнія ея роли въ производствѣ богатствъ (роли, по его мнѣнію, въ принципѣ весьма благотворной), а и съ точки зрѣнія гарантій, предоставляемыхъ ею мелкимъ собственникамъ. Съ этой-то точки зрѣнія, еще недавно неимѣвшей въ наукѣ ни малѣйшаго значенія, Лавеле даже съ нѣкоторою сантиментальностью отзывается объ исчезнувшей въ старой Европѣ общинѣ, а къ новымъ народамъ обращается съ такимъ восклицаніемъ: „Граждане Америки и Австраліи, не усвоивайте себѣ того узкаго, суроваго права, которое мы заимствовали изъ Рима и которое можетъ привести насъ къ экономической борьбѣ. Возвратитесь къ первобытному преданію вашихъ предковъ“.

Въ виду подобныхъ фактовъ, число которыхъ ростетъ съ каж-

дымъ днемъ, мыслящимъ человѣкомъ можетъ овладѣть самое серьезное недоумѣніе. Гласъ народа—гласъ Божій, говоритъ пословица. Если и въ массахъ, и въ интеллигенціи замѣчается извѣстное тяготѣніе къ прошлому, такъ какой ужь тутъ Альфонсъ и какой Карлосъ могутъ насъ интересовать? Даже католическая реакція, какъ и реакція прусская, ничтожны передъ этой невидной, не шумной, но тѣмъ болѣе поразительной реакціей.

„Я и не я"—такова формула міра, выставленная нѣмецкой метафизикой. На одной чашкѣ вѣсовъ я, такой-то, а на другой—все остальное, т. е. и домъ моего сосѣда, и жена его, и волъ его, и оселъ его, и агонія умирающаго, и первый писк младенца, и желтая выжженная скатерть Сахары, и глубь океана, и вершины Альпъ, и безконечные міры планетъ со всѣмъ, что на нихъ живетъ, мыслитъ, чувствуетъ. Болѣе дерзкая идея никогда не высказывалась человѣческимъ языкомъ, да ничего болѣе дерзкаго и придумать нельзя. Забытый нынѣ Максъ Штирнеръ въ своемъ надѣлавшемъ гвалту „Der Einzige und sein Eigenthum" въ принципѣ только сдѣлалъ большую книгу изъ короткой формулы „я и не я". И всѣ теоретики эгоизма не сказали больше этого. Какъ ни дерзка однако эта формула, она вполнѣ соотвѣтствуетъ природѣ человѣка, какъ и всякаго индивидуализированнаго существа вообще. Каждымъ своимъ шагомъ, каждымъ дыханіемъ человѣкъ выдѣляетъ свое я изъ необъятнаго *не-я*, противопоставляетъ себя ему и располагаетъ все „не-я" въ чисто эгоистической перспективѣ, т. е. группируетъ его, примѣняясь къ своимъ личнымъ страданіямъ и наслажденіямъ. Это до такой степени очевидно, несмотря на всѣ грошовыя разсужденія грошовыхъ моралистовъ, что человѣкъ мыслящій и не лицемѣръ не потребуетъ отъ насъ доказательствъ. Съ лицемѣрами намъ разговаривать нечего, а людямъ недодумавшимся рекомендуемъ порыться въ книжкахъ, въ которыхъ означенная мысль давно развита подробно, а иногда даже слишкомъ подробно. Противорѣчія съ тѣмъ, что было говорено выше, здѣсь нѣтъ, потому что нѣтъ никакого основанія предполагать, что эгоизмъ выражается не иначе, какъ въ формѣ желанія содрать

съ сосѣда какъ можно больше и дать ему въ обмѣнъ какъ можно меньше. Человѣкъ, какъ и всякое живое существо, всегда стремился, стремится и будетъ стремиться къ счастію, искать наслажденія, ощущеній пріятныхъ и бѣжать страданія. Это—фактъ до такой степени основной, связанный съ самымъ фактомъ бытія, что Бэнъ („Духъ и тѣло“) имѣлъ полное право назвать слѣдующее положеніе „закономъ самосохраненія“: „Состояніе удовольствія соединяется съ усиленіемъ, состояніе страданія—съ ослабленіемъ нѣкоторыхъ или всѣхъ жизненныхъ отправленій“. Но само собою разумѣется, что общій и элементарный принципъ стремленія къ личному счастію можетъ въ частныхъ случаяхъ усложняться почти до неузнаваемости. Усложненія эти бываютъ двоякаго рода. Или человѣкъ, гоняясь за наслажденіемъ, попадаетъ на ложную дорогу и страдаетъ по ошибкѣ. Или онъ страдаетъ сознательно, въ видахъ полученія нѣкотораго особенно для него цѣннаго наслажденія. Муцію Сцеволѣ было конечно больно, когда онъ жегъ свою руку, онъ страдалъ, но страданіе это онъ перенесъ не ради него самого, а ради наслажденія, даваемаго сознаніемъ исполненнаго долга. Изъ этого слѣдуетъ только то, что стремленіе къ личному счастію, эгоизмъ способенъ принимать крайне разнообразныя формы, которыя слѣдуетъ различать и классифицировать. И если читатель отрѣшится отъ привычнаго отвращенія къ эгоизму, вызваннаго низкими формами, въ которыхъ онъ часто проявляется, то увидитъ, что нѣмецкая формула „я и не я“ заключаетъ въ себѣ нѣчто величавое и смѣлое, хотя конечно я не буду стоять за то развитіе этой формулы, которое представили нѣмецкіе метафизики. Да ни у одного изъ нихъ не хватило смѣлости и правдивости освѣтить съ точки зрѣнія своей основной идеи темные переулки и закоулки лабиринта общественной жизни. Вызывая съ перваго же шага на бой всю вселенную, они на второмъ шагѣ готовы были примириться съ ничтожествомъ. Они были блудливы, какъ кошка, и трусливы, какъ заяцъ. Въ исторіи нравственныхъ теорій вообще бросается въ глаза какая-то странная смѣсь крайней смѣлости мысли съ трусостью. Возьмемъ недавній при-

мѣръ. Извѣстный позитивистъ Литтре представилъ, года три тому назадъ, теорію происхожденія нравственности. Онъ полагаетъ именно, что всѣ наши эгоистическія чувства имѣютъ свой корень въ потребности питанія, какъ въ инстинктѣ поддержанія личной жизни, а чувства и побужденія альтруистическія (терминъ Конта)—въ инстинктѣ поддержанія жизни цѣлаго вида, въ потребности размноженія. Эти два инстинкта, постепенно развиваясь, образовали всю сложную сѣть нашихъ нравственныхъ понятій. Эта мысль въ основаніи своемъ не новая. И всѣ, кто ее высказывалъ, упорно старались не только отличить эгоизмъ и альтруизмъ въ ихъ теперешнемъ состояніи, а дать имъ непремѣнно различное происхожденіе. Безъ сомнѣнія задняя мысль, всегда подсказывавшая такое рѣшеніе вопроса, состоитъ въ предубѣжденіи противъ эгоизма, ради его грязныхъ формъ. Кажется унизительнымъ связать эгоизмъ съ нравственностью даже въ ихъ отдаленномъ источникѣ. А между тѣмъ, если ужь рѣшиться идти такъ далеко въ глубь исторіи, какъ пошелъ Литтре, такъ почему не признать и половой инстинктъ просто одною изъ формъ инстинкта поддержанія личной жизни. Для первобытнаго человѣка, а тѣмъ болѣе для низшихъ формъ животной жизни, удовлетвореніе аппетита и половаго инстинкта имѣютъ совершенно одинаковое значеніе.

Замѣчено, что теоретики эгоизма бываютъ часто на практикѣ людьми крайне добрыми, исполненными самоотверженія и всякаго доброжелательства къ людямъ. Это относится въ особенности ко многимъ знаменитымъ дѣятелямъ конца прошлаго столѣтія. Такъ Морелли напримѣръ говорилъ, что собственникъ имѣетъ полное право запереть дверь своего дома передъ носомъ зябнущаго и промокшаго человѣка. Самъ Морелли никогда бы такъ не поступилъ. Онъ только въ принципѣ отстаивалъ неприкосновенность и верховныя права своего *я*, чтобы на практикѣ добровольно, исключительно по свободному рѣшенію того же *я*, распахнуть настежь дверь своего дома передъ обездоленнымъ. Всякій долженъ признать, что это положеніе имѣетъ свое достоинство и свою прелесть. Тѣмъ именно и обаятельно

было вліяніе великихъ умовъ конца прошлаго столѣтія, что они болѣе или менѣе рѣшительно сбрасывали съ личности всякія умственные и нравственные кандалы. Отчасти этимъ же объясняется и обаяніе нѣмецкой метафизики. Не даромъ Фихте праздновалъ, какъ день духовнаго рожденія своего сына, тотъ день, когда онъ впервые назвалъ себя мѣстоимѣніемъ перваго лица—я.

И отъ всѣхъ драгоцѣнныхъ сторонъ сознанія личной свободы ходъ исторіи предлагаетъ намъ отказаться, если справедливо предположеніе, что и массы, и интеллигенція въ Европѣ тяготѣютъ къ прошлому—къ цѣховой системѣ и поземельной общинѣ. Членъ англійскаго союза плотниковъ уже и теперь не смѣетъ работать быстрѣе другихъ, хотя бы былъ гораздо сильнѣе и искуснѣе ихъ; онъ не смѣетъ, хотя бы умиралъ съ голоду, взяться за работу, если союзъ рѣшилъ произвести стачку; онъ связанъ и многими другими стѣсненіями. Русскій мужикъ великороссъ долженъ въ извѣстный срокъ пустить свой участокъ въ жеребій и не смѣетъ продать его, хотя бы онъ составлялъ для владѣльца только тяжелое бремя. Неужели это—будущность Европы, въ которой пролилось такъ много крови за свободу, въ которой съ идеей свободы сжились такъ давно и такъ прочно? Есть надъ чѣмъ призадуматься.

Однако чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Объ томъ, что англійскіе рабочіе союзы должны будутъ измѣнить многіе пункты своихъ уставовъ или погибнуть, а также объ томъ, что русская община можетъ также измѣняться и развиваться, мы теперь говорить не будемъ. А обратимъ вниманіе читателя на слѣдующія любопытныя и запутанныя обстоятельства. Если, какъ говорятъ старые экономисты, манчестерцы, свободное движеніе личныхъ интересовъ, ничѣмъ несвязанныхъ, ведетъ къ наилучшимъ результатамъ, а тѣмъ болѣе, если въ дѣйствіяхъ своихъ люди руководствуются исключительно личнымъ интересомъ, то какъ объяснить возникновеніе различныхъ организацій, которыми рабочіе добровольно стѣсняютъ свою личную свободу? И замѣтьте, что чѣмъ свободнѣе страна, тѣмъ

подобныя организаціи въ ней распространеннѣе и энергичнѣе. Отчасти это объясняется разумѣется тѣмъ, что они въ Англіи напримѣръ встрѣчаютъ для своего возникновенія и развитія меньше стѣсненій, чѣмъ на континентѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно признать, что сама промышленная свобода несетъ съ собой какой-то ядъ, побуждающій людей хвататься за противоядіе. Во всякомъ случаѣ личный интересъ побуждаетъ рабочихъ въ извѣстной, часто очень и очень большой мѣрѣ, отказываться отъ личной свободы. Этотъ-то неожиданный и парадоксальный результатъ свободнаго промышленнаго прогресса главнымъ образомъ и побудилъ экономистовъ къ пересмотру своихъ догматовъ. Къ сожалѣнію однако при этомъ пересмотрѣ происходитъ одинъ, очень важный недосмотръ. Почти вся разномастная группа, подведенная нами подъ рубрику этическаго направленія, весьма горячо обличаетъ „индивидуализмъ“ и „атомизмъ“ классической школы, т. е. Смита, Рикардо, Мальтуса и ихъ эпигоновъ, нынѣшнихъ манчестерцевъ. Подъ индивидуализмомъ (слово, пущенное въ ходъ Луи-Бланомъ) или атомизмомъ здѣсь разумѣется стремленіе основать науку на потребностяхъ личностей, индивидовъ, отдѣльныхъ атомовъ общества, а не самого общества, разсматриваемаго какъ самостоятельное цѣлое. Попрекая этимъ старыхъ экономистовъ представители этическаго направленія дѣлаютъ огромную ошибку. Старые экономисты дѣйствительно всегда много говорили и говорятъ о свободѣ личности, о личномъ интересѣ, такъ что на первый взглядъ въ самомъ дѣлѣ можетъ показаться, что интересы общества, какъ нѣкоторой высшей единицы, личности юридической, для нихъ не существуетъ. Въ дѣйствительности однако отношенія ихъ къ личности и обществу совсѣмъ не таковы. Они отрицали и отрицаютъ государство, какъ регулятора экономическихъ отношеній, отрицаютъ въ томъ же смыслѣ и такія общественныя единицы, какъ цехъ и община. Это для нихъ—фантомы, Spuck, какъ говорилъ Максъ Штирнеръ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы у нихъ не было своего фантома. Онъ есть, и личность приносится ему въ жертву. Спенсеръ въ своей „Соціальной статикѣ“ очень

удачно называетъ этотъ фантомъ (которому онъ и самъ приноситъ обильныя жертвы) системой наибольшаго производства. Контуры и границы этой общественной единицы далеко не такъ опредѣленны, какъ контуры и границы напримѣръ семьи или государства; узы, связывающія ея членовъ, далеко не такъ явно насильственны, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ общественности. Но тѣмъ не менѣе узы эти существуютъ, и разорвать ихъ часто бываетъ труднѣе, чѣмъ какія бы то ни было другія. Въ „Запискахъ профана“ были приведены два, очень характерные въ этомъ отношеніи факта изъ русской жизни. Либеральный и гуманный Мордвиновъ отстаивалъ крѣпостное право единственно потому, что передъ его умственнымъ окомъ носилась система наибольшаго производства, а нормальныхъ для этой системы, т. е. свойственныхъ ей узъ на лицо еще не было. Ихъ нѣтъ на Руси въ достаточномъ размѣрѣ и до сихъ поръ, а каковы они должны быть—это видно изъ откровеннаго показанія одного свидѣтеля въ комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства. Свидѣтель этотъ прямо утверждалъ, что горе наше не столько въ пьянствѣ крестьянъ, ихъ невѣжествѣ и проч., сколько въ томъ, что они имѣютъ собственныя хозяйства: «необходимо прежде всего, чтобы у нихъ не было собственныхъ хозяйствъ», только тогда изъ нихъ выйдутъ надежные, постоянные, дорожащіе своимъ мѣстомъ рабочіе, вмѣстѣ съ чѣмъ возростетъ и сельская производительность въ Россіи. Справедливы или несправедливы виды на увеличеніе производительныхъ силъ Россіи путемъ обезземеленья крестьянъ, характеръ приведеннаго предложенія вполнѣ ясенъ: въ видахъ системы наибольшаго производства, изыскиваются узы, достаточно прочныя для того, чтобы свободная личность крестьянина не могла изъ нихъ выбиться; средство очень простое: лишеніе крестьянина собственности и поставленіе его въ такія экономическія условія, гдѣ его личный интересъ отодвинутъ на задній планъ. Спрашивается: причемъ тутъ индивидуализмъ? Тутъ топчется именно личность, индивидъ; личная свобода, личный интересъ, личное счастіе кладутся въ видѣ жертвоприношенія на

алтарь правильно или неправильно понятой системы наиболь шаго производства. А между тѣмъ приведенное предложеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ духу старой политической экономіи, и если въ немъ рѣзче выступаетъ реальная подкладка разсужденій о свободѣ, то только благодаря обстоятельствамъ времени и мѣста, благодаря именно тому, что у насъ сис тема наиболь шаго производства еще только водворяется. Однако и въ европейской экономической литературѣ могутъ быть найдены предложенія и положенія, даже еще болѣе откровенныя. Я напомню только мнѣнія Тоунзенда объ англійскомъ законѣ о бѣдныхъ и Гарнье—о народномъ образованіи. Первый полагалъ, что законъ о бѣдныхъ стремится разрушить „гармонію и красоту, симетрію и порядокъ Богомъ и природой установленной системы“ Гарнье ратовалъ противъ народнаго образованія, которое грозитъ „уничтожить всю нашу общественную систему. Какъ всѣ другіе виды раздѣленія труда, раздѣленіе между трудомъ физическимъ и умственнымъ становится рѣзче по мѣрѣ обогащенія общества; подобно всякому другому, это раздѣленіе труда есть результатъ прошедшихъ успѣховъ и причина будущихъ“. Очевидно, что этихъ людей нельзя упрекать въ индивидуализмѣ, потому что они имѣютъ свой Spuck, свою «общественную систему», ради интересовъ которой желаютъ оборвать стремленіе личности къ умственному развитію и матеріальному благосостоянію. Въ знаменитыхъ практическихъ выводахъ изъ закона Мальтуса, въ такъ-называемой теоріи моральнаго воздержанія, система эта посягаетъ даже на такія интимныя права личности, какъ право любви (чего между прочимъ никогда не дѣлаетъ прославленная своею стѣснительностью русская община).

И старые соціалисты, и нынѣшніе представители этическаго направленія совершенно даромъ тратили и тратятъ краснорѣчіе, иронію, паѳосъ, доказывая, что экономисты-манчестерцы не хотятъ знать ничего, кромѣ отдѣльныхъ недѣлимыхъ. Напротивъ, ихъ-то они и не хотятъ знать. Такая общественная система, которая опиралась бы на свободу личности и на личный инте-

ресъ, была бы совершенно противна духу старыхъ экономистовъ. Они, правда, ее требовали на словахъ; они, далѣе, рѣзко и энергично критиковали съ этой точки зрѣнія государство, феодальныя и крѣпостныя отношенія, цехъ, общину; но, разбудивъ такимъ образомъ жажду личной свободы и личнаго интереса, они немедленно же вдвигали личность въ систему наибольшаго производства, гдѣ она и погибала. Такимъ образомъ, упреки въ индивидуализмѣ, адресованные на имя экономистовъ, основаны на чистомъ недоразумѣніи. Устраненіе этого недоразумѣнія представляется мнѣ важнымъ не только въ томъ общемъ и чисто логическомъ смыслѣ, что всѣ ошибки подлежатъ исправленію. Есть ошибки важныя и неважныя, а разсматриваемая нами ошибка очень важна. Во-первыхъ уже потому, что она очень распространена. Не хватило бы у меня мѣста, если бы я вздумалъ цитировать хотя бы только важнѣйшія изъ возраженій экономистамъ, основанныхъ на означенномъ недоразумѣніи. Замѣчу только, что оно раздѣляется и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ писателей, Фр. Альб. Ланге, нѣкоторыми мыслями котораго я сейчасъ воспользуюсь. Ланге долженъ быть зачисленъ въ группу этическаго направленія. Но онъ стоитъ совершенно особнякомъ и по воззрѣніямъ, и по силѣ мысли, и по многосторонности эрудиціи, и по добросовѣстности. Большинство „этиковъ“, путаясь кто въ политическихъ, кто въ клерикальныхъ тенденціяхъ, негодуетъ на манчестерцевъ именно съ точки зрѣнія этихъ тенденцій. Ланге въ этомъ отношеніи — человѣкъ чистый. Тѣмъ не менѣе и онъ толкуетъ объ индивидуализмѣ и атомизмѣ политической экономіи. Надо замѣтить, что русскіе писатели грѣшны этимъ грѣхомъ меньше другихъ. По крайней мѣрѣ многіе изъ писавшихъ объ нашей общинѣ (еще недавно г. Постниковъ) старались показать въ своихъ возраженіяхъ доморощеннымъ манчестерцамъ, что рекомендуемая ими система наибольшаго производства только по недоразумѣнію и на словахъ берется гарантировать личную свободу, личный интересъ и собственность, а въ сущности ведетъ къ разрушенію и того, и другого, и третьяго. Выгоды этой точки зрѣнія очевидны. Она

объясняетъ между прочимъ и парадоксальные на первый взглядъ результаты свободнаго промышленнаго прогресса, и постепенно овладѣвающее Европой стремленіе къ изученію, а мѣстами и къ возстановленію отжившихъ, забытыхъ формъ общежитія, на которыхъ наука уже поставила было крестъ. Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше. Это—вѣковѣчная истина. Она и экономистами признается, даже во главу угла науки ставится. Пока система наибольшаго производства только освобождала личность, разбивая узы цеховъ и монополій, на нее возлагались всяческія надежды, а по мѣрѣ того, какъ сталъ обнаруживаться ея двусмысленный характеръ, ея стремленіе замѣнить одни узы другими—надежды стали ослабѣвать. Старыя узы оказались въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сноснѣе новыхъ, потому что они все-таки гарантировали личность отъ бурь и непогодъ. Явилась мысль примѣнить ихъ старые принципы къ требованіямъ новаго времени, причемъ разумѣется совершаются и неудачные опыты, потому что дѣло предстоитъ нелегкое.

Но здѣсь намъ можетъ быть сдѣлано одно очень важное возраженіе. Положимъ, скажутъ, что личность крестьянина, лишеннаго гарантій общины, и ремесленника, вылупившагося изъ цеха, дѣйствительно затерлась и потерпѣла большее или меньшее поврежденіе въ системѣ наибольшаго производства. Но эта система въ томъ именно и уличается, что она строитъ благосостояніе сравнительно немногихъ на раззореніи массъ; въ этомъ и состоитъ проникающій ее и ея апологетовъ эгоистическій элементъ. Само собою разумѣется, что не наше дѣло—защищать систему наибольшаго производства. Но вотъ въ чемъ вопросъ: дѣйствительно ли такъ велико, какъ кажется, счастіе тѣхъ, кого система наибольшаго производства осыпаетъ своими дарами? Не безъинтересно замѣтить, что Мальтусъ, совершенно по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ Гарнье возстаетъ противъ народнаго образованія, требовалъ, чтобы страсть къ накопленію богатствъ была отдѣлена отъ влеченія къ наслажденіямъ. Ему казалось, что система наибольшаго производства тогда только будетъ процвѣтать, когда рабочіе будутъ работать, размножаясь

лишь по заказу рынка, а капиталисты только накоплять богатства, не наслаждаясь; наслажденія онъ ставилъ внѣ системы наибольшаго производства, по крайней мѣрѣ внѣ персонала активнаго участія въ ней. Конечно это—мечта, своего рода утопія. Но узкая логичность Мальтуса имѣетъ свою цѣну...

Вопросъ о счастіи осыпанныхъ дарами задалъ себѣ и упомянутый уже Ланге и далъ на него любопытный отвѣтъ при помощи одного психо-физическаго закона, который и мнѣ придется изложить вкратцѣ.

Еще въ прошломъ столѣтіи, Д. Бернулли, разработывая теорію вѣроятностей, обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Положимъ, что вѣроятность выигрыша въ какой нибудь лотереѣ вычислена для двухъ человѣкъ: одного—богатаго и имѣющаго нѣсколько билетовъ, другого—бѣднаго и имѣющаго гораздо меньшее число билетовъ. Разница между этими двуми вѣроятностями отнюдь не будетъ выражать разницы въ степени удовольствія, съ которымъ выигрышъ будетъ встрѣченъ тѣмъ и другимъ претендентомъ. Это—совсѣмъ другой вопросъ. Шансовъ выиграть у богатаго больше, потому что у него больше билетовъ, объективное счастіе на его сторонѣ: но этого нельзя прямо сказать о счастіи субъективномъ, т. е. о внутреннемъ удовлетвореніи выигрышемъ. Богатый человѣкъ съ презрѣніемъ смотритъ на такія суммы, которыя осчастливили бы бѣднаго. На основаніи этихъ соображеній, Бернулли вывелъ, что относительная, личная, субъективная цѣнность какой-нибудь суммы (fortune morale, какъ потомъ назвалъ Лапласъ) равняется абсолютной, математической, объективной цѣнности (fortune physique), раздѣленной на имущественное состояніе заинтересованнаго человѣка. Дальнѣйшая разработка этого положенія привела къ формулѣ: относительная цѣнность ростетъ какъ логариѳмъ цѣнности абсолютной. Это вычисленіе долго оставалось безъ употребленія въ учебникахъ теоріи вѣроятностей, пока ему не придали важнаго значенія два лейпцигскіе поофессора: Веберъ и Фехнеръ. Рядомъ опытовъ, наблюденій и вычисленій, они пришли къ тому заключенію, что всякое ощущеніе ростетъ, какъ логариѳмъ вызываю-

шаго его впечатлѣнія или раздраженія. Если мы, для простоты, возьмемъ только цифры 1,10,100,1000 и т. д., то логариѳмы ихъ будутъ: 0, 1, 2, 3, 4 и т. д. Значитъ, принимая за единицу ту степень раздраженія или ту величину впечатлѣнія, соотвѣтствующее ощущеніе которому равно нулю, мы должны усилить впечатлѣніе на девять единицъ, чтобы ощущеніе усилилось только на одну единицу. Это совпаденіе закона ощущеній съ закономъ логариѳмовъ такъ поразительно, что, какъ говоритъ Вундтъ, таблицы логариѳмовъ точно нарочно для того составлены, чтобы избавить психологовъ отъ вычисленій. Ланге, съ своей стороны находитъ, что Фехнеръ вполнѣ правъ, называя приведенный законъ „основнымъ психо-физическимъ закономъ». Веберъ началъ собственно съ изслѣдованія мелкихъ разницъ въ длинѣ линій, распознаваемыхъ на глазомѣръ, разницъ въ высотѣ тоновъ, распознаваемыхъ на слухъ, въ вѣсѣ предметовъ, въ силѣ свѣта, запаха и проч. Эти-то изслѣдованія и убѣдили его. что иногда абсолютная рвзница напримѣръ въ вѣсѣ двухъ предметовъ, еще не опредѣляетъ разницы въ ощущеніи осязанія. Напримѣръ небольшая прибавка хинина не усилитъ горькаго вкуса крѣпкаго раствора, между тѣмъ какъ въ слабомъ растворѣ хинина эта же прибавка произведетъ ощутительное на вкусъ усиленіе горечи.

Спрашивается: можно ли приложить «основной психо-физическій законъ» къ общественному быту? Но кажется тутъ и спрашивать нечего, потому что законъ этотъ есть тотъ же законъ Бернулли, который уже непосредственно соприкасается съ явленіями общественной жизни. И дѣйствительно, «основной психофизическій законъ» можетъ пролить свѣтъ на многія запутанныя явленія. Возьмемъ напримѣръ степень воспріимчивости какого-нибудь народа къ политическому гнету или степень воспріимчивости представителей какого-нибудь класса общества къ давленію экономическихъ отношеній. Съ точки зрѣнія закона Вебера очевидно, что если гнетъ усиливается, то эта прибавка ощущается совсѣмъ не пропорціонально ея абсолютнымъ размѣрамъ, а пропорціонально ея отношенію ко всей силѣ гнета. Какъ

ничтожная прибавка хинина мало ощущается въ крѣпкомъ растворѣ и рѣзко слышится въ слабомъ растворѣ, такъ напримѣръ нѣкоторое усиленіе полицейскаго произвола въ одной странѣ можетъ произвести цѣлую бурю, а въ другой пройти совсѣмъ незамѣченнымъ. Это будетъ зависѣть не отъ размѣровъ надбавки, а отъ ея отношенія ко всей существующей уже суммѣ произвола. Естественно, что какому нибудь хивинцу можетъ показаться, что англичане иногда съ жиру бѣсятся...

Но насъ здѣсь интересуетъ другой вопросъ, именно вопросъ о счастіи людей, осыпаемыхъ дарами системы наибольшаго производства. Оказывается, что старая пословица „не въ деньгахъ счастье“, равно какъ и многія наивныя изрѣченія наивныхъ мудрецовъ о тщетѣ матеріальныхъ благъ съ математическою точностью подтверждаются современною наукою. Конечно, какъ проповѣди наивныхъ мудрецовъ не отвратили людей отъ жажды наживы, такъ и указанія современной науки будутъ въ этомъ случаѣ приняты развѣ только къ свѣдѣнію и ужь никакъ не къ исполненію. Но наука все таки обязана сказать, что объективное счастіе, состоящее въ обладаніи извѣстными матеріальными благами, отнюдь еще не гарантируетъ счастія субъективнаго, личнаго, т. е. извѣстной суммы пріятныхъ ощущеній. Мало того, погоня за этимъ объективнымъ счастіемъ, даже удачная, въ корень подрываетъ субъективное, т. е. настоящее счастіе. Это именно и говорили испоконъ вѣку наивные мудрецы. Наука тоже слово, да не такъ же молвитъ. Не говоря уже о разницѣ въ пріемахъ доказательства и въ степени доказательности, наивные мудрецы утверждали, что алчный человѣкъ, даже въ случаяхъ удовлетворенія его алчности, есть человѣкъ несчастный, а потому, дескать, не будемъ ему завидовать, а просто пожалѣемъ его. Наука на этомъ остановиться не можетъ. Дѣло психологіи—показать, какова степень счастія, даваемаго удачнымъ сосредоточеніемъ рублей и роскошью. Дѣло соціологіи—выяснить отношеніе этихъ явленій къ жизни общества. Отчего не пожалѣть и богача, если онъ субъективно несчастливъ, но надо пожалѣть и тѣхъ, на счетъ которыхъ строится его объективное счастіе.

Ощущеніе ростетъ, какъ логариѳмъ вызывающаго его впечатлѣнія, т. е. несравненно медленнѣе. Значитъ опять таки для того, чтобы ощущеніе удовольствія, приносимаго процессомъ сосредоточеніи рублей или роскошнымъ образомъ жизни, чтобы это пріятное ощущеніе увеличилось всего на одну единицу, сумма рублей или предметовъ роскоши должна увеличиться на цѣлыхъ девять единицъ. Отсюда—ненасытность алчности. Она собственно не имѣетъ и не можетъ имѣть предѣловъ и должна постоянно изыскивать все новыя и новыя средства, хотя бы для того, чтобы поддерживать сумму пріятныхъ ощущеній на одномъ и томъ же уровнѣ, не давать ей падать. Разница между теперешнимъ нашимъ положеніемъ и новымъ, обезпечивающимъ нѣкоторою увеличеніе наслажденія, ощущается только въ моментъ приращенія, а приращеніе это должно увеличиваться все быстрѣе и быстрѣе. Приращеніе, весьма ощутительное для человѣка средняго состоянія и средняго образа жизни, не только ни на одне іоту не усилитъ пріятныхъ ощущеній человѣка богатаго, но можетъ, относительно говоря, даже ослабить ихъ, потому что оставитъ его жажду неудовлетворенною. Поднимаясь на еще высшую ступень богатства, этотъ богатый человѣкъ можетъ даже въ слабой степени удовлетворяться только еще болѣе значительнымъ приращеніемъ и т. д. и т. д. вплоть до могилы или какой-нибудь катастрофы, съ разу сметающей все его благосостояніе. Возможность такой катастрофы всегда близка, потому что способная къ безконечному возрастанію алчность побуждаетъ къ рискованнымъ способамъ догнать вѣчно убѣгающую цѣль и уравнять ростъ ощущеній съ ростомъ раздраженій. Когда мы слышимъ, что такой-то зарвался на биржевой игрѣ, такой-то обокралъ кассу, такой-то изнываетъ отъ тоски среди роскошной обстановки, такой-то изобрѣтаетъ наслажденія все болѣе и болѣе остраго свойства, мы разсматриваемъ все это какъ отдѣльные случаи, а если и стараемся суммировать ихъ, то все таки рѣдко кому приходитъ въ голову оцѣнить всю фатальность, всю неизбѣжность подобныхъ явленій въ системѣ наибольшаго производства. Очевидно, что на этомъ пути счастія нѣтъ; его нѣтъ

даже для осыпанныхъ дарами—они гонятся за счастіемъ съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ ребенокъ гонится за своею тѣнью. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что многіе серьезные люди, какъ говоритъ Милль въ извѣстной, проникнутой какою-то тихою грустью главѣ о «неподвижномъ состояніи» (Основанія политической экономіи, книга IV, гл. VI) „довольно холодны къ нынѣшнему экономическому прогрессу, съ которымъ поздравляютъ себя дюжинные публицисты—къ простому возрастанію производства и накопленія". Между прочимъ одну изъ характерныхъ чертъ современной экономической литературы составляетъ то обстоятельство, что вопросы производства и накопленія уходятъ въ ней на задній планъ, подчиняются другимъ вопросамъ. Интересъ большинства новѣйшихъ изслѣдованій сосредоточивается на изученіи такихъ формъ общественности, которыя способны оградить личность отъ жизненныхъ бурь и гарантировать ей возможность многосторонняго развитія, а не такихъ, которыя способны усилить производство и накопленіе. Съ этой точки зрѣнія наука смотритъ на будущее, съ нея же оцѣниваетъ и отжившія или отживающія формы, каковы цехъ и община. Ими интересуется съ той стороны, что это—сочетанія не капиталовъ съ капиталами, а людей съ людьми, *личностей съ личностями*; что отдѣльные члены ихъ пользуются выгодами сочетанія силъ сообразно *своимъ потребностямъ*, а не вкладамъ. Поэтому, если подъ индивидуализмомъ разумѣть ученіе, покоящееся на личности, ея потребностяхъ и интересахъ, то его, вопреки установившемуся мнѣнію, слѣдуетъ искать не въ старой, манчестерской, такъ называемой либеральной политической экономіи, а въ нынѣ возникающихъ доктринахъ. Старая же политическая экономія цѣликомъ отдавала личность на жертву системѣ наибольшаго производства. Въ самомъ дѣлѣ, система эта можетъ процвѣтать, т. е. производство можетъ рости въ колоссальныхъ размѣрахъ, могутъ накопляться колоссальныя богатства, между тѣмъ какъ входящія въ систему личности не получатъ ни свободы, которая имъ обѣщается на словахъ, ни счастія, которое постоянно ихъ поддразниваетъ и убѣгаетъ. Допу-

стите на минуту, вмѣстѣ съ г. Стронинымъ и комп., что система наибольшаго производства есть организмъ sui generis, нѣчто живое и реальное, а не Spuck. И вы увидите, что этому высшему организму дѣйствительно очень выгодно, чтобы крестьянинъ былъ обезземеленъ, чтобы рабочій былъ пригвожденъ къ опредѣленному мѣсту въ качествѣ одного изъ покорныхъ органовъ организма, чтобы наконецъ росла жажда наживы и матеріальныхъ наслажденій, обусловливающая ростъ накопленія и производства. Но гдѣ же здѣсь индивидуализмъ и атомизмъ?

Читатель приглашается смотрѣть на предлагаемую статью, какъ на бѣглое введеніе, различныя части котораго получатъ въ свое время болѣе подробное развитіе. Цѣль нашихъ очерковъ состоитъ въ выясненіи отношеній различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности. Очерки эти предполагается вести въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, въ которомъ система наибольшаго производства занимаетъ не первое мѣсто. Но прежде всего надо выяснить общіе принципы «борьбы за индивидуальность» и опредѣлить ихъ связь съ новѣйшими движеніями въ наукѣ и жизни. Сдѣлать это на какомъ-нибудь частномъ выдающемся случаѣ представлялось намъ особенно удобнымъ. Можно было начать напримѣръ съ того разряда фактовъ, который занимаетъ г. Драгоманова въ статьяхъ о ново-кельтскомъ и провансальскомъ движеніи во Франціи («Вѣстникъ Европы», № 8, 9). Мы встрѣтили бы здѣсь рядъ явленій, аналогичныхъ фактамъ, на которые выше обращено вниманіе читателя. Г. Драгомановъ занятъ «движеніемъ, которое то сильнѣе, то слабѣе замѣчается во всѣхъ европейскихъ обществахъ,—движеніемъ къ тому, чтобы дать, если не преобладаніе, то сильную долю участія въ нравственной и практической жизни современныхъ обществъ сельскимъ классамъ, дѣйствительному большинству народа». Движеніе это проявляется и въ жизни, и въ литературѣ, и въ наукѣ. Проявляется оно между прочимъ интересомъ къ провинціальнымъ народнымъ нарѣчіямъ, которыми говорятъ сельскіе классы. Если принять въ соображеніе отрицательное отношеніе нервой революціи ко всѣмъ мѣстнымъ провинціальнымъ особенностямъ,

а также то обстоятельство, что крестьяне во Франціи до сихъ поръ всегда становились поперекъ дороги политическому либерализму, то невольно вспоминается, что вѣдь и цеховая система была разрушена революціей и что система эта была всегда антиподомъ либерализма экономическаго. Формы, въ которыхъ на первыхъ порахъ выражается пробужденіе провинцій и сельскихъ классовъ, часто въ своемъ родѣ не менѣе грубы, чѣмъ практика англійскихъ рабочихъ союзовъ и нѣкоторыя другія явленія того же порядка. И тамъ, и тутъ неожиданно поднимается нѣчто старое, забытое, еще недавно всѣми презираемое. Если европейскій либералъ и русскій читатель (который по отношенію къ европейскимъ дѣламъ почти всегда либералъ) могутъ съ ужасомъ думать о возможности погибели свободы и личнаго интереса въ кандалахъ цеховъ и общинъ, то не съ меньшимъ ужасомъ должны они относиться къ возможности вліянія на исторію грубыхъ, невѣжественныхъ, оттертыхъ отъ торной дороги прогресса французскихъ крестьянъ. Присмотрѣвшись однако попристальнѣе къ этой страшной для либераловъ возможности, мы безъ особеннаго труда убѣдились бы, что чему другому, а началамъ личности и свободы она въ сущности отнюдь не грозитъ; что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ формами, часто очень непривлекательными, борьбы за индивидуальность, которая (индивидуальность) не находитъ себѣ должнаго обезпеченія въ государственныхъ порядкахъ Франціи. Мы могли бы добыть изъподъ той верхней плёнки исторіи, въ которой фигурируютъ Карлосъ и Альфонсъ, нѣкоторыя другія аналогичныя и столь же на первый взглядъ поразительныя явленія. Но мы предпочли остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ протестахъ противъ системы наибольшаго производства и ея апологетовъ, потому что никто больше старыхъ экономистовъ не толковалъ о личности и ея интересахъ и никто не былъ больше ихъ упрекаемъ въ индивидуализмѣ. Неосновательность этихъ упрековъ будетъ въ свое время показана яснѣе и подробнѣе. Но и теперь уже ясно, что старый споръ соціалистовъ и экономистовъ долженъ или прекратиться, или перенестись на новую почву.

Какъ бы ни были справедливы доказательства экономистовъ, что тотъ или другой утопистъ мечтаетъ замкнуть личность въ извѣстныя неподвижныя формы и совершенно утопить ея интересы въ интересахъ общества — несомнѣнно, что *всѣ* старые экономисты сами стремились именно къ такому поглощенію личности въ системѣ наибольшаго производства.

Мы забѣжимъ и еще нѣсколько впередъ, сказавъ нѣсколько словъ объ одномъ явленіи, имѣющемъ непосредственную связь съ системою наибольшаго производства, хотя и выходящемъ уже изъ ея границъ. Алчность, направленная на покупательную силу или на наслажденія, пріобрѣтаемыя этою силою, сама по себѣ, какъ мы видѣли, предѣловъ не имѣетъ. Она ненасытна по самой природѣ своей. Поэтому, человѣкъ, попавшій въ эту колею, рано или поздно перестаетъ довольствоваться тѣми способами пріобрѣтенія и накопленія, которые ведутъ къ производству новыхъ богатствъ. Неудовлетворенный въ своей погонѣ за счастіемъ, вѣчно близкимъ и вѣчно удаляющимся, онъ—холопъ своего spruck и протестуетъ похолопски. Какъ недовольный дикарь сѣчетъ своего идола, а не ищетъ себѣ другого бога, такъ и онъ не пытается выбраться изъ несчастной колеи, а изыскиваетъ средства пріобрѣтать, не производя. Можно украсть, можно поддѣлать духовное завѣщаніе или другой какой нибудь документъ, можно поджечь мельницу, застрахованную выше ея стоимости. Все это и практикуется. Но эти стародавніе, не легальные способы наживаться не интересны. Есть способъ, относительно говоря, новый и притомъ не подлежащій карѣ закона,— спекуляція. Спекуляція буквально значитъ—умозрѣніе. Спекулятивный элементъ есть во всякомъ промышленномъ и даже во всякомъ человѣческомъ предпріятіи вообще. Это—просто умозрительная оцѣнка условій предпріятія. Адвокатъ, защищая человѣка, въ невинности котораго онъ даже вполнѣ убѣжденъ и оправданіе котораго искренно поставилъ себѣ цѣлью, можетъ прибѣгнуть къ тому или другому ораторскому эффекту, сообразному съ составомъ присяжнымъ: онъ спекулируетъ на извѣстныя качества присяжныхъ. Путешественникъ, ѣдущій въ какую ни-

будь дикую страну, запасается грошовыми зеркалами, бусами и другими украшеніями, спекулируя на пристрастіе дикарей къ блестящимъ игрушкамъ, и т. п. Но спекулянтъ въ тѣсномъ смыслѣ слова—совсѣмъ не то. Онъ отрываетъ спекуляцію, умозрѣніе, отъ предпріятія. Онъ, по опредѣленію одного стараго оффиціальнаго французскаго документа (декрета 1795 г.), продаетъ то, чего у него нѣтъ, и покупаетъ то, что ему вовсе не нужно и чего онъ вовсе не хочетъ пріобрѣсти. Пристроиваясь къ какому нибудь предпріятію, даже становясь во главѣ его, спекулянтъ отнюдь не думаетъ довести его до конца, да и вообще объ этомъ концѣ не думаетъ. Все его умозрѣніе направлено на то, чтобы перепродать въ благопріятную минуту свою долю участія въ предпріятіи, получить разницу между низшей и высшей цѣной этой доли. Для этого цѣны этихъ долей разными искусственными пріемами и уловками поднимаются все вверхъ. Такія усиленныя дозы все-таки однако не могутъ наполнить бездонную бочку Данаидъ, и алчность все-таки находитъ предѣлъ не въ себѣ, а въ Krach'ѣ, въ кризисѣ—результатѣ переполненія рынка фиктивными цѣнностями или несоотвѣтствія этихъ цѣнностей съ дѣйствительными выгодами представляемыхъ ими предпріятій. А результатъ кризиса извѣстенъ уже намъ по собственному, русскому опыту: разоренія и самоубійства. Замѣчательна заразительность, повальный характеръ спекуляціи и биржевой игры. Тутъ есть нѣчто столь же болѣзненное, какъ въ средневѣковыхъ «коллективныхъ» маніяхъ, когда вдругъ тысячи людей безъ всякой видимой причины испытывали непреодолимое желаніе то плясать, то сноситься съ дьяволомъ, то идти въ Палестину. Стоитъ припомнить одинъ изъ древнѣйшихъ, если не древнѣйшій случай спекуляціонной горячки. Онъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ.

Въ 1554 г. естествоиспытатель Бусбекъ вывезъ въ Европу изъ Адріанополя тюльпанъ, который скоро сдѣлался любимымъ цвѣткомъ голландцевъ. Любовь эта въ годы 1634—1638 обратилась въ настоящую манію и Богъ знаетъ почему совершенно отуманила головы практическихъ и флегматическихъ жителей

Нидерландовъ. Деньги, помѣстья, дома, скотъ, посуда, платье— все уходило на пріобрѣтеніе тюльпановыхъ луковицъ. И увлекался не одинъ какой нибудь классъ народа: жертвами тюльпаноманіи были и дворяне, и трубочисты, и купцы, и кухарки, и крестьяне, и ремесленники. Понятно, что собственно любовь къ тюльпанамъ была подхвачена и раздута спекуляціей. Продавцы и покупатели тюльпановъ имѣли свои биржи, своихъ маклеровъ, писцовъ и проч. Вотъ что говоритъ цитируемый Максомъ Виртомъ (Geschichte der Handelskrisen, 1874) Джонъ Франсисъ: «Исторія голландской тюльпаноманіи не уступитъ въ поучительности ни одному изъ подобныхъ періодовъ. Въ 1634 г. главные города Нидерландовъ увлеклись спекуляціей, которая разсорила солидную торговлю, вызвала алчность богачей и бѣдняковъ, подняла цѣну цвѣтовъ до того, что они продавались дороже, чѣмъ на вѣсъ золота, и наконецъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, разрѣшилась всеобщимъ горемъ и дикимъ отчаяніемъ. Многіе совершенно разорились, немногіе обогатились. Основанія тогдашней спекуляціи были тѣ же, что и нынѣ. Дѣла заключались на поставку въ срокъ извѣстныхъ видовъ луковицъ, и были случаи, что на уплату разницы по сдѣлкѣ о двухъ луковицахъ шло все имущество спекулянта. Заключались конктракты и платились тысячи гульденовъ за тюльпаны, которыхъ даже и въ глаза не видали ни маклера, ни продавцы, ни покупатели. Нѣкоторое время, какъ обыкновенно бываетъ, всѣ выигрывали и никто не былъ въ проигрышѣ. Бѣдняки богатѣли; высшіе и нисшіе классы торговали цвѣтами; маклера наживались, и трезвый голландецъ мечталъ о прочномъ счастіи. Страна предалась обманчивой надеждѣ, что страсть къ цвѣтамъ будетъ длиться вѣчно. А когда узнали, что лихорадка проникла и заграницу, то рѣшено было, что богатства всего міра сосредоточатся на берегахъ Зюдерзее и что отнынѣ бѣдность станетъ миѳомъ въ Голландіи. Что вѣрованіе это было вполнѣ искренно, доказывается тѣми цѣнами, которыя, по свидѣтельству многихъ достовѣрныхъ современниковъ, платились за тюльпаны». Дѣйствительно, цѣны платились громадныя.

Тюльпановыя луковицы продавались на вѣсъ гранами, причемъ различные виды тюльпановъ цѣнились различно. Двѣсти гранъ вида Semper Augustus стоили 5,500 флориновъ, 410 гранъ Viceroy—3,000 фл. и т. д. Были сдѣлки такого рода: за луковицу давалась новая карета и пара лошадей съ упряжью, за другую—двѣнадцать акровъ земли. Изъ дѣлъ города Алькмара видно, что въ 1637 г. сто двадцать луковицъ было продано съ публичнаго торга въ пользу сиротскаго дома за 90,000 фл. Понятно, какія громадныя суммы переходили изъ рукъ въ руки каждый день, какія состоянія складывались и разрушались въ самый короткій срокъ. Биржевая игра со всѣми ея нынѣшними приливами и отливами была уже на лицо. Вся разница, какъ говоритъ Максъ Виртъ, состоитъ въ томъ, что акціи назывались тогда «тюльпанами». Изъ множества относящихся къ тому времени анекдотовъ приведемъ два. Одинъ купецъ велѣлъ подать закусить матросу, который доставилъ ему на домъ какіе-то товары. Закуска была очень скромная—селедка и кружка пива. Матросъ захотѣлъ ее чѣмъ нибудь приправить и искрошилъ въ селедку лежавшую тутъ же въ комнатѣ луковицу. Оказалось, что завтракъ матроса обошелся въ 500 фл., потому что такова была цѣна луковицы: она была тюльпановая и купецъ ее только что пріобрѣлъ. Одинъ англичанинъ нашелъ въ саду нѣсколько тюльпановыхъ луковицъ и взялъ ихъ себѣ для научныхъ изслѣдованій. Онъ былъ обвиненъ въ воровствѣ и долженъ былъ уплатить громадныя деньги. Не одна Голландія одурѣла. И Лондонъ, и Парижъ обезумѣли, хотя и въ меньшей степени. Наконецъ наступила минута расплаты за глупость. Завѣса упала съ глазъ, и луковицы оказались луковицами, чѣмъ имъ и надлежитъ быть. Настала паника. Тотъ, кто вчера еще владѣлъ громаднымъ состояніемъ въ видѣ нѣсколькихъ тюльпановъ, которые стоило только вынести на рынокъ, чтобы имѣть и землю, и лошадей, и экипажи, и деньги, и всѣ блага земли—сегодня оказался нищимъ. Напрасно продавцы тюльпановъ доказывали, что ихъ товаръ имѣетъ высокую цѣнность и что паника не имѣетъ основанія. Ничто не въ силахъ было удер-

жать паденія курса тюльпановъ, которые были впрочемъ также красивы и цвѣтущи, какъ и прежде. Банкротства шли за банкротствами, и много лѣтъ понадобилось на излеченіе ранъ, нанесенныхъ безсмысленной тюльпаноманіей.

Не говоря о поучительности этой исторіи, имѣющей себѣ по нелѣпости весьма мало соперницъ въ исторіи человѣчества и, однако, въ сущности, тождественной съ позднѣйшими спекуляціонными лихорадками, она поможетъ намъ установить нужные термины. Каждый изъ тюльпановъ очень хорошо понималъ или могъ понимать, что настоящая цѣна луковицѣ—грошъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разсчитывалъ на глупость всѣхъ остальныхъ, на то именно, что они будутъ цѣнить грошъ въ нѣсколько тысячъ гульденовъ. Въ концѣ-концовъ всѣ оказались равно глупы, за исключеніемъ можетъ быть горсти запѣвалъ, въ родѣ нашей «малой биржи», засѣдающей то у Демута, то у Вольфа. Такъ представляется исторія съ перваго взгляда. На дѣлѣ однако такой сознательности въ дѣйствіяхъ большинства тюльпановъ по всей вѣроятности не было. Это былъ чисто болѣзненный и заразительный процессъ, находящійся можетъ быть въ прямой связи съ «основнымъ психо-физическимъ закономъ», съ несоразмѣрностью роста раздраженій и ощущеній. Это стихійныя силы бушевали, а не силы разума. Какъ бы то ни было, но каждый тюльпаноманъ думалъ исключительно о своей личной наживѣ. Это-то беззавѣтное стремленіе къ личной наживѣ экономисты и взяли нѣкоторымъ образомъ подъ свое покровительство, построивъ на немъ науку и объявивъ, что, оставленное на всей своей вольной волѣ стремленіе это водворить на землѣ ту степень совершенства людскихъ отношеній, какую только способна вынести наша грѣшная земля. Сами экономисты думали, что они стоятъ за свободу, интересы и достоинство личности; другіе громили ихъ за систематизацію и догматизацію эгоизма, индивидуализма. Возьмемъ же тюльпаноманію. Что нравственную подкладку этого бѣшенства составляетъ эгоизмъ это конечно вѣрно. Но—если моралисты спорятъ объ томъ, есть ли въ насъ какой нибудь этическій двигатель,

который не можетъ быть сведенъ къ эгоизму, такъ только потому, что эгоизмъ способенъ принимать безконечно разнообразныя формы. И во всякомъ случаѣ та форма эгоизма, которая дѣйствительно заслуживала бы названіе индивидуализма, очевидно отсутствуетъ въ тюльпаноманіи. Мы тутъ видимъ простое стадо барановъ, жмущихся другъ къ другу и безсмысленно валящихся всей гурьбой въ пропасть. Глупостью ли, разсчетомъ ли на чужую глупость, чѣмъ бы то ни было, но тюльпаноманы всѣ обезличены, связаны въ кучу. Конечно на такомъ патологическомъ случаѣ ничего основывать нельзя, и тюльпаноманію мы приводимъ только въ качествѣ иллюстраціи.

Намъ могутъ сказать, что основной психо-физическій законъ приложимъ не только къ системѣ наибольшаго производства, что не только жажда наживы, а и жажда познанія, жажда любви ненасытимы въ силу того, что ощущеніе возростаетъ, какъ логариѳмъ вызывающаго его впечатлѣнія. Да наконецъ что же дѣлать и съ жаждой матеріальныхъ наслажденій? Не въ монахи же всѣмъ идти. Совершенно справедливо. Природа обидѣла насъ во всѣхъ отношеніяхъ на этомъ пунктѣ, какъ и на многихъ другихъ. Жаловаться на нее пожалуй и можно, особенно въ лирическомъ стихотвореніи или въ краснорѣчивомъ пессимистическомъ трактатѣ, въ родѣ «Философіи безсознательнаго» Гартмана, но при однѣхъ жалобахъ оставаться неудобно. Надо бороться. Бороться съ природой можно только при помощи ея самой и слѣдовательно только окольными путями. Природа даетъ ядъ, у нея же надо искать противоядія, какого нибудь средства, которое парализировало бы дѣйствіе основнаго психо-физическаго закона. Уже самое поверхностное наблюденіе можетъ дать нѣкоторый намёкъ, что такое средство дѣйствительно есть. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не всѣ же люди наживы топятся, вѣшаются и изнываютъ въ тоскѣ. Есть между ними и такіе, которымъ живется не дурно. Но секретъ ихъ состоитъ въ томъ, что они—не исключительно люди наживы, что они не только не живутъ по тому рецепту Мальтуса, который предписываетъ накоплять, не наслаждаясь, но еще стараются по возможности разнообразить

свои наслажденія. Тонкій и разнообразный обѣдъ, опера, картинная галлерея, путешествіе, книга и проч., и проч. болѣе или менѣе спасаютъ ихъ. Это спасительное дѣйствіе разнообразія впечатлѣній, очевидное для поверхностнаго даже наблюденія, подало поводъ нѣкоему доктору Пидериту основать на немъ теорію счастія (Theorie des Glücks—сочиненіе это извѣстно мнѣ только по цитатамъ того же Ланге, въ Arbeiterfrage). Существуетъ такъ-называемый законъ дѣйствія контрастовъ, по которому нервы наши тѣмъ воспріимчивѣе къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ или раздраженіямъ, чѣмъ дольше они передъ тѣмъ подвергались противоположному раздраженію. «Каждая радость, говоритъ Пидеритъ, кажется намъ тѣмъ большею, чѣмъ сильнѣе было смѣненное ею горе, и тотъ, кто никогда не испытывалъ несчастія, не видалъ и счастія. Пояснимъ это примѣромъ. Температура въ три градуса тепла производитъ, какъ извѣстно, непріятное ощущеніе холода въ пальцахъ. Но если подержать нѣсколько минутъ руку въ ледяной водѣ, то та же температура въ три градуса произведетъ пріятное ощущеніе тепла. Такъ бываетъ и съ человѣческимъ сердцемъ. Часто человѣкъ бываетъ недоволенъ своимъ положеніемъ и ропщетъ на судьбу. Но какъ только сердце его погружается въ ледяную ванну несчастія и онъ теряетъ то, чѣмъ обладалъ, потерянное получаетъ для него высокую цѣну; тѣ самыя условія, которыя ему казались невыносимыми, осчастливили бы его, еслибы вернулись. Самое здоровье можетъ только цѣнить тотъ, кому случалось его терять... Какъ невозможно постоянно питаться сладкими кушаньями, такъ невозможно вынести непрерывную радость и счастіе. Кто черезъ мѣру употребляетъ сладости, у того законъ дѣйствія контрастовъ вызываетъ отвращеніе. По тому же закону скука и пресыщеніе слѣдуютъ за чрезмѣрнымъ счастіемъ. Удивляются, что богачи-англичане, которымъ жизнь ни въ чемъ не отказываетъ, такъ часто кончаютъ сплиномъ и самоубійствомъ. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что

Nichts ist schwerer zu ertragen,
Als eine Reihe von guten Tagen".

Законъ дѣйствія контрастовъ обязателенъ не только для нервовъ ощущенія, а и для нервовъ движенія. Трудъ и напряженіе дѣйствуютъ благодѣтельно и пріятно послѣ долгаго покоя, а покой въ свою очередь доставляетъ наслажденіе послѣ напряженнаго труда. «Это относится и къ умственному труду, продолжаетъ Пидеритъ. Умственный трудъ есть первое условіе нравственнаго здоровья, и наслажденіе умственнаго напряженія состоитъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ за нимъ благодатномъ чувствѣ душевнаго покоя. Чѣмъ дольше и напряженнѣе стремимся мы къ какой нибудь цѣли, тѣмъ сильнѣе наслажденіе успокоенія, когда цѣль достигнута. При этомъ степень наслажденія зависитъ не отъ того, какъ другіе оцѣнятъ добытый нами результатъ, а отъ степени и продолжительности затраченнаго напряженія. Ученый математикъ, рѣшивъ уравненіе первой степени, останется вполнѣ равнодушенъ, а ученику третьяго класса, которому придется поломать голову надъ этой задачей, результатъ доставитъ высокое наслажденіе. Такимъ образомъ, «счастіе осуществляется по извѣстнымъ физіологическимъ законамъ, одинаково дѣйствующимъ на каждаго безъ различія возраста и общественнаго положенія. Радость и горе, счастіе и несчастіе смѣняютъ другъ друга въ жизни, какъ день и ночь, и чѣмъ темнѣе была ночь, тѣмъ благодатнѣе кажется намъ свѣтъ новаго дня. Несчастному легко выбраться изъ несчастія. Стоитъ ему только обратиться къ труду, и притомъ къ такому труду, къ которому онъ имѣетъ больше всего склонности и способностей: одинъ берется за книги, другой за странническій посохъ, третій за плугъ, четвертый за кисть художника, и съ работой возвращается наслажденіе, радость, счастіе».

Это была бы прекраснѣйшая теорія счастія, еслибы она соотвѣтствовала дѣйствительности, а такое требованіе можетъ быть ей предъявлено, потому что почтенный докторъ Пидеритъ утверждаетъ, что, собственно говоря, въ дѣйствительности всѣ счастливы, субъективно счастливы, т. е. сознаютъ себя счастливыми. Но такъ какъ этого нѣтъ и такъ какъ обратиться къ труду, къ

которому чувствуешь склонность и способности, въ дѣйствительности часто бываетъ трудновато, то почтенный докторъ Пидеритъ не теорію счастія состряпалъ, а кислосладкую нѣмецкую Mehlspeise mit Mandeln und Rosinen. Кто такія Mehlspeisen любитъ—тому благо. Однако и тотъ, кому эти произведенія нѣмецкаго кулинарнаго генія претятъ, долженъ признать, что въ основаніи теоріи Пидерита есть нѣчто очень цѣнное. Законъ контрастовъ очевидно способенъ вывести насъ изъ-подъ дѣйствія фатальной несоразмѣрности роста ощущеній и раздраженій. Очевидно въ самомъ дѣлѣ, что постоянное возрастаніе раздраженій одного и того же рода съ успѣхомъ можетъ быть замѣнено разнообразіемъ впечатлѣній. Если алчность, жажда наживы или какая бы то ни было иная жажда будетъ уравновѣшена какимъ нибудь контрастомъ, то угрожающая человѣку опасность превратиться въ бездонную бочку, будетъ устранена. Но конечно спасительныхъ контрастовъ слѣдуетъ искать не тамъ и не такъ, гдѣ и какъ ихъ ищетъ Пидеритъ. Онъ просто не понялъ своей собственной исходной точки. Это не съ нимъ однимъ бываетъ. Въ одномъ изъ мелкихъ опытовъ Спенсера («Польза и красота») между прочимъ развивается тотъ же законъ контраста въ примѣненіи къ частной области. Дѣло идетъ о контрастѣ, какъ небходимомъ условіи красоты. Такъ, чтобы получить художественный эффектъ, свѣтъ долженъ быть располагаемъ рядомъ съ тѣнью, яркіе цвѣта съ мрачными, выпуклыя поверхности съ плоскими; громкіе переходы въ музыкѣ должны смѣняться и разнообразиться тихими, а хоровыя пьесы — соло; въ драмѣ требуется разнообразіе характеровъ, положеній, чувствъ, стиля; въ поэмѣ измѣненіемъ стихосложенія достигается значительный эффектъ и проч. На основаніи этого Спенсеръ защищаетъ историческихъ живописцевъ отъ чьихъ-то упрековъ въ томъ, что они заимствуютъ свои сюжеты изъ далекаго прошлаго, а не изъ современной жизни. Современныя положенія и событія, говоритъ онъ, составляютъ невыгодный сюжетъ для искусства, потому что влекутъ за собой сцѣпленіе идей, не представляющихъ значительнаго контраста съ нашими ежедневными представленіями.

Не говоря объ томъ, что современная жизнь, если ужь на то пошло, представляетъ слишкомъ достаточное количество рѣзкихъ контрастовъ въ пространствѣ, чтобы ихъ надо было искать во времени, вся защита исторической живописи пришита тутъ противно основнымъ требованіямъ логики. Исходная точка Спенсера есть необходимость разнообразія слуховыхъ и зрительныхъ впечатлѣній, необходимость извѣстныхъ контрастовъ въ самой картинѣ, драмѣ, поэмѣ, оперѣ и т. д. Это не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ несходству положенія зрителя или слушателя съ сюжетомъ картины или оперы. Такъ и у Пидерита. Начинаетъ онъ съ благотворнаго значенія разнообразія ощущеній, а кончаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ изъ несчастія необходимое звено счастія. Ощущенія могутъ быть различны, даже противоположны, совершенно помимо категоріи пріятнаго. Еслибы ощущенія не подлежали иной классификаціи, не могли бы быть раздѣлены иначе, какъ на пріятныя и непріятныя, тогда конечно, законъ контрастовъ обязывалъ бы насъ переходить отъ пріятныхъ ощущеній къ непріятнымъ, чтобы затѣмъ опять съ большею сладостью вкусить удовольствіе и т. д. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Ощущенія бываютъ зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д.; затѣмъ въ группѣ зрительныхъ ощущеній различимы ощущенія свѣта и темноты, краснаго, зеленаго, синяго и т. д. цвѣтовъ, линій и плоскостей, прямыхъ и кривыхъ линій, геометрическихъ тѣлъ и органическихъ формъ и проч., и проч., и проч. Словомъ, тутъ имѣется такое неисчерпаемое море контрастовъ, что нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ ощущеніямъ непріятнымъ для усиленія сладости пріятныхъ. Послѣ глупаго и бездарнаго произведенія какого нибудь жалкаго писаки очень пріятно читать твореніе геніальнаго человѣка. Это такъ. Но и въ средѣ геніевъ я могу найти достаточно разнообразія, чтобы не утруждать себя чтеніемъ глупостей и бездарностей. Отъ скептическаго и мрачнаго Байрона я могу перейти къ бурному идеализму молодого Шиллера, отъ него къ спокойному реализму Гете и т. д. Временная разлука съ другомъ можетъ быть и пріятна въ своемъ результатѣ—удвоенной радости свиданія. Но

еслибы мой другъ обладалъ такими сокровищами ума и сердца, которыя, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ, давали бы съ каждымъ поворотомъ все новыя и все прекрасныя комбинаціи,—такъ зачѣмъ намъ разлучаться? Конечно вѣрно нюхать розы надоѣстъ, но зачѣмъ же я стану, контраста ради, нюхать какую нибудь гадость, когда могу найти достаточно разнообразія и въ сферѣ пріятныхъ обонятельныхъ ощущеній, когда на землѣ рядомъ съ розой цвѣтутъ и благоухаютъ фіалки, душистый горошекъ, геліотропы и проч. А если и это все мнѣ надоѣстъ, такъ я могу обратиться къ богатому запасу ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ и т. д. Безъ сомнѣнія, это *могу* очень условно. Я далеко не всегда могу разбирать и выбирать ощущенія. Люди не доросли даже до идеи возможности непрерывнаго счастія и не могутъ себѣ представить счастія иначе, какъ съ хлыстомъ и шпорами несчастія, А объ осуществленіи дѣйствительныхъ условій счастія нѣчего разумѣется и говорить. Отъ нихъ люди до сихъ поръ, можно сказать, все удалялись. Но теперь у насъ рѣчь идетъ только объ томъ, что физіологическій законъ контрастовъ самъ по себѣ не оправдываетъ толкованія Пидерита (толкованіе это принадлежитъ не исключительно Пидериту, а очень многимъ), потому что теоретическіе контрасты могутъ быть найдены и въ сферѣ пріятныхъ ощущеній. Надо еще замѣтить, что Пидеритъ, какъ и всѣ писавшіе о законѣ контрастовъ (у насъ, напримѣръ, Ушинскій—«Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія»), придаетъ неправильное значеніе продолжительности и напряженности извѣстнаго ощущенія. Въ извѣстныхъ предѣлахъ продолжительность ощущенія дѣйствительно придаетъ высокую цѣну ощущенію противоположному, но отнюдь нельзя сказать: чѣмъ продолжительнѣе и напряженнѣе напримѣръ ощущеніе голода или темноты, тѣмъ пріятнѣе ощущеніе насыщенія или свѣта; или: чѣмъ напряженнѣе и продолжительнѣе умственная работа, тѣмъ сильнѣе наслажденіе успокоенія; или: чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе горе, тѣмъ сильнѣе и смѣняющая его радость. Все это справедливо только въ извѣстныхъ, сравнительно узкихъ предѣлахъ. Пока напримѣръ голодъ не выходитъ изъ предѣловъ

аппетита (который, мимоходомъ сказать, составляетъ ощущеніе пріятное), это конечно совершенно вѣрно, но очень голодный человѣкъ просто не можетъ ѣсть. Точно также: выйдти на яркій свѣтъ послѣ долгаго пребыванія въ темнотѣ непріятно и тяжело — «глазамъ больно». Русскіе писатели, вообще имѣющіе несчастную привычку работать вечеромъ и даже ночью, знаютъ, что, по окончаніи продолжительной и напряженной работы, долго нѣтъ возможности успокоиться и заснуть. Человѣкъ, убитый горемъ, дѣйствительно убитъ для радости; нуженъ часто очень продолжительный промежутокъ времени, цѣлые года, чтобы на лицѣ его опять могла появиться улыбка радости. Романисты часто описываютъ, какъ высохшая земля жадно пьетъ благодатныя капли дождя и т. д. Но кто хоть разъ въ жизни видѣлъ дождь послѣ засухи или даже просто поливалъ цвѣты, тотъ знаетъ, что это—одна изъ многочисленныхъ несообразностей, извѣстныхъ подъ именемъ поэтическихъ вольностей, потому что на дѣлѣ бываетъ совсѣмъ наоборотъ: сухая земля сравнительно долго не впитываетъ въ себя воду. Такъ и продолжительное напряженіе нервовъ ощущенія или движенія въ одномъ какомъ нибудь направленіи не только не дѣлаетъ ихъ воспріимчивѣе, а прямо притупляетъ.

Такимъ образомъ, говоря отвлеченно, есть полная возможность избѣжать дѣйствія основнаго психо-физическаго закона. И для этого нѣтъ надобности въ періодической смѣнѣ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, счастія и несчастія. Нужны только разнообразіе и извѣстная равномѣрность ощущеній и слѣдовательно разносторонность жизненной дѣятельности, возможное, такъ сказать, расширеніе нашего *я*. Конечный предѣлъ этому расширенію во всякое данное время полагается границами человѣческой природы, т. е. суммою силъ и способностей человѣка. Сумма эта не представляетъ конечно величины постоянной и можетъ, въ болѣе или менѣе продолжительные сроки, прибывать и убывать. Напримѣръ нѣкоторые натуралисты полагаютъ, что есть насѣкомыя, обладающія органами чувствъ, намъ совершенно неизвѣстныхъ. Еслибы, чего, надо думать, никогда не случится, у

человѣка явились эти теперь для насъ даже безусловно немыслимыя чувства, то измѣнилась бы и формула его жизни, передъ нимъ развернулся бы цѣлый новый міръ наслажденія и дѣятельности, ни объ размѣрахъ, ни объ характерѣ котораго человѣкъ не можетъ теперь имѣть даже отдаленнѣйшаго понятія. Съ другой стороны, мы знаемъ, что, напримѣръ, евреи временъ Библіи и греки временъ Гомера неспособны были воспринимать такіе оттѣнки цвѣтовъ, которые для насъ вполнѣ ясны, что они не знали напримѣръ голубаго цвѣта *). На этомъ пунктѣ, значитъ, наше *я* со временъ Библіи и Гомера расширилось. Но, расширяясь въ одномъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ, это *я* можетъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ суживаться, утрачивая соотвѣтственныя силы и способности совсѣмъ или же сокращая ихъ размѣры. Вообще тутъ возможны самыя сложныя и запутанныя комбинаціи. Намъ предстоитъ выяснить нѣкоторыя изъ нихъ, и едва ли не важнѣйшія—именно комбинаціи, возникающія подъ давленіемъ различныхъ формъ общественной жизни. Что касается другого великаго фактора исторіи человѣчества, природы, то онъ будетъ для насъ стоять на второмъ планѣ. Однако во избѣжаніе недоразумѣній намъ здѣсь же придется сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ общихъ законахъ природы съ точки зрѣнія вліянія ихъ на судьбы личности. Мы будемъ очень кратки; подробное развитіе нижеслѣдующихъ мыслей читатель найдетъ въ статьяхъ: «Что такое прогрессъ?», «Теорія Дарвина и общественная наука», «Замѣтки о Дарвинизмѣ», «Органъ общество и недѣлимое» и проч: **).

---

*) Эта теорія Гладстона-Гейгера нынѣ уже опровергнута, но я оставляю ссылку на нее, въ качествѣ нагляднаго примѣра, иллюстраціи.

**) Статья «Что такое прогрессъ?» вошла въ четвертый томъ настоящаго изданія; „Теорія Дарвина и общественная наука"—въ предлагаемый пятый; статья „Органъ, общество и недѣлимое» войдутъ въ значительно расширенномъ видѣ въ шестой томъ. Сверхъ того читатель благоволитъ обратиться къ статьѣ „Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» (томъ первый) и къ нѣкоторымъ главамъ „Записокъ профана" (томъ третій).

Есть ли въ природѣ какія нибудь силы, вліяющія на расширеніе или съуженіе формулы жизни недѣлимаго, индивида? Съ тѣхъ поръ, какъ измѣняемость видовъ стала общепризнанною истиною, этотъ вопросъ рѣшенъ утвердительно. Честь эта принадлежитъ дарвинизму. Для дарвинистовъ вся сумма органической жизни на землѣ, во всемъ ея разнообразіи, произведена изъ немногихъ простѣйшихъ формъ совокупнымъ дѣйствіемъ двухъ физіологическихъ дѣятелей: наслѣдственности и приспособленія. Первая представляетъ элементъ консервативный, элементъ инерціи, вторая—элементъ прогрессивный, элементъ движенія. Борьба за существованіе и подборъ родичей обусловливаютъ собою вымираніе индивидовъ слабыхъ, менѣе приспособленныхъ къ окружающимъ условіямъ, и побѣду индивидовъ сильныхъ, приспособленныхъ. Вотъ простѣйшія основанія дарвинизма. Но они показываютъ только, что формула жизни индивида, его *я* можетъ сильно измѣняться вообще. Будетъ ли оно расширяться или съуживаться, это—другой вопросъ, на который дарвинисты даютъ отвѣтъ крайне сбивчивый и двусмысленный. Самъ Дарвинъ приводитъ нѣкоторые поразительные примѣры побѣды слабыхъ индивидовъ, какъ напримѣръ слабокрылыхъ островныхъ насѣкомыхъ, паразитовъ, лишенныхъ органовъ зрѣнія и движенія, слѣпыхъ пещерныхъ животныхъ и проч., которыя побѣждаютъ своихъ болѣе одаренныхъ родичей, именно благодаря слабости, слѣпотѣ, неподвижности. А между тѣмъ, тотъ же Дарвинъ настаиваетъ на томъ, что борьба за существованіе и подборъ ведутъ къ совершенствованію организмовъ, разумѣя подъ совершенствованіемъ иногда приспособленіе, а иногда именно приращеніе силъ и способностей индивида. Такое приращеніе, какъ результатъ Дарвиновыхъ принциповъ, во всякомъ случаѣ весьма проблематично. Путемъ борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій видъ можетъ претерпѣвать измѣненія во всевозможныхъ направленіяхъ. Поэтому шансы для прямолинейнаго развитія впередъ, т. е. къ приращенію суммы силъ и способностей недѣлимаго, по теоріи вѣроятностей, не сильнѣе шансовъ для прямолинейнаго отступленія назадъ, т. е. къ убыли.

Спрашивается: какъ же объяснить появленіе на землѣ крайне сложныхъ организмовъ, далеко превосходящихъ, по количеству силъ и способностей, простѣйшія исходныя точки органической жизни? Дѣло въ томъ, что въ теоріи Дарвина слѣдуетъ различить двѣ стороны: общую идею происхожденія органической жизни изъ немногихъ простыхъ формъ и собственно Дарвину принадлежащее объясненіе того пути, которымъ шло и идетъ развитіе органическаго міра. Какъ ни остроумно это объясненіе, какъ ни тонка и плодотворна работа Дарвина, но нѣкоторые ученые полагаютъ, что его гипотеза недостаточна. Они не отрицаютъ не только измѣняемости видовъ, но и спеціально Дарвиновыхъ принциповъ подбора приспособленныхъ и борьбы за существованіе. Они ставятъ только рядомъ съ ними особый принципъ развитія, въ силу котораго измѣненіе видовъ имѣло бы мѣсто и при отсутствіи подбора, полезныхъ приспособленій и борьбы за существованіе. Этотъ законъ развитія давно уже признанъ въ эмбріологіи, но лишь очень немногими прилагается къ объясненію происхожденія видовъ. Онъ основывается на (предполагаемомъ) свойствѣ организованной матеріи принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе. Въ свойствѣ этомъ нѣтъ ничего мистическаго. Какъ магнитной стрѣлкѣ свойственно обращаться всегда однимъ концомъ къ сѣверу; какъ въ неорганической природѣ извѣстнымъ элементамъ свойственно группироваться только въ опредѣленныя химическія соединенія и принимать только опредѣленныя кристаллическія формы; какъ наконецъ въ клѣточкѣ атомы углерода, водорода, кислорода и азота обнаруживаютъ стремленіе слагаться въ болѣе и болѣе сложныя и высшія соединенія—такъ точно и самимъ клѣточкамъ свойственно сходиться все въ большемъ и большемъ числѣ и составлять все болѣе и болѣе сложныя формы органической жизни. Усложненіе это состоитъ въ увеличеніи числа и разнообразія органовъ и въ усиленіи *физіологическаго раздѣленія труда*, т. е. въ усиленіи обособленія и приспособленія органовъ къ спеціальнымъ отправленіямъ. Такимъ образомъ законъ развитія неудержимо и постоянно толкаетъ орга-

низованную матерію впередъ, къ дальнѣйшему усложненію. Подъ его вліяніемъ сумма силъ и способностей недѣлимыхъ постоянно ростетъ. Дарвиновскіе же принципы подбора, борьбы и полезныхъ приспособленій болѣе или менѣе отклоняютъ жизнь отъ этого прямо прогрессивнаго пути въ разныя стороны. Они представляютъ собою вліянія пертурбаціонныя. Напримѣръ разъ появившійся органъ зрѣнія никоимъ образомъ не могъ бы исчезнуть, еслибы на обладателя его вліялъ только законъ развитія. Законъ этотъ напротивъ требуетъ дальнѣйшаго усложненія какъ органа зрѣнія, такъ и другихъ органовъ чувствъ. Но силы природы не дѣйствуютъ въ одиночку: онѣ сталкиваются, парализируютъ одна другую безъ всякаго плана и цѣли. Животное загоняется ближайшими условіями жизни въ пещеру или обрекается на паразитизмъ, и тутъ-то обнаруживается вліяніе началъ борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій. Во взаимной борьбѣ за существованіе тѣ изъ паразитовъ будутъ побѣдителями, которые отличаются нѣкоторою вялостью движеній и слабостью зрѣнія, потому что въ условіяхъ паразитизма конечности и глаза составляютъ только лишнее бремя. Вялость и слѣпота подхватываются подборомъ, и въ результатѣ получается полное приспособленіе—окончательная утрата органовъ движенія и зрѣнія. Но въ общемъ счетѣ, въ цѣломъ, законъ развитія одерживаетъ все-таки верхъ, чѣмъ и объясняется сложность и богатство не только органической жизни вообще, а и отдѣльныхъ, индивидуальныхъ ея представителей.

Хотя для меня далеко не безразлично, признаётъ ли читатель законъ развитія или нѣтъ, но настаивать здѣсь на этомъ пунктѣ я не могу. Читатель долженъ во всякомъ случаѣ признать, что приспособленіе къ условіямъ существованія отнюдь не необходимо ведетъ за собой усовершенствованіе въ смыслѣ расширенія индивидуальнаго *я*, прироста суммы силъ и способностей индивида, а слѣдовательно—и роста его счастія. Приспособленіе ведетъ только къ извѣстному равновѣсію между индивидомъ и окружающими условіями, и если эти условія очень просты и однообразны, то приспособленіе можетъ состоять въ

приниженіи организаціи. Самъ Дарвинъ вынужденъ неоднократно утверждать это съ полною опредѣленностью. Спрашивается теперь: каковы результаты приспособленія человѣческой личности къ условіямъ общественной жизни? Расширяютъ ли они наше *я* или съуживаютъ, увеличиваютъ или уменьшаютъ шансы нашего счастія? И да, и нѣтъ—смотря по точкѣ зрѣнія. Въ принципѣ безъ сомнѣнія общественная жизнь даритъ насъ цѣлой массой наслажденій, которыя совершенно немыслимы для человѣка одинокаго, еслибы такой былъ возможенъ. Какъ говоритъ поэтъ, раздѣленное горе—полгоря, раздѣленное счастіе—двойное счастіе. Нѣтъ надобности и говорить, какъ велико вліяніе жизни въ обществѣ на развитіе и усложненіе нервной системы и какъ обогощаетъ нашу духовную природу облегчаемая общественнымъ состояніемъ возможность «сочувственнаго опыта», т. е. переживанія личностью чужой жизни, присвоенія себѣ добытыхъ ею результатовъ. Я полагаю даже, что роль сочувственнаго опыта громадна и въ дѣлѣ пріобрѣтенія человѣчествомъ положительныхъ знаній, на что къ сожалѣнію исторія науки не обращаетъ до сихъ поръ никакого вниманія. Словомъ, въ принципѣ расширеніе нашего личнаго *я* путемъ кооперації, общественной жизни не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но принципъ этотъ претерпѣваетъ весьма существенныя измѣненія въ примѣненіи къ различнымъ формамъ кооперації. Нынѣ въ большой модѣ параллели и аналогіи между обществомъ и недѣлимымъ. Какъ читателю извѣстно, мы держимся очень невысокаго мнѣнія обо всѣхъ этихъ упражненіяхъ, въ которыхъ не знаешь чему удивляться — отсутствію ли нравственнаго чутья, или слабости мысли. Мы готовы однако признать эти аналогіи, если онѣ будутъ логически доведены до конца, потому что конецъ этотъ наилучше обнаруживаетъ полнѣйшую несостоятельность субъективной стороны работы всѣхъ аналогистовъ, а въ этой-то сторонѣ и все дѣло. Напримѣръ всѣ теоретики „общественнаго организма“ настаиваютъ на аналогіи физіологическаго и экономическаго или общественнаго раздѣленія труда. Аналогію эту они проводятъ до тошноты подробно, и слѣдить за всей ихъ эквилибристикой

намъ нѣтъ никакой надобности. Мы возьмемъ одинъ только грубый и рѣзкій примѣръ, удобный по всей наглядности: образованіе сословій или, еще лучше, индійскихъ кастъ аналогично обособленію тканей и органовъ въ организмѣ. Какъ въ Индіи общественное раздѣленіе труда породило касты браминовъ, воиновъ, простыхъ гражданъ и рабовъ, такъ физіологическое раздѣленіе труда обособляетъ въ организмѣ различные органы, исполняющіе только одну какую нибудь функцію. Аналогія можетъ идти дальше, проводя параллели между браминами и головой, воинами и руками и т. д. Аналогія выводится, по степени способностей изслѣдователя, болѣе или менѣе полная и остроумная, а въ результатѣ получается положеніе: Индія есть организмъ. Ну прекрасно, пусть будетъ организмъ—имя вещи не мѣняетъ—пусть аналогія вышла блестящая. Но идите же дальше въ сопоставленіи общественнаго и физіологическаго раздѣленія труда, покажите ихъ взаимныя отношенія, которыхъ аналогія вовсе не касается. А взаимныя отношенія физіологическаго и экономическаго раздѣленія труда таковы, что они взаимно исключаются, т. е.: чѣмъ общественное раздѣленіе труда сильнѣе, тѣмъ физіологическое слабѣе и обратно. Чѣмъ собственно въ нашей аналогіи сходны голова и брамины? Тѣмъ, что браминъ въ обществѣ, какъ мозгъ въ организмѣ, монополизируютъ процессы мышленія; они болѣе или менѣе, насколько то для человѣка возможно, заглушаютъ въ себѣ остальныя отправленія, а у другихъ членовъ общества въ то же время ослабляются функціи мозга. Точно тоже и съ кшатріями, ваисіями, судрами. Ясно, что въ каждомъ изъ представителей этихъ кастъ внутренняя физіологическая работа стала одностороннѣе, ихъ индивидуальное *я* съуживается именно потому, что общество стало разностороннѣе. Допустимъ же, что общество и личность, индивидъ, аналогичны и что даже развитіе ихъ управляется однимъ и тѣмъ же закономъ, который Спенсеръ называетъ закономъ перехода отъ однороднаго къ разнородному (это, собственно говоря, и есть вышеупомянутый законъ развитія). Но очевидно, что съ точки зрѣнія этого закона нормальное развитіе общества и нор-

мальное развитіе личности сталкиваются враждебно. Аналогисты этого не понимаютъ. Они твердятъ свое: общество, подобно организму, дифференцируясь, распадаясь на несходныя части, прогрессируетъ. Хорошо, пусть *общество прогрессируетъ*, но поймите, что *личность* при этомъ *регрессируетъ*, что, если имѣть въ виду только эту сторону дѣла, то общество есть первый, ближайшій и злѣйшій врагъ человѣка, противъ котораго онъ долженъ быть постоянно на сторожѣ. Общество самымъ процессомъ своего развитія стремится подчинить и раздробить личность, оставить ей какое нибудь одно спеціальное отправленіе, а остальныя раздать другимъ, превратить ее изъ индивида въ органъ. Личность, повинуясь тому же закону развитія, борется или по крайней мѣрѣ должна бороться за свою индивидуальность, за самостоятельность и разносторонность своего *я*. Эта борьба, этотъ антагонизмъ не представляетъ ничего противоестественнаго, потому что онъ царитъ во всей природѣ. Мы недавно еще приводили мотивированное мнѣніе объ этомъ предметѣ первокласснаго европейскаго ученаго, Геккеля: цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части, и обратно.

Но какъ же связать эту враждебную личности тенденцію общества съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что общественная жизнь расширяетъ и обогащаетъ наше личное существованіе? Вопросъ разрѣшается тѣмъ, что мы имѣемъ здѣсь два встрѣчныхъ теченія, изъ которыхъ иногда одолѣваетъ одно, а иногда другое. Собственно говоря, благодѣтельная для развитія личности сторона общественной жизни не исчезаетъ совершенно даже въ кастовомъ устройствѣ, вообще представляющемъ едва ли не наиболѣе яркій случай порабощенія личности обществомъ. Спеціалистъ умственной дѣятельности, браминъ, вполнѣ способенъ обогатить запасъ своихъ личныхъ наслажденій сочувствіемъ къ наслажденіямъ всѣхъ подобныхъ ему браминовъ. Точно также благодѣтельно въ извѣстныхъ предѣлахъ даетъ себя знать сочуственный опытъ, какъ орудіе познаванія. Но съ другой стороны, устраняя себя отъ матеріальной и вообще практической дѣятельности, браминъ непремѣнно съуживаетъ сферу своей

жизни. И кругъ его наблюденій становится уже, и возможность пережить жизнь людей, занятыхъ другими задачами, утрачивается; наконецъ кругъ доступныхъ ему наслажденій болѣе или менѣе ограничивается исключительно умственною дѣятельностью. Вообще по мѣрѣ того, какъ принципъ раздѣленія труда осуществляется въ обществѣ, по мѣрѣ того, какъ процессъ дифференцированія дробитъ общество на рѣзко обособленныя группы, имѣющія свои собственныя и другимъ недоступныя цѣли и интересы—получается двоякій результатъ. Съ одной стороны сочувственный опытъ имѣетъ болѣе широкое и полное примѣненіе въ средѣ каждаго изъ обособившихся слоевъ общества, а съ другой—для каждаго изъ представителей извѣстнаго слоя утрачивается возможность поставить себя въ положеніе представителя другого слоя. А этимъ въ корень подрывается благодѣтельное значеніе общества. Мало того, что наслажденія представителей различныхъ слоевъ замкнуты въ болѣе или менѣе узкія рамки: отрава захватываетъ и то спеціальное наслажденіе, которое, казалось бы, вполнѣ обезпечено человѣку его общественнымъ положеніемъ. Мы видѣли, что наслажденіе пріобрѣтенія, наживы, предоставленное обстоятельствами времени и мѣста въ полное владѣніе извѣстныхъ классовъ общества и уединенное отъ другихъ наслажденій, цѣлей и интересовъ, перестаетъ быть наслажденіемъ. Жажда его обращается въ источникъ личнаго несчастія. Точно тоже и со всѣми другими наслажденіями, даже съ наслажденіемъ знанія. Человѣкъ, выработавшій себѣ особенную напряженность того или другого спеціальнаго отправленія и болѣе или менѣе заглушившій въ себѣ всѣ остальныя, естественнымъ образомъ понимаетъ и цѣнитъ только то, что тѣсно соприкасается съ его спеціальнымъ отправленіемъ. Человѣкъ, весь, безъ остатка, отдавшійся жаждѣ знанія, не въ состояніи правильно оцѣнить напримѣръ роль матеріальнаго труда въ обществѣ, онъ не въ состояніи ее *познать*, а между тѣмъ онъ хочетъ *знать все*. Это внутреннее противорѣчіе есть опять-таки источникъ личнаго несчастія, и для меня нисколько не удивительно, что развитіе нѣмецкой ме-

тафизики завершилось философіей отчаянія, пессимистическими системами Шопенгауера и Гартмана, проповѣдывающими одиночное или гуртовое самоубійство. Формула „я и не—я", несмотря на всю свою законность въ принципѣ, несмотря на все свое соотвѣтствіе человѣческой природѣ, непремѣнно должна была, въ устахъ нѣмецкой метафизики, привести къ такому результату. *Я* какого нибудь Гегеля есть, собственно говоря, ничтожная дробь человѣческаго *я*. И эта-то дробь, этотъ-то жалкій органъ общественнаго организма вздумалъ мѣряться и бороться съ „не—я", со вселенной! Онъ потерпѣлъ пораженіе на почвѣ познанія, какъ на нашихъ глазахъ терпятъ его ежедневно люди наживы на почвѣ производства, какъ потерпитъ его каждый, борющійся за разныя частныя цѣли, а не за свою индивидуальность, т. е. за расширеніе до возможныхъ предѣловъ своего личнаго существованія. А эта задача сводится къ борьбѣ съ роковой тенденціей общества двигаться по типу органическаго развитія.

Совершенно поэтому понятны тѣ, на первый взглядъ, поразительные факты современной европейской жизни, съ которыхъ мы начали свою бесѣду. Община и цехъ суть представители низшихъ ступеней общественнаго развитія, старыхъ его моментовъ, когда дифференцирующее вліяніе общества было несравненно слабѣе, чѣмъ нынѣ, слѣдовательно слабѣе были и всѣ пагубныя для личности послѣдствія развитія общества. Отсюда—всѣ обращенія назадъ, въ глубь прошлаго, всѣ упованія на возможность примѣненія его принциповъ къ требованіямъ нашего времени. Въ какой мѣрѣ эти упованія основательны—мы увидимъ въ свое время.

Вполнѣ сознавая крайнюю бѣглость и неполноту предлагаемаго введенія, мы отсылаемъ читателя за разъясненіями и дополненіями къ прежнимъ нашимъ статьямъ, а равно и къ послѣдующимъ очеркамъ. Намъ нужно было только напомнить кое-что читателю, чтобы выяснить ту точку зрѣнія, съ которой впослѣдствіи будутъ подвергнуты анализу различныя формы общественной жизни. Мы начнемъ съ самой элементарной формы—съ семьи.

II *).

Семья.

Не нами міръ начался и не нами кончится.—Къ теоріи борьбы за индивидуальность.—Практическіе идеальные типы.—Типы и степени развитія.—Отсутствіе семьи, какъ исходная точка супружескихъ и родительскихъ отношеній.—Факты, характеризующіе эти отношенія въ глубокой древности.—Теорія любви Шопенгауера. — Теорія любви Геккеля. — Любовь съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность.—Мивъ Платона о происхожденіи половыхъ различій.

Я имѣю къ читателю, который удостоитъ своимъ вниманіемъ эти очерки, одну очень скромную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень важную просьбу. Я прошу его именно помнить, что не имъ міръ начался и не имъ кончится. Кажется просьба достаточно скромная, и читатель, я увѣренъ, съ перваго же слова дастъ мнѣ свое согласіе, даже можетъ быть съ презрительнымъ нетерпѣніемъ пожметъ плечами: дескать, стоитъ ли объ этомъ толковать? Но я продолжаю настаивать на своей просьбѣ, потому что исполнить ее вовсе не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Читатель долженъ не просто обѣщать, а постараться какъ можно глубже проникнуться той мыслью, что не имъ міръ начался и не имъ кончится. Множество формъ общественной жизни сдано въ архивъ исторіи и либо погибаютъ тамъ навсегда, не оставивъ по себѣ ни слѣда, ни воспоминанія, либо возстановляются только въ мысли историка и соціо-

*) 1876, январь.

лога, какъ возстановляются въ мысли палеонтолога чудовищные образы лабиринтодонтовъ и плезіозавровъ, либо, наконецъ, нырнувъ въ глубь временъ, возникаютъ на почвѣ дѣйствительной жизни вновь въ преобразованномъ видѣ. Съ другой стороны множество формъ общественной жизни предстоитъ человѣчеству въ будущемъ. Этого нельзя не признать уже по простой аналогіи съ прошедшимъ. Тѣ можетъ быть милліоны лѣтъ, которые предстоитъ прожить человѣчеству, не могутъ же быть наполнены нашими теперешними чувствами и отношеніями. Придутъ иныя птицы, совьютъ иныя гнѣзда и запоютъ иныя пѣсни, а наши гнѣзда и пѣсни будутъ играть такую же роль, какъ реставрированныя фигуры лабиринтодонтовъ въ палеонтологическихъ музеяхъ или каменные топоры первобытныхъ людей въ музеяхъ археологическихъ. Мы стоимъ на границѣ необъятнаго прошлаго и необъятнаго будущаго. Какъ ни очевидна эта истина, но дѣйствительно проникнуться ею такъ, чтобы всегда имѣть ее на счету, вовсе не легко. Это свидѣтельствуетъ исторія науки, человѣческой мысли, которая долго была убѣждена, что все, въ ней и вокругъ нея совершающееся, отъ вѣка и до вѣка было и останется въ такомъ видѣ, какъ оно есть. Мысль человѣческая могла себѣ представить начало и конецъ всего сущаго и даже съ особенною любовью останавливалась на этихъ двухъ моментахъ, но иного измѣненія, кромѣ начала и конца, мысль не знала. Идеи для нея были врожденны, т. е. имѣли только начало, а не развитіе, не подлежали никакимъ измѣненіямъ. Виды органической жизни были постоянны, т. е. опять-таки имѣли только начало и разумѣется конецъ. Видовъ, говорилъ Линней, столько, сколько ихъ было создано въ началѣ. Точно также относилась мысль и къ солнечной системѣ, и къ земной корѣ, и къ формамъ общественной жизни, и т. д., хотя, собственно говоря, фактовъ было всегда достаточно для опроверженія такихъ воззрѣній. Но ужь это—какая-то коренная слабость человѣческаго ума: принимать данное за типичное, частное за универсальное и преходящее за вѣчное. Что касается въ частности занимающаго насъ здѣсь предмета, т. е. формъ общественной жизни,

то новѣйшія работы въ области антропологіи, этнографіи и доисторической археологіи, извѣстныя всѣмъ и каждому хоть по наслышкѣ, казалось бы, должны совершенно поколебать господствующую тупую увѣренность, что исторически данныя формы общества составляютъ предѣлъ, его же не прейдеши. Вѣдь и людоѣдъ думалъ, что учрежденіе не фигуральнаго, а прямого пожиранія людей людьми никогда не исчезнетъ. Однако людоѣдъ ошибся, но примѣръ его никого ничему не научилъ. Люди, почему-то называемые практическими, и теперь разсуждаютъ подобно людоѣду. Они не могутъ сдѣлать тѣхъ усилій мысли и воображенія, которыя требуются для того, чтобы представить себѣ возможность значительнаго измѣненія окружающаго міра. Но если вы и преодолѣли эту слабость, являются новыя трудности. Русскому человѣку, воспитанному на ровномъ, плоскомъ пейзажѣ, какъ-то тѣсно, какъ-то нравственно тѣсно и душно въ узкой швейцарской долинѣ, обрамленной высокими горами. Его давитъ эти непривычныя глазу громады справа, громады слѣва, такъ осязательно дающія ему чувствовать его ничтожество. Подобное же нравственное „не по себѣ“ испытываетъ человѣкъ, который вдругъ вспомнитъ, что его настоящая жизнь со всѣми ея треволненіями есть только узкая полоса между необъятнымъ прошедшимъ и столь же необъятнымъ будущимъ. Въ немъ можетъ подняться очень горькое и безотрадное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, завтрашняя исторія смететъ насъ, сегодняшнихъ, послѣзавтрашняя—завтрашнихъ и т. д., и т. д., и т. д., такъ что мысль отказывается наконецъ слѣдить за этой безконечною цѣпью, которая становится по мѣрѣ удаленія все болѣе неопредѣленною, туманною, неуловимою, какъ очертанія альпійскихъ вершинъ, сливающихся съ облаками. А позади, въ прошедшемъ, такая же утомительно длинная перспектива. Изъза чего же я бьюсь? Изъ-за чего напрягаю свой мозгъ, изъ-за чего борюсь и страдаю, когда то, что я съ бою досталъ, какъ истину и справедливость, въ слѣдующее же быть можетъ историческое мгновеніе окажется вздоромъ и гадостью? Вотъ мучительный вопросъ, который заставляетъ васъ инстинктивно цѣ-

пляться за настоящее, какъ за вѣчное, за историческое даннсе, какъ за непреходящее.

Но вѣдь этимъ не поможешь. Да и чему помогать? Когда человѣкъ голоденъ, онъ ѣстъ, не смущаясь тѣмъ, что часовъ черезъ пять желудокъ опять потребуетъ работы, а тамъ опять и опять—вплоть до предсмертной потери аппетита. Все живущее удовлетворяетъ по возможности своимъ потребностямъ. И такъ идетъ жизнь, то создавая новыя потребности, то отшибая старыя, то такъ, то иначе ихъ удовлетворяя или не удовлетворяя. Въ числѣ потребностей человѣка есть потребности знанія и умиротворенія совѣсти. Одна удовлетворяется истиной, другая—справедливостью, а различныя формы этого удовлетворенія образуютъ тѣ безконечныя перспективы прошедшаго и будущаго, которыя называются исторіей человѣчества. Намъ, стоящимъ на извѣстной точкѣ этой необъятной перспективы, есть ли какой-нибудь резонъ смущаться многочисленностью и разнообразіемъ понятій объ истинномъ и справедливомъ не только въ прошедшемъ, а и въ будущемъ? Никакого. Допустимъ, что черезъ какія нибудь сто лѣтъ люди ниспровергнутъ даже такую несомнѣнную для насъ истину, какъ: дважды два—четыре. Отъ этого намъ не можетъ быть ни тепло, ни холодно, потому что мы во всякомъ случаѣ *сыты* таблицей умноженія, съ успѣхомъ употребляемъ ее и въ разчетахъ съ мелочной лавочкой, и въ вычисленіяхъ пути планетъ—словомъ, получаемъ отъ нея полное удовлетвореніе вездѣ, гдѣ она только приложима. Сомнѣнія въ будущности таблицы умноженія, еслибы они и закрались въ вашъ умъ, не могутъ васъ заставить усомниться въ ней самой. Отъ таблицы умноженія поднимитесь къ высочайшему идеалу справедливости. Создавая его, вы тѣмъ самымъ говорите: вотъ какой порядокъ вещей удовлетворитъ мою жажду справедливости, вотъ что мнѣ нужно, чтобы заморить червяка моей совѣсти. Пройдутъ вѣка—и вы окажетесь можетъ быть нищимъ, нищимъ знаніемъ и совѣстью, а идеалъ вашъ будетъ далеко обойденъ или отвергнутъ. Что-жь изъ этого? Пока онъ—вашъ идеалъ, вы во всякомъ случаѣ ничѣмъ, кромѣ осуществленія его или при-

ближенія къ нему, своей жажды справедливости не удовлетворите. И если вы все-таки продолжаете, какъ нѣмцы говорятъ, grübeln на ту тэму, что, дескать, ахъ! я не могу успокоиться на своемъ идеалѣ, потому что взойдетъ солнце—росу высушитъ, наступитъ слѣдующее историческое мгновеніе—и мой идеалъ окажется несостоятельнымъ, такъ это вовсе не значитъ, что идеалъ вамъ очень въ самомъ дѣлѣ дорогъ. Совсѣмъ напротивъ. Это значитъ, что онъ вамъ не дорогъ. Если вамъ докажутъ, что будущее человѣчество станетъ довольствоваться несравненно меньшимъ количествомъ пищи, чѣмъ какое поглощается нами теперь, то вы въ отчаяніе не придете, ахать не будете, а исправно скушаете свою порцію, да еще можетъ быть прибавки потребуете. Когда удовлетвореніе жажды справедливости станетъ для васъ такою же неотложною органическою потребностью, какъ удовлетвореніе аппетита, будущее перестанетъ васъ смущать и на этомъ пунктѣ. Вы и тутъ будете домогаться своей порціи, потому что домогательство это даже не отъ васъ зависитъ и составляетъ необходимое условіе вашего существованія. Дѣло просто въ томъ, что въ каждое историческое мгновеніе человѣкъ, какъ ни какъ, оріентируется и долженъ оріентироваться въ окружающемъ мірѣ, т. е. извѣстнымъ образомъ группировать результаты своего опыта. Онъ при этомъ старается и неизбѣжно долженъ стараться оставить въ своемъ міровоззрѣніи какъ можно меньше прорѣхъ. Это—требованіе его природы, которое необходимо должно быть удовлетворено. И цѣнность удовлетворенія нисколько не уменьшается тѣмъ, что тоже самое требованіе природы по прошествіи извѣстнаго времени будетъ удовлетворено иначе. Слѣдовательно скептицизмъ и сидѣніе сложа руки отнюдь не оправдываются вѣчною смѣною понятій объ истинномъ и справедливомъ. Напротивъ, эта смѣна представляетъ нѣчто въ высокой степени утѣшительное; она оставляетъ надежду, что самыя пылкія ваши мечты, которыя вы можетъ быть даже боитесь разсказать своимъ современникамъ, хотя бы въ нихъ и не было ничего фантастическаго, съ теченіемъ времени и осуществятся, и даже превзойдутся:

Волна на волну набѣгаетъ,
Волна погоняетъ волну...

Страшная, умъ помрачающая громада этихъ волнъ катится и будетъ катиться въ теченіи вѣковъ по руслу исторіи человѣчества. Будемъ же готовы встрѣтить и въ прошедшемъ, и въ будущемъ такія формы общественной связи, которыя потребуютъ отъ насъ сильнѣйшаго напряженія мысли и воображенія. Объ этомъ я и прошу читателя: не нами міръ начался и не нами онъ кончится. Относительно будущаго впрочемъ предлагаемые очерки будутъ крайне скромны. И не только потому, что авторъ ихъ не желаетъ быть осмѣяннымъ, обруганнымъ или заподозрѣннымъ въ сумасшествіи. Нѣтъ, все это я бы взялъ и съумѣлъ бы перенести, еслибы болѣе или менѣе отдаленное будущее могло развернуться передъ нашимъ умственнымъ взоромъ съ полною ясностью. Но это невозможно. Много высокихъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ надолго скомпрометировали не только себя, а и свое дѣло, святое дѣло, тѣмъ, что брались предугадать различныя частности будущаго человѣческаго общества. Мнѣ уже случилось однажды сдѣлать это замѣчаніе и получить недавно отъ критика «Недѣли», г. Л—аго, слѣдующее возраженіе: „Едва ли не напрасно г. Михайловскій упрекнулъ утопистовъ въ томъ, что они предполагали возможнымъ опредѣлить идеальное общество до мельчайшихъ подробностей: они были въ этомъ случаѣ очень послѣдовательны, такъ какъ эмпирическое содержаніе нашего «я» складывается именно изъ мелочей, а слѣдовательно, „признавъ желательнымъ“ отождествленіе этого содержанія во всѣхъ членахъ общества, нельзя не желать опредѣлить эти мелочи („Недѣля“ № 30). Я думаю однако, что я правъ. Прежде всего, какой моментъ исторіи разумѣется подъ „идеальнымъ обществомъ?“ Если дѣло идетъ о завтрашнемъ днѣ, такъ конечно можно говорить даже о „мельчайшихъ подробностяхъ“. Но на завтрашній день можетъ быть предъявленъ только такой скудный maximum требованій, что осуществленіе ихъ едва-ли стоитъ называть идеальнымъ обществомъ. Надо бы выбрать какой нибудь менѣе громкій терминъ.

Если же осуществленіе идеальнаго общества откладывается до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, то увлечься характеристикой его мельчайшихъ подробностей значить совершенно произвольно остановиться на одномъ изъ звеньевъ исторической цѣпи, уходящей въ непроглядную даль. Однихъ техническихъ изобрѣтеній, которыя могутъ быть сдѣланы въ нужный промежутокъ времени, совершенно достаточно, чтобы обратить въ ничто всѣ подробности утопіи. Надо замѣтить, что почти всѣ утописты, начиная съ Томаса Мора, рисовали подробности идеальнаго общества совсѣмъ не съ научными или философскими, а съ сатирическими цѣлями. И въ этомъ заключается ихъ оправданіе. Поражаясь извѣстною неурядицей, они противопоставляли ей извѣстный порядокъ, въ которомъ элементы неурядицы группировались, такъ сказать, на выворотъ. Дѣло эстетической, а не научной или философской критики,—судить этотъ художественный пріемъ. Онъ во всякомъ случаѣ, какъ художественный пріемъ, законенъ. Однако и тутъ, увлекаясь изображеніемъ мелочей и подробностей, утописты нерѣдко забывали собственныя основныя требованія и впадали въ странные промахи. Я не помню, кто изъ нихъ полагалъ, что въ идеальномъ обществѣ изъ золота будутъ дѣлаться ночныя вазы и цѣпи каторжниковъ. Это—просто художественное низверженіе кумира золотого тельца. Дурно ли, хорошо ли оно исполнено, это—другой вопросъ, но противъ самого пріема нельзя бы было ничего возразить, если-бы утопистъ, занявшись ночными вазами, не позабылъ изгнать изъ идеальнаго общества каторжниковъ. Мечты, гораздо болѣе скромныя, чѣмъ та, въ которой фигурируетъ золотая ночная ваза, обходятся безъ каторги и цѣпей. Конечно это—недосмотръ, котораго можно бы было избѣжать, но избѣжавъ его, авторъ впалъ бы въ другой, въ третій. Идеалъ—всегда отрицательнаго происхожденія. Человѣкъ не удовлетворенъ, оскорбленъ въ томъ или другомъ чувствѣ и дѣлаетъ построеніе, въ которомъ неудовлетворяющія и оскорбляющія его явленія отсутствуютъ. Поэтому отрицательныя черты общественнаго идеала (я здѣсь вообще не говорю объ идеалѣ

личномъ) могутъ быть дѣйствительно обозначены до мельчайшихъ подробностей. Но какъ только вы начнете подставлять вмѣсто нихъ мельчайшіи подробности положительнаго свойства, вы всегда рискуете—да простится мнѣ это выраженіе—попасть пальцемъ въ небо, потому что съ теченіемъ времени можетъ исчезнуть всякій поводъ къ вашимъ мелочнымъ положительнымъ поправкамъ. Вы естественно склонны поставить вмѣсто $(-a)$ тотъ же элементъ съ положительнымъ знакомъ, т. е. $(+a)$, тогда какъ ходъ вещей можетъ и самое a утопить въ Летѣ. Какъ бы далеко ни заглянули вы въ будущее, но всякое будущее станетъ съ теченіемъ времени прошедшимъ. Какое же основаніе имѣете вы обрывать нить исторіи и произвольно останавливать ее на одномъ какомъ нибудь моментѣ, даже если вы вѣрно угадали не только его общій характеръ, а и подробности? А это и дѣлали утописты. Обратитесь назадъ и представьте себѣ первобытнаго человѣка, сочиняющаго подробности идеальнаго общества. Хорошу бы онъ утопію сочинилъ? Вы скажете, что то—дикарь, а то—вы, живущій тысячи лѣтъ спустя, тысячи лѣтъ, не даромъ прожитыя. Это конечно правда. Но въ сравненіи съ тѣмъ человѣкомъ, который будетъ жить тысячи лѣтъ спустя послѣ васъ, вы еще ничтожнѣе, чѣмъ первобытный человѣкъ въ сравненіи съ вами. Да и зачѣмъ вамъ эти подробности идеальнаго общества? Идеалъ нуженъ и важенъ, какъ маякъ, какъ путеводная звѣзда, а такъ какъ путеводная звѣзда человѣчества не можетъ остановиться (потому что не останавливается бѣгъ времени), то идеаломъ можетъ быть только движеніе въ извѣстномъ направленіи. Опредѣливъ для себя это направленіе, вы получите все, что есть дѣйствительно цѣннаго въ утопіяхъ, и избѣжите всѣхъ ихъ слабостей. Другое дѣло—ближайшія станціи этого движенія. Онѣ конечно должны быть ясны, хоть опять-таки не теряться въ мелочахъ.

Вотъ почему, повторяю, я буду въ своихъ очеркахъ очень скроменъ насчетъ будущаго. А пока, да позволено мнѣ будетъ сдѣлать маленькое отступленіе, отчасти въ интересахъ нижеслѣ-

дующаго, а отчасти какъ дань привычкѣ откликаться текущей литературѣ.

Г. Мордовцевъ въ статьяхъ своихъ о провинціальной печати («Дѣло» 1875, №№ 9 и 10) предположилъ существованіе соціологическаго закона, въ силу котораго «все изъ провинцій тянется къ центрамъ, въ эти чудовищныя пасти большихъ городовъ, гдѣ оно погибаетъ, если не носитъ въ себѣ задатковъ жизни, такъ сказать, большаго полета, или находитъ удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ, богатѣетъ и иногда благоденствуетъ, добивается славы, почестей, могущества». Все, въ какомъ бы то ни было отношеніи выдающееся—будь то геніальный умъ, громадное богатство, невообразимая красота или крупное уродство въ родѣ Юліи Пастраны и двухголоваго соловья—стремится изъ окраинъ къ центрамъ. Провинціи остаются „вдовствующими во всѣхъ отношеніяхъ". Положенія эти иллюстрируются разными примѣрами изъ общественной жизни, а также изъ области природы. Разсматривать я ихъ не буду, потому что и вообще не могу здѣсь останавливаться на спеціальномъ предметѣ статей г. Мордовцева. Замѣчу только, что главный ихъ недостатокъ сстоитъ въ полной неопредѣленности и неясности для самого автора его точки зрѣнія и метода. Вмѣсто того, чтобы строго отдѣлить въ занимающемъ его рядѣ явленій существующее отъ желательнаго, авторъ то радуется поглощенію центрами окраинъ, видя въ немъ часть процесса объединенія всего человѣчества, то скорбитъ объ немъ, то считаетъ его неизбѣжнымъ, по крайней мѣрѣ временно, то предлагаетъ провинціямъ экономически конкурировать съ центрами. Не на эту однако шаткость точки зрѣнія и неопредѣленность метода обратилъ вниманіе неизвѣстный авторъ статьи „Одинъ изъ русскихъ централистовъ" („Недѣля" 1875, № 45). Напротивъ онъ полемизируетъ съ г. Мордовцевымъ, какъ съ совершенно послѣдовательнымъ, цѣльнымъ «централистомъ», игнорируя всѣ его логическіе промахи и противорѣчія. Только въ самомъ концѣ статьи упоминаются эти противорѣчія, какъ свидѣтельство непригодности для насъ централистскихъ теорій. Во

всякомъ случаѣ воображаемому послѣдовательному централисту авторъ хочетъ противопоставить послѣдовательную теорію децентрализаціи или самостоятельнаго развитія окраинъ, провинцій. Вотъ эта теорія.

«Цивилизація, имѣя въ началѣ своего развитія силу центростремительную, правило подбора, централизацію для огражденія цѣлаго, нашла скоро другой принципъ, поставившій задачею развитіе частей, ихъ совершенствованіе, присвоеніе ими тѣхъ же функцій, какія имѣли прежде только избранные, и поставила это цѣлью своего прогресса. Такимъ образомъ, мы видимъ въ нашей цивилизаціи... стремленіе не къ одному поглощенію частей, но и къ распредѣленію жизни между ними и уравненію ихъ во имя тѣхъ же цѣлей цивилизаціи. Жизнь частей не можетъ быть игнорируема въ интересахъ жизни цѣлаго, вотъ что часто упускается изъ виду централизаторами. Они предполагали въ человѣческой исторіи дѣйствующимъ только одинъ законъ централизаціи, независимо отъ другихъ, точно также обусловливающихъ человѣческую жизнь, наконецъ они приняли его безъ всякаго отношенія къ идеямъ и чувствамъ, стремящимся къ созданію идеала, несомнѣнно болѣе справедливаго. Они упустили изъ виду цѣлую массу другихъ силъ, которыя дѣйствовали въ человѣческомъ обществѣ не менѣе значительно: такъ, противъ силы, стремящейся установить только подборъ сильнаго и гибель слабаго, противъ силъ, стремящихся къ поглощенію и подчиненію, выступаютъ силы, дѣйствующія на пользу взаимнаго сохраненія, уравненія, которыя постоянно борются. Противъ монополій и привилегій, противъ централизаціи и насильственной регламентаціи, мы видимъ стремленіе индивидуумовъ и группъ къ сохраненію своей жизни и своихъ особенностей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ органической природѣ, такъ и въ развитіи обществъ, мы находимъ такой законъ, который является гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ прежній законъ борьбы за существованіе, поглощеніе и истребленіе, наконецъ жизни цѣлаго насчетъ частей. Этотъ законъ, стоящій за сохраненіе частей и единицъ въ природѣ, развитіе органовъ, частей, видовъ, оразноображеніе ихъ и совершенствованіе, которое давало жизнь цѣлому организму или роду. Прогрессъ и формированіе состоитъ въ обособленіи и спеціализаціи какъ частей организма, такъ и его цѣлаго. Этотъ естественно историческій законъ, проникающій природу, не менѣе дѣйствуетъ и въ соціологіи. Человѣческое общество также опирается на жизнь своихъ частей, и, чѣмъ болѣе даетъ развитія ихъ силамъ и содѣйствуетъ полнотѣ жизни индивидуумовъ, тѣмъ болѣе гарантируетъ свое собственное существованіе и сохраненіе. Развитіе общества создается обособленіемъ его функцій, дифференцированіемъ отправленій въ различныхъ частяхъ его, какъ и въ индивидуумѣ, и одною изъ задачъ цивилизаціи является настолько же объединеніе жизни, насколько и покровительство

разнообразію ея. «Чѣмъ несовершеннѣе существо, говорилъ еще Гёте, тѣмъ болѣе сходства замѣчаемъ мы между отдѣльными частями его и цѣлымъ; чѣмъ совершеннѣе оно, тѣмъ болѣе различія въ его частяхъ. Въ первомъ случаѣ, части въ большей или меньшей степени повторяютъ собою цѣлое; въ послѣднемъ же—онѣ совершенно не похожи на цѣлое. Чѣмъ больше сходства между частями, тѣмъ меньше между ними зависимости, соподчиненность частей есть признакъ высшей организаціи». Эти истины по отношенію къ животнымъ и растеніямъ также прилагаются и къ обществамъ. «Чѣмъ несовершеннѣе общество—говоритъ другой писатель—т. е. чѣмъ меньше разнообразія въ занятіяхъ, тѣмъ больше сходства между частями, какъ это легко можетъ замѣтить каждый, наблюдая человѣка въ чисто земледѣльческихъ странахъ».

Я никоимъ образомъ не могъ оставить здѣсь безъ вниманія этихъ общихъ взглядовъ, представляющихъ повидимому такое близкое сходство съ теоріей борьбы за индивидуальность и однако существенно отъ нея отличающихся, не въ свою, какъ мнѣ кажется, пользу. Безъ сомнѣнія, такъ сказать, наружность статьи „Недѣли“ далеко превосходитъ наружность статьи г. Мордовцева. Неизвѣстный авторъ прямо заявляетъ, что въ обществѣ борются силы центробѣжная и центростремительная, изъ которыхъ, смотря по условіямъ борьбы, побѣждаетъ то та, то другая, и что наконецъ онъ, авторъ, считаетъ желательною побѣду силы центробѣжной. Еслибы авторъ ограничился этимъ или подобнымъ краткимъ выраженіемъ своихъ мыслей, опровергать его было бы довольно сложнымъ дѣломъ и несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ теперь, когда онъ, развертывая свои формулы, тѣмъ самымъ даетъ оружіе противъ нихъ. Авторъ не выбивается изъ круга тѣхъ аналогій, изъ которыхъ вытекаютъ опровергаемыя имъ самимъ воззрѣнія. Всѣ органисты, всѣ дарвинисты, всѣ нелѣпологи, всѣ тѣ, что возводятъ въ общественный принципъ фактъ подбора сильныхъ и приспособленныхъ и гнета ихъ надъ слабыми и неприспособленными—всѣ они согласны съ нашимъ авторомъ, что „развитіе общества создается обособленіемъ его функцій, дифференцированіемъ отправленій въ различныхъ частяхъ его, какъ и въ индивидуумѣ“. Согласны или по крайней мѣрѣ должны быть согласны съ этимъ и самые крайніе централизаторы, съ которыми авторъ „Недѣли“ полемизи-

руетъ. Они себѣ представляютъ дѣло такъ. Дано обширное общество, называемое Россіей, русскимъ государствомъ. Развиваться оно должно, какъ и всякій индивидъ, путемъ обособленія функцій, дифференцированія органовъ и отправленій. Т. е. напримѣръ Нижнее Поволжье, по естественному характеру своему, должно взять на себя функцію производства хлѣба, быть, какъ говорятъ объ этомъ краѣ, житницей Россіи и ни-ни, отнюдь не помышлять о соперничествѣ съ другими частями русскаго организма въ какихъ нибудь другихъ отрасляхъ матеріальнаго или нематеріальнаго производства: промышленныя издѣлія Поволжье получитъ изъ центровъ промышленности, потому что такова обособленная функція послѣднихъ; собственныхъ продуктовъ умственнаго творчества Поволжью тоже не полагается, потому что оно будетъ снабжено ими изъ спеціальныхъ центровъ, завѣдующихъ умственными отправленіями, и т. д. и т. д. Централизаторы въ состояніи будутъ привести въ пользу этихъ воззрѣній тѣ самыя слова Гёте и другого неизвѣстнаго мнѣ писателя, на которыя опирается авторъ „Недѣли“. Они это и дѣлаютъ: слова Гёте весьма часто ими цитируются. Они именно требуютъ разнообразія, зависимости и подчиненности частей и настаиваютъ, что это необходимо для существованія и сохраненія цѣлаго. Вся разница между спорящими сторонами стоитъ такимъ образомъ не столько въ аргументахъ, сколько въ намѣреніяхъ, въ субъективной подкладкѣ спора. Централисты хотятъ, чтобы государственный центръ поглотилъ части, окраины; децентралисты этого не хотятъ. Тяжба при этомъ ведется, собственно говоря, только между государствомъ и тѣми *группами*, на которыя оно дробится. Хотя тяжущіеся и стараются связать каждый свое дѣло съ судьбами личности, индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова, но такъ какъ судьбы эти играютъ для нихъ все-таки только второстепенную роль, то выплываютъ вещи очень странныя. Напримѣръ авторъ «Недѣли» категорически заявляетъ: «Тамъ, гдѣ централизація достигала высшаго предѣла, тамъ падала человѣческая дѣятельность и талантливость, а гдѣ развивалась децентрализація, тамъ силы общества поднимались». При этомъ

разумѣются паденіе и ростъ «индивидуальности человѣческихъ способностей». Въ доказательство приводятся нѣкоторые историческіе примѣры. Потчи всѣ они могутъ быть истолкованы совсѣмъ иначе. Но я напомню крупный примѣръ — феодальную систему, представлявшую полнѣйшую децентрализацію и однако страшно давившую «индивидуальность человѣческихъ способностей». Не безъ всякаго же основанія многіе историки видятъ въ среднихъ вѣкахъ со всей ихъ децентрализаціей какой-то мрачный провалъ въ исторіи. Я это не въ порицаніе принциповъ децентрализаціи и федерализма говорю—объ нихъ у насъ въ свое время особая рѣчь будетъ. Я только пользуюсь случаемъ лишній разъ выяснить основанія моей теоріи, съ которою теорія автора «Недѣли», повидимому такъ близка. Я готовъ согласиться съ нимъ и со всѣми аналогистами, что всякая индивидуализированная единица, будь то растительная клѣточка, зародышъ животнаго, единица національная, сословная, государственная, развивается, дифференцируясь та части и обособляя свои отправленія. Но я предлагаю идти дальше. Существуютъ различныя ступени индивидуальности, которыя борются между собой, стремятся подчинить другъ друга. Эта борьба (обнимающая Дарвинову борьбу за существованіе, какъ частный случай) ведется различными степенями индивидуальности съ весьма различнымъ успѣхомъ. Въ высшихъ организмахъ, напримѣръ въ человѣвѣ, всѣ тѣ 60,000,000,000,000 клѣточекъ, которыя, по разсчету Фирордта Велькера, обращаются ежесекундно въ его тѣлѣ, всѣ его ткани, органы чувствъ и движенія — закрѣпощены своему цѣлому окончательно. Въ низшихъ организмахъ побѣда цѣлаго надъ частями далеко слабѣе. Въ муравейникѣ, индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова побѣжденъ обществомъ; въ полипнякѣ эта побѣда еще рѣшительнѣе. Фабрика, какъ экономическая единица, стремится подчинить себѣ, поглотить рабочаго. Въ исторіи намъ извѣстны національныя индивидуальности, побѣжденныя и непобѣжденныя единицами государственными. Внутри національной индивидуальности борются индивидуальности сословныя, а внутри послѣднихъ—индивидуаль-

ности человѣческія. Достигая строго обособленной ступени развитія касты, сословіе побѣждаетъ какъ высшую, національную индивидуальность, такъ и низшую—человѣческую и т. д. и т. д. Таковы факты, картину которыхъ должны представить предлагаемые очерки, если имъ суждено достаточно долго занимать вниманіе читателя; такова собственно объективная часть теоріи борьбы за индивидуальность. Здѣсь нѣтъ ничего такого, что не могло бы быть доказано съ почти математическою ясностью. Факты такъ просты, что сами по себѣ не могли бы породить никакихъ споровъ. Не такова субъективная сторона дѣла. Историки, соціологи, политики, публицисты, имѣя дѣло съ различными ступенями общественной индивидуальности, произвольно выбираютъ центромъ своихъ изслѣдованій то одну, то другую. Одни принимаютъ близко къ сердцу судьбы «общественнаго организма» вообще (это—самые поверхностные, изъ нихъ то и выходятъ нелѣпологи, нелѣпософы и нелѣпоманы) и радуются, если организмъ этотъ поглощаетъ и уродуетъ человѣка, т. е. индивида, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Другіе желаютъ побѣды, кто группѣ національной, кто сословной, кто государственной и т. д. Отсюда идетъ большинство разногласій между людьми, изслѣдующими общественныя явленія, отсюда и ихъ взаимное непониманіе. На какомъ основаніи каждый изъ нихъ желаетъ побѣды именно такой-то ступени индивидуальности? Они либо не задаютъ себѣ этого вопроса, а инстинктивно, въ силу преданія или *безотчетныхъ* личныхъ склонностей, выбираютъ свой центръ изслѣдованія; либо же, будучи поставлены въ необходимость отвѣчать, скажутъ: я стою напримѣръ за національные интересы потому, что они наилучше способствуютъ благосостоянію, умственному развитію и нравственному совершенствованію личностей. Я не могу себѣ по крайней мѣрѣ представить возможности иного конечнаго отвѣта. Его должны, хотя бы для виду, дать даже тѣ ученые и писатели, которые завѣдомо своекорыстно или въ интересахъ какой нибудь касты гнутъ и ломаютъ факты общественной жизни. Но дѣло въ томъ, дѣйствительно ли и насколько и при какихъ условіяхъ интересы на-

ціональные или какой нибудь другой группы, политической, экономической, родственной и т. д., совпадаютъ съ интересами личности. Нужна слѣдовательно прежде всего провѣрка отношеній различныхъ общественныхъ индивидуальностей къ индивидуальности человѣческой. Я предлагаю для этого мѣрило крайне простое, не требующее для успѣшнаго приложенія ничего, кромѣ вниманія и добросовѣстности. Оно непосредственно примыкаетъ къ тѣмъ несомнѣннымъ фактамъ, совокупность которыхъ я называю борьбой за индивидуальность и которые не только ни кѣмъ не отрицаются, но множествомъ весьма ученыхъ людей съ особенною охотою, хотя и не слишкомъ логично, выставляются на первый планъ. Такъ какъ я не въ первый разъ предлагаю читателю это мѣрило, то, чтобы не надоѣсть ему, постараюсь здѣсь вкратцѣ изложить свои взгляды въ нѣсколько новомъ видѣ. При этомъ выяснятся кое-какія обстоятельства, которыя ниже сослужатъ намъ службу.

Исчезнувшая, какъ говорится, допотопная животная жизнь представляетъ не мало образцовъ поразительныхъ типовъ, которые Агассицъ называетъ пророческими или синтетическими (онъ дѣлаетъ нѣкоторую разницу между этими двумя терминами, но она для насъ не важна; см. его De l'espèce et de la classification en zoologie, tr. par Vogeli. 182). Они представляютъ собою соединеніе (синтезъ) и какъ бы предвосхищеніе (пророчество) нѣсколькихъ животныхъ типовъ, которые, въ послѣдующіе геологическіе періоды, въ томъ числѣ и въ наше время, существуютъ только въ раздѣльномъ видѣ. Таковы напримѣръ чудовищные ихтіозавры, т. е. рыбо-ящеры, совмѣщающіе въ себѣ такія черты организаціи, которыя нынѣ встрѣчаются только порознь въ рыбахъ и въ пресмыкающихся. Таковъ не менѣе чудовищный лабиринтодонтъ, въ которомъ совмѣщаются особенности нынѣшнихъ лягушекъ, черепахъ и ящерицъ. Въ настоящее время такія смѣшанныя, переходныя формы очень рѣдки, имѣютъ очень слабую организацію и очень бѣдны видами, какъ напримѣръ летучая рыба. Но нѣкогда это были цари земли, передъ которыми все дрожало. Какое употребленіе дѣла-

етъ изъ этихъ фактовъ Агассицъ—до этого намъ нѣтъ дѣла: онъ измѣненія видовъ, какъ извѣстно, не признавалъ и видѣлъ въ органическяхъ формахъ какъ бы застывшія идеи нѣкотораго міроваго разума. Поучительнѣе мнѣнія нѣмецкаго ученаго Снелля, изложенныя въ фантастической, но чрезвычайно умной брошюрѣ Die Schöpfung des Menschen. Снелль сводитъ типы организаціи къ двумъ разрядамъ—типовъ идеальныхъ и практическихъ. Идеальные, это—тоже, что пророческіе или синтетическіе типы Агассица. Снелль именно въ нихъ видитъ носителей прогрессивнаго развитія; самое даже разнообразіе органической жизни въ значительной степени обусловливается разносторонностью и богатствомъ ихъ природы, изъ которой, какъ изъ общаго источника, расходятся во всѣ стороны рѣзко различныя формы. Типы практическіе, напротивъ, односторонніе и скудные, приспособляются къ тѣмъ или другимъ замкнутымъ условіямъ существованія и все болѣе и болѣе съуживаютъ формулу своей жизни. Само собою разумѣется, что рѣзкой перегородки между практическими и идеальными типами нѣтъ. Могучіе ихтіозавры, птеродактили и т. п. не вынесли своей мощи. Какъ у Ильи Муромца калики перехожіе сбавили половину его силы, потому что иначе землѣ было бы тяжело носить его, такъ и у этихъ древнихъ чудищъ природа обобрала ихъ мощь и раздала ее по частямъ узкимъ, приспособленнымъ къ одной водной стихіи рыбамъ, жалкимъ пресмыкающимся и т. п. Это обстоятельство, между прочимъ, должно бы было нѣсколько затуманить радость тѣхъ дарвинистовъ, которые вѣрятъ въ творческую силу подбора и борьбы за существованіе. Даровитѣйшій изъ нихъ, Геккель, долженъ былъ признаться, что «естественный подборъ вездѣ (überall) способствуетъ развитію типовъ практическихъ въ ущербъ идеальнымъ» (Generelle Morphologie, II, 262). Не все, значитъ, пахнетъ розой въ процессѣ борьбы и не только относительно средствъ, но и относительно результатовъ: вмѣсто одного цѣлковаго положимъ даже десять (конечно меньше) гривенниковъ, сильно потертыхъ процессомъ размѣна—это не особенно кажется выгодно. И еслибы природа не возмѣщала этой убыли тѣмъ

закономъ развитія, о которомъ говорено было въ прошлой статьѣ, на землѣ жить было бы довольно скучно, да, по правдѣ сказать, и не стоило бы. Это впрочемъ мимоходомъ. Въ чемъ собственно состоитъ разница между практическими и идеальными типами, напримѣръ между нынѣшними рыбами и ящерицами съ одной стороны и древними рыбо-ящерами—съ другой? и въ чемъ состоитъ процессъ распаденія одного идеальнаго типа на нѣсколько практическихъ? Читатель видитъ, что все дѣло здѣсь опять таки въ томъ же принципѣ раздѣленія труда, который даетъ діаметрально противоположные результаты, будучи приложенъ къ органамъ одного и того же индивида и къ нѣсколькимъ индивидамъ. Въ предѣлахъ индивидуальности ихтіозавра физіологическое раздѣленіе труда, т. е. раздѣленіе труда между органами, достигаетъ извѣстной, довольно высокой степени, потому что тутъ есть на лицо и органы, необходимые для жизни въ водѣ, и органы, необходимые для жизни на сухомъ пути. Когда идеальный типъ ихтіозавра распался на практическіе типы рыбъ и ящерицъ, произошло раздѣленіе труда между индивидами, причемъ въ каждомъ изъ нихъ степень физіологическаго раздѣленія (въ предѣлахъ разсматриваемыхъ нами свойствъ организаціи) понизилась: одни стали способны только къ водной жизни, другіе только къ сухопутной. Понизился *типъ* развитія. Затѣмъ, этотъ новый, пониженный практическій типъ можетъ достигать весьма высокой *степени* развитія: рыбы выработали себѣ чрезвычайно сложные аппараты, приспособленные къ водной жизни, какихъ у ихтіозавра конечно не было. Приложите теперь это разсужденіе къ явленіямъ общественной жизни. Подставьте вмѣсто вида ихтіозавра какую нибудь соціальную группу, какую нибудь общественную индивидуальность. Если внутри этой индивидуальности и подъ вліяніемъ ея развитія, состоящаго въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному, въ дифференцированіи частей, въ усиленіи раздѣленія труда (общественнаго), обособляются рѣзко различные индивиды, то *типъ* послѣднихъ понижается, какъ бы ни была высока *степень* ихъ развитія: общественная индивидуальность можетъ

торжествовать побѣду надъ индивидуальностью человѣческою. Типъ безполаго рабочаго муравья далеко ниже типа его отдаленнаго плодовитаго прѣдка, хотя въ предѣлахъ своей односторонности онъ можетъ быть достигъ чрезвычайно высокой степени развитія. Теперь сравните съ этой точки зрѣнія два муравейника: одинъ—древній, въ которомъ раздѣленіе труда не произвело еще никакого полиморфизма (многоформенности) а другой—нынѣшній, въ которомъ имѣется 3—5 кастъ, различающихся и наружнымъ видомъ, и общественною дѣятельностью, и характеромъ организаціи. Который изъ нихъ выше? Съ объективной точки зрѣнія выше нынѣшній муравейникъ, потому что его части (муравьи) сильнѣе дифференцированы. Но съ субъективной точки зрѣнія самого муравья, выше древній муравейникъ. Чтобъ не повторять того, что было доказываемо много разъ, я только просто заявляю, что становлюсь на точку зрѣнія муравья. Пусть совокупными усиліями полиморфныхъ индивидовъ созданы огромныя богатства и даже цѣлая муравьиная цивилизаціи, это—только *высокая степень* развитія *пониженнаго типа*. Типъ древняго муравейника выше, хотя онъ и не успѣлъ достигнуть высокой степени развитія; онъ выше потому, что въ немъ побѣда въ борьбѣ за индивидуальность осталась на сторонѣ муравья, т. е. индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова. Побѣдѣ высшей индивидуальности, т. е. общественной (какая бы она ни была—національная, экономическая, родственная, политическая) я радоваться не могу. Какое нибудь высшее существо, передъ всеобъемлющимъ взоромъ котораго субъективная сторона историческаго процесса стушевывается, которое равно безразлично относится и къ муравью, и къ муравейнику, такое высшее существо можетъ надо мной посмѣяться и уличить меня въ противорѣчіи. Въ самомъ дѣлѣ, я признаю низшимъ то, что, съ объективной точки зрѣнія, есть высшее, ибо я и самъ готовъ цитировать нѣмецкаго олимпійца: „чѣмъ несовершеннѣе существо, тѣмъ болѣе сходства замѣчаемъ мы между отдѣльными частями его и цѣлымъ: чѣмъ совершеннѣе оно, тѣмъ болѣе различія въ его частяхъ». Значитъ, заключаютъ отсюда соціо-

логи, историки, политики, публицисты, значитъ и общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе различія между его членами. Затѣмъ соціологи, политики и т. д. начинаютъ путаться и препираться, принимая за центръ изслѣдованія одинъ одну, другой другую общественную индивидуальность. Я думаю, они оттого путаются, и препираются, что берутъ на себя въ своей исходной точкѣ (можетъ быть по недоразумѣнію) непосильное бремя олимпійскаго величія, передъ которымъ „все—все равно“. Я—не олимпіецъ, а только человѣкъ, т. е. индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а потому и сочувствовать могу только такому же индивиду, и радоваться только его побѣдѣ, и горевать только о его пораженіи. Внѣ этого и мнѣ «все—все равно», въ томъ числѣ и централизація и децентрализація.

Надѣюсь, что мнѣ уже больше не придется утомлять вниманіе читателя отвлеченнымъ изложеніемъ теоріи борьбы за индивидуальность, которая ближе выяснится на конкретныхъ примѣрахъ.

Начнемъ съ семьи, какъ съ самой элементарной общественной единицы и притомъ во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличающейся отъ всѣхъ другихъ общественныхъ единицъ. Элементарность ея слѣдуетъ однако разумѣть только въ томъ смыслѣ, что она обнимаетъ собой наименьшее число лицъ: мужъ, жена, сынъ или дочь—эти три лица уже составляютъ семью. Было бы ошибочно думать, что семья элементарна еще въ другомъ смыслѣ—именно какъ самая древняя форма общежитія. Это впрочемъ—мнѣніе очень распространенное и раздѣляемое многими высокими авторитетами. Такъ, Мэнъ („Древнее право“) полагаетъ, что прототипомъ древнѣйшаго человѣческаго общества долженъ быть признанъ патріархально-семейный бытъ, изображенный въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Мы скоро увидимъ, что этотъ бытъ есть плодъ уже довольно высокой цивилизаціи и не даетъ никакого понятія о „состояніи, въ какомъ находилось человѣчество въ началѣ своей исторіи“ (Мэнъ, 98). Дарвинъ, поднимающійся конечно гораздо дальше въ глубь временъ, также склоняется къ мнѣнію, что наши отдаленнѣйшіе предки обладали уже извѣстной, вѣ-

роятно, полигамической формой брака и семьи, подобно многимъ нынѣшнимъ четырерукимъ. Однако онъ убѣждается въ этомъ единственно апріорными соображеніями. Онъ признаетъ, что «всѣ, внимательно изучившіе этотъ предметъ», смотрятъ на дѣло иначе и что «кажется несомнѣннымъ, что обычай брака развивался постепенно» («Происхожденіе человѣка и половой подборъ», пер. Сѣченова, II, 399, 402). Конечно данныхъ для рѣшенія вопросовъ о томъ времени, когда человѣкъ сталъ человѣкомъ, не имѣется. Но несомнѣнно, съ чѣмъ согласенъ и Дарвинъ, что было такое время, когда простое общее смѣшеніе половъ «было чрезвычайно распространено на всемъ земномъ шарѣ». Дарвинъ слѣдовательно полагаетъ, что учрежденіе брака и семьи, хотя бы только въ такой формѣ, въ какой оно нынѣ существуетъ у гориллы, было нѣкогда присуще и человѣку, но затѣмъ имъ утеряно. Интересно сопоставить этотъ выводъ съ мнѣніями одного русскаго ученаго, г. Воеводскаго. Изслѣдованіе греческихъ миѳовъ привело его къ вопросу: насколько дѣтоубійство могло считаться нѣкогда не только безразличнымъ, а прямо нравственнымъ поступкомъ, и какъ мы должны смотрѣть на него съ точки зрѣнія исторіи развитія нравственности. Я уже имѣлъ случай упоминать въ „Запискахъ профана“ о точкѣ зрѣнія г. Воеводскаго, который не допускаетъ возможности попятнаго движенія въ исторіи человѣческой нравственности. Сообразно этому, предстояло объяснить и дѣтоубійство, какъ нѣкоторый шагъ впередъ. Онъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ Силезіи и Саксоніи у городскихъ воротъ до сихъ поръ висятъ палицы съ надписью:

Wer seinen Kindern giebt das Brot
Und leidet dabei selber Noth,
Den schlage man mit dieser Keule todt.

Т. е.: кто дѣтямъ своимъ даетъ хлѣбъ и при этомъ самъ терпитъ нужду, тотъ да будетъ убитъ этой палицей, Я полагаю, что надпись эта должна быть объясняема просто какимъ-нибудь частнымъ случаемъ или цѣлымъ рядомъ случаевъ (въ родѣ исторіи короля Лира), который поразилъ современниковъ. Но

г. Воеводскому они «напоминаютъ, что дорожить чрезмѣрно жизнью ребенка могло когда-то считаться порокомъ. Если мы вспомнимъ при этомъ, продолжаетъ онъ, какъ сильно развита у большей части извѣстныхъ намъ животныхъ любовь къ дѣтенышамъ, принимающая иногда даже отвратительные размѣры, напримѣръ у обезьянъ, которыя няньчатся даже съ мертвымъ ребенкомъ по нѣсколько дней послѣ его смерти, то всякій шагъ, сдѣланный человѣчествомъ въ противоположную сторону, получитъ для насъ новое значеніе. Дѣйствительно, любовь матери къ своему ребенку, особенно въ первое время его существованія, вытекаетъ даже просто изъ физіологическихъ условій и поэтому уже никакъ не можетъ считаться исключительнымъ плодомъ гуманнаго развитія, а напротивъ однимъ изъ самыхъ элементарныхъ, всегда существовавшихъ инстинктовъ, безъ котораго, подобно какъ безъ половаго влеченія, немыслимо было бы ни человѣчество, ни вообще міръ животныхъ. Смотря съ этой точки зрѣнія, намъ уже не представляются столь неблаговидными и древнѣйшіе миѳы о дѣтоубійствѣ... представится возможность уразумѣть и этическое значеніе дѣтоубійства, какъ фактора въ культурномъ развитіи человѣчества («Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ», 129 и слѣд.). Здѣсь не мѣсто говорить, насколько законна точка зрѣнія, признающая шагомъ впередъ *всякое* уклоненіе, въ чемъ бы оно ни состояло, человѣческаго типа отъ нравовъ и обычаевъ животныхъ. Замѣчу только, что она нѣсколько напоминаетъ образъ мыслей дикаря, который привелъ европейскому путешественнику тотъ аргументъ противъ моногаміи, что одной женой довольствуется мѣстный видъ обезьянъ, или тѣхъ жителей Малайскаго Архипелага, которые считаютъ позоромъ имѣть бѣлые зубы, «какъ у собакъ».

Какъ бы то ни было, но при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній пробѣлъ между семейнымъ общежитіемъ высшихъ животныхъ и отсутствіемъ семьи у нашихъ отдаленныхъ предковъ можетъ быть наполненъ только отвлеченными соображеніями, съ чѣмъ согласенъ и г. Воеводскій. Фактическая исторія супружескихъ

и родительскихъ отношеній въ человѣчествѣ начинается отсутствіемъ семьи, тѣмъ состояніемъ, которое различными изслѣдователями называется то общимъ смѣшеніемъ половъ, то общиннымъ или коммунальнымъ бракомъ, то гетеризмомъ. Намъ конечно трудно себѣ представить порядокъ вещей, въ которомъ не имѣютъ мѣста понятія отца, матери, мужа, жены, сына, дочери, т. е. тѣ самыя понятія, которыми полна нравственная атмосфера, окружающая насъ съ ранняго дѣтства. Мы готовы даже признать, отправляясь отъ привычныхъ намъ взглядовъ и чувствъ, такой порядокъ безпорядкомъ, совершеннымъ хаосомъ. Между тѣмъ это былъ несомнѣнно порядокъ, т. е. нѣчто прочное, всѣми признанное и, такъ сказать, уравновѣшенное. Очень долго этотъ порядокъ совершенно удовлетворялъ потребностямъ и взглядамъ людей и затѣмъ, когда народились новыя силы, уступилъ ихъ напору только съ большимъ трудомъ, оставивъ и понынѣ многочисленные слѣды своего когда-то безграничнаго господства.

Разскажите малообразованному европейцу о русскомъ общинномъ землевладѣніи. Онъ будетъ вѣроятно удивленъ этими порядками и назоветъ ихъ страннымъ хаосомъ, который въ самомъ себѣ носитъ залогъ разрушенія, потому что, дескать, люди, въ ряду поколѣній, не могутъ терпѣть такого систематическаго посяганія на личную собственность, какъ передѣлы земли и круговая порука. И это будетъ повидимому даже очень удовлетворительное разсужденіе, а между тѣмъ община существуетъ цѣлые вѣка. Такимъ же хаотическимъ состояніемъ представляется намъ напримѣръ жизнь кавказскихъ горцевъ, у которыхъ господствуетъ кровная или родовая месть. Насъ поражаетъ при этомъ не только отсутствіе спеціальныхъ судебныхъ органовъ, а и невозможная для насъ идея, что нѣтъ личныхъ преступленій, что въ убійствѣ виноватъ не убійца, а весь его родъ. Съ точки зрѣнія горцевъ однако это—вовсе не нелѣпая идея: они съ ней испоконъ вѣка живутъ. Возьмите еще напримѣръ хоть цыганскій таборъ, съ его поразительной организаціей, въ которой личная воля, личные вкусы, личное достояніе, личныя сим-

патіи совершенно утопаютъ. Намъ странно, что люди могутъ такъ жить. Прикидывая на свой аршинъ, представляя себѣ себя и окружающихъ людей въ положеніи членовъ цыганскаго табора, мы видимъ, что намъ не выдержать бы и недѣли такой жизни. Однако цыгане живутъ, много вѣковъ живутъ и вѣроятно считаютъ хаосомъ именно наши порядки. Все это—остатки обычаевъ, когда-то повсемѣстно распространенныхъ, только остатки, дающіе лишь слабое понятіе о тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, которыя господствовали на отдаленной зарѣ исторіи человѣчества. Надо себѣ представить, что въ ту неизмѣримо далекую отъ насъ пору личность утопала отнюдь не въ семьѣ (какъ думаетъ Мэнъ) и даже не въ такой. опредѣленной общественной единицѣ, какъ русская община, горскій родъ или цыганскій таборъ, а въ чемъ-то такомъ, чему мы и имени не знаемъ. Это было нѣчто въ родѣ стада. Супружескія и родительскія отношенія едва ли не лучше всего обрисовываютъ духъ и характеръ такого общежитія. Однако даже всѣ имѣющіяся этого рода свѣдѣнія какъ о вымершихъ уже народахъ, такъ и о нынѣ живущихъ дикаряхъ только въ совокупности, взаимно дополняясь, могутъ помочь возстановить полную картину древнѣйшаго гетеризма.

Въ замѣчательномъ сочиненіи Бахофена «Материнское право» (Das Mutterrecht. Eine Untessuchung über die Gynaekokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur) собраны относящіяся сюда свидѣтельства древнихъ писателей. Я приведу нѣкоторыя изъ нихъ. По Геродоту и Страбону, массагеты и назамоны, хотя и имѣли женъ, но никто никому не препятствовалъ совершать публично половой актъ съ чьей бы то ни было женой. Подобные же нравы поразили, по Ксенофонту и другимъ, солдатъ Кира въ нѣкоторыхъ народахъ, встрѣченныхъ ими въ походѣ. Объ эѳіопскихъ аусеяхъ Геродотъ говоритъ, что они «пользуются женами сообща, не живутъ съ ними въ домахъ и совершаютъ половой актъ подобно скотамъ». При этомъ массагетъ, вступая въ сношеніе съ первою попавшеюся женщиной, вывѣшивалъ свой колчанъ съ переду кибитки и втыкалъ въ

землю свою палку: это была какъ бы вывѣска, символъ того, что происходило въ это время въ кибиткѣ. Съ тою же цѣлью современный Страбону арабъ оставлялъ свою палку съ наружной стороны двери, и т. п. Относительная малочисленность такихъ прямыхъ свидѣтельствъ о грубѣйшихъ формахъ гетеризма нисколько не удивительна. Удивительна напротивъ крайняя живучесть этихъ, въ полномъ смыслѣ слова первобытныхъ порядковъ. Въ болѣе мягкихъ формахъ общинный бракъ и понынѣ существуетъ напримѣръ у бушменовъ; у каировъ (въ Индіи) «никто не знаетъ своего отца, и всякій смотритъ на дѣтей своей сестры, какъ на своихъ наслѣдниковъ» (при чемъ тутъ сестра, мы увидимъ впослѣдствіи); тигуры въ Оудѣ «живутъ обширными общинами въ почти безразличномъ смѣшеніи, и даже для тѣхъ лицъ, которыя считаются въ супружествѣ, брачныя узы существуютъ только по имени»; у туземцевъ острова Королевы Шарлотты «женщины повидимому смотрятъ на всѣхъ мужчинъ своего племени, какъ на своихъ мужей». И т. д. (Дж. Лёббокъ. Начало цивилизаціи. Пер. Коропчевскаго, 65). Я не стану однако перечислять и описывать этого рода факты. Гораздо любопытнѣе обширный разрядъ очень разнообразныхъ фактовъ, относящихся къ гораздо болѣе позднимъ историческимъ моментамъ, но косвенно характеризующихъ и стародавнее отсутствіе семьи. Они любопытны потому, что рисуютъ самый процессъ образованія семьи и ея борьбы съ высшею индивидуальностью.

Діодоръ Сицилійскій съ удивленіемъ отмѣчаетъ «странный обычай» жителей Балеарскихъ Острововъ. У нихъ, говоритъ онъ, въ свадебную ночь молодая считается общею собственностью всѣхъ гостей, которые пользуются ею въ порядкѣ старшинства. Мужъ вступаетъ въ свои права послѣднимъ. Подобные же обычаи существовали въ Вавилонѣ, Арменіи, у многихъ эѳіопскихъ племенъ, кажется въ Карѳагенѣ, отчасти въ Греціи. Кое-гдѣ и теперь господствуетъ этотъ обычай съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ у санталовъ (одного изъ туземныхъ племенъ Индіи), говоритъ Лёббокъ, браки совершаются только однажды въ годъ—по большей части въ январѣ. Въ теченіе шести дней

всѣ, готовящіеся вступить въ бракъ, живутъ вмѣстѣ, и только послѣ этого за отдѣльными парами признается право вступать въ бракъ. Факты эти не могутъ быть объяснены ничѣмъ, кромѣ сознанія коллективнаго права племени на всѣхъ женщинъ. Право это во всемъ своемъ объемѣ уже утрачено; мужъ и жена на другой день свадьбы принадлежатъ уже только другъ другу; но страшное давленіе племени еще выражается безропотнымъ предоставленіемъ первой ночи всѣмъ и каждому. Этотъ компромиссъ лучше всего характеризуетъ совершенно для насъ непонятную степень поглощенія личности племенемъ. Я говорю «племенемъ» за невозможностью найти соотвѣтственное имя для той странной общественной индивидуальности, которая, съ нынѣшней точки зрѣнія, такъ грубо и безапелляціонно давила индивидуальность человѣческую. Это конечно была не семья, потому что семья въ пору упомянутаго компромисса только начала еще складываться. Но это—и не племя, и не община, какъ видно изъ многихъ другихъ остатковъ старины, сохранившихся до нашихъ дней. Хотя относительно многихъ нынѣшнихъ дикарей и извѣстно, что свобода половыхъ отношеній не выходитъ у нихъ за предѣлы племени, но совокупность относящихся сюда фактовъ заставляетъ, мнѣ кажется, думать, что несовсѣмъ такъ было на зарѣ исторіи, тѣмъ болѣе, что вѣдь мы, собственно говоря, не знаемъ, какъ сложилась единица, называемая нами теперь племенемъ. Въ вышеупомянутомъ показаніи Діодора Сицилійскаго о жителяхъ Балеарскихъ Острововъ говорится, что жена уступалась всѣмъ „друзьямъ и знакомымъ“ (Бахофенъ, 12). Извѣстно далѣе, какъ распространена и донынѣ такъ называемая (несовсѣмъ правильно) „гостепріимная проституція“, т. е. обычай, въ силу котораго жена или дочь хозяина предоставляются гостю. У коряковъ и чукчей сила этого обычая доходитъ до того, что хозяинъ оскорбляется отказомъ гостя и можетъ даже убить его (Е. Якушкинъ. Обычное право, VII). У алеутовъ всякій, возвратившійся изъ дальняго пути, имѣетъ право на всѣхъ женщинъ юрты (Путешествіе флота капитана Сарычева, 1804 г.) У насъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, до послѣдняго времени рекрутъ-наемщикъ

имѣлъ право на всѣхъ молодыхъ женщинъ семьи нанявшаго его крестьянина (Якушкинъ, VIII). Бразильскіе людоѣды считаютъ обязанностью уступать своихъ женъ и дочерей военноплѣннымъ, обреченнымъ на съѣденіе. Всѣ эти обломки несомнѣнно глубокой древности показываютъ, что древнѣйшая общественная индивидуальность, вторгавшаяся въ супружескія отношенія, не можетъ быть названа племенемъ. Лёббокъ говоритъ: „Повидимому обычаемъ признается извѣстное право за каждымъ членомъ общины и за посѣтителями ея, какъ временными членами; эти послѣдніе не могли бы быть лишены означеннаго права какими либо распоряженіями, сдѣланными до ихъ прибытія и слѣдовательно безъ изъ согласія“ (1. с. 92). Вторая половина этого замѣчанія для меня совершенно непонятна, тѣмъ болѣе, что самъ же Лёббокъ приводитъ поразительный обычай бразильскихъ людоѣдовъ: ужь конечно согласіе или несогласіе обреченныхъ на съѣденіе не могло имѣть никакого значенія. Приходится кажется признать, что тутъ передъ нами полнѣйшій «мракъ неизвѣстности». Позже, гораздо позже, всесильная, но неопредѣленная первобытная общественная индивидуальность выдѣлила изъ себя семью и въ то же время сама подверглась кореннымъ измѣненіямъ, обособивъ внутри себя различные общественные классы. На нѣкоторыхъ ея членовъ перешло при этомъ древнее коллективное право, что и выразилось въ учрежденіяхъ „княжого“ у насъ и juris primae noctis въ Европѣ. Этотъ замѣчательный процессъ сосредоточенія коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ мы увидимъ еще много разъ. Но здѣсь не онъ насъ интересуетъ. Намъ нужно было только убѣдиться, что исторія супружескихъ и родительскихъ отношеній начинается отсутствіемъ семьи.

Къ такому же результату приводитъ другой разрядъ крайне любопытныхъ фактовъ. За послѣднее время этнологи, обративъ вниманіе на понятія о родствѣ у различныхъ народовъ, пришли ко многимъ совершенно неожиданнымъ и чрезвычайно важнымъ заключеніямъ. Самая поразительная сторона этихъ изслѣдованій ждетъ еще насъ впереди. Здѣсь намъ нужно только отмѣтить

крайнюю неопредѣленность понятій о родствѣ у первобытныхъ народовъ. Ясныя и совершенно раздѣльныя для насъ понятія мужа, жены, отца, дяди, тетки и т. д. у первобытныхъ народовъ болѣе или менѣе сливаются съ сосѣдними степенями родства. Напримѣръ у гавайцевъ (Сандвичевы Острова) одно и то же слово «вагена» означаетъ жену, свояченицу (сестру жены), невѣстку (жену брата), жену шурина (брата жены), женъ племянниковъ съ отцовской и материнской стороны. То же самое слово означаетъ и женщину вообще. Дѣло тутъ не въ бѣдности языка, какъ замѣчаетъ Лёббокъ, потому что въ гавайской системѣ различаются нѣкоторыя такія степени родства, для которыхъ въ европейскихъ языкахъ нѣтъ особыхъ названій. Такъ у гавайцевъ есть особыя имена для усыновленнаго сына, для старшаго и для младшаго брата. „Легко замѣтить, продолжаетъ Лёббокъ, что дитя принадлежитъ здѣсь цѣлой группѣ, не имѣя болѣе близкаго отношенія ни къ своему отцу, ни къ своей матери, которые стоятъ къ нему въ такой же степени родства, какъ дяди и тетки; такимъ образомъ у каждаго ребенка бываетъ по нѣсколько отцовъ и матерей". У Лёббока читатель найдетъ довольно подробный анализъ различныхъ системъ родства, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Морганомъ. Общій выводъ, выраженный въ принятыхъ нами терминахъ, будетъ слѣдующій: семейная индивидуальность развивалась, переходя отъ простаго къ сложному, дифференцируя свои отправленія, установляя между своими членами раздѣленіе труда. Только исподволь и въ теченіи долгаго времени обособлялись тѣ спеціальныя, исключительныя функціи мужа, жены, отца, матери, дяди и т. д., которыми они облечены нынѣ у цивилизованныхъ европейскихъ народовъ. Первоначально же функціи напримѣръ отца и мужа или брата и мужа могли совпадать. Возникающія отсюда семейныя узы съ перваго взгляда очень тѣсны и прочны, но въ сущности они свидѣтельствуютъ опять-таки, что исходною точкою супружескихъ и родительскихъ отношеній было отсутствіе семейной индивидуальности. Они относятся къ тому моменту развитія, когда семья уже сложилась, но находится еще въ зародыше-

вомъ состояніи. Въ такомъ видѣ исторія во многихъ мѣстахъ и до нашего времени донесла семейныя отношенія. У тоттіяровъ въ Индіи, братья, дяди и племянники имѣютъ общихъ женъ. По обычаю сіуксовъ и нѣкоторыхъ другихъ сѣверо-американскихъ племенъ, покупкою старшей изъ дочерей начальника вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтается право на всѣхъ остальныхъ ея сестеръ. У тодасовъ, обитателей Нейльгеррійскихъ Горъ, дѣвушка, выходя замужъ, въ то же время становится женою всѣхъ братьевъ своего мужа, по мѣрѣ достиженія ими періода возмужалости, а они становятся вмѣстѣ съ тѣмъ мужьями всѣхъ ея сестеръ, какъ скоро возрастъ этихъ послѣднихъ позволяетъ имъ выдти замужъ. Въ этомъ случаѣ, говоритъ цитируемый Лёббокомъ Шортъ, «первый родящійся ребенокъ считается принадлежащимъ старшему брату, слѣдующій второму и, несмотря на эту противоестественную систему, тодасы, нужно признаться, обнаруживаютъ много нѣжности къ своему потомству, болѣе, чѣмъ, казалось бы, могъ способствовать тому ихъ обычай смѣшаннаго сожительства». Тотъ же писатель такъ описываетъ обычай, господствующій между реддіями въ южной Индіи: «Молодая женщина шестнадцати или двадцати лѣтъ можетъ выдти замужъ за мальчика пяти или шести лѣтъ. При этомъ однако она живетъ обыкновенно съ какимъ нибудь взрослымъ мужчиной, напримѣръ съ дядей или съ двоюроднымъ братомъ со стороны матери, но никакъ не съ родственниками отца; случается, что она живетъ съ отцомъ своего малолѣтняго мужа, т. е. съ своимъ свекромъ. Если отъ какой-либо подобной связи у нея появятся дѣти, они считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. Къ тому времени, когда мальчикъ выростетъ, жена его обыкновенно оказывается уже слишкомъ старой или неспособной производить дѣтей; тогда и онъ въ свою очередь живетъ съ женой какого нибудь мальчика“ (Лёббокъ, 59). Англійскій писатель ставитъ восклицательный знакъ, отмѣтивъ поразительный для него фактъ сожительства женщины съ свекромъ. Намъ, русскимъ, восклицательнаго знака тутъ ставить не приходится, потому что у насъ существуетъ даже особенный терминъ для выраженія этого фак-

та: снохачество. Несмотря на страшныя легенды о кровосмѣсителяхъ (въ которыхъ впрочемъ караются кажется исключительно только совершившіе блудъ съ матерью), сожительство ближайшихъ родственниковъ—не Богъ знаетъ какая рѣдкость въ Россіи, не говоря уже о старинѣ, которая оставила свои слѣды въ символическихъ свадебныхъ обрядахъ. „Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ" разсказывалъ г. Шашкову слѣдующую сцену изъ крестьянской жизни Вятской губерніи. Парень лежитъ на печи и стонетъ. Оказывается, что онъ болѣнъ вслѣдствіе несчастнаго любовнаго похожденія. «Мать читаетъ ему нотацію за то, что онъ связывается съ разными посторонними потаскухами: «вонъ, вѣдь есть свои кобылы, говорила она, указывая на дочерей» (Очеркъ исторіи русской женщины, 30). Собственно снохачество конечно несравненно распространеннѣе. И тамъ, гдѣ русское населеніе примыкаетъ къ инородческому, что, понятно, даетъ удобную почву для сохраненія самыхъ архаическихъ формъ общежитія, снохачество имѣетъ или имѣло недавно совершенно тотъ же видъ, въ какомъ оно существуетъ въ Индіи у реддіевъ. Такъ въ архивѣ томскаго монастыря хранится дѣло, изъ котораго видно, что въ 1735 г. по улицамъ Ачинска ходила, вмѣстѣ съ своими знакомыми, подгулявшая сватья ачинскаго попа Никифора „и сказывала на него, попа, духовное дѣло. А невѣстка его, попова, сказывала, что-де онъ попъ взялъ ее, Пелагею, въ замужество за сына своего, малолѣтняго сына, и растлилъ дѣвство ея и прижилъ съ нею младенца". Г. Серафимовичъ, у котораго я заимствую это свѣдѣніе, продолжаетъ: «Подобное пользованіе женами своихъ малолѣтнихъ сыновей было весьма распространено въ Сибири, и такіе браки взрослыхъ дѣвицъ съ малолѣтними не разъ запрещались указами. Эти браки поставляли въ самое невыгодное положеніе малолѣтнихъ мужей. Мужъ выросталъ, и въ то время, когда у него являлась потребность быть мужемъ, его жена оказывалась старухой. Оставалась одно—или заводить вторую жену на сторонѣ, или сойтись съ чужой женой. Впрочемъ, если у мужа доставало энергіи и были деньги, то онъ могъ добиться

и развода у духовнаго начальства. Такъ въ 1749 году одинъ енисейскій крестьянинъ жаловался, что отецъ женилъ его, семилѣтняго, на сорокалѣтней дѣвкѣ, что теперь ей уже 60 лѣтъ и она положительно неспособна быть женой. Крестьянинъ просилъ развода и получилъ его». (Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири. «Отечественныя Записки» 1867, № 10). Степень распространенности снохачества въ настоящее время лучше всего характеризуется слѣдующимъ любопытнымъ случаемъ. Въ Воронежской губерніи одно сельское общество купило для церкви колоколъ, который, несмотря на всѣ усилія собравшихся крестьянъ, не поднимался на колокольню. Дьячекъ, полагая, что колоколъ не идетъ оттого, что между прихожанами много грѣшниковъ, предложилъ выдти изъ толпы снохачамъ: отступила почти половина собравшихся крестьянъ. (Кузнецовъ. Историко-статистическій очеркъ проституціи и сифилиса въ Москвѣ. Архивъ судебной медицины, 1870, № 4). Живучесть снохачества объясняется вѣроятно тѣмъ же процессомъ сосредоточенія коллективныхъ правъ всѣхъ мужскихъ членовъ семьи въ рукахъ главы—отца.

Не удаляясь отъ русской жизни, мы можемъ намѣтить еще одинъ разрядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о трудностяхъ, которыя должна была преодолѣть семья, чтобы вылупиться изъ неопредѣленной первобытной общественной индивидуальности. Замолкли веселые празники Купалы и Ярилы или по крайней мѣрѣ утратили своей древній элементъ полнѣйшей свободы половыхъ отношеній. Но и сами они были только остатками еще болѣе глубокой древности, когда свобода половыхъ отношеній, отличаясь чисто животною откровенностью, имѣла, какъ сказать, хроническій, а не острый характеръ, т. е. когда она имѣла мѣсто не въ торжественные или праздничные дни, а составляла будничное, заурядное явленіе. Процессъ выдѣленія семьи, сопровождаемый образованіемъ религіозныхъ и поэтическихъ представленій, сконцентрировалъ это заурядное явленіе, пріурочивъ его къ опредѣленной торжественной или веселой обстановкѣ. Предразсудокъ есть обломокъ древней правды, [illegible] превосход-

но сказалъ, кажется, Баратынскій. Сѣдая древность оставляетъ по себѣ болѣе или менѣе широкія прожилки, оберегаемыя религіей или обычаемъ, безсознательно окружаемые ореоломъ почтенія и величія. Христіанство сильно боролось съ древнимъ гетеризмомъ, но явственные слѣды его остаются въ русской жизни и по сю пору. Уже древнѣйшія лѣтописи съ негодованіемъ отмѣчаютъ, что радимичи, вятичи и сѣверяне «браци не возлюбиша; но *игрища* межи селъ и ту слѣтахуся рищюще на плясаніа, и отъ плясаніа познаваху которая жена или дѣвица до младыхъ похотеніе имать, и отъ очнаго воззрѣнія и отъ обнаженія мышца и отъ пръстъ ручныхъ показаніа и отъ пръстней доралаганіа на пръстъ чужая, тожъ потомъ целованіа съ лобзаніемъ и плоти съ сердцемъ разжегшися слегахуся, иныхъ поимающа, а другыхъ, поругавше, метаху на насмѣяніе до смерти». (Переяславская лѣтопись). Эти неистовыя игрища, такъ далекія отъ зауряднаго спокойствія любовныхъ сношеній какихъ нибудь дикихъ массагетовъ или назамоновъ, сами были уже «обломкомъ древней правды», на что указываетъ ихъ острый характеръ. Такія неистовства могли конечно совершаться только періодически, въ дни, назначенные религіей и обычаемъ, какъ откликъ старины. Съ теченіемъ времени обломокъ древней правды все больше обтирался, такъ сказать, историческимъ треніемъ, таялъ какъ таетъ комъ снѣгу, все уменьшаясь въ объемѣ. Въ XIII вѣкѣ митрополитъ Кириллъ писалъ: «Мы слышали, что въ субботу вечеромъ собираются вмѣстѣ мужи и жены и играютъ безстыдно и скверну творятъ въ ночь святого воскресенія». Въ XIV вѣкѣ Стоглавъ отмѣчаетъ, что подобныя игрища происходятъ въ Ивановъ день и наканунѣ Рождества и Богоявленія, и такъ описываетъ это времяпровожденіе: «Сходятся народы, мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ, на бѣсовскія пѣсни и плясаніе и на могомерзскія дѣла, и бываетъ отрокамъ осквернение и дѣвкамъ растлѣніе. И егда нощь мимо идетъ, къ рѣцѣ тогда отходятъ крѣпціи и съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи, омываются водою» (Стоглавъ, гл, 41, вопр. 24). И много подобныхъ громовъ металъ христіан-

скій аскетическій идеалъ противъ языческаго веселья, сильнаго своей связью съ стародавнимъ обычнымъ правомъ. Но и до нынѣ напримѣръ въ Нижегородской Губерніи, по словамъ мѣстнымъ энтографовъ, «сходятся на красную горку женихи и невѣсты, нарядясь какъ можно лучше; при этомъ бываютъ и умыванія. Купальныя ночи (*купальни*) начинаются съ перваго воскресенья послѣ пасхи и продолжаются до осени во всѣ праздники. Отъ этихъ ночей сначала завязывается *лада*, потомъ сватовство» (Е. Якушинъ, l. c., VI). Въ малороссійскихъ губерніяхъ на «вечерницахъ» веселье въ складчину продолжается до полуночи, а потомъ парубки и дѣвушки тутъ же въ хатѣ ложатся спать попарно. Родственники дѣвушекъ противъ этого ничего не имѣютъ, пока дѣвушка не забеременѣетъ (Кузнецовъ). Въ Уссурійскомъ Краѣ «на зимнихъ вечернихъ сходбищахъ или такъ называемыхъ «вечоркахъ» постоянно разыгрываются такія сцены, о которыхъ даже и неудобно говорить въ печати» (Пржевальскій. Путешествіе въ Уссурійскій Край, 30). Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Пинежскаго уѣзда (Арханг. губ.) допускается полная свобода половыхъ сношеній. Сношенія эти не считаются тамъ предосудительными; напротивъ того дѣвушка, не выбранная парнемъ на вечеринкѣ, нерѣдко должна бываетъ выслушивать горькіе упреки отъ своей матери» (Е. Якушинъ, VII). Въ извѣстныхъ «Путевыхъ письмахъ изъ Новгородской губерніи» покойнаго П. И. Якушина также говорится о „посидкахъ“, послѣ которыхъ «всякъ дружень схватитъ друженицу, да и пойдетъ куда нужно» (Русская Бесѣда, 1859, № 4). И проч. и проч. Всѣ эти отклики первобытныхъ половыхъ отношеній слабѣютъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Такъ г. Якушинъ приводитъ рѣшеніе воржскаго волостнаго суда (Ярославской губ., Ростовск. уѣзда), изъ котораго видно, что въ 1868 году, „по общему согласію запрещено сходиться *бесѣдамъ* собственно отъ соблазновъ и непріятностей, и всѣмъ домохозяевамъ пускать въ свои дома сходбища запрещено». Такъ постепенно таетъ древнее право всякаго мужчины на всякую женщину. Причины этого процесса сводятся во первыхъ къ образованію семейной инди-

видуальности, которая развивается и крѣпнетъ въ борьбѣ съ индивидуальностью племенной; а во вторыхъ къ вліянію враждебнаго древнему праву христіанства и въ частности православія, легшаго въ основаніе воззрѣній государственной власти на супружескія отношенія. Но иногда семья лишается этой религіозной поддержки и религія напротивъ покровительствуетъ древнему праву. Въ такомъ случаѣ слагается то, что принято называть религіозной проституціей. Какъ напримѣръ на Балеарскихъ Островахъ брачущіеся должны были выкупать у „племени“ цѣною первой ночи свое право на исключительное сожительство, такъ въ Индіи, Вавилонѣ, Арменіи, Персіи, Египтѣ, Финикіи и проч. дѣвушка передъ вступленіемъ въ бракъ должна была купить право на это проституціей въ храмѣ. Въ этихъ случаяхъ боги какъ бы олицетворяютъ собою первобытную общественную индивидуальность, являются ея представителями и врагами нарождающейся семьи. Они только подъ условіемъ жертвы дѣвственности терпятъ исключительный, личный бракъ. Дѣвушка обязана отдаваться въ храмѣ Милиты, Афродиты и т. д. каждому, кто потребуетъ, а плата за проституцію идетъ ей въ приданое. И это не помѣшаетъ ей найти мужа, напротивъ— чѣмъ больше ее любили, тѣмъ больше она значитъ достойна любви. Такъ разсуждали не только въ древности, такъ смотрятъ многіе народы и теперь. И замѣчательно, что вездѣ, послѣ жертвы или, собственно говоря, цѣлаго ряда жертвъ богамъ—представителямъ древнѣйшей общественной индивидуальности, женщина становится вѣрной женой или по крайней мѣрѣ отъ нея требуется строжайшая вѣрность мужу. Многими наблюдателями замѣчено, что въ Россіи цѣломудріе дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ находится въ обратномъ отношеніи: тамъ, гдѣ дѣвки гуляютъ въ волю, онѣ отличаются крайнею строгостью нравовъ въ замужествѣ—и наоборотъ. Это—не случайное явленіе, это—результаты борьбы двухъ ступеней общественной индивидуальности. Впослѣдствіи мы нѣсколько ближе посмотримъ на одинъ крупный историческій фактъ этого рода, на положеніе женщины въ Аѳинахъ, гдѣ гетеры, представительницы древняго права

свободы половыхъ отношеній, пользовались несравненно большимъ почетомъ, чѣмъ законныя жены. Въ Египтѣ незаконныя дѣти, плодъ свободной любви, ставились иногда выше законныхъ (Бахофенъ, 125). Будда воздалъ величайшій почетъ главѣ куртизанокъ города Везали (Лёббокъ, 94). Въ нѣкоторыхъ частяхъ Западной Африки негры съ уваженіемъ смотрятъ на публичныхъ женщинъ (тамъ же). Истинный смыслъ этихъ странныхъ для насъ явленій лучше всего раскрывается слѣдующимъ разсказамъ Карвера, приводимымъ Лёббокомъ. Во время пребыванія своего у одного сѣверо-американскаго племени, Карверъ замѣтилъ, что всѣ съ необыкновеннымъ почтеніемъ относятся къ одной женщинѣ. Оказалось, что «однажды она пригласила сорокъ главнѣйшихъ воиновъ въ свой шатеръ, приготовила для нихъ пиръ и относилась къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ, какъ бы они были ея мужьями. При дальнѣйшихъ разспросахъ Карверу было сообщено, что это—древній обычай, уже пришедшій въ забвеніе, и что едва въ цѣломъ поколѣніи найдется одна женщина, достаточно смѣлая, чтобъ устроить такой пиръ, несмотря на то, что полный успѣхъ обѣщаетъ ей самаго завиднаго мужа».

Читатель понимаетъ конечно, что я далекъ отъ мысли представить что нибудь похожее на полную исторію семьи. Моя цѣль совсѣмъ иная. Всѣ вышеупомянутые факты приведены во первыхъ для того, чтобы утвердить отсутствіе семьи, какъ исходную точку супружескихъ и родительскихъ отношеній, и во вторыхъ, чтобы показать общій процессъ выдѣленія семьи изъ „племени“, если это слово здѣсь умѣстно, процессъ борьбы этихъ двухъ ступеней общественной индивидуальности. Многія изъ относящихся сюда явленій ниже опять привлекутъ наше вниманіе. Будутъ указаны и другія, изъ которыхъ я долженъ теперь же упомянуть нѣкоторыя. Мы увидимъ впослѣдствіи, что первобытная женщина занимала въ обществѣ совсѣмъ не такое мѣсто, какое она занимаетъ нынѣ у цивилизованныхъ народовъ и дикарей. Она не была ни явной, ни замаскированной рабой, она была по малой мѣрѣ равна мужчинѣ. Эту черту,

разъясненіе которой я принужденъ до поры до времени отложить въ сторону, читатель долженъ постараться ввести въ неясную картину отдаленнаго отъ насъ на тысячи лѣтъ человѣческаго быта.

Историки, соціологи, публицисты и т. д., занимавшіеся изученіемъ семейныхъ отношеній, брака, «женскаго вопроса» и т. д., брали обыкновенно подъ свое покровительство ту или другую форму брака, т. е. ту или другую ступень *общественной* индивидуальности, и приглашали читателей торжествовать ея побѣду, видѣли въ приближеніи къ ней прогрессъ, а въ удаленіи отъ нея—регрессъ. Мы поступимъ иначе. Мы опредѣлимъ прежде всего отношеніе различныхъ формъ супружескихъ и родительскихъ связей къ индивидуальности человѣческой; насъ будутъ занимать *ея* побѣды и пораженія. Оставляя пока въ сторонѣ связь родителей съ дѣтьми, посмотримъ, что связывало и связываетъ мужчину и женщину. Конечно любовь. Но многимъ кажется неудобнымъ давать это названіе связи первобытныхъ людей. Лёббокъ приводитъ увѣренія многихъ путешественниковъ, что дикари любви собственно не знаютъ и не чувствуютъ. Онъ и самъ утверждаетъ, что «низшія расы не имѣютъ брачныхъ установленій; истинная любовь почти неизвѣстна имъ, и бракъ въ низшихъ фазахъ своего развитія вовсе не является дѣломъ привязанности и взаимнаго влеченія». Это—разсужденіе типическое. Не одинъ Лёббокъ отказывается понимать любовь независимо отъ «брачныхъ установленій», которыя, какъ показываетъ ежедневный опытъ, въ дѣйствительности далеко не всегда завершаютъ «привязанность и взаимное влеченіе». Что супружескія отношенія дикарей не имѣютъ того напряженно, исключительно личнаго характера, которымъ отличается любовь въ цивилизованныхъ обществахъ, это конечно вѣрно. Но отрицать у дикарей взаимное влеченіе очень мудрено. Какъ видно изъ словъ, цитируемыхъ Лёббокомъ путешественниковъ, ихъ смущаетъ варварское обращеніе дикарей съ женами. Но этотъ фактъ только ставитъ передъ изслѣдователемъ новую задачу и задачу очень любопытную. По словамъ г. Н. Львова, у дагe-

станскихъ горцевъ «мужчина смотритъ на женщину, какъ на рабочій скотъ»; «доволенъ ли мужъ своей женой или нѣтъ, послѣдняя все-таки играетъ роль служанки, дѣйствующей по волѣ своего господина»; «женскій полъ долженъ довольствоваться остатками отъ стола откушавшихъ уже гостей»; «ласки горцевъ къ женамъ своимъ выражаются ударами; вмѣсто нѣжныхъ словъ они дарятъ своихъ женъ кличкою и бранью въ родѣ: больхонъ—свинья, гяуръ—невѣрный, чурукай—гадкая, наджасъ—поганая и т. п.; горянки такъ привыкли къ подобнымъ нѣжностямъ, что едва ли имъ понравились бы ласки европейскія. Взамѣнъ грубыхъ ласкъ мужчинъ, женщины отвѣчаютъ имъ самыми нѣжными именами, въ родѣ: свѣтъ очей моихъ, лекарство изъ лекарствъ, да останешься ты живъ для меня, да продлится твой вѣкъ и т. п.». Кажется, далеко ли это отъ варварскаго обращенія съ женщинами какихъ-нибудь готентотовъ или кафровъ, которымъ путешественники отказываютъ въ любви? А между тѣмъ «любовь у горцевъ считается священнымъ чувствомъ; они говорятъ, что гдѣ-то въ книгѣ написано, что если мусульманинъ умретъ отъ чистой любви къ женщинѣ, то наслѣдуетъ царство небесное». («Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ аварскаго племени», въ III-мъ выпускѣ «Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ»). А извѣстные разсказы о русскихъ женщинахъ и соотвѣтственная имъ пословица «кого люблю, того и бью»? Ясно, что выкидывать взаимное влеченіе изъ супружескихъ отношеній грубыхъ варваровъ, тиранящихъ своихъ женъ, нельзя. Нужно напротивъ разрѣшить вопросъ: какъ можетъ это варварство уживаться съ любовью?

Что же такое любовь?

Ihr, Weisen, hoch und tief gelahrt,
Die ihr's ersinnt und wisst,
Wie, wo und wann sich Alles paart?
Warum sich's liebt und küsst?
Ihr, hohen Weisen, sagt mir's an!
Ergrübelt was mir da,
Ergrübelt mir wo, wie und wann,
Warum mir so geschah?

Ergrübeln пытались многіе, слишкомъ многіе. Но изъ всей колоссальной массы отвѣтовъ на этотъ вопросъ можно выбрать только очень мало дѣйствительно цѣннаго. Прототипомъ огромнаго большинства отвѣтовъ можетъ служить рѣшеніе Виктора Гюго: l'amour c'est être deux et n'être qu'un; un homme et une femme qui se fondent en un ange, c'est le ciel. Это до такой степени скудно и безсмысленно, что даже непереводимо. Мнѣ извѣстна только одна теорія любви, заслуживающая вниманія— теорія Шопенгауера-Гартмана, т. е. собственно Шопенгауера, потому что Гартманъ только обокралъ своего мрачнаго философскаго отца, обокралъ и съ выгодой пустилъ наворованное въ оборотъ.

Вотъ какъ разсуждаетъ Шопенгауеръ (см. Die Welt als Wille und Vorstellung, B. II, Metaphysik der Geschlechtsliebe).

Всякая любовь, со всѣми ея треволненіями и то трагическими, то комическими, то идиллическими аксессуарами, есть только строго опредѣленное, спеціализированное, къ извѣстному индивиду направленное половое стремленіе. „Вся исторія въ томъ, что каждый Гансъ ищетъ своей Гретхенъ“ (при этомъ Шопенгауеръ замѣчаетъ, что онъ не можетъ выразиться такъ ясно, какъ это сдѣлалъ бы на его мѣстѣ Аристофанъ). Но почему же такая мелочь, такое ничтожество играетъ въ жизни такую важную роль? Почему любовь такъ властно вторгается въ жизнь и глубокомысленнаго ученаго, и государственнаго человѣка, занятаго дѣлами высокой важности; почему изъ-за такой мелочи люди готовы жертвовать и жизнью, и имуществомъ, и честью? Дѣло въ томъ, что это вовсе не мелочь. Конечная цѣль всѣхъ любовныхъ шашней вполнѣ соотвѣтствуетъ тому жару и той беззавѣтности, которыя въ нихъ вкладываются. Она важнѣе всѣхъ другихъ цѣлей человѣческой жизни, потому что ею обусловливается ни больше, ни меньше, какъ образованіе новаго поколѣнія. Судьба тѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы человѣческаго бытія, которыя выступятъ на сцену, когда мы сойдемъ съ нея, вполнѣ опредѣляется и по существу, и по своимъ особенностямъ, нашими любовными дѣлами. Только этою внутреннею и

несознаваемою ихъ важностью можно объяснить то обстоятельство, что поэты всѣхъ временъ и народовъ неустанно черпали изъ любви свои сюжеты и все-таки не исчерпали ея. Возрастающая склонность двухъ любящихъ сердецъ есть уже собственно говоря жизненная воля новаго индивида, котораго они могутъ и хотятъ произвести; въ ихъ страстныхъ взглядахъ уже загорается новая жизнь, имѣющая сложиться въ новую гармоническую индивидуальность. Они стремятся слиться въ одно существо и достигаютъ этого въ лицѣ ребенка, который наслѣдуетъ качества и отца, и матери. На оборотъ: взаимное и рѣшительное отвращеніе мужчины и женщины показываетъ, что новый индивидъ, котораго они могли бы вызвать къ жизни, былъ бы существомъ, дурно организованнымъ, негармоническимъ, несчастнымъ. Какъ только мужчина и женщина полюбили другъ друга, такъ возникаетъ уже зародышъ будущаго человѣка въ видѣ Платоновской идеи. Какъ и всѣ идеи, она съ страшною силою стремится выразиться въ явленіи, воплотиться, реализироваться, и эта-то мощь и стремительность и составляетъ взаимную страсть двухъ будущихъ родителей. Дѣло въ томъ, что эгоизмъ есть такое глубокое и коренное свойство всякаго индивида, что только эгоистическими цѣлями и можно навѣрное подѣйствовать на него возбудительнымъ образомъ. Поэтому для достиженія своихъ цѣлей природа внушаетъ индивиду извѣстную иллюзію, благодаря которой нѣчто, составляющее благо вида или рода, представляется ему его личнымъ благомъ. Эта иллюзія есть инстинктъ. Такимъ именно характеромъ иллюзіи, самообмана, отличается и любовь. Человѣкъ думаетъ, что, стремясь соединиться съ извѣстной, опредѣленной особой другого пола, и только именно съ ней одной, онъ дѣйствуетъ исключительно въ видахъ своего личнаго наслажденія. Между тѣмъ, во всѣхъ своихъ скорбяхъ и радостяхъ любви онъ—только игралище верховной воли природы, того генія рода или вида, который одинъ пожинаетъ плоды страсти. Наслажденіе полового акта само по себѣ не увеличивается и не уменьшается напримѣръ красотой или безобразіемъ супруговъ. Од-

нако, стремясь къ этой цѣли, повидимому вполнѣ личной, человѣкъ терзаетъ свою личность на всѣ лады, топчетъ свой разумъ, честь, наконецъ прямо лишаетъ себя жизни. Это—потому, что природа обманнымъ образомъ вдохнула въ него страсть именно къ такому-то лицу; для ея и только для ея цѣлей нужно было связать такого-то съ такой-то, а сами они, удовлетворивъ своей страсти, съ разочарованіемъ видятъ, что любовь въ концѣ концовъ дала имъ только то наслажденіе, которое можетъ быть получено безъ всякой борьбы, безъ долгихъ и часто мучительныхъ стараній связать свою жизнь именно съ такимъ-то мужчиной или съ такой-то женщиной. Цѣли, преслѣдуемыя при этомъ природой и ради которыхъ она обманываетъ людей и часто губитъ ихъ, какъ индивидовъ, суть во-первыхъ размноженіе человѣческаго рода, во-вторыхъ поддержаніе его типа въ возможно чистомъ видѣ, словомъ—количественное и качественное сохраненіе человѣческаго рода. Она мучитъ и счастливитъ индивидовъ для общаго блага, для блага всего человѣчества въ нескончаемой цѣпи его поколѣній. Цѣль индивидовъ—ихъ личное наслажденіе, котораго они или не получаютъ, или оплачиваютъ слишкомъ дорого. Цѣль природы—новое, многочисленное и типическое, гармонически развитое поколѣніе. И вотъ какъ дѣйствуетъ природа. Прежде всего надо замѣтить, что мужчина склоненъ къ непостоянству въ любви, женщина — наоборотъ. Любовь мужчины убываетъ, а любовь женщины прибываетъ послѣ удовлетворенія страсти. Это очень мудро со стороны природы. Мужчина можетъ произвести больше ста дѣтей въ годъ; женщина—только одного ребенка. Мужчина и стремится исполнить свою оплодотворяющую функцію, а женщина напротивъ инстинктивно, т. е. по тайному внушенію природы, держится одного мужчины, какъ охранителя и кормильца будущаго ребенка. Такимъ образомъ гарантируется размноженіе и сохраненіе потомства. Но природа пускаетъ въ ходъ и гораздо болѣе сложныя и тонкія средства. Они могутъ быть раздѣлены на абсолютныя, одинаково на всѣхъ дѣйствующія, и относительныя,

вліяніе которыхъ индивидуально. Мы замѣчаемъ, что, несмотря на безразличіе собственно половаго наслажденія, любовь вызывается почти исключительно людьми извѣстнаго возраста, именно въ предѣлахъ способности дѣторожденія. Женщина съ окончаніемъ менструацій любви не вызываетъ. Ясно, что руководящій при этомъ нами инстинктъ направленъ исключительно на созданіе новаго поколѣнія, За извѣстнымъ возрастомъ слѣдуетъ, какъ мотивъ выбора, здоровье: острыя болѣзни мѣшаютъ любви только временно, хроническія же положительно отталкиваютъ насъ, потому что они передаются дѣтямъ, хотя опять таки мы не сознаёмъ и не принимаемъ въ соображеніе этого невыгоднаго для потомства результата. Далѣе на насъ вліяютъ отталкивающимъ образомъ несоразмѣрный ростъ, уродство въ строеніи скелета. Маленькія ноги важны, какъ одна изъ характеристичнѣйшихъ особенностей человѣческаго типа. Зубы играютъ роль въ безсознательномъ выборѣ предмета любви потому, что важны для пищеваренія, и еще потому, что качества ихъ унаслѣдываются съ особеннымъ постоянствомъ. Извѣстная полнота въ женщинѣ привлекаетъ насъ той гарантіей, которую она представляетъ для обильнаго питанія зародыша. Наконецъ важное значеніе имѣетъ красота лица, при чемъ особенно выдается привлекательность правильнаго носа и небольшаго подбородка: и то, и другое характерно для человѣческаго типа. Прекрасные глаза и красивый лобъ связаны съ психическими и преимущественно интеллектуальными качествами, которыя наслѣдуются главнымъ образомъ отъ матери. (Шопенгауеръ убѣжденъ, что дѣти наслѣдуютъ волю и характеръ, а также физическое строеніе отъ отца, а интеллектуальныя качества и физическій ростъ отъ матери. Соображеніе это играетъ видную роль въ его очеркѣ мужскихъ качествъ, привлекательныхъ для женщинъ: этого очерка я касаться не буду, потому что и предъидущаго достаточно для уясненія точки зрѣнія нѣмецкаго философа). Таковы абсолютные, т. е. на всѣхъ распространяющіеся мотивы выбора предмета любви. Само собою разумѣется, что тутъ дѣло идетъ именно только о страстной любви. Выборъ разсудочный можетъ

руководиться самыми разнообразными побужденіями и совершенно противорѣчить всѣмъ цѣлямъ природы. Мотивы относительные всѣ сводятся въ сущности къ стремленію природы исправить уклоненія отъ видоваго типа или недостатка одного изъ влюбленныхъ противуположными качествами другого и такимъ образомъ создать въ лицѣ новаго поколѣнія нѣчто уравновѣшенное, гармоническое, нормальное. Поэтому-то между прочимъ совершенно правильная красота рѣдко возбуждаетъ страстную любовь. Для страсти нужно нѣчто такое, чтò можетъ быть выражено только химической метафорой: влюбленные должны другъ друга нейтрализировать, какъ кислоты и щелочи нейтрализуются въ соляхъ. Мужской и женскій полъ суть односторонности. Въ одномъ индивидѣ эта односторонность выражена рѣзче, въ другихъ слабѣе; поэтому каждый индивидъ всего удобнѣе восполняется и нейтрализуется *извѣстною* степенью мужественности или женственности, и эти-то степени и ищетъ человѣкъ въ представителѣ другого пола; ищетъ совершенно безсознательно, инстинктивно, въ интересахъ природы, которая имѣетъ въ виду восполненіе человѣческаго типа въ ребенкѣ. Наиболѣе мужественный мужчина всегда ищетъ наиболѣе женственной женщины и наоборотъ. Влюбленные совершенно напрасно толкуютъ о «гармоніи ихъ душъ». Гармонія эта можетъ оказаться жесточайшимъ диссонансомъ тотчасъ послѣ свадьбы, т. е. тотчасъ по достиженіи цѣли природы, которая состоитъ въ зачатіи ребенка, приближающагося къ нормальному человѣческому типу. Природа жестоко надуваетъ влюбленныхъ, заставляя ихъ думать, что они созданы другъ для друга, тогда какъ все дѣло въ нейтрализаціи ихъ односторонностей не въ нихъ самихъ, а въ будущемъ поколѣніи. Съ этою только цѣлью природа сводитъ слабаго въ мускульномъ отношеніи мужчину съ сильной женщиной и наоборотъ—маленькаго мужчину съ высокой женщиной и наоборотъ—блондиновъ съ брюнетками, тупоносыхъ съ длинноносыми и горбоносыми, стройныхъ и худыхъ съ толстыми и т. п. Очень совершенный въ какомъ нибудь отношеніи человѣкъ, хотя можетъ быть и не придастъ высокой цѣны соотвѣтственному

несовершенству, но по крайней мѣрѣ легче другихъ примирится съ нимъ, и это единственно потому, что въ немъ самомъ лежитъ уже гарантія противъ несовершенства дѣтей на этомъ пунктѣ. Благо самихъ брачущихся, самихъ влюбленныхъ и вообще отдѣльныхъ индивидовъ тутъ не при чемъ. Въ страшномъ водоворотѣ любви безраздѣльно царитъ геній вида. Не влюбленный горюетъ о своей возлюбленной или о невозможности съ ней соединиться—то вопль генія вида, которому стоятъ поперекъ дороги препятствія. Но большинство этихъ препятствій онъ ломитъ: Какъ говоритъ Шамфоръ:—quand un homme et une femme ont l'un pour l'autre une passion violente, il me semble toujours que, quel que soient les obstacles qui les séparent, un mari, des parents etc., les deux amans sont l'un à l'autre, de par la Nature, qu'ils s'appartiennent de droit divin, malgré les lois et les conventions humaines. Большая часть „Декамерона“ Боккаччіо есть не что иное, какъ гнѣвъ и насмѣшка генія вида надъ попираемыми имъ правами и интересами отдѣльныхъ индивидовъ. Ребенокъ, ради котораго единственно происходитъ вся исторія любви, тоже только индивидъ. Онъ выростетъ и точно также будетъ, инстинктивно повинуясь волѣ генія вида, искать счастія въ любви и тоже его не найдетъ. Онъ принужденъ будетъ бороться съ тысячами препятствій, будетъ весь израненъ, потеряетъ можетъ быть и честь и совѣсть и растопчетъ даже можетъ быть наконецъ свою собственную индивидуальность. Извѣстны случаи, что люди, питая другъ къ другу пламенную страсть, вмѣстѣ съ тѣмъ презираютъ предметъ любви, даже ненавидятъ его внѣ половаго акта. А когда страсть удовлетворена—любви конецъ, потому что ея метафизическая цѣль достигнута; затѣмъ наступаютъ уже другія чувства, можетъ быть и высокія, и пріятныя, но это—уже не любовь, а дружба, привычка, уваженіе, чувство общности жизненныхъ задачъ и т. д. Если бы страсть Петрарки была удовлетворена, мы бы не имѣли его пѣсенъ, потому что и птица перестаетъ пѣть, когда яйца положены. Браки по любви, заключаемые въ интересахъ вида (опять-таки конечно безсознательно), бываютъ большею частью не-

счастны, потому что, разъ исчезаетъ иллюзія, наступаетъ разочарованіе и скорбь объ отсутствіи гармоніи душъ. Совсѣмъ иное съ бракамй по разсчету, въ которыхъ иллюзія не участвуетъ. Но если такіе браки и бываютъ счастливы, то счастіе это дается не любовью.

Такова теорія Шопенгауера, которой нельзя отказать ни въ глубинѣ, ни въ послѣдовательности. Гартманъ, какъ уже сказано, только повторилъ ее и тѣмъ самымъ, относительно говоря, сдѣлалъ шагъ назадъ (что впрочемъ относится не къ одной теоріи любви). Со времени Шопенгауера утекло воды совершенно достаточно для того, чтобы человѣкъ, видящій въ философіи, какъ Гартманъ, «умозрительные результаты индуктивнаго естественно-научнаго метода», нѣсколько поохладѣлъ къ идеѣ цѣлесообразности явленій природы. Между тѣмъ, какъ извѣстно, цѣли природы составляютъ фундаментъ всей пресловутой философіи Безсознательнаго. Здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ предметѣ, но я долженъ упомянуть о возможности совершенно иного, дистелеологическаго, какъ сказалъ бы Геккель, объясненія явленій половаго инстинкта и любви. Трудно найти область явленій, въ которыхъ таинственная мощь инстинкта заявляла бы себя такъ ярко и въ то же время такъ трудно объяснимо. Откуда берется и чѣмъ обусловливается это весеннее ликованіе природы, когда цвѣты блистаютъ своими разукрашенными половыми органами и птицы запѣваютъ свои пѣсни любви? Какъ объяснить, что даже многія рыбы, существа, вошедшія въ поговорку своей холодностью и нѣмотою, въ пору размноженія пріобрѣтаютъ яркую окраску и даже способность издавать звуки? Какъ объяснить инстинктъ самца, безошибочно узнающаго икру своего вида и оплодотворяющаго ее? Какъ объяснить наконецъ ту нескончаемую поэму любви, которою полна исторія человѣчества? Во всемъ этомъ и въ другихъ безчисленныхъ проявленіяхъ половаго инстинкта столько поразительнаго, что гдѣ же и искать цѣлей природы, какъ не здѣсь, въ этомъ архитаинственномъ мірѣ, гдѣ все такъ дивно прилажено и соображено! Не даромъ народъ видитъ въ любви чары, волшебство и для объ-

ясненія ея симптомовъ придумалъ разныя приворотныя зелья, напускающія сухоту на добрыхъ молодцовъ и красныхъ дѣвицъ. Людямъ ученымъ естественно было приплести сюда цѣли природы. И дѣйствительно, извѣстное разсужденіе Вольтера о часахъ и часовщикѣ наичаще примѣнялось и примѣняется къ области половаго инстинкта и любви. Но бѣда въ томъ, что всякій, разсуждающій о цѣляхъ природы, рисуетъ эту природу съ самого себя и своей собственной личности и подсовываетъ ей тѣ цѣли, которыя онъ самъ считаетъ достойными достиженія. Я не буду говорить о томъ, какъ явно проходитъ эта тенденція сквозь всю исторію метафизики, и замѣчу только, что уже очень давно родилась, хотя и не получила должнаго развитія, мысль, вполнѣ объясняющая видимую цѣлесообразность явленій природы, не прибѣгая къ гипотезѣ цѣлей природы. Еще Эмпедоклъ доказывалъ, что поразительная законченность многихъ явленій, ставящая насъ въ тупикъ, есть просто дѣло случая, а не результатъ воли обдумывающей, соображающей, вообще мыслящей природы. При этомъ подъ случаемъ только и слѣдуетъ разумѣть независимость отъ чьей бы то ни было цѣлесообразной дѣятельности, а не отъ закона причинности. Дѣло въ томъ, что могли возникать тысячи, милліоны формъ, устроенныхъ вовсе не цѣлесообразно, но именно вслѣдствіе этой нецѣлесообразности они не могли продержаться на аренѣ жизни и должны были гибнуть. Слѣдовательно, какъ бы слѣпо ни творила природа, но въ концѣ концовъ существуютъ и подлежатъ нашему изученію только тѣ, сравнительно очень рѣдкія ея созданія, которыя приложены къ цѣлямъ существованія. И въ этомъ весь секретъ цѣлесообразности. „Если бы кто-нибудь, говоритъ Ланге: — чтобы убить зайца, выпустилъ милліоны выстрѣловъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ; если бы онъ, чтобы попасть въ запертую комнату, купилъ десять тысячъ разныхъ ключей и перепробовалъ ихъ всѣ; если бы онъ, чтобы имѣть домъ, выстроилъ цѣлый городъ и затѣмъ всѣ лишніе дома предоставилъ на волю вѣтровъ и непогоды—то никто не назвалъ бы его дѣйствія цѣлесообразными; еще менѣе можно бы было увидѣть въ нихъ ка-

кую-нибудь высшую мудрость". (Geschichte des Materialismus-В. II, 246). Между тѣмъ, такъ именно дѣйствуетъ природа, порождая милліоны жизней, изъ которыхъ лишь немногимъ, лишь въ видѣ исключенія, суждено дѣйствительно жить, а все остальное погибаетъ отчасти еще въ состояніи зародышей или яицъ, отчасти едва достигнувъ зрѣлаго возраста. Это разсужденіе, лежащее въ основѣ всей теоріи Дарвина, приложимо и къ частностямъ органической жизни, и къ явленіямъ половаго инстинкта. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы видимъ только способные къ размноженію организмы, потому что никакіе другіе не могли бы вѣдь и существовать. Природа дѣлала можетъ быть милліоны пробъ, извергая изъ своей творческой утробы напримѣръ рыбъ, не умѣющихъ распознавать икру своего вида, но всѣ эти пробы необходимо должны были потерпѣть фіаско—«не расцвѣсть и отцвѣсть». Такъ что та степень цѣлесообразности, которую мы видимъ вокругъ насъ, отнюдь не должна удивлять насъ. Вотъ еслибы ея не было, это было бы дѣйствительно удивительно и совершенно необъяснимо съ точки зрѣнія научныхъ понятій о природѣ. Теперь же намъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ гипотезѣ мыслящей природы—гипотезѣ, вызвавшей вопросъ Дюбуа-Рэмона: гдѣ же мозгъ или вообще органъ мысли природы? Возьмите исторію любаго многочисленнаго семейства. Въ немъ случались вѣроятно и выкидыши, и преждевременныя рожденія, можетъ быть и двойни, и уроды; матери рожали и красивыхъ, и некрасивыхъ, и умныхъ, и глупыхъ, и живучихъ, и неживучихъ дѣтей; рожали онѣ разумѣется, не задаваясь цѣлями произвести на свѣтъ именно такое-то потомство, хотя конечно желали имѣть дѣтей умныхъ, здоровыхъ и т. д. Такъ и всеобщая мать—природа. Но надо еще прибавить, что эта всеобщая мать творитъ безстрастно и хоронитъ безъ слезъ свои дѣтища. Вѣчно бьетъ изъ ея утробы родникъ жизни, вѣчно созидаетъ она новыя и разнообразныя формы, но лишь очень немногія, исключительно немногія, лишь тѣ, которыя случайно (въ вышеупомянутомъ смыслѣ случайно) носятъ въ себѣ залогъ возможности существованія, лишь онѣ не затираются

новыми потоками жизни и живутъ, и плодятся, и множатся. Понятно, какъ просто объясняется съ этой точки зрѣнія та страшная мощь половаго инстинкта, которую Шопенгауеръ и Гартманъ ставятъ на счетъ будто бы очень хитрой и постоянно насъ надувающей природы или «Генія вида» или «Безсознательнаго».

Однако, это только до тѣхъ поръ просто, пока мы разсматриваемъ явленія половаго инстинкта въ общихъ чертахъ, пока мы не выходимъ изъ предѣловъ тѣхъ понятій о происхожденіи и укрѣпленіи инстинкта *вообще*, которыя Дарвинъ представилъ еще въ первомъ своемъ знаменитомъ сочиненіи. Но собственно половымъ инстинктомъ и самъ Дарвинъ, и всѣ дарвинисты занимались весьма мало, хотя Дарвинъ и вынужденъ былъ выдѣлить «половой подборъ», какъ самостоятельный факторъ органическаго прогресса. Несмотря на это выдѣленіе, на первый взглядъ тако много обѣщающее для интересующихъ насъ здѣсь вопросовъ, половой подборъ объясняетъ вѣдь только возникновеніе и развитіе такъ называемыхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, т. е. такихъ половыхъ отличій, которыя не состоятъ въ прямой связи съ актомъ дѣторожденія: таковы напримѣръ присутствіе бороды у мужчинъ и отсутствіе ея у женщинъ и т. п. Самъ половой инстинктъ остается при этомъ въ сторонѣ. Чтобы показать читателю, какъ скудны въ этомъ отношеніи воззрѣнія дарвинистовъ, я сдѣлаю довольно длинную выписку изъ послѣдняго сочиненія геніальнѣйшаго изъ нихъ—Геккеля:

„Для половаго размноженія, въ его простѣйшей формѣ, не требуется ничего, кромѣ сліянія или срощенія двухъ различныхъ клѣточекъ: женской, зародышевой, и мужской, сѣменной. Всѣ другія крайне сложныя явленія, группирующіяся около половаго акта въ высшихъ животныхъ, играютъ только подчиненную и второстепенную роль; они только впослѣдствіи примыкаютъ къ первичному простѣйшему процессу и суть результаты «дифференцированія». Но когда мы подумаемъ, какую необычайно важную роль играютъ половыя отношенія во всей органической природѣ, какимъ могучимъ мотивомъ въ разнообразнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ процессахъ является взаимная склонность, притяженіе двухъ половъ, *любовь*—то представится очень важнымъ свести эту любовь къ ея первоначальному источнику, къ силѣ притяженія (Anziehungskraft) двухъ различныхъ клѣточекъ. Во всемъ органическомъ мірѣ эта малая причина производитъ величайшія

слѣдствія. Подумайте только о роли, которую играютъ въ природѣ цвѣты, объ удивительныхъ явленіяхъ, порождаемыхъ половымъ подборомъ въ мірѣ животныхъ, наконецъ о высокомъ значеніи любви въ жизни человѣка,—и вездѣ сліяніе двухъ клѣточекъ есть первичный и единственный мотивъ; вездѣ этотъ невидный процессъ оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на развитіе самыхъ разнообразныхъ отношеній. Можно смѣло сказать, что никакой другой органическій процессъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ этимъ по обширности и напряженности дифференцирующаго дѣйствія. Древняя греческая сказка о Парисѣ и Еленѣ и множество другихъ подобныхъ исторій представляютъ только поэтическое выраженіе того неизмѣримаго вліянія, которое любовь и связанный съ нею половой подборъ имѣли на исторію дифференцированія половъ. Всѣ другія страсти, волнующія грудь человѣка, даже въ совокупности своей далеко не такъ могучи, какъ воспламеняющая чувство и отуманивающая разумъ любовь. Съ одной стороны мы благодарно идеализируемъ любовь, какъ источникъ возвышеннѣйшихъ созданій поэзіи, пластическихъ искусствъ и музыки; мы почитаемъ въ ней могучаго фактора человѣческой нравственности, основаніе семейной жизни, а черезъ нее и государственнаго развитія. Съ другой стороны мы боимся въ ней всепожирающаго пламени, которое губитъ несчастныхъ и причиняетъ больше горя, порока и преступленій, чѣмъ всѣ другія бѣды человѣчества, вмѣстѣ взятыя. Любовь такъ полна чудесъ и такъ безконечно важно ея вліяніе на психическую жизнь, что здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, кажется неумѣстнымъ естественное (механическое) объясненіе. И, несмотря на все это, сравнительная біологія и эмбріологія совершенно ясно и несомнѣнно сводятъ любовь къ ея древнѣйшему и простѣйшему источнику—къ *избирательному сродству (Wahlverwandschaft) двухъ различныхъ клѣточекъ: зародышевой и сѣменной* (Anthropogenie, 656).

Ни одинъ дарвинистъ не сказалъ больше этого, а между тѣмъ далеко ли мы въ сущности отошли, ведомые знаменитымъ ученымъ Геккелемъ, отъ теоріи забытаго метафизика Шопенгауера? Очень недалеко, и притомъ нѣ совсѣмъ впередъ, не во всѣхъ по крайней мѣрѣ отношеніяхъ. Мы ушли конечно впередъ, переставъ подсовывать бездушной и безумной природѣ цѣли и цѣлесообразную дѣятельность. Но это—единственный, правда очень крупный шагъ впередъ. Чѣмъ въ сущности «избирательное сродство двухъ клѣточекъ» лучше безсознательнаго взаимнаго тяготѣнія двухъ индивидовъ? Не только не лучше, а даже хуже, потому что разрѣшеніе вопроса отодвигается въ область, недоступную

наблюденію. Это конечно отчасти зависитъ отъ самаго предмета, подлежащаго объясненію, потому что въ концѣ концовъ сила любви такъ же мало намъ понятна, какъ и сила тяготѣнія? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно только прибѣгнуть къ описанію или распространенію, т. е. въ нѣсколькихъ или многихъ словахъ сказать то же самое, что заключается въ одномъ словѣ «тяготѣніе». Такъ и съ любовью. Но дѣло въ томъ, что всякая теорія должна обнимать большій или меньшій кругъ фактовъ и, при первенствѣ другихъ условій, та теорія лучше, которая охватываетъ наибольшее число фактовъ. Очевидно, что теорія Шопенгауера, оставляя въ сторонѣ ея телеологическій характеръ, съ этой точки зрѣнія лучше теоріи Геккеля. Она больше даетъ уму, оставляетъ въ рядѣ явленій половаго инстинкта меньше пробѣловъ. Геккель не умѣетъ объяснить, съ точки зрѣнія избирательнаго сродства двухъ клѣточекъ, ни страшной силы любви, ни того несомнѣннаго факта, что любовь требуетъ извѣстной степени контраста между любящими, ни другихъ вещей, которыя Шопенгауеръ, худо-ли, хорошо-ли, объясняетъ. Мы не можемъ конечно примириться съ его объясненіемъ, потому что оно противорѣчитъ самымъ основнымъ требованіямъ научнаго мышленія. Однако и формулы Геккеля намъ маловато, потому что она тѣсна и узка. Но можетъ быть теорія достаточно широкая и невозможна безъ примѣси такой лигатуры, какъ цѣли природы? Къ счастію дѣло, кажется, стоитъ не такъ безнадежно, и у самихъ дарвинистовъ можетъ быть почерпнуто нѣчто весьма пригодное для нашей цѣли.

Читатель замѣтилъ, что Геккель видитъ въ явленіяхъ половаго инстинкта и высшаго изъ нихъ, любви, результаты «дифференцированія» и затѣмъ имъ самимъ приписываетъ сильное дифференцирующее вліяніе. «Дифференцированіе» стало нынѣ модньмъ словомъ, и съ нимъ случилось то же, что обыкновенно случается съ модными словами; его употребляютъ, какъ говорится, зря, вкладывая въ него неопредѣленно одобрительный смыслъ. Когда слово «свобода» стало моднымъ, то дѣло дошло до знаменитой «свободы отъ земли» и и до анекдота о «свобод-

номъ» извощикѣ, которому мимо ходящіе хлыщи предлагаютъ кричать: «да здравствуетъ свобода». Такъ и съ дифференцированіемъ. Предполагается, что оно есть всегда или спутникъ чего-то очень хорошаго и для кого-то выгоднаго, или же составляетъ самую суть этого хорошаго. Изо всѣхъ мнѣ извѣстныхъ писателей наибольше злоупотребляетъ этимъ словомъ Спенсеръ. Я предлагаю читателю, всякій разъ какъ онъ въ разговорѣ или въ печати встрѣчаетъ слово «дифференцированіе», задавать себѣ или собесѣднику вопросъ: что именно въ данномъ случаѣ дифференцируется и къ какимъ результатамъ дифферинцированіе приводитъ? Такъ мы поступимъ и въ занимающемъ насъ случаѣ.

Всѣ разнообразные процессы размноженія сводятся къ отдѣленію отъ организма-производителя одной или нѣсколькихъ клѣточекъ, изъ которыхъ развивается новый индивидъ. Самый простой случай представляетъ размноженіе дѣленіемъ: организмъ-производитель просто распадается на двѣ или нѣсколько частей. Этотъ процессъ можетъ имѣть мѣсто только въ наименѣе дифференцированныхъ организмахъ, т. е. въ такихъ, части которыхъ ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, очень мало зависятъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ своего цѣлаго, и способны каждая составить изъ себя новое, самостоятельное цѣлое. Поднимаясь выше по лѣстницѣ организмовъ, мы встрѣчаемъ послѣдовательно почкованіе, размноженіе спорами, два вида гермафродитизма и наконецъ чистое половое размноженіе. Эта градація идетъ параллельно усложненію, дифференцированію организмовъ. Развиваясь, диффенцируясь, организмъ побѣждаетъ входящія въ него низшія индивидуальности именно тѣмъ, что водворяетъ между ними несходство, спеціализацію и раздѣленіе труда. Уже на ступени почкованія не всѣ части организма способны произвести новый индивидъ: почки выростаютъ обыкновенно только на извѣстныхъ мѣстахъ организма-производителя. Наконецъ въ высшихъ животныхъ только ничтожная доля эпителіальныхъ клѣточекъ, именно клѣточки зародышевыя и сѣмянныя, способны развиваться въ самостоятель-

ный индивидъ. Только онѣ сохраняютъ еще всю сумму свойствъ необходимыхъ для самостоятельной, свободной жизни, только онѣ не побѣждены высшею индивидуальностью, а всѣ остальныя клѣточки сгруппированы въ служебные, подчиненные органы и усвоили себѣ только одну какую нибудь спеціальную сторону жизни.

Самымъ процессомъ своего развитія организмъ, какъ и всякая другая ступень индувидуальности, установляетъ между своими частями раздѣленіе труда и вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость и рабство. Подвергшіяся дифференцированію части всякаго побѣдоноснаго цѣлаго другъ безъ друга жить не могутъ и въ то же время суть рабы или цѣлаго, или другъ друга. Дѣло въ томъ, что всякое побѣдоносное цѣлое можетъ въ свою очередь оказаться побѣжденнымъ другою, еще высшею индивидуальностью. И это именно явленіе можно прослѣдить въ градаціи способовъ размноженія. Въ этой градаціи замѣчается не только усиленіе раздѣленія труда, дифференцированія между клѣточками и органами и слѣдовательно не только ростъ побѣды индивида въ тѣсномъ смыслѣ, а и усиленіе раздѣленія труда, дифференцированія между индивидами и слѣдовательно зачатки ихъ пораженія новою, высшею индивидуаллностью. *Процессы дифференцированія двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности необходимо враждебны одинъ другому.* Вотъ незыблемое правило, котораго къ сожалѣнію не хотятъ знать господа, зря толкующіе о дифференцированіи и видящіе въ немъ всегда какое-то безусловное благо—для кого? они не говорятъ и сами не знаютъ. Дифференцированіе есть всегда побѣда для извѣстной ступени индивидуальности, но вмѣстѣ съ тѣмъ она всегда, неизбѣжно, составляетъ пораженіе для другой ступени. Спрашивается: какая же это новая ступень индивидуальности дифференцируетъ мужской и женскій полъ, установляетъ раздѣленіе труда въ актѣ воспроизведенія новыхъ поколѣній? Семья. Зачатки ея даны уже въ двуполомъ гермафродитизмѣ, потому что такіе гермафродиты въ періодъ размноженія сходятся другъ съ другомъ, сближаются, и это сближеніе достигаетъ иногда полнѣйшаго

слитія, такъ что два индивида совершенно сливаются въ одно цѣлое, и уже въ этомъ новомъ цѣломъ образуется будущее поколѣніе. При чистомъ половомъ размноженіи, трудъ произведенія новаго поколѣнія окончательно дѣлится между самцемъ и самкой и тѣмъ кладется начало семьѣ. Но благодѣтельный для побѣдителей, роковой для побѣжденныхъ законъ диффенцированія и раздѣленія труда на этомъ не останавливается. Онъ все глубже и рѣзче отдѣляетъ самку и самца, дѣлаетъ ихъ все менѣе другъ на друга похожими и все болѣе другъ отъ друга зависимыми. Дарвинъ предполагаетъ, что долго послѣ того, какъ предки млекопитающихъ перестали быть гермафродитами, оба пола могли отдѣлять молоко и оба кормить дѣтенышей, а у сумчатыхъ оба пола могли носить дѣтенышей въ брюшныхъ сумкахъ. Еще и теперь нѣкоторые рыбы-самцы носятъ яйца самокъ въ мѣшкахъ до выхода молодыхъ рыбъ, а потомъ, говорятъ, даже кормятъ ихъ; самцы другихъ рыбъ выводятъ икру во рту или жаберныхъ полостяхъ; самцы нѣкоторыхъ жабъ наматываютъ четкообразную икру, которую мечутъ самки, на свои бедра, гдѣ она и остается до выхода головастиковъ; у нѣкоторыхъ птицъ самцы берутъ на себя весь трудъ вывода птенцовъ; у голубей самцы наравнѣ съ самками кормятъ птенцовъ сокомъ, отдѣляемымъ ихъ зобомъ. Есть слѣдовательно полное основаніе предполагать, что предки млекопитающихъ, хотя уже раздѣльнополые, были однако настолько всѣ сходны, равны между собой, что трудъ кормленія дѣтей не дѣлился между самцами и самками. На это указываютъ и многія другія обстоятельства. «Если мы предположимъ, говоритъ Дарвинъ,—что, въ теченіи продолжительнаго прошлаго періода самцы помогали самкамъ въ уходѣ за дѣтенышами и что впослѣдствіи по какой-либо причинѣ—напримѣръ вслѣдствіе уменьшенія числа рождавшихся дѣтенышей—самцы перестали оказывать самкамъ эту помощь, то намъ будетъ понятно, какимъ образомъ неупотребленіе органовъ въ періодъ зрѣлости должно было повести къ ихъ недѣятельности». (Происхожденіе человѣка и половой подборъ, I, 238). Такимъ образомъ объясняется атрофированіе молочныхъ

желѣзъ у самцовъ млекопитающихъ. Далѣе развиваются другіе, такъ называемые вторичные половые признаки, т. е. такіе, которые есть у самцовъ, но нѣтъ у самокъ, и наоборотъ. Идите дальше, въ человѣческое общество, и вы увидите, что вторичные половые признаки становятся, вмѣстѣ съ развитіемъ семьи, все рѣзче. На этомъ результатѣ сходятся самыя разнообразныя отрасли новѣйшей науки: исторія, этнографія, физіологія, анатомія. У нынѣ существующихъ низшихъ расъ и въ низшихъ классахъ цивилизованныхъ народовъ, а также у исчезнувшихъ древнихъ народовъ, насколько исторія можетъ возстановить ихъ характеръ, половыя различія несравненно слабѣе, чѣмъ въ культурныхъ классахъ и у культурныхъ народовъ. Такъ напримѣръ Ретціусъ нашелъ, что „женскіе черепа высшихъ классовъ въ Швеціи обнаруживаютъ несравненно рѣзче половые особенности, нежели черепа простыхъ крестьянокъ“ (Мечниковъ. Антропологія и дарвинизмъ, „Вѣстникъ Европы“ 1875, № 1). Риль, какъ и многіе другіе наблюдатели, замѣчаетъ, что разница въ ростѣ и физіономіи между мужчинами и женщинами гораздо замѣтнѣе въ высшихъ классахъ, чѣмъ въ низшихъ. Тотъ же Риль замѣчаетъ, что это самое отношеніе можетъ быть усмотрѣно даже въ звукѣ голоса мужчины и женщины на различныхъ стадіяхъ цивилизаціи. Онъ указываетъ что въ Европѣ постепенно исчезаютъ контральты и высокіе тенора, а вырабатываются наиболѣе рѣзкіе контрасты: для мужчинъ басы, для женщинъ сопрано. (Die Familie, 27). Негры, монголы, американскіе, малайскіе народы въ обоихъ полахъ почти безбороды, тогда какъ въ кавказской расѣ мужчины рѣзко отличаются отъ женщинъ бородой и усами, такъ что нѣмки даже выработали пословицу: ein Kuss ohne Bart ist ein Ei ohne Salz, т. е. поцѣлуй безбородаго человѣка все равно, что яйцо безъ соли. Анатомы Гушке и Велькеръ пришли къ тому заключенію, что, «по мѣрѣ увеличенія совершенства расы увеличивается и разница между полами по отношенію къ вмѣстимости черепной полости; особенно же сильно превосходитъ въ этомъ отношеніи европеецъ европейку сравнительно съ негромъ

и негритянкой» (Мечниковъ). По изслѣдованіямъ одного англичанина, вѣсъ мозга цыгана равенъ 1245 граммамъ, цыганки — 1224; у лапландцевъ это отношеніе выразится цифрами 1350 и 1264, у ирландцевъ—1406 и 1261, у нѣмцевъ—1499 и 1160 Reich. Studien über die Frauen, 45). По Топинару («Антропологія») средній объемъ внутренности черепа современнаго парижанина равенъ 1,558 кв. сантиметр., парижанки—1,337; у корсиканцевъ соотвѣтственными цифрами будутъ 1552 и 1367; у французовъ временъ Меровинговъ—1504 и 1361; у китайцевъ—1518 и 1383; у ново-каледонцевъ—1460 и 1330. Хотя всѣмъ подобнымъ вычисленіямъ слѣдуетъ довѣрять только съ большою осторожностью, но въ связи съ цѣлымъ радомъ другихъ фактовъ и они могутъ имѣть свое значеніе, какъ одно изъ свидѣтельствъ, что, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, половыя различія усиливаются, т. е. усиливается половое дифференцированіе. Но намъ извѣстно уже, что исходною точкою супружескихъ отношеній должно быть признано отсутствіе семьи и что народы вымершіе и нынѣ существующія низшія расы и низшіе классы цивилизованныхъ народовъ до сихъ поръ сохранили многочисленные слѣды первобытныхъ формъ общежитія. Слѣдовательно развитіе семьи и усиленіе половыхъ различій идутъ рука объ руку. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Семья, какъ высшая индивидуальность, развиваясь, устанавливаетъ между своими частями раздѣленіе труда, назначаетъ своимъ членамъ различныя занятія, а приспособленіе къ этимъ спеціальнымъ занятіямъ отражается на физической организаціи членовъ.

Намъ говорятъ, что въ этомъ состоитъ прогрессъ. Нѣкоторые говорятъ это прямо, какъ напримѣръ г. Шкляре́вскій (Объ отличительныхъ свойствахъ мужского и женскаго типовъ), Риль (Die Familie). Но напримѣръ Риль, дойдя до извѣстныхъ фактовъ, до которыхъ и мы въ свое время дойдемъ, съ негодованіемъ говоритъ объ Ueberweiblichkeit и объ übertriebene Sonderung der Geschlechter, т. е. о чрезмѣрной женственности и чрезмѣрномъ различіи половъ. Тогда какъ вызывающіе его негодованіе факты логически неизбѣжны съ его собственной точки

зрѣнія, составляютъ дальнѣйшее развитіе того, что онъ самъ признаетъ хорошимъ и желательнымъ. Другіе, какъ напримѣръ многіе выше цитированные авторы, освоившись съ идеей равноправности половъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ отмѣчаютъ тотъ фактъ, что у болѣе „совершенныхъ“ расъ и «болѣе цивилизованныхъ“ классовъ, половыя различія становятся все сильнѣе и что слѣдовательно цивилизація несетъ съ собой не равноправность половъ, а нѣчто совсѣмъ противоположное. И въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія ходячаго либерализма, мы имѣемъ тутъ поразительное, необъяснимое явленіе. Какъ бы мы ни толковали о варварствѣ дикарей, которые бьютъ своихъ женъ, но вѣдь драка—это общій фонъ жизни дикарей. Они и другъ друга бьютъ, и жены ихъ бьютъ, и очень сильно, какъ увидимъ, а нѣкогда били еще сильнѣе. Во всякомъ случаѣ фактъ относительнаго равенства половъ въ первобытномъ обществѣ несомнѣненъ. Это равенство изгнано, какъ говорятъ, «цивилизаціей». Еслибы мы имѣли право связывать умственныя способности съ вѣсомъ мозга, то, на основаніи цифръ, приводимыхъ Рейхомъ, должны бы были сдѣлать слѣдующее заключеніе: съ развитіемъ цивилизаціи женщины глупѣютъ не только относительно, т. е. отстаютъ отъ развитія умственныхъ способностей мужчинъ, а даже и абсолютно: вѣсъ мозга цыганки равенъ 1224, лапландки 1264, а у нѣмки—1160. Повторяю, всѣ подобныя вычисленія, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ основанныя, не заслуживаютъ довѣрія. Но они все-таки наглядно, хоть можетъ быть и грубо, освѣщаютъ тотъ коренной фактъ, который ставитъ въ тупикъ точку зрѣнія ходячаго либерализма. Противники такъ называемой эмансипаціи женщинъ находятся въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, потому что они могутъ острить, какъ и дѣлаетъ Рейхъ, что, дескать, эмансипація наилегче можетъ осуществиться у цыганъ и вообще у какихъ нибудь дикарей, забытыхъ исторіей.

Но для насъ необязательно ни недоумѣніе либераловъ, ни остроуміе такъ называемыхъ консерваторовъ, потому что мы умѣемъ различать типы и степени развитія, знаемъ, что очень

высокій типъ можетъ находиться на очень низкой степени и наоборотъ. Важность этого обстоятельства даетъ мнѣ смѣлость съ совершенно серьезными намѣреніями разсказать полу-комическую, полу-фантастическую, но превосходную сказку, которую Платонъ, въ одномъ изъ своихъ разговоровъ („Пиршество"), влагаетъ въ уста Аристофану.

На „пиршествѣ", поочереди, говорятъ все очень умныя вещи объ Эротѣ, о Любви, и умнѣе всѣхъ конечно Сократъ. Только одна рѣчь проходитъ безъ всякихъ одобрительныхъ возгласовъ, рѣчь Аристофана, но я только ее и приведу, нѣсколько сокративъ и перемѣнивъ, потому что тамъ есть «нецензурныя» подробности.

Въ старину, говоритъ Аристофанъ:—люди были совсѣмъ не то, что теперь. Съ виду это были существа шарообразныя, съ четырьмя руками, четырьмя ногами, съ двумя совершенно схожими лицами, съ четырьмя ушами, съ двойными половыми органами. Ходить они могли также, какъ и мы ходимъ, но для скорости перекатывались колесомъ на своихъ восьми конечностяхъ. И это были не мужчины и женщины, а нѣчто единое и цѣлое, мужчина и женщина вмѣстѣ. Сила у нихъ была громадная, какъ физическая, такъ и умственная. Разсказъ Гомера объ исполинахъ, которые вздумали проложить себѣ дорогу на Олимпъ, относится собственно къ этимъ могучимъ цѣльнымъ людямъ. Боги призадумались. Оставлять дерзость людей безнаказанною было нельзя, а истребить ихъ въ конецъ — не хотѣлось, потому что тогда некому бы было приносить богамъ жертвы и воздавать почести. Наконецъ Зевесъ придумалъ выходъ. Онъ рѣшилъ разрубить людей пополамъ. Такимъ образомъ они ослабѣютъ, разсуждалъ мудрый богъ, и кромѣ того ихъ станетъ вдвое больше, значитъ и жертвоприношеній больше. Пусть они ходятъ на двухъ ногахъ, сказалъ Зевесъ, а если они все-таки не успокоятся и будутъ продолжать свои бунты, я разрублю ихъ еще разъ, и они будутъ двигаться на одной ногѣ, какъ волчки. Сказано, сдѣлано. Зевесъ разрѣзалъ людей пополамъ, какъ рѣжутъ яблоко или яйцо. Затѣмъ онъ велѣлъ Аполлону

повернуть имъ шеи и лица напередъ, къ сторонѣ разрѣза, чтобы они его всегда видѣли и казнились. Крбмѣ того, нужно было натянуть кое-гдѣ кожу и вообще вылечить разрѣзанныя половинки, что Аполлонъ и исполнилъ. Разрѣзанныя половины устремились одна къ другой, обнялись, схватились руками и не хотѣли разлучаться ни на минуту, такъ что многія изъ нихъ умерли съ голоду. Если умирала одна изъ нихъ, то другая искала новую. Наконецъ Зевесъ сжалился надъ ихъ несчастнымъ положеніемъ и сдѣлалъ въ ихъ строеніи еще нѣкоторыя измѣненія, которыя окончательно дали разрѣзаннымъ половинкамъ теперешнюю форму мужчинъ и женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ породили то, что мы называемъ любовью... Любовь слѣдовательно есть стремленіе къ цѣлостности, стремленіе людей другъ къ другу съ цѣлью возстановленія первостепенной могучей природы человѣка. Каждый изъ насъ есть только полчеловѣка, и каждая половина ищетъ своей половины. Счастливый бракъ есть случай удачнаго подбора половинокъ, несчастный—неудачнаго.

Этотъ превосходный, глубоко-поэтическій и глубокомысленный мифъ дорогъ намъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ потому, что онъ рѣзко ставитъ превосходство гермафродитизма (какъ физіологическаго *типа*) передъ раздѣльно-полымъ существованіемъ, а во-вторыхъ—потому, что не менѣе рѣзко указываетъ на болѣзненный источникъ половой любви. Люди гермафродитами никогда не были. Надо спуститься по нашему генеалогическому дереву, вмѣстѣ съ Дарвиномъ и Геккелемъ, до асцидій, чтобы встрѣтить гермафродитизмъ. Поэтому людей мы теперь изъ счета выкинемъ. Но несомнѣнно, что, когда впервые обозначилось раздѣльнополое существованіе и для образованія новаго индивида потребовалась встрѣча *двухъ* половыхъ продуктовъ, сѣменной и зародышевой клѣточки—*типъ* животныхъ понизился, и произошло нѣчто описываемое Аристофаномъ; сравнительно сильный, высоко развитый типъ какъ бы былъ разрубленъ на двѣ сравнительно слабыя половины. Образовался *sexe*, *Geschlecht*, нѣчто разрубленное, или *полъ*, т. е. половина. Люди, зря толкующіе о дифференцированіи и раздѣленіи труда, доказываютъ,

что «освобожденіе гермафродитовъ отъ соотвѣтственной половины генетической дѣятельности открываетъ имъ возможность тѣмъ бо́льшаго совершенствованія относительно другихъ отправленій» (Шкляревскій). Пусть такъ, но всѣ эти усовершенствованія, еслибы они были дѣйствительно такъ велики, какъ говорятъ, и даже больше, должны быть исключительно отнесены къ *степени* развитія, а типъ все-таки понизился, поскольку раздѣленіе труда произошло между индивидами, а не между органами въ предѣлахъ одной и той же индивидуальности. Тамъ, гдѣ половой актъ сопровождается полнѣйшимъ слитіемъ двухъ индивидовъ въ одинъ, внутри котораго развивается молодое поколѣніе, тамъ «всегда (in der Regel) этотъ новый индивидъ обладаетъ болѣе высокою организаціей, чѣмъ тѣ два, изъ сліянія которыхъ онъ произошелъ». (Häckel. Anthropogenie, 130). Это же развитіе приложимо и къ болѣе важнымъ изъ вторичныхъ половыхъ признаковъ. Человѣкъ получилъ раздѣльнополое существованіе по наслѣдству, но отдаленнѣйшій его типъ, который мы имѣемъ уже однако право называть человѣкомъ, не зналъ тѣхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, тѣхъ половыхъ различій, которыя выросли и ростутъ съ тѣхъ поръ. Какими бы побо́чными усовершенствованіями ни сопровождался этотъ ростъ половыхъ различій, но въ суммѣ они представляютъ все-таки высокую, колоссальную, если хотите, степень развитія пониженнаго типа. Индивидуальность человѣческая при этомъ, какъ мужчины, такъ и женщины, терпитъ коренной ущербъ, совсѣмъ не восполняемый побочными побѣдами. Если будетъ кѣмъ нибуда доказано (чего однако быть не можетъ), что это—ущербъ неизбѣжный, то изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что ущерба нѣтъ.

Индивидуальность человѣческая при этомъ побѣждается высшею, семейною индивидуальностью, въ которую входятъ, какъ подчиненные члены, супруги, дѣти и затѣмъ рядъ болѣе дальнихъ родственниковъ. Мы пока заняты только супругами. Ихъ связываетъ любовь. И здѣсь намъ опять поможетъ Платоновскій миѳъ. Половой инстинктъ и его высшее проявленіе, любовь, люди опять-таки получили по наслѣдству. Происхожденіе поло-

вого инстинкта должно быть отнесено къ тому же рѣшительному въ исторіи жизни на землѣ моменту, когда впервые полы обособились, дифференцировались. И для этого момента картина, нарисованная Аристофаномъ или Платономъ, совершенно вѣрна въ основаніи. Геніальный фантазёръ угадалъ. Сравните процессы размноженія при простомъ дѣленіи одного индивида и при предварительномъ полномъ сліяніи двухъ индивидовъ въ одно цѣлое. Въ первомъ случаѣ нѣсколько клѣточекъ, повинуясь закону развитія, достигаютъ извѣстной степени возможности самостоятельно относиться къ внѣшнему міру и отдѣляются. При сліяніи напротивъ два индивида въ извѣстный моментъ своей жизни оказываются слишкомъ слабыми для самостоятельнаго существованія, оказываются половинками, которыя стремятся слиться и образовать одно цѣлое. Ощущенія этихъ половинокъ намъ конечно неизвѣстны, но вѣрно, что они порознь существовать не могутъ. Если мы примемъ указанный въ первомъ очеркѣ законъ развитія, то это явленіе значительно уяснится намъ. По закону развитія организмы стремятся къ постоянному усложненію или, что то же, усовершенствованію. Механическія причины этого стремленія намъ неизвѣстны, но оно столь же неуклонно, какъ стремленіе ртути вверхъ по трубкѣ термометра; только послѣдняго движенія мы не называемъ неопредѣленнымъ словомъ «стремленіе», потому что свели его на механическія причины. Такъ какъ всякая индивидуальность стремится къ усложненію, а усложненіе двухъ сосѣднихъ ступеней индувидуальности ведетъ, какъ мы знаемъ, къ враждебному ихъ столкновенію, то въ результатѣ могутъ оказаться очень разнообразныя явленія, между прочимъ и упрощеніе организаціи; упрощеніе можетъ быть только въ одномъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ, а въ другихъ развитіе, усложненіе можетъ идти своимъ чередомъ и достигать очень высокой степени. Такой именно случай представляетъ обособленіе половъ. Какъ и всякое раздѣленіе труда между индивидами одного и того же вида, оно—явленіе болѣзненное. Простой гермафродитъ внутри себя развиваетъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ оба половые элемента—сѣменныя и зародышевыя клѣ-

точки. И это съ точки зрѣнія индувидуальной жизни—высшій типъ размноженія. Рядъ случайныхъ уклоненій, поддержанныхъ наслѣдственною передачею и очевидно невыгодныхъ съ точки зрѣнія богатства индивидуальной жизни, мало-по-малу атрофировалъ въ однихъ индивидахъ мужскую, въ другихъ женскую способность. Встрѣтивъ на этомъ пунктѣ задержку, законъ развитія обходитъ преграду и возстановляетъ первичное единство и совершенство, цѣльность, сложность—сліяніемъ. Мы видѣли, что индивидъ, образованный сліяніемъ, дѣйствительно выше вошедшихъ въ него отдѣльныхъ индивидовъ. Это-то замѣчательное выраженіе закона развитія, будучи увѣковѣчено наслѣдственной передачей, развивается съ теченіемъ времени въ половой инстинктъ, а затѣмъ въ любовь. Безъ него раздѣльнополые организмы не могли бы существовать, потому что не давали бы потомства. Постепенно глохли бы да глохли тѣ осужденные на гибель гермафродиты, у которыхъ способность выдѣлять мужскіе или женскіе половые продукты атрофировались. Первоначально сливаться раздѣльнополые организмы должны были въ силу чисто механическихъ причинъ, на которыя имѣетъ быть разложенъ законъ развитія. О стремленіи въ силу наслажденія конечно тутъ не можетъ быть рѣчи, какъ не можетъ быть рѣчи о мукахъ родовъ при распаденіи какого-нибудь простѣйшаго организма на два или нѣсколько новыхъ индивидовъ. Наслажденіе и страданіе, вся страшная и увлекательная сторона любви развивалась постепенно, вмѣстѣ съ развитіемъ нервной системы и психической жизни. Но первый толчокъ былъ именно таковъ, какъ его изобразилъ Аристофанъ. Любовь—не надувательство природы, или Безсознательнаго, или генія вида, преслѣдующихъ какія-то свои цѣли. Она—и не неудобопонятное избирательное сродство двухъ клѣточекъ. Она—одно изъ выраженій великаго закона развитія, сдерживаемое другими проявленіями того же закона. Платонъ правъ: любовь—взаимное тяготѣніе двухъ разрѣзанныхъ половинокъ. Но слиться эти половинки могутъ только въ низшихъ организмахъ. Въ силу все того же закона развитія, высшіе организмы при-

способляютъ всѣ свои клѣточки къ цѣлямъ своего индивидуальнаго, личнаго существованія, давятъ ихъ, группируютъ ихъ въ служебные, подчиненные органы. Лишь сѣменныя и зародышевыя клѣточки избавлены отъ этого гнета, и только онѣ и сливаются въ новый индивидъ, который, въ первую пору своего эмбріональнаго развитія, дѣйствительно оказывается не половинкой, а цѣльнымъ существомъ—онъ имѣетъ и мужскія, и женскія желѣзы. Только съ теченіемъ времени сказывается наслѣдственная сила раздѣленія половъ, и человѣкъ родится мужчиной или женщиной, во всякомъ случаѣ—половинкой. Опять и опять начинаетъ свою работу неустанный и слѣпой законъ развитія; опять и опять загорается онъ пламенемъ любви и вновь сливаетъ зародышевыя и сѣменныя клѣточки и т. д.

Понятенъ съ этой точки зрѣнія и отмѣченный Шопенгауеромъ фактъ важности контрастовъ въ любви. Природа разрѣзала половинки не совсѣмъ такъ правильно, какъ разсказываетъ Аристофанъ. Или можетъ быть она исполнила угрозу Зевеса и, такъ какъ раздѣльнополые люди были все-таки еще слишкомъ сильны и могущественны, то разрубила ихъ ёще разъ и можетъ быть не одинъ разъ или хоть такъ, слегка надрубила. Есть и другіе контрасты, которые законъ развитія стремится слить для возстановленія первичной цѣльности...

Понятенъ далѣе и тотъ фактъ, что любовь уживается рядомъ съ взаимнымъ отчужденіемъ, враждебностью, презрѣніемъ, вообще съ отрицательнымъ отношеніемъ представителей обоихъ половъ. Это отрицательное отношеніе, выражаясь въ крайне грубой формѣ у дикарей, въ сущности однако гораздо менѣе сильно у нихъ, чѣмъ у народовъ и классовъ цивилизованныхъ, гдѣ оно закутывается въ формы тонкія и мягкія. Зависитъ это оттого, что между дикаремъ и дикаркой нѣтъ сильныхъ контрастовъ, которые, дѣлая ихъ другъ другу необходимыми, въ тоже время взаимно отчуждали бы ихъ. Мы знаемъ, что подвергшіяся дифференцированію части всякаго побѣдоноснаго цѣлаго другъ безъ друга жить не могутъ и въ тоже время суть рабы или цѣлаго, или другъ друга. Допустите теперь сюда

мысленно свѣтъ сознанія. Представьте себѣ, что дифференцированныя части одушевлены самосознаніемъ. Тогда надо будетъ сказать, что онѣ другъ друга любятъ до безумія, потому что даже жить врознь не могутъ, и въ тоже время сознаніе взаимнаго рабства можетъ имъ внушать нѣчто въ родѣ взаимной вражды, если разумѣется предположить сознаніе достигшимъ достаточно высокой степени развитія. Въ человѣчествѣ эта степень конечно достигнута...

Да не подумаемъ читатель, чтобы я хотѣлъ этими нѣсколькими строками отдѣлаться отъ контрастовъ, какъ источника притягательной и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающей силы. Объ этомъ рѣчь будетъ дальше, и тогда для насъ окончательно выяснится значеніе любви, какъ одного изъ проявленій великаго закона развитія.

III *)

Семья.

(*Продолженіе*).

Кувада.—Нѣсколько словъ о положеніи дѣтей.—«Женовластіе» Бахофена.—Сказки о женскихъ царствахъ, амазонки. — Миѳы Беллерофона и проч.—Второстепенныя черты женовластія. — Правая и лѣвая рука. — Борьба за индивидуальность и борьба за существованіе.—Гипотеза г-жи Ройе.—Существуетъ ли общее женское дѣло.—Любовь въ средніе вѣка.

Страбонъ разсказываетъ, что у иберійцевъ, жившихъ на сѣверѣ Испаніи, женщины «послѣ родовъ кладутъ вмѣсто себя въ постель своихъ мужей и ухаживаютъ за ними». Діодоръ Сицилійскій повѣтствуетъ о такомъ же обычаѣ у жителей Корсики. Нимфодоръ и Аполлоній разсказываютъ тоже самое объ одномъ скиѳскомъ племени. Есть свидѣтельства, что этотъ странный обычай и донынѣ сохранился въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Испаніи и Франціи. Онъ и носитъ французское названіе couvade, что собственно значитъ высиживаніе, отъ couver (говорится о птицахъ, высиживающихъ яица). Распространеніе кувады далеко не ограничивается уголкомъ Европы. По свидѣтельству путешественниковъ, многіе туземцы южной Америки, южной Индіи, гренландцы, камчадалы, дайяки на Борнео и проч. въ большей или меньшей степени сохранили обычай кувады (см. Тайлора „Доисторическій бытъ человѣчества“ 395 и слѣд. и Лёббока «Начало цивилизаціи» 15 и слѣд.). Вотъ напримѣръ что говоритъ мис-

*) 1876, мартъ.

сіонеръ Добрицгофферъ объ абипонахъ: „Какъ только вы услыхали, что жена абипонца родила ребенка, то тутъ же вы видите, какъ ея мужъ ложится въ постель, укутывается циновками и кожами, чтобъ не пахнуло на него вреднымъ вѣтромъ, и въ продолженіи извѣстнаго числа дней соблюдаетъ постъ, хранимый въ тайнѣ *), т. е. строго воздерживается отъ извѣстнаго мяса; вы можете поклясться, что у такого господина непремѣнно родился ребенокъ... Я читалъ о существованіи этого обычая въ древнія времена и хохоталъ надъ нимъ, никогда даже не думая вѣрить въ дѣйствительное существованіе этого сумасбродства и всегда предполагалъ, что про этотъ варварскій обычай разсказывалось больше въ шутку, чѣмъ серьезно; и наконецъ самъ увидѣлъ его собственными своими глазами у абипонцевъ. И дѣйствительно, они охотно и со всею строгостью исполняли этотъ древній обычай, какъ онъ ни труденъ, потому что убѣждены вполнѣ, что воздержаніе и спокойствіе отцовъ благодѣтельно дѣйствуетъ на новорожденныхъ, и что даже оно необходимо... Поэтому, если ребенокъ умираетъ преждевременно, то женщины приписываютъ его смерть невоздержанію отца, причемъ обыкновенно указываютъ и на причины въ родѣ слѣдующихъ: онъ не воздерживался отъ употребленія мяса: онъ обременялъ свой желудокъ морской свиньей; онъ переплывалъ рѣку, когда было свѣжо; онъ не заботился подстричь свои длинныя брови; онъ ѣлъ подземный медъ, топча пчелъ ногами; онъ до того ѣздилъ верхомъ, что измучился и вспотѣлъ. Подобными безсмысленными разсужденіями толпа женщинъ обвиняетъ безнаказанно отца въ причинѣ смерти ребенка; и при этомъ обыкновенно проклятія градомъ сыплются на голову безотвѣтнаго супруга". Англійскій путешественникъ Бретъ видѣлъ въ Гвіанѣ слѣдующее: «При рожденіи ребенка, по требованію древняго индійскаго этикета, отецъ долженъ лечь въ койку и, какъ будто въ самомъ дѣлѣ больной, провести въ ней нѣсколько дней, принимая поздравле-

*) Я цитирую по русскому переводу Тайлора (г. Валицкаго), изданному въ 1868 г. въ Москвѣ. Безобразнѣе этого перевода трудно себѣ что нибудь представить.

нія и соболѣзнованія своихъ друзей. Одинъ разъ мнѣ самому случилось наблюдать исполненіе этого обычая: мужчина, совершенно здоровый и полный силъ, безъ всякаго признака болѣзни, лежалъ въ своей койкѣ съ самымъ жалобнымъ видомъ; за нимъ почтительно и заботливо ухаживали женщины, между тѣмъ какъ мать новорожденнаго стряпала, не обращая на себя ничьего вниманія». Сюда же можетъ быть слѣдуетъ отнести миѳъ «дважды рожденнаго» Вакха, котораго Зевсъ донашивалъ самъ, по смерти его матери Семелы, и т. п.

И Тайлоръ, и Лёббокъ обращаютъ вниманіе только на одну сторону обычая кувады, именно на выражающееся въ немъ первобытное понятіе о непосредственной физической связи дѣтей и родителей. Шире посмотрѣлъ на этотъ обычай Бахофенъ (Das Mutterrecht, 255). Онъ сопоставилъ его съ нѣкоторыми странными обрядами усыновленія. Дѣло въ томъ, что отецъ во время кувады стонетъ, кричитъ, вообще старается подражать мукамъ родильницы, и въ этомъ именно состоитъ вся соль обычая. Такимъ же подражаніемъ сопровождалась и сопровождается кое-гдѣ церемонія усыновленія, причемъ дѣйствующимъ лицомъ бываетъ то мужчина, то женщина, то оба вмѣстѣ. Діодоръ говоритъ, что Юнона, для усыновленія Геркулеса, пропустила его на постели сквозь свои одежды, „подражая настоящему рожденію“. Діодоръ прибавляетъ, что варвары совершали эту церемонію и въ его время. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ нашихъ раскольничьихъ толкахъ практикуется совершенно подобный обрядъ при пріемѣ новыхъ членовъ. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губ. „женщину-роженицу укладываютъ въ постель; она должна охать и стонать, какъ при естественныхъ родахъ. Надъ нею читаютъ молитвы и по временамъ спрашиваютъ ее: родишь ли раба божія? Она отвѣчаетъ: рожу въ грѣхахъ и страдахъ. Вопросъ этотъ и отвѣтъ повторяются три раза, послѣ чего сквозь рубашку лежащей женщины пропускаютъ вступающаго въ расколъ“ (Якушкинъ, «Обычное право», XV). У филиповцевъ Череповскаго уѣзда Новгородской губ. «женщина въ грязной рубахѣ, замаранной мѣсячными очищеніями или послѣродовыми изверженія-

ми, широко разставляетъ свои ноги, межъ которыхъ долженъ пролѣзть желающій получить крещеніе; въ это время она стонетъ и старается показывать всѣ тѣ симптомы, которыми обыкновенно сопровождается актъ рожденія» (Громачевскій, «Череповскіе раскольники» въ «Зарѣ» 1871, № 9). У Бахофена, Гримма (Deutsche Rechtsalterthümer), Мишле (Origines du droit français) собраны многія указанія на подобные обряды усыновленія въ древности и въ средніе вѣка. Таковъ напримѣръ разсказъ о князѣ Эдесскомъ, который усыновилъ Балдуина, прижавъ его къ голой груди подъ рубашкой. Во многихъ мѣстахъ, усыновляемыхъ и узаконяемыхъ просто подводили подъ плащъ—mantella, вслѣдствіе чего они назывались mantellati. Во Франціи указанныхъ дѣтей называли efants mis sous le drap. Одинъ фламандскій поэтъ XIII столѣтія говоритъ что „pardessous le mantiel la mère, furent faits lojal cil trois fréres".

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣкто чужой становится близкимъ, роднымъ, сыномъ, послѣ болѣе или менѣе близкаго подражанія акту дѣторожденія, совершаемаго новымъ отцомъ или матерью. Въ кувадѣ мы видимъ то же самое, съ тѣмъ только осложненіемъ, что отецъ заранѣе приготовляется къ подражанію, соблюдая извѣстную дізту и извѣстный образъ жизни. Очевидно, что это именно—только приготовленіе къ главному моменту всей комедіи и что дѣло не въ немъ. Специфическое же отличіе кувады, рѣзко выдѣляющее ее изо всѣхъ случаевъ усыновленія, состоитъ въ томъ, что здѣсь подражаетъ акту дѣторожденія не сторонній какой-нибудь усыновитель, а всегда подлинный или предполагаемый родной отецъ. И это чрезвычайно важно. Не удивителенъ вообще фактъ подражанія—онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ грубости первобытнаго ума; не удивительно и то, что обычай этотъ сохранился въ видѣ символа даже на относительно высокой степени цивилизаціи,—это сохраненіе древняго обычая, исполненнаго для своего времени глубокаго смысла, въ видѣ формальнаго символа есть явленіе очень обыкновенное. Понятно поэтому, что Юнона дѣлала видъ, что рожаетъ Геркулеса, что эдесскій князь символически рожалъ Бал-

дуина, что раскольница символически рожаетъ новаго члена секты. Но это еще не объясняетъ кувады. Спрашивается: зачѣмъ родному отцу продѣлывать комедію кувады, когда и безъ того несомнѣнно, что новорожденный есть плоть отъ плоти его и кость отъ костей его? Казалось-бы, онъ — единственное въ цѣломъ мірѣ лицо, которому кувада, какъ обрядъ усыновленія, не нужна. А между тѣмъ самая нелѣпость этого обычая показываетъ, что онъ возникъ не случайно и не по какимъ-нибудь мелкимъ поводомъ, что за нимъ стоитъ долгая, серьезная и вѣроятно глубоко трагическая исторія.

Зачѣмъ отцамъ понадобилось образно, символически утверждать свою связь съ дѣтьми? Затѣмъ конечно, что эта связь была невсегда ясна. Дѣйствительно, если мы признаемъ, вмѣстѣ со всѣми новѣйшими изслѣдователями, отсутствіе семьи исходною точкою супружескихъ и родительскихъ отношеній, станетъ очевидно, что связь отца съ дѣтьми не могла быть ясною на зарѣ исторіи человѣчества. Кровная связь съ матерью, которая „соскрежетомъ сына носила и со стономъ его родила“, никогда не могла подлежать сомнѣнію. Но отецъ... кто былъ отцомъ новорожденнаго массагета, назамона или троглодита? Этого никто не зналъ—ни мать, ни самъ отецъ, ни племя. Судьба дѣтей въ первобытномъ обществѣ весьма мало извѣстна и даже мало понятна теперешнему человѣку. Намъ трудно дѣйствительно представить себѣ съ полною ясностью, какъ жили и росли дѣти при отсутствіи семьи. Кое-какія свѣдѣнія имѣются только относительно позднѣйшихъ ступеней развитія цивилизаціи, когда уже ребенку тѣмъ или другимъ способомъ пріискивался отецъ. Напримѣръ Геродотъ разсказываетъ объ одномъ эѳіопскомъ племени, что мужчины на собраніяхъ своихъ, которыя бывали черезъ каждые три мѣсяца, распредѣляли между собой подросшихъ дѣтей, руководствуясь при этомъ сходствомъ ребенка съ кѣмъ нибудь изъ мужей. Такія же свѣдѣнія имѣются о либурнахъ и скиѳахъ. Тодасы, у которыхъ женщина выходитъ замужъ сразу за нѣсколькихъ братьевъ, а эти братья въ свою очередь становятся мужьями всѣхъ ея сестеръ, выпутываются,

какъ мы уже видѣли, изъ затрудненія тѣмъ, что признаютъ первенца сыномъ старшаго брата, втораго—ребенкомъ втораго брата и т. д. И эта странная съ нашей точки зрѣнія система не мѣшаетъ существованію у тодасовъ большой нѣжности къ дѣтямъ. Точно также и древніе писатели говорятъ объ отсутствіи у эѳіоповъ, скиѳовъ и проч. семейныхъ несогласій, которыя, казалось-бы, неизбѣжны. Мало того: нѣкоторые, какъ напримѣръ Страбонъ, приписываютъ многія хорошія нравственныя стороны этихъ варваровъ именно ихъ семейнымъ порядкамъ. А Бахофенъ замѣчаетъ, что они осуществили у себя въ дѣйствительности многія самыя пылкія мечты Платона. Съ другой стороны однако можно привести множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайне жалкомъ положеніи дѣтей въ первобытномъ обществѣ и у современныхъ отсталыхъ народовъ. Изслѣдователи семейныхъ отношеній обыкновенно и смотрятъ на „дѣтскій вопросъ“ именно съ этой точки зрѣнія. См. напримѣръ подборъ фактовъ у Мальтуса, у г. Шашкова (Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція) или у г. Воеводскаго (Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ), который даже считаетъ *дѣтоѣдство* первымъ фазисомъ развитія людоѣдства. Этого рода факты не подлежатъ никакому сомнѣнію, но относительно дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ слѣдуетъ имѣть въ виду два соображенія. Во-первыхъ рядомъ съ возмутительнымъ положеніемъ дѣтей мы часто встрѣчаемъ, на тѣхъ же приблизительно ступеняхъ цивилизаціи, нѣчто діаметрально противоположное. Припомнимъ гордость, съ которою Одиссей называетъ себя въ особенно торжественныхъ случаяхъ «отцомъ Телемака». Нашъ чувашъ зоветъ жену до рожденія сына просто по имени, а съ этого момента она получаетъ титулъ матери такого-то, напримѣръ Василія (Риттихъ, «Объ инородцахъ Казанской губ.» II, 70). Въ Австраліи, когда ребенокъ получаетъ имя, родители начинаютъ называться по его имени: Кадлитпинна—отецъ Кадли, Кадлинганка—мать Кадли. Этотъ обычай повидимому весьма распространенъ по всему материку. У бечуановъ, въ южной Африкѣ, «родители называются по имени

ребенка». Такъ какъ старшаго сына Ливингстона звали Робертомъ, то жену его туземцы всегда звали Ма-Робертъ, т. е. мать Роберта. Тоже самое видимъ на Мадагаскарѣ, на Суматрѣ, въ Америкѣ. (Лёббокъ, 342). Уже въ этомъ принятіи родителями именъ дѣтей выражается такая же степень къ нимъ почтенія, съ какою у насъ наоборотъ дѣти принимаютъ фамилію отца. Но это почтеніе къ дѣтямъ идетъ иногда гораздо дальше. „Въ нѣкоторыхъ частяхъ Полинезіи сынъ считался, по своему званію, выше отца, и въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, на Маркизскихъ Островахъ и на Таити, король отказывался отъ престола, какъ скоро у него рождался сынъ, а поземельные собственники, при такихъ же обстоятельствахъ, теряли право на свою землю и становились простыми опекунами дѣтей, признававшихся настоящими владѣльцами ея". (Тамъ-же, 341). На Фиджи, гдѣ господствуетъ обычай наслѣдованія по женской линіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ племянникъ играетъ роль тирана и можетъ распоряжаться собственностью дяди какъ ему угодно. „Какъ бы высоко ни стоялъ вождь, но, если у него есть племянникъ, у него есть вмѣстѣ съ тѣмъ и господинъ". Какими бы историческими условіями ни объяснялись эти необычныя для насъ отношенія, но это—факты, которые должны быть приняты въ соображеніе при оцѣнкѣ положенія дѣтей въ первобытномъ обществѣ и у современныхъ отсталыхъ народовъ. Далѣе, изслѣдователи, подбирающіе факты варварскаго обхожденія съ дѣтьми и дѣтоубійства на зарѣ нашей исторіи, въ сущности говорятъ о сравнительно позднихъ историческихъ моментахъ. Во всѣхъ приводимыхъ ими случаяхъ тираномъ и убійцей является отецъ, а безконтрольный владыка семьи—отецъ есть, какъ мы сейчасъ увидимъ, продуктъ позднѣйшей исторіи. По крайней мѣрѣ замѣчательная работа Бахофена дѣлаетъ это въ высокой степени вѣроятнымъ. Дѣло—не въ отрицаніи тѣхъ пятенъ чистой дѣтской крови, которыми испещрена исторія человѣчества, а въ томъ, чтобы внести въ изслѣдованіе этихъ пятенъ новый элементъ: характеръ супружескихъ и половыхъ отношеній, вообще отношеній между мужчинами и женщинами. Этими отно-

шеніями судьба дѣтей опредѣлялась въ древнѣйшей исторіи человѣчества въ такой мѣрѣ, что послѣдняя совсѣмъ непонятна безъ разъясненія первыхъ. А что отношенія между мужчинами и женщинами были далеко не всегда похожи на нынѣ существующія и вообще имѣютъ свою долгую и сложную исторію, въ которой брали перевѣсъ то мужчины, то женщины—это мы можемъ отчасти уже изъ обычая кувады усмотрѣть. Отецъ, чтобы быть признаннымъ отцомъ, долженъ уподобиться матери—таковъ основной смыслъ кувады. Домогались-ли отцы такого уподобленія матерямъ, или напротивъ были къ нему вынуждены какою нибудь стороннею силою, видѣли-ли они въ немъ священное право, или неотвратимую обязанность, но ясно, что мать занимала нѣкогда первенствующее мѣсто въ семьѣ. Только цѣною подражанія материнскимъ страданіямъ могъ отецъ стать, по крайней мѣрѣ относительно дѣтей, рядомъ съ матерью. А слѣдовательно, было и такое время, когда отецъ стоялъ ниже матери—иначе не могъ бы сложиться обычай кувады: онъ не имѣлъ бы подъ собой никакой исторической почвы. И это вполнѣ естественно, а съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка кромѣ того вполнѣ осмысленно. Права и обязанности матери были начертаны на скрижаляхъ ея собственной природы съ такою ясностью, что въ нихъ не могло быть сомнѣнія. Права и обязанности отца напротивъ представляютъ продуктъ отвлеченія, совершенно непосильнаго уму первобытнаго человѣка, тѣмъ болѣе при отсутствіи замкнутой, обособленной семьи. Если же въ послѣдующей исторіи мы видимъ первенствующимъ лицомъ въ семьѣ не мать, а отца, если мы встрѣчаемъ такое презрѣніе къ материнскому элементу, что напримѣръ бразильскіе тупинамбосы отдаютъ своихъ женъ плѣннымъ и затѣмъ съѣдаютъ дѣтей, происходящихъ отъ этой связи, въ полной увѣренности, что это—дѣти вражескія, если мы видимъ римскую семью, состоящую изъ всемогущаго мужа-отца, окруженнаго рабами и рабынями, если мы видимъ восточнаго владыку гарема и наконецъ извѣстную степень преобладанія отца во всѣхъ классахъ европейскихъ народовъ,—то все это не значитъ, что всегда такъ

было. Рѣзкій контрастъ между этими формами семьи (не говоря уже о глубокихъ различіяхъ самыхъ этихъ формъ) и первобытною властью матери ставитъ только передъ нами новую задачу: прослѣдить историческую связь этихъ контрастовъ.

Конечно эти выводы не могутъ быть правомѣрно сдѣланы изъ одного только обычая кувады, хотя уже́ и онъ поражаетъ своею рѣзкостью. Но дѣло въ томъ, что кувада, въ смыслѣ намека на былое первенство матери, стоитъ не одиноко въ исторіи. Къ ней примыкаетъ громадная масса фактовъ, совокупность которыхъ побудила Бахофена признать женовластіе, гинекократію (Gynaikokratie), какъ самостоятельный историческій періодъ, слѣдующій непосредственно за періодомъ древнѣйшаго гетеризма. Съ кропотливостью типическаго нѣмецкаго эрудита Бахофенъ собралъ и истолковалъ, въ подтвержденіе своей гипотезы, огромное количество фактовъ, и если даже половину его соображеній признать натяжками (безъ которыхъ дѣло не обходится), такъ и то останется слишкомъ довольно резоновъ въ пользу основной мысли. Бахофенъ занятъ преимущественно истолкованіемъ греческихъ мифовъ, и книга его представляетъ едва-ли не первую широкую попытку связать миѳы съ формами общественныхъ отношеній. Само собою разумѣется, что здѣсь можетъ быть приведена только ничтожная доля фактическихъ аргументовъ Бахофена, а съ другой стороны намъ придется заимствовать кое-что и изъ другихъ источниковъ. Мы даже начнемъ съ такого заимствованія.

Вотъ какую любопытную сказку записалъ г. Каразинъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи.

Нѣкогда существовало большое царство, въ которомъ и ханъ, и сановники, и судьи, и муллы, и джигиты были женщины. Хана-женщину звали Занай и жила она въ городѣ *Самиратъ*, который стоялъ «не на землѣ, а высоко надъ нею, на тридцати семи тысячахъ столбовъ». Въ Самирамѣ были и мужчины, но немного, да и тѣ «сидѣли дома, взаперти, и только сакли убирали, да малыхъ дѣтей няньчили», въ то время, какъ женщины творили судъ и расправу, ходили на войну, на охоту. Изъ дѣ-

тей впрочемъ мужчинамъ поручались только мальчики, а дѣвочки до извѣстнаго возраста жили всѣ въ ханскомъ дворцѣ. Новорожденныхъ дѣвочекъ оставляли всѣхъ въ живыхъ, а мальчиковъ только одного изъ ста: остальныхъ же бросали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ. Выбирала счастливаго мальчика, единаго изъ ста, слѣпая старуха. Разъ эта старуха принялась горько плакать и на вопросы собравшагося народа отвѣтила предсказаніемъ, что ханъ Занай родитъ мальчика, который погубитъ бабье царство. Тогда рѣшили сына хана, какъ только онъ родится, бросить звѣрямъ на растерзаніе не въ очередь. Въ предупрежденіе же взрыва материнскихъ чувствъ, къ хану были приставлены двѣ женщины, которыя должны были смотрѣть, чтобы Занай не обманула народъ Самирана. Вотъ пришло ей время родить, и стала она молить своихъ приставницъ, чтобы скрыли отъ народа рожденіе мальчика, если таковое послѣдуетъ. Обѣщала она имъ и золота, и халатовъ цвѣтныхъ— тѣ не поддавались. «Позволю вамъ, говорила Занай,—мужей выбирать по себѣ, не по жребію, а кого хотите; позволю вамъ у другихъ даже женъ отобрать мужей, только спасите, сберегите мнѣ мое дѣтище!“ Приставницъ не соглашались. Наконецъ уже передъ самыми родами приставницы предложили хану такое условіе: „не хотимъ мы себѣ мужей изъ здѣшнихъ, а дай намъ мужей изъ тѣхъ, что внизу ѣздятъ, кому въ городъ нашъ дорога запретная, кому къ постелямъ нашимъ дороги закономъ не проложено». Занай согласилась. Народъ Самирама былъ обманутъ; Занаю подкинута дѣвочка; сынъ ея, названный *Искандеромъ*, спрятанъ, а приставницы получили, по своему желанію, мужей со стороны. Когда Искандеръ выросъ, онъ сталъ главою мужчинъ въ Самирамѣ. Скоро мужчины возмутились и потребовали у женщинъ сабель, копій, аркановъ и проч., предлагая имъ взамѣнъ котлы, иглы, кочерги, ложки. Началась война, окончившаяся пораженіемъ мужчинъ, потому что они были безоружны и приходилось ихъ всего по одному на сто женщинъ. Ханъ Искандеръ былъ присужденъ къ лютой казни, и именно сама Занай должна была его сначала оскопить, а потомъ содрать

съ него съ живого кожу. У Занай не поднялась рука на сына. Она призналась во всемъ народу и ударила себя въ сердце тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ должна была казнить мятежнаго сына. Послѣдовало замѣшательство, чѣмъ и воспользовались побѣжденные-было мужчины: они подобрали брошенное женщинами со страху оружіе и стали съ тѣхъ поръ править Самирамомъ по своему. «Раздѣлили они всѣхъ женщинъ себѣ поровну: мало было мужчинъ, а женщинъ много—всякому по сту женщинъ досталось". Съ тѣхъ поръ и пошло многоженство и порабощеніе женщинъ. („Древняя и Новая Россія" 1876, № 11 „Сказка о женскомъ ханствѣ").

Въ послѣднее время у насъ народилась група писателей, обладающихъ пылкою фантазіей и кое-какими свѣдѣніями о странахъ, мало у насъ извѣстныхъ, каковы Лапландія и вообще крайній сѣверъ Россіи, наши новыя средне-азіатскія владѣнія, Америка. Результатомъ сочетанія этихъ трехъ элементовъ, т. е. пылкой фантазіи авторовъ, обладанія ими кое-какими свѣдѣніями и малой извѣстности странъ, въ которыхъ имъ удалось побывать, является громадная масса весьма пространныхъ, но и весьма подозрительныхъ повѣствованій. Къ сожалѣнію г. Карамзинъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ этой групѣ писателей. Тѣмъ не менѣе однако я не затруднился привести здѣсь „сказку о женскомъ ханствѣ", потому что она разными своими сторонами совпадаетъ съ множествомъ другихъ сказаній. Прежде всего самое имя женскаго ханства «Самирамъ» естественно приводитъ на память Семирамиду, прославленную преданіемъ въ качествѣ знаменитой воительницы и строительницы. И Самирамъ сказки о женскомъ ханствѣ отличается именно тѣмъ волшебнымъ величіемъ, какое приписывается постройкамъ Семирамиды. Далѣе, оскопленіе Искандера, хотя и не состоявшееся, напоминаетъ преданіе, что Семирамида окружала себя скопцами, чтобы не выдаваться своимъ высокимъ женскимъ голосомъ и безбородымъ лицомъ. Избіеніе мальчиковъ напоминаетъ сказаніе о томъ, что Семирамида избивала своихъ любовниковъ и насыпала надъ ихъ могилами курганы, которые и назывались хол-

мами Семирамиды. Не лишено также интереса сравненіе Искандера, на котораго не поднялась рука у хана-женщины, съ Александромъ Македонскимъ, героическимъ побѣдителемъ Азіи, которому, по преданію, царица амазонокъ предложила себя во время одного изъ его походовъ и съ которымъ имѣла дружественныя сношенія другая царственная женщина и именно, по одному извѣстію, правнучка Семирамиды.

Но, даже оставляя въ сторонѣ совпаденіе частностей сказки о женскомъ ханствѣ съ преданіями и миѳами о Семирамидѣ, мы должны будемъ увидѣть въ ней только одинъ изъ многочисленныхъ варьянтовъ сказаній объ женскихъ царствахъ. Извѣстны классическія представленія объ амазонкахъ: это были могучія, воинственныя женщины, жившія самостоятельно, управлялись сами собой, сходились съ мужчинами лишь въ опредѣленные сроки или же держали ихъ у себя въ полномъ подчиненіи, избивали всѣхъ или почти всѣхъ родившихся у нихъ мальчиковъ. Имъ приписывалась постройка большихъ городовъ, какъ Синопъ, Смирна, Мемфисъ. Классическая древность помѣщаетъ ихъ, главнымъ образомъ, въ Средней Азіи и у Чернаго моря. Всѣмъ греческимъ героямъ приходилось имѣть сношенія съ амазонками и большею частію враждебныя. Съ ними сражается Беллерофонъ; Пріамъ въ Иліадѣ съ гордостью вспоминаетъ о встрѣчѣ съ „мужеподобными“ амазонками; Геркулесъ похищаетъ поясъ царицы амазонокъ Ипполиты; ахейцевъ защищаетъ отъ конечнаго пораженія амазонками Ахиллъ, убивая царицу Пентезилею; Тезей похищаетъ амазонку Антіопу, и за это мстительныя воительницы подступаютъ къ самымъ Аѳинамъ, гдѣ однако Тезей ихъ разбиваетъ; этимъ эпизодомъ аѳиняне всегда очень гордились, приписывая амазонкамъ относительно Эллады роль въ родѣ той, которую монголы играли относительно Европы. О встрѣчахъ съ амазонками Александра Македонскаго уже упомянуто. Другую большую группу извѣстій объ амазонкахъ дали старые путешественники въ южную Америку, гдѣ будто бы, бокъ-о-бокъ съ перувіанской цивилизаціей, удержались еще древнія женскія царства. И китайскіе хроникеры сохранили извѣстія о гинекокра-

тическихъ учрежденіяхъ. Клапротъ на основаніи китайскихъ источниковъ описываетъ два женскихъ царства, изъ которыхъ одно имѣло въ половинѣ VI вѣка по Р. Х. дипломатическія сношенія съ Китаемъ, затѣмъ утратило гинекократическій характеръ и наконецъ въ 793 году вошло въ составъ небесной имперіи. Наконецъ и славяне не остались безъ подобныхъ воспоминаній. На судѣ Любуши, кромѣ самой знаменитой княжны, присутствуютъ еще двѣ «віегласніе» дѣвицы, изъ которыхъ одна держитъ «доски правдодатне», а другая мечъ, каратель кривды. Такимъ образомъ весь судъ и расправа оказываются въ рукахъ женщинъ. Въ лѣтописи Козьмы Пражскаго разсказывается о «дѣвичьей войнѣ». Дѣвушки построили городъ Дѣвинъ и, подъ предводительствомъ Власты, вели упорную войну съ мужчинами. Власта постановила воспитывать только дѣвочекъ, а мальчикамъ выкалывать правый глазъ и отрубать большіе пальцы. Наконецъ мужчины побѣдили, и Власта была убита.

Какъ бы ни были разукрашены фантазіей всѣ эти извѣстія, но уже самая распространенность сказокъ о женскихъ царствахъ по старому и новому свѣту показываетъ, что въ нихъ есть нѣкоторое несомнѣнное историческое зерно. Въ пользу этого говорятъ и другія соображенія. Лёббокъ относится къ выводамъ Бахофена очень скептически и даже какъ бы не рѣшается выставить на видъ самую суть ихъ; но и онъ, какъ и другіе изслѣдователи, вынужденъ признать тотъ весьма важный и очень ясный намекъ на былое женовластіе, что въ древности, да и донынѣ, во многихъ мѣстахъ весьма распространено наслѣдованіе какъ имени, такъ и имущества и общественнаго положенія, исключительно по женской линіи. „Я допускаю, говоритъ онъ,— что утвержденіе отеческихъ правъ возрастало весьма медленно и въ зависимости отъ окружающихъ обстоятельствъ, при помощи импульсовъ естественнной привязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ признанію родства по отцу, взамѣнъ родства по матери, вѣроятно содѣйствовало также естественное, свойственное каждому желаніе, чтобы имущество его переходило къ роднымъ его дѣтямъ. Правда, мы знаемъ немного такихъ случаевъ, какъ напримѣръ

въ Аѳинахъ, когда о такой перемѣнѣ сохраняются ясныя воспоминанія; но намъ не трудно представить себѣ, какъ это могло произойти, и въ то же время трудно допустить возможность подобнаго измѣненія въ обратномъ смыслѣ. Кромѣ того, система родства по мужской линіи является достаточно общей, если не исключительной, для всѣхъ цивилизованныхъ расъ, тогда какъ противоположная система весьма распространена среди дикарей — откуда очевидно вытекаетъ, что указываемая нами перемѣна во многихъ случаяхъ дѣйствительно должна была имѣть мѣсто» (112). Вотъ нѣкоторые относящіеся сюда факты. По всей Африкѣ весьма распространенъ обычай престолонаслѣдія по женской линіи, т. е. вождю или королю наслѣдуетъ не его сынъ, а сынъ его сестры. Въ Индіи, во многихъ племенахъ, переходитъ такимъ же образомъ въ женскую линію имущество у простыхъ смертныхъ. У индійцевъ Гудзонова Залива дѣти носятъ имя матери, а не отца. На островахъ Дружбы, Каролинскихъ и Маріинскихъ дѣти наслѣдуютъ общественное положеніе матери, какъ бы ни было оно высоко или низко. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о власти и объ имуществѣ, а слѣдовательно они указываютъ на весьма яркое и, такъ сказать, вполнѣ реальное преобладаніе женщины. Какъ оно выражается въ повседневной жизни, можно отчасти видѣть изъ ливингстонова описанія семейныхъ нравовъ одного земледѣльческаго негритянскаго племени въ Африкѣ. Въ этомъ племени (Балонда), живущемъ маленькими общинами, женщины принимаютъ участіе въ общественныхъ совѣщаніяхъ; молодой человѣкъ, женясь, обязывается пожизнено снабжать мать жены дровами; женѣ предоставлено право развода, причемъ дѣтей она можетъ оставить у себя; безъ согласія жены мужъ не можетъ вступать ни въ какія обязательства, даже самыя ничтожныя. Ливингстонъ прибавляетъ, что онъ не знаетъ случаевъ возстанія мужей, хотя деспотизмъ женъ доходитъ иногда до жестокости. Правда, что въ другихъ негритянскихъ племенахъ Ливингстонъ наблюдалъ нѣчто совершенно противоположное, именно—полнѣйшее рабство женщины. Но и это явленіе объясняетъ онъ былымъ распространеніемъ женовластія, которое повело къ

тому, что мужчины стали покупать женъ и, сорвавъ ихъ этимъ способомъ, такъ сказать, съ корня, упрочили свое преобладаніе.

Обращаясь къ древности, мы остановимся только на двухъ-трехъ примѣрахъ, чтобы имѣть возможность разсмотрѣть ихъ съ разныхъ сторонъ.

Геродотъ разсказываетъ, что ликійцы носятъ прозвище не отцовъ, а матерей, такъ что, если спросить ликійца, кто онъ такой, то онъ начнетъ перечислять свой родъ съ материнской стороны, назоветъ мать, бабку, прабабку и т. д. Если, продолжаетъ Геродотъ, женщина благороднаго происхожденія выйдетъ за раба, то дѣти будутъ считаться благорожденными и—наоборотъ. (Припомнимъ, что Рогнѣда не хотѣла «разути рабичича», т. е. отрицала благородное происхожденіе Владиміра, имѣя въ виду родъ его матери). Другіе древніе писатели прямо говорятъ, что ликійцы издавна управлялись женщинами, что женщинамъ у нихъ воздавался большій почетъ, чѣмъ мужчинамъ, что наслѣдство переходило у нихъ къ дочѣрямъ, а не къ сыновьямъ. Наконецъ еще одна характерная черта: трауръ, скорбное почтеніе къ умершимъ должно было выражаться у ликійцевъ тѣмъ, что мужчины надѣвали женское платье. Обрядъ, какъ бы дополняющій кувааду: тамъ и здѣсь, только уподобившись женщинѣ, матери, можетъ отецъ, мужчина, заявить свою связь съ новорожденнымъ или съ умершимъ. Миѳъ ликійскаго героя Белле́рофона пытается дать объясненіе такому женовластію и дѣйствительно въ связи съ другими миѳами объясняетъ многое. Сопоставляя различные варьянты этого миѳа, мы отмѣтимъ слѣдующія черты. Въ Иліадѣ самое появленіе Беллерофона въ Ликіи обусловливается половыми отношеніями:

Съ юношей Прета жена возжелала Антія младая
Тайной любви насладиться; но къ пщущей былъ непреклоненъ,
Чувствъ благородныхъ исполненный, Беллерофонъ непорочный.

Оскорбленная Антія клевещетъ Прету, что Беллерофонъ «насладиться любовью хотѣлъ со мной, съ нехотящей». Разгнѣванный Претъ отправляетъ юношу въ Ликію на вѣрную погибель. Тамъ герой совершаетъ рядъ подвиговъ, изъ которыхъ для насъ осо-

бенно любопытно пораженіе амазонокъ. Конецъ исторіи въ разныхъ варьянтахъ различенъ. Гомеръ кончаетъ ликійскія дѣла Беллерофона мирно. Плутархъ же приводитъ два разсказа. По одному, Беллерофонъ, оскорбленный неблагодарностью ликійцевъ за избавленіе отъ страшнаго вепря, проклялъ ихъ и вымолилъ у Посейдона, чтобы тотъ пропиталъ всю почву солью. Наступилъ голодъ и запустѣніе, и только ликійскія женщины выпросили у Беллерофона помилованіе. Съ тѣхъ-то поръ ликійцы и приняли обычай называться по матери, а не по отцу. По другому разсказу, Беллерофонъ, руководимый тѣмъ-же мотивомъ, испросилъ у Посейдона безплодіе и запустѣніе ликійской земли. Богъ залилъ Ликію морскими волнами. Пока мужчины умоляли Беллерофона, онъ оставался непоколебимъ; но вотъ предъ нимъ предстали женщины и притомъ въ такомъ *женственномъ* видѣ, что Беллерофонъ отъ стыда удалился, а вмѣстѣ съ тѣмъ отступило и море. Оставляя въ сторонѣ устанавливаемыя Бахофеномъ аналогіи между землей и женскимъ началомъ съ одной стороны, и моремъ и мужскимъ началомъ—съ другой, мы все-таки должны признать, что въ миѳѣ Беллерофона всецѣло отразилась борьба за формы половыхъ отношеній. И борьба эта оказывается чрезвычайно сложною и разностороннею. Сперва Беллерофонъ борется съ поползновеніями Антіи, направленными на разрушеніе извѣстной формы семьи; этотъ первый эпизодъ непосредственно ведетъ къ борьбѣ съ амазонками, а въ концѣ концовъ торжествуетъ ликійское женовластіе.

Августиномъ сохраненъ разсказъ Варрона объ иномъ концѣ борьбы въ Аѳинахъ. Въ правленіе Кекропса случилось двойное чудо: съ разу появилось масличное дерево и родникъ воды. Дельфійскій оракулъ объяснилъ, что масличное дерево означаетъ Минерву, а вода—Нептуна, и что гражданамъ предоставляется рѣшить, въ честь кого изъ этихъ боговъ назвать свой городъ и слѣдовательно кого изъ нихъ выбрать своимъ покровителемъ. Народное собраніе, по тогдашнему обычаю, состояло изъ мужчинъ и женщинъ; первые вотировали за Нептуна, вторыя—за Минерву, и такъ какъ женщинъ оказалось больше, то онѣ востор-

жествовали. Разгнѣванный Нептунъ затопилъ Аѳины. Тогда, для умилостивленія божества, граждане порѣшили отнять у женщинъ право голоса въ народныхъ собраніяхъ, называть дѣтей по отцовскому, а не материнскому прозвищу и наконецъ запретить женщинамъ называться, по имени богини, аѳинянками. Какъ въ этомъ миѳѣ Нептунъ представляетъ мужское начало, а Минерва—женское, такъ въ «Эвменидахъ» Эсхила эти же роли распредѣляются между Аполлономъ и Аѳиной, съ одной стороны, и Эриніями—съ другой. Клитемнестра убиваетъ своего мужа, Агамемнона, а Орестъ, мстя за отца, убиваетъ Клитемнестру, т. е. свою мать. Эриніи обвиняютъ Ореста. онъ убилъ ту, которая «носила его подъ сердцемъ». Клитемнестра же убила только мужа, а не кровнаго родственника. Орестъ напротивъ отрицаетъ свою кровную связь съ матерью и отдаетъ преимущество отцовскому элементу. Такого же мнѣнія держатся Аполлонъ и Аѳина. Такимъ образомъ Эриніи попираютъ права отца и мужчины, выдвигая впередъ права матери и женщины, а Аполлонъ и Аѳина стоятъ столь же исключительно на сторонѣ правъ отца. При этомъ, Эриніи горько упрекаетъ ихъ, что они, «новые боги», хотятъ ниспровергнуть *старое* право.

Разсуждая съ сочувствіемъ или съ негодованіемъ о „женскомъ вопросѣ“, мы, люди второй половины XIX вѣка, склонны видѣть въ немъ свое дѣтище. Именно въ качествѣ своего изобрѣтенія мы или лелѣемъ его, или негодуемъ на него. Между тѣмъ онъ такъ же старъ, какъ само человѣческое общество. Сѣдая древность ставила и разрѣшила его даже несравненно рѣзче и занималась имъ съ несравненно большимъ увлеченіемъ, чѣмъ мы. Имъ насквозь пропитаны всѣ древнѣйшіе миѳы, а слѣдовательно и вся древнѣйшая дѣйствительность, потому что nihil est in religione quod non fuerit in vita. Надо только имѣть въ виду ту крайне грубую наивность, цѣльность и простоту, съ которою наши отдаленные предки ставили и рѣшали этотъ ще котливый вопросъ. Если разложить такъ-называемый женскій вопросъ на его простѣйшіе составные элементы, то мы найдемъ во-первыхъ: любовь, стремленіе двухъ половинокъ человѣче-

скаго существа соединиться въ одно цѣлое, стремленіе, встрѣчающее многоразличныя препятствія какъ въ своей собственной задачѣ, такъ и въ тѣхъ или другихъ общественныхъ условіяхъ: во-вторыхъ конкуренцію между представителями обоихъ половъ, борьбу за кусокъ хлѣба, за независимость, за преобладаніе въ семьѣ, въ обществѣ. Эти два теченія, которыми вполнѣ опредѣляются всѣ перипетіи женскаго вопроса, суть теченія встрѣчныя, противоположныя, потому что одно стремится слить то, что другое стремится разъединить. Любовь уживается здѣсь бокъ-о-бокъ съ враждой. Такъ какъ половыя отношенія образуютъ первую форму борьбы за индивидуальность въ человѣческомъ обществѣ, при появленіи своемъ мало или вовсе не осложненную другими формами, то наши далекіе предки естественно очень занимались указаннымъ противорѣчіемъ. Они ставили его, такъ сказать, ребромъ. Козьма Пражскій напримѣръ чрезвычайно поэтически описываетъ трехдневное перемиріе во время „дѣвичьей войны“: обѣ враждующія стороны, дравшіяся съ ожесточеніемъ, выкалывавшія другъ у друга глаза и отрубавшія пальцы, сходятся на пиршествѣ, которое оканчивается совершенно оргіастическимъ праздникомъ любви. Кровавая распря Тезея съ амазонками тоже заканчивается любовью. Самая любовь, какъ слитіе двухъ враждебныхъ и вмѣстѣ необходимыхъ другъ другу половинокъ, представлялась во многихъ греческихъ и средне-азіатскихъ культурахъ и миѳахъ чрезвычайно образно. Въ Фокидѣ существовалъ храмъ Геркулеса подъ характеристическимъ названіемъ Геркулеса-Мизогина, т. е. женоненавистника. (Любопытно, что, по объясненію г. Воеводскаго, имя Деяниры, жены и виновницы смерти Геркулеса, значитъ „раздирающая мужей“). Дѣйствительно, Бахофенъ собралъ много чертъ борьбы Геркулеса съ женскимъ началомъ. Но вотъ герой сталкивается съ Омфалой, и любовь ихъ выражается переодѣваніемъ и обмѣномъ образа жизни. Омфала надѣваетъ на страшнаго полубога прозрачное розовое женское платье и сажаетъ его за прялку, а сама беретъ лукъ, колчанъ, львиную шкуру и палицу. Празднества Сандона, Астарты, Цибелы со-

провождались переодѣваніемъ мужчинъ въ женское платье и наоборотъ. Наконецъ въ личностяхъ божествъ слитіе достигало окончательной ступени: многія божества изображались болѣе или менѣе гермафродитами. Такъ напримѣръ сирійская Афродита или Астарта изображалась на Кипрѣ съ бородой и съ еще болѣе ясными признаками мужественности. Дункеръ, въ своей Geschichte des Alterthums нерѣдко обращаетъ вниманіе на замѣчательный фактъ слитія парныхъ боговъ и богинь въ одно двуполое цѣлое. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ:—должно было выражаться соединеніе мужскаго и женскаго начала въ высшую силу природы, въ единое божественное существо» (I, 257, 297 и др. 2 изд.). Такое полное примиреніе возможно было, однако, только въ пылкомъ полетѣ фантазіи, въ высочайшемъ идеалѣ, и потому на землѣ борьба за индивидуальность шла своимъ чередомъ, склоняя чашки вѣсовъ побѣды то на одну, то на другую сторону. Грубо наивная древность была до такой степени заинтересована этой борьбой, что фаллусъ былъ для нея какъ бы знаменемъ мужчины, священнымъ символомъ его личныхъ, семейныхъ, общественныхъ правъ и притязаній, а ктеисъ—такимъ же знаменемъ женщины. Древніе миѳы и культы, обряды и обычаи многихъ нынѣ живущихъ народовъ представляются съ точки зрѣнія европейскаго цивилизованнаго человѣка исполненными крайняго безстыдства и безнравственности. Напримѣръ, описывая любопытный праздникъ сбора плодовъ ямса на Золотомъ Берегу, Рейхеновъ говоритъ, что онъ сопровождается «скандаломъ въ самомъ рѣзкомъ смыслѣ этого слова», пошлостями, безстыдствомъ и проч. (Zeitschrift für Ethnologie, 1873, Heft II, письмо къ Бастіану). Конечно, если-бы мы стали продѣлывать что-нибудь въ родѣ описываемаго Рейхеновомъ, такъ это былъ бы и скандалъ, и пошлость, и безстыдство, какъ была бы съ нашей стороны безсмысленной и пошлой комедіей кувада. Но для первобытнаго человѣка она—не праздное развлеченіе, а великое, торжественное дѣло, съ которымъ связана вся его исторія. Мы устраиваемъ свои половыя отношенія по возможности въ сторонѣ отъ другихъ на-

шихъ дѣлъ и независимо отъ нихъ, и въ этой-то ихъ обособленности и, такъ-сказать, обнаженности лежитъ вполнѣ естественная причина стыдливаго молчанія, которымъ мы ихъ окружаемъ. Первобытный человѣкъ этой обособленности не знаетъ. Онъ распространяетъ идею любви, брака и плодородія даже на внѣшнюю природу. Упомянутый праздникъ негровъ Золотаго Берега напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами многія древнія торжества и въ томъ числѣ наши похороны Ярилы. Похороны эти совершались въ ознаменованіе прекращенія дѣйствія лѣтняго солнечнаго (землю оплодотворяющаго) тепла. При этомъ чучело, которое хоронили, изображалось съ огромнымъ фаллусомъ. Женщины плакали, причитали и пѣли съ нашей точки зрѣнія совершенно безстыдныя пѣсни. (Одна изъ нихъ приведена недавно, въ смягченномъ видѣ, г. Печерскимъ, „Въ лѣсахъ“, IV, 131). Сравнительная миѳологія давно уже установила многочисленныя параллели между различными перипетіями половыхъ отношеній и явленіями грозы, грома, молніи, дождя. Если такимъ образомъ даже процессы внѣшней природы сближались и прямо отождествлялись съ половымъ процессомъ, то тѣмъ болѣе вправѣ мы ожидать сближенія явленій половой жизни съ отношеніями гражданскими, общественными, что для насъ здѣсь особенно важно. И дѣйствительно, такія сближенія встрѣчаются, можно сказать, на каждомъ шагу. При самомъ началѣ вереницы греческихъ боговъ, мы видимъ Крона, оскопляющаго (по наущенію матери) своего отца Урана и овладѣвающаго его престоломъ, и затѣмъ—Зевса, низвергающаго своего отца Крона и берущаго себѣ въ жены его жену, т. е. свою мать Рею. Обѣ эти революціи слѣдовательно самымъ тѣснымъ образомъ соприкасаются съ явленіями половой жизни и находятъ себѣ въ нихъ и завершеніе, и символъ. Новый богъ, новый владыка бесмертныхъ и смертныхъ въ одномъ случаѣ лишаетъ стараго нетолько власти, а и половой жизни, въ другомъ — овладѣваетъ вмѣстѣ съ престоломъ женой стараго владыки, т. е. принимаетъ на себя его половыя отношенія. Говоря мимоходомъ объ этихъ самыхъ эпизодахъ, г. Воеводскій замѣчаетъ: „Слѣдуетъ только вспомнить, какую

важную роль игралъ дѣтородный членъ во всѣхъ древнихъ культахъ. Оскопить человѣка значило лишить его символа власти и жизни" (295). Ясно, что половой процессъ и возникающія изъ него отношенія, сплетаясь съ различными нравственно-политическими элементами, проникая ихъ и въ то же время проникаясь ими, не могли имѣть остраго „скандальнаго" характера. Совпаденіе строго-легальной чистоты семейныхъ отношеній, даже нѣсколько аскетическаго пошиба, съ грубо наглядными формами культа поражаетъ напримѣръ въ празднествахъ въ честь Деметры, богини, прямо противоположной по своему характеру распущенной Афродитѣ. Въ тесмофоріяхъ, какъ назывались эти празднества, принимали главное и почти исключительное участіе женщины (мужчинамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже подъ страхомъ смерти воспрещалось проникать въ храмъ), и притомъ женщины, родившіяся въ законномъ бракѣ и состоящія въ таковомъ же; да и тѣ должны были, приготовляясь къ празднику, воздерживаться извѣстное время отъ половыхъ сношеній. (Maury. Histoire des religions de la Grèce antique, II, 223 и слѣд.). А между тѣмъ, въ тесмофоріяхъ играло существенную роль изображеніе ктеисъ. Ясно, что эротическій элементъ расплывался здѣсь въ чемъ-то гораздо болѣе широкомъ.

Что же это такое было, это широкое? Послѣ всего предъидущаго мы, кажется, имѣемъ уже право отвѣтить: борьба мужскаго и женскаго началъ, борьба не только личная, а и общественная, поднятая напряженіемъ исторіи до религіозной высоты. Совершенно независимо отъ группъ сословныхъ, племенныхъ, національныхъ и другихъ высшихъ общественныхъ индивидуальностей и раньше ихъ слагалась индивидуальность семейная, а въ ней бились, какъ птицы въ клѣткѣ, двѣ половинки человѣческой индивидуальности, безповоротно разрѣзанныя тысячелѣтнимъ процессомъ природы. Я прошу читателя обратить вниманіе, что это не есть дарвинова борьба за существованіе, хотя и она играла въ занимающихъ насъ отношеніяхъ свою подчиненную роль. Обѣ половины человѣческаго существа боролись именно за индивидуальность, обѣ стремились обратиться изъ полови-

нокъ въ нѣчто цѣлое, т. е. совмѣстить въ себѣ весь жизненный трудъ, требуемый наличными условіями, и все сопряженное съ нимъ наслажденіе. Временное удовлетвореніе это стремленіе получало, какъ получаетъ и теперь, въ любви; но такъ какъ затѣмъ на лицо оставались все-таки только двѣ половины, а не что нибудь единое и цѣлое, то каждая изъ нихъ искала иныхъ путей. Въ безумномъ порывѣ мечты эти поиски создавали двуполые образы божествъ, а въ дѣйствительности заставляли то женщину обращаться въ „мужеподобную“ амазонку, то мужчину подражать въ кувадѣ мукамъ родильницы. Если мы видимъ многочисленныя отклоненія отъ этого органическаго стремленія къ цѣлости и единству, къ индивидуальности; если мы видимъ напримѣръ стремленіе мужчинъ и женщинъ строго распредѣлить между собой необходимый жизненный трудъ, причемъ каждая сторона норовитъ навалить на другую какъ можно больше, то это—результатъ наростанія и укрѣпленія индивидуальности общественной, главнымъ образомъ—семейной. Индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, пока онъ не покоренъ высшею индивидуальностью, жаденъ до послѣдней степени и не только неохотно уступаетъ другому какую нибудь функцію своего организма, но стремится захватить и чужія функціи. Въ позднѣйшихъ формахъ борьбы за индивидуальность мы увидимъ это подробнѣе. Но, собственно по яркости и наглядности этой жадности, мы не увидимъ уже ничего столь поразительнаго, какъ представленные факты борьбы мужского и женскаго начала.

Я долженъ напомнить читателю то различіе двухъ основныхъ формъ эгоизма, которое я пытался установить во вступительномъ очеркѣ. «Мы знаемъ, превосходно говоритъ одинъ нѣмецкій писатель,—что многіе органы излишни для жизни, но мы не знаемъ всѣхъ органовъ, которые *должны* быть сохранены для безпрерывнаго продолженія жизни. Случалось, что человѣкъ оставался живъ послѣ ампутаціи обѣихъ рукъ и обѣихъ ногъ. Тѣмъ не менѣе конечности необходимы для сохраненія жизни, потому что въ этомъ случаѣ человѣкъ могъ оставаться въ живыхъ, только пользуясь руками и ногами другихъ людей»

(Прейеръ, „Изслѣдованіе жизни“ въ „Знаніи“ 1873, № 4). Но не однѣ жертвы хирургическихъ операцій могутъ жить только потому, что у другихъ есть руки и ноги. Существуетъ даже мнѣніе, что человѣкъ, по самымъ основнымъ свойствамъ своей природы, склоненъ къ такому положенію, т. е. къ возможности жить только благодаря тому, что у другихъ людей есть руки и ноги. Эту-то предполагаемую основную склонность человѣка, психологи, моралисты, экономисты называютъ эгоизмомъ. Не спорно, что всѣ ихъ теоріи имѣютъ широкое фактическое основаніе: не мало на свѣтѣ людей, уподобляющихся паразиту, постепенно съуживающему формулу своей жизни, остающемуся наконецъ безъ конечностей, безъ органа зрѣнія и превращающемуся въ пищеварительно-половой инструментъ. Неспорно, что склонность къ паразитизму есть склонность эгоистическая. Но все-таки это—только извѣстная, хотя и широко распространенная форма эгоизма. Существуетъ и другая, когда человѣкъ стремится напротивъ расширять свою формулу жизни, вводить въ нее все новые и новые элементы, обнимать все бо̀льшій и бо̀льшій кругъ наслажденій, а слѣдовательно и дѣятельности. Первая форма даетъ начало борьбѣ за существованіе, вторая—борьбѣ за индивидуальность. Результатъ борьбы за существованіе есть приспособленіе къ исторически данной общественной средѣ. Результатъ борьбы за индивидуальность—обратный: приспособленіе среды. Дана, положимъ, вышеупомянутая семья бразильскихъ тупинамбосовъ. Роли индивидовъ распредѣлены вполнѣ ясно: мужъ—грубый воинъ-людоѣдъ, ничего кромѣ войны не знающій и въ свободное отъ этого занятія время ровно ничего не дѣлающій; жена—покорное вьючное животное, исполняющее всѣ хозяйственныя обязанности, рожающее дѣтей, но лично не имѣющее на нихъ никакихъ правъ; ея дѣти могутъ быть совершенно правомѣрно съѣдены, если они прижиты не отъ ея суроваго владыки, а рожать такихъ обреченныхъ на убой дѣтей она опять-таки обязана по требованію все того же владыки. Такъ сложилась исторически эта форма семьи. Пусть несчастное созданіе, исправляющее въ этой семьѣ обязанности

жены и матери, борется за существованіе, т. е. за пространство, за воздухъ, метафорически выражаясь, за кусокъ хлѣба, а въ дѣйствительности этотъ кусокъ можетъ иногда оказаться обглоданною костью ея собственнаго дѣтища. Въ результатѣ получится болѣе или менѣе полное приспособленіе къ данной семейной средѣ. Среда эта укрѣпится, а формула жизни жены-матери сократится. То же самое и относительно самого владыки, несмотря на его привелигированное положеніе. Но пусть эти люди борятся не за существованіе, а за индивидуальность, за расширеніе своего *я*; пусть только напримѣръ женщина добивается признанія *своихъ* дѣтей *своими* и слѣдовательно не подлежащими съѣденію. Въ результатѣ получится или по крайней мѣрѣ можетъ получиться измѣненіе среды, ея приспособленіе къ требованіямъ индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова. Несмотря однако на эту глубокую разницу между борьбой за существованіе и борьбой за индивидуальность, они, съ извѣстной точки зрѣнія, могутъ переходить одна въ другую. Мы условились принимать цѣлую градацію индивидуальностей, въ которой индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, человѣкъ, личность составляетъ только одно изъ звеньевъ, хотя самое для насъ дорогое и даже единственно дорогое и близкое. Поэтому и борьба за существованіе можетъ быть разсматриваема, какъ частный случай борьбы за индивидуальность,—тотъ именно случай, когда активнымъ, борющимся и побѣждающимъ началомъ является высшая, общественная индивидуальность въ области занимающихъ насъ теперь явленій—семейная. Естественное дѣло, что пока эта высшая индивидуальность еще не окрѣпла, не развилась, не налегла всею своею тяжестью на человѣка, не было и поводовъ къ ней приспособляться. Эгоизмъ въ ту отдаленную пору долженъ былъ направляться и дѣйствительно направлялся главнымъ образомъ на расширеніе личности, на захватъ все большаго и большаго круга наслажденій и дѣятельности, хотя бы этотъ захватъ даже сопровождался нѣкоторыми частными лишеніями и страданіями. Мы видѣли тому по истинѣ поразительные примѣры въ кувадѣ, въ которой наивный дикарь мечта-

етъ принять на себя даже трудъ родовъ; въ попыткахъ женщины стать «мужеподобною», оставаясь женщиной.

Что касается до перипетій этой удивительной борьбы, то они наиболѣе изслѣдованы Бахофеномъ. Вотъ въ общихъ чертахъ результаты, къ которымъ онъ пришелъ. За періодомъ гетеризма, безразличнаго смѣшенія половъ, слѣдовалъ періодъ женовластія, и именно—въ видѣ преобладанія матери. Женщина, какъ существо болѣе слабое и на которое поэтому первобытный гетеризмъ ложился тяжелымъ бременемъ, первая возстала противъ господствовавшаго звѣрообразнаго порядка. Но возстать она могла только въ качествѣ матери и слѣдовательно съ помощью дѣтей, которыя были къ ней естественно ближе, чѣмъ къ отцу, даже если онъ былъ извѣстенъ. (Наглядное выраженіе этого переворота даютъ вышеупомянутые миѳы Крона и Зевса, низвергающихъ, въ союзѣ съ матерями, своихъ отцовъ). Такимъ образомъ женщина, родившая и вскормившая дѣтей, мать кладетъ основаніе семьѣ и становится во главѣ ея. Отсюда—наслѣдованіе по женской линіи. Но на этомъ не могъ остановиться потокъ женовластія. Женщина получаетъ преобладающій голосъ въ собраніяхъ семей, т. е. въ народныхъ собраніяхъ, въ гражданской и политической жизни. Мужчина съ своей стороны стремится захватить права и обязанности матери. Въ этой борьбѣ выдвигаются амазонки, существованіе которыхъ Бахофенъ считаетъ несомнѣннымъ и появленіе которыхъ на аренѣ исторіи онъ признаётъ вырожденіемъ, извращеніемъ женской природы и частнымъ возвращеніемъ къ первобытному гетеризму. Наконецъ побѣждаетъ мужчина, и семья поднимается на высшую ступень, ступень духовной, болѣе отвлеченной связи отца съ дѣтьми, въ противоположность ясно физической связи матери съ дѣтьми.

Я обращаю вниманіе читателя только на фактическую сторону изслѣдованія Бахофена, а не на его субъективныя мнѣнія, совершенно впрочемъ тонущія въ громадной массѣ истолкованныхъ имъ историческихъ фактовъ и миѳическихъ сказаній. Исходя изъ того принципа, что въ миѳахъ отразилась, съ из-

вѣстнымъ разумѣется преломленіемъ, дѣйствительная исторія; Бахофенъ даетъ напримѣръ миѳу Беллерофона такой видъ: герой имѣетъ цѣлью установить высшій и исторически позднѣйшій типъ семьи съ преобладаніемъ отца, а вмѣстѣ съ тѣмъ преобладаніе мужчины въ гражданской политической жизни; но ему удается только половина задачи: амазонокъ, это извращеніе женской природы и возвращеніе къ первобытному гетеризму, онъ побѣдилъ, но отступилъ передъ ликійскими матерями, представшими ему въ самомъ *женственномъ* видѣ, такъ сказать, съ знаменемъ материнства. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ, главныхъ контуровъ женовластія, сохранившихся кое-гдѣ, какъ мы видѣли, и донынѣ въ видѣ слабыхъ остатковъ, Бахофенъ пытается еще возстановить нѣкоторыя второстепенныя черты этой формы общежитія. Нельзя къ сожалѣнію сказать, чтобы всѣ эти его попытки были удачны. Такъ, онъ желаетъ напримѣръ опредѣлить отношеніе кастоваго строя Египта къ женовластію, которое, по показанію древнихъ писателей, было таково, что всѣ высшія должности были въ Египтѣ заняты женщинами, а домашнее хозяйство предоставлялось мужчинамъ. Однако изъ этого желанія не вышло ничего, кромѣ нѣкоторой путаницы (стр. 103 и др.). Тѣмъ не менѣе нельзя не признать справедливою слѣдующую основную мысль Бахофена. Если вѣрно—а въ этомъ кажется нельзя сомнѣваться—что женщина, и именно въ качествѣ матери, играла нѣкогда такую выдающуюся роль, какъ думаетъ нашъ авторъ и какъ отчасти могъ видѣть читатель изъ предъидущаго, то эта черта должна была самымъ рѣшительнымъ образомъ отразиться на всемъ строѣ цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдующее время съ понятіемъ женщины сочеталось представленіе чего-то по существу подчиненнаго, низкаго, грязнаго, а актъ дѣторожденія и всѣ связанныя съ нимъ явленія, столь нѣкогда священныя, представлялись требующими особеннаго искупленія и очищенія. Это—такой крупный переворотъ, подобнаго которому исторія можетъ быть не представляетъ. А между тѣмъ передъ нимъ должны стать въ тупикъ или по крайней мѣрѣ отмѣтить его, какъ фактъ, не

подлежащій дальнѣйшему объясненію, люди, привыкшіе видѣть центръ тяжести исторіи въ умственномъ развитіи. Книга Бахофена тѣмъ именно намъ и дорога, что признаётъ такимъ центромъ отношенія общественныя и уже изъ него ведетъ радіусы къ системѣ вѣрованій и понятій. И оттого-то мы встрѣчаемъ у него такіе блистающіе свѣжестью и оригинальностью выводы. Въ цитированной уже выше статьѣ Прейеръ дѣлаетъ слѣдующее остроумное замѣчаніе: «Преобладающее направленіе умовъ нашего столѣтія можно назвать по преимуществу механическимъ. Съ одной стороны никогда еще не тратилось такъ много умственныхъ силъ на сооруженіе машинъ, сберегающихъ и замѣняющихъ человѣческія руки и мозгъ, на изысканіе средствъ для капитализаціи и распредѣленія пространства и времени; съ другой стороны, попытки объяснить чисто механическимъ путемъ всѣ явленія, въ особенности самыя сложныя изъ нихъ—явленія жизни—никогда еще не были такъ распространены, какъ въ настоящее время. *Второе быть можетъ есть послѣдствіе перваго. Удивляясь, что умъ человѣческій, посредствомъ механическихъ приспособленій, могъ подчинить себѣ природу, и такимъ образомъ матеріальные успѣхи какъ бы навели на успѣхи интеллектуальные*». Я ни малѣйше не сомнѣваюсь, что въ этомъ смѣломъ, хотя и брошенномъ мимоходомъ предположеніи лежитъ зерно правды. Что явленія умственной жизни тѣсно связаны съ фактами общественныхъ отношеній—это никѣмъ кажется не отрицается. Но обыкновенно эту связь представляютъ себѣ такъ, что извѣстныя вѣрованія, успѣхи философіи, науки, литературы производятъ давленіе на общественную жизнь. На самомъ же дѣлѣ, это давленіе ничтожно сравнительно съ толчкомъ, который дается умственной жизни формами общежитія. Неспорно, что дарвинизмъ напримѣръ извѣстнымъ образомъ отражается въ общественной жизни, расшатывая одни мнѣнія и чувства и укрѣпляя другія. Но самъ дарвинизмъ могъ явиться только въ наше время, не потому только, что для такой групировки біологическихъ явленій недоставало до нынѣ матеріаловъ (что даже и не совсѣмъ вѣрно), а глав-

нымъ образомъ потому, что наше время есть время вящщаго торжества въ обществѣ дарвиновыхъ принциповъ борьбы за существованіе, расхожденія признаковъ и приспособленія. Какъ ни парадоксаленъ можетъ показаться на первый взглядъ этотъ принципъ, который я теперь защищать во всемъ его объемѣ не могу, но несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ относительно вѣрованій онъ скоро станетъ азбучной истиной. А если такъ, то конечно рѣзкая разница во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ должна имѣть своимъ послѣдствіемъ столь же рѣзкую разницу міросозерцаній. И Бахофенъ кое-что сдѣлалъ для опредѣленія этой разницы. Не говоря объ общемъ характерѣ его изслѣдованія, цѣликомъ направленнаго къ тому, чтобы сопоставленіемъ миѳовъ и историческихъ данныхъ, такъ сказать, вынудить у первыхъ ихъ общественный смыслъ, онъ остроумно связалъ нѣкоторыя вѣрованія съ обыденными житейскими дѣлами собственно для характеристики періода женовластія. Наибольше онъ напираетъ на преобладаніе въ этомъ періодѣ луны, ночи и лѣвой руки надъ солнцемъ, днемъ и правой рукой, которые выдвинулись на первый планъ только съ тѣхъ поръ, какъ первенствующимъ лицомъ въ семьѣ и обществѣ сталъ мужчина. Связь луны съ женскими божествами и солнца съ мужскими до извѣстной степени кажется общепризнана въ наукѣ. Относящіяся сюда миѳологическія данныя Бахофенъ сопоставляетъ съ рядомъ свидѣтельствъ о странномъ предпочтеніи ночи сравнительно съ днемъ у народовъ, гинекократическій характеръ которыхъ можетъ быть дознанъ. Предпочтеніе это выражалось въ выборѣ ночи для сраженій, для всякаго рода сходокъ и собраній, для религіозныхъ церемоній, для отправленія правосудія, въ счисленіи времени ночами, а не днями и т. п. Положенія эти являются у Бахофена не только плодами теоретическихъ соображеній: они напротивъ даже до безпорядочности завалены грудой фактическаго матеріала. Факты сведены у него такъ, что отдаленная древность является какъ бы насквозь пропитанною идеею тѣснѣйшаго родства между женскимъ элементомъ, луною, ночью и наконецъ лѣвой рукой. Изо всѣхъ этихъ чертъ я могу

и долженъ нѣсколько подробнѣе остановиться только на послѣдней, т. е. на преобладаніи лѣвой руки надъ правой.

Авторъ книги «Физическій трудъ» напомнилъ взгляды Биша на значеніе неравномѣрной дѣятельности и неравномѣрнаго развитія парныхъ симетричныхъ органовъ, главнымъ образомъ— правой и лѣвой рукъ. Биша полагалъ, что эта неравномѣрность, именно превосходство всей правой стороны нашего организма, не есть что-нибудь врожденное, обусловленное самою природою органовъ; что, несмотря на нѣкоторыя дѣйствительныя различія правой и лѣвой стороны, «мы всегда будемъ вправѣ сказать, что это неравенство вызывается общественными требованіями, а природа предназначала обѣ половины къ согласному дѣйствію» («Физіологическія изслѣдованія о жизни и смерти», пер. Бибикова, 25). Затѣмъ, несогласное дѣйствіе обѣихъ половинъ Биша признаетъ источникомъ различныхъ несовершенствъ. Напримѣръ фальшивый голосъ (если онъ не зависитъ отъ недостатка слуха) обусловливается несогласіемъ обѣихъ симетрическихъ половинъ гортани, неравною силою мускуловъ, двигающихъ голосовыя пластинки, неравною дѣятельностью соотвѣтственныхъ нервовъ и т. д. Неравномѣрная дѣятельность обоихъ мозговыхъ полушарій ведетъ къ умственному ослабленію и разстройству. Почтенный авторъ книги «Физическій трудъ» еще рѣзче подчеркиваетъ этотъ выводъ. Я полагаю, что онъ вполнѣ правъ. Но еслибы мы захотѣли обратиться по этому вопросу къ признанной, авторитетной наукѣ, то получили бы очень немного указаній. Въ берлинскомъ антропологическомъ обществѣ (Gesellshaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte) происходили въ 1873 г. пренія по вопросу объ употребленіи правой и лѣвой руки. Въ преніяхъ участвовалъ Вирховъ—авторитетъ достаточно громкій. Онъ выразилъ мнѣніе, что преимущественное употребленіе правой руки повидимому предопредѣлено особенностями нашей организаціи, но при этомъ сослался на два спеціальныя сочиненія—одно 1847 года, а другое даже 1807-го! Далѣе, въ исторической части преній никто не упомянулъ ни единымъ словомъ о Бахофенѣ,

хотя книга его вышла еще въ 1861 году. О Биша также не было сказано ни слова.

Пренія въ берлинскомъ антропологическомъ обществѣ были вызваны рефератомъ Мейера. Мейеръ не думаетъ, чтобы предпочтеніе правой руки опредѣлялось свойствами нашей организаціи, потому что естественная разница между правой и лѣвой сторонами слишкомъ ничтожна для такого рѣшительнаго предпочтенія. Не думаетъ онъ также (какъ думалъ Биша), что человѣкъ выбралъ правую руку просто потому, что надо же было которую нибудь выбрать. Биша думалъ, что для согласованія своихъ дѣйствій въ сраженіи люди условились держать наступательное оружіе въ правой рукѣ, а также производить всѣ общеупотребительныя движенія слѣва направо, что сподручнѣе дѣлать правой рукой. Но Мейеръ полагаетъ, что эти явленія не могутъ быть признаны коренными, потому что въ нихъ уже выразилось преобладаніе правой стороны. Преобладаніе—самое рѣшительное. Если мы обратимся къ изображеніямъ боговъ, то увидимъ, что они держатъ символы своей власти, Зевсъ—молнію, Посейдонъ—трезубецъ, Геркулесъ—палицу и проч., всегда въ правой рукѣ. Правую руку суетъ въ огонь Муцій-Сцевола; правой рукою здороваются еще гомеровскіе герои; правою рукой караютъ и милуютъ боги, благословляютъ жрецы, судятъ судьи, царствуютъ цари; слѣва направо (по нашему «посолонь») происходятъ съ древнѣйшихъ временъ религіозныя церемоніи, угощеніе гостей и т. д. Далѣе, во всѣхъ почти языкахъ названіе правой стороны синонимируется съ названіями привлекательныхъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ качествъ—честности, прямоты, ловкости, справедливости (droit, adroit, dextérité; dexter; правда, право; Recht, rechtlich и проч.). Наоборотъ: названіе лѣвой руки въ языкахъ: латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, готскомъ, кимврскомъ, венгерскомъ, итальянскомъ и проч. и проч. связывается съ понятіемъ слабаго, несчастнаго, неспособнаго, неловкаго, несвободнаго, рабскаго. Словомъ всегда и вездѣ правая рука противопоставляется лѣвой съ такою же рѣзкостью, какъ добро

злу, правда неправдѣ, свѣтъ мраку, Объясненія такого всеобщаго и рѣзкаго противопоставленія должно, по мнѣнію Мейера, искать въ какомъ-нибудь постоянномъ и важномъ для людей явленіи природы—и именно въ восходѣ и заходѣ солнца. Для первобытнаго человѣка сами по себѣ правая и лѣвая сторона столь же безразличны, какъ и для животныхъ. Но съ ростомъ сознанія человѣкъ наконецъ остановилъ свое вниманіе на появленіи изъ ночного мрака солнца и на движеніе его вправо къ югу, послѣ чего оно исчезаетъ на западѣ. Это были первыя постоянныя, изо дня въ день повторяющіяся явленія, къ которымъ человѣкъ могъ пріурочить разъ навсегда понятія «впередъ», «назадъ», «вправо», «лѣво», вообще—прочныя, опредѣленныя понятія четырехъ различныхъ направленій. А слѣдовательно уже при самомъ зарожденіи своемъ эти понятія должны были связаться съ противоположеніемъ свѣта и мрака и вмѣстѣ съ тѣмъ добра и зла, потому что мракъ ночи сопровождался сравнительною безпомощностью, страхомъ звѣрей и проч. Затѣмъ вся эта группа представленій освятилась религіознымъ элементомъ: божество, свѣтъ, благо отошли вправо, «посолонь» (это русское слово въ самомъ дѣлѣ подтверждаетъ соображенія Мейера), а демонъ, мракъ, зло—влѣво. Я не буду утомлять читателя фактическими доказательствами, предоставленными Мейеромъ въ пользу своего объясненія, хотя они собственно занимаютъ не много мѣста и сводятся къ обычаямъ обращаться въ молитвѣ на востокъ и на западъ и къ нѣкоторымъ филологическимъ сближеніямъ. Мейеръ закончилъ свой рефератъ воспоминаніемъ о нѣмецкомъ патріотѣ, демократѣ и основателѣ гимнастическихъ обществъ, Янѣ, который сильно возставалъ противъ «неестественной однорукости», т. е. преобладанія правой руки. Мейеръ не согласенъ съ Яномъ. Онъ допускаетъ, что «двурукость», равномѣрное развитіе правой и лѣвой руки, имѣла бы свои выгоды. Но думаетъ, что выгоды эти ничтожны сравнительно съ великимъ значеніемъ полярной противоположности добра и зла, которая порождена и поддерживается преобладаніемъ правой руки надъ лѣвой

«Упрекъ въ неестественности, говоритъ онъ—опровергается соображеніемъ о томъ, что двухсторонность была нѣкогда намъ присуща наравнѣ съ животными и растеніями, но, повинуясь естественному закону развитія, мы должны нетолько инстинктивно, а и сознательно подняться на высшую ступень надъ животнымъ міромъ. Конечно не затѣмъ вѣчная природа обратила нашу голову къ небу, не затѣмъ научила она насъ всѣмъ міровымъ строемъ великому противоположенію добра и зла, что бы мы теперь опять утратили его смыслъ изъ-за чисто тѣлесной цѣлесообразности и животной двухсторонности; а затѣмъ, чтобы дать намъ руль въ буряхъ нашего духовнаго развитія и крылья для полета изъ конечнаго въ безконечное». (Verhandlungen der berl. Gesellschaft etc. 1873, Sitzung v. 25 Januar).

Безъ сомнѣнія этотъ заключительный ораторскій фокусъ референта есть величайшая пошлость, хотя бы уже потому, что люди научились различать добро и зло по очень многимъ причинамъ, а нетолько потому, что комбинація обстоятельствъ освятила для нихъ правую руку. Тѣмъ болѣе нелѣпо ожидать паденія полярной противоположности добра и зла отъ замѣны «однорукости» «двурукостью». Полярности добра и зла двурукость конечно не угрожаетъ; но самыя понятія о добрѣ, какъ и о злѣ, должны будутъ потерпѣть отъ ея введенія вѣроятно довольно значительныя измѣненія. Точно также вправѣ мы ожидать, что преобладаніе лѣвой руки, если таковое нѣкогда было, должно было существеннымъ образомъ отражаться на весьма различныхъ сторонахъ жизни, равно какъ впослѣдствіи противоположная однорукость. Въ этомъ и состоитъ мысль Бахофена. Читатель не долженъ забывать, что однорукость сама въ себѣ не разрѣшается, что она ведетъ къ преобладанію всей соотвѣтственной стороны тѣла, значитъ и мускуловъ, и нервовъ, и органовъ чувствъ и мозговаго полушарія.

Изъ всѣхъ замѣчаній, вызванныхъ рефератомъ Мейера, заслуживаетъ вниманія тольно одно. Именно, Сименсъ замѣтилъ, что, если референтъ правъ, то во всякомъ случаѣ только относительно жителей сѣвернаго полушарія; въ южномъ же полушаріи,

допуская вѣрность основного принципа референта, лѣвая рука должна бы была преобладать, такъ какъ тамъ видимое движеніе солнца происходитъ справа налѣво, и любопытно бы было провѣрить это обстоятельство на обычаяхъ туземцевъ южнаго полушарія. На это Мейеръ отвѣтилъ, отчасти ни къ селу, ни къ городу, что человѣческая цивилизація сосредоточена преимущественно въ сѣверномъ полушаріи. Бастіанъ подтвердилъ основательность замѣчанія Сименса, но такъ какъ подъ рукой не оказалось нужныхъ для разъясненія недоразумѣнія свѣдѣній, то тѣмъ дѣло и кончилось. Еслибы въ собраніи присутствовалъ Бахофенъ, пренія были бы вѣроятно несравненно продолжительнѣе. Самъ Мейеръ намекаетъ на существованіе нѣкоторыхъ прорѣхъ въ его теоріи. Такъ, онъ указываетъ относительно Египта, что слова «evet» и «emunt» (востокъ и западъ), которыя Шамполіонъ считалъ равнозначущими выраженіямъ «право» и «лѣво», теперь читаются на оборотъ, т. е. лѣво и право. Далѣе, греки называли иногда лѣвую сторону, въ противномъ общему правилу, счастливою, счастье приносящею, лучшею. Мейеръ объясняетъ это тѣмъ, что греки какъ бы хотѣли польстить грозному и мрачному началу лѣвой стороны, умилостивить его. Бахофенъ привелъ бы несравненно большее число такихъ исключеній, не становясь однако въ совершенное противорѣчіе съ Мейеромъ. Въ самомъ дѣлѣ Мейеръ установляетъ тѣсную связь съ одной стороны солнца, дня и правой руки, а съ другой—ночи (слѣдовательно и луны) и лѣвой руки. Ту же самую связь утверждаетъ и Бахофенъ, и эта встрѣча людей, отправляющихся отъ совершенно разныхъ точекъ, заслуживаетъ большого вниманія. Но Бахофенъ прибавляетъ еще къ первой группѣ представленій мужской элементъ, а ко второй—женскій. Поэтому, сообразно общимъ результатамъ своего изслѣдованія, онъ не даетъ абсолютнаго рѣшенія, не говоритъ, что съ понятіемъ той или другой руки *всегда* связывалось что-то почтенное или что-то низкое. Онъ полагаетъ, что первоначально, вмѣстѣ съ господствомъ материнскаго права, преобладала и лѣвая рука. (Любопытно, что такое временное преобладаніе, по совершенно инымъ резо-

намъ, готовъ допустить и Мейеръ. Verhandlungen, 29). Такъ во время процессіи Изиды одинъ изъ жрецовъ несъ изображеніе лѣвой руки, которая называлась justititiae или aequtatis manus, рука справедливости, а также наполненный молокомъ золотой сосудъ, имѣвшій форму женской груди. Здѣсь ясно выступаютъ рядомъ: символъ женственности, материнства и почтеніе къ лѣвой рукѣ. Пиѳагорейцы, объяснявшіе все сущее изъ числа, какъ первичной субстанціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ высоко ставившіе женщину, сопоставляли нечетное число съ правой рукой, а четное—съ лѣвой. Понятіе же четнаго и до сихъ поръ во многихъ языкахъ отождествляется съ понятіемъ честнаго, прямого, справедливаго (gerade, pair). Одна изъ древнѣйшихъ и чистѣйшихъ богинь Дикѐ. *Справедливость*, возсѣдаетъ на сѣверѣ, т. е. не посолонь, а влѣво, и держитъ колосья въ лѣвой рукѣ. Семирамида и другія типическія царственныя женщины изображались древними такъ, что только лѣвая сторона ихъ головы причесана. И проч. и проч. (Das Mutterrecht, 11, 127, 129, 132, 158, 185, 219, 274, 319, 362, 377, 413). Затѣмъ, когда женщина была побѣждена мужчиной, на первый планъ выдвинулась правая рука, а съ лѣвой сочетались понятія слабаго, зловреднаго и презрѣннаго. Низшей индійской кастѣ „чандала“ законы Ману рѣшительно воспрещали употребленіе правой руки *). Та-

*) По поводу этой касты, въ книгѣ Жаколліо „Les législateurs réligieux“ (1876) встрѣчается чрезвычайно странная мысль. Каста чандала составилась, по мнѣнію автора, изъ отбросковъ высшихъ кастъ, лишенныхъ своего положенія за преступленія. Эти несчастные терпѣли всевозможныя гоненія и варварства: они не смѣли жить ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, должны были употреблять разбитую посуду, воду могли пить только изъ болотъ и лужъ и т. д. Въ періодъ борьбы буддистовъ и браманистовъ, чандалы, одинаково гонимые и презираемые обѣими враждующими сторонами, цѣлыми массами эмигрировали изъ Индіи, и изъ нихъ-то составились народы, названные впослѣдствіи семитическими. Сколько мнѣ извѣстно, это мнѣніе о происхожденіи семитовъ, кромѣ Жаколліо, рѣшительно не имѣетъ сторонниковъ. Самъ онъ высказываетъ его безъ всякихъ доказательствъ, чисто эпически. Нельзя считать доказательствами одной есыл-

кимъ образомъ судьба правой и лѣвой руки оказывается однимъ изъ эпизодовъ великой распри мужскаго и женскаго началъ и притомъ освѣщаетъ ее именно съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность.

Я стараюсь представить читателю великую распрю по возможности въ чистомъ видѣ, что сопровождается однако большими трудностями, ибо семейныя отношенія облегаются наслоеніями другихъ общественныхъ индивидуальностей и нерѣдко совершенно въ нихъ тонутъ. До какой степени легко запутаться въ этомъ лабиринтѣ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Г. Шашковъ, руководствуясь Бахофеномъ и Ливингстономъ, приводитъ много фактовъ стараго и современнаго женовластія въ Африкѣ. При этомъ онъ нерѣдко указываетъ на почетное значеніе женщинъ царскаго рода, что однако вовсе не говоритъ въ пользу его тэмы. Ливингстонъ говоритъ напримѣръ (цитата у Лёббока), что дочь одного начальника бечуановъ „не могла смотрѣть на мужа иначе, какъ на господина жены; поэтому она говорила, что всѣ мужчины принадлежатъ ей, она можетъ взять любого изъ нихъ, но не можетъ держать постоянно ни одного“. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь фактъ преобладанія не женщины, а вождя и его рода, а жена есть собственно раба мужа. Въ такія недоразумѣнія публицисты, историки и философы «женскаго вопроса» впадаютъ довольно часто, вводя въ занимающую ихъ область то, что вовсе къ ней не относится или относится въ совсѣмъ

ки на Авадана-Састру (объ эмиграціи чандаловъ приблизительно въ направленіи Халдеи и Вавилона) и слѣдующихъ двухъ, во всякомъ впрочемъ случаѣ любопытныхъ сближеній обычаевъ семитовъ съ постановленіями о чандалахъ. Когда вслѣдствіе крайне жалкаго образа жизни между чандалами начались заразительныя болѣзни, угрожавшія остальному населенію, имъ было предписано обрѣзаніе. Далѣе, какъ уже сказано, имъ было воспрещено употребленіе правой руки и писаніе слѣва направо. „Еще и донынѣ, замѣчаетъ авторъ, индо-европейскіе народы во всякомъ дѣлѣ пользуются преимущественно правой рукой, тогда какъ всѣ такъ называемые семиты употребляютъ лѣвую (?)“. Напомню читателю, что Средняя Азія есть по преимуществу страна амазонокъ, женскихъ царствъ и боговъ-гермафродитовъ.

неблагопріятномъ для женщинъ смыслѣ. Мы вѣроятно еще увидимъ другіе примѣры подобныхъ недоразумѣній. Въ послѣдующей исторіи супружескихъ отношеній, при преобладающемъ значеніи отца и мужа, весьма важную роль играютъ явленія, названныя Мак-Леннаномъ эндогаміей и экзогаміей: жена бралась или внутри своего племени, или со стороны, чужая. Въ случаѣ экзогаміи, жена бралась насильно, умыкалась и при этомъ конечно отбивалась сама и, если было возможно, прибѣгала къ помощи сородичей, одноплеменниковъ. Въ случаѣ побѣды мужчины, женщина становится разумѣется рабой его, какъ военная добыча. Существуютъ многочисленныя описанія походовъ дикарей за женами, причемъ они обращаются съ добычей варварски жестоко: оглушаютъ ее напримѣръ дубиной и волокутъ полумертвую въ свое логовище. Ничего нелегальнаго, противнаго понятіямъ дикарей о справедливости въ такомъ пріобрѣтеніи жены нѣтъ. До такой степени, что даже въ законахъ Ману одинъ изъ видовъ или способовъ брака описывается слѣдующими чертами: „Когда изъ отцовскаго дома похищается молодая дѣвица, которая сопротивляется, зоветъ на помощь, когда разбиваются затворы и убиваютъ или ранятъ сопротивляющихся, то этотъ бракъ называется способомъ гигантовъ“. Способъ этотъ рекомендуется исключительно для употребленія уважаемой кастѣ воиновъ. Съ теченіемъ времени этотъ способъ исчезъ и оставилъ только многочисленные символическіе слѣды въ свадебныхъ обрядахъ едва-ли не всѣхъ народовъ. Общій характеръ этихъ обрядовъ лучше всего обозначается короткимъ замѣчаніемъ одного славянскаго писателя: „вся свадьба у южныхъ славянъ представляетъ собою войну въ маломъ видѣ“ (Ферреръ Клунъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1857). Но если мы вздумаемъ, на основаніи анализа и сравненія различныхъ свадебныхъ обрядовъ, возстановить обликъ того древняго быта, котораго они представляютъ только разрозненные и сами по себѣ безсмысленные обломки, то должны будемъ усмотрѣть въ нихъ весьма различныя наслоенія. Возьмемъ нѣсколько русскихъ свадебныхъ обычаевъ, собранныхъ Терещенкомъ („Бытъ русскаго

народа»). Мы встрѣчаемъ напримѣръ пѣсню, въ которой мужъ беретъ жену

По божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мирскому приговору.

Здѣсь семья оказывается совершенно поглощенною другими общественными индивидуальностями (О бракахъ по мірскому приговору см. замѣчанія г. Якушкина „Обычное Право". XXIII). Слѣдовательно, для выясненія собственно семейныхъ отношеній, надо было бы произвести извѣстнаго рода вскрытіе. Невѣста плачетъ, что ее отдаютъ «чужому роду-племени», «разлучаютъ съ родомъ-племенемъ». Домъ, въ который она вступаетъ, представляется ей исполненнымъ вражды:

Что медвѣдь съ медвѣдицей,
Богоданный-то батюшка
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая,
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая,
Богоданныя сестрицы.

Этимъ безотраднымъ пѣснямъ вполнѣ соотвѣтствуютъ нѣкоторые обряды встрѣчи невѣсты (такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родители благословляютъ новобрачныхъ одѣтые въ вывороченной шубѣ, «что медвѣдь со медвѣдицей»), наконецъ обряды отбиванія невѣсты, имѣющіе совершенно подобіе войны, пріобрѣтенія добычи, похищенія. Но уже въ этомъ подобіи войны можно усмотрѣть два противоположныя теченія, которыя слѣдуетъ строго различать, какъ принадлежащія двумъ разнымъ эпохамъ. Не всегда въ свадебныхъ обрядахъ женихъ похищаетъ или завоевываетъ невѣсту, а иногда наоборотъ невѣста—жениха. Не всегда также родственники или вообще безразлично представители того или другого пола отбиваютъ нападеніе жениха, а иногда исключительно женщины, вовсе не родственницы. Конечно такихъ архаическихъ чертъ могло сохраниться немного, но онѣ все-таки есть. Такъ въ Малороссіи, по сло-

вамъ Терещенки, невѣста повязываетъ жениха полотенцемъ. Сваты при этомъ объясняютъ, что «приводца» (приведеннаго) необходимо связать, чтобы онъ не убѣжалъ изъ хаты. Тамъ же въ числѣ свадебныхъ обрядовъ существуетъ ловля жениха; его ловятъ или палками загоняютъ на дворъ невѣсты; онъ упирается, убѣгаетъ, скачетъ на лошади. Отсюда уже не далеко до былины о богатырѣ Добрынѣ, котораго «паленица» схватила за желты кудри, посадила его во глубокъ карманъ» и дома женила на себѣ. Г. Кавелинъ былъ, какъ извѣстно, въ молодости писатель, несравненно болѣе осмотрительный, чѣмъ теперь, когда сѣдина уже давно закралась въ его бороду. Тѣмъ не менѣе приведенные малороссійскіе свадебные обряды такъ ярки, что г. Кавелинъ именно по поводу ихъ говоритъ: «Пассивная роль жениховъ только окончательно убѣждаетъ, что мнѣніе, будто женскій полъ—слабѣйшая половина человѣческаго рода и потому въ быту занимаетъ второстепенное мѣсто—далеко не аксіома и не можетъ быть принято исходной точкой въ историческомъ изслѣдованіи» (Сочиненія IV, 174). Въ другомъ мѣстѣ: „Мнѣніе, что женскій полъ есть слабѣйшій, не вполнѣ оправдывается исторіей, а потому не можетъ быть принято за аксіому въ историческихъ изслѣдованіяхъ о женщинѣ. Напримѣръ, что значитъ сказаніе объ амазонкахъ? Его нельзя признать за чистый вымыслъ. Нѣкоторые замѣчаютъ даже именно у славянскаго племени какое-то нравственное превосходство женскаго пола надъ мужскимъ“ (тамъ-же, 87). Малороссійская ловля жениха и привязываніе «приводца» не исключительныя явленія, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Лёббока: у гаросовъ (индусское племя) при публичномъ объявленіи брака «происходитъ притворная драка, хотя въ этомъ случаѣ притворное сопротивленіе бываетъ на сторонѣ жениха. Въ этомъ племени дѣвушки предлагаютъ себя мужчинамъ» (1, с. 80). Я не располагаю ни достаточными данными, ни достаточнымъ временемъ для выясненія разницы тѣхъ свадебныхъ обрядовъ, въ которыхъ символически сражаются представители разныхъ *половъ*, и тѣхъ, въ которыхъ противниками являются представители разныхъ *родовъ*

или племенъ. Но разница на лицо. Въ первомъ случаѣ стоятъ другъ противъ друга мужской и женскій элементы во всей двойственности ихъ враждебно-любовнаго отношенія; а во-второмъ—эта коренная черта тонетъ въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ родоваго быта.

Основаніе семьѣ положено безспорно матерью. Что касается до дальнѣйшей судьбы семьи подъ главенствомъ отца и мужа, то она насъ пока не занимаетъ, потому что намъ не выяснился еще основной факторъ супружескихъ отношеній—враждебно-любовное отношеніе между полами. Всѣ разнообразные оттѣнки и развѣтвленія патріархальной семьи пока исчезаютъ для насъ передъ тѣмъ общимъ фактомъ, что мать и жена заняли въ ней второстепенное мѣсто. Эта форма семьи, какъ мы видѣли, установилась не безъ борьбы, и съ установленіемъ ея борьба не прекратилась. Однако борьба стала скоро существенно отличною отъ первобытной, такъ сказать, амазонской. Возьмите сборникъ семейно-нравственныхъ предписаній, въ родѣ «Домостроя» или «Пчелы», и какой-нибудь хорошій сборникъ народныхъ русскихъ пѣсенъ. Вы будете сравнивать идеалы зауряднаго мудреца съ дѣйствительностью, какъ и насколько она отразилась въ пѣснѣ. И вы поразитесь, до какой степени въ пустынѣ вопіетъ заурядный мудрецъ. Какъ бы ни поступали, ни чувствовали, ни мыслили идеальныя фигуры мудреца, но въ дѣйствительности, и притомъ въ дѣйствительности, и притомъ въ дѣйствительности, подхваченной пѣсней—значитъ, яркой, характерной, потому что пѣсня даромъ слова не скажетъ—жена въ такомъ родѣ забавляется надъ мужемъ: она заперла передъ носомъ мужа ворота и

...съ невѣжею смѣленько говорила:
Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за вр тами,
Вотъ тебѣ, невѣжа, мягкая постеля,
Мягкая постеля—бѣлая пороша!
Вотъ тебѣ высоко изголовье—подворотня!
Вотъ тебѣ шитое одѣяло—часты звѣзды!
Ужъ и я ли невѣжу успросила:
Каково тебѣ, невѣжа, за вратами,

Таково-жъ мнѣ, невѣжа, за тобою,
За твоей дурацкой головою.

Дѣйствительный мужъ жалуется, что за нимъ ходятъ три сторожа.

Трое сторожи, трое грозные:
Первый сторожъ ходитъ—тесть-батюшка,
Второй сторожъ—теща-матушка,
Третій сторожъ—молода жена:
Мы его найдемъ, да на огнѣ сожжемъ,
На огнѣ найдемъ, пустимъ въ быстру рѣченьку.
Ахъ, ты возмой, возмой, туча грозная!
Убей моего тестя-батюшку,
А стрѣлой застрѣли тещу-матушку,
Сильнымъ дождичкомъ засѣки молоду жену.
Ты спаси, спаси красну дѣвушку,
Красну дѣвушку, прежнюю сударушку.

Наконецъ, женщина поднимаетъ эту глухую борьбу до отвратительной высоты. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, найти что-нибудь омерзительнѣе (по нравственному складу) той пѣсни, существующей во множествѣ варьянтовъ, въ которой женщина мститъ такъ:

Я изъ рукъ, изъ ногъ коровать смощу,
Изъ буйной головы яндову скую,
Изъ глазъ его я чару солью,
Изъ мяса его пироговъ напеку,
А изъ сала его я свѣчей налью.
Созову я бесѣду подружекъ своихъ,
Я подружекъ своихъ и сестрицу его,
Загадаю загадку неотгадливую:
Ой, и что́ таково:
На мило́мъ я сижу,
На мило́ва гляжу,
Я милы́мъ подношу,
Милымъ подчиваю,
А и милъ предо мной,
Что свѣчею горитъ?

Какого бы, однако, напряженія ни достигала эта борьба, въ какихъ бы страшныхъ образахъ она ни воплощалась, она ничтожна, какъ дѣтская игра, въ сравненіи съ тою гигантской

борьбой, которая создавала миоы и культы, клала свою печать на весь общественный строй и на все міровоззрѣніе.

Zerstücke den Donner in seine einfachen Sylben,
Und du wirst Kinder damit in den Schlummer singen:
Schmeltze sie zusammen in einen plötzlichen Schall
Und der monarchische Laut wird den ewigen Himmel bewegen.

Donner древней борьбы за индивидуальность въ сферѣ занимающихъ насъ здѣсь вопросовъ былъ дѣйствительно zerstückt in seine einfachen Sylben, разбитъ на слоги. Съ безумнымъ, но смѣлымъ и величавымъ порывомъ существа, еще не отшлифованнаго гранями высшихъ общественныхъ индивидуальностей и не знающаго ни силъ своихъ, ни границъ, древность стремилась слить воедино мужской и женскій элементы и слить не только въ процессѣ любви, то-есть въ процессѣ взаимнаго тяготѣнія двухъ разрозненныхъ половинъ—нѣтъ: древность стремилась побороть и самую любовь, стать выше ея, обративъ каждую половину въ цѣлое, такъ чтобы мужчина воспринялъ все женственное, а женщина—все мужественное. Съ свойственною ей цѣльностью и наивностью, древность доводила это стремленіе до геркулесовыхъ столповъ, до самыхъ послѣднихъ логическихъ результатовъ, и пала подъ бременемъ неумолимаго закона природы; пала, какъ гомеровскіе герои, не отступающіе и передъ богами и оружіе которыхъ еще послѣ паденія гудитъ и звенитъ по всему полю битвы. Въ послѣдующіе періоды мы видимъ или голую борьбу за существованіе, то-есть приспособленіе къ условіямъ патріархальной семьи, или тотъ только видъ борьбы за индивидуальность, который эксплуатируется всѣми романистами и называется любовью. Добрый молодецъ потому желаетъ смерти своей прекрасной «половинѣ», что она оказалась *не его* половиной, неподходящей, какъ ему по крайней мѣрѣ кажется. Кровавая мстительница потому льетъ свѣчи изъ сала своей непрекрасной «половины», что она отошла отъ нея. Сообразно этому, борьба получаетъ исключительно личный характеръ. На сценѣ Иванъ и Марья, Ѳедотъ и Дарья, можетъ быть при достаточной сложности интриги, три-четыре дѣйствующія

лица, но нѣтъ лагеря женщинъ и лагеря мужчинъ—нѣтъ борьбы коллективной. Въ этомъ разница. За вычетомъ любви, всѣ стороны борьбы за индивидуальность сходятъ со сцены отношеній между полами и переходятъ на другую, вѣрнѣе на другія, гдѣ дѣйствуютъ роды, племена, народы, сословія, профессіи, касты, союзы политическіе, экономическіе, подъ коловращеніемъ которыхъ мужчина и женщина, какъ таковые, затираются. На исторической сценѣ фигурируютъ на первомъ планѣ не мужчина и женщина, а монголъ и европеецъ, браминъ и парій, гугенотъ и католикъ, капиталистъ и наемникъ—все нѣчто, если хотите, даже безполое, потому что въ столкновеніяхъ гугенота и католика или монгола и европейца полъ рѣшительно не причемъ. Правда, женщина занимаетъ вездѣ второстепенное мѣсто и есть собственно только жена брамина, монгола и гугенота. Но подчиненное положеніе не спасло женщину отъ давленія высшихъ общественныхъ индивидуальностей. Его явственные слѣды она несетъ на себѣ и въ наше время, когда повидимому женщины опять выстраиваются въ сплошныя фаланги.

Читателю извѣстно, если онъ разумѣется удостоивалъ вниманіемъ мои прежнія писанія, что я не имѣю претензіи быть апостоломъ современнаго женскаго движенія, то-есть формъ, въ которыхъ оно практикуется, и путей, которыми идетъ. Я не стараюсь подчеркивать его слабыя стороны явственнѣе, чѣмъ стороны сильныя, но не могу не привести слѣдующую напримѣръ курьезному гипотезу г-жи Ройе, женщины очень ученой и не глупой. Сказавъ нѣсколько словъ о возможности женскихъ государствъ, помянувъ амазонокъ, г-жа Ройе переходитъ къ вопросу о полезности «переворота отношеній между полами». «Если-бы, она говоритъ,—было доказано, что такое общественное состояніе можетъ дать дѣйствительную экономію силъ, то-есть сократить непроизводительную трату индивидуальной дѣятельности, сберечь время и вообще достигнуть извѣстныхъ результатовъ съ меньшими усиліями, то было бы весьма вѣроятно, что какая-нибудь разновидность человѣка осуществитъ, съ теченіемъ времени, наверху зоологической лѣстницы тѣ самыя чудеса жен-

скаго генія, которыя насъ нисколько не удивляютъ у насѣкомыхъ—у пчелъ и муравьевъ» (Origine de l'homme et des sociétés, 381). Надо, впрочемъ, отдать справедливость г-жѣ Ройе: она говоритъ это въ сослагательномъ наклоненіи и даже начинаетъ съ того, что on ne voit pas bien ce que l'espèce humaine y gagnerait. Еще бы gagnerait! Перевернуть ли извѣстнымъ образомъ стасованную колоду картъ крапомъ внизъ или крапомъ вверхъ—отъ этого въ ней ничего не перемѣнится. Игра ума г-жи Ройе хороша только тѣмъ, что сама обнаруживаетъ свою неосновательность. Объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, потому что игра ума г-жи Ройе переноситъ въ будущее то, что нѣкогда существовало и объ чемъ уже мы говорили. На самомъ дѣлѣ, разница между этой гипотезой и первобытными гинекократическими обществами громадна, нестолько въ общихъ контурахъ обоихъ зданій, сколько въ ихъ подробностяхъ, или пожалуй нестолько въ ихъ планахъ, сколько въ исторической обстановкѣ. Я не говорю уже о томъ, что человѣчество едва ли захочетъ надѣть на себя новую петлю — и старыхъ дѣвать некуда — но надо помнить, что древность молода, а современность стара и даже можетъ быть беззуба. Пылкость юноши не приличествуетъ разбитому параличемъ старцу. Главное отличіе игры ума г-жи Ройе отъ древняго женовластія состоитъ вотъ въ чемъ. Въ отдаленную пору борьбы мужскаго и женскаго началъ, которую я старался выше характеризовать, всякія общественныя индивидуальности только еще складывались, и всѣ достаточно рѣзкія различія между людьми, приходившими между собой въ столкновеніе, сводились къ различію половому. Между самими женщинами процессъ общественнаго развитія (дифференцированія) еще не привелъ тѣхъ рѣзкихъ демаркаціонныхъ чертъ, какія отдѣляютъ нынѣ дворянку отъ крестьянки, капиталистку отъ работницы, представительницу одной профессіи отъ представительницы другой. Исторія не провела ихъ и между мужчинами. Оттого возможно было общее женское дѣло и общее мужское дѣло, и оттого столкновеніе этихъ дѣлъ могло наполнить исторію. Нынѣ ничто подобное невозможно.

Здѣсь я чувствую потребность оторваться отъ гипотезы г-жи Ройе, которую, я въ это искренно вѣрю, русскія женщины въ серьёзъ никоимъ образомъ не примутъ. Ну и Богъ съ ней. Но фактъ невозможности коллективнаго женскаго дѣла остается все-таки на лицо. Точнѣе сказать: коллективное женское дѣло ограничивается и не можетъ не ограничиваться самыми элементарными и общими требованіями. Если уличные ловеласы оскорбляютъ достоинство женщины, то противодѣйствіе имъ повидимому можетъ войти въ составъ общего женскаго дѣла, хотя и тутъ, надо замѣтить, есть женщины, безусловно гарантированныя отъ уличныхъ оскорбленій своимъ положеніемъ, обстановкой, а есть такія, для которыхъ уличные ловеласы составляютъ источникъ существованія. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть общаго въ настоящемъ случаѣ между великосвѣтской дамой, которая идетъ по Невскому въ сопровожденіи ливрейнаго лакея, проституткой, которая сама заглядываетъ прохожему въ глаза, бѣдной дѣвушкой, которая растеряется отъ обиды, и кухаркой или дворничихой, отъ которой ловеласъ въ случаѣ надобности отлетитъ турманомъ? Но уже несомнѣнно общее женское дѣло могутъ составить требованія расширенія правъ семейныхъ—матери, жены, дочери, требованія права любви. Далѣе, сюда же слѣдуетъ условно допустить обнаруживающіяся нынѣ требованія права знанія и труда—условно потому, что право труда всего подавляющаго большинства населенія одинаково приблизительно есть или его одинаково нѣтъ какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ. Послѣдній случай для насъ особенно интересенъ. Пока рѣчь идетъ объ общихъ требованіяхъ знанія и труда, это есть коллективное женское дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ борьба за индивидуальность, за расширеніе женскаго *я*, за введеніе въ него новыхъ нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ элементовъ. Но вопросъ можетъ значительно осложниться, когда общая формула выльется въ спеціальный, такъ-сказать, сосудъ и застынетъ въ немъ, отпечатавъ на себѣ всѣ его выпуклости и вогнутости. Легко можетъ случиться, что коллективное дѣло при этомъ раздробится на личныя дѣла, вмѣстѣ съ чѣмъ борьба за индивидуальность смѣнится

голой борьбой за существованіе. Пускай завтра же отворятся настежь двери общественной дѣятельности передъ женщинами; пускай онѣ хлынутъ въ нихъ, давя другъ друга и мужчинъ, вообще кто кого сможетъ, и размѣстятся въ стройномъ порядкѣ по ступенямъ политической, административной, экономической, профессіальной іерархіи. Отъ этого можетъ быть выиграетъ тотъ или другой общественный организмъ, та или другая ступень общественной индивидуальности, но женское, коллективное, общее женское дѣло—при чемъ оно тутъ? Женщины будутъ также конкурировать между собой, перебивать другъ у друга кусокъ хлѣба, какъ это дѣлается и нынѣ между мужчинами. Конечно виноватъ тутъ самый порядокъ, и нельзя винить никого, кто борется за существованіе. Но во всякомъ случаѣ разъ женщина борется только за существованіе—коллективный характеръ женскаго дѣла немыслимъ. Каждая въ одиночку будетъ приспособляться къ условіямъ жизни въ той или другой общественной индивидуальности и фатально давить неприсобленныхъ: alte Geschichte, которая нисколько не мѣняется съ измѣненіемъ персонала. Радоваться ей, какъ успѣху женскаго дѣла, это, по моему, со стороны друзей женщинъ—такое же недоразумѣніе. какъ радоваться тому, что дочь царька бечуановъ имѣетъ право выбирать себѣ любого мужа. Борьба за существованіе есть въ крайнемъ случаѣ только печальная необходимость и, въ качествѣ таковой, не заключаетъ въ себѣ во-первыхъ ничего радостнаго и желательнаго, потому что, чѣмъ она усиленнѣе, тѣмъ больше жертвъ, а во-вторыхъ не можетъ имѣть общаго, коллективнаго характера, потому что всегда разбиваетъ интересы, всегда zerstückt den Donner in seine einfachen Sylben. Кто хочетъ, чтобы громъ дѣйствительно гремѣлъ изъ тучи, тотъ долженъ искать иныхъ путей. Безъ сомнѣнія положеніе женщинъ трудно, но едва ли оно легче для мужчинъ, быть можетъ даже труднѣе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. И теперь каждый мужчина, чтобы откровенно свести вопросъ на чисто личную почву, долженъ, подойдя возрастомъ къ дверямъ общественной дѣятельности, прежде чѣмъ постучаться въ нихъ, добросовѣстно взвѣсить свои силы и поду-

мать: бороться ли мнѣ только за существованіе и слѣдовательно приспособляться ко всѣмъ изгибамъ данной общественной среды, или же бороться за индивидуальность и слѣдовательно приспособлять. Трудно это конечно: и рѣшить трудно, а въ послѣднемъ случаѣ и привести въ исполненіе нелегко, въ первомъ-то легко. Такъ или иначе, но вопросъ сводится не къ загораживанью для кого бы то ни было дороги къ труду и знанію, а къ формѣ труда и направленію знанія. Можетъ быть поменьше настойчивости въ подчеркиваніи *женскаго* вопроса, поменьше желанія проникнуть во всѣ поры даннаго общественнаго организма не повредило бы женщинамъ.

Я пока только это и хотѣлъ сказать, а теперь обратимся опять къ тому исконному звену, которое связываетъ мужчину и женщину,—къ любви. Не подумайте, чтобы *я* сталъ угощать васъ миндальнымъ печеньемъ. Напротивъ я укажу на грозную задачу времени.

Потребность любви безъ сомнѣнія присуща человѣческой природѣ. Порукой въ томъ и вѣковая исторія, и любой почти нумеръ ежедневной газеты. Но въ извѣстныхъ, весьма значительныхъ предѣлахъ потребность любви можетъ измѣняться по силѣ и напряженности. Я имѣю въ виду не отдѣльныя личности, которыя любятъ разумѣется разно, а цѣлыя историческія эпохи. Если же искать эпоху, въ которой жажда любви прорывалась бы съ наибольшею силой, то конечно придется остановиться на среднихъ вѣкахъ. Въ самомъ дѣлѣ въ эту пору всѣ общественные классы одолѣваются какою-то повальною одурью любви, если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться: это выраженіе—самое подходящее. Я напомню только тѣ черты, которыя поражаютъ своею напряженностью какъ въ сторону прекраснаго, такъ и еще больше въ сторону смѣшнаго и отвратительнаго. Знаменитый Абеларъ, полный умственныхъ силъ и блестящихъ способностей, передаетъ однако въ назиданіе потомству не философію свою, а свою любовную исторію съ Элоизой. Данте навѣки связываетъ свое имя съ Беатриче. Петрарка двадцать лѣтъ безкорыстно любитъ и воспѣваетъ Лауру и, какъ самъ разсказываетъ, для обуз-

данія пламени любви въ молодости, „блуждая безъ цѣли, оглашалъ долины и небо жалобными пѣснями“. Не такъ знаменита любовь Боккачіо къ доннѣ Маріи, но зато скептическій гуляка прославилъ свое имя Декамерономъ, этимъ изображеніемъ пріятнаго времяпровожденія молодыхъ людей и женщинъ, удалившихся во время чумы въ раковину Венеры. Кроваво-порнократическій эпизодъ Нельской Башни, въ которой Маргарита Наварская, Іоанна де-Пуатье и Бланка де-ла Маршъ разъигрывали роль „прекрасной, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварный и злой“ царицы Тамары. Романы и fabliaux, полные то чистѣйшей до эѳирности, то грязной до омерзѣнія любви, трубадуры, минезингеры, „веселая наука“ и наконецъ рыцарство съ его служеніемъ „Богу и дамѣ“ и утонченнѣйшими градаціями любви; рыцарство, совершившее для прекрасныхъ глазъ дамы и великіе подвиги, и великія глупости. Пусть читатель просмотритъ хоть напримѣръ у Шерра («Исторія цивилизаціи Германіи») исторію глупаго, но пламеннаго рыцаря Ульриха фон-Лихтенштейна. Наконецъ учреждаются «суды любви», cours d'amour; на нихъ стоитъ остановиться, чтобы видѣть до какой виртуозности можно дойти въ этомъ направленіи. Рыцарская любовь имѣла много ступеней: любовь къ мужу была не то, что любовь къ своему рыцарю, любовь рыцаря въ свою очередь проходила извѣстную градацію, подробности возвышенія которой были строго опредѣлены. Существовалъ напримѣръ одинъ условный поцѣлуй, носившій выразительное названіе «половина да, половина нѣтъ». Считалось возможнымъ задавать и разрѣшать такія задачи: дама и рыцарь лежатъ въ объятіяхъ другъ друга цѣлую ночь, не позволяя себѣ ничего, кромѣ поцѣлуя. Естественно, что такія скользкія двусмысленности должны были подавать поводъ ко множеству недоразумѣній, разрѣшеніемъ которыхъ и занимались благорожденныя дамы, засѣдавшія въ «судахъ любви». Одинъ рыцарь послалъ своего друга къ дамѣ своего сердца по сердечному дѣлу, но другъ оказался коварнымъ другомъ, а дама коварною дамой. Рыцарь представилъ дѣло въ судъ любви, и судъ, состоявшій изъ шестидесяти дамъ подъ предсѣдательствомъ

графини фландрской, постановилъ исключить коварныхъ изъ общества рыцарей и дамъ. Одинъ рыцарь признался въ любви дамѣ, та отвѣчала, что она уже любитъ другого, но еслибы она его потеряла, то удовлетворитъ просителя. Вскорѣ дама вышла замужъ за любимаго рыцаря, и тогда отвергнутый потребовалъ исполненія обѣщанія. Дама не соглашалась, рыцарь—въ судъ. Судъ, подъ предсѣдательствомъ Элеоноры Пуатье, постановилъ: дама должна исполнить обѣщанное, потому что, выйдя замужъ за любимаго рыцаря, она дѣйствительно потеряла его, такъ какъ между мужемъ и женой не можетъ быть рыцарской любви. Поднимались и общіе вопросы. Напримѣръ: кто изъ двухъ любящихъ лучше—тотъ ли, кто умеръ съ печали, что не видалъ возлюбленной, или тотъ, кто умеръ отъ радости, увидавъ возлюбленную? Или: что лучше, любовь загорающаяся, или любовь возобновляющаяся? Но чтобы читатель сразу поднялся на вершину комизма судовъ любви, я заимствую у Дюфура (Histoire de la prostitution) слѣдующее судоговореніе. Во Франціи трибуналъ любви былъ довольно сложенъ: тамъ были и mairie des bois verts и baillif de joye, и viguier d'amours и проч. Однажды дама приноситъ на своего друга жалобу devant le maistre des forestz et des eaues sur le faict ou gibier d'amours. Она жалуется, что другъ нарочно столкнулъ ее въ рѣку, чтобы mettre la main sur les tétins, вслѣдствіе чего она проситъ, чтобы виновный былъ trés grievement puny de punition publique. Другъ отвѣчалъ, что точно они въ воду упали, но что cheyant il ne l'avait ni tastée ni pincée, ne n'eut pas le loisir de ce faire, pour l'eau dont il estoit esblouy. Тѣмъ не менѣе le procureur d'amours dessus le faict des eaues et des forestz, disoit que par le ordonnances il est deffendu de ne point chasser à engins, par lesquels on puisse prendre testins en l'eaue. И т. д. Судъ приговорилъ виновнаго, во вниманіе къ смягчающимъ обстоятельствамъ, къ покупкѣ дамѣ новаго платья, взамѣнъ попорченнаго водой. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ какими-то полоумными, которыя страстно жаждутъ любви, потому что готовы ради нея и умереть, и убить, и дѣлать невѣроятныя глупости, а между тѣмъ какъ будто совершенно

растерялись и не знаютъ, кого любить, за что любить, какъ любить. Даже такое комическое дѣло, какъ суды любви, есть въ сущности можетъ быть только одна изъ формъ тѣхъ знаменитыхъ повальныхъ или коллективныхъ психическихъ болѣзней, которыя такъ характеризуютъ средніе вѣка. Не все было комично въ средневѣковыхъ любовныхъ дѣлахъ. Припомнимъ многочисленныя исторіи привораживанія, присухи, любовныхъ чаръ и наконецъ знаменитые процессы вѣдьмъ, въ которыхъ фигурировалъ дьяволъ подъ видомъ инкубъ и суккубъ, въ которыхъ дѣвушки и женщины обвиняли себя въ любовныхъ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Что толкало воображеніе этихъ несчастныхъ по направленію къ безобразному козлу, какъ они себѣ представляли своего мрачнаго мучителя-любовника? Я чрезвычайно сожалѣю, что не могу теперь подробнѣе остановиться на этихъ поразительныхъ и уже завѣдомо патологическихъ поискахъ любви. Безъ сомнѣнія одно упоминаніе о нихъ вызвало въ головѣ читателя ужасные образцы, которыхъ, въ связи съ комизмомъ судовъ любви, съ минезингерами, трубадурами, рыцарями, приворотными зельями болѣе или менѣе странною любовью великихъ поэтовъ (можетъ быть сюда слѣдуетъ отнести еще гнусности, открытыя процессомъ тампліеровъ)—всего этого совершенно достаточно для признанія среднихъ вѣковъ временемъ вящщей и болѣзненной жажды любви. Въ самомъ дѣлѣ отпечатокъ чего-то ненормальнаго, то капризно-страстнаго, то неестественно разогрѣтаго лежитъ и на исторіяхъ Абелара и Элоизы, и Петрарки и Лауры, даже Данте и Беатриче, и на фантазіи Боккаччіо вышитъ букетъ шаловливой любви на мрачномъ фонѣ чумы, а о массовыхъ движеніяхъ и говорить нечего. Откуда же взялся этотъ странный шабашъ глупцовъ и негодяевъ, полоумныхъ и увлеченныхъ, несчастныхъ и неистовыхъ?

Есть еще одна крупная, характерная черта въ средневѣковьи. Если вы будете слѣдить за судьбой обширной имперіи Карла Великаго, то поразитесь быстротой и неудержимостью, съ которою она стремилась, такъ сказать атомизироваться, распасться на простѣйшія составныя части. Имперія разсыпается

на королевства, королевства—на второстепенныя самостоятельныя политическія индивидуальности, а ихъ перерѣзываютъ во всѣхъ направленіяхъ стѣны и заставы; города разсыпаются на сословія, сословія—на цехи и гильдіи. Этотъ, по размѣрамъ своимъ единственный въ исторіи процессъ займетъ насъ впослѣдствіи, причемъ мы увидимъ въ немъ весьма различныя теченія. Теперь для насъ довольно слегка указать только на ту его сторону, которая несомнѣнно тяжелымъ гнетомъ ложилась на индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова, на человѣческую личность. Не бѣда, что распадалась имперія Карла: бѣда въ томъ, что дробился человѣкъ. Общественное раздѣленіе труда достигло небывалой силы. Наука была оторвана отъ жизни, опытъ отъ мысли; воинъ былъ только воинъ и выглядывалъ изъ за зубчатыхъ стѣнъ своего замка только для грабежа, разбоя и воинской потѣхи, турнировъ; каждая профессія отдѣлялась непроходимымъ рвомъ отъ всего остального міра, превращая своихъ представителей изъ людей въ спеціальные инструменты; даже нищіе приростали, какъ грибы, къ церковнымъ папертямъ и не смѣли переходить отъ одной къ другой; даже у проститутокъ былъ свой гех ribaldorum, лишь бы онѣ поплотнѣе замкнулись въ свое ремесло. Я покажу въ свое время оборотную сторону этой медали—она есть, равно какъ и тѣ усилія, которыя человѣческая индивидуальность противупоставляла историческому теченію.

Нѣтъ ли какой-нибудь связи между представленными двумя рядами явленій средневѣковой жизни? Несомнѣнно есть, и не можетъ ея не быть между одновременными явленіями, до такой степени яркими и общими. Любовь есть стремленіе къ соединенію двухъ разрозненныхъ половинъ человѣческаго существа. Еслибы мы имѣли дѣло съ абстрактнымъ человѣкомъ, то выборъ не игралъ бы никакой роли въ любви. На самомъ же дѣлѣ, каждый изъ насъ, будучи, въ качествѣ мужчины или женщины, уже по коренному закону природы пол-человѣкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе помятъ ближайшими условіями жизни. Этимъ обусловливается выборъ въ любви и притомъ въ

той именно формѣ, которую подмѣтилъ еще Шопенгауэръ (и раньше Кантъ). Разнополость сама по себѣ не предрѣшаетъ съ исключительностью предмета любви. Но люди различаются нетолько полами, и потому законъ развитія компенсируетъ и второстепенные контрасты одинъ другимъ. Прежде всего это обнаруживается на вторичныхъ половыхъ признакахъ. Суммируя всѣ вторичные половые признаки въ словахъ мужественность и женственность, мы можемъ съ положительностью утверждать, что, чѣмъ въ данной расѣ или въ данную эпоху мужчины мужественнѣе, а женщины женственнѣе, тѣмъ, вообще говоря, любовь царитъ полновластнѣе. Но затѣмъ различные процессы и между прочимъ процессъ дифференцированія общества производятъ многочисленныя измѣненія въ средѣ самихъ мужчинъ и самихъ женщинъ, новые, значитъ, контрасты, которые тѣмъ же механизмомъ закона развитія вовлекаются въ общій водоворотъ любви. При этомъ мы имѣемъ уже не пол-человѣка, какъ оно слѣдовало бы по закону природу, а другую, меньшую дробь; и чѣмъ меньше эта дробь, тѣмъ страстнѣе стремится она къ своей дополнительной (до единицы) дроби; но трагизмъ состоитъ въ томъ, что тѣмъ труднѣе найти эту дополнительную дробь. Это именно мы и видимъ въ средніе вѣка. Представимъ себѣ средняго средневѣкового мужчину, идеальный типъ, въ которомъ совмѣщались бы всѣ разбросанныя по классамъ и сословіямъ силы и способности. Это будетъ наше мѣрило, т. е. нормальный человѣкъ эпохи, точнѣе пол-человѣка, мужчина. (Замѣчу мимоходомъ, что таковъ именно долженъ быть пріемъ и при сравненіи двухъ эпохъ или двухъ цивилизацій, а слѣдовательно при оцѣнкѣ прогресса). Теперь посмотримъ, что такое напримѣръ Абеларъ. Возьмите какой-нибудь курсъ исторіи философіи, посмотрите, что занимало Абелара, какъ онъ разрѣшалъ волновавшіе его вопросы, и вы увидите, что Абеларъ былъ головастикъ, притомъ такой, у котораго уши, глаза, ноздри наполовину закрыты, такъ что еле-еле оставляютъ проходъ внѣшнему міру, на кое-какую подтопку дикой мозговой работѣ. Онъ составляетъ, несмотря на свои блестящія діалектическія способ-

ности, весьма малую дробь нормальнаго человѣка эпохи, какъ съ точки зрѣнія волнующихъ его интересовъ, такъ и съ точки зрѣнія его силъ. Эта малая дробь ищетъ своей дополнительной дроби съ страшною стремительностью. Но откуда же взять эту дробь, когда кругомъ все столь же малыя дроби, хотя и съ другими знаменателими? Откуда взять туловище къ громадной картонной головѣ, которая мигаетъ и дуетъ въ «Русланѣ и Людмилѣ»? Оттого-то Абеларъ (помимо его позднѣйшаго уродства) такъ явно неудовлетворенъ любовью Элоизы, любитъ такъ грубо и извращенно. А что такое благородный и славный рыцарь Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ? Ацефалъ, безголовый, человѣкъ въ головномъ отношеніи до такой степени безпомощный, что разъѣзжаетъ въ честь своей дамы по бѣлому свѣту въ костюмѣ Венеры. Что такое нищая, приросшая, какъ грибъ, къ паперти храма? Почти ничто. Подавленная своимъ ничтожествомъ и почерпающая въ немъ удесятеренную жажду любви, она конечно не найдетъ дополнительной дроби,—и вотъ она кидается въ объятія чему-то безъ образа, имени, кидается воображеніемъ въ объятія дьявола. Что такое всѣ эти графини фландрскія и Элеоноры Пуатье, всѣ эти благорожденныя дамы? Онѣ не имѣютъ понятія и о сотой долѣ тѣхъ страданій и радостей, которыми живетъ средній нормальный человѣкъ эпохи. И вотъ онѣ регламентируютъ любовь, требуя и плотской любви мужа, и двусмысленной любви рыцаря, и эфирной любви простаго поклонника, и полудѣтской любви пажа, думая изъ этихъ кусочковъ сложить требуемую дополнительную дробь. Но удовлетворенія нѣтъ, и благорожденныя дамы погрязаютъ въ безсмысленномъ шутовствѣ. Чѣмъ больше жажда любви, тѣмъ труднѣе ея удовлетвореніе. Это—варіяція на ту же тэму, которая къ примѣненіи къ жаждѣ наживы была нами указана въ первомъ очеркѣ: здѣсь мы имѣемъ выраженіе того же основного психо-физическаго закона, въ силу котораго ощущеніе ростетъ только какъ логариѳмъ вызывающаго его раздраженія.

Средніе вѣка миновали, и наше время къ счастію не знаетъ уже такой колоссальной несоразмѣрности жажды любви съ воз-

можностью ея удовлетворенія, хотя она остается все-таки причиною многихъ разбитыхъ жизней. Но наше время выставило другую, не менѣе грозную несоразмѣрность въ теоремѣ Мальтуса. Теорія Мальтуса можетъ насъ здѣсь интересовать только поскольку ею затрогиваются отношенія семейныя и половыя. Поэтому достаточно заявить, что въ основныхъ своихъ чертахъ она, въ примѣненіи къ даннымъ общественнымъ условіямъ, несомнѣнно вѣрна. Я разумѣю только самую теорему, а не практическіе выводы изъ нея Мальтуса и мальтузіанцевъ. Нѣкоторые изъ этихъ выводовъ теперь именно подлежатъ нашему обсужденію.

IV *).

Семья.

(*Окончаніе*).

«Нравственное самообузданіе» Мальтуса—Объясненіе Лекки.—«Дисгармоническіе періоды» г. Мечникова. — Избытокъ любви. — Творческое начало семьи и ея смерть, какъ организма. — Несоразмѣрность потребностей съ условіями удовлетворенія.—Вольница и подвижники.—Гетеры и іогины. — Антагонизмъ индивидуальности и генезиса.—Заключеніе.

Безъ малаго восемдесятъ лѣтъ тому назадъ появилось первое изданіе знаменитаго трактата Мальтуса о народонаселеніи, и во всѣ эти восемдесятъ лѣтъ, можно сказать, не умолкали ожесточеннѣйшіе споры за и противъ теоріи. Очень хорошо понимая, какимъ нетерпѣніемъ готовъ встрѣтить иной читатель новыя разсужденія на эту старую тэму, спѣшу предупредить, что здѣсь у насъ не будетъ рѣчи о теоріи Мальтуса по существу. Если мы и придемъ въ концѣ главы къ нѣкоторымъ результатамъ, освѣщающимъ самыя основанія теоріи, то они будутъ получены попутно. Не въ нихъ пока наша цѣль.

Въ такъ-называемой теоріи Мальтуса слѣдуетъ различать двѣ стороны: теоретическую и практическую. Первая утверждаетъ только, что при данныхъ условіяхъ населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ средства пропитанія. Какъ ни грубо выразилъ первоначально этотъ фактъ Мальтусъ, но это—фактъ несомнѣнный, и всѣ возраженія противъ него порождены недоразумѣнія-

*) 1876, іюнь.

ми. Возраженія получаютъ силу только съ того момента, какъ ими отрицается неизбѣжный, роковой характеръ разъясненнаго Мальтусомъ несоотвѣтствія. Если признать несоотвѣтствіе роста размноженія съ ростомъ средствъ пропитанія фатальнымъ, роковымъ, то тѣмъ самымъ разумѣется устраняется всякая почва для какого бы то ни было практическаго рѣшенія: выхода нѣтъ. Такъ именно и поставленъ былъ вопросъ въ первомъ изданіи «Опыта» Мальтуса. Но затѣмъ онъ ввелъ «нравственное самообузданіе», какъ панацею противъ изображенныхъ имъ золъ. Перебравъ «различныя системы, предложенныя или принятыя обществомъ противъ бѣдствій, порождаемыхъ закономъ народонаселенія», Мальтусъ приходитъ къ заключенію, что всѣ они радикально неудовлетворительны и что вся надежда должна быть возложена на самообузданіе. Панацея эта была встрѣчена возгласами негодованія и упреками въ лицемѣріи, въ двусмысленности. И надо сказать правду, что въ этихъ упрекахъ было и остается, не смотря на разныя недоразумѣнія, много вѣрнаго. Былъ ли Мальтусъ врагъ народа, которую одна французская пѣсня сороковыхъ годовъ справедливо попрекала:

Qu'attendez vous, enfants du prolétare,
Quand vous n'avez ni travail, ni crédit?
Celui qui chôme est de trop sur la terre,
Allez vous en, les malthusiens l'ont dit.

или онъ напротивъ былъ, какъ говорятъ его послѣдователи, лучшій другъ рабочаго люда, доброжелательно рекомендовавшій ему воздержаніе отъ любви — это былъ бы намъ пожалуй все равно. Но что собственно значитъ «нравственное самообузданіе»? Прямого, откровеннаго отвѣта на тотъ вопросъ вы не найдете ни у самого Мальтуса, ни у Милля, который именно по этому поводу замѣтилъ, что «общественныя болѣзни, подобно физическимъ, не могутъ быть предупреждаемы или излечиваемы, если не говорить о нихъ прямо и ясно» («Основанія политич. экон.», кн. II, гл. XIII), ни у Гирнье, который посвятилъ цѣлый трактатъ спеціально разъясненію недоразумѣній, порожденныхъ теоріей Мальтуса. Прочитавъ труды столповъ теоріи съ

полнымъ вниманіемъ и безъ всякаго предубѣжденія, вы все-таки не знаете: дѣйствительно ли они предлагаютъ извѣстной части населенія обратиться въ аскетовъ? вѣрятъ ли они сами въ возможность такого превращенія? или они желали бы видѣть какія-нибудь искусственныя ограниченія количества рождающихся дѣтей? или наконецъ что-нибудь въ общественныхъ учрежденіяхъ должно служить резервуаромъ, куда отведется избытокъ естественной потребности любви? Потому что не надо забывать этой стороны дѣла: при наличныхъ условіяхъ существуетъ избытокъ любви. Когда людямъ предлагаютъ безъ дальнѣйшихъ объясненій просто взять да и заморить одну изъ элементарнѣйшихъ и сильнѣйшихъ потребностей, то невольно должно придти въ голову, что предлагающій либо лицемѣритъ, либо держитъ за пазухой какой-нибудь камень двусмысленности. Правда, столпы теоріи съ негодованіемъ отвергаютъ «безболѣзненное удушеніе» новорожденныхъ, кастрацію и тому подобныя мѣры, предложенныя Маркусомъ, Вейнгольдомъ и другими эксцентриками мальтузіанской идеи. Но отъ такого отрицанія еще далеко до положительнаго разъясненія двусмысленнаго термина «нравственное самообузданіе». Я приведу только два примѣра того, какъ путаются и увертываются столпы теоріи.

Въ своемъ сочиненіи «Du principe de population» (P. 1857) Іосифъ Гарнье, относительно одного изъ враговъ теоріи—Прудона, замѣчаетъ, что, несмотря, дескать, на неосновательность этого писателя, въ сочиненіяхъ его есть страницы, подъ которыми обѣими руками подписался бы самый завзятый мальтузіанецъ. Онъ ссылается при этомъ на Дю-Пюйнода, который также укоряетъ Прудона въ томъ, что онъ, будучи, собственно говоря, самъ чуть что не мальтузіанецъ, громитъ Мальтуса и его школу. И похвалы Гарнье, и упреки Дю-Пюйнода представляютъ результатъ просто путаницы понятій и неясности собственныхъ взглядовъ. Прудонъ полагалъ, что способность дѣторожденія и самая любовь должны ослабѣть подъ вліяніемъ извѣстныхъ измѣненій общественнаго строя; что воздержность въ половыхъ сношеніяхъ явится при иныхъ экономическихъ усло-

віяхъ сама собой, какъ результатъ равновѣсія личныхъ и общественныхъ силъ. Между тѣмъ Мальтусъ посвятилъ много страницъ своего труда на доказательство, что никакіе общественные порядки не въ силахъ предотвратить пагубныя послѣдствія «закона народонаселенія». Мало того: онъ доказываетъ, что «система равенства» (такъ Мальтусъ называлъ современныя ему доктрины Годвина, Валласа, Кондорсе, Оуена), обезпечивая каждому возможность бездѣтнаго существованія, тѣмъ самымъ дали бы, еслибы могли осуществиться, только новый толчокъ размноженію. Ясно, что Прудонъ и Мальтусъ—антиподы. Одинъ топчетъ свойства человѣческой природы, рекомендуя немедленно приступить къ самообузданію; другой ждетъ равновѣсія силъ въ будущемъ, какъ результата извѣстнымъ образомъ направленной исторіи, притомъ такимъ именно образомъ, который въ глазахъ перваго есть нелѣпость. Если же Гарнье, Дю-Пюйнодъ, Молинари утверждаютъ, что это—одно и то же, то конечно только потому, что либо сами не понимаютъ, чего они хотятъ, либо умышленно напускаютъ туману.

Иначе нельзя характеризовать и поведеніе самого Мальтуса. Знаменитая четвертая книга «Опыта», въ которой трактуется о нравственномъ самообузданіи, поражаетъ своей запутанностью и противорѣчіями. Напримѣръ: «Страсть эта (любовь), если смотрѣть на нее съ самой широкой точки зрѣнія, присоединяя къ ней любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, безъ сомнѣнія есть одно изъ могущественнѣйшихъ условій для счастія. Тѣмъ не менѣе намъ хорошо извѣстно изъ опыта, что эта же самая страсть становится источникъ бѣдствій, если она дурно направляется. *Правда, что въ итогѣ эти бѣдствія ничтожны сравнительно съ благотворнымъ дѣйствіемъ добродѣтельной любви;* но сами по себѣ они несомнѣнно весьма значительны. Образъ дѣйствія въ этомъ отношеніи правительствъ и даже налагаемыя ими наказанія говорятъ, что страсть, о которой идетъ рѣчь, не вызываетъ такихъ страшныхъ бѣдствій или по крайней мѣрѣ не причиняетъ такого непосредственнаго вреда обществу, какъ нарушеніе права собственности, какъ проти-

возаконное удовлетвореніе желанія обладать тѣмъ, что принадлежитъ другому. Тѣмъ не менѣе, когда при изслѣдованіи этой страсти представишь себѣ важныя слѣдствія необузданнаго ея проявленія, то невольно чувствуешь себя готовымъ на большія жертвы, чтобы уменьшить ея силу или даже совсѣмъ заглушить. *Но это значило бы или отнять у человѣческой жизни всю прелесть и сдѣлать ее безцвѣтной, или отдать ее на произволъ дикаго и неукротимаго звѣрства*». Итакъ бѣдствія, причиняемыя любовью, ничтожны сравнительно съ ея благотворнымъ значеніемъ; лишить ея людей значитъ обезцвѣтить ихъ жизнь или обратить ихъ въ звѣрей. И однако нравственное самообузданіе все-таки рекомендуется. Точно также Мальтусъ вполнѣ понимаетъ всю непобѣдимую силу половаго влеченія и ставитъ его, по общности и могуществу, непосредственно вслѣдъ за голодомъ и тѣмъ не менѣе повторяетъ свой припѣвъ обузданія. Онъ представляетъ себѣ дѣло такъ, что женщины должны выходить замужъ лѣтъ 28—30, а слѣдовательно супружескій возрастъ мужчины отводится годамъ къ 40. Онъ настаиваетъ на томъ, что воздержаніе до этого возраста должно быть строгонравственнымъ, т. е. не формальнымъ только, а дѣйствительнымъ цѣломудріемъ, и рисуетъ идиллическую картину общества, въ которомъ практикуются такіе нравы: молодые люди находятся до брачнаго возраста въ близкихъ, но вполнѣ цѣломудренныхъ отношеніяхъ, имѣютъ возможность коротко узнать другъ друга и затѣмъ не тяготиться уже дѣтьми, происходящими отъ ихъ поздняго союза. Идиллію эту онъ развиваетъ такъ далеко, что предсказываетъ даже въ концѣ раскрываемой имъ перспективы исчезновеніе войны. Конечно онъ долженъ былъ очень хорошо понимать, что все это—пустяки. Какой же въ самомъ дѣлѣ серьёзный человѣкъ можетъ думать, что воздержаніе до 40-лѣтняго возраста возможно, какъ общее правило. Возраженіе это до такой степени настойчиво вызывается теоріей, что Мальтусъ не могъ его не предвидѣть и отвѣтилъ такъ: «Если кто-либо предлагаетъ кодексъ нравственности или полную теорію нашихъ обязанностей, то это вовсе не доказываетъ чтобы онъ обо-

льщалъ себя безумной надеждой, какъ бы онъ ни былъ убѣжденъ въ неизмѣнной необходимости для людей подчиненія его законамъ, что послѣдніе будутъ исполняться всѣми или даже большею частью людей». Зачѣмъ же было огородъ городить? Но этого мало: Мальтусу очень хорошо извѣстно, что даже въ томъ случаѣ, если его огородъ гороженъ не напрасно, изъ его проекта не можетъ выдти ничего, кромѣ изуродованія человѣческой жизни.

Всѣ эти противорѣчія, недомолвки, двусмысленности объясняются очень просто, если вспомнить исторію происхожденія теоріи Мальтуса. Русскій переводъ «Опыта о законѣ народонаселенія» оканчивается словами: „Практическая цѣль, которую главнымъ образомъ имѣлъ въ виду авторъ, какія бы ошибки ни сдѣланы были имъ, состояла въ улучшеніи положенія и въ увеличеніи счастія низшихъ классовъ общества". Въ позднѣйшихъ изданіяхъ Мальтусъ дѣйствительно много говорилъ на эту тему, но совсѣмъ не такова была его первоначальная цѣль. Извѣстно, что онъ хотѣлъ только противопоставить законъ народонаселенія демократическимъ и революціоннымъ идеямъ, нахлынувшимъ въ его время изъ Франціи во всю Европу; онъ хотѣлъ доказать, что никакія политическія и соціальныя реформы не въ силахъ уничтожить бѣдствія значительнѣйшей части человѣчества, которыя являются такимъ образомъ зломъ неизбѣжнымъ, роковымъ, установленнымъ Провидѣніемъ. Во второмъ изданіи онъ много смягчилъ свои положенія и выводы и кромѣ того, ввелъ панацею самообузданія. Любопытны слѣдующія его слова въ предисловіи ко второму изданію: «Что же касается того, что я говорю о будущихъ успѣхахъ общества (т. е. самообузданія), то надѣюсь, что слова мои не будутъ опровергнуты опытомъ прошлаго. Если найдутся люди, которые будутъ настаивать, что всякое препятствіе для размноженія населенія представляетъ большее зло, чѣмъ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ оно спасаетъ, то они несомнѣнно примутъ во всей силѣ всѣ послѣдствія, представленныя мною въ первомъ изданіи этого опыта. Если принять это мнѣніе, то на нищету и бѣдствія

низшихъ классовъ народа нельзя смотрѣть иначе, какъ на неисправимое зло». Слѣдовательно и впослѣдствіи, уже по изобрѣтеніи самообузданія, Мальтусъ охотно готовъ былъ видѣть въ бѣдствіяхъ «низшихъ классовъ народа» «неисправимое зло». Понятно, что онъ не могъ при такомъ условіи придавать серьёзное значеніе самообузданію, и это-то естественное невѣріе въ рекомендуемое имъ самимъ средство породило всю массу его противорѣчій и двусмысленностей. Къ нему лично вовсе не могутъ быть обращены наши вопросы: дѣйствительно ли онъ вѣрилъ въ возможность самообузданія? или онъ предполагалъ отлить избытокъ любви въ какой-нибудь особый резервуаръ? и т. п. Всѣ эти вопросы и при жизни его проходили мимо его ушей, да и теперь отскакиваютъ отъ его теоріи, которая въ основаніи своемъ состоитъ въ «неисправимости зла» какими бы то ни было средствами, въ томъ числѣ и самообузданіемъ. Другое дѣло—его послѣдователи. Между ними есть безъ сомнѣнія люди искренніе и не столь враждебно относящіеся къ тому, съ чѣмъ враждовалъ Мальтусъ. Какъ же они разумѣютъ практическую сторону доктрины своего учителя? Едва ли не вѣрнѣе всего будетъ сказать, что они просто не хотятъ ее знать, хотя много говорятъ о ней. Дѣло въ томъ, что большинство мальтузіанцевъ—экономисты, т. е. люди, объектъ науки которыхъ есть собственно не человѣкъ, а существо купующее, воздѣлывающее и поядающее. Положимъ, что въ исходной точкѣ они признали его таковымъ чисто въ видахъ логическаго и методологическаго удобства. Но не имѣя силъ удержаться на этой отвлеченной высотѣ, они отождествили своего абстрактнаго человѣка съ человѣкомъ конкретнымъ, дѣйствительно существующимъ. Сдѣлать это безъ ущерба для логики было конечно невозможно, потому что на каждомъ шагу обнаруживается, что дѣйствительный человѣкъ не только воздѣлываетъ, покупаетъ, продаетъ, поѣдаетъ, а обладаетъ и другими склонностями и способностями, напримѣръ склонностью и способностью половой любви и дѣторожденія. Нелогичный, но при данной путаницѣ неизбѣжный выходъ изъ затрудненія—отвернуться отъ любви,

игнорировать ее. Отсюда поразительная небрежность въ отношеніяхъ мальтузіанцевъ къ вопросу о любви. Слѣдующее маленькое разсужденіе „отъ противнаго“ можетъ быть лучше всего выяснитъ читателю свойства ошибки экономистовъ. Политическая экономія построена на той гипотезѣ, что человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ управляется исключительно жаждою пріобрѣтенія. Это построеніе совершенно законно, пока не выходитъ изъ предѣловъ гипотезы. Точно также могутъ быть построены и другія отвлеченныя науки. Мы можемъ взять какое-нибудь очень общее и очень могущественное свойство человѣческой природы, уединить его, отвлечь отъ другихъ свойствъ и условно, въ видахъ удобства изслѣдованія, предположить, что человѣкъ руководится въ своей дѣятельности исключительно мотивами, соотвѣтствующими выдѣленному нами свойству. Любовь представляетъ мотивъ, достаточно общій и могущественный для такого построенія. Слѣдовательно можно представить себѣ науку, удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ отвлеченной науки и, такъ сказать, вполнѣ параллельную политической экономіи, которая отвѣтитъ на вопросъ: каковы были бы законы послѣдовательности и сосуществованія явленій въ обществѣ, разсматриваемомъ исключительно съ точки зрѣнія половыхъ отношеній его членовъ? Безъ сомнѣнія въ примѣненіи къ жизни законы этой науки подлежали бы гораздо большимъ поправкамъ, чѣмъ законы политической экономіи, потому что основаніе послѣдней можетъ быть сведено къ мотиву, болѣе общему и элементарному, чѣмъ любовь. Величайшую ошибку сдѣлалъ бы представитель этой несуществующей науки любви или какъ бы она ни называлась, еслибы отождествилъ объектъ ея, отвлеченнаго человѣка, проникнутаго исключительно половымъ стремленіемъ, съ человѣкомъ дѣйствительнымъ. Вѣроятнымъ слѣдствіемъ этой ошибки представителей науки любви было бы предложеніе людямъ заглушить въ себѣ нѣкоторыя коренныя свойства человѣческой природы, мѣшающія неограниченному воцаренію любви въ жизни. Такова именно позиція экономистовъ-мальтузіанцевъ. Они конечно, какъ и всякій взрослый человѣкъ, пони-

мають, что вполнѣ нравственное самообузданіе, какого желалъ на словахъ Мальтусъ, есть утопичнѣйшая изъ утопій; что съ точки зрѣнія ихъ теоріи дѣло совсѣмъ не въ самообузданіи, а въ устраненіи естественнаго финала половыхъ отношеній, т. е. дѣторожденія. Но прямо указать на какую-нибудь мѣру въ этомъ родѣ они не рѣшаются, потому что боятся оскорбить утвердившіяся понятія о нравственности. Очутиться въ такомъ неловкомъ положеніи можетъ всякій робкій мыслью человѣкъ Но стоять въ немъ съ такимъ упорствомъ могутъ только экономисты. Необходимую для этого слѣпоту они почерпаютъ въ отождествленіи конкретнаго человѣка жизни съ отвлеченнымъ человѣкомъ экономической науки, т. е. съ идеей человѣка, занятаго только производствомъ, обмѣномъ и потребленіемъ богатствъ. Нечего слѣдовательно и искать у экономистовъ разъясненія дѣйствительнаго смысла и значенія практической части ученія Мальтуса. Отвѣтовъ на вышепоставленные вопросы, т. е. настоящихъ, прямыхъ отвѣтовъ, слѣдуетъ требовать у мальтузіанцѣвъ не-экономистовъ.

Такіе есть. Вотъ напримѣръ Лекки, историкъ и моралистъ, безстрашно доводящій мысль учителя до нѣкоторыхъ ея логическихъ результатовъ. Лекки излагаетъ и развиваетъ ученіе Мальтуса слѣдующимъ образомъ. Естественная потребность любви сильнѣе, чѣмъ то требуется благосостояніемъ человѣчества. Еслибы удовлетвореніе ея въ формѣ брака сдѣлалось всеобщимъ, то это было бы величайшимъ несчастіемъ. Хотя природа совершенно недвусмысленно побуждаетъ людей къ раннимъ бракамъ, но цивилизація, по мѣрѣ своего поступательнаго движенія, должна все сильнѣе противоборствовать этому естественному стремленію. „При обсужденіи этого вопроса, продолжаетъ Лекки,—моралистъ долженъ имѣть въ виду преимущественно слѣдующіе два пункта: естественный долгъ каждаго мужчины заботиться о дѣтяхъ, которыхъ онъ произвелъ на свѣтъ, и охраненіе домашняго очага отъ ущерба и позора. Семья есть центръ и прототипъ государства, и счастіе и благосостояніе общества всегда въ высокой степени зависятъ отъ чистоты до-

машней жизни. Исключительная по своей сущности любовь мужчины и естественное желаніе каждаго быть увѣреннымъ, что вскормленный имъ ребенокъ есть дѣйствительно его ребенокъ, дѣлаютъ изъ вторженія въ семью противузаконныхъ страстей причину величайшихъ страданій. Несмотря на это, чрезмѣрная сила страстей дѣлаетъ кажется эти вторженія и неизбѣжными, и частыми. При такихъ-то условіяхъ возникаетъ въ обществѣ печальнѣйшая и во многихъ отношеніяхъ ужаснѣйшая фигура, какую только можетъ встрѣтить взоръ моралиста» (Sittengeschichte Europas von Augustus bis auf Karl den Grossen. Uebers. v. Jołowicz, II, 231 и слѣд.). Дѣло идетъ о проституціи, которой чистенькій, высоконравственный англичанинъ вынужденъ, скрѣпя сердце, печатно пѣть восторженные благодарственные гимны въ прозѣ. Лекки останавливается передъ проституціей съ ужасомъ, но и съ почтеніемъ, какъ передъ зломъ неизбѣжнымъ, какъ передъ спасительной отдушиной, охраняющей по крайней мѣрѣ нѣкоторые семейные очаги. Выводъ этотъ особенно знаменателенъ въ устахъ Лекки, который въ своихъ основныхъ соображеніяхъ признаетъ пожизненную связь мужчины и женщины нормальнымъ типомъ половыхъ отношеній и считаетъ недостаточнымъ утилитарный принципъ въ ученіи о нравственности. Какъ бы то ни было, но у него хватило смѣлости и честности не вилять, подобно экономистамъ-мальтузіанцамъ и самому Мальтусу, по двусмысленной дорожкѣ вполнѣ нравственнаго, истинно цѣломудреннаго самообузданія. Онъ по крайней мѣрѣ отчасти раскрываетъ дѣйствительный смыслъ практической части ученія Мальтуса, переводя туманное слово самообузданіе словомъ проституціи. Лекки не знаетъ удовлетворительнаго въ нравственномъ отношеніи выхода изъ заколдованнаго круга дѣйствій «закона народонаселенія» и прямо заявляетъ это.

Чрезвычайно замѣчательна у Лекки самая постановка вопроса. Хотя онъ ссылается на Мальтуса, но въ развитіи своихъ мыслей значительно уклоняется отъ него нетолько въ практи-

ческомъ отношеніи, разбивая фантомъ самообузданія, а и въ теоретическомъ. Съ точки зрѣнія Лекки, вопросъ не исчерпывается несоотвѣтствіемъ силы размноженія съ ростомъ средствъ пропитанія: дѣло въ избыткѣ силы любви, въ чрезмѣрной напряженности половаго стремленія, даже совершенно независимо отъ количества рождающихся дѣтей. Лекки представляетъ себѣ дѣло такъ: пожизненный моногамическій бракъ есть наилучшая форма супружескихъ отношеній, но, какъ доказалъ Мальтусъ, полное господство этой формы повело бы ко многимъ пагубнѣйшимъ послѣдствіямъ, и потому оно не желательно; въ виду этой отрицательной цѣли, если можно такъ выразиться, цивилизація постепенно отодвигаетъ брачный возрастъ или же прямо сокращаетъ число браковъ. Остается слѣдовательно извѣстный осадокъ любви, такъ сказать, нерастворимый въ правильномъ бракѣ. Куда онъ дѣвается, какъ удовлетворяется и каковы вообще послѣдствія его существованія? Въ отвѣтъ Лекки указываетъ на грубую и грязную поддѣлку любви въ видѣ проституціи и на нарушеніе семейнаго счастія, на «ущербъ и позоръ домашняго очага». Но если такъ, то гроза виситъ совсѣмъ нетолько надъ „низшими классами народа“, какъ полагалъ Мальтусъ, и вообще нетолько надъ людьми, не имѣющими средствъ содержать семью. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она собирается напротивъ преимущественно надъ головами людей обезпеченныхъ, имѣющихъ мальтузіанское право на семейную жизнь. Именно въ эту семейную жизнь вторгается осадокъ любви, нерастворимой въ правильномъ бракѣ, и производитъ въ ней массу страданій. Лекки согласенъ лучше на проституцію.—Вотъ полный кругъ относящихся къ нашему предмету идей Лекки. Очевидно, что его взгляды далеко логичнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе къ тревогамъ жизни, чѣмъ деревянная теорія самообузданія. Однако и у Лекки мы замѣчаемъ двѣ весьма существенныя прорѣхи. Во-первыхъ: исчерпываются ли послѣдствія избытка любви проституціей и вторженіемъ «противозаконныхъ» страстей въ законную семейную жизнь? Конечно, нѣтъ. Послѣдствія эти несравненно многообразнѣе, какъ знаетъ всякій, если не по опыту, то

изъ «судебнаго отдѣла» газетъ и краткихъ извѣщеній о самоубійствахъ, сумасшествіяхъ и т. п. Во-вторыхъ, причиною избытка любви Лекки все-таки признаетъ главнымъ образомъ только указанное Мальтусомъ несоотвѣтствіе. Но такъ ли это? Опять-таки конечно нѣтъ. Надо замѣтить, что въ главѣ о положеніи женщинъ Лекки почти исключительно занятъ явленіями супружескихъ и вообще любовныхъ отношеній въ высшихъ и среднихъ классахъ европейскихъ обществъ. Здѣсь, именно среди людей обезпеченныхъ, находитъ онъ наиболѣе обильный матеріалъ для изслѣдованія вліянія позднихъ браковъ, отсутствія браковъ и вторженія въ чужую брачную жизнь. Значитъ, люди избѣгаютъ брака и наносятъ «ущербъ и позоръ домашнему очагу» своего сосѣда нетолько потому, что имъ нечѣмъ прокормить собственную семью, а и по другимъ причинамъ. Изъ нихъ Лекки указываетъ только на одну: на убѣжденіе въ грѣховности плотской любви. Но очевидно, что эта причина объясняетъ лишь очень немногое. Что въ извѣстныя эпохи нѣкоторые члены общества воздерживаются отъ брака по побужденіямъ мистико-религіознымъ—это справедливо. Но само по себѣ это явленіе отражается такъ или иначе только на личной жизни воздерживающихся. Правда, что, обращаясь, какъ въ католическомъ духовенствѣ, въ голую формальность, принципъ безбрачія очень хорошо уживается съ фактическимъ вторженіемъ въ чужую семейную жизнь и съ проституціей. Но бѣда была бы еще не очень велика, еслибы всѣ трудности вопроса любви вертѣлись около католическаго духовенства.

Итакъ, ни причины, ни слѣдствія избытка любви не обнаружены Лекки съ достаточною полнотою. Эти два пробѣла отчасти пополнитъ, отчасти по крайней мѣрѣ выяснитъ намъ г. Мечниковъ, о замѣчательномъ изслѣдованіи котораго („Возрастъ вступленія въ бракъ“) я уже имѣлъ случай говорить *). Напомню главные выводы г. Мечникова. Анализъ разнообразнаго статистическаго и этнографическаго матеріала приводитъ авто-

*) См. Записки Профана. «Сочиненія», томъ третій.

ра къ такому заключенію: „Половая зрѣлость (puberlas), общая физическая зрѣлость (nubilitas) и брачная зрѣлость (возрастъ вступленія въ бракъ) составляютъ три важныхъ момента въ жизни человѣка, имѣющихъ одну и ту же цѣль: удовлетвореніе стремленій къ поддержанію вида (размноженіе). Въ однихъ случаяхъ (большинство первобытныхъ народовъ) эти три момента совпадаютъ или почти совпадаютъ другъ съ другомъ; въ другихъ же случаяхъ они раздвигаются, между ними появляются промежутки, тѣмъ болѣе длинные, чѣмъ дольше совершается развитіе, и потому наиболѣе ощутительные у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Эти промежутки, означающіе неравномѣрное и слѣдовательно неодновременное развитіе аппаратовъ, служащихъ для одной и той же цѣли, составляютъ доказательство дисгармоніи въ развитіи человѣка". „Дисгармоническіе періоды", какъ называетъ г. Мечниковъ упомянутые промежутки, у цивилизованныхъ народовъ длиннѣе, чѣмъ у первобытныхъ; у высшихъ классовъ длиннѣе, чѣмъ у низшихъ; у мужчины длиннѣе, чѣмъ у женщины. Они сопровождаются увеличеніемъ смертности, преступленій, самоубійствъ и сумасшествій. Такъ какъ эти печальныя явленія вмѣстѣ съ культурнымъ развитіемъ, съ цивилизаціей, все усиливаются, то г. Мечниковъ считаетъ себя вправѣ выразить предположеніе, что само культурное развитіе служитъ источникомъ смерти народовъ—все равно, какъ смерть отдѣльныхъ индивидовъ есть только конецъ жизни.

Оставляя пока это послѣднее заключеніе въ сторонѣ, сосредоточимъ свое вниманіе на другихъ сторонахъ изслѣдованія г. Мечникова. Постановка вопроса у него та же самая, что у Лекки. Онъ исходитъ изъ того факта, что цивилизація постоянно отодвигаетъ брачный возрастъ, хотя возрастъ половой зрѣлости остается при этомъ неподвижнымъ. Фактъ этотъ является у г. Мечникова болѣе осязательнымъ, чѣмъ у Лекки, потому что обставленъ статистическимъ матеріаломъ. Напримѣръ возрастъ половой зрѣлости русскихъ крестьянъ, англійскихъ пэровъ, бароновъ и проч. и нѣмецкихъ принцовъ одинъ и тотъ же—около семнадцати лѣтъ. Но женятся русскіе крестьяне, среднимъ

числомъ, въ 20,79 лѣтъ, англійскіе пэры и бароны въ 29,63, а нѣмецкіе принцы въ 30,5. Такимъ образомъ весь промежутокъ между физическою возможностью вступленія въ бракъ и самымъ вступленіемъ равняется у русскихъ крестьянъ тремъ годамъ, у англійскихъ пэровъ и бароновъ—двѣнадцати, а у нѣмецкихъ принцевъ тринадцати годамъ. Эти годы распадаются на два отдѣльные дисгармоническіе періода: первый тянется отъ проявленія половой зрѣлости до наступленія полной физической зрѣлости, второй—отъ этого послѣдняго момента до собственно брачнаго возраста. И такъ цивилизація удлиняетъ дисгармоническіе періоды и тѣмъ самымъ порождаетъ слѣдовательно относительный избытокъ потребности любви, потому что потребность эта просыпается раньше, чѣмъ физіологическими и культурными условіями допускается ея безнаказанное удовлетвореніе. Каковы причины и послѣдствія этого факта? Возьмемъ сначала послѣдствія, потому что они должны между прочимъ служить болѣе наглядным выраженіемъ самаго факта. При этомъ я позволю себѣ болѣе или менѣе значительныя отступленія отъ г. Мечникова, вѣрнѣе сказать, нѣкоторыя дополненія къ его соображеніямъ.

Что касается перваго дисгармоническаго періода, т. е. промежутка между моментомъ половой зрѣлости и моментомъ общей зрѣлости организма, то его значеніе вполнѣ ясно и не подлежитъ особенно пространнымъ толкованіямъ. Онъ имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для женщинъ. Половая зрѣлость, т. е. потребность любви, проявляется у женщинъ извѣстными характерными признаками, дающими возможность съ достаточною точностью отнести этотъ моментъ напримѣръ для англичанокъ къ шестнадцатому, для француженокъ—къ пятнадцатому году. Но ростъ тазовыхъ костей, обусловливающихъ правильные роды, завершается только около двадцати лѣтъ; поэтому до наступленія этого выраженія общей зрѣлости организма удовлетвореніе такъ рано пробуждающейся потребности любви сопровождается усиленною смертностью въ родахъ. Здѣсь, значитъ, избытокъ любви прямо и просто ведетъ къ смертной каз-

ни. Нѣтъ къ сожалѣнію прямыхъ доказательствъ, что первый дисгармоническій періодъ все раздвигается съ развитіемъ цивилизаціи (ихъ нѣтъ и у г. Мечникова); но мы знаемъ однако что во-первыхъ напримѣръ наши крестьянки выходятъ замужъ раньше женщинъ высшихъ классовъ, и что во-вторыхъ рожаютъ онѣ легче. Можно поэтому думать—что подтверждается и нѣкоторыми дедуктивными соображеніями—что развитіе тазовыхъ костей и вообще общая зрѣлость организма замедляется у цивилизованныхъ женщинъ ихъ образомъ жизни, лишеннымъ физическихъ упражненій. Можно бы было конечно рекомендовать женщинамъ воздержаніе или, говоря словами Мальтуса, нравственное самообузданіе. Оно отчасти и практикуется нетолько въ первомъ, а и во второмъ дисгармоническомъ періодѣ. Если наиболѣе цивилизованныя націи, а въ нихъ наиболѣе обезпеченные и культурные классы, отличаются поздними браками, то изъ этого не слѣдуетъ конечно, чтобы факты эти служили показателемъ усиленія цѣломудрія. Но относительно женщинъ это до извѣстной степени справедливо. Старая дѣва—это несчастное, осмѣянное, озлобленное существо—не миѳъ. Для цивилизованныхъ женщинъ оффиціальная статистическая цифра возраста вступленія въ бракъ сплошь и рядомъ служитъ дѣйствительнымъ выраженіемъ количества лѣтъ нравственнаго обузданія. Слишкомъ извѣстны результаты этого явленія: «между 144 душевными больными женскаго пола, находившимися въ клиникѣ Эскироля, было не менѣе 88 случаевъ, причиной которыхъ предполагалось воздержаніе. Маудсли считаетъ это обстоятельство одной изъ главныхъ причинъ помѣшательства у особъ женскаго пола». Но это только наиболѣе яркіе результаты, которые, подобно шилу, слишкомъ ужь далеко вылѣзаютъ изъ мѣшка и кровавыми уколами даютъ о себѣ знать. Взвѣсьте всю ту массу страданій, которая приводитъ старыхъ дѣвъ и вѣрныхъ памяти мужа вдовъ къ умопомѣшательству, прибавьте сюда страданія, не доводящія до камеры въ клиникѣ душевныхъ болѣзней, но постоянно держащія субъекта у ея порога—и вы ужаснетесь передъ этимъ избыткомъ любви, которой дѣваться некуда и

которая бурлитъ, какъ чрезмѣрное количество пара въ паровикѣ, пока его не разорветъ. Если дисгармоническимъ періодамъ предстоитъ постоянное удлиненіе, то, значитъ, будетъ все расти и эта страшная лавина страданій.

Мужчинѣ не приходится выдерживать такой борьбы съ позывами любви, потому что ни природа, ни общество не возложили на него отвѣтственности за половыя сношенія, хотя бы приблизительно равной той, какую несетъ женщина. Возможны конечно въ видѣ рѣдкихъ исключеній случаи нравственнаго самообузданія мужчинъ, но это—такая капля въ морѣ, о которой говорить не стоитъ. Во всякомъ случаѣ послѣдствія воздержанія для мужчинъ тѣ же, что и для женщинъ. Главная масса страданій мужчинъ, поражаемыхъ дисгармоническимъ періодами, мотивируется совсѣмъ иначе. Къ услугамъ мужчинъ является во-первыхъ проституція. Сюда уходитъ огромная доля избытка ихъ потребности любви. Результаты извѣстны: болѣзни (далеко не одинъ сифилисъ), распущенность всякаго рода. Я бы желалъ только обратить вниманіе читателя на тѣ второстепенныя повидимому и рѣдко кѣмъ принимаемыя въ соображеніе стороны этого рода половыхъ сношеній, которыя отзываются непосредственно на нравственномъ характерѣ мужчины. Уже одна привычка смотрѣть на человѣка (на проститутку), какъ на вещь, которая продается и которую можно купить, ложится на привыкшаго пятномъ, неизбѣжно расплывающимся по всей его нравственной физіономіи. Но дѣло не останавливается на этомъ. Связи съ «погибшими, но милыми созданіями», купля и продажа любви являются въ глазахъ одной части общества дѣломъ грязнымъ и презрѣннымъ, которое должно быть поэтому скрываемо; между тѣмъ существуютъ и такія сферы, гдѣ купля и продажа любви, притомъ ея особенно извращенные виды, составляютъ своего рода подвиги, удаль, молодечество. Понятно, что и то, и другое должно самымъ пагубнымъ образомъ отражаться на нравственномъ характерѣ людей, захваченныхъ этой мутной волной. Въ первомъ случаѣ лицемѣріе въѣдается въ плоть и кровь, во второмъ—цинически извращаются самыя элементарныя

требованія добропорядочнаго поведенія и уваженія къ человѣческой личности. Я не могу здѣсь дольше остановиться на этихъ явленіяхъ. Читатель можетъ самъ ихъ обдумать, и если онъ приметъ въ соображеніе весь обширный кругъ золъ, связанныхъ съ проституціей (даже оставляя въ сторонѣ судьбу женщины-проститутки), всѣ наносимые ею ущербы физическому, умственному и нравственному здоровью, онъ пойметъ, что около проституціи групируется чрезвычайно значительная доля пагубныхъ слѣдствій дисгармоническихъ періодовъ. Сюда безъ сомнѣнія должны быть отчасти занесены и тѣ усиленныя склонности неженатыхъ мужчинъ къ болѣзнямъ, смертности, преступленіямъ, самоубійствамъ и сумасшествіямъ, о которыхъ трактуетъ г. Мечниковъ. Говорю: *отчасти*—потому что всѣ эти явленія, несомнѣнно тѣсно связанныя съ сферою половыхъ отношеній, вовсе однако не такъ ужь зависятъ собственно отъ безбрачной жизни, какъ думаетъ г. Мечниковъ. Вообще вопросъ этотъ поставленъ у него крайне грубо, крайне эмпирически. Статистики пришли къ заключенію, что на долю холостыхъ выпадаетъ бо́льшая смертность, бо́льшее количество преступленій, самоубійствъ сумасшествій, чѣмъ на долю женатыхъ. Однако на этомъ чисто эмпирическомъ обобщеніи ни соціологъ, ни антропологъ не имѣютъ права строить никакихъ теорій. Дѣло въ томъ что достаточно разработанныя статистическія данныя имѣются только для странъ съ приблизительно одинаковою культурою вообще и, что особенно важно, съ одною и тою же господствующею, оффиціально признанною, формою брака: пожизненою моногаміей, обставленною извѣстными условіями. Статистика знаетъ только количество законныхъ церковныхъ или гражданскихъ браковъ. Всѣхъ, незанесенныхъ въ этого рода списки, статистикъ обязанъ считать холостыми. Но ихъ не можетъ признать таковыми антропологъ или соціологъ. Онъ долженъ разложить эмпирическій законъ, найденный статистикой, на его простѣйшіе элементы и оперировать уже надъ ними. Матеріалъ для этого можетъ быть отчасти доставленъ тою же статистикою. Таковы напримѣръ свѣдѣнія о количествѣ незаконныхъ дѣтей, сдаваемыхъ и не

сдаваемыхъ въ воспитательные дома, о количествѣ расходовъ, о количествѣ холостыхъ, умирающихъ въ больницахъ и въ отцовскомъ или вообще родственномъ домѣ и т. п. Никакихъ такого рода свѣдѣній г. Мечниковъ не собралъ, а это обстоятельство значительно колеблетъ всю его характеристику второго дисгармоническаго періода, которому онъ придаетъ особенно важное значеніе. Напримѣръ въ числѣ предполагаемыхъ причинъ бо́льшей смертности холостыхъ онъ упоминаетъ объ отсутствіи семейнаго ухода. Но семейнымъ уходомъ могутъ пользоваться и холостые, потому что у нихъ могутъ быть отецъ, мать, дядя, сестры и проч., и наоборотъ, семейный человѣкъ сплошь и рядомъ по разнымъ обстоятельствамъ заболѣваетъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ и умираетъ въ больницѣ. Ясно, что положеніе вещей можетъ быть освѣщено только побочными, дополнительными статистическими данными, а безъ нихъ присутствіе или отсутствіе извѣстныхъ брачныхъ церемоній является чѣмъ-то, самостоятельно и таинственно вліяющимъ на судьбу людей. Чрезмѣрное значеніе, придаваемое нашимъ авторомъ статистикѣ брачнаго возраста, весьма дурно повліяло и на его главный общій выводъ. Позднее занесеніе въ оффиціальные брачные списки является у него однимъ изъ признаковъ «неравномѣрнаго и слѣдовательно неодновременнаго развитія аппаратовъ, служащихъ для одной и той же цѣли размноженія». Какой же такой новый «аппаратъ» развивается въ человѣкѣ въ моментъ брачной церемоніи? Если тутъ разумѣть собственно половое сближеніе, такъ вѣдь этотъ „аппаратъ“, составляя въ большинствѣ случаевъ новость для женщины, о чемъ было говорено выше, отнюдь не новъ для мужчины. Далѣе, изъ словъ г. Мечникова можно заключить, что при вступленіи въ бракъ всякія дисгармоніи какъ бы прекращаются, и человѣкъ входитъ наконецъ въ тихую пристань безпечальнаго житія, по крайней мѣрѣ въ сферѣ половыхъ отношеній. Можно сказать ежедневно развертывающіяся передъ нами семейныя драмы показываютъ, что такое заключеніе было бы далеко не вѣрно. Положимъ, что анализъ этихъ драмъ не входилъ въ программу г. Мечни-

кова, предѣльный пунктъ которой есть „возрастъ вступленія въ бракъ“. Но его способъ выраженій и изложенія все-таки даетъ поводъ недоразумѣнію. Онъ такъ рѣзко подчеркиваетъ моментъ закономъ признаннаго вступленія въ бракъ и такъ опредѣлительно говоритъ о продолженіи дисгармоническаго періода «отсюда и до сюда», что поневолѣ приходится думать о брачной и семейной жизни вообще, какъ о чемъ-то вполнѣ гармоническомъ. Мы знаемъ, что это не такъ. Разсчитываютъ, что на 100 браковъ приходится 10 завѣдомо счастливыхъ, 30 безразличныхъ, основанныхъ на привычкѣ, 40 колеблющихся и 20 завѣдомо несчастныхъ. Сомнѣваюсь, чтобы разсчетъ этотъ былъ вѣренъ, но думаю, что отношеніе крайнихъ цифръ, выражающихъ число завѣдомо счастливыхъ и завѣдомо несчастныхъ браковъ, весьма близко къ дѣйствительности. Относящіеся сюда факты до такой степени общеизвѣстны, что объ нихъ нѣсколько даже странно говорить. Часть ихъ непосредственно примыкаетъ къ второму дисгармоническому періоду г. Мечникова. Какой-нибудь англійскій баронъ, въ продолженіи тринадцати лѣтъ дисгармоническихъ періодовъ успѣетъ вѣроятно значичельно истаскаться и не въ состояніи будетъ отвѣтить пылкой любви своей невѣсты, которая, если она тоже баронесса, выходитъ замужъ, среднимъ числомъ, въ 23 года, оставаясь до этого возраста въ полномъ воздержаніи. Ясно, что со стороны жены въ этомъ бракѣ будетъ избытокъ любви, т. е. матеріалъ для семейной драмы. Избытокъ любви возможенъ и со стороны мужчины, потому что въ немъ ровнѣе держится и дольше сохраняется потребность любви. Но вытекающія изъ этихъ общеизвѣстныхъ и легко объяснимыхъ фактовъ столкновенія, несмотря на весь свой драматизмъ, сравнительно очень просты. Благодаря избирательному характеру любви, благодаря тому, что она устремляется, несмотря на разныя препятствія, къ обладанію именно такимъ-то, а не инымъ лицомъ другаго пола—въ этой сферѣ явленій представляются комбинаціи, несравненно болѣе сложныя и труднѣе поддающіяся анализу. Въ интересахъ читателя однако выгоднѣе будетъ отложить на нѣсколько времени

ихъ разсмотрѣніе. Каковы бы они ни были, но и тѣ послѣдствія избытка любви, которыя мы видѣли до сихъ поръ, достаточно ярки. Посмотримъ теперь на причины этого избытка.

Причину постояннаго удлиненія дисгармоническихъ періодовъ г. Мечниковъ видитъ въ самомъ культурномъ развитіи, въ цивилизаціи. Въ частности онъ ссылается на слова Эскироля, что les progrès de la civilisation multiplient les fous, и на общее мнѣніе новѣйшихъ психіатровъ о связи сумасшествія съ культурой. Положеніе—достаточно неопредѣленное. Правда, г. Мечниковъ оговаривается, что онъ имѣетъ въ виду „только данныя формы развитія, не позволяя себѣ дѣлать болѣе обширныя обобщенія: изъ того, что европейскія цивилизаціи сопровождаются опредѣленными видоизмѣненіями семейной жизни, еще не слѣдуетъ, чтобы всякое вообще развитіе представляло тотъ же характеръ“. Но и европейская цивилизація представляетъ понятіе, все-таки настолько обширное, что пріуроченіе къ нему, какъ къ причинѣ, всѣхъ вышеупомянутыхъ печальныхъ явленій не говоритъ уму ничего опредѣленнаго. Необходимо ближайшее выясненіе тѣхъ элементовъ или тѣхъ сторонъ цивилизаціи, которыя вліяютъ на человѣка столь пагубнымъ образомъ. Г. Мечниковъ неоднократно подходитъ къ этому выясненію и все-таки ничего не выясняетъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что у первобытныхъ народовъ и въ низшихъ классахъ цивилизованныхъ націй запаздываніе браковъ, если и случается, то является почти исключительно слѣдствіемъ „матеріальныхъ мотивовъ“, именно—невозможности прокормить семью въ годы неурожая и голода. «На болѣе же высокихъ степеняхъ культурнаго развитія въ томъ же направленіи дѣйствуютъ другія причины и дѣйствуютъ притомъ съ несравненно бо́льшею силою». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что здѣсь «на первомъ планѣ должно быть поставлено умственное развитіе, неизбѣжно вносимое цивилизаціей», и поясняетъ дѣло такъ: «Тазовыя кости могутъ кончить свой ростъ въ 20 лѣтъ и наилучшимъ образомъ приспособиться къ рожанію дѣтей; тѣмъ не менѣе это обстоятельство ни мало не будетъ опредѣляющимъ моментомъ при

вступленіи въ бракъ большинства цивилизованныхъ дѣвушекъ, которыя руководствуются при этомъ иными мотивами, какъ напр. общественнымъ положеніемъ, репутаціей, богатствомъ и проч.» Но все это очевидно—такіе же «матеріальные мотивы», и умственное развитіе тутъ очевидно рѣшительно не причемъ. Наконецъ еще въ одномъ мѣстѣ онъ уже гораздо опредѣленнѣе говоритъ, что «къ числу причинъ, увеличивающихъ число душевныхъ болѣзней, нужно отнести общее усложненіе жизненныхъ условій культурныхъ народовъ». Но эта справедливая мысль не получаетъ ни дальнѣйшаго развитія, ни приложенія къ области половыхъ отношеній.

А между тѣмъ г. Мечниковъ былъ чрезвычайно близокъ къ истинѣ, задѣвалъ ее локтемъ, какъ говорятъ французы, и притомъ едва-ли не въ слабѣйшей части своего изслѣдованія, въ той именно, гдѣ онъ пытается установить пресловутый параллелизмъ явленій индивидуальной и общественной жизни и періодическій, циклическій характеръ цивилизаціи. Читатель знаетъ, что съ нашей точки зрѣнія вопросъ этотъ сводится къ борьбѣ за индивидуальность между человѣкомъ и обществомъ. Въ случаѣ побѣды послѣдняго, оно становится крѣпкою индивидуальною, недѣлимою единицею, подчиняя себѣ все сильнѣе и сильнѣе личность, которая низводится этимъ процессомъ на степень простаго подчиненнаго органа. Но, побѣждая такимъ образомъ личность и само обращаясь въ организмъ, общество подлежитъ уже всѣмъ условіямъ органической жизни. Какъ и всякій организмъ, оно должно имѣть свою молодость, зрѣлость, старость и наконецъ смерть. Такъ что съ этой стороны г. Мечниковъ, какъ и всѣ аналогисты, правъ. Но всѣ они упускаютъ изъ виду, что возможенъ и другой случай—болѣе или менѣе полной побѣды личности, причемъ общество, не превращаясь въ организмъ, практически окажется безсмертнымъ, т. е. смерть его уйдетъ въ совершенно для насъ недоступную даль. (Я разумѣю смерть естественную, изъ самой жизни вытекающую, а не насильственную, вслѣдствіе какихъ-нибудь ударовъ со стороны). Какъ бы то ни было, но вотъ именно та сторона цивилизаціи,

которую г. Мечниковъ имѣетъ право обвинять въ удлиненіи дисгармоническихъ періодовъ и во всѣхъ сопряженныхъ съ ними бѣдахъ и изъ которой вытекаетъ смерть государствъ, «народовъ», вообще—обществъ: пораженіе человѣческой индивидуальности. Само по себѣ, «общее усложненіе жизненныхъ условій культурныхъ народовъ» не могло бы вести напримѣръ къ приращенію количества сумасшествій. Бѣда въ томъ, что параллельно этому усложненію общественныхъ условій идетъ сравнительное оскудѣніе личной жизни. Кругъ потребностей личности все расширяется, цивилизація раскрываетъ передъ человѣкомъ все новыя обширныя и заманчивыя перспективы, но вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе этихъ потребностей становится несоразмѣрно затруднительнымъ вслѣдствіе пораженія личности. Въ человѣкѣ будится страшная жажда, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнимается сила доползти до ручья и зачерпнуть глотокъ воды. Онъ превращается въ туго натянутую струну, къ которой стоитъ только чуть-чуть прикоснуться, чтобы она издала, смотря по своимъ особенностямъ, то грозно-мрачный, то заунывно-жалобный звукъ. Читатель отчасти уже знаетъ, что я хочу сказать этими словами. Посмотримъ нѣсколько ближе, какъ отзывается это несоотвѣтствіе личныхъ силъ съ общественными условіями въ области половыхъ отношеній.

Въ статьѣ г. Потанина „Отъ Новочеркаска до Казани“ (въ казанскомъ сборникѣ «Первый шагъ“) находимъ нѣсколько фактовъ, чрезвычайно ярко характеризующихъ относительное положеніе мужчинъ и женщинъ у нашихъ крестьянъ—положеніе вполнѣ первобытное и нѣкогда несомнѣнно очень распространенное. Въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, по словамъ г. Потанина, есть вдовы, получающія надѣлъ, пашущія его сами и платящія за себя подати наравнѣ съ мужчинами; встрѣчаются даже дѣвицы-одиночки, получающія надѣлъ и платящія за себя подати. Кромѣ того, здѣсь попадаются женщины, которыя обстоятельствами вынуждены были вполнѣ перейти къ мужскому труду; такія женщины исполняютъ всѣ мужскія работы и за женскія не берутся вовсе, одѣваются въ

мужское платье, курятъ трубку и вообще усвоиваютъ мужскіе нравы. Женщины эти называются въ Никольскомъ уѣздѣ *полумужичьями*. Есть онѣ и въ Нижегородской губерніи. Такія превращенія образуются обыкновенно по желанію родителей. Если въ семьѣ родятся всѣ дѣвочки, то одну изъ нихъ назначаютъ къ мужскимъ работамъ. Ее и одѣваютъ мальчикомъ, и играетъ она съ мальчиками. Самое имя ея „умужеподобляется“: такъ напримѣръ Елизавета превращается въ Елисейку. Встрѣчается и обратное явленіе: въ семьяхъ, гдѣ нѣтъ дѣвицъ, а все—парни, одинъ изъ нихъ пріучается къ женскимъ работамъ. Въ Никольскомъ уѣздѣ можно встрѣтить на посидѣлкахъ парня, сидящаго съ прялкой. Такой парень прядетъ, ткетъ холстъ и обшиваетъ семью, какъ дѣвушка.

Эти любопытные факты не составляютъ, разумѣется, какой-нибудь спеціальной особенности нынѣшняго Никольскаго уѣзда. Риль («Die Familie») сообщаетъ нѣчто подобное, хотя и не столь выразительное, о нѣмецкихъ крестьянахъ. А что глубокая древность была переполнена подобными явленіями—это мы уже видѣли. Вообще было уже указано, что у первобытныхъ народовъ и въ низшихъ классахъ европейскихъ націй разница между представителями обоихъ половъ, сравнительно,—ничтожная. Многіе вторичные половые признаки развиты здѣсь еще до такой степени слабо, что, за исключеніемъ собственно половыхъ отношеній, мужчинѣ и женщинѣ не трудно помѣняться въ случаѣ надобности ролями. Это—истина общепринятая. Весь кругъ дѣятельности мужчины доступенъ женщинѣ и обратно. Сообразно этому, тотъ острый, всеувлекающій, такъ сказать, демоническій характеръ, которымъ отличается любовь цивилизованныхъ классовъ, въ крестьянскомъ быту, вообще говоря, не имѣетъ мѣста. Выборъ, исключительность любви, въ виду малаго отличія между мужчиной и женщиной и между самими женщинами, не можетъ играть очень видной роли. Я очень хорошо знаю, что правило это допускаетъ многочисленныя исключенія. Но дѣло въ томъ, что народная жизнь не представляетъ чего-нибудь вполнѣ сплошнаго: въ ней можно усмотрѣть множество

наслоеній, относящихся къ весьма различнымъ эпохамъ. И здѣсь я имѣю въ виду только слой древнѣйшій, но все-таки настолько живучій, что онъ и до нынѣ составляетъ едва-ли не общій фонъ картины народной жизни. „Я женёный“, говорятъ иногда крестьяне, вмѣсто «я женатъ». Въ этомъ характерномъ, энергическомъ словѣ „женёный“ и въ спокойномъ тонѣ простого заявленія факта, которымъ оно произносится, вы можете различить двѣ стороны. Безъ сомнѣнія личность самымъ возмутительнымъ образомъ давится, когда человѣка «женятъ». Собственная ли семья, или, какъ иногда бываетъ, цѣлое общество связываетъ судьбу двухъ людей, не имѣющихъ другъ къ другу опредѣленно выраженной склонности, но человѣческая индивидуальность здѣсь во всякомъ случаѣ подавлена. И повидимому паденіе ея тѣмъ сильнѣе, чѣмъ спокойнѣе принимаютъ люди рѣшающій ихъ судьбу приговоръ семьи или общества. Однако это не такъ, не всегда по крайней мѣрѣ такъ. Люди, склонные къ неблагодарному занятію уличеніемъ мужика въ грубости и въ отсутствіи человѣческаго достоинства, часто выставляютъ противъ него рядомъ такія два обвиненія: во-пёрвыхъ мужикъ—звѣрь: ему была бы баба, а какая—Марья или Дарья—это ему все равно; во-вторыхъ мужикъ—звѣрь: онъ женитъ своего сына или выдаетъ свою дочь, не справляясь съ ихъ собственной волей. Но очевидно, что первое обвиненіе совершенно уничтожаетъ второе. Какъ ни великъ бываетъ иногда деспотизмъ мужицкой семьи, но если парню дѣйствительно все равно—что Дарья, что Марья, то деспотизмъ перестаетъ быть деспотизмомъ съ точки зрѣнія выбора супруговъ. Онъ остается въ полной силѣ въ томъ только отношеніи, что парня, по разнымъ стороннимъ соображеніямъ, сплошь и рядомъ женятъ, когда онъ одинаково далекъ и отъ Дарьи, и отъ Марьи, или если дѣвку выдаютъ замужъ, когда она этого вообще не хочетъ. Но эта сторона семейной жизни насъ здѣсь пока не занимаетъ. Мы имѣемъ въ виду только собственно половыя отношенія и избирательный характеръ любви. Въ этомъ отношеніи деспотизмъ мужицкой семьи, какъ бы онъ ни былъ грубъ по

формѣ, ложится на личность несравненно меньшимъ гнётомъ, чѣмъ подобныя же явленія въ цивилизованныхъ классахъ. Активное или пассивное стѣсненіе свободы выбора въ дѣлѣ любви въ цивилизованныхъ классахъ, хотя бы облеченное въ сравнительно мягкія формы, есть настоящее звѣрство, чего отнюдь нельзя съ такимъ-же правомъ сказать о деспотизмѣ крестьянской семьи. Читателю станетъ это вполнѣ ясно, если онъ припомнитъ наше опредѣленіе любви. Любовь, какъ мы знаемъ, есть то выраженіе великаго закона органическаго развитія, въ силу котораго представители разныхъ половъ стремятся слиться въ одно цѣлое, какъ бы ища другъ въ другѣ свою дополнительную до единицы дробь. Изложеніе нѣкоторыхъ частныхъ проявленій этого закона, сдѣланное въ прошломъ очеркѣ, было отмѣчено въ одной газетѣ, какъ нѣчто совершенно непонятное. Полагаю, что господинъ отмѣтчикъ просто не прочиталъ статьи, а развернулъ ее на одной изъ послѣднихъ страницъ, которая, оторванная отъ всего предъидущаго, конечно могла показаться неясною. Тѣмъ не менѣе, желая быть по возможности для всѣхъ понятнымъ, я позволю себѣ прибѣгнуть, наглядности ради, къ довольно грубому способу изложенія. Мужчина есть, по естественному закону раздѣльнополаго существованія, не 1, а приблизительно—$^1/_2$; женщина, тоже приблизительно—$^1/_2$. Законъ развитія побуждаетъ эти двѣ половины тяготѣть другъ къ другу для образованія единицы. Въ этомъ и состоитъ любовь, никогда ненасытимая, потому что никогда недостигающая своей цѣли. Отсюда—всѣ разочарованія и вообще вся скорбная изнанка любовныхъ отношеній. Но чувство, само по себѣ чрезвычайно сильное, любовь, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ еще, такъ сказать, обостряться и достигать старшной, умъ помрачающей напряженности. Природа раздѣлила человѣка на двѣ приблизительно равныя половины—мужчину и женщину; но общество можетъ подвергнуть его и дальнѣйшему еще дробленію, что мы и видимъ въ блестящей исторіи европейскихъ націй и государствъ. Превращая человѣка въ подчиненный органъ, на обязанности котораго лежитъ

главнымъ образомъ одно какое-нибудь отправленіе, общество заглушаетъ въ немъ болѣе или менѣе значительную часть силъ и способностей. При этомъ человѣкъ, будучи уже отъ природы $1/_2$, обращается въ другую, мѣньшую дробь, напримѣръ $1/_3$. Эта одна треть человѣка нуждается уже не въ $1/_2$ для образованія единицы, а въ $^2/_3$. Такъ какъ жажда любви есть требованіе компенсаціи, уравновѣшенія односторонности, то любовь человѣка, формула жизни котораго выражается дробью $1/_3$, гораздо страстнѣе, напряженнѣе, безумнѣе, чѣмъ то установлено природой, а между тѣмъ еще менѣе подлежитъ удовлетворенію. Въ первобытномъ мірѣ, отчасти еще и въ нашемъ крестьянскомъ быту, Марья—такая же $1/_2$, какъ Дарья. Да и Иванъ, приблизительно, такая же $1/_2$, какъ Марья и Дарья. Поэтому чувство любви остается здѣсь приблизительно въ своихъ естественныхъ границахъ и кромѣ того не можетъ имѣть напряженно-избирательнаго характера. Цивилизованная же, напримѣръ дѣвушка, формула жизни которой есть $1/_3$, ищетъ мужчины, такъ сказать, равнаго $^2/_3$. Найти его чрезвычайно трудно, потому что кругомъ все дроби, мѣньшія $1/_2$, а вслѣдствіе этого оказывается уже не относительный только избытокъ любви, а абсолютный. Каковы бы однако ни были результаты вытекающихъ отсюда поисковъ дополнительной дроби, но ясно, что стѣсненіе свободы выбора есть въ этомъ случаѣ дѣйствительное варварство.

Очень хорошо понимая неудовлетворительность избраннаго мною пріема изложенія, думаю однако, что онъ лучше всякаго другаго можетъ выяснить занимающій насъ фактъ, а именно—что цивилизація (собственно та ея сторона, которая выражается побѣдой общества надъ личностью въ борьбѣ за индивидуальность) усиливаетъ потребность любви и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняетъ ея удовлетвореніе. Эта страшная и все растущая дисгармонія, обнимающая оба дисгармоническіе періода г. Мечникова и далеко оставляющая ихъ за собой, слѣдующимъ образомъ отражается на судьбѣ семьи. Семья есть ячейка и прототипъ всѣхъ общественныхъ индивидуальностей. Всѣ они или

непосредственно разростаются изъ семьи, какъ семейная община, задруга южныхъ славянъ, или представляютъ вторичныя образованія того же типа, или слагаются по типу спеціально братскихъ и, слѣдовательно, тоже семейныхъ отношеній. Но всѣ эти высшія общественныя индивидуальности выростаютъ изъ семьи первобытной, болѣе или менѣе сохранившейся и у нашихъ крестьянъ. Это разростаніе, эта творческая сила семьи возможна только тамъ и постольку, гдѣ и поскольку семья не уподобилась организму съ превращенными въ органы членами; гдѣ каждому изъ нихъ не отведена какая-нибудь одна функція, словомъ—гдѣ Елизавета и Елисейка могутъ во всякое время обмѣняться ролями. Это относится нетолько къ семьѣ, а и ко всякой общественной индивидуальности. Напримѣръ въ сербской задругѣ, несмотря на всѣ ея недостатки, творческая сила не изсякла и не изсякла единственно потому, что господарь ея есть лицо выборное, т. е. такое, которымъ можетъ сдѣлаться любой членъ общины, а не разъ навсегда опредѣленный органъ: сегодняшнія руки могутъ завтра же сдѣлаться головой и обратно. Этого рода явленія я и имѣлъ въ виду, говоря о практическомъ безсмертіи обществъ, не превращающихся въ организмъ. Точно также можетъ быть практически безсмертна и семья. Но въ случаѣ органическаго развитія ей, какъ и всякому организму, предстоитъ пройти ступени молодости, зрѣлости, старости и наконецъ умереть. Родительскія отношенія я все еще долженъ пока оставлять въ сторонѣ и прошу читателя представить себѣ семью, состоящую только изъ мужа и жены. Супружескія отношенія Елисейки и Елизаветы, если смотрѣть на семью, какъ на организмъ, представляютъ ея молодость. Съ органической точки зрѣнія это—даже еще не семья, а только зародышъ ея, въ которомъ еще не выяснилась строгая спеціализація органовъ. Но именно поэтому, такая семья можетъ дать начало другимъ общественнымъ индивидуальностямъ, на первый разъ напримѣръ хозяйственной единицѣ. Любовь этихъ супруговъ, какъ уже замѣчено, не выходитъ изъ своихъ естественныхъ предѣловъ, и потому, какъ ни грубы ихъ взаимныя ласки,

какъ ни дики Елисейка и Елизавета вообще, но семейной драмы здѣсь не предвидится: любовь удовлетворена настолько, насколько она вообще можетъ быть удовлетворена; ревность неизвѣстна да едва-ли часты и поводы къ ней. Возьмите мѣщанскую, мелкую дворянскую, чиновничью семью. Это—уже не молодость семьи: это по крайней мѣрѣ—ея зрѣлость. Роли органовъ опредѣлены уже весьма рѣзко: мужъ завѣдуетъ, такъ сказать, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, жена—министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Любовь имѣетъ уже болѣе романическій, болѣе напряженный характеръ. Мужъ и жена долго искали другъ друга, томились въ ожиданіи своей дополнительной дроби. Но такъ какъ требуемая дробь еще не Богъ знаетъ какъ велика, то можетъ быть они и нашли ее. Въ такомъ случаѣ они счастливы, а нѣтъ—такъ драма готова. Но вотъ положимъ слѣдующій же отпрыскъ этой семьи—потому ли, что свалилось какъ бы съ неба наслѣдство послѣ забытаго дяди, или потому, что отецъ занялъ высокое положеніе въ служебной іерархіи—поднимается на ступень выше средняго общественнаго уровня. Весьма вѣроятно, что эта новая, уже вполнѣ цивилизованная семья представитъ собою періодъ старости и разложенія, а тамъ не за горами ужь и смерть. Представимъ себѣ довольно повидимому благопріятныя условія. Мужъ занимается какой-нибудь либеральной профессіей, жена—изящная и довольно образованная женщина. Сошлись они по сильной взаимной любви, причемъ преодолѣли много препятствій. Но полюбили они другъ друга такъ страстно именно потому, что очень непохожи другъ на друга. Они искали своей дополняющей противоположности, чтобы слиться съ нею въ одно навѣки нераздѣльное цѣлое. Она, женственная и мягкая, искала мужественности и твердости, а онъ—женственности. Нашли ли они то, чего искали? Если нашли, они счастливы. Но въ высокой степени вѣроятно, что этого не случилось. Въ высокой степени вѣроятно, что жена, хотя и уважающая либеральную профессію своего мужа, но совершенно ей всё-таки чуждая, начинаетъ скоро тяготиться тѣми привычками, тѣмъ строемъ мысли и чувствъ, которыя онъ, цѣ-

ликомъ отдавшись своей профессіи, переноситъ изъ нея и въ домашнюю жизнь: онъ—слишкомъ профессоръ, слишкомъ адвокатъ, слишкомъ писатель, слишкомъ чиновникъ. Не того жаждала ея душа; ей неясно, но заманчиво грезилось что-то большее. Она искала человѣка и нашла такую маленькую дробь, которая кажется тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ сильнѣе влекло ея нѣкогда къ этому человѣку. Разочарованіе, новая любовь, новое разочарованіе, ревность... Читатель знаетъ конецъ этой исторіи, слишкомъ обыкновенной и слишкомъ нерѣдко обрывающейся даже кровавымъ финаломъ. Я хотѣлъ бы подчеркнуть только слѣдующее. Во-первыхъ, если жена въ этой исторіи такъ напряженно любитъ и такъ ужасно разочаровывается, то только потому, что и сама она есть маленькая до ничтожества дробь человѣка. Только поэтому ей и нужно что-то крупное, что-то превышающее естественную норму—1/2. Во-вторыхъ въ разсказанной примѣрной исторіи совершился послѣдній актъ существованія семьи, какъ организма. Изъ семьи, въ которой мужъ и жена строго подѣлили между собой функціи, гдѣ, какъ говорится въ какой-то французской комедіи, la caisse a été donné à l'homme,pour être vidé par la femme, или инымъ какимъ-нибудь способомъ, но рѣзко подѣляются права и обязанности супруговъ, гдѣ они, будучи чужды другъ другу, все-таки остаются связанными—изъ такой семьи выдохлась творческая сила. Никакой высшей общественной индивидуальности она породить не можетъ. Семья умерла, свершивъ весь кругъ органическаго развитія. Такъ умерла она въ высшихъ классахъ европейскихъ націй.

Я вовсе конечно не утверждаю, что счастливыхъ браковъ нѣтъ или что они невозможны. Они есть. И въ такомъ случаѣ они представляютъ удачный подборъ двухъ дополняющихъ одна другую дробей. Не утверждаю я также, чтобы несчастные браки, равно какъ и вся обоюдоострая прелесть любви, составляли исключительную принадлежность высшихъ классовъ. Эти явленія тамъ безъ сомнѣнія ярче, сильнѣе, потому что эти классы сильнѣе захватываются волной цивилизаціи, которая даетъ

имъ вдобавокъ, въ особенности женщинѣ, столько досуга, что потребность любви не отвлекается дѣятельностью, не заглушается работой. Неустанная работа жены какого-нибудь фабричнаго, превращеннаго въ ходячій рабочій инструментъ и слѣдовательно тоже представляющаго весьма малую дробь человѣка, много пріостанавливаетъ развитіе семейныхъ драмъ въ этомъ быту. Неустанная работа русской крестьянки тоже конечно много помагала ей сносить ея три страшныя доли: «съ рабомъ повѣнчаться», «до гроба рабу покоряться» и «быть матерью сына раба». Тѣмъ не менѣе бываютъ тревожные историческіе моменты, когда все общество отъ верхняго края до нижняго чувствуетъ на себѣ тяжесть несоразмѣрности жажды любви съ условіями ея удовлетворенія. Надъ низшими классами она можетъ нависнуть, кромѣ вышеописаннаго пути, еще въ видѣ закона Мальтуса, т. е. въ видѣ простой невозможности, по чисто матеріальнымъ причинамъ, удовлетворять потребности любви. Здѣсь замѣчу только, что мальтузіанская дилемма — хлѣбъ или любовь—имѣетъ свой корень въ томъ же процессѣ развитія общества по органическому типу, т. е. въ побѣдѣ общества надъ личностью. Отсюда же вытекаютъ и многія другія несоразмѣрности все усиливающейся потребности съ все убывающей возможностью ея удовлетворенія. Въ предлагаемыхъ очеркахъ была уже рѣчь объ одной такой несоразмѣрности въ жаждѣ пріобрѣтенія, наживы. Въ прежнихъ статьяхъ я имѣлъ случай прослѣдить ту же несоразмѣрность къ жаждѣ знанія. Впослѣдствіи мы увидимъ и еще нѣкоторые подобные случаи. Когда всѣ эти многоразличныя несоразмѣрности достигаютъ извѣстной, значительной степени напряженности, въ обществѣ появляются два чрезвычайно любопытные типа, которые я назову вольницей и подвижниками. Это—отщепенцы, протестанты. Протестуютъ они двумя совершенно различными, но все-таки родственными между собою и часто другъ въ друга переходящими способами. Вольница представляетъ протестъ воинствующій, активный, подвижники—протестъ мирный, пассивный. И тѣ, и другіе порываютъ всякія связи съ обществомъ. При этомъ воль-

ница идетъ на проломъ и старается смести всѣ препятствія, лежащія между потребностью и ея удовлетвореніемъ, а это иногда равняется попыткѣ смести весь установившійся общественный строй. Вольница звонитъ во вся и часто цѣлымъ рядомъ страшныхъ насилій и убійствъ пытается уничтожить все, что мѣшаетъ ей жить такъ, какъ она хочетъ. Въ большей части случаевъ она становится подъ знамя и борется во имя старины—той старины, которая еще не знала несоразмѣрности силы потребности съ условіями ея удовлетворенія. Иной путь избираютъ подвижники. Они прямо и просто стараются заглушить въ себѣ тѣ потребности, напряженность которыхъ такъ тяжело отзывается на личности за невозможностью удовлетворенія. Изъ общества, которое не дало имъ ничего, кромѣ муки, подвижники уходятъ въ лѣса и пустыни и тамъ либо живутъ совсѣмъ одиноко, умерщвляя, какъ они говорятъ, плоть свою, либо основываютъ общежитія аскетическаго характера. Несмотря на совершенную противоположность стремленій, вольницы и подвижниковъ, они во многихъ отношеніяхъ очень близки между собою. Во-первыхъ съ извѣстной точки зрѣнія почти безразлично—уменьшать-ли число потребностей или напротивъ расширять ихъ подъ условіемъ удовлетворенія. Если человѣкъ довелъ свои потребности до послѣдняго minimum'a, онъ тоже удовлетворенъ. Во-вторыхъ исторически вольница и подвижники—родные братья. Ихъ протестъ, ихъ отрицаніе направлены противъ однихъ и тѣхъ же явленій, одинаково имъ ненавистныхъ, и появляются они поэтому всегда вмѣстѣ, рука объ руку, на аренѣ исторіи. Наконецъ въ третьихъ и вольница, и подвижники одинаково неспособны протестовать прямо отъ лица поруганной и раздавленной историческимъ процессомъ личности. Подвижникамъ всегда нужна религіозная санкція ихъ подвиговъ. Что же касается вольницы, то и она ищетъ отчасти той-же религіозной, отчасти весьма своеобразной политической санкціи: еврейская вольница группировалась около лже-мессій, во множествѣ появлявшихся до и послѣ Іисуса Христа, причемъ лже-мессіи иногда ограничивались чисто религіозною про-

повѣдью (которая составляла духовный хлѣбъ насущный подвижниковъ), а иногда бросались въ проповѣдь политическую, самозванно объявляя себя политическими царями іудейскими; русская вольница, въ крупнѣйшихъ эпизодахъ своей исторіи, выдвинула самозванство императорское. Но опять-таки это самозванство было настолько проникнуто религіозными элементами, что тотъ же императоръ Петръ III, которымъ прикрывался Пугачевъ, а у скопцовъ (подвижниковъ) Селивановъ, въ послѣднемъ случаѣ обращается даже въ Бога Саваоѳа. Весьма часто случалось, что одна и таже личность, побывавъ временно въ рядахъ подвижниковъ, переходитъ затѣмъ въ ряды вольницы и наоборотъ. Какъ увидимъ, эта родственность вольницы и подвижниковъ, несмотря на противоположность ихъ отношеній къ жизни, представляетъ едва-ли не любопытнѣйшія страницы исторіи народной жизни.

Половыя отношенія имѣютъ свою спеціальную вольницу и своихъ спеціальныхъ подвижниковъ. Читатель уже знаетъ, что древнѣйшая форма супружескихъ отношеній представляетъ то, что называется гетеризмомъ, т. е. полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было брачныхъ нормъ, доходящее до чисто животныхъ отношеній, но ужь конечно не устанавливающее перегородокъ между потребностью и ея удовлетвореніемъ. Это-то древнѣйшее обычное право становится подъ защиту извѣстныхъ божествъ и вмѣстѣ обращается въ знамя вольницы. Сюда относятся напримѣръ въ русской народной жизни всѣ тѣ «игрища межю селъ», о которыхъ повѣствуетъ лѣтописецъ, всѣ тѣ празднества Купалы и Ярилы, съ необузданностью которыхъ такъ долго боролся христіанскій идеалъ. Въ извѣстное время народъ (или извѣстная часть его) считалъ, считаетъ отчасти и до сихъ поръ себя вправѣ открыто разрывать всѣ установленныя позднѣйшимъ историческимъ процессомъ іерархическія узы и удовлетворять требованія своей природы самымъ необузданнымъ образомъ, не стѣсняясь никакими нормами. Въ другихъ случаяхъ слагается даже болѣе или менѣе постоянный персоналъ вольницы любви, преимущественно изъ женщинъ, который

занимается тѣмъ, что историки называютъ религіозной проституціей. Такія жрицы несвязанныя никакими узами любви во множествѣ жили при храмахъ нѣкоторыхъ азіатскихъ божествъ. Наконецъ въ лицѣ греческихъ гетеръ эта вольница достигаетъ весьма высокаго уровня развитія и получаетъ на изящной почвѣ Аттики даже чрезвычайно изящный характеръ. Гетеры также находились подъ покровительствомъ божества. Сама Афродита почиталась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ именемъ Афродиты-Гетеры. Солонъ построилъ ей храмъ на деньги, собранныя въ видѣ налога на публичныхъ женщинъ. Въ Коринѳѣ послѣднія были настоящими жрицами Афродиты. Не иначе какъ черезъ нихъ обращались коринѳяне къ богинѣ съ мольбами, даже въ чрезвычайно важныхъ случаяхъ, какъ было напримѣръ во время персидскихъ войнъ. Въ Ѳессаліи женщины должны были построить Афродитѣ храмъ въ искупленіе своей тяжкой вины передъ богиней: они убили изъ ревности гетеру Лаису. Но и независимо отъ религіозной санкціи, гетеры занимали въ обществѣ очень своеобразное, но во всякомъ случаѣ высокое положеніе. Онѣ ни мало не походили на нынѣшнихъ проститутокъ даже высшаго ранга. Конечно не всякой гетерѣ выпадала на долю блестящая судьба Аспазіи, Лаисы, Фрины или Кратины, но вѣрно то, что она не выпадала ни одной законной женѣ. Лучшая жена та, объ которой нѣтъ ни дурной, ни хорошей молвы, говоритъ Ѳукидидъ; но эта скромность и замкнутость требовалась только отъ женъ и всего менѣе отъ гетеръ. Строго запертая въ небольшой кругъ домашней жизни, находясь въ постоянной зависимости сначала отъ родителей, потомъ отъ мужа и въ случаѣ вдовства отъ сыновей, не смѣя принимать мужчинъ и даже присутствовать за обѣдомъ при мужчинахъ—законная жена не могла удовлетворить потребности любви своего мужа, столь склоннаго къ общественной жизни, къ наслажденію искусствомъ и философскою мыслью. Гетера, «единственная свободная женщина въ Аѳинахъ», какъ говоритъ Лекки, была совсѣмъ въ иномъ положеніи. Въ постоянномъ общеніи съ геніальнѣйшими представителями Греціи, каковы Сократъ, Пе-

риклъ, Фидій, Апеллесъ, она пріобрѣтала широкій кругъ умственныхъ интересовъ. Аспазія, говорятъ, сочиняла нѣкоторыя изъ знаменитыхъ рѣчей Перикла; въ одномъ изъ разговоровъ Платона («Пиршество»), гетера Діотима является учительницей Сократа, гетера Леонтина была усердной прозелиткой ученія Эпикура и проч. Немудрено, что при такихъ условіяхъ энергичнѣйшія женщины предпочитали семьѣ ряды этой блестящей вольницы. Тамъ ихъ естественная потребность любви значительно утрачивала свой жгучій, острый характеръ, потому что дробь, выражающая формулу ихъ жизни, увеличивалась, насколько онѣ причащались общественнымъ, умственнымъ и эстетическимъ интересамъ. А между тѣмъ удовлетвореніе этой, смягченной уже самой по себѣ, потребности облегчалось.

Нѣчто въ этомъ родѣ сообщается относительно нашихъ новыхъ среднеазіатскихъ владѣній въ разсказѣ г. Каразина «Акъ-Томакъ». Самъ по себѣ, разсказъ, представляя помѣсь этнографіи съ беллетристикой въ совершенно незаконной пропорціи, не имѣетъ никакой цѣны. Но тамъ приводится одна несомнѣнно подлинная сатирическая пѣсня (г. Каразинъ любезно и очень благоразумно сообщаетъ имя переводчика), въ которой женщина осмѣиваетъ жизнь гаремныхъ затворницъ, сравнивая ихъ съ курами, а владыку ихъ съ пѣтухомъ. Рядомъ выставляется въ привлекательныхъ краскахъ судьба вольной «красной курицы», т. е. лица, отъ имени котораго поется пѣсня—аѳинской гетеры въ ташкентскомъ вкусѣ.

Такъ-то устраиваетъ свое положеніе вольница любви, то въ грубыхъ и грязныхъ, то въ изящныхъ формахъ, такъ или иначе разрубая для себя лично узелъ несоразмѣрности жажды любви съ условіями ея удовлетворенія. Противоположнымъ образомъ разрубается онъ подвижниками. Рекомендованное Мальтусомъ нравственное самообузданіе отнюдь не можетъ обратиться въ общее правило, но въ извѣстныя эпохи къ нему устремляется чрезвычайно большое число людей. Вдругъ поднимается гоненіе на любовь, не на распущенность—нѣтъ: «топоръ дѣвственности» начинаетъ внезапно, по выраженію одного католическаго

святого, безпощадно «рубить лѣсъ брака» въ самыхъ даже строгихъ его формахъ. Всякія половыя отношенія объявляются грѣховными, и хотя разумѣется на дѣлѣ такое воздержаніе не для всѣхъ писано, однако все-таки практикуется въ поразительной степени. Самое поразительное въ этихъ явленіяхъ есть впрочемъ ихъ періодичность. Гоненіе на любовь захватываетъ, какъ бурный вихрь, цѣлыя массы мужчинъ и женщинъ черезъ нѣсколько времени остываетъ или по крайней мѣрѣ ниспадаетъ до степени формальнаго только исповѣдыванія принципа безбрачія. Удовлетворительнаго объясненія этихъ фактовъ мнѣ не случалось нигдѣ встрѣтить, между тѣмъ какъ оно напрашивается само собой. Кажется прежде всего должно бы было придти въ голову, что такое массовое отреченіе отъ любви возможно только тамъ и тогда, гдѣ и когда любовь даетъ больше страданій, чѣмъ наслажденій. Дѣйствительно, когда, вслѣдствіе выше объясненной несоразмѣрности, любовь оказывается неудовлетворимой и несетъ съ собой только муки разочарованія и жгучее чувство неудовлетворенія, тогда для натуръ глубокихъ, но пассивныхъ и не годящихся въ буйные ряды вольницы, остается только одинъ исходъ—задавить въ себѣ порывъ любви. А затѣмъ санкція является уже сама собой, прикрывая помимо нея совершившійся фактъ.

Ближайшее разсмотрѣніе этихъ явленій я долженъ отложить до спеціальной главы о вольницѣ и подвижникахъ, потому что послѣдніе бѣгутъ въ лѣса и пустыни нетолько отъ любви, а и отъ многихъ другихъ потребностей. Но одинъ, наиболѣе поразительный изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ такого всеотреченія я считаю удобнымъ привести теперь же. Примѣръ этотъ поразителенъ почти до невѣроятности. Дѣло идетъ объ іогинахъ, индусскихъ факирахъ. Свѣдѣнія объ нихъ извѣстный физіологъ Прейеръ («Изслѣдованіе жизни») заимствуетъ изъ сочиненія Пауля. «Treatise on the Yoga Philosophy» (Benares, 1851)—свѣдѣнія, подтверждаемыя многими достовѣрными свидѣтелями. Іогины позволяютъ себя заживо хоронить на нѣсколько недѣль и по истеченіи этого времени, проведеннаго безъ воздуха, воды,

пищи и свѣта, возвращаются къ жизни. Прейеръ полагаетъ, что это—летаргія, похожая на зимнюю спячку млекопитающихъ, но окончательнаго мнѣнія не высказываетъ, да намъ оно пожалуй не нужно. Для насъ интересны причины, побуждающія іогиновъ заживо хорониться, и условія, при которыхъ подобныя вещи могутъ происходить. Іогины длиннымъ рядомъ самоистязаній пріучаются къ полному отреченію отъ воздуха, свѣта, воды, пищи. Кромѣ общихъ аскетическихъ правилъ полнаго цѣломудрія и крайней умѣренности въ пищѣ, вотъ нѣкоторыя особенныя упражненія іогиновъ. Они беззвучно произносятъ мистическое слово «омъ» 12,000 разъ въ день. Частое повтореніе слова омъ, равно какъ и мистическихъ словъ согамъ, бамъ, ламъ, рамъ, іамъ, хамъ, наводитъ сонъ. Такіе слоги должны быть неслышно произнесены іогиномъ 600 и даже 6,000 разъ подрядъ. Затѣмъ, произносить 6,000 разъ слогъ дамъ и 9 подобныхъ. Затѣмъ «амъ». Послѣ того, 15 другихъ слоговъ 6,000 разъ. Затѣмъ произнести также неслышно «гамза» (мистическое слово, имѣющее много различныхъ значеній) 2,000 разъ. Далѣе іогинъ обязанъ пребывать три часа въ такомъ положеніи: лѣвая пятка находится подъ заднею частью, правая надъ половыми частями; при другомъ положеніи лѣвая нога лежитъ на правой ляшкѣ, а правая—на лѣвой. При этомъ правая рука должна держать большой палецъ правой ноги, лѣвая—большой палецъ лѣвой ноги (руки перекрещиваются въ это время за спиной). Стоять вертикально на головѣ. Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ упражняться ежедневно по четыре раза по 48 минутъ слѣдующимъ образомъ: вдыхать черезъ лѣвую ноздрю, ввести воздухъ въ желудокъ глотаніемъ; придерживать дыханіе и выдыхать затѣмъ черезъ лѣвую ноздрю. Затѣмъ—тоже самое съ перемѣною ноздри. Приэтомъ задерживать дыханіе дольше и проглатывать все больше воздуху. Каждый іогинъ дѣлаетъ 24 надрѣза въ подъязычной уздечкѣ, черезъ каждые 8 дней по одной. Послѣ каждаго надрѣза онъ третъ языкъ два раза въ сутки, предпринимая съ нимъ движенія какъ бы при доеніи, употребляя при этомъ вяжущія, маслянистыя и соленыя веще-

ства. Достаточно растянувъ языкъ, онъ заворачиваетъ его назадъ и пріучается закрывать гортанное отверстіе кончикомъ языка, которымъ отодвигаетъ назадъ язычекъ. При этомъ легкія и желудокъ наполняются воздухомъ, а всѣ отверстія тѣла законопачиваются воскомъ и ватой. И т. д., и т. д. Прейеръ приводитъ 41 упражненіе въ этомъ родѣ. Этимъ способомъ іогины доходятъ наконецъ до такой нечувствительности къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и ко всякаго рода лишеніямъ, что могутъ пролежать въ землѣ нѣсколько недѣль. Прейеръ полагаетъ, что они при этомъ движутся «религіозными причинами». Но это очевидно не объясняніе. Это значитъ только, что, совершая свои замысловатыя безобразія, іогины думаютъ, что дѣлаютъ нѣчто богоугодное. Но вопросъ въ томъ, какъ могло сложиться такое вѣрованіе. Оно вѣдь не съ неба свалилось. Очевидно какимъ-нибудь долгимъ путемъ страшныхъ страданій пришли эти люди къ необходимости закупориться отъ всего міра, отречься отъ всѣхъ элементарнѣйшихъ радостей жизни и заглушить въ себѣ потребность свѣта, пищи, любви, даже дыханія. Только глубоко несчастному, окончательно забитому или разбитому жизнью человѣку, можетъ придти дикая фантазія держать по цѣлымъ часамъ пальцы ногъ въ рукахъ, твердить десятки тысячъ разъ омъ, дамъ, бамъ, ламъ и затыкать глотку собственнымъ языкомъ. Только тотъ, кому опостылѣло даже солнце красное, можетъ такъ систематически увѣчить себя. Съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность, вопросъ разрѣшается очень просто, если вспомнить, что іогины, какъ и понятіе нирваны, т. е. блаженства небытія (нынѣ возобновляемое въ Германіи), суть продукты Индіи, той самой Индіи, которая представляетъ безпримѣрную въ исторіи рѣзкость кастоваго общественнаго строя. Каста есть ни что иное, какъ строго обособленный, спеціализированный, законченный органъ общественнаго организма. Это—случай полной побѣды общества надъ личностью. Кругъ дѣятельности члена касты обведенъ крайне узкою рамкой; въ немъ придавлено множество естественныхъ функцій; дробь, выражающая формулу его жизни, по истинѣ ничтожна. Отсюда

опять-таки—полная несоразмѣрность между силой потребностей и условіями ихъ удовлетворенія. А затѣмъ являются во-первыхъ вольница (она была и въ Индіи), стремящаяся сбросить съ себя ярмо касты, и во-вторыхъ подвижники, стремящіеся задавить самыя потребности. И тѣ, и другіе борятся за индивидуальность, за независимость. Но одни направляютъ свою борьбу на внѣшній міръ, чтобы его примѣнить къ своимъ ненаходящимъ удовлетворенія потребностямъ; другіе ведутъ борьбу сами съ собой и мечтаютъ добыть себѣ независимость отрицательнымъ путемъ въ блаженствѣ небытія или по крайней мѣрѣ въ доведеніи своихъ потребностей до послѣдняго minimum'а.

Изъ примѣра іогиновъ читатель самъ можетъ видѣть, какъ трудно выдѣлить подвижничество любви изъ общей совокупности подвижничества. Потому мы пока на этомъ и остановимся. Я хотѣлъ бы только подтвердить для частной области половыхъ отношеній общее замѣчаніе о родственности вольницы и подвижниковъ. Всѣмъ извѣстны примѣры крайнихъ распутниковъ и распутницъ, внезапно переходившихъ въ ряды подвижниковъ любви. Далѣе, самыя оргіастическія празднества древнихъ (въ особенности у средне-азіатскихъ народовъ), при которыхъ царила полнѣйшая распущенность, сопровождались иногда самооскопленіемъ, т. е. добровольнымъ отреченіемъ отъ половыхъ сношеній. Наконецъ исторія русскихъ сектъ представляетъ примѣры, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе замѣчательные. Купецъ Чуркинъ, совращенный въ прошломъ столѣтіи въ хлыстовскую ересь, показывалъ, что совратитель (Трофимовъ), заведя съ нимъ однажды бесѣду о разныхъ предметахъ вѣры, доказывалъ между прочимъ, что бракъ есть блудъ и не угоденъ Богу. Чуркинъ возражалъ, что бракъ необходимъ, иначе родъ человѣческій прекратится. Трофимовъ досталъ старую книгу и показалъ въ ней Чуркину слѣдующія строки: «Егда-бъ Адамъ не прельщенъ былъ чрезъ діавола отъ Евы и не вкусилъ бы яблока, то-бъ и безъ совокупленія родъ человѣческій могъ произойти и умножиться рожденіемъ отъ земли, яко и Адамъ объявился». Этотъ аргументъ поразилъ Чуркина

и вообще онъ сталъ сдаваться. Тогда Трофимовъ повелъ его къ «богородицѣ», которая такъ сообщила profession de foi секты: «По Божьему жить, нужно вина и пива не пить, на свадьбы и крестины не ходить, холостому не жениться, женатому разжениться». Когда же впослѣдствіи, уже по вступленіи въ секту, Чуркинъ выразилъ сомнѣніе насчетъ возможности прожить безъ плотской любви, «богородица» его успокоила: «Господь Богъ, по неизрѣченной милости, снисходитъ къ слабостямъ бреннаго человѣка. Да и то не есть блудъ, когда братъ съ сестрой по взаимной склонности имѣютъ плотскую любовь, а блудъ и скверна есть бракъ законный, яко противный Господу». (Реутскій. „Люди Божьи и скопцы"). Что между нашими сектантами были обманщики и всякаго рода недобросовѣстные люди—это конечно несомнѣнно. Но что масса, какъ и всякая движущаяся масса, была глубоко искренна и наивно вѣрующа—въ этомъ можно еще меньше сомнѣваться. Огромное большинство хлыстовъ, которому было не до софизмовъ, совершенно искренно не видѣло разницы между необузданною свободою половыхъ отношеній даже до свальнаго грѣха и полнымъ воздержаніемъ. Они колебались между тѣмъ и другимъ въ своемъ инстинктивномъ стремленіи свергнуть демона любви съ его неестественнаго престола. Полная искренность этого стремленія фактически доказана отпрыскомъ хлыстовщины—скопчествомъ.

Читатель разумѣется не заподозритъ меня въ положительномъ сочувствіи къ вольницѣ и подвижникамъ любви. Наиболѣе привлекательный типъ этой вольницы—гетеры—во всякомъ случаѣ торговали своей любовью и, наживая иногда колоссальныя богатства, раззоряли народъ. Что же касается іогиновъ или скопцовъ, то здравомыслящаго и желающаго жить человѣка ихъ примѣръ конечно не прельститъ. Несмотря на весь радикализмъ рѣшеній вопроса, осуществленныхъ гетерами съ одной стороны, іогинами—съ другой, онъ нимало не измѣнялъ общаго положенія дѣлъ. Жалкое прозябаніе законныхъ женъ аѳинянъ составляло необходимое условіе процвѣтанія ге-

теръ, а представить себѣ цѣлый народъ іогиновъ невозможно. Поэтому именно разрѣшая затрудненіе лично для себя, и вольница, и подвижники любви были все-таки безсильны внести протестъ непосредственно отъ своей личности и прикрывались тою санкціей, которая многими ошибочно принимается за самую причину появленія вольницы и въ особенности подвижниковъ. Возможно иначе и притомъ не разрубить, а развязать узелъ. Для выясненія этого пути мы должны обратиться къ анализу отношеній между индивидуальностью и половою дѣятельностью. При этомъ то, что было выше выражено грубымъ образомъ, при помощи дробей, получитъ болѣе научное освѣщеніе. Сначала намъ придется опредѣлить отношеніе индивидуальности къ плодовитости, потому что въ такомъ именно направленіи до сихъ поръ собирался и групировался необходимый для насъ научный матеріалъ. Антагонизмъ индивидуальности и плодовитости составляетъ уже безспорную истину. Въ изложеніи ея я буду слѣдовать Спенсеру („Основанія біологіи“).

Одноклѣточныя растенія, размножающіяся безполовымъ генезисомъ, обыкновенно и микроскопически малы, и чрезвычайно плодовиты. Такъ нѣкоторыя водоросли размножаются такъ быстро, что „почти мгновенно“ покрываютъ пруды непрозрачною зеленью. Двураздѣлка, по приблизительному разсчету Смита, можетъ произвести въ мѣсяцъ потомство, равное тѣсячѣ мильоновъ особей. „Если мы допустимъ, что весьма вѣроятно, что молодой Gonium можетъ развиться дѣленіемъ въ двадцать четыре часа; то при благопріятныхъ условіяхъ одна колонія дастъ на слѣдующій день начало 16, на третій 256, на четвертый 4,096, по истеченіи же недѣли—268.435,456 подобныхъ ей организмамъ“. Такую же и даже еще болѣе изумительную плодовитость встрѣчаемъ у низшихъ животныхъ. „Еслибы всѣ ея потомки выживали и продолжали сами дѣлиться, то какая-нибудь одна Paramecium была бы способна дать такимъ образомъ начало 268 милліонамъ особей въ теченіе одного мѣсяца. И это еще не наибольшая извѣстная намъ плодовитость; есть еще одно малень-

кое животное, видимое только при сильномъ увеличеніи, о которомъ вычислено, что оно даетъ въ четыре дня начало 170 билліонамъ. И всегда эта громадная размножаемость сопровождается столь крайнею мелкотой, что порою въ одной каплѣ воды содержится столько особей иного вида, сколько людей на всей земной поверхности!“ Поднимаясь къ существамъ болѣе крупнымъ, мы замѣчаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ постепенное уменьшеніе плодовитости. И тоже самое видимъ въ половомъ генезисѣ: если вычесть постороннія обстоятельства, затемняющія ясность результата, каковы степень подвижности сравниваемыхъ существъ, степень сложности ихъ строенія, то въ большинствѣ случаевъ антагонизмъ между ростомъ и половымъ генезисомъ не подлежитъ сомнѣнію. Та же истина можетъ быть прослѣжена и въ исторіи каждаго отдѣльнаго животнаго и растенія. Пока индивидъ продолжаетъ рости, онъ или вовсе не производитъ потомства, или производитъ потомство малочисленное и слабое. Возрастаніе родительскаго индивида такъ или иначе задерживаетъ стремленіе организма производить новыя особи и обратно генетическая дѣятельность задерживаетъ дальнѣйшее возростаніе. Переходя къ антагонизму между генезизомъ и развитіемъ, т. е. степенью сложности строенія мы встрѣчаемъ общее правило, уже упомянутое въ двухъ первыхъ нашихъ очеркахъ. Вотъ какъ формулируетъ его Спенсеръ: „чѣмъ больше и полнѣе дифференцируется органическая масса, тѣмъ меньшая доля ея остается въ томъ, сравнительно недифференцированномъ состояніи, при которомъ возможно преобразованіе вещества въ новыя особи или въ зародыши особей. Протоплазма, однажды обратившись въ спеціализированную ткань, не можетъ снова обобщиться и потомъ преобразоваться во что-нибудь иное; а потому прогрессъ строенія въ организмѣ, уменьшая количество вещества, не обладающаго строеніемъ, этимъ самымъ уменьшаетъ запасъ вещества, пригоднаго для выработки потомства“. Впрочемъ въ конкретныхъ случаяхъ это отвлеченное правило, осложняясь посторонними вліяніями, не такъ легко поддается провѣркѣ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ антагонизмѣ между

тратою на индивидуальныя потребности, преимущественно на поддержаніе теплоты и передвиженіе съ одной стороны, и плодовитостью съ другой. Можно однако привести нѣсколько очень убѣдительныхъ примѣровъ. Сравнивая птицъ съ млекопитающими и выбирая при этомъ въ томъ и другомъ классѣ животныхъ приблизительно одинаковаго размѣра и питающихся одинаковою пищею (напримѣръ хищныхъ птицъ и звѣрей приблизительно одинаковаго размѣра), мы увидимъ, что птицы вообще менѣе плодовиты, чѣмъ млекопитающія. Это объясняется тѣмъ, что птицы, расходуя много на поддержаніе себя на воздухѣ и быстрое передвиженіе, оставляютъ сравнительно мало вещества на образованіе новаго поколѣнія. Затѣмъ и въ томъ, и въ другомъ классѣ могутъ быть проведены подобныя же частныя параллели: сравнивая напримѣръ плодовитость относительно малодѣятельныхъ куриныхъ съ другими птицами, равными по объему и питающихся такою же пищею, но ведущихъ болѣе дѣятельный образъ жизни. Или напримѣръ сравните плодовитость кролика и зайца. Эти два вида очень близки, питаются одинаковою пищею, но болѣе дѣятельный заяцъ приноситъ 2—5 дѣтенышей въ пометѣ, а кроликъ 5—8. Рукокрылыя и грызуны очень сходны по внутреннему строенію, но если мы будемъ сравнивать близкихъ по размѣрамъ—обыкновенную мышь и летучую мышь, то увидимъ, что первая приноситъ до 10 и даже до 12 дѣтенышей заразъ, а летучая мышь—только одного. Такимъ образомъ жизненный расходъ индивида, выражающійся въ тратахъ на поддержку массы тѣла, на тонкости строенія и на передвиженіе, обратно пропорціоналенъ плодовитости или генетической дѣятельности. Чѣмъ больше расходуетъ индивидъ на себя, тѣмъ меньше можетъ онъ расходовать на расу, на новыя поколѣнія. Это отношеніе должно, кромѣ расхода, обусловливаться еще доходомъ, который сводится главнымъ образомъ къ питанію. Избытокъ питательнаго вещества, остающійся за удовлетвореніемъ индивидуальнаго роста, развитія и ежедневнаго потребленія, служитъ мѣриломъ силы размноженія. Ясно, что при обильномъ

питаніи этотъ избытокъ больше а слѣдовательно—больше и сила размноженія.

Само собою разумѣется, что статьи прихода и расхода личной жизни могутъ комбинироваться крайне разнообразно. Изъ числа этихъ комбинацій Спенсеръ выдѣляетъ въ особую главу нѣкоторые, крайне любопытные случаи. Сюда относятся во-первыхъ паразиты. Неподвижность, бездѣятельный образъ жизни паразитовъ и обиліе пищи, всегда готовой, дѣлаютъ ихъ размножаемость по истинѣ изумительною. Такъ у нѣкоторыхъ мягкокожихъ ракообразныхъ, живущихъ на водныхъ животныхъ, органы плодоразвитія и ихъ содержимое достигаютъ иногда объема въ восемь и десять разъ большаго, чѣмъ остальная часть тѣла. Во внутренностныхъ эти отношенія еще поразительнѣе. Такъ въ зрѣлой самкѣ аскариды человѣческой заключается до 64,000,000 яичекъ. «Погруженный весь въ питательную жидкость, которую онъ поглощаетъ своей оболочкой, лентецъ не нуждается въ пищеварительномъ аппаратѣ. Поэтому пространство, которое занялъ бы этотъ аппаратъ, и матеріалы, которые пошли бы на него, смѣло могутъ у него идти на органы плодоразвитія, которые дѣйствительно почти и выполняютъ собою каждый сегментъ: будучи самъ по себѣ совершенно полонъ въ половомъ отношеніи, каждый сегментъ есть почти не что̀ иное, какъ огромная воспроизводительная система, въ которой другихъ строеній имѣется лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы сплотить его. Если мы вспомнимъ, что лентецъ постоянно выпочковываетъ такіе сегменты, тѣмъ временемъ какъ вполнѣ развившіеся лопаются, и такъ дѣлаетъ всю жизнь, то увидимъ, что здѣсь, гдѣ нѣтъ расхода, гдѣ трата на индивидуальность ограничена до высочайшей степени, между тѣмъ какъ питаніе велико, насколько лишь это возможно, степень плодовитости достигаетъ крайняго предѣла». Общественныя насѣкомыя представляютъ также очень убѣдительныя подтвержденія антагонизма индивидуальности и генезиса. Изъ яйца пчелы можетъ выдти и маленькая безполая пчела-работница, и крупная плодовитая пчела-матка, смотря по запасу корма, предоставленнаго

личинкѣ. Такимъ образомъ обиліе пищи, бездѣятельный образъ жизни и значительная плодовитость совпадаютъ здѣсь съ одной стороны, а съ другой—точно также совпадаютъ недостатокъ пищи, усиленная дѣятельность и совершенное безплодіе. У муравьевъ, особенно у тропическихъ, видимъ то же самое. У матки-муравья воспроизводительная система достигаетъ иногда громадныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она совершенно неспособна къ движенію, такъ что кладетъ яйца гдѣ попало и уже рабочіе переносятъ ихъ туда, гдѣ имъ надлежитъ вывестись. Очевидна близость этого случая съ явленіями паразитизма: матка поглощаетъ обильный даровой кормъ, почти ничего не тратитъ на передвиженіе и потому чрезвычайно плодовита. Матка африканскихъ термитовъ кладетъ въ двадцать-четыре часа 80,000 яицъ.

И такъ индивидуальность и половая, генетическая дѣятельность во всѣхъ отношеніяхъ находятся во взаимномъ антагонизмѣ. Чѣмъ рѣзче выражена индивидуальность, чѣмъ индивидъ крупнѣе, сложнѣе и дѣятельнѣе, тѣмъ онъ менѣе плодовитъ. Это можно бы было и дедуктивнымъ путемъ вывести изъ теоріи борьбы за индивидуальность, именно—изъ борьбы между индивидомъ и входящими въ его составъ, поглощенными имъ, «помраченными», какъ превосходно выражается въ одномъ мѣстѣ Спенсеръ, низшими ступенями индивидуальности. Не трудно бы было въ самомъ дѣлѣ показать, что антагонизмъ индивидуальности и генезиса есть только частное выраженіе общаго антагонизма двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности. Я боюсь однако утомлять теперь этимъ вниманіе читателя. Такъ или иначе, но фактъ антагонизма индивидуальности и плодовитости несомнѣненъ. Очень хорошо разработанный у Спенсера, онъ не составляетъ его открытія и можетъ быть найденъ во многихъ сочиненіяхъ по физіологіи. Но Спенсеръ сдѣлалъ шагъ впередъ попыткой приложить этотъ фактъ къ человѣческому обществу. Человѣкъ естественно оказывается подчиненнымъ общимъ законамъ размноженія. Малый ростъ, обильное питаніе, отсутствіе дѣятельности физической и умственной, грубость организаціи—

вотъ условія наисильнѣйшаго размноженія человѣка, какъ и другихъ животныхъ, комбинирующіяся въ разныхъ странахъ и сословіяхъ весьма различно и потому дающія результаты очень сложные. Обратныя условія задерживаютъ силу размноженія. Подтвердивъ это примѣрами, Спенсеръ обращается къ будущему. Онъ разбираетъ шансы прогресса, который человѣчество можетъ сдѣлать въ отношеніи физической силы, проворства, механической ловкости, въ отношеніи умственномъ, нравственномъ. А этотъ разборъ приводитъ его къ заключенію, что плодовитости предстоитъ извѣстное, весьма значительное сокращеніе. Онъ полагаетъ, что «въ концѣ концовъ тѣснота населенія и зло, которымъ она сопровождается, исчезнутъ и настанетъ такой порядокъ дѣлъ, что отъ каждой особи не будетъ требоваться ничего, кромѣ нормальной и пріятной дѣятельности». Я очень бѣгло передаю эти воззрѣнія Спенсера и не могу на нихъ останавливаться, потому что они затрогиваютъ много постороннихъ предмету этой статьи вопросовъ, а отступленій было уже и безъ того много. Замѣчу только, что Спенсеръ нигдѣ не говоритъ о шансахъ прогресса политическаго въ широкомъ смыслѣ этого слова. Безъ сомнѣнія тотъ «миръ и благоволеніе», которые онъ обѣщаетъ въ будущемъ, возможны только въ такомъ случаѣ, если всѣ члены общества достигнутъ такой степени индивидуальности, которая такъ рѣшительно сократитъ половую дѣятельность. Это такъ ясно, что пожалуй даже не требуетъ оговорки, но нѣкоторые другіе взгляды Спенсера, связанные съ его излюбленной идеей соціальнаго организма, мѣшаютъ составить опредѣленное понятіе о его убѣжденіяхъ на этотъ счетъ. Играя въ соціальномъ организмѣ роль подчиненнаго, „помраченнаго“ органа, человѣкъ утрачиваетъ свою индивидуальность, а слѣдовательно невозможно ждать и сокращенія его плодовитости. Въ этомъ именно состоитъ вѣрная сторона теоріи Мальтуса: рабочій, пока онъ—только рабочій, всегда будетъ настолько плодовитъ, что только мальтузіанскія фуріи «порокъ, несчастіе и воздержаніе» помѣшаютъ ему размножаться.

Насъ интересуетъ здѣсь однако не избытокъ размноженія, для устраненія или предотвращенія котораго рекомендуется много разныхъ средствъ, а избытокъ самой любви, объ которомъ обыкновенно забываютъ. Сколько мнѣ извѣстно, одинъ Прудонъ настаивалъ на этой сторонѣ дѣла, ожидая въ будущемъ сокращенія силы полового влеченія и введенія его въ естественныя границы. Нетрудно видѣть, что все вышеизложенное остается для этого вопроса въ полной силѣ. Опека надъ любовью или невозможна, или ведетъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Избытокъ же ея устранится самъ собой, если усилія людей будутъ направлены къ торжеству человѣческой индивидуальности. Этотъ избытокъ оттого только и происходитъ, что, кромѣ пораженія индивидуальности естественнымъ закономъ раздѣльно-полаго существованія (что составляетъ уже предѣлъ, его же не прейдеши), историческій процессъ наноситъ ей новые удары, во-первыхъ усиливая вторичные половые признаки, во-вторыхъ—обращая личность въ органъ.

Заканчивая этой точкой первый отдѣлъ «Борьбы за индивидуальность», я чувствую потребность обратиться къ читателю съ просьбой о снисхожденіи. Кромѣ многочисленныхъ недостатковъ изложенія, очень хорошо мною сознаваемыхъ, настоящій очеркъ озаглавленъ «Семья», а между тѣмъ семья въ немъ далеко не выяснена, и ему надлежало бы носить какое-нибудь гораздо менѣе опредѣленное заглавіе. Дѣло въ томъ, что въ противность первоначальному плану я долженъ былъ перенести многое въ одну изъ дальнѣйшихъ главъ. Таковы ужь условія журнальной работы. Теперь мы перейдемъ къ вольницѣ и подвижникамъ.

ВОЛЬНИЦА И ПОДВИЖНИКИ.*)

Историческія параллели. **)

I.

Прелести „естественнаго состоянія“, такъ волновавшія лучшіе умы конца прошлаго столѣтія, сданы въ архивъ. Бытъ дикарей или «первобытныхъ народовъ» изучается пристальнѣе, чѣмъ когда-нибудь; на это изученіе возлагаются большія и совершенно основательныя надежды, какъ въ теоретическомъ отношеніи, въ интересѣ знанія, такъ и въ практическомъ—въ интересѣ текущей жизни. Но при этомъ самое понятіе естественнаго состоянія радикально измѣняется, можно даже сказать устраняется. Какой-нибудь Руссо бралъ своего дикаря изъ области собственной геніальной фантазіи, получившей толчокъ отъ самыхъ скудныхъ фактическихъ свѣдѣній, и ставилъ его рядомъ съ современнымъ французомъ, которому уже грозила страшная революція. Какъ ни старался Руссо наполнить раз-

*) 1877, январь.

**) Статьи эти непосредственно примыкаютъ къ очеркамъ, напечатаннымъ въ прошломъ и запрошломъ годахъ подъ общимъ заглавіемъ «Борьба за индивидуальность». Но въ интересахъ изложенія авторъ предпочелъ отдѣлить фактическую часть отдѣла «Вольница и подвижники» отъ соціологическаго итога, который будетъ подведенъ въ концѣ и выразится въ терминахъ теоріи борьбы за индивидуальность. Само собой однако разумѣется, что и въ предлагаемыхъ «историческихъ параллеляхъ» авторъ не могъ, да и не хотѣлъ совершенно отказаться отъ нѣкоторыхъ общихъ выводовъ.

стояніе между этими двумя пунктами, онъ не пошелъ дальше геніальныхъ догадокъ. Нынѣшній изслѣдователь находится въ другомъ положеніи. Громадная и все растущая масса свѣдѣній о бытѣ первобытныхъ народовъ устраняетъ туманность фигуры «дикаря» Руссо, но вмѣстѣ съ тѣмъ разбиваетъ ея цѣльность, потому что развертываетъ картину крайняго разнообразія понятій, вѣрованій, нравовъ, общественныхъ отношеній. Вольтеръ могъ только острить, что при чтеніи сочиненій Руссо его забираетъ охота пробѣжаться на четверенькахъ. Нынѣшній изслѣдователь можетъ прямо указать на такіе-то и такіе-то народы, дѣйствительно почти бѣгающіе на четверенькахъ. И тѣмъ не менѣе изслѣдователь вездѣ застаетъ первобытнаго человѣка уже на извѣстной, хотя и совершенно жалкой степени культуры. Неизвѣстно, говорятъ, ни одно племя, которое не знало бы употребленія огня. Многіе солидные изслѣдователи отказываются также признать, чтобы какой-нибудь нынѣ существующій народъ не имѣлъ представленій, хотя бы смутныхъ, о божествѣ. Не только нынѣ живущіе дикари, а и наши отдаленные предки каменнаго періода предстоятъ передъ нами съ нѣкоторыми орудіями въ рукахъ, такъ что опредѣленіе человѣка, какъ „производителя машинъ“ (принадлежащее, если не ошибаюсь, Франклину), строго говоря, справедливо и для человѣка первобытнаго. Наконецъ дикарь вовсе не всегда представляетъ изъ себя того безусловно вольнаго человѣка, какимъ его рисовалъ себѣ Руссо. Имѣются, правда, свѣдѣнія и о такого характера первобытныхъ порядкахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вся совокупность данныхъ о жизни дикарей представляетъ картину крайне разнообразную и на первый взглядъ безпорядочную, гдѣ попадаются и строго хранимая общественная іерархія, и самый свирѣпый деспотизмъ, и проч. Такимъ образомъ рѣзкость границы между „естественнымъ состояніемъ“ и цивилизаціей сглаживается. При этомъ естественно должна исчезать и та страстность, съ которою нѣкогда ломались копья изъ за этого вопроса: Руссо былъ и быльемъ поросъ. Иногда слышится еще по поводу его ученія страстно задорный тонъ, какъ на-

примѣръ въ извѣстной книгѣ Ройе, но это крайне рѣдко. Современный изслѣдователь съ величавымъ спокойствіемъ доказываетъ, что исторія совершаетъ свое поступательное движеніе безъ скачковъ и безъ остановки. Здѣсь уже нѣтъ мѣста волненіямъ изъ за «золотого вѣка», нѣкогда будто бы царившаго на землѣ и до сихъ поръ сохранившагося среди забытыхъ исторіей дикарей. Тамъ, гдѣ многіе мыслящіе люди XVIII вѣка видѣли что-то очень хорошее, блистающее свѣтомъ идеала, тамъ современный изслѣдователь констатируетъ невѣжество, грубость, жестокость, словомъ—просто дикость.

Тѣмъ не менѣе однако нетолько многіе наблюдатели путешественники, а и нѣкоторые теоретики наталкиваются на факты, повидимому рѣзко противорѣчащіе огульному приговору о низкомъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи первобытныхъ людей. Если Спенсеръ полагаетъ, что дикарь уступаетъ цивилизованному человѣку даже въ ростѣ и физической силѣ, то и онъ признаетъ за нимъ первенство въ дѣлѣ тонкости внѣшнихъ чувствъ и живости воспріятій. Если никто не сомнѣвается въ относительномъ умственномъ убожествѣ дикаря, то далеко не такъ единодушны мнѣнія о его нравственныхъ качествахъ. Ни Лёббокъ, ни Тайлоръ, ни Вайцъ, ни Спенсеръ, ни вообще представители науки, трактующіе о зарѣ исторіи человѣчества, не отрицаютъ многихъ прекрасныхъ сторонъ древнѣйшей исторіи; они стараются даже ввести ихъ въ общій итогъ своихъ изслѣдованій. Мнѣ неизвѣстенъ однако ни одинъ современный писатель, который удовлетворительно справился бы съ этой задачей. Прочитавъ напримѣръ заключительныя строки «Началъ цивилизаціи» Лёббока или первыя двѣ главы «Первобытной культуры» Тайлора, вы видите, что люди эти, несмотря на всю свою добросовѣстность и эрудицію, даже, можно сказать, не намекнули на разрѣшеніе вопроса, который ихъ занимаетъ. Въ этомъ отношеніи впрочемъ положеніе русскаго читателя совсѣмъ особенное. Арсеналъ европейской философіи и науки заключаетъ въ себѣ многочисленныя коллекціи оружія разныхъ сортовъ и типовъ. Много тутъ такого покрытаго ржавчиной хлама, съ ко-

торымъ, несмотря на всю его хламовитость, европейскій писатель не можетъ не считаться. Были напримѣръ не разъ высказываемы съ извѣстнымъ ученымъ аппаратомъ мнѣнія, что дикари суть выродившіеся потомки какой-то странной древней цивилизаціи, находившейся подъ особымъ покровительствомъ божества и т. п. Европейскій изслѣдователь, проникнутый научнымъ духомъ, тратитъ не мало силъ на опроверженіе подобныхъ мнѣній, упорно ищетъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, что никакой такой древней цивилизаціи не существовало, и затѣмъ считаетъ свое дѣло едѣланнымъ. Конечно у него есть и другіе мотивы, но таковъ одинъ изъ главныхъ. Наши, русскія требованія—совсѣмъ иныя. Философія и наука представлены у насъ вообще плохо. Что же касается до мнѣній въ родѣ только что приведеннаго, то они не пользуются у насъ рѣшительно никакимъ авторитетомъ, хотя кое-кѣмъ и исповѣдуются. Поэтому опровергать ихъ, а тѣмъ паче сообразовать съ ними общій ходъ какого-нибудь изслѣдованія, совершенно не стоитъ, незачѣмъ. Это же обстоятельство налагаетъ извѣстную своеобразную печать на отношенія русскихъ читателей къ европейскому писателю о развитіи культуры. Съ одной стороны такой писатель способенъ произвести у насъ въ большинствѣ верхоглядство, потому что, какъ и всякое большинство, оно мало склонно къ критикѣ и впитываетъ въ себя полемическую струю изслѣдованія, не подозрѣвая ея случайнаго, полемическаго характера. За то съ другой стороны русское меньшинство остается въ подобныхъ случаяхъ неудовлетвореннымъ. Оно видитъ, что свое частное дѣло европейскій изслѣдователь сдѣлалъ—доказалъ, положимъ, невозможность древнѣйшей высокой цивилизаціи; но вѣдь не въ ней и дѣло, не въ ней одной по крайней мѣрѣ. Вопросъ въ томъ: какъ ввести въ общую схему исторіи нѣкоторыя фактически достовѣрныя и никѣмъ не отрицаемыя черты сравнительнаго матеріальнаго довольства, высокаго нравственнаго уровня и т. п. первобытной жизни? Какъ связать ихъ съ столь же фиктически достовѣрною грубостью, жестокостью, варварствомъ той же первобытной жизни? Вопросъ не праздный и даже не-

только въ теоретическомъ смыслѣ важный. Всѣ согласны, что цивилизація прививаетъ человѣку нѣкоторыя несимпатичныя (выбираю самое общее и непредопредѣляющее частностей выраженіе) черты, но думаютъ, что онѣ съ избыткомъ окупаются чертами симпатичными. Еслибы удалось разобраться въ безпорядочной грудѣ относящихся сюда и часто другъ другу противорѣчащихъ фактическихъ свѣдѣній, найти какое-нибудь общее начало, которое давало бы возможность хоть съ приблизительною точностью опредѣлить, такъ сказать, приходъ и расходъ исторіи, мы были бы въ громадномъ выигрышѣ. А для уясненія практической стороны этого выигрыша достаточно вспомнить, что низшіе классы всѣхъ европейскихъ обществъ, въ томъ числѣ и русскаго, движутся медленнѣе, чѣмъ высшіе. Ихъ нравы и понятія представляютъ какъ бы обломки, иногда очень крупные, раннихъ ступеней исторіи, тѣхъ самыхъ, которыя внѣ Европы находятся еще мѣстами почти въ неприкосновенности. Слѣдовательно общее начало, найденное нами для опредѣленія характера историческихъ измѣненій, измѣненій во времени, оказалось бы пригоднымъ и для сравненія нравовъ, понятій, общественныхъ учрежденій, вѣрованій высшихъ и низшихъ классовъ европейскихъ, вообще цивилизованныхъ обществъ.

Здѣсь я не намѣренъ говорить объ этомъ руководящемъ началѣ, тѣмъ болѣе, что представилъ попытки его опредѣленія въ другихъ мѣстахъ. Я имѣю въ виду только неудовлетворительность въ этомъ отношеніи спеціальныхъ изслѣдованій о древнѣйшей культурѣ. Минуя писателей менѣе философски развитыхъ и очевидно трудно справляющихся съ собственной громадной эруди́ціей, посмотримъ на Спенсера: первыя главы послѣдняго его сочиненія („Основанія соціологіи“, томъ I) посвящены именно занимающему насъ предмету.

Спенсеръ, какъ извѣстно, самый ярый сторонникъ той теоріи развитія, которая вѣритъ въ рѣшительно поступательный ходъ исторіи. Вдобавокъ онъ есть ея наиболѣе философскій представитель. Но за то въ его сочиненіяхъ пробивается, едва ли не сильнѣе, чѣмъ у кого-нибудь другого, та полемическая струйка,

о которой говорено выше. Она у него впрочемъ сильно осложняется другими мотивами. Какъ бы то ни было, но вотъ характерный примѣръ его обращенія съ фактами. „Кость, говоритъ онъ,—найденная въ сетльской пещерѣ и попавшая туда, по мнѣнію Джейки, прежде послѣдняго междуледоваго періода, признана проф. Бёскомъ за человѣческую и описывается ими какъ часть „чрезвычайно неуклюжей и грубой fibula (малое берцо)"; причемъ онъ замѣчаетъ, что она походитъ по своей формѣ на другую fibula, найденную въ ментонской пещерѣ. Но въ то же самое время онъ прибавляетъ, что въ музеѣ хирургической коллегіи существуетъ fibula недавняго времени, представляющая подобную же грубость и неуклюжесть" (40). Можно ли сдѣлать какое-нибудь заключеніе, сопоставляя эти *двѣ* древнія кости съ *одною* новою? Казалось бы—ровно никакого, потому что фактовъ слишкомъ ужь мало. Спенсеръ самъ это понимаетъ и тѣмъ не менѣе полагаетъ, что „мы имѣемъ право въ этомъ случаѣ" сказать, что «тѣ черты, которыя въ тогдашнія времена были далеко не рѣдкими, а вѣроятно даже общими, представляютъ въ наше время большія рѣдкости». Ясно, что мы рѣшительно не имѣемъ права сложить изъ трехъ костей, хотя бы и очёнь неуклюжихъ и грубыхъ, такой выводъ, противъ котораго я впрочемъ по существу ничего не имѣю, потому что по всей вѣроятности кости первобытнаго человѣка были дѣйствительно очень грубы и неуклюжи. Я привелъ слова Спенсера только какъ рѣзкій примѣръ излишней быстроты многихъ его выводовъ, когда рѣчь заходитъ о всяческой грубости и скудости первобытнаго человѣка. Надо впрочемъ замѣтить, что въ «Основаніяхъ соціологіи" Спенсеръ обнаруживаетъ рѣдкое въ немъ въ этомъ отношеніи безпристрастіе.

Такъ онъ приводитъ слѣдующія слова Эрскина, «какъ результатъ всей опытности, вынесенной имъ изъ знакомства съ тихоокеанскими землями»: «Нѣтъ ничего очень невѣроятнаго въ томъ, что иностранные торговцы будутъ еще со временемъ научены чести и приличіямъ тѣми самыми людьми, на которыхъ они привыкли смотрѣть до сихъ поръ какъ на коварныхъ и неис-

правимыхъ дикарей острововъ сандальнаго дерева». Такъ „названіе, которымъ обозначается бѣлый человѣкъ у туземцевъ Вата, одного изъ Ново-Каледонскихъ Острововъ, значитъ „скитающійся по морямъ распутникъ“ (saliing pofilgate). „Многія постыдныя дѣла, совершенныя въ недавнее время въ этихъ областяхъ, заслуживаютъ еще худшихъ названій“, замѣчаетъ отъ себя Спенсеръ (74). Спенсеръ впрочемъ не придаетъ большаго значенія этимъ явленіямъ, потому что они уравновѣшиваются для него явленіями совершенно противоположнаго характера. Дѣло въ томъ, что племя, обладающее какимъ-нибудь высокимъ нравственнымъ качествомъ, по другимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ другими людьми, въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, оказывается, именно по отношенію къ этому качеству, на крайне низкомъ уровнѣ. Напримѣръ Эйръ утверждаетъ, что туземцы Австраліи отличаются сильнымъ родительскимъ чувствомъ, и однако же кромѣ того, что они, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, бросаютъ своихъ больныхъ дѣтей, мы имѣемъ еще здѣсь показаніе Ангаса, что въ Мурреѣ отецъ иной разъ убиваетъ своего маленькаго сына, чтобы наживить его мясомъ свои удочки. Это разногласіе объяснимо и помимо ошибокъ наблюдателей. Появленіе европейцевъ есть для дикарей событіе высокой важности, иногда совершенно или значительно измѣняющее ихъ бытъ и понятія, такъ что слѣдующая партія европейцевъ естественно можетъ найти уже новые нравы. Кромѣ того дикарь обладаетъ одною чертою, которая, по мнѣнію Спенсера, легко примиряетъ различныя противорѣчія, въ родѣ вышеуказанныхъ. Черта эта есть „импульсивность“, сильная возбудимость, вслѣдствіе которой дикарь принимаетъ чрезвычайно быстрыя рѣшенія и немедленно приводитъ ихъ въ исполненіе, почти чисто рефлективно отзываясь на всякое возбужденіе. Отсюда—крайнее непостоянство расположенія духа и вѣчное колебаніе изъ стороны въ сторону. А эта основная черта характера дикаря объясняется въ свою очередь его крайнею умственною бѣдностью: онъ не умѣетъ комбинировать ощущенія я чувства, не можетъ предвидѣть болѣе или менѣе отдаленныхъ послѣдствій

своихъ поступковъ. Спенсеръ впрочемъ самъ приводитъ весьма рѣзкіе примѣры отсутствія импульсивности у нѣкоторыхъ дикарей. Всѣмъ извѣстно, какъ умѣютъ управлять своими душевными движеніями краснокожіе Сѣверной Америки, и они—далеко не единственные дикари, отличающіеся этою способностью въ чрезвычайной степени. Кромѣ того, весьма трудно привести въ связь „импульсивность“ дикарей съ двумя другими, приписываемыми имъ Спенсеромъ чертами. Онъ указываетъ во-первыхъ на ихъ крайній консерватизмъ, слѣпое повиновеніе прадѣдовскимъ обычаямъ, а если вспомнить, какъ мелочно подробна регламентація жизни многихъ первобытныхъ людей (запрещеніе напримѣръ ѣсть рыбу извѣстной длины, обязанность брать жену непремѣнно изъ извѣстнаго рода, запрещеніе невѣсткѣ разговаривать съ свекровью и проч. и проч.),, то довольно трудно будетъ указать районъ дѣятельности импульсивности, т. е. почти рефлективной отзывчивости на внѣшнія возбужденія. Легко возбуждающійся человѣкъ едва ли способенъ выносить подобныя ограниченія. Еще труднѣе связать импульсивность съ необыкновенною выносливостью дикарей, которую Спенсеръ считаетъ также весьма характеристическою чертою. Онъ полагаетъ именно, что дикарямъ сравнительно мало грозятъ «непріятныя ощущенія, какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера, т. е. какъ тѣ страданія, которыя являются вслѣдствіе чрезмѣрнаго возбужденія нервовъ, такъ и чувство неудовлетворенности, тѣ «алканія», которыя идутъ отъ частей нервной системы, лишенныхъ ихъ нормальной дѣятельности» (54). Спенсеръ говоритъ это не въ томъ смыслѣ, что жизнь дикарей гарантируетъ ихъ отъ такой неравномѣрности нервной дѣятельности (что было бы, я полагаю, вполнѣ основательно); онъ говоритъ только, что проистекающія отсюда страданія не ощущаются ими съ такою напряженностью, какъ цивилизованными людьми. Если это и не прямое отрицаніе «импульсивности», то все-таки значительное ея ограниченіе. Въ концѣ-концовъ Спенсеръ приходитъ къ такому заключенію относительно занимающаго насъ вопроса: «Мы видимъ достаточно ясно, что, если первобытный человѣкъ

имѣетъ лишь очень мало дѣятельной благонадежности, зато онъ вовсе не отличается дѣятельною зложелательностью, какъ это нерѣдко предполагали. Въ самомъ дѣлѣ, бѣглый взглядъ на факты скорѣе приводитъ насъ къ тому заключенію, что ненужная жестокость вовсе не составляетъ общей отличительной черты наименѣе цивилизованныхъ племенъ, между тѣмъ какъ она оказывается обычною для расъ болѣе цивилизованныхъ» (77).

Результатъ, поражающій своей скудностью и двусмысленностью, въ особенности для Спенсера, который вообще увѣренъ въ постепенномъ ростѣ и развитіи соціальныхъ, симпатическихъ чувствъ. Остаются совершенно неразъясненными, какъ тотъ моментъ, когда цивилизація прививаетъ «ненужную жестокость», такъ и тотъ, когда послѣдняя опять исчезаетъ, да и исчезаетъ ли? Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Спенсеръ просто игнорировалъ сравнительно свѣтлыя стороны первобытной жизни. Это было несправедливо, односторонне, но зато результатъ былъ по крайней мѣрѣ ясенъ. Теперь, въ „Основаніяхъ соціологіи“, онъ принялъ въ соображеніе всѣ pro и contra, привелъ множество противорѣчивыхъ свѣдѣній, но за то подвелъ имъ только нѣчто въ родѣ ариѳметическаго итога; даже меньше того, потому что въ ариѳметическомъ итогѣ исчезаютъ свойства отдѣльныхъ слагаемыхъ, а здѣсь они остаются на лицо. Прежде одни видѣли въ дикарѣ чуть не ангела, другіе—чуть не демона. Спенсеръ объясняетъ, что обѣ стороны и нравы неправы, потому что дикарь бываетъ «благожелателенъ», бываетъ и «зложелателенъ». Но въ какихъ случаяхъ и отношеніяхъ онъ является такимъ или инымъ—это остается столь же неизвѣстнымъ въ концѣ изслѣдованія, какъ и въ началѣ.

Общій недостатокъ всѣхъ подобнаго рода изслѣдованій состоитъ въ томъ, что они обращаютъ недостаточно внимані я на формы общественныхъ отношеній. Положимъ, что они берутъ факты изъ общественной жизни, но затѣмъ выдѣляютъ индивидуальнаго человѣка и говорятъ: первобытный человѣкъ золъ, или добръ, хитеръ и проч., болѣе или менѣе игнорируя обста-

новку общественныхъ отношеній, при которыхъ этотъ человѣкъ добръ или золъ. Такое стремленіе получить нѣкоторое абсолютное рѣшеніе естественно ведетъ, какъ у старыхъ писателей, къ рѣзко одностороннему результату, или, какъ у новыхъ, къ результату двусмысленному и неопредѣленному: ни два, ни полтора. Къ счастію не всѣ новые писатели таковы. Я уже говорилъ о необычайной важности обнаружившагося въ послѣднее время стремленія къ изученію такихъ формъ общественности, на которыя до сихъ поръ вовсе не обращалось вниманія— формъ исчезнувшихъ, исчезающихъ и можетъ быть по этому самому, даже прямо презираемыхъ. Здѣсь намъ предстоитъ взглянуть на одинъ частный случай, превосходно характеризующій не только пріемъ, но до извѣстной степени даже общій тонъ результатовъ новаго научнаго направленія, проливающаго, несмотря на свою скромность, несравненно больше свѣта на древнюю жизнь въ ея интимныхъ подробностяхъ, чѣмъ „Основанія соціологіи“ Спенсера.

Кажется, что можетъ быть прочнѣе той истины, на которой большинство экономистовъ строитъ свою науку: человѣкъ продаетъ какъ можно дороже и покупаетъ какъ можно дешевле. Подтвержденіемъ этой истины является и ежедневный опытъ, и соображенія о свойствахъ человѣческой природы. Такое совпаденіе доказательствъ индуктивныхъ и дедуктивныхъ повело наконецъ даже къ нѣкоторой нравственной санкціи соотвѣтственнаго явленія. Хотя общественное мнѣніе, въ широкомъ смыслѣ слова, не одобряетъ стараній продать вещь какъ можно дороже и купить ее какъ можно дешевле, но оно протестуетъ не особенно сильно. А въ мірѣ спеціалистовъ торговли старанія эти несомнѣнно имѣютъ нѣкоторую нравственную санкцію. Наконецъ и люди мысли, люди науки пытались и пытаются подвести нравственный фундаментъ подъ фактическое зданіе барыша. Они уличаютъ въ нелѣпомъ декламаторствѣ, въ слезливомъ сантиментализмѣ, въ безумномъ фантазёрствѣ тѣхъ, кто не хочетъ преклонить колѣна предъ идоломъ барыша. Они доказываютъ, что нетолько такъ есть, всегда было и будетъ, но

что такъ и должно быть, ибо изъ той конкуренціи, которая вытекаетъ изъ правила: продавай какъ можно дороже и покупай какъ можно дешевле, слагается стройная и въ концѣ-концовъ благодѣтельная система человѣческихъ отношеній—лучшая, какой только можетъ достигнуть человѣкъ. Въ этомъ убѣжденъ между прочимъ и Спенсеръ, несмотря на то, что никто больше его не говоритъ о развитіи, измѣнчивости всего сущаго, а слѣдовательно и природы человѣка. Однакоко убѣжденіе въ исконной и вѣковѣчной преданности человѣка барышу оказывается клеветой на видъ homo sapiens—клеветой по крайней мѣрѣ относительно прошедшаго и давно прошедшаго времени.

Мэнъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ древняго права, натолкнулся на вопросъ о происхожденіи существующихъ нынѣ рыночныхъ обычаевъ. Вотъ тѣ въ высшей степени замѣчательныя заключенія, къ которымъ онъ пришелъ:

«Чтобы понять, чѣмъ первоначально былъ рынокъ, должно представить себѣ территорію, занятую деревенскими общинами, самостоятельными въ своихъ дѣйствіяхъ и до сихъ поръ еще автономическими, причемъ каждая воздѣлываетъ свой пахатный участокъ, лежащій среди пустопорожней земли, и—боюсь, что долженъ прибавить это—каждая находится въ безпрерывной войнѣ съ своими сосѣдями. Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ, такихъ вѣроятно, гдѣ соприкасались земли двухъ или трехъ деревень, повидимому были участки такой земли, которую нынѣ назвали бы нейтральною почвою. Это были торговыя или рыночныя мѣста. По всей вѣроятности они были единственными мѣстами, гдѣ встрѣчались члены различныхъ первобытныхъ группъ для какихъ-либо другихъ цѣлей, кромѣ войны, и прежде всего сюда являлись безъ сомнѣнія именно лица, уполномоченныя спеціально на обмѣнъ продуктовъ и издѣлій одной маленькой деревенской общины на произведенія другой. Сэръ Джонъ Лёббокъ, въ своемъ сочиненіи «Начало цивилизаціи», сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о слѣдахъ, какіе еще остаются отъ чрезвычайно древняго соотношенія между рынками и нейтральностью; хотя теперь и не мѣсто далѣе проводить мою мысль, но не могу не указать на существованіе чрезвычайно важной для новѣйшихъ писателей исторической связи между тѣмъ и другимъ, такъ какъ jus gentium римскаго претора, которое отчасти было сначала «торговымъ правомъ», несомнѣнно сродни нашему «международному праву». Но, кромѣ понятія нейтральности, съ торгами соединялось прежде еще нѣчто другое: это были идеи о неблаговидныхъ продѣлкахъ и о неумолимомъ торгашествѣ или барышничествѣ. Всѣ три идеи какъ бы соединились

въ аттрибутахъ бога Гермеса или Меркурія, который въ одно и то же время былъ богомъ границъ, повелителемъ вѣстниковъ или пословъ и покровителемъ торговли, обмана и воровъ. Рынокъ былъ слѣдовательно пространствомъ нейтральной земли, на которомъ, при древнемъ строѣ общества, члены разныхъ самостоятельныхъ владѣльческихъ группъ безопасно сходились, покупали и продавали, нестѣсняемые правилами цѣнъ, установленными обычаями. Здѣсь-то кажется получало начало и отсюда распространилось по цѣлому міру понятіе о правѣ человѣка брать за свои товары наибольшую цѣну. Рыночному закону, кстати будетъ здѣсь замѣтить, очень посчастливилось въ исторіи права. Jus gentium римлянъ, хотя безъ сомнѣнія имѣло цѣлью отчасти уладить отношенія римлянъ къ подвластному населенію, развилось отчасти также вслѣдствіе коммерческихъ требованій. Римское jus gentium постепенно возвысилось до моральной теоріи, которая, между другими теоріями, незаявляющими притязанія на религіозную санкцію, не имѣла на свѣтѣ соперницы до появленія этическихъ ученій Бентама... Законъ о личной или движимой собственности имѣетъ постоянное стремленіе совмѣстить въ себѣ и законъ о поземельной или недвижимой собственности; но кромѣ того первый обнаруживаетъ также наклонность ассимилироваться съ торговымъ закономъ. Желаніе установить въ смыслѣ закона то, что представляетъ удобство въ коммерческомъ отношеніи, ясно видно въ новѣйшихъ рѣшеніяхъ англійскихъ судовъ; цѣлая группа правовыхъ аѳоризмовъ, происходящая изъ закона торга (самымъ знаменательнымъ аѳоризмомъ было „caveat emptor“ — берегись, покупатель), развилась насчетъ всѣхъ другихъ, соперничавшихъ съ ними... Политико-экономы часто выражаютъ сожалѣніе по поводу неопредѣленныхъ нравственныхъ чувствъ, которыя препятствуютъ полному признанію ихъ принциповъ. Мнѣ кажется, что полусознательное отвращеніе, какое люди чувствуютъ къ доктринамъ, которыхъ сами не отрицаютъ, часто могло бы быть изслѣдовано съ большою пользою, чѣмъ обыкновенно предполается Такое отвращеніе иногда оказывается отраженіемъ какого-нибудь стараго порядка идей... Откуда происходитъ сознаніе того, что барышничество при заключеніи сдѣлки съ близкимъ родственникомъ или другомъ — дѣло недостойное? Тихое сознаніе, по моему мнѣнію, носитъ слѣды того древняго понятія, что люди, соединенные въ естественныя группы, не должны вносить торговыхъ принциповъ во взаимныя сношенія. Единственная естественная группа, въ которую люди еще и теперь соединены, есть семья, а единственныя связывающія узы, подобныя узамъ семейнымъ—тѣ, какія люди создаютъ сами себѣ посредствомъ дружбы... Люди, соединенные въ такія группы, изъ которыхъ развилось новѣйшее общество, не заключало другъ съ другомъ торговыхъ сдѣлокъ, основанныхъ на такъ-называемыхъ, для краткости, коммерческихъ принципахъ. Общее положеніе, служащіе базисомъ политической экономіи, впервые сдѣлалось вѣрнымъ при такихъ

обстоятельствахъ, при какихъ только и было возможно въ то время, а именно—по отношенію не къ членамъ одной и той же группы, а къ иностранцамъ. Постепенно предположеніе о правѣ каждаго добиваться наивысшей цѣны за товаръ проникло и въ эти группы, но иногда не было принято вполнѣ, пока соединительными узами между людьми считались узы семьи или клана. Правило это одерживаетъ верхъ лишь тогда, когда первобытная община разрушена. Какія именно причины обобщили рыночный законъ до появленія предположенія, что онъ выражаетъ первоначальную и основную наклонность человѣческой природы, вполнѣ объяснить невозможно—такъ разнообразны онѣ были. Все, что способствовало превращенію общества изъ скопленія семействъ въ собраніе индивидуумовъ, способствовало и увеличенію справедливости того опредѣленія человѣческой природы, какое сдѣлано было политико-экономами» («Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ», стр. 115).

Я почти цѣликомъ привелъ все это мѣсто о значеніи рынковъ, потому что оно дѣйствительно въ высокой степени замѣчательно. Надо только устранить двѣ существенныя ошибки Мэна, въ которыя онъ впадаетъ во всѣхъ своихъ трудахъ. Во-первыхъ онъ полагаетъ, что исторія человѣчества началась съ патріархальнаго быта и постоянно напираетъ на противоположность древнѣйшаго «скопленія семействъ» новѣйшему «собранію индивидуумовъ». Онъ до такой степени увѣренъ въ этомъ, что въ одномъ изъ своихъ сочиненій («Древнѣйшая исторія учрежденій») утверждаетъ, будто члены русской общины помнятъ свое происхожденіе отъ одного предка. Мы уже знаемъ, что семья, а тѣмъ паче ея патріархальная форма, составляетъ сравнительно поздній продуктъ исторіи, что она лишь съ большимъ трудомъ выдѣлилась изъ нѣкоторой, мало намъ доступной, но несомнѣнно существовавшей, гораздо болѣе широкой общественной единицы. Конечно семья дала впослѣдствіи начало цѣлому ряду высшихъ, болѣе сложныхъ группъ, и напримѣръ югославянская задруга есть несомнѣнный продуктъ семьи. Но съ другой стороны именно семья положила первое начало распаденію неопредѣленной первобытной группы. Когда семья уже обособилась и каждый мужчина получилъ свою женщину и призналъ своихъ дѣтей, древнѣйшій принципъ еще жилъ въ отношеніяхъ имущественныхъ и политическихъ: община уже по-

тому не можетъ считаться продуктомъ семьи, что она древнѣе ея. Объ этомъ впрочемъ—въ своемъ мѣстѣ. Другая ошибка Мэна, раздѣляемая имъ чуть не со всѣми изслѣдователями, состоитъ въ представленіи «собранія индивидуумовъ». Уже въ первомъ изъ предлагаемыхъ очерковъ было показано, до какой степени неосновательно видѣть въ исторіи человѣчества какое-то постоянное торжество личнаго начала, «индивидуализаціи», которой одни радуются, объ которой другіе печалуются. На дѣлѣ мы видимъ до сихъ поръ только смѣну однихъ узъ другими, менѣе стѣснительными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, болѣе стѣснительными въ другихъ. Здѣсь замѣчу только слѣдующее. Несмотря на всеобщее убѣжденіе въ томъ, что исторія представляетъ процессъ индивидуализаціи, приходится считаться съ фактами, ярко противорѣчащими такому убѣжденію. И тогда вотъ какъ они толкуются. Лёббокъ или, вѣрнѣе, миссіонеръ Бегертъ, на котораго Лёббокъ ссылается, говоритъ, что у калифорнскихъ индѣйцевъ нѣтъ ни полиціи, ни законовъ ни судей, ни храмовъ. «Всѣ они считаются равными между собой, и каждый поступаетъ такъ, какъ хочетъ, не спрашивая своего сосѣда и не заботясь о его мнѣніи. Различныя племена отнюдь не представляютъ собраній разумныхъ существъ, подчиняющихся законамъ и повинующихся своимъ начальникамъ, но гораздо болѣе походятъ на *стадо свиней*... Однимъ словомъ, жители Калифорніи живутъ какъ будто *свободные мыслители и матеріалисты*»... («Начало цивилизаціи», пер. Коропчевскаго, стр. 236).

Все это не мѣшаетъ однако основательности замѣчаній Мэна о значеніи рынковъ. Надо удивляться проницательности этого ученаго, очевидно мало интересующагося дѣйствительно древнѣйшими формами общественности, мало знакомаго съ ними и даже отрицающаго ихъ, между тѣмъ какъ среди нихъ онъ могъ бы найти чрезвычайно вѣскія подтвержденія для своихъ соображеній. Напримѣръ, вотъ слова Геродота о карѳагенской торговлѣ: «Карѳагеняне разсказывали мнѣ, что они часто плывутъ на своихъ корабляхъ за Столбы Геркулесовы къ народу, живущему на берегахъ Ливіи, и, приплывши туда, выносятъ свои то-

вары на берегъ, гдѣ и складываютъ ихъ, а сами раскладываютъ огонь и, когда поднимется дымъ, садятся обратно на свои корабли. Прибрежные жители, замѣтивъ дымъ, приходятъ на берегъ, кладутъ подлѣ товаровъ кучу золота и уходятъ. Тогда карѳагеняне снова выходятъ на берегъ и смотрятъ, много ли золота; если увидятъ, что золота достаточно, то берутъ его и уѣзжаютъ обратно во свояси. А если золота мало, то снова уходятъ на корабли и ждутъ прибавки, а туземцы опять приходятъ и все прибавляютъ золото, пока не удовлетворятъ карѳагенянъ. Но никому изъ нихъ нѣтъ обиды, потому что карѳагеняне не дотрогиваются до золота, а туземцы не берутъ товара, пока не кончится торгъ». Приведя это показаніе «отца исторіи», Геренъ (Ideen über Politik, Verkehr und Handel der vornehmsten Völker der alten Welt) замѣчаетъ: „Геродота неоднократно упрекали въ легковѣріи, пока наконецъ въ послѣднее время блистательнымъ образомъ доказана была достовѣрность всѣхъ переданнымъ имъ извѣстій; теперь мы нетолько знаемъ достовѣрно, что разсказъ карѳагенянъ о нѣмой торговлѣ—совершенная правда, но знаемъ еще, что и теперь ведется такая торговля въ прилежащей къ рѣкѣ Нигеру, такъ-называемой золотой области". Но со временъ Геерена вѣрность показаній Геродота подтвердилась еще сильнѣе. Бастіанъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующее: „Для торговли съ племенемъ орангъ-кубу, собирающимъ въ лѣсахъ Суматры бензоинъ-гумми, малайскій купецъ раскладываетъ свои пестрые товары на опушкѣ лѣса, и удалясь, ударяетъ въ гонгъ, а черезъ недѣлю возвращается и находитъ на томъ же мѣстѣ эквивалентъ (Der Mensch in der Geschichte, III, 366). Хитоны входили въ торговыя сношенія съ бѣлыми на нейтральномъ мѣстѣ (367). Айносы, торгуя съ курилами, кладутъ товары на берегу, а черезъ нѣсколько времени возвращаются и получаютъ такимъ же образомъ обмѣнный товаръ. Китайцы торговали на островѣ духовъ Ланка съ невидимыми купцами. Бразильскіе индѣйцы снимаютъ на время торга оружіе и кладутъ его возлѣ себя, но, какъ только торгъ конченъ, обѣ стороны одновременно хватаются за оружіе (368)". Сюда же отно-

сятся многочисленные разсказы о „молчаливой“ торговлѣ. Такого рода извѣстія имѣются и въ русскихъ лѣтописяхъ и преданіяхъ о сношеніяхъ съ другими народами. Такъ, новгородецъ Гюрята Роговичъ, разсказъ котораго записанъ у лѣтописца подъ 1092 годомъ, слышалъ отъ югровъ, что „суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота до небеси, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза. Кто дастъ имъ ножъ ли, сѣкиру, дають скоро противу“. А объ самой Югрѣ, по ея покореніи (1499), въ Россіи разсказывали: „Тамошніе люди, какъ настанетъ юрьевъ осенній день, засыпаютъ мертвецкимъ сномъ и спятъ до юрьева весенняго дня, а тогда оживаютъ. Съ ними ведутъ торговлю народы: густинцы и серпентовцы—торговлю чудную: нигдѣ такъ не торгуютъ. Готовясь спать или, лучше сказать, замирать, югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары; во время сна приходятъ купцы изъ земли названныхъ выше народовъ, берутъ товары и на мѣсто ихъ свои кладутъ; случается, что, проснувшись, югорцы бываютъ недовольны мѣною: отсюда у нихъ съ сосѣдями споры и войны случаются“ (Костомаровъ, „Сѣверноруссвія народоправства“, I, 419).

Что касается до упоминаемыхъ Мэномъ замѣчаній Лёббока, то они состоятъ въ слѣдующемъ:

«Съ перваго взгляда довольно трудно усмотрѣть связь между этими разнообразными обязанностями (Меркурія, Гермеса), характеризующимися столь противоположными качествами. Однако же, какъ мнѣ кажется, всѣ они вытекали изъ обыкновенія означать границы вертикальными камнями. Отсюда и самое названіе Гермесъ или Термесъ (граница, межа). Въ безпокойныя древнія времена, во избѣжаніе распрей, принято было оставлять полосу нейтральной земли между владѣніями различныхъ народовъ. Она называлась маркой; отсюда происходитъ и титулъ маркиза, означавшій тѣхъ чиновниковъ, которые охраняли границу или «марку». Эти марки не обрабатывались и служили выгономъ для стадъ. Здѣсь же собирались купцы для обмѣна на этой нейтральной почвѣ произведеній своихъ странъ; по той же причинѣ здѣсь заключались договоры; тутъ же происходили международныя игры и увеселенія. Вертикально стоящіе камни обыкновенно ставились на мѣстахъ погребенія, а позднѣе на нихъ вырѣзывались законы

и постановленія, записывали замѣчательныя событія и писали похвалы умершимъ. Поэтому Меркурій, изображаемый гладкимъ стоячимъ камнемъ, былъ богомъ путешественниковъ, такъ какъ стоялъ на границѣ; богомъ пастуховъ, такъ какъ покровительствовалъ пастбищамъ; сопровождалъ души умершихъ въ подземныя страны, вслѣдствіе весьма древняго обыкновенія ставить на могилахъ памятники въ формѣ вертикально стоящихъ камней; богомъ купцовъ, такъ какъ торговля происходила преимущественно на границахъ; богомъ воровъ его звали въ насмѣшку (?). Онъ былъ посланникомъ боговъ, потому что послы обыкновенно сходились на границахъ, и богомъ краснорѣчія вслѣдствіе той же причины. Онъ изобрѣлъ лиру и предсѣдательствовалъ на играхъ, потому что музыкальныя и прочія состязанія происходили на нейтральной почвѣ» («Начало цивилизаціи» 220).

Къ этому надо прибавить еще то обстоятельство, что у многихъ народовъ было обыкновеніе хоронить покойниковъ именно на границѣ—на межѣ, которая такимъ образомъ какъ бы смертью опоясывала заключенное въ ней пространство. «Могильные холмы служили въ старое время пограничными знаками, говоритъ Афанасьевъ:—ezagulis означаетъ въ литовскомъ языкѣ могилу, курганъ и межевой камень; deus ezagulis—тотъ, кто покоится на межѣ, усопшій» («Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», III, 799). Относительно международныхъ игръ и увеселеній любопытно указаніе Бастіана, что арабскіе рынки при случаѣ обращались въ мѣста поэтическихъ состязаній (I. c. 367). Можетъ быть отчасти сюда же слѣдуетъ отнести тѣ «игрища межю селъ», за которыя лѣтописецъ упрекаетъ радимичей, вятичей, сѣверянъ и древлянъ. Дѣйствительно, если мы видимъ, что между столь близкими и родственными, сосѣдними галицко-русскими племенами, каковы гуцулы и бойки, „существуетъ племенная ненависть, причина которой очень загадочна“ („Славянскій сборникъ“, I, 39); если мы видимъ, какъ иногда солоно приходится въ Россіи парню, вздумавшему приволокнуться за дѣвкой на гуляньи въ чужой деревнѣ—то становится понятнымъ огромное значеніе пространства „межю селъ“ въ древности.

Я не буду утомлять вниманіе читателя перечисленіемъ другихъ фактовъ, подтверждающихъ это громадное значеніе границы, межи, нейтральнаго пространства «межю селъ»: оно, я

полагаю, очевидно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно до такой степени важно и опредѣленно, что способно дать искомую руководящую нить среди хаотическихъ противорѣчій первобытной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно видѣть, что взаимныя отношенія людей, живущихъ внутри межи, должны рѣзко отличаться отъ ихъ отношеній къ людямъ, живущимъ по ту сторону ея. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что мы встрѣчаемся въ первобытной жизни съ непримиримыми на первый взглядъ противорѣчіями, съ рѣзкими проявленіями какъ «благожелательности», такъ и «зложелательности». Тайлоръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что „законъ дикарей касательно человѣкоубійства основывается не на идеальномъ представленіи о достоинствѣ и правахъ человѣка, а на практическомъ раздѣленіи всѣхъ людей на своихъ и чужихъ". («Первобытное общество», въ «Знаніи» 1873, № VIII). Но это относится нетолько къ человѣкоубійству. Иностранца, вообще человѣка съ той стороны межи, можно обмануть, ограбить, убить, даже съѣсть (hostis—врагъ и иностранецъ), но ничего подобнаго нельзя сдѣлать съ человѣкомъ, живущимъ внутри межи. Тамъ узаконяются всевозможныя насилія и варварскіе поступки, даже не узаконяются, потому что никто и не задумывается надъ ихъ правомѣрностью; здѣсь всѣ стоятъ за одного и одинъ за всѣхъ, удивляя путешественниковъ своей кротостью, благодушіемъ, честностью, не нуждающимися ни въ какихъ формальныхъ постановленіяхъ. Территоріальная граница является слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы границей между добромъ и зломъ, границей, отвлеченно говоря, столь же рѣзкой, столь же опредѣленной, какъ и та полоса земли, усыпанная могильными курганами. Въ дѣйствительности, фактически, эта, такъ сказать, духовная межа не столь опредѣленна и не покрываетъ собою всѣхъ противорѣчій нравственной жизни первобытныхъ народовъ; но мы сейчасъ увидимъ, что логическое распространеніе понятія межи приводитъ къ такой ясности результата, какая только можетъ быть достигнута въ явленіяхъ столь сложныхъ.

Намъ нужно теперь, очень обще и бѣгло, возстановить нѣ-

которыя черты древней жизни внутри межи. Выше было замѣчено, что видѣть древнѣйшую форму общественности въ семьѣ ошибочно. Я по необходимости долженъ былъ говорить о взаимныхъ отношеніяхъ то двухъ родственныхъ славянскихъ *племенъ*, то двухъ *деревень*, то двухъ древнихъ *селъ*, то двухъ индійскихъ *общинъ*, то наконецъ двухъ *народовъ*, какими являются карѳагеняне и африканцы, югорцы и серпентовцы и проч. Дѣло въ томъ, что ближайшимъ образомъ опредѣлить и назвать древнѣйшую, но уже человѣческую форму общества—нельзя, хотя можно съ достовѣрностью сказать, что это не была ни семья, ни родъ, ни община въ теперешнемъ смыслѣ слова, ни народъ. Тѣмъ не менѣе однако нѣкоторыя отдѣльныя черты могутъ быть реставрированы при помощи анализа нынѣ существующихъ формъ. Такъ возстановили мы нѣкоторыя черты половыхъ отношеній. Первобытные порядки въ другихъ сферахъ жизни сохранились дольше, и мы имѣемъ въ Россіи уголокъ, гдѣ они хотя и угасаютъ, однако все-таки еще живутъ. Я разумѣю уральскую казацкую общину. Къ счастію она настолько извѣстна, что мнѣ не нужно задерживать читателя на ея описаніи. Достаточно напомнить нѣсколько подробностей. Все огромное пространство земли въ $6^1/_2$ милліоновъ десятинъ, занятое 80,000 душъ обоего пола, какъ извѣстно, не подѣлено нетолько между отдѣльными лицами или семьями, но даже между селеніями или станицами, такъ что ничто не мѣшаетъ казаку изъ-подъ Гурьева-городка пахать землю гдѣ-нибудь на самомъ сѣверѣ общинной территоріи. Такъ устроилась община и по другимъ занятіямъ: по рыболовству, добычѣ соли, сѣнокосу. Едва-ли гдѣ нибудь на земномъ шарѣ сохранилось общинное владѣніе въ такомъ размѣрѣ; но что въ древности оно сплошь и рядомъ было именно таково—на это имѣется много данныхъ. Далѣе мы встрѣчаемъ въ уральской общинѣ широко развитую круговую поруку, нѣкогда опять-таки чрезвычайно распространенную и наиболѣе яркіе образцы которой, сравнительно поздніе, всѣмъ знакомы въ явленіяхъ родовой мести. Затѣмъ—самоуправленіе, руководствующееся обычнымъ правомъ, а въ

чрезвычайныхъ случаяхъ рѣшеніемъ сходки, народнаго собранія, извѣстнаго у славянъ подъ именемъ вѣча, рады, казацкаго округа, снема, сейма и составляющаго достояніе едва-ли не всѣхъ первобытныхъ народовъ. На взглядъ цивилизованнаго человѣка картина жизни уральцевъ должна представляться странною смѣсью необузданной свободы и невыносимыхъ стѣсненій. Въ самомъ дѣлѣ, уралецъ можетъ напримѣръ косить сѣно *гдѣ* хочетъ, хоть за нѣсколько сотъ верстъ отъ своего дома, но совсѣмъ не *когда* хочетъ и *сколько* хочетъ—я сейчасъ скажу въ чемъ состоитъ ограниченіе. Онъ можетъ ловить рыбу *гдѣ* хочетъ, но совсѣмъ не *когда* хочетъ. Напримѣръ въ зимній ловъ всѣ ждутъ на берегу извѣстнаго знака, пушечнаго выстрѣла, послѣ котораго каждый идетъ къ заранѣе намѣченному мѣсту, пробиваетъ ледъ и добываетъ рыбы сколько можетъ и сколько счастіе пошлетъ. Но въ промежутокъ между обычными сезонами рыбной ловли никто ловить не смѣетъ, не смѣетъ даже производить какую-нибудь шумную работу на берегу или на рѣкѣ; даже судоходство пріостанавливается, чтобы не распугать рыбу. Представьте, что вы хотите доставить себѣ самое невинное удовольствіе въ видѣ катанья на лодкѣ «по Уралу, по рѣкѣ» съ пѣсенниками или что вы хотите, когда вздумалось, закинуть тоню—вамъ ни того, ни другого не позволятъ, то-есть ваша личность будетъ грубо стѣснена. Но, приглядываясь къ дѣлу ближе, вы увидите въ противность общепринятому мнѣнію о первобытныхъ порядкахъ, что начало личности проникаетъ ихъ, такъ сказать, насквозь. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ только вдуматься въ обычай сѣнокоса въ уральской общинѣ. Казакъ, какъ уже сказано, можетъ косить гдѣ хочетъ, но во-первыхъ въ строго опредѣленное время, такъ что всѣ начинаютъ косить заразъ, а во-вторыхъ—только на томъ пространствѣ, которое онъ своими личными силами успѣетъ «обкосить» въ первый день покоса. Въ этотъ день казакъ только обкашиваетъ кругомъ нужное ему, по его личному мнѣнію и глазомѣру, пространство, причемъ ему нѣтъ разсчета затѣвать кругъ съ чрезмѣрно большимъ діаметромъ, потому что въ та-

комъ случаѣ сосѣдъ можетъ врѣзаться въ ту сторону круга, которую онъ еще не успѣлъ обозначить при помощи своей косы. Я сказалъ, что онъ дѣлаетъ кругъ своими личными силами. Это не совсѣмъ вѣрно, потому что каждый казакъ можетъ выставить на покосъ трехъ работниковъ, но не больше, изъ своей ли семьи, или изъ наемниковъ. Но самая равномѣрность этого расширенія личныхъ силъ показываетъ, что оно вызвано только чисто хозяйственными соображеніями; принципъ же личности, личнаго труда, личнаго умѣнья, личной ловкости, личнаго разсчета, личной свободы остается во всей своей силѣ. Стѣсненія, налагаемыя подобными правилами напримѣръ при рыболовствѣ, дѣйствительно велики, можетъ быть даже ненужно велики, но мотивъ ихъ никакого ущерба началу личности, индивидуальности не наноситъ и имѣетъ въ виду только благо личности въ зависимости отъ явленій внѣшней природы: бей и лови рыбы сколько можешь, когда количество ея въ рѣкѣ достигаетъ своего maximum'а. Индивидуальныя потребности, удовлетворенныя индивидуальными силами,—таковъ принципъ и до сихъ поръ живущій въ уральской общинѣ, несмотря на множество препятствующихъ условій. Конечно для осуществленія этого принципа требуется общее соглашеніе, но дѣло въ томъ, что оно дѣйствительно общее, то-есть такое, въ которомъ участвуетъ каждый индивидъ, не имѣя при данныхъ условіяхъ повода и нужды подставлять ногу большинству или меньшинству, которыхъ впрочемъ и нѣтъ въ наличности.

Понятно, что уральцамъ живется или жилось хорошо, объ чемъ свидѣтельствуютъ всѣ путешественники, начиная съ Гакстгаузена и кончая г. Авесовымъ („Камско-Волжская Газета" 1873 года, №№ 85 и 92). Понятно также, что они, какъ люди мало развитые, дорожатъ каждою мелочью своего быта, упорно держась за такія подробности, которыя лишь эмпирически сплочены съ ихъ житьемъ-бытьемъ и могутъ логически даже противорѣчить его основному принципу. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы принципъ этотъ, даже помимо различныхъ злоупотребленій, былъ безупреченъ. Онъ прежде всего

двойственъ, потому что мѣряетъ «своихъ» и «чужихъ», за межой живущихъ, совершенно различными мѣрками. Не говоря уже о военномъ и слѣдовательно профессіонально-враждебномъ къ иностранцамъ и инородцамъ характерѣ уральской общины, давно исчезнувшемъ, въ ней, несмотря на демократическій строй, существуютъ своего рода паріи въ видѣ работниковъ изъ киргизъ и великоруссовъ. Относительно этихъ людей уральцы доходятъ до настоящихъ и, благодаря организаціи общины, вѣроятно всегда успѣшныхъ стачекъ, съ цѣлью пониженія заработной платы. Это, если не враги, то во всякомъ случаѣ чужіе люди, „иногородніе“, относительно которыхъ дозволены поступки, которые заслужили бы рѣзкое и всеобщее неодобреніе еслибы они были направлены противъ одного изъ своихъ. Однимъ словомъ, это—люди изъ-за межи. Здѣсь слѣдовательно мы опять возвращаемся къ Мэну. Дѣйствительно, въ то время, какъ для внутреннихъ отношеній общины обычай всячески сокращаетъ поле дѣйствія конкуренціи, оставляя на немъ только индивидуальныя силы, приблизительно равныя, потому что онѣ находятся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, трудъ чужого человѣка разрѣшается цѣнить какъ можно ниже, покупать его какъ можно дешевле, пользуясь всякими случайными выгодами положенія, причемъ конкуренція достигаетъ своего логическаго конца—монополіи и стачки. Эти порядки очень живучи и сохраняются даже къ тому времени, когда земля, земельные участки, выдѣлившіеся изъ общаго владѣнія, поступаютъ на рынокъ, подвергаясь всѣмъ колебаніямъ спроса и предложенія. Мэнъ приводитъ постановленіе древняго ирландскаго закона, по которому „существуютъ три ренты: высшая (rack-rent, буквально—мучительная рента, какъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ Мэнъ) съ лица, принадлежащаго къ чуждому племени, справедливая рента (fair-rent) съ члена своего племени и условленная рента (stipulated-rent), уплачиваемая одинаково и своимъ племенемъ, и посторонними“. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ, когда чужой допускается къ землевладѣнію, съ него, и только съ него, дозволяется брать ренту высшую обычной, «справедли-

вой» нормы, то-есть сколько только позволятъ условія, при которыхъ совершается сдѣлка, хотя бы двѣ шкуры съ одного вола, по пословицѣ.

Для нагляднаго выясненія тѣхъ двоякаго рода чувствъ, которыя обусловливаются и воспитываются этими двумя сторонами первобытной жизни, можетъ служить приводимый Лавелэ (De la propriété et de ses formes primitives, стр. 283) легендарный разсказъ объ опредѣленіи границы между областью Ури и Гларуса. Жители этихъ общинъ постоянно ссорились и дрались изъ-за межи. Наконецъ они рѣшили установить ее слѣдующимъ образомъ. Съ первымъ крикомъ пѣтуха изъ Альтдорфа и изъ Гларуса должны были пуститься бѣгомъ представители той и другой общины, и тамъ, гдѣ они встрѣтятся —быть границѣ. Депутаты Ури должны были наблюдать въ Гларусѣ, а депутаты Гларуса въ Альтдорфѣ, чтобы бѣгуны дѣйствительно съ первымъ крикомъ пѣтуха пустились въ путь. Люди Гларуса досыта накормили своего пѣтуха, разсчитывая, что это придастъ ему силы и онъ запоетъ пораньше. Люди Ури поступили наоборотъ, и ихъ разсчетъ оказался вѣрнѣе, такъ что ихъ бѣгунъ далеко опередилъ своего противника. При встрѣчѣ тотъ взмолился о болѣе справедливомъ раздѣлѣ. Бѣгунъ Ури согласился уступить ему все то пространство, которое онъ, побѣжденный, въ состояніи будетъ пронести его, побѣдителя, на себѣ, а бѣжать надо было въ гору. Чтобы не посрамить своей общины и не нанести ей матеріальнаго ущерба, бѣгунъ Гларуса согласился, взвалилъ къ себѣ на плечи противника и бѣжалъ въ гору до тѣхъ поръ, пока не свалился отъ усталости и не умеръ. Это случилось у ручья, который и получилъ названіе Scheidebächli—ручей раздѣла. Въ этомъ разсказѣ, несмотря на его легендарность, отразился, какъ въ зеркалѣ, весь строй первобытной жизни: вѣчныя пограничныя ссоры и драки, преданность своей общинѣ, доходящая до послѣдней степени самоотверженія, и обманы, хитрости, надругательства по отношенію къ чужой общинѣ. Но особенно любопытно сравнить способы опредѣленія границъ между общинами со способами опредѣленія гра-

ницъ личнаго владѣнія. „Первоначальная единица для измѣренія владѣнія была весьма неопредѣлительна, говоритъ г. Побѣдоносцевъ («Курсъ гражданскаго права»),—ибо взята была не изъ качествъ земли, а изъ личнаго свойства владѣльца: это былъ *личный трудъ*... Владѣніе распространялось безъ всякой опредѣлительности: „куда плугъ и соха, и топоръ, и коса ходятъ“. Такимъ образомъ собственникъ бо́льшею частію имѣлъ сознаніе лишь о починномъ пунктѣ своего владѣнія, и отъ этой точки владѣніе его простиралось въ неопредѣленную даль, доколѣ простиралось дѣйствіе труда его, обработка земли, не сталкиваясь съ чужимъ трудомъ и чужимъ владѣніемъ, которое въ свою очередь распространялось по мѣрѣ личнаго труда“. Въ тѣхъ же почти выраженіяхъ и съ тою же ссылкою на характерную русскую пословицу говоритъ Бѣляевъ («Крестьяне на Руси»): «Владѣніе землею долго опредѣлялось и ограничивалось только мѣрою труда и средствъ владѣльца, какъ говорилось и писалось: *куда топоръ, коса и соха ходила,* то-есть сколь далеко хватали средства и трудъ владѣльца, столь далеко простиралось и владѣніе; за чертою труда прекращалось владѣніе, и лежащая далѣе земля или принадлежала другому землевладѣльцу, положившему въ нее свой трудъ, или никому не принадлежала и считалась дикою». Община только регулировала возникавшія изъ такого порядка отношенія своихъ членовъ, предотвращала тѣ столкновенія, которыя могли выходить на „чертѣ труда“, по выраженію Бѣляева. Единственный принципъ, который она при этомъ могла имѣть и дѣйствительно имѣла, состоитъ въ уравновѣшеніи труда и потребностей каждаго изъ своихъ членовъ. Сюда относится вся механика передѣловъ, а также вышеприведенные обычаи покоса въ уральской общинѣ, наглядно выражающіе все громадное значеніе „черты труда“. Мимоходомъ сказать, у насъ и донынѣ склонны видѣть въ общинныхъ учрежденіяхъ нѣчто если не исключительно, то все-таки преимущественно русское, хотя до сихъ поръ существующая индійская и древняя германская община всѣмъ болѣе или менѣе знакомы. На дѣлѣ однако община существуетъ или существо-

вала во всѣхъ частяхъ свѣта. Такъ, въ Сіерра-Леоне и Фернандо-По обработка полей производится сообща, а жатва распредѣляется по семействамъ, смотря по потребностямъ. То же самое у іолофовъ; то же самое было недавно на Золотомъ Берегу (Waitz, «Anthropologie der Naturvölker», II, стр. 84). У многихъ американскихъ индѣйцевъ земля находится въ общемъ владѣніи всего племени, причемъ или отдѣльные участки находятся во временномъ пользованіи отдѣльныхъ лицъ, или же обработка производится сообща (равно какъ и охота), а продуктъ распредѣляется по потребностямъ (Id. III, 1 Hälfte, стр. 128). Какъ ни отрывочны подобныя указанія и какъ ни разнообразны въ подробностяхъ общинные порядки, но общій ихъ принципъ не подлежитъ сомнѣнію. Не таковы однако отношенія двухъ сосѣднихъ общинъ или вообще древнѣйшихъ общественныхъ единицъ. Въ этомъ случаѣ «черта труда» смѣнялась чертою насилія, обмана и т. п. Тѣ же американскіе индѣйцы зорко блюдутъ за незыблемостью границы владѣній всего племени, и всякій иностранецъ долженъ испрашивать особое позволеніе, чтобы перешагнуть ее. Наглядное же выраженіе этихъ отношеній можно видѣть въ способахъ опредѣленія границъ дальностью полета стрѣлы, пущенной изъ лука—способахъ, очень долго сохранившихся: докуда долетало смертоносное оружіе, символъ насилія и вражды, дотуда простиралось владѣніе общины. При этомъ, равно какъ и въ легендарномъ раздѣлѣ земель Ури и Гларіса, никакія потребности не служили нормой, а просто всякая община норовила захватить какъ можно больше. Впослѣдствіи эти отношенія вражды, борьбы, конкуренціи устанавливаются и между отдѣльными личностями. Но къ окончательному торжеству этого начала ведетъ долгій и трудный историческій процессъ, на пути котораго мы можемъ встрѣтить чрезвычайно странныя переходныя формы, въ которыхъ сплетается древнее начало съ новѣйшими. Приведу примѣръ. Въ одной хроникѣ разсказывается, что Карломанъ предоставилъ одному музыканту феодальное право на всемъ томъ пространствѣ земли, которое онъ, взойдя на высокую гору, въ состояніи будетъ огласить

звуками своего рожка (cor). Музыкантъ такъ и сдѣлалъ, а затѣмъ, обходя сосѣднія деревни, спрашивалъ встрѣчныхъ: слышали ли они звукъ рожка? При утвердительномъ отвѣтѣ, онъ объявлялъ слышавшаго своимъ вассаломъ, въ знакъ чего и давалъ ему тутъ же пощечину. Потомки этихъ людей, говоритъ хроника, долго назывались transcornati (Michelet, Origines du droit français). Это право на владѣніе пространствомъ, которое музыкантъ можетъ наполнить звукомъ своего инструмента, отчасти напоминаетъ еще древній принципъ черты труда, но онъ уже до такой степени извращенъ историческими наростами, что его едва можно различить. Но, какъ увидимъ въ свое время, феодализмъ, несмотря на грубость своихъ формъ, далеко не въ такой мѣрѣ подсѣкъ древнѣйшее право, какъ практика рынка, которая окончательно ввела въ междуличныя отношенія ту вражду, борьбу и конкурренцію, которыя нѣкогда характеризовали только взаимныя отношенія между единицами общественными, между групами.

Вообще мудрено найти характеристику природы человѣка, болѣе неосновательную или покрайней мѣрѣ одностороннюю, чѣмъ извѣстное изреченіе Гоббса: homo homini lupus, въ особенности, когда дѣло идетъ о древней исторіи человѣчества, хотя несомнѣнно, что двѣ сосѣднія общественныя единицы были всегда во враждебныхъ отношеніяхъ. Этотъ-то несомнѣнно враждебный характеръ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, международныхъ отношеній и былъ вѣроятно причиною недоразумѣнія, обобщившаго и отношенія междуличныя. Homo homini до такой степени не былъ въ древности lupus, что, *какъ отдѣльная личность*, даже чужой человѣкъ не встрѣчалъ вражды. Древнѣйшія общественныя единицы отличались необыкновенною пластичностью и стремленіемъ ассимилировать чуждые элементы, если только они являлись въ видѣ отдѣльныхъ личностей. Писатели, вѣрующіе, что исходною точкою общества была семья, очень хорошо замѣтили это и много говорятъ о юридическихъ фикціяхъ, въ силу которыхъ чужой объявлялся и признавался своимъ. Сюда относятся: извѣстный уже намъ обычай кувады, обряды

усыновленія, побратимства и проч. Но, мнѣ кажется, всѣ подобные обычаи, сопровождаемые иногда чрезвычайно сложными формальностями, именно въ силу этого должны относиться къ такому времени, когда пластическая сила общества уже значительно ослабѣла. Иначе не было бы надобности въ такихъ усиліяхъ ума для признанія чужого своимъ. Вдобавокъ мы знаемъ уже, что разныя другія соображенія побуждаютъ признать исходною точкою развитія общества не семью, а отсутствіе семьи. Запорожская община, любопытная для насъ въ этомъ случаѣ отсутствіемъ необходимѣйшаго элемента семьи—женскаго пола, не нуждалась въ сложныхъ обрядахъ для принятія въ свою среду польскаго шляхтича, крымскаго татарина, бѣглаго крестьянина, хотя все назначеніе ея, какъ цѣлаго, состояло въ борьбѣ съ Польшей, Крымомъ, Москвой. Можно съ увѣренностью сказать, что напротивъ параллельно развитію и укрѣпленію семейнаго начала и его усложненій, общество постепенно хотя весьма медленно, утрачивало свою способность воспринимать чуждые элементы. Сторонники смьи, какъ первообраза общества, доходятъ иногда до чрезвычайно странныхъ толкованій. Вотъ напримѣръ что говоритъ Мэнъ: „Жители индійскаго селенія называютъ другъ друга «братьями», хотя я неоднократно замѣчалъ, составъ ихъ общины часто является искусственнымъ и происхожденіе ея членовъ чрезвычайно разнообразнымъ. Но, несмотря на то, это братство не ограничивается однимъ названіемъ, а очевидно, имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе. Христіанскіе миссіонеры сдѣлали недавно попытку, которая повидимому должна имѣть большой успѣхъ: они размѣстили въ селеніяхъ новообращенныхъ изъ самыхъ различныхъ странъ. Въ настоящее время, согласно полученнымъ мною свѣдѣніямъ, эти лица совершенно слились съ „братствомъ“; они съ такою же легкостью говорятъ на мѣстномъ нарѣчіи и слѣдуютъ мѣстнымъ обычаямъ такъ же свободно, какъ будто они сами и ихъ предки были съ незапамятныхъ временъ членами сельской общины, ассоціаціи, преимущественно свойственной Индіи “ („Древнѣйшая исторія учрежденій“, 189). Мэнъ приводитъ этотъ поразительный фактъ, какъ образецъ «гибкости понятій о

родствѣ». Но, мнѣ кажется, фактъ говоритъ только о необычайрой пластической силѣ сохранившагося въ Индіи общиннаго порядка, причемъ слово и даже понятіе братства отступаетъ совсѣмъ на задній планъ. Другой примѣръ. Нравственная связь, образующаяся между людьми, изъ которыхъ одинъ накормилъ другого, бываетъ очень различна, какъ по своей силѣ, такъ и по продолжительности. Русскій человѣкъ считаетъ эту связь пожизненною и говоритъ, что «хлѣбъ-соль не бранится», «хлѣбъ-соль не допуститъ на зло»; арабъ же не смѣетъ преслѣдовать своего гостя и слѣдовательно считаетъ его нравственно съ собой связанныхъ только до тѣхъ поръ, пока съѣденная шутникомъ хлѣбъ-соль находится еще въ желудкѣ (Bastian. Rechtsverhältnisse, XIV). Тѣмъ не менѣе связь эта существуетъ, и, казалось бы трудно натянуть ее на шаблонъ связи семейной. Между тѣмъ Афанасьеву эта натяжка удалась. Придравшись къ одной русской пословицѣ: «кто сидѣлъ *на печи*, тотъ ужь не гость, а свой», онъ объясняетъ все явленіе гостепріимства, хотя не въ немъ собственно и дѣло, «поклоненіемъ домашнему очагу", т. е. семейному началу. (ор. с. II, 62).

Читатель не долженъ претендовать на отрывочность и вмѣстѣ скученность изложенныхъ фактовъ. Наша ближайшая цѣль состоитъ не въ выясненіи той или другой частности первобытной жизни. а въ утвержденіи того общаго правила, что территоріальная граница, межа является вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы границею между добромъ и зломъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что двойственность общественныхъ отношеній, среди которыхъ живетъ первобытный человѣкъ, отражается во всѣхъ древнихъ религіяхъ дуализмомъ, единовременнымъ существованіемъ и вѣчною жаждою добраго и злаго начала, свѣтлаго божества и дьявола. Конечно первый толчокъ этому дуализму можетъ быть данъ явленіями природы. Прежде всякаго другого опредѣленія природы божествъ, первобытный человѣкъ дѣлитъ ихъ на благодѣтельныя, добрыя и зложелательныя, злыя. И тѣ и другія требуютъ молитвъ, жертвоприношеній; злыя божества иногда даже настоятельнѣе добрыхъ, потому что послѣднія и безъ того, по

самому существу, суть, такъ сказать, прирожденные покровители молящагося и жертву приносящаго. Очень рано въ сонмѣ злыхъ божествъ, состоящемъ изъ страшныхъ звѣрей, грозныхъ явленій природы, вдвинутыхъ въ фантастическіе человѣкоподобные образы, занимаютъ мѣсто или непосредственно иностранецъ, инородецъ, „иногородній“, вообще представитель чужой общественной единицы, или же его божественные покровители, его добрые боги. Всѣми изслѣдователями замѣчено, что при столкновеніи двухъ миѳологическихъ рядовъ (возможномъ только при столкновеніи двухъ общественныхъ единицъ) они обыкновенно не уничтожаютъ другъ друга, а одинъ изъ нихъ превращается въ рядъ демоновъ, злыхъ, темныхъ божествъ. Такъ девы, добрыя божества арійцевъ-индусовъ, у иранцевъ получили значеніе злыхъ демоновъ. Точно такое же превращеніе потерпѣли мѣстныя божества на Цейлонѣ, подъ давленіемъ буддизма. Такъ христіанство даже до сихъ поръ не совсѣмъ уничтожило бога Віутона, Одина, а низвело его мощь на степень демонической силы „дикаго охотника“ (wilder *wüthender* Jäger). Такихъ примѣровъ можно бы было привести много, и число ихъ было бы даже гораздо значительнѣе, еслибы люди науки придавали должное значеніе вліянію общественныхъ отношеній на религіозныя вѣрованія. А то напримѣръ даже такой авторитетъ, какъ Лассенъ, считаетъ возможнымъ утверждать, что арійцы индусы и иранцы разошлись изъ-за различнаго пониманія природы божествъ, каковое, дескать, различіе и проявилось въ признаніи индусскихъ добрыхъ боговъ злыми демонами со стороны иранцевъ («Indische Alterthumskunde», 2 изд. I, 632, 932). (Точка зрѣнія, когда-то господствовавшая у насъ по отношенію къ расколу и едва-ли кѣмъ-нибудь теперь поддерживаемая). Всѣ подобныя явленія, подлежатъ болѣе простому и резонному объясненію: естественно въ самомъ дѣлѣ, что при постоянно враждебныхъ отношеніяхъ двухъ народовъ боги-покровители одного изъ нихъ становятся богами-гонителями другого. Это воззрѣніе переносится и на служителей боговъ-покровителей чужого племени. Такъ финны среди европейцевъ издревле слыли колдунами, людьми, состоящими

въ дружескихъ отношеніяхъ съ злыми, нечистыми силами, да и теперь, даже подъ самымъ Петербургомъ, можно слышать нѣчто подобное о чухнахъ; сами же финны приписывали магическую силу лапландцамъ. Объ осадѣ Казани разсказывается: «Егда солнце начнетъ восходить, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіять *сатанинскія* словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся необлагочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтеръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался» и т. д. («Сказанія князя Курбскаго»). И здѣсь слѣдовательно сила чужихъ боговъ не отрицается: она только признается „сатанинскою". Малайцы полуострова, которые приняли магометанскую религію и цивилизацію, имѣютъ именно такое понятіе о низшихъ племенахъ своей страны, принадлежащихъ болѣе или менѣе къ ихъ же расѣ, но оставшихся въ своемъ древнемъ дикомъ состояніи. Малайцы имѣютъ собственныхъ чародѣевъ, но считаютъ ихъ ниже колдуновъ грубаго племени минтира. Якуны—также грубое и дикое племя, которое малайцы презираютъ, какъ невѣрныхъ и стоящихъ немного выше животныхъ, но которыхъ въ тоже время страшно боятся, Для малайца якунъ кажется сверхъестественнымъ существомъ, искуснымъ въ гаданіи, колдовствѣ и чарованіи. Въ Индіи, въ давнопрошедшіе вѣка, господствующіе арійцы описывали грубыхъ туземцевъ страны, какъ людей, „владѣющихъ волшебными силами", „мѣняющихъ свой видъ по желанію". Индусы, населяющіе Чота-Нагпуръ и Сингбумъ, твердо вѣрятъ, что мундасы сильны въ колдовствѣ, могутъ превращаться въ тигровъ и другихъ хищныхъ звѣрей, чтобы пожирать своихъ враговъ и проч. (Тайлоръ, «Первобытная культура», I, 106). Тайлоръ замѣчаетъ, что этого рода отношенія существуютъ и между сектами. Такъ, въ Англіи и Шотландіи протестанты считали католическихъ священниковъ (а не своихъ) способными заклинать дьяволовъ и вообще имѣющими дружественную связь съ нечистой силой. Тоже явленіе существуетъ въ Германіи и до сихъ поръ. Гильфердингъ разсказываетъ тоже самое о балканскихъ славянахъ: православные бос-

няки увѣрены, что католическій попъ умѣетъ сладить съ нечистой, дьявольской силой, а православный не можетъ („Поѣздка по Герцоговинѣ, Босніи и Старой Сербіи“).

Не знаю, какъ отнесся бы къ этому послѣднему примѣру Тайлоръ. Цѣль его доказать, что вѣрованія въ таинственныя магическія силы постепенно исчезаютъ въ человѣчествѣ и принадлежатъ низшему уровню цивилизаціи. Для него „поучительно видѣть, что это здравое сужденіе безсознательно принимается тѣми народами, воспитаніе которыхъ не настолько подвинулось, чтобы разрушить самую вѣру въ колдовство“. Въ подтвержденіе онъ приводитъ рядъ случаевъ, когда низшее племя заподозрѣвается въ сношеніяхъ съ нечистою, дьявольскою силою. Сюда же отнесены повѣрья, что католическіе священники ближе къ дьяволу, чѣмъ протестантскіе, что вполнѣ согласуется съ воззрѣніемъ Тайлора на католицизмъ, какъ на низшую, сравнительно съ протестантствомъ, ступень развитія. Мы имѣемъ тутъ образчикъ той полемической струнки, о которой было говорено въ началѣ статьи. Въ сущности обобщеніе Тайлора совсѣмъ невѣрно, потому что можно привести множество случаевъ, когда безспорно высшее племя нетолько заподозрѣвается въ сношеніяхъ съ нечистою силою, но даже прямо отождествляется съ сонмомъ дьяволовъ: такъ многіе дикари смотрятъ на бѣлыхъ. Да едва-ли тутъ и можетъ быть установлено какое-нибудь общее правило, кромѣ того, что въ «чужемъ» болѣе или менѣе олицетворяется духъ зла и что божества, покровительствующія ему, признаются злыми. Запутанность всѣхъ сложныхъ миѳологій объясняется тѣмъ, что въ различныхъ мѣстахъ извѣстной исторической страны (Египта, Индіи, Греціи) почитались различные боги, часто противопоставлялись другъ другу, въ качествѣ враждебныхъ или дружественныхъ, сообразно взаимнымъ отношеніямъ ихъ почитателей, и, такъ сказать, боролись за обладаніе страной. Египетскій Сетъ (Тифонъ), богъ всякаго зла, насылавшій засуху, безплодіе и проч., былъ въ то же время богомъ войны и всей «заграницы», а потому чествовался преимущественно во времена тягостныхъ иноплеменныхъ

нашествій, какъ было напримѣръ во время владычества гиксовъ.

Очевидно было достаточно причинъ для того, чтобы отвести, иностранца, иноплеменника, инородца, на ряду съ «гладомъ, трусомъ и потопленіемъ», съ страшными фантастическими драконами, химерами, вампирами, сфинксами, съ кровожадными тиграми, крокодилами, могучими змѣями, въ вѣдѣніе духа зла, дьявола. Они были часто хуже голода и землетрясенія, хуже змѣй и тигровъ. Хорошо еще, если они налетали на сосѣдей вихремъ и, окончивъ свое разрушительное дѣло, вихремъ же исчезали. Но бывало и иначе. Побѣдители сильные, кромѣ частныхъ условій, доставшихъ побѣду своею сплоченностью, тяжелымъ гнетомъ ложились на побѣжденныхъ и давили ихъ безпощадно. Кромѣ выпадающихъ на долю побѣжденныхъ голода, холода, всевозможныхъ физическихъ лишеній, ранъ, побоевъ, тутъ происходитъ еще нѣчто особенное, имѣющее чрезвычайно важное значеніе для ихъ нравственной жизни. Во-первыхъ попрана, поругана священная межа, съ которой связано такъ много; отступился богъ-покровитель, добрый богъ, или по крайней мѣрѣ оказался не въ силахъ противостоять чужому богу. Извѣстны фамильярныя отношенія дикарей къ своимъ богамъ: бога, не исполнившаго своей обязанности, иногда просто сѣкутъ. Но не всегда такъ бываетъ, и à la longue такія экзекуціи немыслимы. Въ случаѣ нашествія и осѣданія иноплеменниковъ, или нужны усиленныя молитвы, жертвоприношенія и покаянія, или же колеблется самая вѣра; а такъ какъ религіозное начало проникаетъ собою всѣ нравственныя отношенія древности, то понятно, какіе громадные нравственные результаты должны получаться отъ враждебнаго столкновенія двухъ общественныхъ единицъ. Отлетаетъ правда, то есть все, что считалось истиннымъ, справедливымъ, могущественнымъ, святымъ. Къ этому же результату приводитъ другой родъ соображеній. Голодъ, вообще физическія лишенія, не составляютъ новости для побѣжденныхъ: падежъ, неурожай и проч. и прежде заставляли голодать, но, благодаря общинной организаціи, это голоданіе рас-

пространялось равномѣрно. Вайцъ рисуетъ по истинѣ трогательную картину ожиданія голодными алеутами своей доли добычи въ рыбной ловлѣ. Онъ приводитъ свидѣтельства путешественниковъ, что ожиданіе очереди, каковъ бы ни былъ голодъ, происходитъ безусловно честно. Но вотъ эти мирныя, честныя отношенія, такъ сказать, раскалываются клиномъ побѣды. Побѣдители не считаютъ себя равными побѣжденнымъ. Въ своей общинѣ они относятся другъ къ другу иначе, но здѣсь имъ нечего, не для чего стѣсняться. Побѣдитель заставляетъ побѣжденнаго работать на себя и отнимаетъ у него лучшій кусокъ. Для послѣдняго здѣсь уже не просто въ голодѣ дѣло: физическое лишеніе осложняется нравственнымъ фактомъ, потрясающимъ весь обиходъ его понятій. Побѣдители, благодаря своему насилію и труду побѣжденныхъ, ведутъ сравнительно роскошный образъ жизни, удовлетворяютъ такимъ своимъ потребностямъ, которыя, не будь столкновенія, побѣды и пораженія, можетъ быть только черезъ многое множество лѣтъ возникли бы какъ у побѣдителей, такъ и у побѣжденныхъ. Наконецъ, если побѣдители пришли изъ далека, изъ страны съ другими климатическими и проч. условіями, то можно навѣрное сказать, что они приносятъ съ собой потребности, дотолѣ у побѣжденныхъ неслыханныя. И вотъ побѣжденнаго, весь нравственный складъ котораго уже расшатанъ, начинаетъ точить червь: онъ ничѣмъ не хуже этихъ пришельцевъ, онъ даже навѣрное лучше ихъ, хоть богъ и отступился отъ него—почему же имъ выпадаетъ на долю всякая благодать, а ему всякія лишенія? Въ немъ будятся новыя потребности, но не предоставляется никакихъ средствъ для ихъ удовлетворенія. Та внутренняя борьба, которая въ немъ при этомъ происходятъ, тѣ порыванія то къ подавленію новыхъ потребностей, то къ ихъ удовлетворенію или, пожалуй, тѣ «алканія, которыя идутъ отъ частей нервной системы, лишенныхъ ихъ нормальной дѣятельности», убѣждаютъ его опять-таки, что правда отлетѣла. Это осложненіе физическаго лишенія нравственнымъ фактомъ играетъ во всѣхъ древнихъ религіозно-нравственныхъ системахъ чрезвычайно важную

роль, подробности которой, полныя глубокаго трагизма, мы, свыкшіеся съ мыслью, что не однимъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, не всегда способны оцѣнить по достоинству.

Дуализмъ, вѣчная борьба добраго и злого начала, глубже всего разработанъ въ иранскихъ вѣрованіяхъ, имѣвшихъ важное значеніе даже въ исторіи Европы и до сихъ поръ вспоминаемыхъ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ (Ормуздъ и Аримань—добро и зло). Какъ спеціальные историки Ирана, такъ спеціальные историки дуализма обращаютъ вниманіе на климатическія, почвенныя, вообще физическія условія страны, занятой иранцами, особенно пригодныя для выработки идеи дуализма. Здѣсь есть плодоносныя, цвѣтущія полосы и оазисы, есть и дикія, безплодныя пустыни; есть сильные холода зимой и сильные жары лѣтомъ; есть здоровыя мѣстности и переполненныя болѣзнями и проч. Все это должно было способствовать развитію понятія о полярно-противоположныхъ, но рядомъ дѣйствующихъ божествахъ. Мы можемъ здѣсь только принять къ свѣдѣнію это непосредственное вліяніе окружающей природы. Кромѣ нея, иранцы побуждались къ дуализму своими вѣчно враждебными столкновеніями съ сосѣдними туранскими народами. Этотъ источникъ иранскаго дуализма точно также признанъ всѣми изслѣдователями, а потому для насъ достаточно будетъ привести нѣкоторыя черты изъ исторіи борьбы Ормузда съ Аріманомъ, собственно для подтвержденія существованія той внутренней борьбы изъ-за новыхъ и неудовлетворенныхъ потребностей, о которой было сейчасъ говорено. При этомъ мы разумѣется не вдадимся въ провѣрку варьянтовъ и т. п., а просто возьмемъ что намъ нужно.

Въ тысячелѣтнее царствованіе Іема или Іами люди не знали ни болѣзни, ни смерти, ни зависти, ни другихъ пороковъ, ни голода, ни жажды. *Іемъ прогналъ съ лица земли всѣхъ демоновъ* и заперъ ихъ въ подземномъ царствѣ. Все это счастіе исчезло при преемникѣ Іема, Дахакѣ, который *былъ иностранецъ и происходилъ прямо отъ Аримана*. Въ тысячелѣтнее царствованіе Дахака земля превратилась въ юдоль плача и вся-

каго беззаконія. *Демоны опять свободно загуляли по землѣ*, добрые люди сократились въ числѣ и много терпѣли. Самъ Ариманъ одѣлся поваромъ, поступилъ на службу къ Дахаку и *научилъ его пить мясную пищу, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ питались только растительной.* Ариманъ подчивалъ Дахака сначала яйцами, потомъ фазанами, другими птицами, бараниной, телятиной. Въ благодарность за гастрономическія наслажденія, поваръ-Ариманъ просилъ только позволенія поцѣловать царя въ оба плеча. Но тотчасъ послѣ этихъ поцѣлуевъ у царя выросли изъ плечъ двѣ змѣи, а поваръ исчезъ, и найти его не было возможности. Дахакъ обратился къ врачамъ. Они пробовали отрѣзать змѣй, но тѣ опять выростали, такъ что всѣ усилія врачебной науки оказались безплодными. Тогда выступилъ на сцену опять Ариманъ, на этотъ разъ въ видѣ врача. *Онъ посовѣтовалъ кормить змѣй человѣческимъ мозгомъ*, предсказывая, что они отъ этого сами умрутъ. Съ тѣхъ поръ каждый день убивались два человѣка, и мозгомъ ихъ кормились змѣи нечестиваго царя. Безбожіе, несправедливость, зло все росли. Наконецъ два благородные принца взяли на себя царскую кухню и стали регулярно спасать по крайней мѣрѣ по одному человѣку въ день, примѣшивая къ человѣческому мозгу бараній. Спасенные же укрывались въ горы и положили начало курдскимъ племенамъ. Дахакъ былъ свергнутъ потомкомъ Іема, Фредуномъ, причемъ *въ войскахъ Дахака находились демоны, а все доброе, правдивое стояло за Фредуна.*

Какъ и всякій миѳъ, это преданіе представляетъ своеобразное, оплетенное фантазіей отраженіе дѣйствительности. Прослѣдить эту связь съ дѣйствительною жизнью въ подробностяхъ нѣтъ разумѣется никакой возможности. Но если читатель обратитъ вниманіе на подчеркнутыя строки, онъ увидитъ, что для безъименныхъ создателей миѳа, для народной массы, иностранецъ былъ демономъ, то изгоняемымъ изъ родной страны, то водворяющимся въ ней; что водвореніе это, кромѣ всякаго рода прямого зла, сопровождалось появленіемъ потребностей, до тѣхъ поръ побѣжденнымъ неизвѣстныхъ; что наконецъ удовлетворе-

ніе этихъ потребностей, при данныхъ условіяхъ, признавалось столь же неправеднымъ, какъ кормленіе ненасытныхъ змѣй человѣческимъ мясомъ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только столкновеніе двухъ общественныхъ единицъ, оставляя въ сторонѣ тѣ измѣненія ихъ внутренняго строя, которыя могутъ и должны происходить съ теченіемъ времени. Мы говорили только о межѣ, отдѣляющей владѣнія двухъ сосѣднихъ общинъ, предполагая, что внутри каждой изъ нихъ все идетъ по старому. На дѣлѣ такой неподвижности нѣтъ. Неустанная международная вражда постепенно, но постоянно подтачиваетъ и мирныя братскія отношенія внутри первобытной общины.

Индійская община совмѣщаетъ въ себѣ представителей разныхъ промысловъ; въ ней есть кузнецы, башмачники, шорники, браминъ, счетчикъ, изъ рода въ родъ передающіе свое искусство и свое знаніе. Но среди этихъ полноправныхъ членовъ общины встрѣчаются люди и богатые, и повидимому уважаемые, которые не пользуются деревенскими или муниципальными привилегіями въ качествѣ членовъ общества. Таковы напримѣръ торговцы зерновымъ хлѣбомъ. Мэнъ считаетъ себя вправѣ замѣтить, что «промыслами, остающимися такимъ образомъ внѣ органической группы, бываютъ именно тѣ, которые берутъ свои товары съ отдаленныхъ рынковъ». Мэнъ намекаетъ на близкую связь этого страннаго явленія съ общимъ значеніемъ рынковъ, какъ нейтральнаго мѣста, гдѣ сходятся въ принципѣ враждебные другъ другу люди. Это вполнѣ резонно. Если на рынкѣ практикуется всякаго рода неправда, если тамъ разрѣшается брать съ покупателя какъ можно дороже и давать ему какъ можно меньше, то естественно, что на купца, занимающагося этимъ дѣломъ, должна ложиться извѣстная печать отверженія, несмотря на то, что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ—желанный «гость», какъ говорилось у насъ въ старину: онъ привозитъ товары, какихъ въ данной мѣстности нѣтъ. Положимъ, что онъ надуваетъ почти «демоновъ» или по крайней мѣрѣ служителей нечистой силы, но онъ входитъ съ ними въ постоянныя мирныя сношенія и

впитываетъ въ себя отчасти ихъ нечисть. Замѣчательно, что торговля очень туго подчиняется общинной организаціи. Тѣ же уральскіе казаки, несмотря на свои общинныя привычки, торгуютъ съ сосѣдями-великоруссами врознь: каждый везетъ свои возы пшеницы и сѣна въ особину. Все это естественно выдѣляетъ купца, ставитъ его въ совершенно особенное положеніе въ древнемъ обществѣ, проводитъ между нимъ и остальными своего рода межу, въ смыслѣ границы между добромъ и зломъ: въ его личности старая правда надломлена, хотя нѣкоторыя постороннія обстоятельства могутъ иногда поэтизировать его въ глазахъ народа. Такъ было въ Малороссіи съ чумаками.

Гораздо важнѣе другія измѣненія въ древнемъ обществѣ. Я имѣлъ уже случай ссылаться на «Эвмениды» Эсхила, въ которыхъ, по поводу убійства Агамемнона Клитемнестрой и Клитемнестры Орестомъ, идутъ пререканія между Аполлономъ и Аѳиной съ одной стороны и Эринніями съ другой. Эринніи считаютъ преступникомъ Ореста, потому что онъ убилъ *мать*; Аполлонъ и Аѳина защищаютъ Ореста, потому что онъ мстилъ за *отца*. При этомъ Эринніи называютъ своихъ оппонентовъ «новыми богами» и упрекаютъ ихъ за ненависть къ *старой* правдѣ. Эта старая правда состояла, какъ мы знаемъ, въ женовластіи, въ преобладаніи материнскаго права надъ отцовскимъ. Если читатель согласится принять изложенные мною въ прошломъ году взгляды на этотъ предметъ Бахофена, то онъ убѣдится, что въ древней борьбѣ мужскаго и женскаго начала точно также имѣлась своего рода граница добра и зла, выражавшаяся иногда даже прямо территоріальной межой. Борьба эта велась съ перемѣннымъ счастіемъ, но побѣдителемъ вышелъ въ концѣ-концовъ вообще говоря мужчина. Женщина заняла вслѣдствіе этого такое же положеніе, какъ и всѣ побѣжденные. Въ ней, какъ во всякомъ побѣжденномъ, будятся желанія и не дается средствъ для ихъ удовлетворенія. При этомъ женщина обращается въ «вѣдьму», въ служительницу сатаны, въ такой же «сосудъ дьявольскій», какимъ былъ напримѣръ туранецъ для иранца. Мы увидимъ впослѣдствіи, какое важное значеніе имѣ-

ло это обстоятельство въ исторіи, а здѣсь отмѣтимъ только сѣтованіе Эринній на ниспроверженіе новыми богами правды.

Но вотъ борьба мужскаго и женскаго элемента если не окончательно улеглась, то по крайней мѣрѣ утратила свой острый характеръ. Болѣе или менѣе обособились семьи въ той или другой формѣ. Во все время этого процесса кристализаціи семьи идетъ своимъ чередомъ безпощадная война между сосѣдями. Но война требуетъ единства дѣйствій, подчиненія волѣ одного какого-нибудь начальника, который былъ первоначально конечно выборный и по окончаніи своей предводительской миссіи утопалъ въ общей массѣ впредь до востребованія. Востребованіе однако не заставляло себя ждать. При раздѣлѣ добычи вождю выпадала лучшая доля и, что особенно важно, нѣкоторыя привилегіи. Такъ онъ получалъ, сравнительно съ другими, большую часть покоренной земли, а также право не пускать свой земельный участокъ въ передѣлъ, право огораживать его и вообще не подчинять его господствующимъ въ общинѣ обычнымъ порядкамъ. Разъ установилась семья, является и наслѣдственная передача (въ той или другой формѣ) собственности и правъ, вслѣдствіе чего, если постъ вождя, начальника и не становится съ разу прямо наслѣдственнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то все-таки является склонность выбирать на это мѣсто людей одной и той же, привиллегированной семьи. Семья разростается, выдѣляетъ изъ себя новыя ячейки, которыя осѣдаютъ гдѣ-нибудь по близости. Получается родъ въ наиболѣе извѣстной патріархальной формѣ или же въ той формѣ братскаго старшинства, на которую недавно обратилъ вниманіе г. Забѣлинъ. Во всякомъ случаѣ отпрыски первичной семьи сохраняютъ къ ней извѣстное подчиненное отношеніе, сначала очень слабое и часто разрушаемое, но которое съ теченіемъ времени все крѣпнетъ. Первичная семья занимаетъ привилегированное положеніе. Такъ или иначе, тѣмъ или другимъ путемъ, вѣрнѣе, разными путями выдѣляются наслѣдственные военные вожди, получающіе и въ мирное время, во внутреннихъ распорядкахъ, первенствующее значеніе. Несмотря на свое обособленное положеніе, они слу-

жатъ представителями цѣлой общины. Во имя ея занимаютъ они вражескую территорію, отъ ея имени ведутъ переговоры. Мало-по-малу это сосредоточеніе коллективныхъ правъ идетъ все дальше и дальше. Насколько не улеглись еще древнія безбрачныя и безсемейныя половыя отношенія, когда женщина принадлежала всей общинѣ, это верховное право общины переходитъ на вождя: онъ, какъ персонификація цѣлаго, имѣетъ право на всѣхъ женщинъ, и каждый, основывающій новую семью, обязанъ или приводить къ нему свою жену (jus primæ noctis culage, braconage, «княжое»), или откупаться. То же самое происходитъ и въ поземельныхъ отношеніяхъ; коренная и покоренная земля, принадлежащая цѣлому, сосредоточивается въ рукахъ его представителя, который постепенно получаетъ право раздавать земельные участки отъ своего личнаго имени за личную же ему службу. Образуется классъ воиновъ, дружинниковъ, которые, занятые военною дѣятельностію, сами переуступаютъ свои земли на извѣстныхъ условіяхъ службы и другихъ повинностей. Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ процессъ феодализаціи первобытной общины. Въ результатѣ получаются іерархически расположенная группа воиновъ-господъ и группа безправныхъ рабовъ-земледѣльцевъ. Не смотря на то, что они живутъ по сю сторону межи, они уже не могутъ быть «свои» другъ другу. Между ними лежитъ цѣлая пропасть, и въ сущности мы имѣемъ здѣсь такихъ же побѣдителей и побѣжденныхъ.

Этимъ не ограничиваются измѣненія въ внутреннемъ строѣ древняго общества. Для борьбы съ Ариманомъ, представляется ли онъ въ видѣ иностранца или грознаго явленія природы, нужно не только оружіе, нужны молитвы, жертвоприношенія. Параллельно образованію класса воиновъ идетъ совершенно аналогическій процессъ выдѣленія класса жрецовъ, изъ рода въ родъ передающихъ свои секреты умилостивленія грозныхъ и благодаренія благихъ боговъ. Жрецъ, какъ и воинъ, начинаетъ съ временнаго представительства за свою общину предъ лицомъ божества, но затѣмъ постепенно сосредоточиваетъ въ своей личности право всѣхъ и каждаго непосредственно сноситься съ бо-

гами. На него ложится нѣкоторое отраженіе божественнаго свѣта, съ которымъ оно постоянно имѣетъ дѣло, и придаетъ ему иногда такое значеніе, что онъ становится даже выше вождя. Углубляясь въ свое занятіе, переходя отъ молитвъ и созерцанія къ теоріямъ и размышленію и въ то же время ревниво оберегая свое привилегированное положеніе, жрецы все больше удаляются отъ своихъ единомышленниковъ и естественно доходятъ даже до нѣкотораго презрѣнія къ ихъ грубымъ суевѣріямъ, хотя не считаютъ нужнымъ или возможнымъ поднять ихъ до своего уровня.

Происходятъ и другія измѣненія внутри межи древняго общества. Всѣ они состоятъ въ томъ, что «свои» становятся «чужими», причемъ различныя сферы дѣятельности и сопряженныя съ ними права и обязанности, принадлежавшія нѣкогда всѣмъ и каждому, распредѣляются по отдѣльнымъ общественнымъ групамъ. Въ результатѣ для каждой такой групы получаются «алканія, идущія отъ частей нервной системы, лишенныхъ ихъ нормальной дѣятельности», то есть неудовлетворенныя потребности, то есть рѣшительно то же самое, что дается враждебнымъ столкновеніемъ двухъ древнѣйшихъ общественныхъ единицъ, отдаленныхъ другъ отъ друга священною межой.

Есть однако одна важная разница между явленіями, происходящими внутри межи, и тѣми, которыя могутъ быть названы международными. Измѣненія внутренняго строя древней общины происходятъ съ чрезвычайною медленностью и постепенностью; это—процессъ вѣковой, тогда какъ вторженіе иноплеменниковъ съ разу измѣняетъ весь строй покореннаго общества причемъ иногда самое обличіе и языкъ побѣдителей до такой степени разнятся отъ обличія и языка побѣжденныхъ, что послѣдніе ни на минуту не могутъ усомниться въ грустной истинѣ своего пораженія. Не то съ своими собственными купцами, воинами, жрецами и проч., которые выростаютъ исподволь, съ неустанностью, но и съ медленностью часовой стрѣлки приближаясь къ своей окончательной формировкѣ. Они связаны съ остальными членами общества языкомъ нѣкоторыми обычаями

и преданіями, происхожденіемъ, и потому раззореніе древняго права, «правды», въ этомъ случаѣ гораздо менѣе ощущается. Таковъ общій законъ ощущеній. Можно съ помощью особеннаго аппарата такъ медленно и постепенно нагрѣть воду, въ которой помѣщена нога лягушки, что лягушка и не замѣтитъ, какъ ея нога сварится, тогда какъ гораздо менѣе слабое, но внезапное, рѣзкое измѣненіе температуры воды заставитъ лягушку отдернуть ногу. Человѣкъ можетъ замерзнуть съ улыбкой на лицѣ, если замерзаніе происходитъ постепенно. Одинъ медикъ устроилъ кругообразный, вращающійся ножъ, которымъ совершенно отрѣзывалъ, маленькими кружéчками, уши кроликовъ и тѣ спокойно ѣли во все время операціи. Всякій знаетъ, что при условіи неподвижности можно долго сидѣть въ ваннѣ, не ощущая охлажденія воды. Вообще постепенное усиленіе какого бы то ни было раздраженія ослабляетъ соотвѣтственное ощущеніе, между тѣмъ какъ сравнительно ничтожный, но внезапный приростъ раздраженія тотчасъ же разрѣшается образованіемъ ощущенія. Такъ и въ жизни народовъ, въ исторіи. Гнетъ иноплеменниковъ, хотя бы сравнительно слабый, ощущается гораздо живѣе, чѣмъ гнетъ «самобытный», хотя бы и болѣе сильный, потому что разница между двумя сосѣдними моментами прироста гнета въ первомъ случаѣ всегда больше.

Сварена ли будетъ лягушечья лапа быстрымъ ощущеніемъ въ кипятокъ или крайне постепеннымъ возвышеніемъ температуры воды, она во всякомъ случаѣ будетъ вареная, а лягушка безногая. Тутъ разница не въ объективныхъ послѣдствіяхъ, а въ субъективномъ процессѣ. Опять таки такъ и въ исторіи, съ тою однако разницей, что постепенность, съ которою происходитъ феодализація общины или образованіе браминскаго гнета, не можетъ сравниться съ постепенностью возвышенія температуры воды достигаемою особенными усиліями экспериментатора. Народъ, подвергаемый феодализаціи или другому подобному процессу, не можетъ не ощущать, когда его напримѣръ бьютъ или отнимаютъ у него жену, дѣтей. Ощущенія онъ получаетъ достаточно сильныя, но ощущенія эти не слагаются въ высшія

интеллектуальныя формаціи. Можно ощущать боль, но не сознавать или слабо сознавать ея причиненіе, какъ несправедливость. Отсутствіе критики и протеста, не смотря на всю тяжесть и боль жизни, можетъ въ подобныхъ случаяхъ распространяться даже на загробную жизнь. Такъ на островахъ Тонга будущая жизнь была привиллегіей одной касты; «по вѣрованію туземцевъ, ихъ предводители и высшіе классы переходили въ божественномъ просвѣтленіи въ страну блаженства «Болоту», а низшіе классы были надѣлены только такими душами, которыя умирали вмѣстѣ съ тѣлами; и хотя нѣкоторые изъ членовъ этого класса имѣли смѣлость требовать мѣста въ раю на ряду съ избранными, но народъ вообще благодушно соглашался на уничтоженіе своихъ плебейскихъ душъ» (Тайлоръ, „Первобытная культура“, II, 99). Джонъ Смитъ, авторъ старой „Исторія Виргиніи“, приводитъ такія вѣрованія туземцевъ: «вожди и знахари, раскрашенные и убранные перьями, будутъ курить, пѣть и плясать съ предками, между тѣмъ какъ простой народъ не будетъ имѣть загробной жизни и сгніетъ въ своихъ могилахъ» (Тамъ же, 140), и т. п.

Не было конечно въ исторіи, нѣтъ и въ настоящее время общества, настолько замкнутаго, чтобы всѣ его понятія о добрѣ и злѣ, о правдѣ и неправдѣ выросли единственно на почвѣ измѣненій внутренняго строя жизни. Это логически невозможно, потому что, даже устраняя мысленно всѣхъ «чужихъ» сосѣдей, не трудно видѣть, что они должны образоваться процессомъ кристализаціи семей. Можно говорить только о бо̀льшей или меньшей степени вліянія международныхъ и междусословныхъ отношеній, результатъ которыхъ, повторяю, одинъ и тотъ же, несмотря на разницу въ быстротѣ процесса и въ степени сознанія его участниковъ.

Понятія о добрѣ и злѣ иранцовъ и индусовъ очень наглядно изображаютъ какъ это сходство, такъ и это различіе. Иранцы представляли себѣ весь міръ громаднымъ поприщемъ борьбы добраго и злого начала. Ормуздъ и Ариманъ со всею ихъ свитою отдѣлены другъ отъ друга огромной межой, которая снача-

ла была пустымъ пространствомъ, а потомъ отчасти выполнилась совокупнымъ Ормузда и Аримана созданіемъ вещественнаго міра: первый создавалъ плодоносныя долины, чистыхъ и полезныхъ животныхъ, людей, Ариманъ—пустыни, змѣй, скорпіоновъ, муравьевъ и проч., наконецъ злыхъ существъ, отчасти человѣко, отчасти демоноподобныхъ. Борьба добраго и злаго начала идетъ неустанно, съ перемѣннымъ счастіемъ, но въ концѣ концовъ все, созданное и поддерживаемое Ариманомъ, должно исчезнуть: никакого зла въ мірѣ не будетъ. Между прочимъ въ изображеніи блаженнаго состоянія въ далекомъ будущемъ (имѣющимъ пройти извѣстныя степени совершенства) поражаетъ странная смѣсь крайне грубыхъ, чисто матеріальныхъ и очень возвышенныхъ подробностей. Такъ рядомъ съ господствомъ добродѣтели и правовѣрія поминаются очень прочныя, неизносимыя платья, способность быть сытымъ, не нуждаясь въ пищѣ, невысыхающія деревья, вкусные напитки, плотская любовь безъ дѣторожденія. Какъ ни дико все это на взглядъ современнаго человѣка, но очевидно, что въ общемъ жажда жизни и вѣра въ жизнь не покидала иранцевъ. Они стремились быть активными участниками всемірной борьбы добра и зла; ею проникнуты всѣ ихъ вѣрованія и преданія, ею заняты ихъ герои, какъ Исфендіаръ, Рустемъ, ихъ благочестивые цари, какъ Іемъ, ихъ пророки, какъ Зороастръ. Зло было для нихъ, служителей Ормузда, чѣмъ то внѣшнимъ и временнымъ. И это потому, что ихъ дуализмъ питался главнымъ образомъ (хотя конечно не исключительно) внѣшнею борьбой съ сосѣдними народами. Иначе у индусовъ. Первоначально и имъ были знакомы демоны, носители зла, какъ чисто внѣшніе враги. Спустившись въ долину Инда и потомъ Ганга, аріи встрѣтили туземное населеніе съ темной кожей и наконецъ отчасти покорили, отчасти уничтожили и разсѣяли его. Битвы съ этими «дазіями», врагами и вмѣстѣ съ тѣмъ демонами, оставили значительные слѣды въ индусскихъ преданіяхъ и даже въ жизни, потому что покоренные подъ именемъ судры заняли низшій слой общества. Кромѣ того разрозненные на мелкія племена, управляемые своими князьками, индусы и меж-

ду собой вели постоянныя войны, результаты которыхъ отражались въ миѳологіи преобладаніемъ бога того или другого племени побѣдителя. Это былъ народъ бодрый, веселый, склонный ко всякаго рода удовольствіямъ, повидимому даже до излишества. Вотъ отрывокъ изъ гимна бога Индры, напившагося священной и пьяной сомы: «Будто бурные вѣтры, возбудили меня выпитые напитки. Вѣдь я выпилъ сомы? Меня возбудили выпитые напитки, какъ быстрые кони (влекутъ) колесницу. Вѣдь я выпилъ сомы? Ко мнѣ достигла молитва, какъ корова (спѣшащая) къ своему теленку. Вѣдь я, и т. д. Оба міра (земля и небо) даже не составляютъ половины меня. Вѣдь я, и т. д. Небо превосхожу я величіемъ и эту пространную землю. Вѣдь, я и т. д. Вотъ, я эту землю поставлю сюда или туда. Вѣдь я и т. д. Быстро эту землю переброшу я сюда или туда. Вѣдь я, и т. д. Одна половина моя на небѣ, внизъ протянулъ я другую. Я величественъ, я возвышенъ до облаковъ. Вѣдь я пилъ сому?» (Всев. Миллеръ. «Очерки арійской миѳологіи», 96). Привожу этотъ образъ пьяно-веселаго бога, въ блаженствѣ котораго отразились чувства его почитателей, только для того, чтобы оттѣнить имъ позднѣйшіе, строго аскетическіе взгляды индусовъ на жизнь. Эти послѣдніе возникли подъ преобладающимъ вліяніемъ уже другого фактора, именно—внутренняго измѣненія общественнаго строя, развитія и обособленія кастъ. Не входя въ подробности, скажемъ только, что, хотя браминская метафизика, необыкновенно тщательно разработанная, была всегда чужда народу, которому нужны были яркіе, осязательные образы, но браминская мораль отреченія привилась и къ массѣ. Не одни брамины, а вообще «дважды рожденные», т. е. арійцы изъ разныхъ кастъ удалялись въ пустыни, лѣса и варварски себя мучили. Низшія касты, подавленныя работой, поборами, жестокостями, охотно склонялись къ браминской мысли, что тѣло есть нечистый домъ, который пріятно покинуть. Самъ великій реформаторъ и другъ всѣхъ угнетенныхъ, Будда, училъ, что источникъ зла есть желаніе, потребность, а потому надлежитъ какъ можно меньше дорожить жизнью и ея прелестями и ждать вѣчнаго успокоенія

въ небытіи, въ нирванѣ. Души униженныхъ и оскорбленныхъ жадно раскрывались передъ этимъ ученіемъ, признававшимъ, собственно говоря, непобѣдимость зла, потому что побѣдить его значило побѣдить свои собственныя потребности, ощущенія, чувства, свое собственное существованіе. Въ противоположность иранцамъ, искавшимъ зла во внѣшнихъ врагахъ и стремившимся по этому бороться со внѣшнимъ міромъ. индусы искали зла въ себѣ, въ своей вещественной, чувственной природѣ. Тѣ искали столкновенія съ внѣшнимъ міромъ, эти его боялись и бѣжали. Правда, и иранцамъ было знакомо это стремленіе сократить бюджетъ своей жизни, стремленіе признать грѣхомъ, зломъ новыя потребности. Но, какъ мы видѣли въ сказаніи о Дахакѣ, они и здѣсь винили не свою природу, а внѣшній и преходящій духъ зла во образѣ нечестиваго иностранца. Вотъ другое сказаніе о первыхъ людяхъ. Mashya и Mashyâna явились на свѣтъ въ видѣ растенія. Они были очень похожи другъ на друга, такъ что нельзя было узнать, кто изъ нихъ мужчина и кто женщина, при томъ же они были всегда обнявшись. Сначала они были чистыми созданіями, но злой духъ помутилъ ихъ мысль: они стали лгать, говорить безбожныя рѣчи и подпали подъ власть злого духа. Они одѣлись въ черное платье и пошли на охоту. Встрѣтили овцу, поѣли ея молока и вслѣдствіе этой первой пробы животной пищи испортились еще больше; потомъ поѣли мяса, стали рубить деревья и т. п., и, все больше приближаясь къ духу зла, дошли наконецъ до ссоръ, дракъ и жертвоприношеній демонамъ. Какъ видитъ читатель, здѣсь фигурируетъ тотъ же мотивъ, что и въ сказаніи о Дахакѣ: тоже полувраждебное отношеніе къ расширенію потребностей, то же признаніе ихъ исчадіемъ ада и новымъ источникомъ зла. Если хотите, тѣмъ же мотивомъ пронизаны всѣ индусскія религіозно-нравственныя системы: онѣ только рѣзче, обобщеннѣе выражаютъ мысль, что потребность, желаніе есть зло Но почему же такъ? Почему всякая, даже самая элементарная потребность, всякое, даже самое скромное желаніе есть зло? Читатель отчасти знаетъ нашъ отвѣтъ изъ прежнихъ статей: потому что, *при из-*

вѣстныхъ условіяхъ, жажда не соотвѣтствуетъ возможности утоленія, сила потребности не соотвѣтствуетъ возможности ея удовлетворенія, страстность желанія встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія или въ самой природѣ желанія, или во внѣшнихъ условіяхъ. Эти условія иранецъ могъ всегда указать пальцемъ: то были набѣги и нашествія иноплеменниковъ. Отъ младыхъ ногтей, иранецъ видѣлъ въ нихъ враговъ и потому, хотя и соглашался признать свои желанія и потребности зломъ, но не иначе, какъ навѣяннымъ со стороны, не въ немъ самомъ заключеннымъ, а находящимся во вражескомъ станѣ. Ясность врага, открытыя встрѣчи съ нимъ лицомъ къ лицу, какъ съ врагомъ, вели къ вѣрѣ въ побѣду, въ концѣ которой потребности не вырваны съ корнемъ, а удовлетворены: мы видѣли, что въ будущемъ блаженномъ царствѣ Ормузда люди не будутъ правда, принимать пищи, но будутъ вѣчно сыты и носить неизносимое платье. Самый вещественный міръ иранцы не признавали сплошь исчадіемъ зла, какъ не признавали сплошь добрымъ міръ духовъ. На свою жизнь они не накладывали руки ни въ настоящемъ, въ процессѣ борьбы добра и зла, ни въ будущемъ, въ побѣдѣ добра. Индусы напротивъ подвергнутые исторіей «самобытному», внутреннему гнету кастоваго строя, выраставшаго медленно, исподволь, вѣками, не могли съ такою ясностью указать враговъ. Покоренные судры могли конечно сказать: вотъ кто намъ мѣшаетъ ѣсть, пить, любить, молиться, говорить—вотъ эти „дважды рожденные“ арійцы, нагрянувшіе на насъ съ демонскою силою! Но даже самые подавленные изъ арійцевъ и самые смѣлые ихъ реформаторы протестовали не противъ тѣхъ, кто ихъ дѣйствительно давилъ, а противъ самихъ себя. Зороастръ гонялъ демоновъ съ лица земли. Будда выгонялъ ихъ изъ душъ одержимыхъ внутреннимъ демономъ желанія.

Безъ сомнѣнія, исторія Ирана, какъ исторія Индіи, не такъ однородны. Я имѣю въ виду только главные опредѣляющіе моменты, которые въ Иранѣ и Индіи выступаютъ все-таки яснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Такой ясности мы уже не увидимъ впослѣд-

ствіи, потому что вліяніе столкновеній съ людьми изъ за межи и вліяніе столкновеній, происходящихъ внутри межи, идутъ обыкновенно бокъ-о-бокъ и даже какъ бы оплодотворяютъ другъ друга.

Такъ или иначе, но подъ давленіемъ общественныхъ условій возникаетъ представленіе о добрѣ и злѣ, объ ихъ исконной враждѣ, о побѣдѣ, временной или вѣчной, зла. Добро сочетается съ понятіемъ о божествѣ, зло съ понятіемъ о дьяволѣ. Существуетъ мнѣніе, что дуалистическія воззрѣнія въ Европѣ, имѣвшія громадное значеніе въ собственно народной жизни, всѣ восточнаго происхожденія и преимущественно иранскаго съ примѣсью буддизма. Можетъ быть оно и такъ, но для насъ это неважно, потому что, если народъ самъ собой принимаетъ какое-нибудь вѣрованіе, хотя бы издалека, такъ, значитъ, оно ему по плечу пришлось. Ему остается только или измѣнить его формы, или вложить нѣсколько иное содержаніе въ подробности. Гильфердингъ разсказываетъ: «Отчего православный попъ не можетъ заклинать бѣсовъ и давать «записи» (талисманы), тогда какъ латинскій «фратръ» знаетъ, какъ совладать съ нечистой силой? спросилъ я у одной простой боснійской женщины. Вотъ почему: прежде у христіанъ (т. е., у православныхъ) и у латинъ былъ одинъ законъ (религія); но потомъ, когда явился «Рима-папа», то законы разошлись: нашъ ушелъ въ небо, а латинскій остался на землѣ. Оттого-то латинскій фратръ имѣетъ власть, какой попъ не имѣетъ». («Поѣздка по Герцеговинѣ» и проч., 456). Правда, значитъ, отлетѣла, и поневолѣ приходится поклониться злу, дьяволу и его слугѣ. Весьма вѣроятно, что это—прямой остатокъ богумильства, которое было отпрыскомъ манихейства, а манихейство въ свою очередь основалось на чисто восточныхъ элементахъ. Но это очевидно важно только въ историческомъ смыслѣ. Боснячка во всякомъ случаѣ знаетъ, что правда отлетѣла на небо. Знаетъ и наша Голубиная Книга въ снѣ о Правдѣ и Кривдѣ:

Возговорилъ Владиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ:

Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ!
Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось!
Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той стороны, со восточной,
А съ другой стороны, съ полуденной,
Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрàлись билися.
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ.—
Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ:
Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые сбѣгалися;
Это Кривда съ Правдой соходилися,
Промежду собой бились дрàлися;
Кривда Правду одолѣть хочетъ;
Правда Кривду переспорила,
Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу, царю небесному;
А Кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
По всей землѣ, по свѣтъ русской,
По всему народу христіанскому.
Отъ Кривды земля всколебалася,
Отъ того народъ весь возмущается:
Отъ Кривды сталъ народъ неправильный,
Неправильный сталъ, злопамятный.
Они другъ друга обмануть хотятъ,
Другъ друга поѣсть хотятъ.
Кто будетъ правдой жить,
Тотъ причаянный ко Господу,
Та душа и наслѣдуетъ
Себѣ царство небесное.

Понятно, какіе разнообразные, смотря по мѣсту, времени и обстоятельствамъ, узоры можетъ вышить народная дума на этой то смутной, то яркой канвѣ борьбы добра и зла, въ которую укладывается и космогонія, и мораль, и исторія, и прошедшее, и настоящее, и будущее. Правда отлетѣла, такъ или иначе. Ее добыть надо. Встаютъ поэты и пророки. Одни вспоминаютъ стародавнее житье, которое еще не знало ни наплыва иноплемен-

никовъ, ни соотвѣственныхъ внутреннихъ измѣненій. Вспоминаютъ и поэтизируютъ его, рисуютъ золотымъ вѣкомъ, въ которомъ все добро было и рѣки текли млекомъ и медомъ, и правда царила, всѣ сыты-одѣты были. Другіе напряженно вглядываются въ будущее и въ немъ ищутъ возможности водворить правду на землѣ. Сильные ненавистью къ настоящему, они вѣрятъ, что конецъ ему наступитъ скоро. И вотъ ихъ пѣсни и пророчества поднимаютъ бурныя, историческія волны: то идутъ добывать правду подвижники и вольница.

ПРИПИСКА *).

Давно уже, съ конца прошлаго столѣтія, раздаются протесты противъ того типа историческихъ писаній, который исключительно и всецѣло занимается войнами, перемиріями и мирами, перемѣнами династій и тому подобными, такъ сказать, верхними пленками общественной жизни. Протесты не прошли безслѣдно. Если исторія и до сихъ поръ нерѣдко трактуется на старый ладъ, то все-таки очевидны значительные въ этомъ отношеніи успѣхи. Мы видимъ дѣйствительно, что историки стараются слѣдить за экономическими условіями и за литературой, и за характеромъ религіозныхъ воззрѣній, и за нравами излѣдуемаго періода, и за многимъ другимъ, объ чемъ въ старые годы не говорилось или почти не говорилось. Дѣло подвинулось настолько, что сталъ возможенъ сравнительно историческій методъ въ приложеніи къ соціологическимъ вопросамъ, всестороннее изученіе общественныхъ явленій на исторической почвѣ. Но потому ли, что дѣло это все-таки еще вновѣ, или по другимъ какимъ причинамъ, есть не мало въ высшей степени любопытныхъ явленій, можно сказать, дѣвственныхъ, почти нетронутыхъ историками и соціологами. И по странной, хотя довольно понятной случайности, наименѣе изучаются тѣ явленія, которыя захваты-

*) «Приписка» эта составляетъ отрывокъ изъ одной главы «литературныхъ замѣтокъ» 1879 года, которую авторъ не счелъ нужнымъ перепечатывать цѣликомъ.

ваютъ наибольшее чи́сло людей и интересовъ. Это объясняется конечно прежде всего общественнымъ положеніемъ самихъ изслѣдователей. Какъ въ старые годы историка занимали дѣянія властей и главнымъ образомъ военныхъ властей, на службѣ которыхъ онъ непосредственно состоялъ, такъ нынѣшній историкъ сосредоточиваетъ свое мнѣніе преимущественно на дѣяніяхъ и интересахъ интеллигентнаго меньшинства, плоть отъ плоти котораго онъ самъ составляетъ. Масса народа, громадное большинство сѣраго, труждающагося и обремененнаго люда, силою врываясь на арену исторіи, заставляетъ правда иногда о себѣ говорить, но изъ этого разговора выходитъ въ большинствѣ случаевъ или холодный, чисто формальный рапортъ, или вопль ужаса въ виду грубости и звѣрства сѣрой массы, или наконецъ словесное воспроизведеніе тѣхъ лубочныхъ картинокъ, на которыхъ подъ огромными ногами огромной лошади огромнаго генерала проходятъ ряды маленькихъ солдатиковъ. Есть безъ сомнѣнія и очень цѣнныя изслѣдованія жизни сѣрыхъ массъ, но если количество ихъ сравнить съ числомъ хорошихъ работъ по исторіи различныхъ моментовъ жизни интеллигентнаго меньшинства, такъ это будетъ капля въ морѣ. Это натурально, но фактъ все-таки тотъ, что вещи, которыми живутъ тысячи, находятъ себѣ гораздо больше и гораздо болѣе тщательныхъ изслѣдователей, чѣмъ вещи, которыми живутъ тьмы. Понятно напримѣръ, что большинство историковъ склонно разсматривать въ микроскопъ какихъ-нибудь крохотныхъ коровокъ, букашекъ, мушекъ, тараканшекъ, подвизающихся на поприщѣ письменной литературы, съ восторгомъ говорить объ нихъ: „одни какъ изумрудъ, другіе какъ кораллъ“—и въ то же время не замѣтить слона въ устномъ народномъ творчествѣ. За послѣднее время, съ возникновеніемъ такъ называемой сравнительной исторіи культуры, дѣло какъ будто значительно измѣнилось въ смыслѣ болѣе справедливаго распредѣленія историческаго вниманія. Оно и дѣйствительно измѣнилось. Но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого безъ сомнѣнія серьёзнаго и почтеннаго движенія въ новѣйшей наукѣ. Историкъ на примѣръ старинныхъ, отжившихъ въ большинствѣ

цивилизованныхъ обществъ формъ землевладѣнія поневолѣ обращаетъ свой взоръ на ту многоголовую массу, въ которой тѣ формы еще сохранились вполнѣ или отчасти; но при этомъ онъ любопытствуетъ главнымъ образомъ знать, какимъ образомъ изъ поземельной общины выросла строго обрамленная частная собственность. Точно также историкъ умственнаго развитія интересуется первобытными формами мышленія и пониманія природы въ тѣхъ видахъ, чтобы объяснить себѣ свою собственную исторію, свою собственную и своихъ кровныхъ и близкихъ. Историкъ нравственности или политическихъ учрежденій, погружаясь въ глубь временъ и притягивая сюда по аналогіи факты изъ жизни низшихъ классовъ на ряду съ фактами изъ жизни дикарей, занятъ опять-таки только эмбріологіей интеллигентнаго меньшинства. Любое сочиненіе по исторіи культуры самою своею конструкціей показываетъ, что такова именно его цѣль, таковъ основной мотивъ изслѣдователя. Могутъ замѣтить, что психическій мотивъ изслѣдователя въ данномъ случаѣ не имѣетъ ровно никакого значенія и что разъ историкъ, углубляясь въ свою собственную эмбріологію, тѣмъ самымъ вынуждается изучать жизнь милліоновъ, дотолѣ остававшихся внѣ изученія, то болѣе справедливое распредѣленіе историческаго вниманія во всякомъ случаѣ осуществляется само собой. Но это замѣчаніе вѣрно только отчасти. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ отрицать плодотворное значеніе переживаемаго нынѣ наукой поворота къ изученію собственно народной жизни, жизни громаднаго большинства общества. Этотъ поворотъ будетъ засчитанъ современной наукѣ; онъ уже многое далъ и безъ сомнѣнія еще бо̀льшее дастъ. Но это солнце не безъ пятенъ.

Психическій мотивъ изслѣдователя—совсѣмъ не такая уже безразличная для хода и результатовъ изслѣдованія вещь, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. И въ настоящемъ случаѣ, если какой-нибудь Тайлоръ, Лёббокъ или любой другой историкъ культуры изучаетъ народную жизнь въ видахъ собственной эмбріологіи, то есть преимущественно для того, чтобы объяснить себѣ, какимъ образомъ изъ первобытнаго человѣка (современнаго

дикаря, мужика и собственно древняго человѣка) выработался именно онъ, Тайлоръ или Лёббокъ, то это можетъ оказать весьма неблагопріятное вліяніе на его работу. Это неблагопріятное вліяніе можетъ быть двоякое: философское и чисто фактическое. Съ философской стороны изслѣдователю грозитъ фатализмъ и доктринерская прямолинейность. Оглядываясь назадъ, проводя отъ себя до первобытнаго человѣка извѣстную линію, которою выражается исторія его собственнаго развитія (точнѣе и общѣе, развитія интеллигентнаго меньшинства), изслѣдователь естественно склоняется думать, что таковъ единственный и наилучшій путь, обязательный, слѣдовательно, и для нынѣ живущаго первобытнаго человѣка, то есть для дикаря и для народа въ тѣсномъ смыслѣ слова. Когда такой взглядъ высказывается открыто и поддерживается какими-нибудь доказательствами, тогда опасность не очень велика или по крайней мѣрѣ можетъ быть предотвращена критикой. Но дѣло въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ эта вѣра въ единый спасающій или даже единый возможный путь развитія остается невысказанною и даже несознанною. Она спасается поэтому отъ критики, но за то не поддерживается логическими доказательствами. И понятно, что еслибы она была даже вполнѣ основательна, такъ безсознательность ея, смутность, непродуманность должна все-таки невыгодно отразиться на работѣ историка. Съ фактической стороны изученіе народной жизни въ качествѣ эмбріологіи интеллигентнаго меньшинства точно также должно ложиться темными пятнами на работу историка. Признавая за единый спасающій и единый возможный путь развитія ту линію, которую онъ ведетъ отъ себя до первобытнаго человѣка, историкъ естественно удѣляетъ сравнительно ничтожную долю вниманія тѣмъ моментамъ народной жизни, которые не лежатъ на этой линіи, уклоняются отъ нея. Можно даже съ большою опредѣленностью указать, какія именно историческія явленія вслѣдствіе этого обстоятельства должны выкидываться и дѣйствительно выкидываются за бортъ науки, плохо изучаются или даже вовсе не изучаются. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, остановимся на

одномъ любопытномъ конкретномъ примѣрѣ замѣчательной исторической работы, впадающей въ обѣ помянутыя ошибки, то есть и въ философскую, и въ фактическую. Я разумѣю историческую теорію Лассаля.

Теорія эта слишкомъ извѣстна, чтобы стоило припоминать ее въ подробности. Для нашей цѣли достаточно вспомнить отношенія Лассаля къ крестьянскимъ войнамъ шестнадцатаго вѣка. Онъ признавалъ это крестьянское движеніе реакціоннымъ, такъ какъ, дескать, оно имѣло въ виду только послѣдовательнѣйшее и строжайшее проведеніе общаго принципа тогдашней эпохи, эпохи, уже приходившей къ концу вмѣстѣ съ этимъ своимъ принципомъ; движеніе клонилось къ послѣдовательному, чистѣйшему и строжайшему проведенію того принципа, что владѣніе должно быть господствующимъ началомъ и условіемъ, которое одно даетъ каждому человѣку право участвовать въ государственной власти. Нетолько крестьянамъ не приходило въ голову заявлять свои требованія просто отъ имени человѣка, разумнаго существа, но они не замѣчали и того, что уже народился и тихо, медленно, безъ всякихъ бурныхъ взрывовъ, но прочно развивался новый, въ то время дѣйствительно прогрессивный общественный принципъ—принципъ капитала. Въ немъ именно лежалъ залогъ дальнѣйшаго историческаго развитія, а крестьяне тянули колесницу исторіи назадъ или по крайней мѣрѣ въ сторону рѣшительно отживавшаго принципа землевладѣнія.

Очевидно происхожденіе этой части Лассаля, очевидна и ея фальшивость. Проводя прямую линію отъ своихъ собственныхъ воззрѣній назадъ къ среднимъ вѣкамъ, авторъ видитъ, что эти его воззрѣнія пришли на смѣну воззрѣніямъ буржуазнымъ, изъ которыхъ и выработались, какъ тѣ въ свою очередь выработались изъ средневѣковыхъ идей, которыя были ими затерты. Уловивъ этотъ стройный логическій порядокъ, авторъ склоняется къ мысли, что таковъ единственный и наилучшій путь развитія, и что слѣдовательно все, отклоняющееся отъ этого пути, во-первыхъ фатально обречено на погибель, а во-вторыхъ

и не заслуживаетъ большаго вниманія, какъ нѣчто случайное, какъ мелкая помѣха правильному теченію дѣлъ. Послѣдняго онъ не говоритъ конечно, не говоритъ, чтобы опальное историческое явленіе не заслуживало вниманія, но онъ дѣлаетъ больше, просто и прямо не обращаетъ вниманія. Посмотрите, съ какою точностью и обстоятельностью, хотя очень кратко, обрисованы въ упомянутой теоріи явленія, лежащія на большой дорогѣ прогресса, и какъ сравнительно пренебрежительно отдѣлывается она нѣсколькими словами отъ крестьянскаго движенія XVI вѣка. Она просто сбрасываетъ его въ сторону, какъ сбрасываетъ локомотивъ ничтожное препятствіе, положенное на прямолинейно-вытянувшіеся рельсы желѣзной дороги. Пренебреженія въ самомъ дѣлѣ такъ много, что даже фактическая сторона дѣла изображена совсѣмъ не вѣрно. Не вѣрно напримѣръ, чтобы крестьянамъ не приходило въ голову предъявлять свои требованія прямо отъ имени человѣка. Напротивъ эта мысль получила даже въ пѣснѣ народной очень рѣзкое выраженіе. Такъ французскіе крестьяне пѣли: „nous sommes hommes comme eux“, а у нѣмецкихъ и англійскихъ была въ ходу пѣсня съ замысловатымъ напоминаніемъ объ Адамѣ и Евѣ. Не вѣрно, чтобы въ области экономической и политической крестьянское движеніе имѣло своимъ девизомъ землевладѣніе, „какъ таковое“—оно имѣло въ виду интересы не землевладѣнія, а земледѣльческаго труда, а кромѣ того имъ отстаивалась религіозная свобода въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ Лютеромъ, съ котораго принято считать, съ котораго и Лассаль считаетъ новый, буржуазный періодъ исторіи. Безъ сомнѣнія въ крестьянскомъ движеніи было много темнаго, грубаго, невыработаннаго, много наконецъ такого, что прямо противорѣчило основнымъ принципамъ движенія. Но были ли свободны отъ этихъ недостатковъ другія, современныя крестьянскому движенію явленія и хотя бы напримѣръ тѣ самые роды принципа капитала, который Лассаль признаетъ для своего времени прогрессивнымъ? Достаточно вспомнить, что эти роды совершились при помощи гильдіи и цеха, въ которыхъ темнаго, грубаго и самопротиворѣчащаго

было конечно не меньше, чѣмъ въ крестьянскихъ движеніяхъ. Но дѣло въ томъ, что роды капитала можно, при помощи ряда положительныхъ и отрицательныхъ звеньевъ, привести въ преемственную историческую связь съ идеями Лассаля, а относительно крестьянскаго движенія XVI вѣка этого сдѣлать нельзя. Несмотря на свой страшный, кровавый характеръ, оно не дало долговѣчныхъ видимыхъ плодовъ и не изъ него росла дальнѣйшая исторія. Оно представляетъ какъ бы островъ, оторванный отъ материка исторіи, или полузаросшую травой проселочную дорогу, круто сворачивающую съ торнаго пути, которая давно заброшена, въ концѣ которой нѣтъ жилаго мѣста и былое значеніе которой только слабо сохранилось въ народной памяти.

Но не значитъ ли это, что подобныя историческія явленія и въ самомъ дѣлѣ не заслуживаютъ большаго вниманія? Отнюдь не значитъ. Правда вопросъ этотъ невольно приходитъ въ голову, но единственно потому, что мы уже очень привыкли смотрѣть на исторію, какъ на свою собственную эмбріологію. Какъ! картина безчисленныхъ кровавыхъ жертвъ, убійствъ, всяческихъ ужасовъ, картина жестокаго мщенія за жестокое поруганіе, картина безпомощной массы, съ величайшимъ напряженіемъ вырабатывающей и отстаивающей свой религіозный, нравственный и общественный идеалъ—эта картина не заслуживаетъ вниманія только потому, что ей нѣтъ мѣста въ нашей фамильной картинной галлереѣ? Это было бы безуміемъ гордости, если бы не было результатомъ недоразумѣнія. Но и наша собственная эмбріологія будетъ далеко не полна, если мы будемъ обходить подобныя на первый взглядъ «беззаконныя кометы среди расчисленныхъ свѣтилъ». Изученіе ихъ необходимо, изученіе самое тщательное, хотя бы уже потому, что любопытно же въ самомъ дѣлѣ знать, почему напримѣръ въ XVI вѣкѣ сотни тысячъ крестьянъ такъ упорно отказывались стать въ ряды нашихъ духовныхъ предковъ, ступить на тотъ историческій путь, который, по Лассалю или по кому другому, разстилался передъ нами такою ровною скатертью?

Историческая теорія Лассаля, несмотря на свое остроуміе, логическую стройность и вѣрность многихъ частныхъ замѣчаній, очень типична въ отношеніи этого презрѣнія къ историческимъ явленіямъ, которыя не могутъ быть приведены въ непрерывную преемственную связь съ нашимъ собственнымъ духовнымъ содержаніемъ. Типична и эта небрежная фактическая обработка опальнаго явленія, типична и эта безповоротная рѣшительность приговора: крестьянская война была явленіемъ реакціоннымъ, и именно потому реакціоннымъ, что она пыталась свернуть исторію съ той дороги, которая фактически соединяетъ средніе вѣка съ XIX вѣкомъ. Типично наконецъ и то, что опалѣ подверглось именно крестьянское движеніе.

Нетрудно въ самомъ дѣлѣ видѣть, что именно большія народныя движенія, и главнымъ образомъ крестьянскія, должны подвергаться и дѣйствительно подвергаются опалѣ историческаго невниманія. Разумѣется это дѣло относительное. Разнаго рода историческіе трактаты въ общемъ связномъ разсказѣ не могутъ совершенно миновать упомянутыя явленія. Не мало пожалуй есть и отдѣльныхъ монографій, имъ посвященныхъ. Но сравнительно, повторяю, все это—капля въ морѣ. А кромѣ того есть два способа обработки историческаго матерьяла, которыми почти никогда не затрогиваются народныя движенія, и это чрезвычайно характерно въ виду нѣкоторыхъ особенностей тѣхъ двухъ способовъ—разумѣю философско-историческія построенія и историческую беллетристику.

Что бы мы ни понимали подъ философіей исторіи—группировку-ли матерьяла въ частные соціологическіе законы, какъ это дѣлаетъ Бокль, или формулировку немногихъ общихъ гигантскихъ шаговъ человѣчества, какъ это пытались дѣлать напримѣръ Гегель, Контъ и многіе другіе,—несомнѣнно одно: народныя движенія игнорируются всѣми наличными опытами философіи исторіи. Это—фактъ, въ вѣрности котораго каждый самъ можетъ убѣдиться. И надъ нимъ стоитъ призадуматься. Онъ показываетъ, что до сихъ поръ не найдена такая высшая и общая точка зрѣнія, съ которой были бы замѣтны нити при-

чинъ и слѣдствій, связывающія окольныя явленія съ общимъ ходомъ исторіи. Не найдена конечно только потому, что ее безъ особеннаго упорства искали, хотя философія исторіи, казалось бы, самою своею задачею и самымъ титуломъ своимъ обязывается принимать въ соображеніе всю совокупность историческихъ фактовъ. Это характерно. Еще характернѣе отношеніе исторической беллетристики къ занимающимъ насъ явленіямъ. Дѣло въ томъ, что изо всѣхъ способовъ обработки историческаго матерьяла историческая беллетристика по необходимости отличается наибольшею чуткостью къ тому, что можетъ интересовать читателя. Она вѣдь имѣетъ дѣло не съ горстью спеціалистовъ, предъявляющихъ свои особенныя, справедливыя или несправедливыя требованія, даже не съ тою публикою, которая ищетъ популяризованнаго знанія, а съ громаднымъ большинствомъ читающаго люда. Драматическій, духъ захватывающій интересъ—вотъ, казалось бы, главное, что нужно этому люду, а этого добра народныя движенія; какъ литературный сюжетъ, даютъ конечно вволю. И все-таки беллетристическая эксплуатація этого сюжета составляетъ, сравнительно говоря, рѣдкость. Это зависитъ конечно оттого, что беллетристы чуютъ, что драматизмъ этого сюжета совсѣмъ чужой для большинства читателей, какъ и для нихъ самихъ впрочемъ, для беллетристовъ. Такимъ образомъ оба полюса обработки историческаго матерьяла—философія исторіи, вѣдающая черты наиболѣе общія, и историческая беллетристика, имѣющая дѣло съ яркими, конкретными образами,—обходятъ народныя движенія. Это—и результатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень наглядный симптомъ общей холодности къ предмету.

. . . . . .

Поступательный ходъ цивилизаціи постоянно будитъ новыя потребности въ людяхъ, но не всегда и не всѣмъ разбуженнымъ даетъ средства удовлетворенія. Бываютъ такіе историческіе моменты, когда эта неудовлетворенность достигаетъ крайняго напряженія. Тогда возникаютъ два, повидимому противоположныя, но несомнѣнно изъ одного источника вытекающія и весьма часто сливающіяся движенія: формируются вольница и

подвижники. Вольница стремится во что бы то ни стало, не останавливаясь ни передъ какими крайними средствами, добыть себѣ удовлетвореніе всѣхъ потребностей. Подвижники напротивъ, опять таки во чтобы то ни стало, стремятся заглушить свои потребности и довести ихъ до minimum'а. Не смотря на кажущуюся противоположность, эти два теченія вполнѣ родственны. Они всегда возникаютъ единовременно, рекрутируютъ свой персоналъ изъ однихъ и тѣхъ же слоевъ общества, имѣютъ однихъ и тѣхъ же враговъ и легко переходятъ другъ въ друга.

Имѣя подъ руками достаточный и достаточно разнообразный матерьялъ, не трудно вывести этотъ историческій законъ образованія вольницы и подвижниковъ, нетрудно указать, при какихъ обстоятельствахъ они должны неизбѣжно возникнуть. Но это отнюдь не значитъ, что имъ самимъ нетрудно возникнуть. Напротивъ роды ихъ крайне трудны. Огромныя умственныя усилія тратятся всякій разъ на образованіе этихъ противоположныхъ идеаловъ, хотя они постоянно повторяются въ исторіи. Эта затрата велика не только потому, что напрягается мозгъ темныхъ, непривычныхъ къ отвлеченному мышленію людей, но и потому еще, что большія массовыя движенія не знаютъ раздѣленія идеаловъ на индивидуальные и общественные. Личная нравственность и общественный идеалъ сопрягается для нихъ неразрывно и требуетъ единовременной выработки.

Понятно, что эта задача и сама по себѣ не легкая, а потому здѣсь возможны весьма разнообразныя и весьма печальныя заблужденія. Возможны конечно несомнѣнныя мерзости и ловленіе рыбы въ мутной водѣ. Но рядомъ съ ними имѣютъ мѣсто и чистѣйшія заблужденія, то есть такія, на которыя способны только чистѣйшіе люди, иногда лучшіе люди своего времени, не поставленные въ неблагопріятныя условія. Большія массовыя движенія легко осложняются сектантствомъ, а секта, какъ нѣчто замкнутое въ себѣ, нетерпимое и въ добавокъ еще часто преслѣдуемое и потому вынужденное скрываться, трудно провѣтривается со стороны. Голосъ критики или не проникаетъ въ нее, или исходитъ изъ такихъ источниковъ, которые въ гла-

захъ секты не имѣютъ ни малѣйшаго авторитета. Такимъ образомъ тяжелая работа выясненія идеаловъ личной нравственности и общественнаго благоустройства производится въ совершенной темнотѣ, застоявшемся, спертомъ воздухѣ.

Кромѣ разнаго рода заблужденій, почти неизбѣжныхъ при такомъ порядкѣ вещей, окружающая темнота способствуетъ еще возвышенію царьковъ и божковъ, вообще людей, пользующихся диктаторскимъ значеніемъ. Масса, утомленная непосильной духовной работой, жаждетъ вождя, облеченнаго не то что диктаторской, а даже божественной силой. И такой вождь является во исполненіе всеобщихъ ожиданій. Большею частью онъ прикрывается какимъ-нибудь и почему-нибудь авторитетнымъ именемъ, каковы всѣ лже-мессіи и самозванцы, иногда сами вѣрящіе въ свою мессію, иногда сознательно играющіе роль.

Къ тому же результату ведетъ склонность всякой массы къ подражанію. Нѣтъ надобности, чтобы всѣ, вовлеченные въ широкое движеніе, на себѣ лично испытали во всемъ объемѣ его коренной мотивъ, то есть ту неудовлетворительность потребностей, которая разрѣшается требованіемъ *всего* у вольницы и отреченіемъ отъ *всего* у подвижниковъ. Достаточно, чтобы на тотъ или другой изъ этихъ путей энергически вступила выдающаяся личность, и ея примѣръ заразитъ многихъ.

Вотъ очень бѣгло, очень схематически намѣченныя рамки, которыя намъ предстоитъ теперь наполнить плотью и кровью конкретныхъ историческихъ явленій.

. . . . . .

Въ извѣстныхъ «Страдахъ» скопческаго лже-христа Кондратія Селиванова разсказывается, что, когда его везли въ Сибирь, онъ встрѣтился съ Пугачевымъ. «И его провожали полки полками, разсказываетъ Селивановъ:—и тожъ подъ великимъ везли карауломъ его; а меня везли вдвое того больше, и весьма строго везли. *И тутъ, который народъ меня провожалъ, за нимъ пошли, а которые его провожали, за мной пошли*». Трудно рѣшить, что хочетъ сказать этими словами Селивановъ: говоритъ-ли онъ о взаимномъ обмѣнѣ конвоя, что мудрено, или о толпѣ любопыт-

ныхъ, или наконецъ о сочувствующихъ, поклонникахъ, такъ какъ раньше у него шла рѣчь между прочимъ и о такого рода провожатыхъ? *) Послѣднее повидимому допустить труднѣе всего, но подчеркнутыя слова сами собой напрашиваются на иносказательное, символическое толкованіе, и тогда получаютъ глубокій смыслъ. Въ то самое время, когда Мировичи и Орловы рвали другъ друга и сами надрывались, чтобы «нажиться и произойти въ чины», въ глубинѣ Россіи шла напряженнѣйшая духовная работа. Подкладку ея составляла все та же Magenfrage, все тотъ же вопросъ желудка, который всегда составляетъ основную интимную пружину исторіи. Но тогда какъ для Орловыхъ и Мировичей этотъ матеріальный вопросъ не претворялся ни въ какую высшую, идеальную задачу и измѣнялся не качественно, а количественно, въ смыслѣ расширенія сферы съѣдобныхъ веществъ, въ народныхъ массахъ дѣло шло иначе. Народу плохо жилось и онъ тревожно и напряженно спрашивалъ себя: какъ жить? онъ ли самъ или кто другой виноватъ въ томъ, что ему плохо живется? какъ устроить, чтобы кончилась вся эта драка съ голоду и съ жиру? Отвѣты получились тѣ-же, которые при подобныхъ обстоятельствахъ всегда получали взволнованныя массы: или надо расширить свой жизненный бюджетъ до возможныхъ предѣловъ, причемъ недостающее придется взять силой, или напротивъ надо этотъ жизненный бюджетъ сократить до послѣдней возможности, бѣжать соблазновъ міра. Эти два рѣшенія. неизбѣжныя для взбаламученнаго народнаго моря, долго бродятъ съ разными посторонними приставками и урѣзками, несознанныя, невысказанныя, не формулированныя, потомъ начинаютъ мало по малу отливаться въ опредѣленныя формы и наконецъ находятъ личность, какъ бы замыкающую ихъ неровное, тре-

*) Надеждинъ объясняетъ этотъ апокрифъ хвастовствомъ Селиванова: дескать, «полки» отошли отъ самозванца къ нему, Селиванову, настоящему Петру III и Христу. Безсмыслица этого объясненія очевидна сама собой такъ какъ по разсказу самозванцы обмѣнялись провожатыми.

петное развитіе. Такихъ личностей можетъ быть разумѣется за разъ нѣсколько, потому что два кардинальные типа программы жизни могутъ распадаться на нѣсколько подвиговъ. Нѣтъ также необходимости, чтобы эти замыкающія личности сами выработали формулу рѣшенія, они могутъ и чужими трудами воспользоваться и даже быть орудіемъ менѣе выступающихъ дѣятелей. Намъ нѣтъ надобности разбирать эти подробности относительно Пугачева и Селиванова. Несомнѣнно одно: они замыкаютъ собою два параллельныя и единовременныя броженія, на первый взглядъ діаметрально противоположныя. Пугачевщинѣ предшествовали многочисленныя мелкія вспышки, скопчеству—разныя мистическія секты, въ особенности люди Божіи, хлысты. Пугачевъ манилъ къ себѣ волей и всякими земными благами, Селивановъ—«голубиною» чистотою, отреченіемъ отъ земныхъ благъ, причемъ какъ бы пробнымъ камнемъ бралось безповоротное отреченіе отъ «лѣпости», отъ напряженнѣйшаго послѣ потребности дыханія и голода, требованія человѣческой природы. Безобразіе скопческаго рѣшенія, крайняя грубость его гарантировали сами по себѣ, что оно не будетъ принято сколько-нибудь значительнымъ большинствомъ народа. Но надо имѣть въ виду, что это только одно изъ подвижническихъ теченій, бросающееся въ глаза неумолимою послѣдовательностью своей односторонности. Оно дополняется другими теченіями, изъ которыхъ укажемъ только на бѣгунство или странничество, возникшее въ ту же эпоху. Въ одной изъ бѣгунскихъ пѣсенъ изображется разговоръ «прекрасной пустыни» съ неофитомъ. Пустыня пугаетъ:

У меня же во пустынѣ
Нѣту сладкія то пищи,
Нѣту питія медвяна,
Нѣтъ цвѣтного то платья,
Нѣту свѣтлыя палаты.
У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить,
У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ разгуляться.

Неофитъ объявляетъ, что «гнилая колода» ему милѣе слад-

кой пищи, болотная вода милѣе медвянаго питья, черная схима дороже цвѣтного платья, а разговаривать онъ хочетъ только съ «матерью-пустыней».

Казалось бы, грозная, звѣрская, жадная къ жизни пугачевщина не можетъ имѣть ничего общаго съ подобными самобичеваніями. И все-таки нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Пугачевъ и Селивановъ помѣнялись провожатыми. Дѣло не въ томъ только, что оба самозванца опирались на одно и тоже довѣріе народа къ царю, какъ къ власти столь высокой, что для нея ненужно и не возможно пристрастіе, несправедливость, и что оба они избрали себѣ имя именно Петра III, отъ котораго народъ въ особенности ждалъ льготъ. Титулъ Христа Селивановъ не самъ выбралъ, а получилъ по преданію. Этого мало. Источникъ обоихъ движеній несомнѣнно одинъ и тотъ же: тяжелое матеріальное положеніе. Врагъ одинъ и тотъ же: наличный порядокъ. Конечный идеалъ общественнаго устройства, у обоихъ не особенно ясный, имѣетъ опять таки много общаго. Объ этомъ впрочемъ мы распространяться не будемъ. Идеалы личной нравственности правда очень различны, но выборъ ихъ часто опредѣляется разными, легко измѣняющимися случайностями, особенно при трудности рѣшенія этихъ вопросовъ для темной массы. Вожди, замыкающіе броженіе, являющіеся наиболѣе яркими и мыслящими его представителями, и тѣ нерѣдко мѣняютъ *все* на *ничто* и обратно. Стенька Разинъ былъ въ свое время аскетъ, знакомый съ соловецкимъ монастыремъ, а вождь гайдамаковъ Железнякъ побывалъ когда-то въ кіевскомъ монастырѣ. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя черты психологіи Запорожской Сѣчи. Извѣстенъ аскетизмъ этой вольницы по отношенію къ женщинамъ. Извѣстно также, что буйный разгулъ и пьяное веселье запорожца нерѣдко кончались торжественнымъ прощаньемъ со свѣтомъ, при которомъ, напившись, наплясавшись и нащеголявши въ послѣдній разъ, казакъ поступалъ въ монастырь. Такова великая тайна народной души, въ выдающихся своихъ представителяхъ незнающей компромиссовъ и половинныхъ сдѣлокъ. Но велика и темнота народной массы, а потому не надо удивляться

что мысль ея, тревожно бѣгая по линіямъ двухъ приведенныхъ крайнихъ рѣшеній, путается, спотыкается. Несомнѣнно, что большія народныя движенія, осложненныя и неосложненныя сектанствомъ, всѣ сводятся къ одному изъ двухъ типовъ: вольницы и подвижниковъ. Этому нисколько не противорѣчатъ второстепенныя различія въ предѣлахъ самыхъ этихъ типовъ, вызванныя случайными обстоятельствами времени и мѣста: можно найти не мало различій напримѣръ между ессеями: богумилами, бѣгунами и скопцами, но это все таки будетъ одинъ и тотъ же типъ подвижниковъ. Не противорѣчатъ этому и массовые или единоличные переходы отъ одного типа къ другому—или даже временное совмѣщеніе ихъ: если многіе аскетическія секты предаются иногда крайнему распутству, то логически все-таки не трудно отличить эти два момента. Переходы же эти просто объясняются окружающею темнотою, которая, обусловливаясь отсутствіемъ критики вслѣдствіе замкнутости преслѣдованій или ограниченнаго умственнаго кругозора, затрудняетъ выходъ. Ища этого выхода, мысль толкается изъ стороны въ сторону. Тѣмъ паче понятно единовременное существованіе обѣихъ крайностей, если онѣ не сливаются, не переходятъ другъ въ друга. Ессей въ бѣлой одеждѣ, символически выражавшей его чопорную чистоту и кротость, встрѣчался и долженъ былъ встрѣчаться въ Іерусалимѣ съ террористомъ зелотомъ и съ сикаріемъ, у котораго подъ полой былъ спрятанъ ножъ для убійства изъ-за угла. Много ужасовъ и много даже грязи выступаетъ на арену исторіи, когда поднимаются подвижники и вольница. Но это неизбѣжно, и надо помнить, что единовременное ихъ появленіе свидѣтельствуетъ о глубокой внутренней работѣ, совершающейся къ сожалѣнію по той или другой причинѣ въ потемкахъ.

КОНЕЦЪ.

Библиотека
Православ. Академіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Теорія Дарвина и общественная наука.

I. Теорія Дарвина и соціологическіе выводы изъ нея Густава Іегера 1
II. Теорія Дарвина и телеологія 58
III. Теорія Дарвина и либерализмъ 116
IV. Замѣтки о дарвинизмѣ 154

Борьба за индивидуальность.

I. Введеніе 191
II. Семья 243
Не нами міръ начался и не нами кончится. — Къ теоріи борьбы за индивидуальность.—Практическіе и идеальные типы.—Типы и степени развитія.—Отсутствіе семьи, какъ исходная точка супружескихъ и родительскихъ отношеній.—Факты, характеризующіе эти отношенія въ глубокой древности —Теорія любви Шопенгауера.—Теорія любви Геккеля.—Любовь съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность.—Миѳъ Платона о происхожденіи половыхъ различій.
III. Семья (*продолженіе*) 304
Кувада.—Нѣсколько словъ о положеніи дѣтей.—„Женовластіе“ Бахофена.—Сказки о женскихъ царствахъ, амазонки.—Миѳы Беллерофона и проч.—Второстепенныя черты женовластія.—Правая и лѣвая рука.—Борьба за индивидуальность и борьба за существованіе. — Гипотеза г-жи Ройе.—Существуетъ ли общее женское дѣло.—Любовь въ средніе вѣка.
IV. Семья (*окончаніе*) 353
«Нравственное самообузданіе» Мальтуса. — Объясненіе Лекки.—«Дисгармоническіе періоды» г. Мечникова.—Избытокъ любви —Творческое начало семьи и ея смерть, какъ организма.—Несоразмѣрность потребностей съ условіями удовлетворенія. — Вольница и подвижники. — Гетеры и іогины.—Антагонизмъ индивидуальности и генезиса.—Заключеніе.

Вольница и подвижники 403
Приписка 452